

история / history

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ЗОДЧЕСТВО-2009

Москва, Центральный выставочный зал «Манеж»
15-18 октября 2009 г.

**ИНДЕКС
УСТОЙЧИВОСТИ**

Главный приз фестиваля –
Российская национальная премия
в области архитектуры

«Хрустальный Дедал»

Учредитель фестиваля – Союз архитекторов России
www.zodchestvo.com

зимник 09	
Зимник-Х.....	2
события	
Ежегодная сессия РААСН.....	16
Отчетный доклад А.П. Кудрявцева.....	18
От объектной типологии к пространственной типологии.....	24
Энергия архитекторов против мирового кризиса.....	26
Европейская награда за инвестиции в недвижимость.....	26
Архитекторы всего мира начинают борьбу за архитектурный «Оскар»!.....	26
Россияне впервые в их числе.....	26
трибуна	
Самоуправление как школа демократии.....	27
мастера	
Умей ценить успехи и неудачи.....	30
Я хочу сотрудничать с природой.....	34
интернет-дайджест.....	37
ландшафт	
Любите ли вы сады?.....	38
Кайское наследие.....	38
выставки	
Архитектор сам по себе.....	46
строительные технологии.....	48
Инновационная разработка «Система "Байкал"».....	48
новостройки	
Бизнес-центр «Академический».....	49
Бизнес-центр «ЛИНКОР».....	52
Бизнес-центр «Невский, 38». Реконструкция и реставрация памятника архитектуры первой трети XVIII века.....	55
интернет-дайджест.....	58

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проект россия Барту Голдхоорну и издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева

выпускающий редактор,
корректор
Инееса Бражникова

литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева

редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов

редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Артем Ольшевич

арт-директор
Жанна Измайлова

Выражаем благодарность за участие в подготовке номера Татьяне Анненковой, Светлане Тимоховой, Ларисе Крыловой, Анастасии Потаповой,

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной

информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

фото на обложке
Здание музея ВСОИРГО (ныне Иркутский областной краеведческий музей),
Иркутск, ул. К. Маркса, 2.
Фото Алексей Чертилов

печать
ООО «Призма-Пресс»,
г. Иркутск, ул. Рабочего Штаба, 78/5.

Тираж
3000 экз.

Подписано в печать
26.05.09

периодичность
4 раза в год

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Зимник-Х

С 9 февраля по 1 марта 2009 года в Иркутске проходила 10-я юбилейная сессия Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета «Культура уличного пространства города».

Гармония пространства и архитектурной среды, высотность зданий, путешествие в стилях и эпохах, многофункциональность и зеленые пространства – все это сформировано с помощью улиц. Здесь происходит знакомство с его обликом, атмосферой. Именно улицы формируют имидж и ауру города; в связи с этим в современной градостроитель-

ной и дизайнерской практике появились термины streetscape – ландшафт улиц, sustainable streets – устойчивые улицы, livable streets – комфортные, приятные для жизни улицы.

Для Иркутска, претендующего на статус исторического города и центра туризма, ландшафтные улицы приобретают особое значение. К сожалению, сегодня облик иркутских

улиц оставляет желать лучшего. Они не отвечают как современным техническим требованиям, так и современным градостроительным принципам. Один из путей повышения привлекательности Иркутска и обретения им своего неповторимого облика – ландшафтное проектирование улиц.

Приближающийся 350-летний юбилей нашего города – хороший повод сформировать привлекательный облик города, преобразяя улицы. Все это определило выбор темы 10-й юбилейной сессии Международного Байкальского

Зимнего градостроительного университета и приуроченного ко времени его проведения (24-25 февраля) Международного научно-методического коллоквиума «Градостроительный проект – ландшафтная улица в городе».

В работе 10-й сессии МБЗУ принимали участие представители Франции, Германии, Китая, Монголии, Ливана, Канады и России, из которых было сформировано шесть международных междисциплинарных проектных команд.

В работе международного коллоквиума приняли участие

представители российских и зарубежных университетов, работники областных и городских администраций под патронажем: Российской академии архитектуры и строительных наук, Европейского университета урбанистики (г. Сержи-Понтуа, Франция), Сибирского федерального университета, Иркутского государственного технического университета, администрации Иркутской области, администрации города Иркутска.

В современном градостроительстве улица рассматривается как полифункциональное пространство, в котором транспортные функции не доминируют над остальными (sustainable streets, livable streets); уличное пространство (streetscape) является синтезом градостроительных, архитектурных, дизайнерских

и инженерных решений. В ходе коллоквиума современное видение проблематики наших улиц рассматривалось в нескольких аспектах:

- Транспорт (транзитное движение, доступ к зданиям и объектам тяготения).
- Городская среда (визуальная привлекательность, архитектура фасадов, ориентация).
- Социальные функции (условия проживания, передвижения на транспорте, передвижения пешком, рекреация).
- Экология (флора, микроклимат, качество воздуха).
- Экономические факторы – влияние на развитие и рыночную стоимость инфраструктуры и застройки.

Отечественный и зарубежный опыт на лекциях и мастер-классах представляли эксперты: профессор Дрезденского технического

университета Барбара Энгель (Дрезден, Германия), профессор Штутгартского университета Вальтер Фогт (Штутгарт, Германия), профессор Высшей школы экономических наук и бизнеса Марк Диле (Париж, Франция), директор по науке Европейского университета градостроительства Мишель Жауен (Париж, Франция), зам. директора Высшей школы архитектуры и ландшафта Патрис де Рендинжер (Бордо, Франция), профессор Московского государственного строительного университета, ведущий специалист ЦНИИП градостроительства Андроник Андроникович Агасьянц (Москва), профессор архитектурного факультета Сибирского федерального университета Ирина Валерьевна Кукина (Красноярск).

Программа коллоквиума была очень насыщенной: лек-

ции, мастер-классы, поездки на Байкал в Листвянку, в Тальцы, на Малое море, экскурсии по городу и, как неотъемлемая часть, неформальное общение и прогулки по вечернему городу. 26 февраля в Доме архитектора состоялся заявленный в программе коллоквиума круглый стол «Летняя реставрационная школа» (читайте статью на стр. 119).

Участники и гости коллоквиума отметили 10-летний юбилей Байкальского Зимнего градостроительного университета и от всей души поздравили бесменного директора «зимника» Бориса Трофимовича Литвинова; они поблагодарили его за напряженную работу и пожелали отметить еще не одну юбилейную сессию Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета.

Команда А – II место

1. Андраэ Пальмиоли, Технический университет Дрездена, Германия / Университет Венеции, Италия
2. Нозми Симар-Дюпиу, Университет Монреаля, Канада
3. Артем Ольшевич, Иркутский государственный технический университет
4. Евгений Свекровин, ИркутскгипродорНИИ
5. Бенджамин Зоннтаг, Технический университет Дрездена, Германия
6. Тарек эль Кассуф, Университет Касилика, Ливан

Концепция:
«Наше пространство создают люди... Мы хотим видеть людей счастливыми уже сейчас!»
Мы разбиваем механизм действий на несколько этапов.
Первый этап: важной составляющей жизни является социальная среда. Поскольку улица наиболее благоприятна для коммуникации, наша цель – создать то пространство, которое бы побуждало людей объединяться вместе и прово-

дить там время. Стать основным элементом этой среды.

Наше предложение
Создание новых инициативных групп на базе уже существующих творческих объединений, детских студий, театров, спортивных секций, которые могут использовать данное пространство улицы для реализации своих проектов.

Что такое инициативная группа?

Мы предлагаем четкую схему действий:

1. Главенствующая организация – например, администрация, университеты и др.
2. Базовая организация – молодежные объединения, различные профсоюзные организации и др.
3. Фундаментальный сегмент – руководящая группа.
4. «Плавающий» сегмент – постоянно-образовывающие или уже образованные коллективы, свободные в своем творчестве: художники, актеры, музыканты...
5. Общество – люди, как участники процесса, так и пассивные зрители.

Данная схема может быть представлена таким же

существующим в Иркутске примером, как Клуб молодых архитекторов, созданный на базе Союза архитекторов России, где Союз выступает в роли главенствующей организации.

Далее следует:

Руководящая группа – организационный комитет и активные группы – модераторы, организующие альтернативные акции в пространстве города.

Финансово клуб поддерживает союз архитекторов, различные акции осуществляются за счёт спонсоров.

Основные мотивации работы групп и клуба в целом – это творческое самовыражение, новые связи, способность проявить себя как лидера, хорошо провести свободное время.

Это система гибкого механизма применима ко всем творческим объединениям, и, как уже могут видеть жители Иркутска, она реально работает!

Как воплощение этой системы могли бы быть:

- выставки в подземных переходах;
- создание временных инсталляций на улицах, таких, как места встреч;

– проведение фото- и музыкальных перформансов на улицах.

На улице Лермонтова инициаторами могли бы быть студенты, на улице Байкальской – родители и дети, на улице Декабрьских Событий мы можем привлечь сотрудников предприятий, расположенных на этой улице, и туристов в новую общественную жизнь города!

А теперь рассмотрим три улицы города Иркутска, каждая из которых своеобразна и уникальна, со своим потенциалом и проблемами.

Улица Декабрьских Событий
Эта улица ориентирована на «туристов и рабочих», поэтому, в качестве предварительной концептуальной идеи, интересно интегрировать уличное пространство с рекреационными зонами и общественными пространствами, изменить функции некоторых деревянных домов и создать парковочные места.

На основе градостроительного анализа городской ткани мы предлагаем кон-

ЦЕЛЬ :

-для того, чтобы сделать улицы привлекательными и пригодными для жилья прежде всего нужно адаптировать их для социальных нужд
- все принимается во внимание для того, чтобы интегрировать людей и общественные пространства

-необходимо сделать каждую из улиц более открытой и отличной от других

КАК ?

Этого можно достичь воспринимая город как единое целое и принимая во внимание в первую очередь крупные масштабы

- Нужно помнить о том, что каждая улица своеобразна, а значит у каждой из них свой потенциал и свои проблемы
- ул. Лермонтова - образовательный центр
- ул. Байкальская - жилая зона
- ул. Декабрьских Событий - бренд для туристов, историческое наследие
- создавая новые пространства, с новым функциональным наполнением и продвигая окружение, рекреационные зоны и городские пространства
- поддерживая развитие крупных предприятий

1- ГЛОБАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИТУАЦИИ В Г. ИРКУТСКЕ

у города огромное историческое своеобразие. однако необходимо создать однородную связь между застройками прошлого и будущего.
[три данных улицы являются важными географическими точками города и у каждой из них должен быть более привлекательный социальный облик.]

ВЫВОДЫ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ВАЖНЫХ АСПЕКТОВ, СОЗДАТЬ:

- ➔ УНИКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ
- ➔ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ
- ➔ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

ЖИЗНЕПРИГОДНАЯ СИСТЕМА:

3 МАГНИТА ПРИТЯЖЕНИЯ -

цептуальную идею островов, которая состоит в создании зеленого пространства, окружающего деревянный дом. Визуально он будет сохранять исторический облик, ограждая деревянный дом от более новых построек. А также такой барьер может быть преградой для прямого контакта машин, проезжающих по улице, с домом.

Для уличного пространства идея заключена в изменении композиции проезжей части путем создания парковок прямо на улице. Это будет гораздо эффективнее, улицы станут зеленее. Наполненные новыми функциями деревянные дома будут привлекать туристов и рабочих, и экономика города увеличится. В конечном итоге, путем координации всех этих элементов мы получаем привлекательную улицу комфортную для жизни.

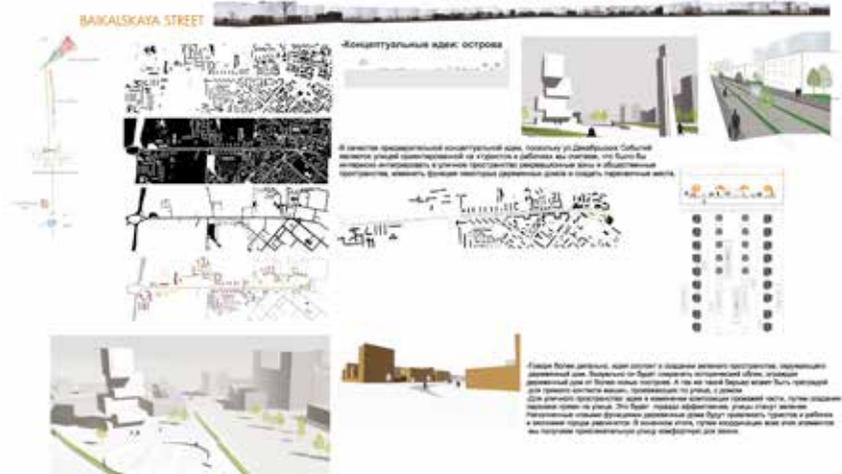
Улица Байкальская
Улица Байкальская обладает огромным потенциалом, используя который мы получим новую уникальную пространственную среду. Важно сохранить своеобразие улицы и адаптировать ее для людей. Прежде всего, необходимо созда-

ние зоны развлечений для семейного отдыха.

Концептуальной идеей является возвращение улицы жителям путем наполнения пустых пространств новыми функциями (музей, игровые площадки, зеленые насаждения).

Также представляется интересным выделение пешеходных путей. К примеру, выделить отдельные полосы для движения автомобильного транспорта, движения автобусов и протянуть надземные пешеходные переходы для обеспечения безопасности людей.

Более детально, мы предлагаем иметь зрительные доминанты по обеим сторонам улицы. Они станут как бы визитной карточкой улиц, делая акцент на зрительном восприятии. Их функцией будет объединение людей в одном месте. Это могут быть музеи или концертные площадки. Или, например, крупный шопинг-молл на другой стороне улицы, рядом с кольцом... Такие доминанты всегда должны создаваться для жителей улицы... Все эти меры в комплексе могут сделать улицу Байкальскую более пригодной и комфортной для жизни.

Улица Лермонтова
Образовательный центр... проблемы... потенциал.

Для начала необходимо сделать улицу привлекательной для студентов, путем создания подземных магазинов и всех необходимых функций непосредственно на улице.

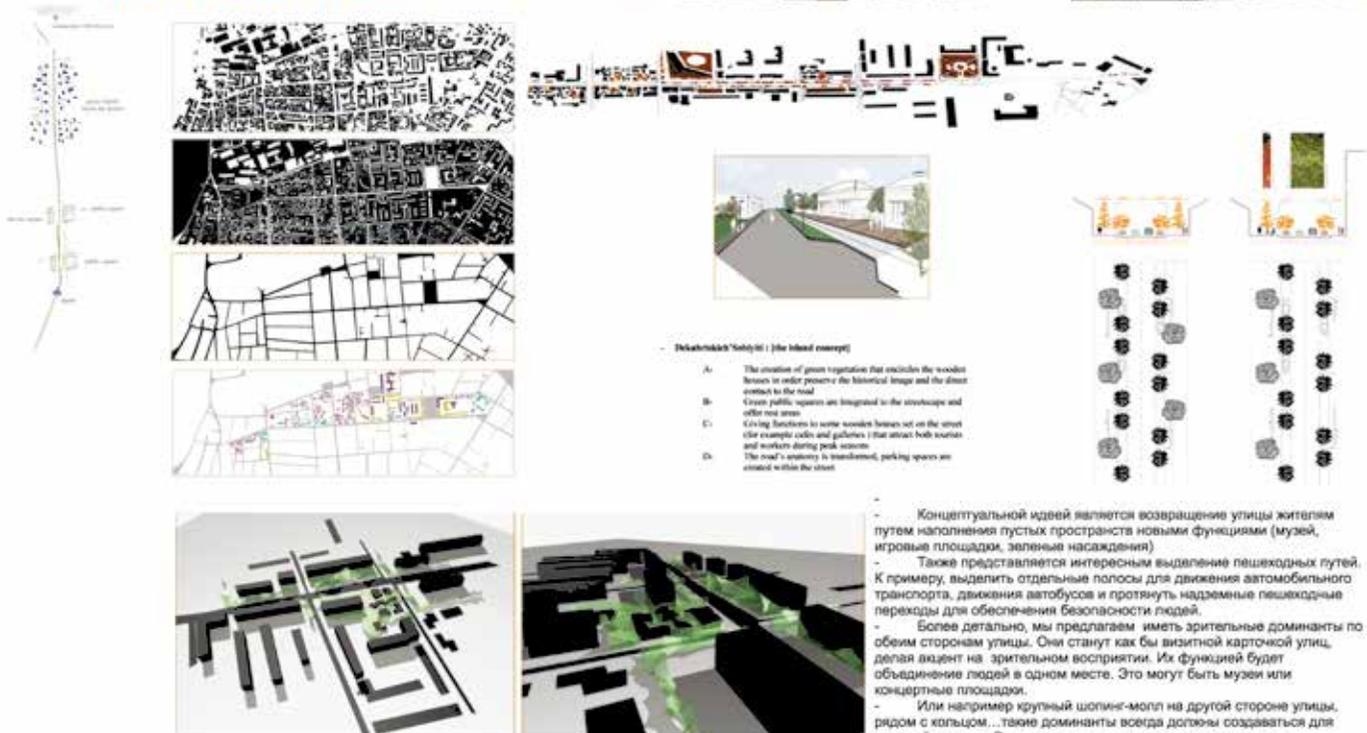
Основная идея: изменить транспортную сеть для того, чтобы уменьшить потоки транспорта, обеспечить безопасность людей, развить зеленые пространства, существующие вокруг района, создать новые зеленые

зоны, открывающие вид на реку и способные собирать студентов вместе для мероприятий на открытом воздухе (фестивалей, выставок, уличных рынков).

Основная концепция применима ко всему городу: постепенная трансформация архитектуры советского периода путем внедрения «секций» в структуру зданий поможет приобрести привлекательный облик, отдавая приоритет природе.

Создавая улицу – мы создаем пространство для жизни, столь нужное всем нам.

DEKABR'SKICH SOBIYIN STREET

- A - The creation of green vegetation that encloses the wooden houses in order to preserve the historical image and the street contact to the road
- B - Green public spaces are integrated to the streetscape and offer rest areas
- C - Living functions to some wooden houses set on the street (for example cafes and galleries) that attract both tourists and workers during peak seasons
- D - The road's anatomy is transformed, parking spaces are created within the street

Концептуальной идеей является возвращение улицы жителям путем наполнения пустых пространств новыми функциями (музей, игровые площадки, зеленые насаждения).
Также представляется интересным выделение пешеходных путей. К примеру, выделить отдельные полосы для движения автомобильного транспорта, движения автобусов и протянуть надземные пешеходные переходы для обеспечения безопасности людей.
Более детально, мы предлагаем иметь зрительные доминанты по обеим сторонам улицы. Они станут как бы визитной карточкой улиц, делая акцент на зрительном восприятии. Их функцией будет объединение людей в одном месте. Это могут быть музеи или концертные площадки.
Или например крупный шопинг-молл на другой стороне улицы, рядом с кольцом... такие доминанты всегда должны создаваться для жителей улицы... Все эти меры в комплексе могут сделать ул. Байкальскую более пригодной и комфортной для жизни.

Команда В – победитель (I место)

1. Танг Мин, Университет Тонгдзи, Шанхай, Китай
2. Дарья Татарина, Иркутский государственный технический университет
3. Лори Мартин, Высшая коммерческая школа, Франция
4. Олег Манейлов, Иркутск, ГипродорНИИ
5. Эрванн Лано, Высшая школа архитектуры и ландшафта, Бордо, Франция
6. Парк Енок, Конквукский университет, Южная Корея

Концепция:
«Создание двух колец»
Мы предлагаем создание внешней кольцевой дороги, которая позволит сократить транспортные потоки в центре города, и улучшит сообщение с другими городами (Москва, озеро Байкал).
Внутренняя кольцевая дорога предназначена для общественного транспорта, именно она будет опреде-

лять сердце города. Для этого мы создаем трамвай, следующий по определенному маршруту. Это окажет свое влияние на новый городской дизайн и в частности на развитие двух улиц, расположенных на внутренней кольцевой дороге (ул. Лермонтова и ул. Декабрьских событий). Максимальное расстояние между остановками будет 1,5 км. Одна станция будет расположена на острове, т.к. это является территорией для будущего развития.

Существуют различные точки связи, расположенные на радиальных осях между кольцевой дорогой для общественного транспорта и внешней кольцевой дорогой. В пяти связующих точках будут находиться автостоянки, которые называются P&R (Park and Ride). Таким образом, водители будут оставлять свои автомобили на этих парковках и использовать общественный транспорт, а именно трамвай, для передвижения по внутренней кольцевой дороге.

Мы определили свой уникальный принцип для каждой из трех улиц.

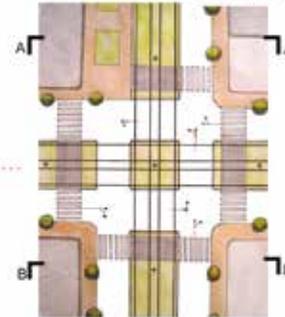
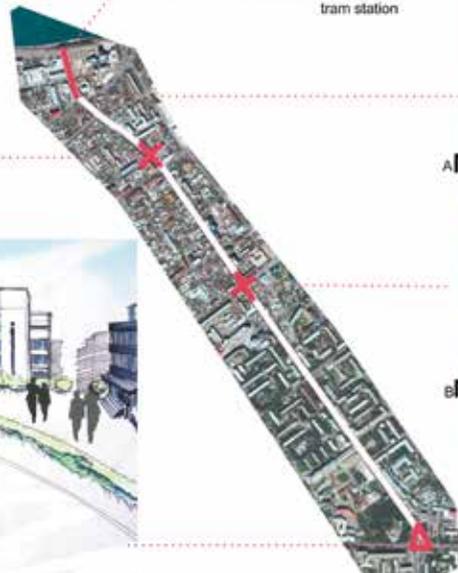
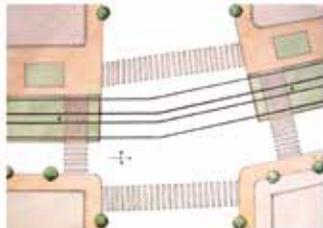
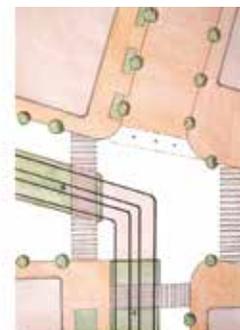
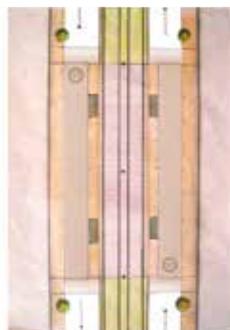
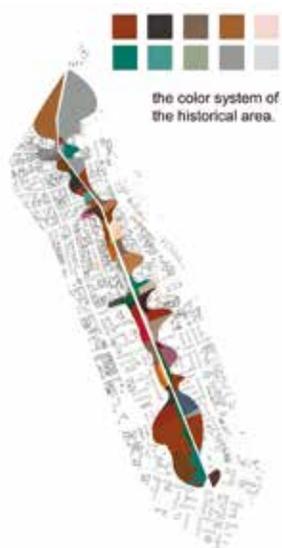
Улица Декабрьских Событий: принцип «лучей»
Наиболее важным аспектом этой улицы является то, что здесь находится множество деревянных домов, наряду с историческими и административными зданиями. Поэтому для этой улицы наш концепт основывается на территориях, расходящихся лучами: культурный луч (деревянные дома, исторические здания), функциональные лучи (административные здания, банки). Преобразование будет происходить постепенно, так как это долгосрочное развитие.

Улица Лермонтова: принцип «видов»
Развитие улицы основано на принципе видов. На данный момент, во второй части улицы (в северной части) открывается три интересных вида:
– пересечение с ул. Звездинской, с которого вы можете увидеть реку с места, расположенного в несколь-

ких метрах от перекрестка:
– пересечение с ул. Шмидта, с которого вы напрямую можете увидеть реку;
– пересечение с ул. Клары Цеткин, с которого вы можете увидеть церковь в восточной части и лесные массивы с западной стороны.

Основная идея: сделать акцент на этих трех точках и развить ту часть ул. Лермонтова, где эти три точки расположены, и с которых открывается вид на реку и лесные массивы.

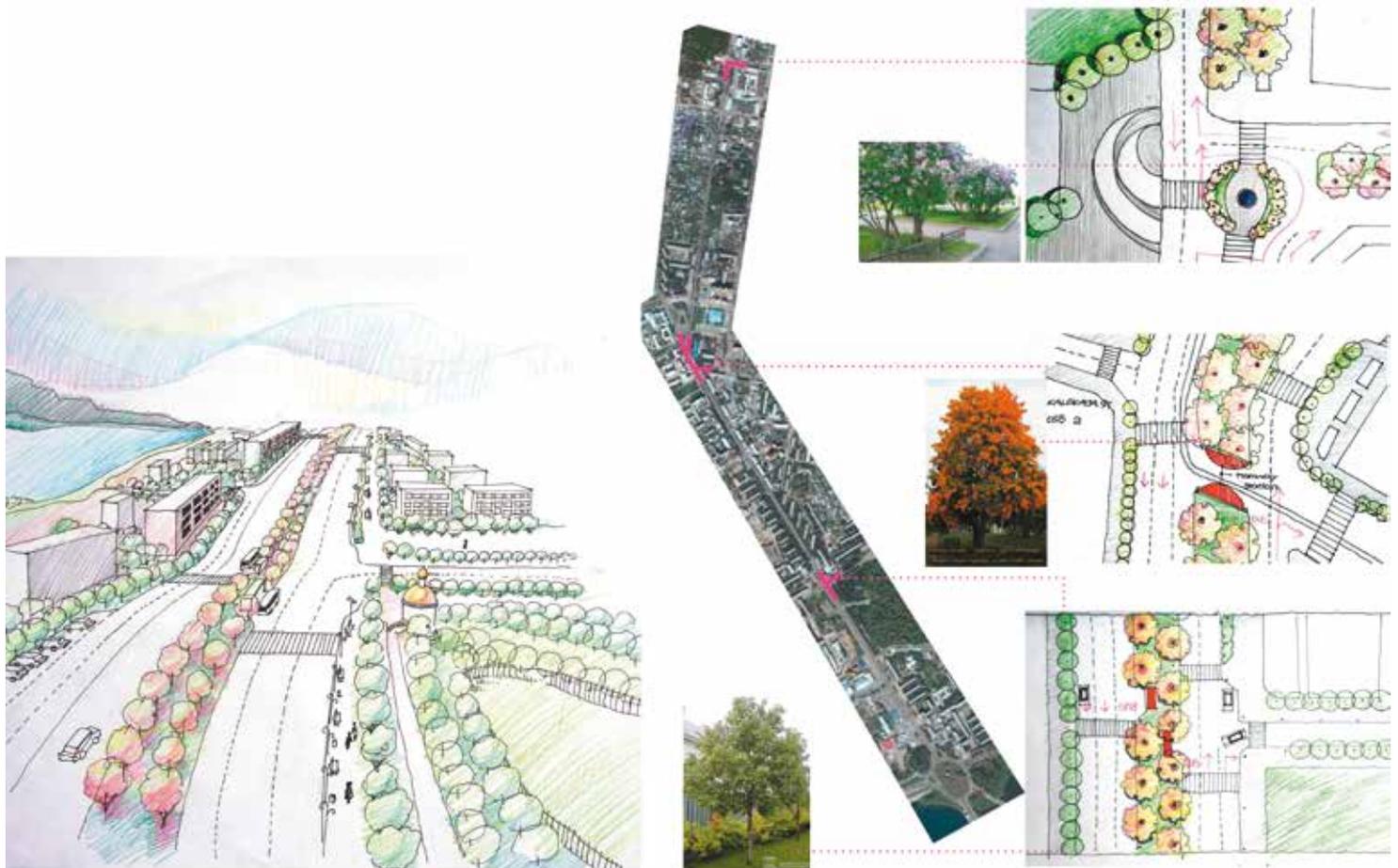
Улица Байкальская: принцип «воронки»
Южная часть улицы связана с внешней кольцевой дорогой: въезд на эту улицу станет въездом в центр города. Чем ближе мы приближаемся к центру города, тем меньше становятся транспортные потоки (с 4 полос до 2 полос), и в конечной части улицы мы достигаем кольцевую дорогу для общественного транспорта и для трамваев. Территория вдоль улиц, подвергаемая преобразованию, включена в воронку.

Улица Лермонтова

Улица Байкальская

Команда С

1. Анастасия Никитенко, Иркутскпромстройпроект
2. Фей Мо, Университет Тонгдзи, Шанхай, Китай
3. Жасмин Демуй, Высшая коммерческая школа, Франция
4. Роберт Зьетка, Монгольский университет науки и технологии, Улан-Батор, Монголия
5. Алин Раад, Университет Святого Духа – Каслик, Ливан
6. Анастасия Нестерова, Иркутский государственный технический университет

Концепция:
 «Улицы как жилое пространство...»
 Улицы – это преимущественно пространство для транспорта, торговли и отдыха.

Подобно человеческому организму, живой город имеет нервную систему, которая функционирует под воздействием различных импульсов и раздражителей. Всякая чувствительная точка реагирует на действие сил, раздражителей; исходя из этого, принимает определенную форму.

Импульсы поступают из болевых точек и отражаются на ткани позитивным либо негативным образом.

Каждая из трех улиц определена в месте и пространстве.

Улицы Декабрьских Событий – историко-туристическая улица.

Улицы Байкальская – многофункциональная улица.

Улицы Лермонтова – образовательная ось.

Общественное пространство является открытым и доступным для всех горожан, независимо от их пола, расы, этнической принадлежности, возраста или социально-экономического уровня. Существует три традиционные функции общественного пространства – место для встреч, торговли и перемещений.

Стратегия новых общественных территорий будет способствовать развитию качественных общественных пространств в сети тротуаров, транспортных линий и площадей для того, чтобы обеспечить возможность каждому находиться на этой территории и перемещаться по всему городу. На общественных территориях будут находиться

деревья, чтобы давать тень, тротуары, системы знаков и освещение будут улучшены.

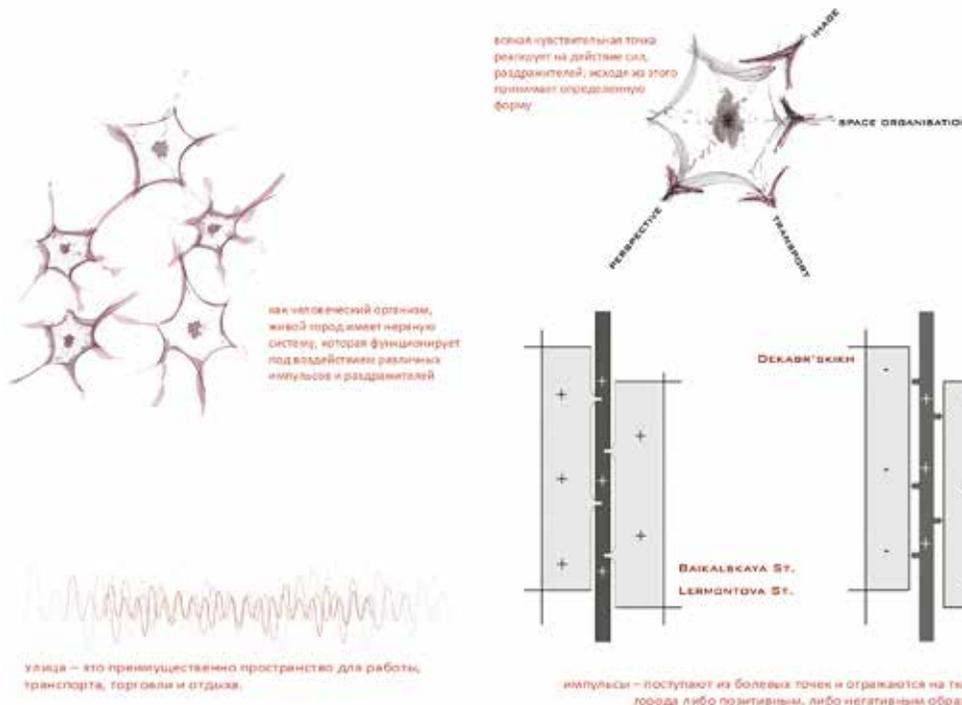
Необходимо создать такие условия, чтобы человек сам решал, участвовать ему в общественной жизни или нет (от обязательной общественной жизни к добровольной).

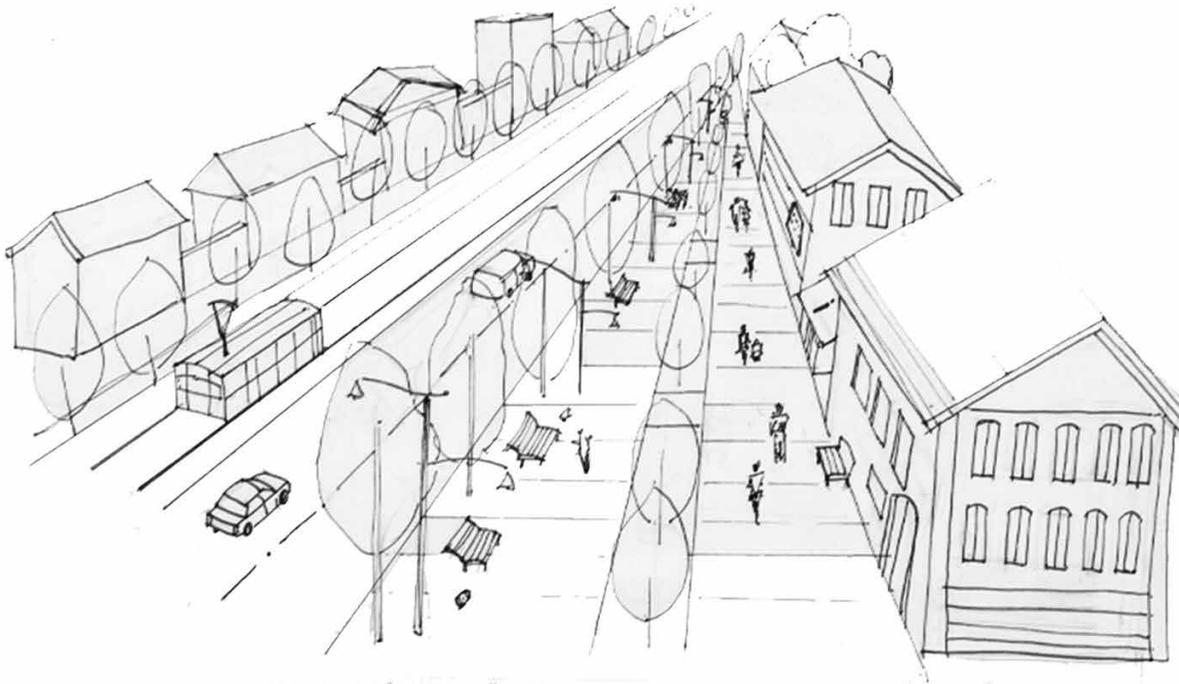
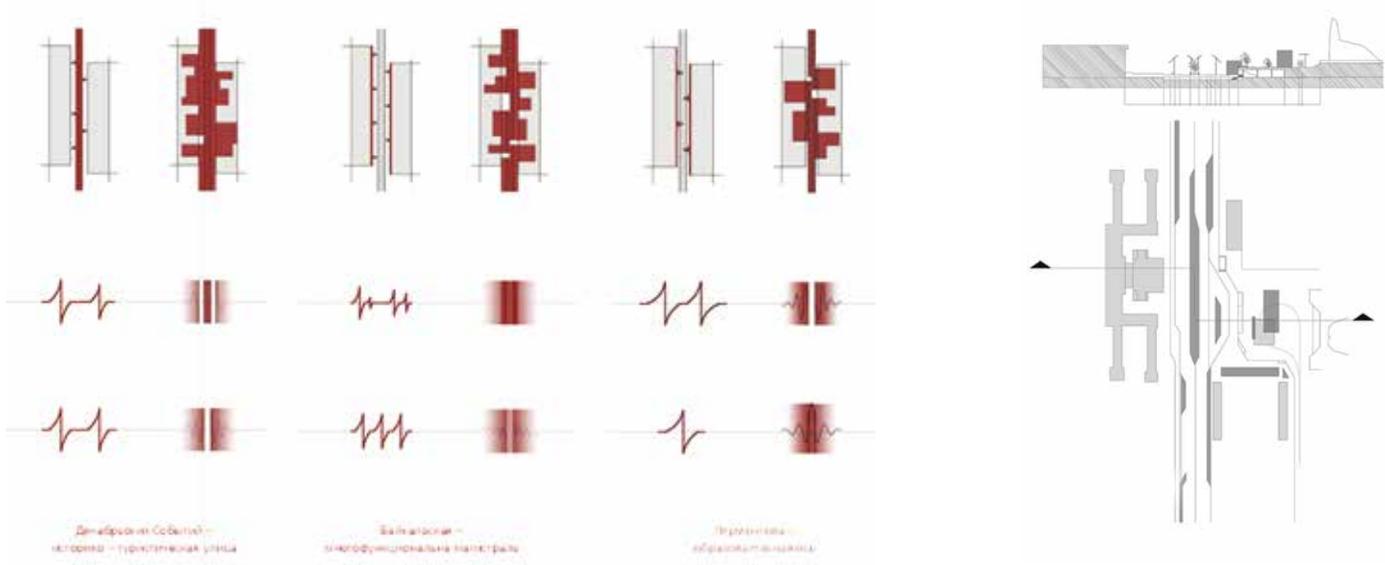
Улицы – это не только пункты прибытия и отбытия, но и точки, дающие пищу воображению. Улицы становятся зоной восприятия разочарований и мечтаний на фоне того, что безвозвратно утеряно.

Являясь предметом противоречия, улица ведет к потерянным корням и недостижимым горизонтам будущего, в действительности заменяет переходный мир между реальностью и воображением.

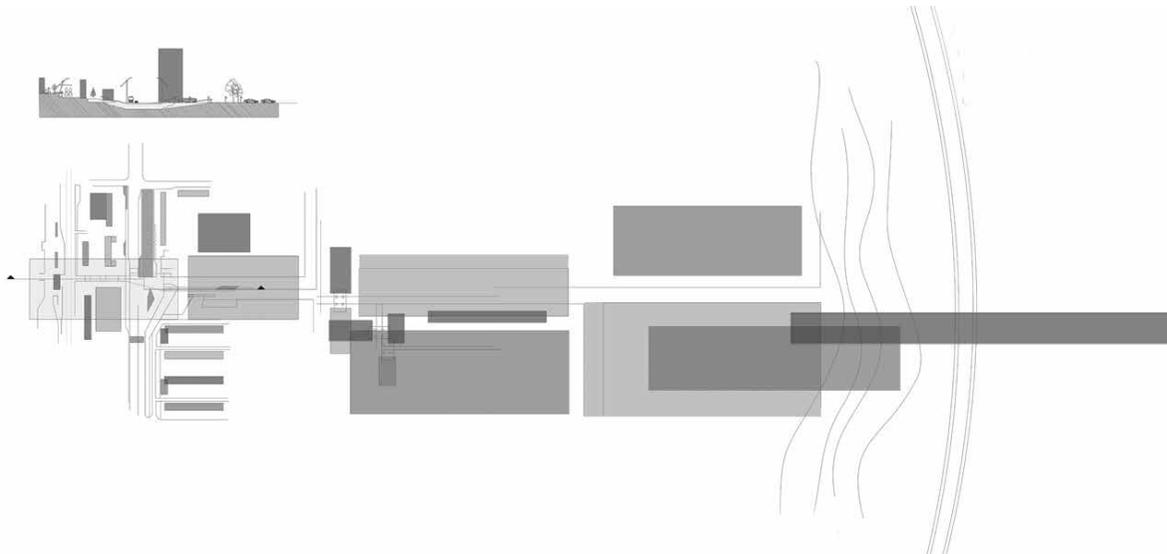

Концепция Контекст Содержание

проект зоны образовательной инфраструктуры

Команда D

1. Дмитрий Бородулин, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, Екатеринбург
2. Амарзая Оргиль, Монгольский университет науки и технологии, Улан-Батор, Монголия
3. Жентьян Десво, Высшая школа архитектуры и ландшафта, Лилль, Франция
4. Елена Осокина, Сибирский федеральный университет, Красноярск
5. Владислав Иванец, Иркутский государственный технический университет
6. Гразьелла Лоренти, Высшая коммерческая школа, Франция

Концепция:

«От дороги к улице»

Улицы для жизни. Россияне со своей культурой, привычками и мечтами проходят по улицам Иркутска каждый день. Эти улицы несут в себе отпечаток прошлого, таким образом историческое наследие предопределяет архитектурный ландшафт. С одной стороны, это создало важные ежедневные перемещения, заполняя улицу движением. С другой стороны, это создало огромное количество пустых мест в распоряжении нового поколения городских планировщиков. По-новому используя эти места, мы не должны забывать, что жители в первую очередь являются

пешеходами, а не водителями. Но в Иркутске приоритет отдан автотранспорту. Улице необходимо иметь больше функций: транспортную, а также коммерческую, социальную, функцию исторического наследия и экологическую функцию... Три улицы, которые являются объектом нашего исследования, представляют собой хороший пример разнообразия функций и образов иркутских улиц. Эти функции определяют ландшафт улиц Иркутска.

Улица Декабрьских Событий

Одна из центральных улиц Иркутска, имеет важное историческое и туристическое значение. Её ландшафт определён концентрацией зданий трех периодов (деревянная застройка, советская застройка 50–60-х годов и современные здания). На улице будет организовано такое пространство, которое будет направлять человека по сменяющимся временным отрезкам истории. Таким образом, мы получим облик улицы, который будет читаться даже человеком, не знающим истории и стилей застройки. Также будет более развита историческая значимость с помощью акцентирования внимания на исторических и архитек-

турных памятниках и организации в них используемого пространства. Будущий мост через Ангару усилит значимость улицы.

1. Историческое наследие доминирует в ландшафте улицы.

– Исторические памятники (деревянные дома) являются прямым доказательством этого наследия. Мы предлагаем в пустых деревянных домах для их обновления разместить музеи, кафе, гостиницы, магазины сувениров.

– Стиль мебели улиц должен соответствовать стилю окружающих зданий и не иметь резких переходов, а плавно перетекать из одного в другой. Три главных периода застройки должны учитываться для организации остановок общественного транспорта, заборов, фонарей и лавочек вдоль улицы.

– Развить узел у берега Ангары, принимая во внимание восстановление Московских ворот.

2. Улучшить улицу для жителей и для потенциальных туристов, которые прогуливаются вдоль улицы.

– Трамвайные линии должны быть сдвинуты в направлении неиспользуемого места ближе к пешеходному тротуару. Таким образом будет создан центральный зеленый участок на про-

тяжении всей улицы после Тимирязева.

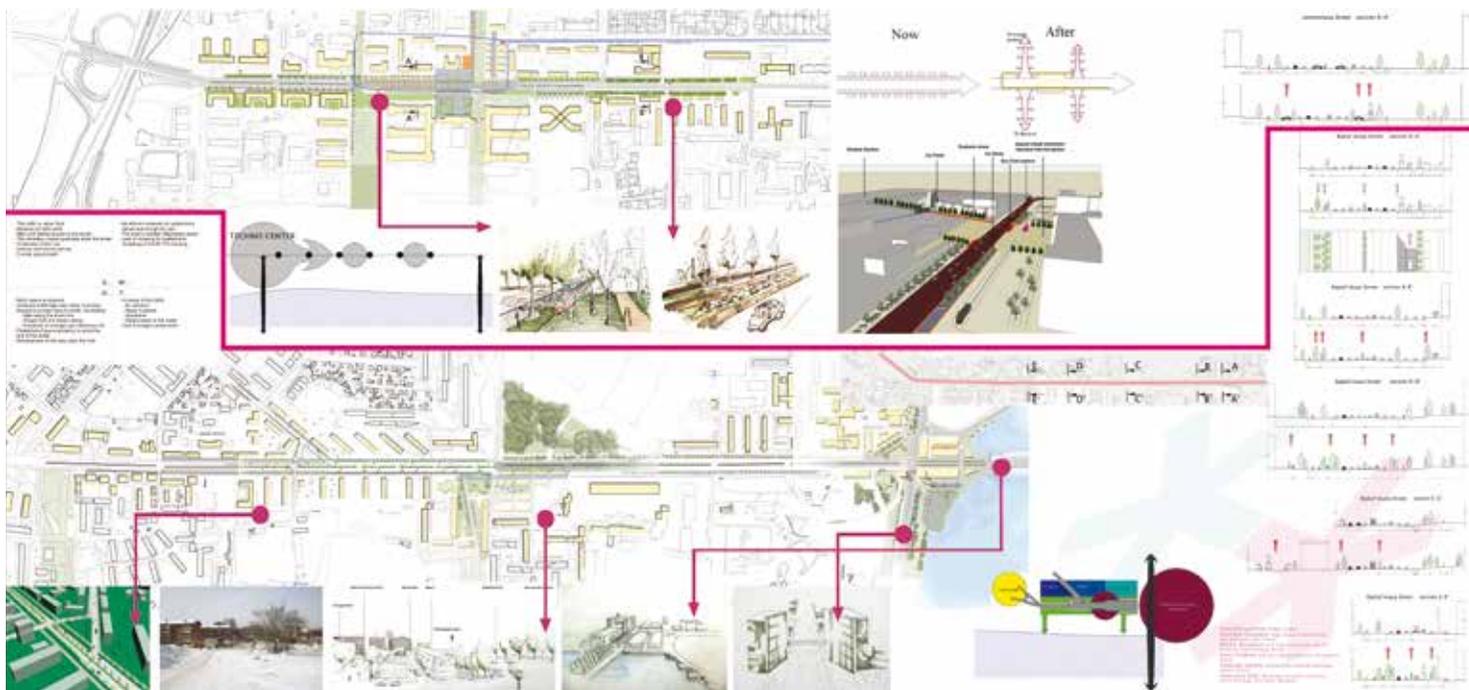
– Остановки автобусов, маршруток и трамваев должны быть размещены в центральной части. Таким образом, людям не придется ждать транспорта вблизи от машин.

– Деревянный настил создается на западной стороне улицы, на отрезке улицы от Тимирязева до Карла Маркса, и напротив комплексов с памятниками деревянной архитектуры. Он будет соответствовать домам на этом участке.

– На пересечении улицы с Карла Маркса должны быть усилены два зеленых участка.

– На пересечении с улицей Фридриха Энгельса создается благоустроенный парк, удаляются павильоны, чтобы очистить пространство площади, центральной частью которой будет являться памятник декабристам.

Улица Байкальская Являясь воротами в город, Байкальская имеет потенциал стать новым экономическим центром Иркутска. Но также улица является каналом, вдоль которого увеличивается плотность населения и концентрация деятельности при приближении к центру города. Ландшафт улицы должен отражать эти новей-

шие перспективы для города в трех важных аспектах.

1. Открытое пространство около плотины станет воротами в современный городской ландшафт Иркутска на улице Байкальской.

– На обеих сторонах моста два высоких здания будут играть роль въездных ворот в эту часть города.

– Кольцевое соединение будет трансформировано в т-образный перекресток для распределения потоков транспорта. Таким образом появится свободное место для проектирования нового бизнес-центра и новых жилых домов.

2. Сейчас улица Байкальская несет на себе важную часть транспортного потока, что придает ей облик магистрали, а не улицы. Для устранения этого негативного облика без снижения транспортного потока должны быть учтены четыре аспекта.

– В целом, количество полос движения должно постепенно снижаться по приближению к центральной части города. Скорость транспорта также должна быть снижена.

– Созданное таким образом свободное место будет использовано для улучшения видимости зон с общественным транспортом, озеленения улицы, создания защищенных зон для переходов.

– В начале улицы на юге будет создана параллель-

ная улица вдоль Ангары, ей отводится социальная роль, которую Байкальская не может играть на стороне улицы, занятой машинами.

– Мы предлагаем направить часть транспорта на ул. Карла Либкнехта при помощи создания нового перекрестка. На освобожденной территории должна быть организована пешеходная зона.

– Мы предлагаем установить зеленые ограждения для разделений потоков транспорта.

3. Улица Байкальская расположена параллельно реке Ангаре. Мы используем это естественное местоположение для подчеркивания реки, особенно в зоне напротив кладбища. Таким образом мы усилим озеленение и улучшим экологическую обстановку на улице.

Улица Лермонтова Являясь центральной улицей студгородка, Лермонтова в перспективе преобразуется в технополис, где будут сосредоточены учебные и исследовательские центры. Это улица для жизни, учебы и работы, она имеет один главный центр, включающий железнодорожную станцию, множество научно-исследовательских и учебных заведений и два подцентра. Наше внимание направлено на первый подцентр, включающий площадь перед ИргТУ. Второй подцентр включает в

себя въезд в институт путей сообщения и конечную остановку троллейбусов.

1. Изменение транспортной сети:

– Две полосы дороги перед техническим университетом будут перенесены в середину улицы на место парковок.

– Место, освободившееся с каждой стороны улицы, позволит улучшить участки, где расположены остановки общественного транспорта, которые, как кажется, были забыты предыдущими планировщиками.

– Создание новых парковок через дорогу от университета.

2. Социальное пространство будет преобразовано:

– Создание новой улицы через дорогу от технического университета, «студенческая улица» с кафе и ресторанами, которых не хватает улице.

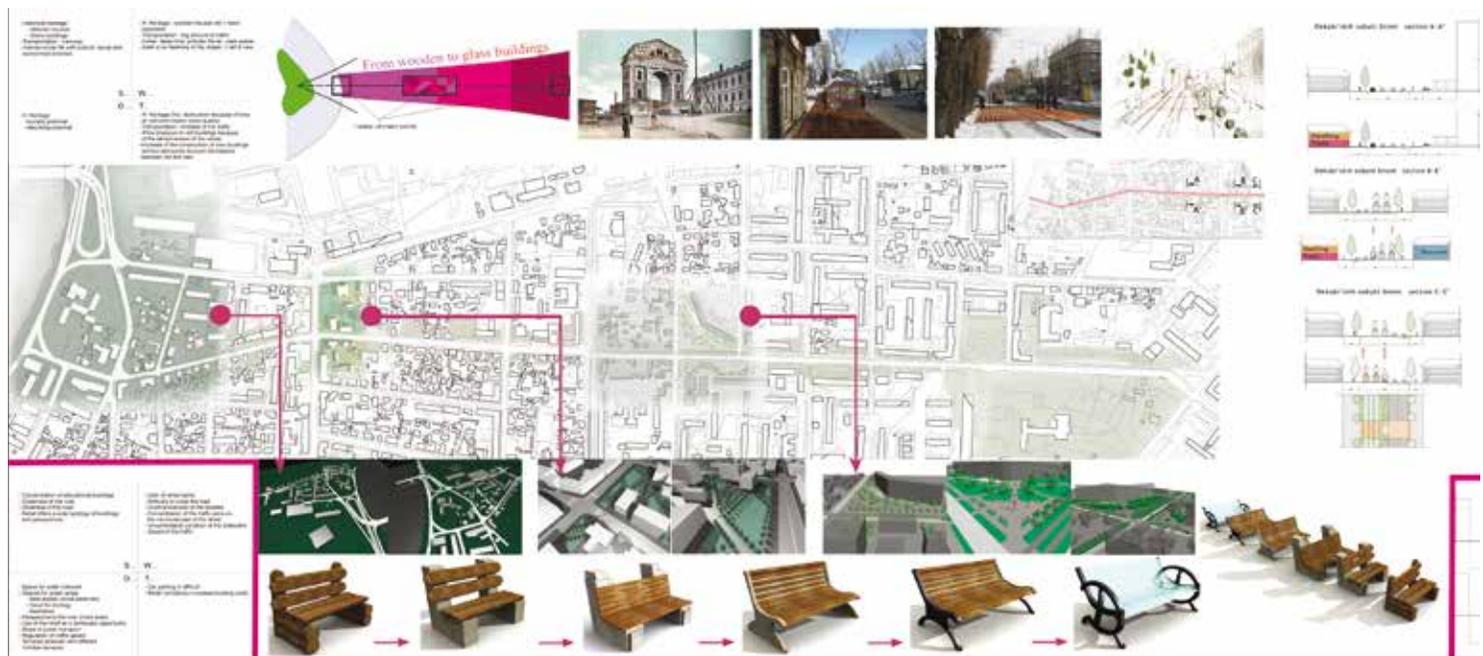
– Эта улица также примет избыток машин, созданный удалением парковок в центре улицы.

– Увеличение площади перед техническим университетом.

3. Среда улицы будет изменена для пешеходов:

– Создание террасированного тротуара вдоль улицы с использованием природного рельефа.

– Создание новых пешеходных переходов на уровне дороги.

Команда F – I место

1. Владимир Акулов, Иркутский государственный технический университет
2. Елена Кочнева, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, Екатеринбург
3. Ориан Карбаллидо, Высшая школа архитектуры и ландшафта, Лиль, Франция
4. Александр Янов, «Перспектива»
5. Ким Хьунг Тэ, Конкукский университет, Южная Корея
6. Паскаль Фабри, Парижская высшая архитектурная школа Валь-де-Сьен, Париж, Франция

Концепция: «Иркутск неотделим от ландшафта»
 Улицы – это не только пространство для перемещения из одной точки в другую, это важное место общения между людьми. Однако зачастую люди стремятся поскорее покинуть уличное пространство и зайти в здание. И неинтересное, необустроенное пространство способствует этому не меньше, а возможно и

больше, чем суровый климат. Главная цель нашего проекта – создать на улице пространство, которое будет притягивать жителей, сделает улицу обитаемой.

Мы предлагаем создать систему общественных пространств вдоль улиц, используя активный рельеф. Интереснейший ландшафт Иркутска играет главную роль в нашем проекте, диктуя направление развития, и в то же время являясь основным инструментом в разработке общественных пространств.

Однако просто выбрать точки для формирования общественных зон и разработать благоустройство недостаточно. Необходимо сделать эти пространства привлекательными, взаимосвязанными с окружающей средой. В нашем проекте мы предлагаем сформировать связи публичных пространств с существующими зелеными зонами и берегом реки Ангары. Используя один из принципов, заложенных в генеральном плане, – «формирование непрерывной системы озе-

ления, включающей в планировочную структуру города природный каркас территории», мы предлагаем объединить зеленые зоны, расположенные в непосредственной близости с проектируемыми участками улиц, дополнить их зелеными насаждениями вдоль пешеходных путей.

Про транспорт
 В плане развития города предусматривается создание кольца дорог непрерывного движения, которое должно разгрузить центр города, перенаправив потоки транспорта. Но является ли это правильным решением? В определенный момент своего развития город вплотную подойдет к этому кольцу и ситуация повторится. Как показывает опыт сооружения подобных магистралей в крупных европейских городах, строительство кольцевых дорог не решает транспортную проблему в корне, а откладывает решение «на потом».

Мы считаем, что необходимо иначе взглянуть на существующую ситуацию и

найти новое, отличное от традиционных решение.

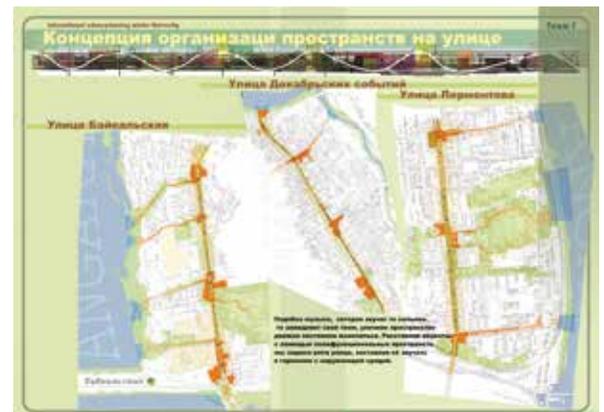
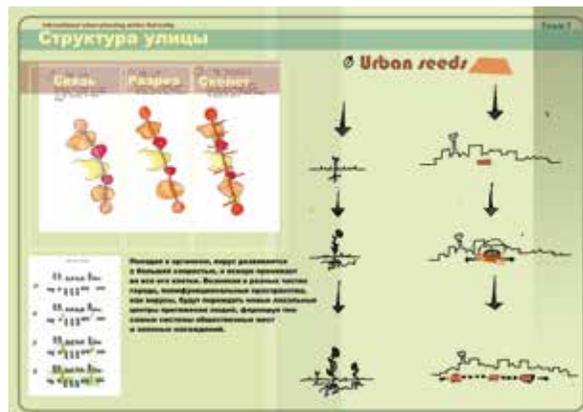
Организация общественных пространств

Прежде всего для эффективного функционирования и развития общественных пространств необходимо правильно выбрать точки на улицах. Мы выделили следующие принципы выбора точек:

- местоположение и специфика общественного здания;
- возможность связи с существующими зелеными зонами или возможность создания зеленых территорий;
- возможность выхода к реке.

Таким образом, на каждой улице было выделено несколько точек, которые могут быть преобразованы в общественные пространства.

Вторым шагом в работе над проектом является разработка типов общественных пространств. Мы выделили три основных типа пешеходных переходов, которые можно использовать в проекте. На основе этих базовых конструкций

мы сможем организовать и разработать общественные пространства.

Если ситуация не позволит нам отдать приоритет пешеходам и организовать пространство в одном уровне с автотранспортом, мы используем вариант с подземным или наземным переходом. Используя активный природный ландшафт города, мы сможем сформировать интересные пространства в различных уровнях, взаимосвязанные с зелеными зонами и пешеходными путями.

При возможности организации пространств в одном уровне мы сможем создать единую зеленую зону, связанную планировочно и визуально.

Планировочные решения
Улица Лермонтова
Улица Лермонтова – одна из наиболее значимых улиц города. Расположение большого количества учебных заведений на улице обуславливает наличие больших потоков транспорта и людей, которые ежедневно перемещаются по улице. Таким образом, невозможно отдать приоритет либо пешеходам,

либо транспортным потокам. В данном случае оптимальным решением будет организовать разделение пешеходов и транспорта на разные уровни.

Подземные переходы в традиционном понимании – это темные неуютные пространства, зачастую небезопасные. Мы предлагаем расширить подземное пространство не только в смысле площади, но и функционально. В нашем проекте пешеходный переход под землей – это насыщенное пространство, соответствующее потребностям населения в данном месте. В случае улицы Лермонтова, как студенческой улицы, это могут быть интернет-кафе, книжные магазины.

В случае проектирования подземного пространства мы получим следующие преимущества:

- повышение пропускной способности улицы;
- торговые площади, которые могут сдаваться в аренду.

Также возможно проектирование надземных переходов, в случае, когда автомобильный транспорт спускается на уровень

ниже. Таким образом мы сможем организовать большое открытое пространство перед учебными заведениями, на котором скапливается большое количество людей.

Улица Байкальская
Для формирования полифункциональных пространств на ул. Байкальской мы выделили несколько точек связанных с рекой поперечными пешеходными связями.

Мы предлагаем организовать пешеходные переходы в одном уровне и развивать общественное пространство вдоль связей с набережной реки.

Улица Декабристских Событий
Застройка ул. Декабристских Событий разнородна по стилю и времени постройки, на ней расположены памятники архитектуры и типовые жилые здания. Мы предлагаем объединить различные части улицы в единое целое, организовать городской бульвар. Выход на набережную по ул. Декабристских Событий мы предлагаем связать с существующим кусочком благоустроенной набережной с помощью системы благоустройства.

Междисциплинарные команды успешно справились с проектной задачей, был проведен градостроительный анализ сложившегося уличного пространства центральной части Иркутска: улица, бульвар, площадь, набережная, внутриквартальные проезды, парковки.

Разработана концепция развития транспорта и улично-дорожной сети Иркутска, концепции реконструкции улично-дорожной сети центра.

Проводилась подготовка предпроектных предложений по формированию уличного пространства:

- городского бульвара;
- улицы в историческом центре;
- улицы в новом жилом районе.

Самое главное – помнить: создавая улицу – мы создаем пространство для жизни, нужное всем нам.

Анализ существующего состояния улиц

Интересные места

Интересные пространства между пешеходными путями и зданиями
Деревянные здания создают уютную атмосферу
Красивый берег реки Ангара

Ring road?

Является ли строительство кольцевой дороги хорошим решением?

Disattractive sides

Пешеходы не могут свободно переходить улицу
Главные улицы похожи на скоростные магистрали
Все пространство улицы спроектировано для машин

Мы не уверены в этом..

Команда Е

1. Федор Гушин, Уральская государственная архитектурно-художественная академия, Екатеринбург
2. Полина Копылова, Иркутский государственный технический университет
3. Этьен Пэно, Высшая школа архитектуры, Нант, Франция
4. Жюли Бартуло, Высшая коммерческая школа, Франция
5. Екатерина Карева, Сибирский федеральный университет, Красноярск
6. Амартувшин Намуунзул, Монгольский университет науки и технологии, Улан-Батор, Монголия

Концепция: «Устойчивое развитие Иркутска»
 Когда мы посмотрели на данные улицы, мы обнаружили, что каждая из них символизирует одну главную функцию: образование (социальная функция), культурное достояние (окружение) и экономика. Согласно теории устойчивого развития, достижение правильного развития зависит от взаимодействия

этих трех аспектов: социального, экологического и экономического.

Мы узнали, что в Иркутске есть все необходимое для достижения устойчивого развития, и было бы очень жаль упустить такой шанс. Все, что нам нужно было сделать, – это связать функции между собой. С этого мы и начали.

Мы нашли три связующих звена:

- Важность эффективной транспортной системы.

- Необходимость многофункциональности на каждой улице, чтобы не казалось, что каждая улица посвящена какой-то одной цели.

- Роль образа города, который мы подчеркнули, поставив акцент на воде и на использовании символа города, который можно адаптировать для каждой улицы (потому что каждая улица должна сохранять свою специфику).

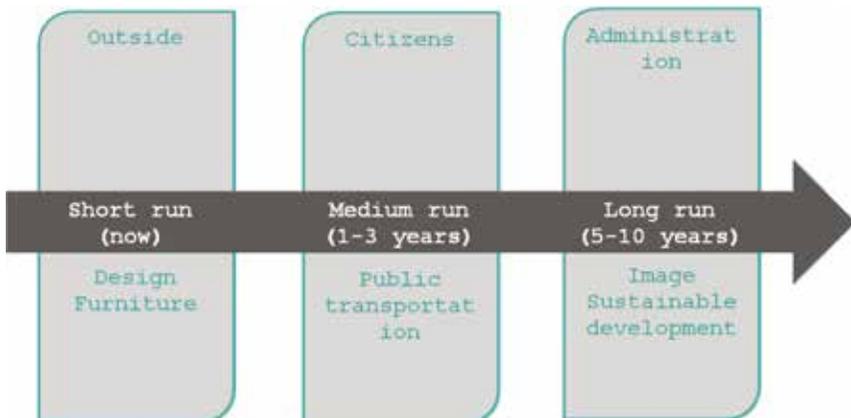
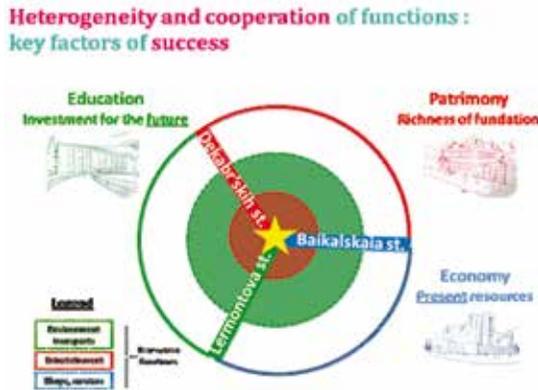
Транспорт
 Классический градостроительный подход рассматривает дорожную и транспортную сеть как

связующее звено городской организации. Этот аспект не следует забывать, так как он обладает особым значением по отношению ко всем функциям Иркутска. Во-первых, он позволяет правильно организовать ежедневную миграцию между городом и пригородом, что способствует правильному функционированию экономики города. Во-вторых, хорошая транспортная система гарантирует привлекательность города для студентов и туристов. Наконец, и визуальный, и практический аспект дорожной и транспортной системы могут помочь подчеркнуть ценность городской среды (зеленые пространства, исторические здания, ландшафты).

Образ
 Мы выбрали один из символов Иркутска, потому что верим в силу визуального образа в динамическом развитии города. Такой символ, как Бабр, был адаптирован для каждой улицы и разного периода – XVII века, советского периода, современности.

Во-вторых, мы делаем акцент на воду. Вода – это не только важный элемент образа Иркутска и всего Байкальского региона, это также важный элемент для функционирования города в общем и Иркутска в частности. Вода должна рассматриваться не только как часть ландшафта, что-то, на что приятно посмотреть, но как неотъемлемый элемент повседневной жизни горожан. Доступ к воде, в особенности к системе канализации, – неотъемлемый элемент комфорта. С этой точки зрения мы решили, что Ангару следует рассматривать не как элемент, разделяющий город на 4 отдельных части, а как элемент, объединяющий многие районы вокруг своих набережных.

Многофункциональность
 Нам кажется важным, что каждая улица и прилегающие к ней территории имели не только какую-то доминантную функцию, но также обеспечивали её жителей и людей, пользующихся этой улицей, необходимыми услугами. По этой причине мы в

Рассмотрев 3 улицы, мы обнаружили, что каждая из них символизирует одну главную функцию:

образование (социальная функция), культурное достояние (окружение) и экономика.

Необходимо связать эти функции между собой.

своей концепции хотели бы сделать акцент на использовании, к примеру, нижних этажей зданий для торговли и услуг, на использовании пустых территорий под парковки или зеленые зоны и на разделении частного и общественного пространства.

Целями нашего проекта являются:

- Новое видение города, основанное на важности данных трех улиц, связанных между собой имеющимся в избытке элементом (водой) и, конечно, эффективной транспортной системой, основанной на утверждении, общественный транспорт способен решить большинство транспортных проблем.

- Предложение по транспортной системе: не только мы задумывались над её возможной организацией, но мы тоже работаем над решением по ограничению городских затрат на неё. Мы думаем, что можно, к примеру, ввести косвенные налоги, использовать частные капиталовложения или доходы от рекламы, с помощью которых возможно долгосрочное финансирование системы общественного транспорта.

- Набор концепций, которые можно использо-

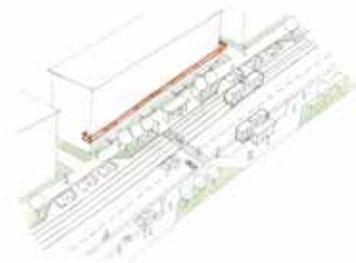
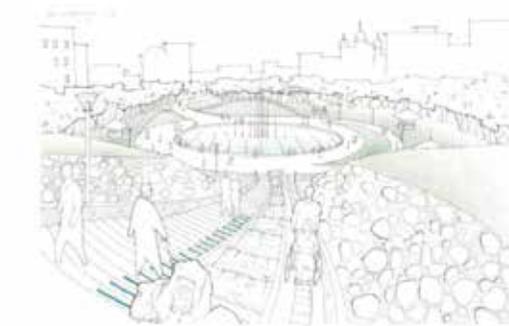
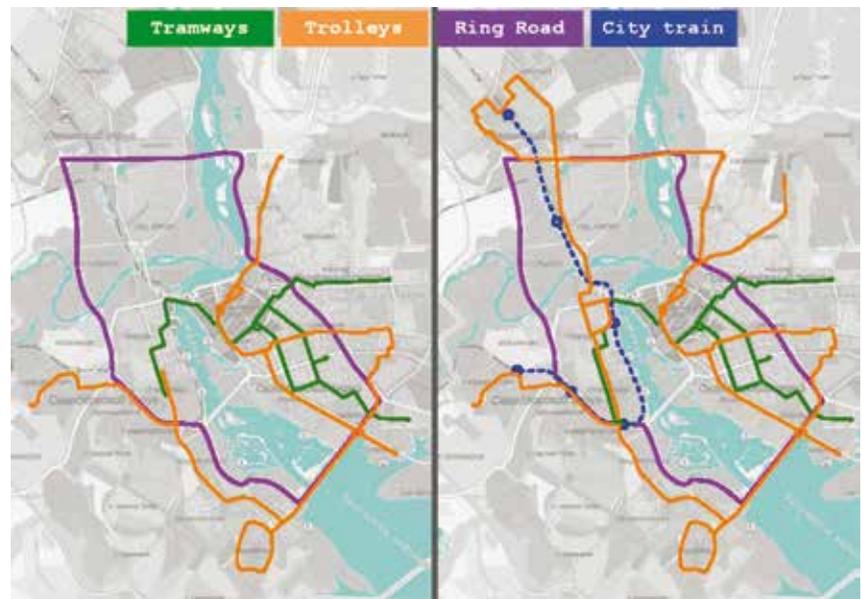
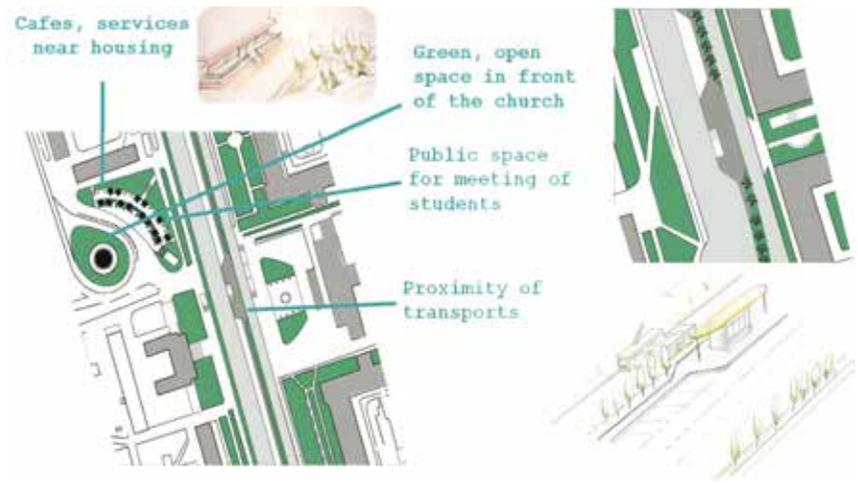
вать ещё раз: по нашему мнению, те идеи, которые мы предлагаем, имеют преимущество – их можно адаптировать ко многим другим ситуациям и, более того, их можно адаптировать с течением времени.

Что ещё более важно, наш проект является КОМАНДНОЙ РАБОТОЙ. Все мы согласны с каждым выдвинутым нами положением.

Целью нашего проекта не является следующее:

- мы не считаем, что изменение внешности города состоит только в посадке деревьев и расстановке лавочек. Но в то же время мы осознаем, что необходимо найти хороший компромисс между простыми конкретными вещами, которые возможно осуществить завтра, и мечтами о будущем. Мы хотим подчеркнуть, что наш подход – пошаговый.

Наконец, наш проект не является собранием архитектурных идей для целевых зданий, потому что мы считаем бессмысленным трансформировать что-либо только ради удовольствия. Мы предпочитаем извлекать выгоду из уже имеющегося, и это лучше, чем думать о реконструкции и бесполезной трате денег.

Ежегодная сессия РААСН

22–24 апреля 2009 года в Москве состоялось общее собрание Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), в ходе которого были подведены итоги деятельности Академии за истекшие 5 лет, определены перспективы на будущее. На сессии рассматривались текущие вопросы; состоялись выборы руководящих органов, избраны новые члены РААСН. В работе сессии приняли участие три представителя архитектурного сообщества Иркутской области – член-корреспондент РААСН Е. И. Григорьева, советник В. В. Астраханцева и советник М. Г. Меерович.

Основные доклады сделали президент РААСН А. П. Кудрявцев, первый вице-президент РААСН В. А. Ильичёв. Об итогах научно-исследовательских работ РААСН за пять лет информировал главный учёный секретарь РААСН Г. В. Есаулов. В отчетном докладе А. П. Кудрявцева были выделены наиболее значительные достижения РААСН за истекшее пятилетие, сформулированы проблемы, которые необходимо решать в ближайшие годы.

Деятельность РААСН определялась стратегией, намеченной в ведомственной целевой программе «Формирование архитектурно-градостроительной среды жизнедеятельности, биосферно-совместимой и благоприятной для человека и общества», которая стала составной частью сводной Программы фундаментальных исследований государственных академий наук на 2008–2012 годы, утвержденной Правительством Российской Федерации. Согласно изменениям и дополнениям, внесенным в федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», в числе шести академий РААСН имеет статус государственной академии. Для федеральных и региональных властей РААСН является наиболее авторитетным экспертом в архитектурно-строительной отрасли.

В России назрела потребность в градостроительном подходе, который охватывал бы обустройство, формирование пространственного каркаса, планы территориального развития регионов, генеральные планы городов и муниципальных образо-

ваний. Свидетельство этому – принятие Правительством РФ в марте 2008 года постановления «О порядке подготовки и согласования проектно-градостроительной схемы территориального планирования Российской Федерации».

Одной из проблем, которая продолжает оставаться актуальной для всей страны, является вопрос об агломерациях как зонах опережающего роста. Но в градостроительном кодексе до сих пор нет определения понятия агломерации, в регионах идеи агломерации также не всегда находят поддержку местных властей. В настоящее время разрабатываются федеральные законы об агломерации, о пригородных зонах и об исторических городах. Наиболее серьезная сложность, с которой сталкиваются разработчики – это проблема земельных отношений. Закон о пригородных зонах спровоцировал возникновение новых типов поселений: это так называемые «элитные поселки» – закрытые кондоминиумы в загородных зонах и элитные анклавы в городах, закрытые охраняемые участки города.

Совершенствование градостроительной доктрины напрямую связано с совершенствованием архитектурно-строительного образования. Здесь достигнуты определенные успехи, а ведущий вуз, дающий архитектурное образование, – МАРХИ – был назван одним из двенадцати лучших вузов страны в области культуры.

По предложению Академии, внесенном в государственные органы, в 2007 году была утверждена специальность «градостроительство». Из 60 вузов, в которых ведется подготовка архитекторов, только семь получили лицензию по этой специальности, в том числе Иркутский государственный технический университет (магистратура). С 2008 года подготовка по ней уже начала в нескольких вузах.

Круглый стол по отделению архитектуры «Новые стандарты архитектурного образования» был проведен Александром Владимировичем Степановым. На нём встре-

тились разработчики новых образовательных стандартов и архитекторы-практики, которые заинтересованы в качественной профессиональной подготовке выпускников архитектурных университетов. Реформа профессионального образования касается введения двухступенчатой системы подготовки: бакалавриата и магистратуры.

Установлено, что по специальности «архитектура» студенты будут обучаться семь лет: пять лет бакалавриата и два года магистратуры. По специальностям «градостроительство», «реставрация» и «дизайн» подготовка будет осуществляться только в магистратуре на основе общего бакалавриата. При подготовке инженерных кадров предполагается четырехгодичный бакалавриат и двухгодичная магистратура. Ощущается большая востребованность в архитекторах-специалистах, поэтому необходимо восстановить специальность «архитектор-специалист» с шестилетним образованием без деления на магистратуру и бакалавриат. Таким образом, во-первых, необходимо сохранить достижения отечественной системы подготовки кадров, а во-вторых, ввести ступень бакалавриата для остальных 5 специализаций.

Экономический кризис и его влияние на строительную науку и архитектуру стал темой круглого стола отделения строительных наук.

Как минимум три весьма важных международных события ближайших лет требуют конструктивного участия архитекторов: Олимпиада-2014, Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества 2012 года, который пройдет во Владивостоке, и Всемирная выставка ЭКСПО-2010 в Шанхае. Сооружения, построенные для проведения этих событий, должны стать не только памятниками архитектуры, но и символом нашего государства. Наиболее близкое из них – ЭКСПО-10. Вызывает тревогу тот факт, что до сих пор не решены вопросы, связанные с проектированием и строительством

Президент РААСН
А. П. Кудрявцев
и член-корреспондент
РААСН М. Г. Меерович.
Фото Николая Крадина

российского павильона: определен только подрядчик по дизайну Б. Краснов. За архитектурную часть работы отвечает некий СУИПРОЕКТ, и до сих пор неизвестно, что он предложит для выставки. А ведь павильон – визитная карточка состояния культуры, идеологии, уровня технологического развития государства. Он может быть креативным выражением не только идей, но и архитектурных инноваций (как это уже было в двадцатые годы; тогда «Махорка» породила волну увлечения архитектурным авангардизмом во всем мире). Еще большее значение имеет подготовка к Олимпиаде. Не надо забывать, что в ее ходе создаются объекты, конструирующие облик городов. Так случилось с Барселоной, которая стала городом мирового значения именно в процессе подготовки и проведения Олимпиады. Неудивительно, что круглый стол Отделения градостроительства, посвященный обсуждению градостроительных проблем олимпийского Сочи, вызвал беспрецедентный интерес.

Мы все помним, что задолго до начала пекинской Олимпиады уже можно было познакомиться с её архитектурными символами: главным стадионом – «Гнездом» – и дворцом водных видов спорта – «Кристаллом». Каким будет архитектурный образ Сочи-2114, какая там будет архитектурная «фишка» – сегодня никто еще не знает. Нужна архитектура, опережающая время, чтобы и через пять лет это было очевидно. Для решения и – главное – для воплощения такой грандиозной архитектурной задачи оставшиеся пять лет являются очень коротким сроком. Поэтому российское архитектурное сообщество высказывает сильное и обоснованное беспокойство тем, что власти не слишком профессионально подходят к проектной составляющей этого большого государственного дела. Над основными объектами на первой стадии работали малоизвестные архитекторы из зарубежных фирм. Неопределенной остается и ситуация с концепцией, создание которой довольно долго держали в тайне. Когда она не вполне

устроила наших руководителей государства, для оказания помощи в 2007 году были приглашены звезды российской архитектуры во главе с тогдашним президентом Союза архитекторов России Ю.П. Гнедовским: А.Р. Асадов, А.А. Скокан, М.Д. Хазанов и т.д. В Суханово Союз устроил мозговой штурм, где была выработана новая концепция с учётом множества существующих в этой зоне проблем экологического и технического характера (заболоченная низменность, проблема с фундаментами и т.д.). В отличие от предложенной зарубежными архитекторами концепции по типу «Выставки достижений народного хозяйства», новая концепция была более линейной. Руководители государства остались довольны работой архитекторов, пообещали продолжение сотрудничества, но обещания остались лишь словами. Вновь в недрах «ОлимпСтрой» замелькали проекты, выполненные на недостаточном высоком уровне.

О строительных работах в Сочи рассказал главный архитектор Краснодарского края Юрий Рысин. В настоящее время в Сочи выполняются две большие программы – федеральная и краевая-городская. Ведётся строительство линейных объектов и горной части (дороги, санно-бобслейные трассы, трамплины, так называемая «горная карусель»), модернизируется участок РЖД, строится посёлок для переселения жителей Имеретинской долины. Транспортная схема предусматривает строительство в городе девяти новых автотранспортных развязок. Авторазвязка – очень сложное сооружение (вспомним, что новый мост в Иркутске не введён в строй до сих пор именно из-за нерешённости проблемы подъездов). В Сочи запланирован также новый аэропорт. Согласно специализированной программе запланирована ликвидация полигонов отходов, существующих в этой черте, и строительство новых очистных сооружений. Для переработки отходов планируется строительство новых заводов. Всё ещё не завер-

шена экспертиза берегоукрепления. Не определились с ресурсо- и энергообеспечением. Пока неясно, что нужно: новый газопровод по дну, линии ЛЭП, новые теплоэлектростанции?

Одно только перечисление дает представление о масштабе проблем и предстоящей работе. Все выступающие на круглом столе подчеркивали, что Олимпиада оказывается слишком дорогим проектом, во-первых, по экологии, во-вторых, по сложной ситуации с переселением жителей Имеретинской набережной. Нужно ли превращать Сочи, в котором около 400 тысяч жителей, в город с 500 тысячами жителей? Ведь увеличение населения на сто тысяч – это сильнее превышение ёмкости территории.

Власти страны абсолютно правы в том, что такого шанса, который даёт Олимпиада, у Сочи больше не будет никогда. Но какова цена этой победы? И что будет после завершения Олимпиады? Постолимпийская судьба этой территории является одной из главных проблем. О дальнейшей эксплуатации олимпийских объектов требуется думать заранее, ещё до проектирования. В Турине, где проводилась зимняя Олимпиада, уже снесли один из бобслейных центров в горах, потому что он себя не окупает. Грозит снос и большим выставочным сооружениям. Пока вопрос о дальнейшем использовании олимпийских объектов остаётся открытым. Вообще, а в менеджменте. Совершенно очевидно, что отсутствует главный архитектор Олимпиады, человек, который мог бы координировать все действия. Союз архитекторов и РААСН отправили письмо в «ОлимпСтрой» с обоснованием своей позиции. Имея опыт проведения экспертизы генпланов Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи и других городов, РААСН претендует на то, чтобы стать экспертом олимпийских объектов в Сочи.

Ориентированным на перспективу, содержатель-

ным и концептуальным было выступление президента Союза архитекторов России академика Андрея Бокова. Он говорил о двух кардинальных периодах XX века: 20–30 годах, которые подарили миру новую архитектуру, и 60-х годах, принеших новое мировоззрение, так называемый «международный стиль». Эта система целей и ценностей, прототипов и эталонов не пересматривалась около 50 лет, в том числе по градостроительному проектированию. Сегодня архитекторы не уверены в общественной необходимости того, что они проектируют: мир уже перешел в новое состояние, а новая доктрина так и не сформулирована. Так, основным типом жилья в России, как и в 60-е годы XX века, сегодня остается многоэтажный многоквартирный дом. На Западе он далеко не так популярен, как у нас; он не соответствует ни укладу жизни, ни демографии. Вся типология создаваемого тогда жилья ориентировалась на стандартную семью из 4 человек. Планировались, конечно, и двухкомнатные квартиры и т.д. Тем не менее даже исходные демографические данные совершенно другие. Необходимы новые идеи. Как заметил Андрей Боков, «мы жалуемся на отсутствие новых стандартов, но появлению всех нормативов предшествуют появления новых идей, нового мировоззрения». Президент САР считает, что мы переживаем мировоззренческий кризис. То, что среди авторов новых СНиПов те же люди, что и в давнее советское время, Андрей Боков охарактеризовал как «театр абсурда, консервация идей 50–60-летней давности». По его мнению, дома для собственника должны отличаться от домов для арендатора; должны создаваться дома для неполных семей, энергосберегающие технологии, утилизация и бережное отношение к земле. «Чтобы создать новое мировоззрение, – считает Андрей Боков, – требуется коллективное изменение сознания. Для этого необходимы совместные постоянные обсуждения Союза архитекторов и РААСН».

На состоявшихся выборах руководства РААСН и новых

членов академии президентом вновь избран академик А.П. Кудрявцев, первым вице-президентом – академик В.А. Ильичев, вице-президентами – академики А.В. Кузьмин, Ю.А. Сдобнов, В.И. Травуш. Главным ученым секретарем РААСН вновь стал член-корреспондент Г.В. Есаулов. Членами-корреспондентами РААСН на имеющиеся вакансии избраны: по Отделению архитектуры Д.В. Буш, И.Н. Слюнькова, по Отделению градостроительства на вакансию действительного члена РААСН Е.Н. Перцик, на вакансии членов-корреспондентов РААСН М.Г. Меерович, О.В. Малинова, по Отделению строительных наук на вакансии действительных членов РААСН Ю.П. Панибратов, П.А. Аббасов, на вакансии членов-корреспондентов П.А. Акимов, С.И. Меркулов.

Собрание избрало новых почетных и иностранных членов РААСН. Почетными членами стали А.А. Великанов, З.В. Петунина, А.М. Половников, С.П. Шмаков, В.А. Шульрихтер, В.А. Алексашина, Л.Б. Коган, Я.В. Косицкий, А.И. Вахмистров, П.А. Коновалов, В.А. Миронов, Б.С. Расторгуев, В.И. Сливкер. Иностранцами членами избраны М. Митрович

(Сербия), Ю.В. Чантурия (Белоруссия), А.А. Кусаинов (Казахстан).

Отрадно, что в общем обсуждении острых проблем не были забыты успехи Академии в целом и отдельных групп архитекторов. Так, выступающие говорили об общем повышении качества работы; по выражению А.П. Кудрявцева, хорошая архитектура стала более равномерно распределяться по стране. В числе других городов, где появились интересные архитектурные школы – Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург – был назван и Иркутск. Тем самым признаны творческие, педагогические и организационные успехи иркутских мастеров.

Российская академия архитектурных и строительных наук постоянно занимается подготовкой и публикацией научных трудов, монографий и сборников, посвященных как современным проблемам отрасли, так и истории российской архитектуры и градостроительства. Ежегодные конкурсы Академии на лучшие научные, творческие работы и дипломные проекты выпускников архитектурно-строительных вузов приобретают всё большую популярность. Победители удостаиваются дипломов и медалей РААСН

по трём отделениям: архитектуры, градостроительства и строительных наук. В этом году медаль Российской академии первым из иркутян получил М.Г. Меерович за двухтомник «Рождение и смерть города-сада», «Рождение соцгорода». У книг Марка Григорьевича широкий круг читателей, в том числе и президент РААСН А.П. Кудрявцев.

М.Г. Меерович также стал членом-корреспондентом РААСН по Отделению градостроительства. Весьма редкий случай, когда при жесткой конкуренции человек с первого раза становится членом-корреспондентом РААСН, переходя из статуса советников, да еще и по другому отделению (он был советником по архитектурно-строительному отделению). Все претенденты, среди которых были очень достойные соперники, конкурировали на равных, без деления на теоретиков и практиков.

К успехам иркутского архитектурного сообщества добавилось и признание заслуг Е.И. Григорьевой и М.Г. Мееровича Московским отделением Международной академии архитектуры. Наши земляки стали членами-корреспондентами МААМ.

Поздравляя своего коллегу на заседании правления

Иркутского отделения САР, Николай Жуковский отметил, что «события, подобные этому, накапливаясь, формируют определённый культурный слой нашего города». В ответ на поздравления коллег М. Меерович отметил атмосферу взаимного уважения и симпатии, которая существует в профессиональном сообществе и в отделении САР г. Иркутска. «Имя иркутской архитектурной школы даёт некий стартовый имиджевый капитал, – сказал Марк Григорьевич. – И я очень хочу, чтобы мы его не растеряли. Решая сложные проблемы как градостроительного, так и локального характера, выступали как коллектив людей, устремлённых, прежде всего, на взаимопонимание, поиск не сиюминутно выгодных решений, но важных для будущего истории и культуры, для нашего города и для той профессии, которой мы себя посвятили».

Марина Ткачева
Редколлегия журнала
выражает благодарность
главному редактору
журнала «Строим вместе»
Татьяне Анненковой
и журналисту Светлане
Тимоховой
за помощь в обработке
информации

Отчетный доклад А.П. Кудрявцева

Дорогие друзья, коллеги! Сегодня мы завершаем очередной 5-летний цикл нашей академической деятельности. Особенность нынешнего момента – ситуация мирового финансово-экономического кризиса, который переживает и наша экономика. Кризис особенно жестко ударил по строительной отрасли, как наиболее зависимой от кредитов, ипотеки и других финансовых проблем. Значительно сокращена проектная работа и заказы на нее. Только в Москве приостановили свою работу около 70% частных мастерских. Банки практически полностью остановили кредитование инвестиционно-строительных проектов, процентные ставки по кредитам достигли 22–25%. С конца

2008 года сформировалась устойчивая тенденция сокращения объемов ипотечного жилищного кредитования. Существенно замедлился темп роста объемов ввода жилья, в 2009 году ожидается его сокращение на 20–25%. Резко ограничилось строительство всех видов общественных зданий, прежде всего, административно-офисных, торговых и зрелищных. Сокращаются объемы муниципального строительства. В Программе АКМ Правительства Российской Федерации на 2009 год предусмотрен ряд мер по поддержке строительного комплекса и ЖКХ, содействию развитию градостроительства. Главная модернизационная задача правительства – смена сложившейся

модели экономического роста. Вместо «нефтяного» роста мы должны перейти к инновационному. Будут поддержаны важнейшие инновационные проекты. «Кризис – не повод отказаться от долгосрочных приоритетов модернизации страны». Это значит, что Академия должна развивать свою деятельность как стратегически важную для посткризисного развития архитектурно-строительного комплекса, предлагая и конкретные результаты своей работы для преодоления кризисных явлений. В определении векторов деятельности Академии мы, естественно, будем опираться на итоги истекшего 5-летия. Прежде всего, были сделаны существенные шаги по реализации функции

Академии как национального центра фундаментальных исследований в архитектурно-строительной сфере. Существенно вырос авторитет Академии в современной отечественной науке.

Это подтверждается тем, что РААСН окончательно вошла в систему государственных академий наук, утвержденных в конце 2006 года в Дополнениях к Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике». На основе этих государственных актов Российская академия наук и отраслевые государственные академии наук создали единый координационный совет, где формируются комплексные планы научных исследований. Практически

– это штаб фундаментальных и важнейших прикладных исследований.

Нам удалось добиться системной работы по комплексному изучению состояния и перспектив развития архитектуры и строительных наук в их взаимодействии. За последние годы научно-исследовательская работа Академии обрела структурную целостность, чему способствовала разработка ведомственной целевой программы «Формирование архитектурно-градостроительной среды жизнедеятельности, биосферно-совместимой и благоприятной для человека и общества». Программа вошла в сводную Программу фундаментальных исследований государственных академий наук на 2008–2012 годы, утвержденную Правительством Российской Федерации. Принятое стратегическое направление деятельности и ее составляющие были последовательно рассмотрены и обсуждены на научных частях общих собраний РААСН, проведенных в 2005–2008 годах.

Особое внимание Академия уделила вопросам реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Установлены постоянные контакты с государственными органами, действует Соглашение о сотрудничестве с Министерством регионального развития РФ. Пути развития жилищного строительства были предметом обсуждения на научной части общего собрания РААСН в 2007 году, его рекомендации используются на федеральном и региональном уровнях.

Большое внимание было уделено национальному проекту – «Здравоохранение». Ему была посвящена научная часть общего собрания РААСН–2008 в Белгороде на тему «Здоровье населения – стратегия развития среды жизнедеятельности». Предложения РААСН по данному вопросу вошли в доклады Президенту и Правительству Российской Федерации за 2008 год.

Академия направила в государственные органы конкретные предложения о реализации научных разработок для освоения

подземного пространства в реконструируемых городах, концепции строительства на вечномёрзлых грунтах, для реконструкции жилой застройки массовых серий индустриального строительства, энергосбережения в строительстве и эксплуатации зданий, для использования местных материалов и вторичных ресурсов, снижающих объемы потребления цемента. В 2007 году мы выпустили альбом инновационных предложений РААСН по всем этим вопросам.

Академия продолжает внимательно следить и активно содействовать практике проектирования и строительства и научным разработкам в архитектурно-строительной отрасли. В отчетный период ежегодно проводились конкурсы РААСН на лучшие научные и творческие работы в области архитектуры, градостроительства и строительных наук. На нынешней сессии мы, по традиции, будем награждать победителей конкурса на медали и дипломы РААСН за 2008 г. Академия участвовала в проводимых Союзом архитекторов России международных фестивалях «Зодчество», наградами фестиваля удостоены многие члены и советники Академии.

Академия продолжает вести работу по интеграции академической и вузовской науки, взаимодействию науки и образования. Работает координационный совет по образованию, в состав которого вошли члены РААСН – руководители ведущих архитектурно-строительных вузов. Совет регулярно собирается и обсуждает актуальные вопросы подготовки кадров. В 2005 году в Воронеже на общем собрании РААСН обсуждались проблемы архитектурно-строительного образования, подготовлены предложения о консолидации академической и вузовской науки. Мы участвуем в проводящихся ежегодно МООСАО международных смотрах дипломных проектов выпускников архитектурных школ и всероссийском смотре дипломных работ выпускников строительных вузов и факультетов.

О высоком уровне высшего архитектурно-строитель-

ного образования говорит то, что ведущий строительный вуз – МГСУ – получил грант национального проекта «Образование» в числе лучших 100 вузов страны, а МАрХИ вошел в число 12 лучших вузов страны в области культуры, по указу Президента России получил господдержку на 2009–2011 годы. Поздравляем коллективы этих вузов с высокой оценкой их деятельности.

Учитывая особое значение градостроительных вопросов в реконструкции и развитии российских городов, Академия внесла в государственные органы предложения об открытии в архитектурно-строительных вузах страны специальности «градостроительство». При поддержке этих предложений со стороны Д.А. Медведева эта специальность была введена в действие Минобрнауки в 2007 году. В прошлом году в ряде вузов был произведен первый набор студентов. Важным аспектом во взаимодействии академической и вузовской науки стало получение журналом «ACADEMIA» статуса ваковского журнала.

Подробно с деятельностью РААСН, ее подразделений, академических институтов, членов и советников Академии вы можете ознакомиться в розданном участникам сессии сборнике отчетных материалов «Деятельность РААСН в 2004–2008 гг.». Мне же хотелось бы остановиться на актуальных проблемах современного развития отечественной архитектуры, градостроительства и строительной науки или, если так можно сказать, диагнозах и прогнозах состояния нашей важнейшей отрасли развития государства. Начнем с градостроительства.

В настоящее время происходит сложный процесс осознания необходимости иметь градостроительную стратегию, охватывающую всю территорию страны и все уровни ее административной структуры. За последние годы, с активной постановкой этих вопросов Академией, проблемы градостроительного развития выходят на первый план в деятельности правительства, федеральных органов и российских регионов. Принятый Градостроительный

кодекс оживил градостроительную деятельность, но в нем остается ряд существенных недостатков, в том числе не определены понятия агломерации, стратегического плана пространственного развития страны – объективных категорий территориального планирования, без которых невозможно реализовать концепцию перспективного социально-экономического развития страны. В нем дается суженная постановка проблемы совершенствования расселения в современных условиях, не определена социально-экономическая база. Эти вопросы мы постоянно ставим перед Министерством регионального развития РФ и в докладах президенту и правительству. В частности, предложения по разработке документов территориального развития и корректировке Градкодекса направлялись в 2007 г. председателю Правительства РФ В.А. Зубкову и Министру регионального развития Д.Н. Козаку.

И все же благодаря Градостроительному кодексу разрабатываются материалы территориального планирования регионов, генеральных планов городов и других муниципальных образований, что дает возможность целенаправленно решать актуальные вопросы первоочередного развития региона или поселения с учетом их перспектив развития.

Необходимо отметить, что Москва и Московская область имеют утвержденные генеральные планы. Завершена схема территориального планирования Краснодарского края, и есть надежда, что к 2010 году будут завершены генеральные планы всех поселений и муниципальных образований края. Ведутся работы по градостроительному планированию в Свердловской области и Ямало-Ненецком автономном округе, Приморском крае и в ряде других регионов.

В 2008 году утверждены схемы территориального планирования 20 субъектов Российской Федерации, схемы территориального планирования 277 муниципальных районов, генеральные планы 2 295 сельских поселений, 355 городских поселений и 231 городского округа.

В то же время вызывает определенное беспокойство качество ряда уже разработанных материалов территориального планирования и генеральных планов поселений, вызванное отсутствием методических материалов по их разработке и региональных нормативов. И, естественно, как качество собранных вместе материалов территориального планирования сказывается отсутствие стратегического плана развития страны.

В целях организации подготовки документов территориального планирования Российской Федерации разработано Положение о подготовке и согласовании проекта схемы территориального планирования Российской Федерации, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 23 марта 2008 года № 198 «О порядке подготовки и согласования проекта схемы территориального планирования Российской Федерации».

В последнее время большое внимание на федеральном и региональном уровнях стало уделяться проблемам развития крупных городских агломераций. Их справедливо относят к «зонам опережающего роста», которые при определенных условиях могут стать одной из ведущих градостроительных основ перехода России на инновационный путь развития.

Однако представляется необходимым высказать два соображения. Первое: поскольку в Градостроительном кодексе не определено понятие «агломерация», это затрудняет работу по их планомерному развитию. И второе: городская агломерация не единственная перспективная форма расселения страны. В условиях громадных масштабов России необходимо «скреплять» ее территорию полнокровной системой городов разных категорий, позволяющих объединить ее в единое социально-экономическое, административное и информационное пространство. Нужно также иметь в виду, что агломерации наряду с несомненными достоинствами имеют весьма существенные и труднорешаемые проблемы, обусловленные сложными

земельными отношениями, дефицитом инфраструктурного характера, экологической напряженностью.

Учитывая важную роль агломераций в перспективном развитии России, необходима разработка федеральных законов «Об агломерациях», «О пригородных зонах» и ряда других. Предложения РААСН были направлены вице-премьеру А.Д. Жукову в мае 2008 года. Проведенные в феврале нынешнего года академические чтения по теме «Агломерация» дают определенный импульс исследованиям по этой проблеме.

Сегодня к традиционной классификации городов по их величине, экономическому профилю и условиям проживания добавляются, с учетом реального градостроительства, элитные поселения и городские «элитные анклав». Если проблемы элитных поселений являются проблемами рынка недвижимости и территориального планирования с точки зрения ресурсного обеспечения, то строительство в существующих и особенно исторических городах является безусловным объектом общественного и государственного интереса.

Невозможно переоценить значение в жизни страны исторических городов. Это – уникальная сокровищница национального наследия, органическая часть мирового культурного богатства, огромный ресурс возрождения духовности общества, источник получения дополнительных средств на комплексное социально-экономическое саморазвитие. Академия не прерывает свои исследования в этой сфере, выходит со своими рекомендациями на глав субъектов Федерации и городов, а то и вступает в борьбу с нарушениями Закона об охране национального наследия в Москве и Московской области Санкт-Петербурге, Карелии, Ярославле, Юге России и других регионах.

Международная конференция «Исторические города и новая архитектура», организованная Союзом архитекторов России и нашей Академией отмечает, что современное состояние большинства исторических

городов и поселений страны является неудовлетворительным, близким к критическому. Одна из причин этого – игнорирование государством и обществом градостроительного наследия как важнейшей составляющей культурного богатства народов Российской Федерации. Становится очевидным необходимость разработки Федерального закона «Об исторических городах».

Важно отметить особенности сельского расселения, выявленные последней переписью населения. Число сельских поселений превысило 155 тысяч. Однако при этом в 13 тысячах пунктах никто постоянно не проживает. Более 70% сел имеют население менее 200 жителей, в 34 тысячах сел, или в каждом четвертом пункте, число жителей не превышает 10 человек. В условиях малочисленности преобладающей части сельских населенных пунктов большую часть функций по культурно-бытовому и иным видам обслуживания их жителей должны брать на себя малые города и центры сельских администраций.

Исследования Академии в области современной типологии сельского жилища и общественных зданий сегодня, к сожалению, единственные получили высокую оценку Минрегиона России. Для реального повышения уровня взаимодействия города и села ключевую роль играет развитие транспортной и других видов коммуникационной инфраструктуры, подключение сельских жителей, особенно мелких населенных мест, к системам связи, а в будущем – и к «всемирной паутине». Об остроте этой проблемы свидетельствует тот факт, что 40 тысяч сел (то есть каждое четвертое) не имеют выхода к круглогодичной транспортной сети.

К числу наиболее актуальных проблем принадлежат вопросы регулирования градостроительной деятельности, которые целесообразно рассматривать по следующим основным направлениям: законодательное и нормативное обеспечение; организационные структуры управления градостроительными процессами на федеральном, региональном и муниципаль-

ном уровнях; финансово-экономический механизм.

Сложившийся опыт градостроительной деятельности в рамках существующей законодательной базы дает все основания ставить вопрос о необходимости серьезной работы по увязке действующих кодексов: Земельного, Водного, Лесного и Градостроительного. Наши предложения были направлены в Минрегион РФ в марте 2008 года.

Сегодня наступило время говорить о необходимости разработки и узаконения материалов территориального планирования на основе научных исследований и на единой методической основе. Более того, целесообразно рассматривать проблемы пространственного развития в границах федеральных округов, что позволит более обоснованно решать межрегиональные проблемы.

Представляется, что система органов управления градостроительством должна быть очень гибкой и сочетать в себе, с одной стороны, «вертикаль» от федерального до местного уровня регулирования, а с другой – максимальный учет местных особенностей и возможностей. Крайне важным представляется реальное повышение статуса руководителей органов архитектуры и градостроительства на местах, обеспечивающего возможность отстаивания интересов градостроительства, и, прежде всего, их профессиональная подготовка.

В сложившейся ситуации, когда 2010 год определен как год завершения всех документов территориального планирования субъектов Федерации и генеральных планов городов, особо остро стоит вопрос с дефицитом кадров специалистов-градостроителей. По самым приземным расчетам для 1 100 городов необходимо более 50 тысяч специалистов. Как я уже говорил, первые выпуски градостроителей предполагаются в 2012 году. Отсюда – очевидная необходимость создания мощной системы повышения квалификации и переподготовки кадров для градостроительства, в том числе через магистратуру вузов, что позволит вдвое сократить эти сроки.

Учитывая возрастной объем проектно-градостроительной документации, Академия, благодаря своему составу, уже выступает в качестве крупного экспертного сообщества, которому под силу не только дать квалифицированную оценку особо значимых проектов, но и стать проводником широкого распространения наиболее удачных, эталонных проектов для регионов и муниципальных образований. За отчетный период РААСН провела экспертизы генпланов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Владивостока, Воронежа, Калининграда, Сочи и других городов.

Наши задачи в сфере градостроительства:

- Корректировка Градостроительной доктрины на долгосрочный период.

- Взаимосвязанное рассмотрение национальных проектов на основе градостроительной политики.

- Формирование целостной системы органов управления градостроительством и профессиональная подготовка их руководителей.

- Участие в разработке градостроительных законов «Об агломерациях», «О пригородных зонах», «Об исторических городах».

- Экспертиза градостроительных проектов Олимпийского комплекса в Сочи.

Проблемы территориального планирования и меры по их решению были обозначены в докладе президенту и правительству, в письмах председателю правительства В.В. Путину и (совместно с САР) президенту Д.А. Медведеву.

Архитектура

Каково состояние отечественной архитектуры? Хорошая архитектура стала более равномерно распределяться по стране. Нарушена монополия столичных школ Москвы и Петербурга.

Созданы местные творческие школы в разных регионах, в Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Иркутске и многих других городах. Но возникла разная архитектура для разных слоев населения. Появилась архитектура для богатых и архитектура для бедных. Реальным стало право на выбор архитектуры для себя. Появилась архитектура дурного вкуса,

зависимая от вкусов заказчика. Возникла опасность социальной сегрегации путем разделения территорий и строительства для «богатых» и для «бедных», которая может привести в дальнейшем к определенным социальным противоречиям. Опыт строительства и реконструкции наших культурных столиц Москвы и Петербурга продолжает оказывать огромное влияние на руководителей российских регионов, которые стремятся подражать столицам. К примеру, волна высотного строительства охватывает уже всю страну вне зависимости от его необходимости, и единственное, что ее сдерживает, – это экономический кризис.

Слишком сильны сегодня глобалистские тенденции к созданию броских, но эфемерных эффектов так называемой симультанной и гламурной архитектуры. Надо признать, что есть угроза девальвации архитектурной профессии, которую теснят многочисленные «дизайнеры», спешно подготовленные на различного рода курсах, в ряде случаев, с преподавателями сомнительной квалификации. От того, насколько успешно мы выполняем свою миссию, впрямую зависит авторитет и престиж профессии. Здесь следует высказать и ряд самокритичных замечаний. Слишком мало Академия, да и Союз архитекторов России проводят обсуждений практики архитектурной деятельности. Нет критериев оценки, что есть «хорошая», а что «плохая» архитектура. Как зависят критерии оценки для разных видов архитектурных произведений, времени и места их реализации? К сожалению, и отделение архитектуры недостаточно активно ставит и обсуждает эти вопросы. Нельзя идти на поводу у заказчиков, принося в жертву профессиональную этику. За качество архитектуры отвечает профессионал.

За последнее десятилетие произошли заметные и существенные изменения в современной архитектуре. Изменилась сама структура видов и типов жилых и общественных зданий, их качество, уровень комфортности, количественное соотношение разных видов

зданий, принципы размещения. Стали доступны практически все известные строительные материалы. Появились объекты, сопоставимые с европейским уровнем строительства: здания района Москва-Сити, мосты на Москве-реке, ряд высококачественных жилых комплексов, многие из которых удостоены профессиональных наград. Академия поддерживает высокие критерии оценки качества архитектуры своими ежегодными конкурсами. Однако муниципальное строительство, определяющее архитектуру современной жилой среды, ведется в ограниченном масштабе и далеко не во всех городах. Фактически разрушена система культурно-бытового обслуживания, приближенного к жилью с соответствующими радиусами обслуживания, гарантировавшего минимальный социальный уровень, которая заменена крупными торговыми центрами с гипермаркетами, рассчитанными исключительно на личный автотранспорт. Даже бывшая ранее ступенчатая система обслуживания населения выглядит на фоне рыночного характера застройки гуманной и удобной.

Следует признать большое разнообразие форм и размеров строящихся зданий, где проявляется известная смелость, а иногда и чрезмерность в использовании разнообразных декоративных и композиционных приемов, любых форм современной и исторической архитектуры.

С помощью заказчиков и некоторых представителей властей агрессивно внедряется не только эклектика и псевдоклассика, но и современное формотворчество модных зарубежных архитекторов. У нас достаточно опытных зодчих и молодых талантливых архитекторов, способных искать и находить собственные пути создания современной архитектуры. Только для этого нужно создать необходимые условия и правила равного творческого соревнования, обязательные для всех.

Прежде всего, следует реабилитировать систему нормативов. Мы много говорили, что технические регламенты, призванные заменить старую систему нормативов,

никак не могут появиться на свет. Сейчас, пользуясь разрешением создавать ведомственные стандарты, Академия стала выпускать свои стандарты и выпустила стандарт организации «Реконструкция и модернизация жилищного фонда», рекомендованный для практического применения Министерством регионального развития РФ. Мы будем продолжать эту работу, – это реальный путь влияния Академии на практику проектирования и строительства.

Проблема архитектурных конкурсов

Творческие архитектурные конкурсы следует возродить как наиболее эффективный и исторически утвержденный инструмент справедливого распределения заказов и развития архитектуры в случае их корректного и профессионального проведения. А для этого нужно добиваться восстановления системы архитектурных конкурсов по правилам Международного союза архитекторов.

Архитектурные конкурсы категорически нельзя заменять существующей ныне системой так называемых «тендеров», где конкурируют не зодчие-профессионалы со своими творческими идеями, а финансисты, качество предложений которых определяется стоимостью проектно-строительных работ, которая, к тому же, неизбежно изменяется при реализации в сторону повышения. Поэтому любые сложные архитектурные объекты должны иметь два предварительных этапа своего создания. Первый этап – конкурс профессионалов и профессиональное жюри, а второй этап – собственнотворчество модных зарубежных архитекторов. У нас достаточно опытных зодчих и молодых талантливых архитекторов, способных искать и находить собственные пути создания современной архитектуры. Только для этого нужно создать необходимые условия и правила равного творческого соревнования, обязательные для всех.

Прежде всего, следует реабилитировать систему нормативов. Мы много говорили, что технические регламенты, призванные заменить старую систему нормативов,

Приведенные выше разъяснения о судьбах отечественной современной архитектуры относятся, прежде всего, к строительству уникальных зданий, ансамблям центров городов, внедрению современного строительства в историческую застройку. Однако важнейшим направлением современной архитектуры остается жилищное строительство, которое определяет социальные основы жизни населения и архитектурный облик городов в целом.

Необходимо развитие типологии жилища и разработка новых типов жилых домов различной этажности, архитектурно-строительных систем и технических решений, которые в условиях дальнейшего развития индустриального домостроения, как основной формы массового домостроения способствовали бы значительному повышению качества архитектуры жилища, полному удовлетворению условиям расселения семей всех демографических и социальных групп населения. Типология остается наукой, данные которой необходимы в решении социальных задач. Академии очень нужен научно-исследовательский институт, в котором велась бы эта работа, с чем мы обратились к министру регионального развития РФ

И еще об одной проблеме массового жилища.

Шестьдесят процентов жилищного фонда страны с домами старше 30 лет, в которых проживает около 90 млн человек, остаются без проведения капитального ремонта и реконструкции в установленные правилами эксплуатации сроки. Мировой опыт дает основание утверждать, что реконструкция «ветхого» жилого фонда в экономическом отношении, в ряде случаев, выгоднее сноса и последующего нового строительства. В этой связи необходимо проведение объективного анализа, в том числе с учетом вопросов сохранения исторического наследия как культурного достояния страны.

Важнейшей частью нового этапа жилищной политики РФ должно стать не только новое строительство, но и модернизация, и реконструкция существующего

жилищного фонда, которые обеспечат повышение потребительского качества жилья на вторичном рынке, сделают более плавным процесс продвижения жилищно-коммунальной реформы. Целесообразно разработать новую долгосрочную федеральную целевую программу «Реконструкция жилищного фонда России», расширить задачу программы, включив в реконструкцию застройки модернизацию и реконструкцию инженерной инфраструктуры, реконструкцию жилых домов различных периодов, эффективное использование территориальных, материальных и энергетических ресурсов. Академия ведет такую программу в Орле.

Важнейшими вопросами проектирования и реализации проектов в строительстве являются вопросы экологии. Их необходимо решать на всех уровнях – от градостроительства до проектирования, строительства и эксплуатации отдельных зданий и сооружений. Сохранение оптимального баланса между природной и искусственной средой – одна из основ обеспечения безопасности среды жизнедеятельности. Рекомендации Академии по этим вопросам были направлены по итогам общего собрания РААСН в Белгороде в 2008 году руководству страны, в регионы и отраслевые министерства.

Российская архитектура, вливаясь в мировое профессиональное сообщество, не должна и не может занять позицию догоняющей, тем более что в раздробленности современной архитектуры нет ясных ориентиров и системы критериев. Нам необходимо осваивать достижения высоких технологий, в том числе тех, которые преобразуют методы индустриального домостроения, давая ему простор для индивидуальных решений и освобождая от усредняющего давления стандартизации. При этом мы должны искать пути выражения в новых технологиях своих культурных начал и национального своеобразия.

Вопросы теории и истории архитектуры продолжают оставаться в числе приоритетных фундаментальных

исследований в деятельности Академии. Они позволяют аргументированно судить о происходящем, осуществлять глубокий критический разбор наиболее существенных явлений и процессов, поддерживать и развивать профессиональную культуру цеха.

Эту работу успешно осуществляет наш институт НИИТАГ, в составе которого собраны уникальные специалисты – лидеры исследовательских школ, признанные не только у нас, но и за рубежом.

Наши задачи в области архитектуры

- Организация научно-исследовательских работ в области типологии, обобщение опыта и издание литературы.

- Продолжение работы по включению в систему академических НИИ института типологии зданий и сооружений.

- Расширение деятельности Академии за счет экспериментального проектирования.

- Разработка ведомственных стандартов, заменяющих отмененную систему СНИПов и участие в разработке технических регламентов.

- Развитие сотрудничества с государственными фондами РФНФ и РФФИ на основе заключенных в марте 2009 года соглашений.

- Проведение серии научных мероприятий (конференции, симпозиумы, семинары) по проблемам современной архитектуры.

Строительные науки

Решение проблем архитектуры и градостроительства невозможно без параллельного развития строительных наук. Строительные науки не только обладают своими методами саморазвития в русле фундаментальных исследований естественных наук, но и отвечают на запросы градостроительства и архитектуры. Своими достижениями в области конструкций, технологий и строительных материалов они, безусловно, стимулируют градостроительство и архитектуру.

Мы обладаем уникальным опытом создания и эксплуатации сложнейших сооружений в экстремальных условиях, поскольку Россия по многообразию и слож-

ности условий строительства – также уникальна.

В разработанной нами Программе деятельности на 2006–2010 годы предусмотрено специальным разделом развитие инновационной деятельности, в котором планируется проведение инновационных разработок по таким направлениям, как прогрессивные интеллектуальные строительные технологии, численные методы расчета строительных конструкций, мониторинг окружающей среды при выполнении строительных работ.

В современном строительстве происходят многие качественные изменения. Значительно возрастает этажность зданий, развивается высотное и подземное строительство (город становится двухуровневым – наземным и подземным). В связи с этим повышаются требования к безопасности, прочности и живучести зданий и сооружений при природных, техногенных и неогенных катастрофических воздействиях, включая террористические акты.

Под «живучестью» зданий понимается способность сопротивляться прогрессивному разрушению при выходе из строя одного или нескольких конструктивных элементов. Причины такого выхода могут быть различными. В их числе потеря устойчивости металлического каркаса, изменение формы железобетонной оболочки ввиду повышенной ползучести определенного состава бетона, коррозия и деструкция связей и отдельных несущих элементов, подрыв несущих стен и др.

Все указанные факторы учитываются в теоретических построениях специалистами РААСН при разработке современной теории живучести зданий. Примером качественного решения вопроса живучести является Останкинская башня, восстановленная после известного пожара. Это заслуга главного конструктора, выдающегося архитектора-инженера Н.В. Никитина и его соавтора академика В.И. Травуша, который провел блестящую работу по восстановлению Останкинской башни, отмеченную Большой медалью Академии и премией Правительства Российской Федерации.

Несколько слов об этой проблеме уникальной работе. Прежде всего, уже в процессе строительства башни, были проведены междисциплинарные исследования и разработана не имеющая аналогов в мировой практике математическая модель системы, которая позволяла определять фазу стабильного функционирования и фазу катастрофы. При ликвидации последствий пожара создана экспертная система, позволившая провести полное восстановление всех конструкций и функций радиотехнических устройств. Были разработаны Технические условия по восстановлению, реконструкции и модернизации телебашни с учетом последних достижений в области науки и техники. Опыт восстановления Останкинской телебашни представляется поистине бесценным для всего мирового сообщества, и оно это признает.

Рождение новых технологий невозможно без существенного прорыва в создании нового класса высокопрочных строительных материалов на основе использования нанотехнологий. Среди них на первом месте стоит проблема создания высокопрочных и высокофункциональных бетонов нового поколения, обладающих прочностью, в 3–5 раз превышающей прочность традиционных композиций. Бетон в настоящее время является основным строительным материалом и, по мнению международных экспертов, его роль в будущем будет только увеличиваться. К сожалению, никто пока не занимается последствиями использования нанотехнологий.

В последнее время был найден эффективный путь получения новых бетонов на основе специальных модификаторов. Основу новых модификаторов составляет два вида компонентов: ультрадисперсные материалы (УДМ) и пластификаторы. Главенствующую роль повышения прочности играет УДМ, в состав которых и входят наноконпоненты. Специалистами Академии разработаны несколько путей получения УДМ с наноконпонентами. На основе таких УДМ разработаны высокопрочные бетоны, которые уже

нашли применение на строительстве высотных зданий ММДЦ «Москва-Сити».

О ресурсо- и энергоминимизации как приоритетах в работе по преодолению кризиса.

Строительная отрасль потребляет около половины всех производимых и идущих на внутренние нужды страны первичных источников энергии. В настоящее время при строительстве и эксплуатации зданий ежегодно потребляется первичных энергоресурсов порядка 550–600 млн тонн условного топлива. Потенциал энергосбережения топлива и электроэнергии в строительстве оценивается в 100–150 млн т.у.т. в год. Такую экономию энергии возможно получить на основе всесторонних научных исследований процессов и явлений, происходящих при переносе энергии.

В связи с этим, важной остается проблема разработки новых моделей и методов минимизации суммарного потребления первичных источников энергии при строительстве и эксплуатации зданий и районов застройки.

В мире в различных областях деятельности человека начинает ощущаться проблема нехватки ресурсов. Такая проблема все острее ощущается и в строительстве. В первую очередь это связано с основным строительным материалом – бетоном. Выход из создавшейся ситуации видится в переработке техногенных отходов в строительные материалы.

Один из основных резервов – налаживание переработки ежегодно получаемых крупнотоннажных техногенных отходов (прежде всего черной и цветной металлургии и тепловой энергетики). В результате переработки получают пористые заполнители и композиционные, малоклинкерные вяжущие для производства эффективных легких бетонов различных видов и назначения.

В РААСН выполнен значительный объем аналитической работы и составлен эксклюзивный информационный материал, дающий возможность определить, в каких регионах России, на базе каких крупных предприятий промышленного комплекса, в каких объемах

имеются резервы производства строительных материалов на основе использования техногенных отходов и какой при этом возможен экономический эффект. Сегодня доля производства в России эффективных заполнителей и вяжущих, изготовляемых на базе переработки техногенного сырья, неоправданно мала (не более 5%), в то время как в развитых зарубежных странах она достигает 40 – 70%. От этих предложений в «тучные» годы отмахнулись.

И, наконец, о, пожалуй, наиболее важном направлении работы в области строительных наук – о строительных конструкциях. Сегодня в мире происходит стремительное развитие самых разнообразных конструктивных систем – металлических, железобетонных, деревянных и других, которые не только дают возможности возведения зданий и сооружений различных объемов и конфигураций, перекрытия больших пролетов, каркасов высотных зданий, но это направление строительной науки и практики проектирования оказывает существенное, а порой – решающее, влияние на архитектуру зданий и сооружений, в том числе и на ее эстетическую составляющую. За рубежом в этом направлении работают такие известные архитекторы, как Сантьяго Калатрава, Фрэнк Гэри, Норманн Фостер и другие. В нашей стране – Андрей Боков с коллективом Моспроекта-4, Борис Тхор и Владимир Травуш, участвующие в создании комплекса «Москва-Сити» и ряд других выдающихся архитекторов и инженеров-конструкторов.

Вопросы теории строительных конструкций активно разрабатываются учеными нашей Академии. Однако в этом направлении нам предстоит еще большая работа, в том числе и в научных исследованиях, чтобы выйти на мировой уровень. А добиться этого можно лишь благодаря тесному сотрудничеству архитекторов, конструкторов и ученых в области строительных материалов, то есть всего потенциала Академии.

Наши задачи в области строительных наук

– Расширение исследований в области конструкций,

технологий и материалов с учетом обеспечения «живучести» зданий в условиях экстремального природного или техногенного воздействия.

– Развитие исследований в строительном материаловедении с использованием нанотехнологий.

– Разработка и внедрение ведомственных академических стандартов в области строительства.

– Расширение исследований в области ресурсо- и энергосбережений в строительстве и эксплуатации зданий и сооружений.

Выводы

Сегодня необходимо использовать кризисный период реструктуризации экономики для расширения и углубления научных исследований как задел для последующего внедрения в развитие экономики страны современных достижений науки и техники. Академия должна активно использовать этот путь развития. Возможности и потенциал для этой работы есть.

Мы знаем, что есть несколько сценариев выхода из кризиса, разработанных нашими академиками. В их числе инновационный (его главный ресурс – интеллектуальный потенциал, требующий формирования благоприятной городской среды, прежде всего городских агломераций) и мобилизационный (при ухудшении геополитической ситуации с акцентом на использование внутренних ресурсов и ориентацией на производство отечественной продукции и использованием технологий двойного назначения).

Конечно, выбор того или иного сценария – дело политическое. Программа антикризисных мер Правительства России, в подготовке которой участвовала наша Академия, синтезирует оба варианта, становясь программой нашей работы.

Хочу завершить свой доклад словами М.В. Ломоносова, который сказал: «Несмотря на угрозу извне, несмотря на всевозможные распри изнутри, не было такого, чтобы Россия своих сил не возобновила». Нам остается только подтвердить эту истину своей работой.

От объектной типологии к пространственной типологии

Примерно с середины 1990-х годов отошли в прошлое традиционные представления об архитектурной типологии объектов. Одновременно с этим устарели и нормы проектирования. Типология и стандарты не успевали сформироваться в рамках стремительно развивающихся перемен. Это объясняется многими социально-экономическими факторами, которые выразились в архитектуре в виде новых типов зданий, многофункциональных или универсальных.

При этом можно выделить два основных социальных заказа последнего времени. Первый – проектирование и строительство крупных многофункциональных комплексов с доминирующей торговой функцией. При этом современный торговый центр достаточно трудно определить однозначно: с одной стороны, это здание, с другой – элемент городской структуры с внутренними улицами, площадями, зданиями – отдельными бутиками. Подходы к проектированию такого объекта принципиально разные в зависимости от его градостроительного положения: в историческом центре города, на межмагистральной территории или в спальном районе в виде «магазина для отдыха» или центра выходного дня.

Второе наиболее часто встречающееся задание на проектирование – приспособление исторически сложившегося объекта для современного использования. Понятно, что найти какие-то общие нормы при подобном расхождении задач и масштабов очень сложно. На передний план выступил предпроектный анализ и формирование на его основе задания на проектирование, основанного на новом посыле – переходе от объектной типологии к типологии пространственной. Постоянный комплексный анализ городской среды выступает как основной инструмент подхода к проектированию. Город рассматривается в настоящее время как уникальная,

сложная и многоплановая, самостоятельная пространственная система.

Очень часто в силу своей долговечности архитектурный объект переживает первоначальную родовую функцию, планировочную структуру, переживает свою типологию. Адаптационные возможности сопровождают сооружение весь период его существования от самого момента создания. Это является одной из основ, на которых развивается взаимодействие типологических составляющих архитектурного объекта – функции, конструкции и формы. Как указывал академик И.Г. Лежава, вводя понятие «функциональный потенциал сооружения», «пространство всегда избыточно по отношению к той функции, ради которой оно создано». Время и движение, «вторгаясь» в целостное сооружение, диктуют новые требования. Необходимо отметить, что приспособление здания для современного использования необязательно подразумевает полную смену одной из составляющих в какой-то конкретный момент времени: иногда приспособление сопутствует сооружению перманентно. Особенно остро проявляется это в связи со стремительным развитием техники и технологий.

Возникает неизбежный вопрос, что же должен учитывать в своей работе проектировщик, чтобы обеспечить жизнеспособность и востребованность своего объекта в аспекте устойчивого развития? Анализ целого ряда сооружений показывает, что если уже на стадии формирования технического задания заложить в проектируемый объект некий элемент случайности в виде потенциальной схемы развития, здание сможет безболезненно реагировать на смену общественных отношений как неизбежный социальный процесс.

Для разработки таких потенциальных схем, нужно выявить следующее:

– какие процессы должны протекать и какие для

этого условия необходимо соблюдать, чтобы объект конкретного типа, с одной стороны, по необходимости изменял свои функции, с другой – сохранял первоначальную индивидуальность;

– какова должна быть структура, позволяющая совмещать два противоположных стремления человека: к сохранению традиций и их изменению;

– что должно быть универсальным и в каких пределах для того, чтобы не уничтожить самобытность архитектурного объекта;

– чем ограничивается многофункциональность, соответствующая данному типу здания;

– что представляет собой схема «сквозной архитектурной типологии», которая соединяет потенциальную структуру функциональных, формальных, конструктивных возможностей объекта с реальным фактом его существования. На последнем посыле необходимо остановиться подробнее. Понятие и термин «сквозная архитектурная типология» было введено автором настоящей статьи (2002 г.) для иллюстрации взаимодействия функции, конструкции и формы здания под воздействием меняющихся общественных отношений. Под ней предлагается понимать определенный алгоритм взаимодействия функции, конструкции и формы здания, при котором каждая из трех составляющих несет в себе статику и динамику двух других.

Согласно матрице «сквозной архитектурной типологии» типам организационных моделей зданий соответствуют типологические модели зданий: «открытой» – функциональная модель, «закрытой» – конструктивная модель, «синхронной» – формальная модель, «случайной» – потенциальная модель. Анализ статике и динамики организационных и типологических моделей здания доказал, что механизм взаимодействия типологических структур базируется на смене типа организационной парадигмы в переходный период.

Скрытые (латентные) функция, конструкция и форма здания, лежат в основе потенциальной схемы развития объекта. При этом кроме ранее принятых принципов классификации, основанных на фиксации различий между типологическими системами, выявляются новые принципы, построенные на сравнении потенциального и реального состояния структуры. На базе их может развиваться потенциальная типология.

Важный аспект проблемы – приспособляемые под новые функции здания являются, как правило, объектами культурного наследия (ОКН) и подлежат государственной охране в целях предотвращения их повреждения, разрушения или уничтожения, изменения внешнего облика и интерьера, нарушения установленного порядка их использования. В разных странах закон носит разное название, но суть его остается неизменной. В России проектирование в таких случаях ведется в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (принят 2002 г.).

Сохранение объекта культурного наследия – направленные на обеспечение его физической сохранности ремонтно-реставрационные работы, в том числе приспособление для современного использования. Последнее включает научно-исследовательские, проектные и производственные работы, проводимые в целях создания условий для современного использования объекта культурного наследия без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны, в том числе реставрацию элементов, представляющих собой его историко-культурную ценность.

Памятник архитектуры, включенный в реестр, используется с обязательным выполнением следующих требований: обеспечение неизменности облика, интерьера в соответствии с его особенностями, пос-

лужившими основанием для включения в реестр и являющимися предметом охраны, описанным в его паспорте. При этом паспорт выступает, с одной стороны, как учетная документация, с другой – как дерево свойств архитектурного объекта, на основании которого выявляются критерии его оценки в аспекте приспособления для современного использования. И если описание памятника и его технического состояния отражают реальную, сегодняшнюю картину, то в исторических сведениях неизбежно заложены данные о случившихся или потенциальных превращениях объекта.

При этом элемент гибкого подхода заложен в федеральном законе в ряде формулировок. Так, техническое задание на приспособление объекта культурного наследия для современного использования составляется с учетом мнения собственника либо пользователя им. Строительные нормы и правила применяются при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия только в случаях, не противоречащих интересам его сохранения.

Таким образом, государственная политика направлена на то, чтобы охрана памятника была выгодна всем. Каковы же наиболее часто встречающиеся функции, под которые заказчик планирует приспособить историческое здание? Можно с уверенностью сказать, что выбор диктуется, прежде всего, композиционной схемой здания, схемой группировки его помещений и наличием горизонтальных и вертикальных коммуникаций. Коридорные, галерейные и ячейковые схемы группировки помещений подвигают на приспособление объекта под офис, контору, гостиницу, учебное заведение; зальные пространства неиспользуемых промышленных предприятий – под музейно-выставочные комплексы. Необходимо отметить, что со временем меняется выбор как объекта, так и предмета приспособления.

В связи с тем, что в настоящее время достаточно часто объектом является жилой дом конца XIX – начала XX века, а предметом – его приспособление для современного использования, проиллюстрируем выдвинутые положения на примере анализа планировочной структуры, например, гостиницы, расположенных в зданиях иного первоначального назначения. Она существенным образом отличается от изначально запроектированных гостиниц. Можно выявить целый ряд коренных отличий:

- отсутствие повторяющихся ячеек – жилых номеров;
- отсутствие простых и ясных путей эвакуации;
- в художественном образе – определенная интерпретация духа места в нарушение принципа антропометрической беззащитности.

Становится понятным, что такие отели сложно классифицировать по общепринятым стандартам в зависимости от уровня комфорта, согласно которым в международной практике гостиницы подразделяются на несколько строительных разрядов. Основным критерием при таком делении служит качественный состав номерного фонда: процентное соотношение одно-, двухместных и более вместительных номеров – однокомнатных, а также многокомнатных номеров люкс и апартаментов. Качество номерного фонда характеризуется также отделкой, мебелью, техническим оборудованием отдельного номера апартаментов.

При этом кроме подхода к определению этого уровня по статическим признакам – твердо установленному соотношению номеров с ванной и санитарным блоком, функциональному составу помещений общественного назначения – существует другое направление, которое ориентируется не на качество материальной базы, а на так называемые динамические факторы, т.е. качество службы сервиса. Вероятно, именно в силу этих динамических показа-

телей гостиницы, расположенные в приспособленных исторических зданиях, наиболее востребованы. Повышенный спрос на них диктуется также рядом дополнительных факторов – центральным (как правило) расположением, уютом, присущим историческому жилищу, малым количеством жильцов, романтикой небольшого пансиона, «элементом интриги» самого приспособления.

Любое полифункциональное сооружение проектируется при всем многообразии под три компонента: работу, жилье и отдых. Работа: офисы, конторы, банки, биржи, залы заседаний, конференц-залы, учебные центры, технические библиотеки и архивы, информационные центры, а также мелкое производство, мастерские, трудовые комбинаты, инженерные сооружения для решения комплекса экологических проблем: инсоляции, шумозащиты, загрязнения воздушного и водного бассейнов. Жилье: коммерческие квартиры, сдаваемые в аренду, муниципальные квартиры и гостиничные номера. Отдых подразумевает типы помещений для различной рекреационной деятельности: торговые залы, помещения питания, зрительные, выставочные и спортивные залы, реабилитационные центры. Приспосабливаемое здание способно, как правило, удовлетворить в определенном объеме сочетание этих компонентов.

Даже объекты со статичной, казалось бы, монофункциональной, моноконструкцией и моноформой – крупнопанельные жилые дома – приспособляются в последние годы к новым требованиям. Встроенные в их первый этаж взамен квартир мелкие магазины, аптеки и косметические салоны существенно влияют как на конструкцию дома, так и на его композиционное решение и в конечном результате формируют новый облик города. В этой связи необходимо отметить, что вплотную к этой теме подходит тема самодельного строительства, которая является предметом отдельной статьи.

История приспособления зданий для современного использования, как в нашей стране, так и за рубежом, проходила разные этапы. В аспекте данной статьи интересно, что каждый этап был детерминирован колебанием или деформацией одной из типологических составляющих объекта: функции, конструкции или формы. Это смена функционального назначения в связи со сменой формы собственности, надстройка верхних этажей в связи с новыми возможностями усиления несущих конструкций, изменение художественного облика здания в связи с организацией навесного фасада и т.п. Постоянная готовность здания к трансформации по определенному алгоритму всегда выступала как его устойчивость, гарант жизнеспособности.

Наряду с проектированием и строительством новых объектов этот процесс формирует лицо исторического города и полноправно входит в историю архитектуры. Методология качественной оценки среды крупных исторических городов и прогнозирования их развития в современных условиях предполагает общность научных, исследовательских и проектных принципов. Комплексный анализ и учет природных и архитектурно-пространственных факторов при реконструкции и модернизации исторически ценных территорий, связанных с рельефными, ландшафтными особенностями и плотностью городской застройки смешанного типа позволяет вычлнить и определить такую важную архитектурную составляющую бытийного статуса города, как «образ города» и перейти от объектной типологии к типологии пространственной.

Анна Гельфонд

Энергия архитекторов против мирового кризиса

Совет Международного союза архитекторов на встрече, проходившей в г. Сан-Жозе (Коста-Рика) с 15 по 16 февраля 2008 года, утвердил тему Всемирного дня архитектуры – 2009 – «Энергия архитекторов против мирового кризиса».

По характеру своей профессии архитекторы призваны выполнять единую миссию, основанную на технических, культурных, экономических и социальных качествах. Архитектор должен принимать индивидуальные, совместные и коллективные решения на каждом этапе, от проекта до реализации, при эксплуатации и повторном использовании объектов. Успех реализации в архитектуре зависит от той

энергии, с которой архитектор проходит все эти этапы и которую использует при взаимодействии с партнерами. Независимо от масштаба или характера проекта, архитектор – это всегда мотор, приводящий в движение этот сложный механизм.

Каждый новый проект ставит перед архитектором новые условия: новый заказчик, новый участок, новая климатическая среда, новая программа, новый бюджет, новые потребители. Каждый день перед профессиональным архитектором стоит задача поиска адекватного решения в абсолютно новой ситуации.

Сегодня весь мир переживает беспрецедентный кризис, который одновременно

является экологическим и климатическим, финансовым и социальным. Он заставляет нас срочно пересмотреть множество параметров в каждом секторе и найти прогрессивные ответы. У архитекторов есть возможность показать, насколько они способны к борьбе, используя кризис как стимул к разработке новых технических, экологических, социальных, экономических и эстетических решений.

На праздновании Всемирного дня архитектуры – 2009 мы предлагаем всем секциям-членам МСА представить местные и национальные проекты, которые бы продемонстрировали ту энергию, которую используют архитекторы, чтобы

ослабить мировой кризис, а также разработанные ими архитектурные и градостроительные решения.

Всемирный день архитектуры по традиции ежегодно празднуется в первый понедельник октября, который в 2009 году приходится на 5 октября.

Для того чтобы каждая секция смогла отметить эту тему в соответствии с собственным календарем архитектурных мероприятий, совет МСА предложил дать возможность членам-секциям МСА использовать эту тему на своих архитектурных праздниках в течение всего года.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Европейская награда за инвестиции в недвижимость

Одна из крупнейших инвестиционных компаний Union Investment Real Estate AG выступила организатором награждения за образцовые проекты в сфере недвижимости в Европе, которые объединяют устойчивое развитие и коммерческий успех, одновременно отвечая нуждам общества. Представленные проекты должны вносить важный вклад в повышение качества городской жизни, окружающей среды и занимаемой территории.

На суд жюри были представлены 90 реализованных проектов из 12 европейских стран, получившие подде-

ржку Международного союза архитекторов.

Первая награда была присуждена проекту Торговой площади Мейдан в Стамбуле, площадью 70 000 кв. м, реализованному компанией METRO Group Asset Management по проекту фирмы Foreign Office Architects FOA (Лондон-Барселона).

Вторую награду получил научно-культурный центр «Алзион» в г. Сондерборг (Дания), вмещающий на своей территории в 34 000 кв. м университет, государственный концертный зал и частный технопарк. Этот ансамбль – результат

совместной инициативы компаний Sonderborg Kommune, Forskerparken Syd A/S и Fonden Koncertsalen Alsiön. Проект фирмы 3XN Architects (Дания).

Комплекс «Вестенд Дуо» (Westend Duo) во Франкфурте, реализованный компаниями Investors ING Insurance и Hochtief Projektentwicklung, получил третью награду. Проект комплекса – KSP Engel und Zimmermann Architekten (Германия).

Жюри присудило специальный приз комплексу «Зевюрфель» (Seewürfel) в Цюрихе, построенному по проекту архитекторов

фирмы Camenzind Evolution (Швейцария) при содействии фирмы-инвестора Swiss Life.

Представитель МСА в жюри, Ласло Секер, в особенности выделил архитекторов: Джоан Баскетс, Вернер Собек, Йорн Вальтер и Ирэн Визфон Офен, экс-президента Международной федерации по жилищному строительству и планированию городов (МФЖП).

www.prime-property-award.com

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

Архитекторы всего мира начинают борьбу за архитектурный «Оскар»! Россияне впервые в их числе

С 4 по 6 ноября 2009 года в Барселоне пройдет II Мировой архитектурный фестиваль. Крупнейший архитектурный форум планеты – событие, появление которого давно ожидало все архитектурное сообщество, – станет демонстрацией лучших достижений передовых зодчих всего

мира. Несколько тысяч архитекторов из десятков стран представят свои проекты в борьбе за главную награду фестиваля – титул «Лучшее здание мира – 2009». Впервые на столь глобальном форуме российскую архитектуру будет представлять национальная сборная: предполагается,

что российские архитекторы приедут на фестиваль организованной группой, чтобы всем вместе отстоять честь российской архитектуры.

В этом году главной темой форума была объявлена экономия как ресурс. Участникам МАФ предстоит продемонстрировать, какой ответ они готовят давнему

противоречию между желаемым и возможным, а также тем глобальным вызовам, которые встают перед человечеством в новых экономических реалиях. «Меньше – значит больше», – определяет тему фестиваля его директор и главный редактор журнала Archit e stural Review Пол Финч, смеща

ракурс внимания к работам зодчих от восхищения сложностью и нестандартностью решений к трезвой оценке временных и материальных затрат на создание объекта, характеристикам его дальнейшей эксплуатации и влиянию на окружающую среду. Руководствуясь этим девизом, жюри конкурса назовет победителей – ими станут проекты, в которых показано, каким образом можно по-прежнему создавать интересные и красивые здания при максимальной экономии ресурсов, минимальном воздействии на окружающую среду и применении энергосберегающих технологий.

Конкурс проектов, в жюри которого в этот раз войдут такие авторитетные в архитектурном сообществе лица, как Рафаэль Виноли, сэр Питер Кук, Кенго Кума,

Уилл Алсоп и др., станут основным, но не главным событием фестиваля. Большинство участников приедут в Барселону, чтобы лично ознакомиться с последними тенденциями, проблемами и перспективами мирового зодчества и ощутить себя частью глобально-архитектурного процесса. «Архитекторы всех стран, объединяйтесь!» – призывают профессионалов всего мира организаторы МАФ. Для этого II Мировой архитектурный фестиваль открывает массу возможностей: лекции, семинары, мастер-классы и презентации плотно наполняют каждый день трехдневной программы.

Идея, которая была изначально положена в основу концепции МАФ, – доступность участия в конкурсе для всех желающих – осталась та же. Однако, по срав-

нению с прошлым годом, Мировой архитектурный фестиваль заметно погрелся и расширился. Теперь в нем стало больше возможностей для участников претендовать на главные награды. Если в 2008 году подать свой проект можно было только в раздел «Завершенные здания», то в этот раз организаторы ввели три новых направления – «Проекты», «Интерьер и Обстановка», а также раздел «Конструкция», которые без преувеличения охватывают все возможные сферы применения архитектурных талантов.

Российская архитектура, традиционно стоящая немного в стороне от мирового процесса, в этот раз, наконец, получит дополнительные шансы для рванаша. В прошлом году на МАФ из нашей страны

приехало лишь несколько человек. В этот раз благодаря официальному партнеру МАФ в России – газете «Строительство. Архитектура. Недвижимость» – у Мирового архитектурного фестиваля появился русский сайт и обширная программа привлечения отечественных зодчих к участию в этом глобальном форуме. В течение всего срока подачи заявок в крупных городах будут проходить презентации МАФ, и уже начал свою работу постоянный консультационный центр. Основная цель этой работы состоит в том, чтобы наконец вывести российское зодчество из той профессиональной изоляции, в которой оно пребывало до последнего времени. Организаторы призывают российских архитекторов откликнуться.

В сентябре 2008 года Владимир Азарьевич Павлов и его соавтор опубликовали статью в одной из газет Санкт-Петербурга. Статья, вызвавшая большой резонанс, печатается нами по материалам сайта www.politrussia.ru

Самоуправление как школа демократии

Многое в общественной атмосфере нашей страны определяется тем, что мы перед собой и друг другом в той или иной степени лукавим.

Это лукавство порождено в том числе и несостоявшимися надеждами на то, что в конце 80-х годов начали величать перестройкой. Часть из нас понимает суть происходящего, но по старой российской привычке боится сказать об этом вслух: кто его знает, как оно дальше пойдёт. На рубеже 80–90-х годов российское общество ринулось управлять государством, не научившись управлять своим домом, кварталом, городом или посёлком. Так сложилось, что строительство новой, демократической России мы начали с крыши, с формирования высших органов государства. Стоит ли удивляться, что, как только изменилось направление ветра, эту крышу начало сносить?

Однако от той эпохи нам всё-таки осталась Конституция с её полити-

ческой формулой самоуправления. То есть функция государства, по нашей Конституции, заключается не в том, чтобы управлять хозяйственными вопросами в масштабе страны или тем более города, как управляют заводом или учреждением. Мы живём в своей стране, а не на предприятии. И не надо превращать государство в предприятие, а нас в трудовой коллектив. И народ наш – это не сотрудники, не трудящиеся на предприятии, а граждане или нация. Нация – это и есть все граждане страны, имеющие в ней определённые права и несущие определённые обязанности, неотделимые от этих прав. В гражданском плане каждый из нас представитель нации, в конце концов, подданный этой страны. А государство – всего лишь группа чиновников, входящих в правительство и выполняющих функции по политическому руководству, определённые в Конституции. Поэтому, когда я слышу от претенден-

та на одну из высших судебных должностей России слова о том, что главной ценностью нашего государства являются его люди, я только развожу руками. Потому что я всегда думал строго наоборот, считал, что это государство является собственностью нации, а не граждане – собственностью государства.

Мы все составляем одну нацию, а каждый из нас – гражданин. А что значит «гражданин»? Гражданин – это в первую очередь житель поселения. Поселение – конституционное понятие. И Конституция РФ тесно связала понятие поселения с понятием самоуправления. Её 131-я статья гласит: «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций». Граждане и есть жители, которые осуществляют самоуправление внутри границ поселений, в которых они живут. Там, где

нет самоуправления, там нет граждан. А когда государство начинает непосредственно управлять в сферах, отнесённых Конституцией к вопросам местного значения, это волей или неволей оборачивается произволом. А ведь единственной формой диктатуры, которую признали оба наших президента, прошлый и настоящий, является диктатура Закона, т.е. права.

Необходимо чётко отделить функции государства от функций поселения. В этом вся хитрость. Для меня нет понятия «демократия» без понятия «самоуправление». Что такое реальное самоуправление? Это ассоциация собственников на данной территории, в границах поселения. Именно они и должны осуществлять на этой территории управление. В поселении существуют два вида основных вида собственности – частная и муниципальная. Имеют ли право жители муниципального образования сказать «нет», если региональная

власть решает построить на его территории жилой дом или проложить через это муниципальное образование дорогу, которая будет иметь значение для всего мегаполиса? Конечно, имеют. Если я через территорию муниципального образования пропускаю Орловский туннель, то тем самым разрушаю это муниципальное образование.

Вся мировая история свидетельствует о том, что именно самоуправление было школой и источником демократического устройства общества. И демократия в России невозможна без реально работающего, опирающегося на активность жителей местного самоуправления. А между тем обратите внимание на такое обстоятельство: мы только три года назад приняли новый закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Этот закон полностью ещё не успел войти в силу, но за это время в него уже внесена 31 поправка. Это катастрофа с точки зрения функционирования закона. Именно одна из таких поправок лишила петербуржцев, как и москвичей, их конституционного права на создание самостоятельных, независимых от государственной власти органов самоуправления, предоставив право определять их полномочия Законодательному собранию Санкт-Петербурга.

Я не думаю, что Санкт-Петербург как субъект Федерации имеет недостаточно компетентное руководство. В руководстве Петербурга достаточно грамотные люди, но они не всегда остаются в рамках своих, государственных функций. Есть Санкт-Петербург – субъект Федерации, мегаполис, именно в этом качестве он присутствует в нашей Конституции. Но куда исчезли города на территории этого субъекта Федерации? Ведь мегаполис – это конгломерат поселений, как, например, Большой Париж. А у нас в Петербурге, по утверждению городских чиновников, вообще отсутствуют земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности. Если верить статистике, то 83%

земли в Петербурге принадлежат государству.

Нам говорят о некоей собственности Петербурга, которой управляют органы государственной власти: администрация и Законодательное собрание. А что такое, собственно говоря, Санкт-Петербург? Не так сложно, заглянув в Гражданский кодекс РФ (гл. 2), принятый в те времена, когда Государственная Дума ещё была местом для дискуссий, убедиться: субъектами права, а значит и собственниками, могут быть только лица физические или юридические. Санкт-Петербург ни тем, ни другим не является. Он объект права, а не его субъект. Но именно нарушение этого принципа и превратило чиновника в распорядителя нашим имуществом, стало источником произвола.

Государство в лице федеральных и региональных чиновников должно быть защитником моих прав, в том числе прав собственности. Но если губернатор, представляющий государственную власть, сам занимается хозяйственной деятельностью, например определяет участки для строительства, решает вопросы расселения домов, то у кого мне искать защиты, если в результате этих действий мои права оказываются нарушены? Если полномочия государственной власти и местного самоуправления не разведены, как это и происходит в Петербурге, то надежд на эту защиту нет. Вот и пишу люди письма и обращения президенту, потому что другой инстанции, у которой можно искать защиты, они не знают. Конституционное право, закладываемое конструктивный конфликт между государственной властью и органами самоуправления, даёт возможность гражданам защищать свои права и интересы.

К сожалению, нынешние муниципальные органы в Петербурге – это в большинстве случаев дуплет, несостоявшееся самоуправление. И откуда оно может быть иным, если только 4–5% населения принимают участие в выборах депутатов муниципальных советов?

Функции государства в этих обстоятельствах должны состоять не в том, чтобы подменять собою органы самоуправления, а в том, чтобы создать условия для проведения нормальных выборов, чтобы голоса считали люди, представляющие население данного округа и подчинённые ему. Сегодня надо вести речь о становлении муниципальных органов в Петербурге, о создании их заново, чтобы они не столько выражали своё мнение, сколько запускали механизм выражения интересов каждого члена сообщества. Именно для этого в рамках каждого из муниципалитетов согласно закону должны проводиться публичные слушания, которые у нас в этом формате вообще не проводятся. Вместо этого формальным проведением слушаний занимаются районные администрации, то есть органы государственной власти.

Мы спорим о том, хорошим или плохим хозяином нашего города является Валентина Ивановна Матвиенко. Но почти никто не ставит вопроса, а вправе ли губернатор претендовать на имя хозяина региона или хотя бы в какой мере и степени он имеет право быть этим хозяином. Вся жизнь мы выбираем себе барина вместо того, чтобы осознать, что барин – это ты сам. Вся система власти, и местной, и государственной, должна быть инфраструктурой, обслуживающей тебя, гражданина. Но мы пока остаёмся не на позициях самоуправления как главного принципа организации власти, а на позициях его антитезы – самодержавия. Самодержавие – это не царь, не монархия, это примат интересов государства над интересами граждан. В Европе, как известно, существуют чрезвычайно эффективное самоуправление. Конституция РФ определила государство как носителя закона и порядка, предоставив муниципалитетам право и обязанность представлять публичные интересы жителей. Поэтому законодательство исключает

и для тех, и для других прямое участие в предпринимательской деятельности. Если этот принцип нарушается, системная коррупция становится неизбежной. Государственный чиновник должен твёрдо помнить, что он назначен не для того, чтобы распоряжаться по своему усмотрению собственностью поселений или тем более отдельных граждан, он должен понимать, что его дело заниматься вопросами порядка. Вот этот порядок, который в русском национальном сознании определяется как справедливость, и должен поддерживаться государством. А если чиновник вдруг стал богаче даже на маленькую сумму, превышающую его жалование, то это не просто коррупция, это разрушение системы государства. А муниципальным депутатам и чиновникам не следует забывать, что они – исполнители воли населения, как об этом говорится в главе 8 Конституции:

Статья 130

1. Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью.

2. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

<...>

Статья 132 <...>

2. Органы местного самоуправления могут надеяться законом отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Реализация переданных полномочий подконтрольна государству».

Как видите, конституция допускает передачу местному самоуправлению отдельных полномочий государства, но в ней и речи нет о передаче государственным органам каких-либо функций местного самоуправления.

Владимир Павлов
Иосиф Скаковский

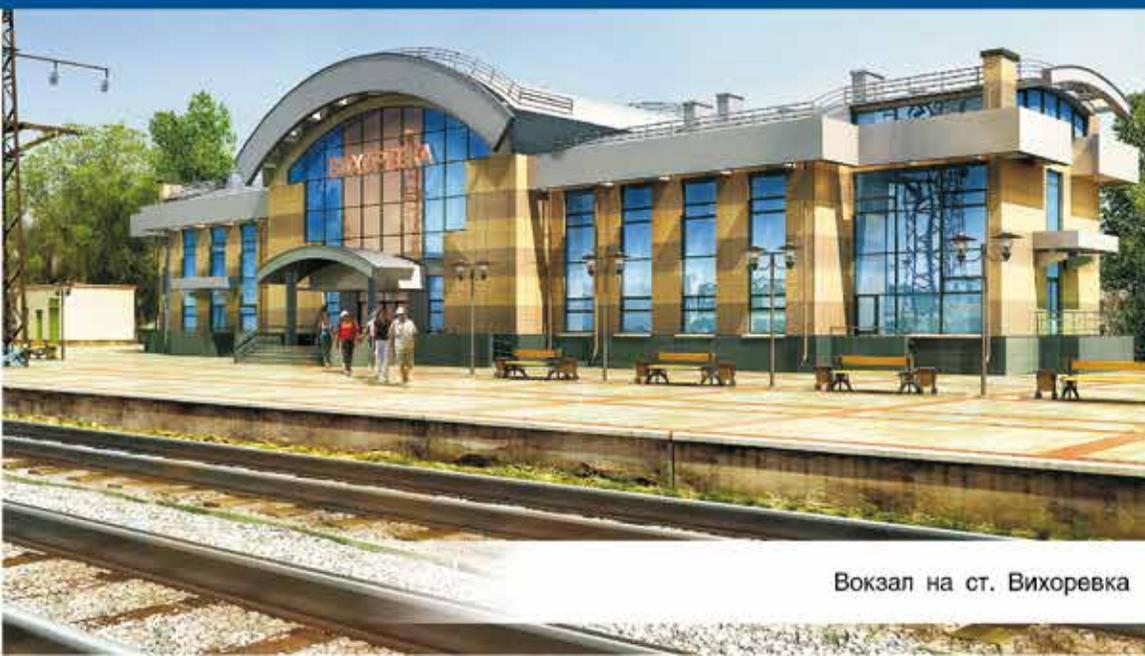

Проект терминально-складского комплекса для таможенных грузов на ст. Иркутск-Пассажирский (АБК)

ПИИ “Иркутскжелездорпроект” имеет более чем 70-летнюю историю безупречной работы в сфере производства проектно-изыскательских работ широкого спектра применения.

- Инженерно-геологические и инженерно-геодезические изыскания
- Технико-экономическое обоснование инвестиций
- Проектирование объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта
- Проектирование объектов недвижимости (промышленного и гражданского назначения)
- Проектирование инженерных сетей и систем
- Экологическое проектирование
- Обследование строительных конструкций зданий и сооружений
- Землеустроительные работы
- Разработка и внедрение систем ЖАТ и связи

на правах рекламы

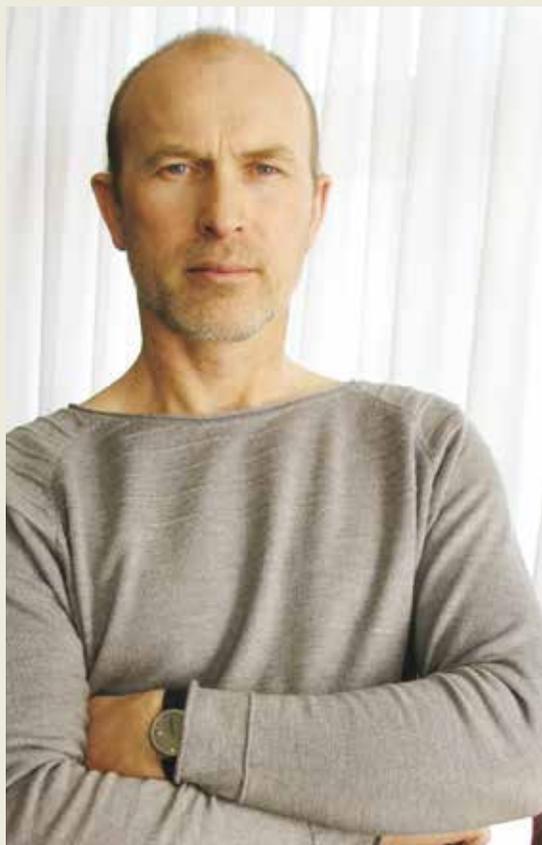
Вокзал на ст. Вихоревка

 **РОСЖЕЛДОР
ПРОЕКТ**
ИРКУТСКЖЕЛДОПРОЕКТ

664007, Россия, Иркутск
ул. Карла Маркса, 59
тел. : (3952) 644-027
факс: (9352) 505-126
e-mail: ipsi@irk.esrr.ru
www.irrdi.ru

Публикации, посвященные юбилейным и неюбилейным датам жизни и творчества ведущих архитекторов региона, в этом номере продолжены интервью с двумя мастерами, принадлежащими к одному поколению. Сходно начиналась и их архитектурная биография: почти одновременно они заканчивали факультет архитектуры и строительства Иркутского политехнического института, поработали на кафедре архитектурного проектирования этого института. Но один из них выбрал академическую карьеру и является единственным на сегодняшний день доктором архитектуры на огромном пространстве от Красноярска до Владивостока; другого увлекло «живое дело» – практическое проектирование. Оба – успешные, инициативные, увлеченные своим делом специалисты высшей пробы.

Умей ценить успехи и неудачи

Жуковский Николай Леонидович
Родился 20 сентября 1959 года. В 1977–1982 годах учился на архитектурном факультете Иркутского политехнического института. 1982–1983 годы – преподаватель кафедры архитектурного проектирования ИПИ. С 1983-го работал в институте Иркутскгражданпроект в 1-й архитектурно-планировочной мастерской, затем в отделе генплана, группе управляющих проектом. В 1992 году организовал ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского». С 2005 года полностью переключился на работу в фирме. Лауреат Премии губернатора Иркутской области по архитектуре 2006 года за реализованный проект базы отдыха «Анастасия» в поселке Никола. Лауреат и дипломант архитектурных конкурсов «Зодчество Восточной Сибири» и «Золотая капитель» за постройки и проекты. Член правления Иркутской организации Союза архитекторов России.

Торговый центр «Сезон»

Турбаза «Анастасия» в пос. Никола

Придорожное кафе между Иркутском и Шелеховом

ПРОЕКТ БАЙКАЛ
Мой герой оказался очень живым человеком, вызывающим искреннюю симпатию коллег. Часть их отзывов считаю возможным привести: вряд ли сам Николай Жуковский сказал бы то, что говорили его коллеги и друзья. Не могу удержаться, чтобы не привести и слова самого Жуковского о себе. Мне кажется, эти фрагменты очень ярко характеризуют нашего юбиляра.

Из автобиографии
«В детстве шатался по улицам с друзьями, с удовольствием лазал по домам, которые вот-вот снесут, собирал старинные вещи; иногда попадались монеты и бумажные колчаковские деньги. Но не затянула улица... Зато сегодня легко собираюсь в любое путешествие.

Однажды в детстве оказался в больнице. И довольно легко научился читать. Воспитательница в детском саду постоянно просила меня почитать детям вслух, пока сама занималась хозяйством. Как начал рано, так рано и потерял интерес к чтению художественной литературы, как-то не стал на это тратить время.

Как все подростки, интересовался многим, но хаотично, играл на баяне, занимался спортом. Собирал примитивно гравированные репродукции из отрывных календарей, копировал открытки с рисунками художников эпохи Возрождения, по книге Ирвинга Стоуна познакомился с жизнью и работами великого Микеланджело Буонаротти, а по репродукциям из журналов – с работами немецкого скульптора Эрнста Барлаха. Уединившись, занимался лепкой и живописью. Приняли в предпоследний класс художественной школы, где познакомился с живописной техникой, вдохнул запах масляных красок. До сих пор тоскую по рисунку и скульптуре.

За два года до окончания школы ходил на подготовительные курсы Политехнического института, сознательно готовился поступить на архитектуру.

Два года поступал на факультет, набирал нужные баллы, но сочинение... Что поделывать, не очень я старался выводить буквы.

Год работы лаборантом на кафедре дал мне, пожалуй, очень много. Приобщился к процессу подготовки архитектора, иногда вел подготовительные курсы. Знаю в лицо всех выпускников старше меня, думаю, что и они меня тоже помнят. До сих пор многих уважаю и поддерживаю товарищеские отношения. Научился общаться и работать со старшими. Еще в школе отличался политической грамотностью. А в институте был профоргом курса, в колхозе ответственным за стройфак, потом – послед-

ним в Иркутскгражданпроекткомсоргом. Все это, как я теперь понимаю, помогло и до сих пор помогает руководить и организовывать».

КОЛЛЕГИ

Общественный темперамент и надежность нашего коллеги совершенно бесспорны, они отличают его и сегодня: Николай Жуковский входит в состав уже третьего правления ИРО САР. Для фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» очень многое делает – сложный блок – монтаж выставок. Это тоже характеризует его как человека, на которого можно положиться. У него собственный этический кодекс, как работать не только с заказчиками, но и со своими субподрядчиками, выполнять финансовые обязательства перед ними – это дорогого стоит.

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ

Распределений для нашего курса в Иркутске не было. Меня

оставили на кафедре архитектурного проектирования молодым специалистом, это три года спокойной работы; готовился поступать в аспирантуру – меня интересовал социальный аспект архитектуры, общественные процессы и их пространственная организация. Сформулировал основополагающее для себя понятие: архитектура – искусство организации пространства.

ПБ

Не найдется, наверное, ни одного думающего архитектора, который бы отказывался от такого определения. Но результаты у всех получаются разные. Как складывалась жизнь дальше?

НЖ

Не понравилась мне атмосфера преподавательских отношений, постоянная боязнь сокращений, куча бумаг с отчетностью и т.д. С легкой руки Виктора Петровича Шматкова чуть было не уехал в Усть-Кут главным архитектором; меня даже в этой должности утвердили, но сезон охоты и рыбалки помешал: вся местная администрация была занята в лесах и на реках... С тех пор я не боюсь перемещаться в пространстве, чтобы реализовывать себя. И тут меня, болтающегося без дела, увидел Владимир Азарьевич Павлов (он у меня на дипломе был консультантом). Так я и попал в Гражданпроект.

Иркутскгражданпроект – отдельная тема: это моя творческая и профессиональная школа, это мэтр Владимир Павлов. Он меня научил всему, что я умею в своей профессии делать. Давая небольшие поручения помимо основной работы, втянул меня в круговорот самостоятельных творческих поисков. Эта работа могла казаться

пустяковой, но «на мелочах» прошел хорошую школу.

Первым крупным проектом, в котором я принимал участие как член авторского коллектива, стал микрорайон «Университетский».

ПБ

Я там живу и нахожу его не очень-то комфортным: каменные джунгли какие-то.

НЖ

На самом деле это пример целостного композиционно-пространственного и градостроительного решения с полным комплексом объектов обслуживания. О, ужас! Сейчас мне представляется, что его застройка имеет недостаточную плотность. Теперь я – за сверхурбанизацию.

Представьте себе, что на традиционно застроенной территории мы сдвинули бы дома в более плотную кучу, оставляя большие массивы зелени и свободное пространство (что-то вроде небоскреба или, наоборот, сверхплотного европейского исторического города). Тогда можно будет ходить между домами, как по чистому коридору, а затоптанные, пыльные газончики заменит жизнестойкая и мощная зелень. У природы тогда хватало бы сил самой себя восстанавливать, а у людей средств на содержание меньшей обустроенной территории. А сейчас и деревья не живут, и кусты вытаптываются, и почва с этих газонов плывет, так что даже непонятно, где земля, где асфальт, а где и обломки бетонных блоков из-под них вылезают.

Всегда любое проектирование сталкивается со множеством социальных проблем, которые необходимо решать еще задолго до того, как люди въедут в свои квартиры. Тактические ошибки заказ-

чика-застройщика привели к дискредитации комплексной градостроительной идеи в глазах общества всерьез и надолго. В Университетском мы не смогли «продать» одновременное строительство квартир и подземных гаражей, в том числе и под спортдвором школ. Подземные парковки раскупались бы как горячие пирожки, люди бы дрались за них. А после ввода жилья эти же люди (по принципу: не мне – так никому) стали протестовать против их строительства. Психологию надо учитывать... Гаражи так и не были построены. Зато теперь в микрорайоне повсюду железный и бетонно-кирпичный хаос индивидуальных гаражей и позор открытых стоянок.

Проект микрорайона отмечен наградой проекта работ в Москве. Но уверяю вас, не обольщайтесь, наши голодные коллеги все это доломают и ополчат, и вас не спросят. Что подделаешь, такова наша история.

КОЛЛЕГИ

Этот микрорайон был бы прекрасным образцом советского градостроительства, если бы он был доведен до конца и введен комплексно. Там была заложена идея пешеходной улицы с высоким уровнем благоустрой-

Основные работы

1. Проект застройки микрорайона Университетский. Заказчик – администрация г. Иркутска, 1985–1987 гг., подрядчик – Иркутскгражданстрой, проектирование – Иркутскгражданпроект. Авторы В.А. Павлов, Н.Н. Беляков; Н.В. Бух, Н.Л. Жуковский. Проект полностью не реализован.
2. Проект зон охраны памятника истории – первенца Ангарского каскада Иркутской ГЭС; проект застройки 1-го Поселка ГЭС. Проектирование – Иркутскгражданпроект, 1997–1998 гг. Автор Н.Л. Жуковский.
3. Турбаза «Анастасия» в поселке Никола, 2002 г. Заказчик – ООО «Флавор» и лично Ю. Г. Филиппов. Проектирование – ООО «Архитектурная фирма Н.Жуковского». Генподрядчик – ЗАО «Парапет». Автор Н. Л. Жуковский.
4. Придорожное кафе между Иркутском и Шелеховом, 2005 г. Заказчик – Д. и Е. Быковы. Проектировщик – ООО «Архитектурная фирма Н.Жуковского». Авторы Н. Жуковский, О. Нючева; конструктор Д. Хамаганов.
5. Гостевой домик («Банька») на Иркутском водохранилище, 2005 г. Автор Н. Жуковский.
6. ПДП Академгородка в Иркутске, 2006 г. (ГАП, член авторского коллектива ГП). Проектирование – Иркутскгражданпроект.
7. Торговый центр «Сезон», 2005–2009 гг. Заказчик – ООО «Пассаж на Баснинской» и лично С. В. Прокофьев. Проектировщик – ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского». Авторы Н. Жуковский, О. Нючева, И. Буторин, В. Тяжев; конструкторы М. Бессонова, Е. Балаганская, А. Павлова, А. Сергеева.

Проекты

1. Конкурсный проект базового поселка золотодобытчиков в п. Таксимо. Заказчик – Агродорспецстрой. Проектировщик – ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского». Автор Н. Жуковский
2. Конкурсный проект Храма-памятника святого благоверного князя Александра Невского в Иркутске. Авторы Н. Жуковский, Д. Сидельников, В. Тяжев
3. Проект жилого многоэтажного комплекса. Заказчик ЗАО «Востсибстрой». Проектировщик – ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского». Авторы Н. Жуковский, Д. Сидельников
4. Последние работы выполнены ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского» в составе: архитекторы Денис Сидельников, Ольга Нючева, Иван Буторин, Владимир Тяжев; конструкторы Геннадий Фризер, Марина Бессонова, Елена Балаганская, Анна Павлова, Анна Сергеева; ГИПы Иван Веригин, Наталья Жуковская, Александр Смольков.

Проект застройки м/на
Университетский (макет)

тва, на которую выходили бы все объекты соцкультбыта. Но даже и теперь он градостроительно красив, с этим никто не спорит; помогает этому и рельеф местности.

НЖ

Был и ряд нереализованных проектов. В каждом из них содержались интересные идеи, но остались на бумаге. Я не жалею о них: все это школа, все не зря... В силу разных обстоятельств я вывалился из бума жилищного строительства, дававшего огромные возможности для масштабного проектирования. Были какие-то заказы, но чаще за чертой города и небольшие. Поэтому иногда я больше ценю идеи конкурсных проектов: они гораздо интереснее, чем то, что осуществляется. Не надо переживать, нет худа без добра; ведь ради победы в конкурсах иногда приходится поступаться принципами, а мне это не очень-то нравится, и идеи какие-то затоптанные получаются.

Эскиз-идея гостевого
домика «Банька»

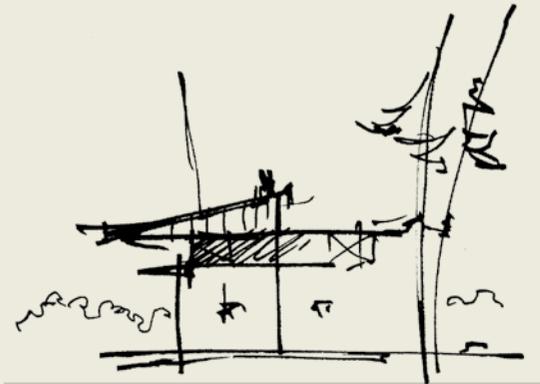
Гостевой домик
«Банька» на Иркутском
водохранилище

ПБ

Что это за проекты?

НЖ

В проекте храма Святого
Благоверного Князя

Александра Невского в Иркутске реализовались многие идеи еще перестроенных времен (из проекта храма в поселке Магистральный).

Площадка для будущего храма предложена предельно неудачная, вплотную к домам, зажата и отрезана от водоема дорогой. Так что там пришлось отойти от условий и предложить комплексное градостроительное решение для этого места. Я разместил в пространстве и автомобильную развязку, и парк, и храм, который стал доминантой места со свободным выходом к воде. Храм выполнил по всем православным канонам, но позволил интерпретацию внутреннего пространства более языческую, что и передает суть моих убеждений. Поклонение солнцу, его началу, я считаю, не противоречит ни одной религии.

ПБ

И этот проект не остался незамеченным, удостоившись поощрительного диплома на том же фестивале «Зодчество Восточной Сибири» (ПБ № 6).

Я тогда же отметила, что форма храма больше соответствует моему внутреннему ощущению о том, какой должна быть современная церковная архитектура, в отличие от псевдорусских строений.

НЖ

Очень жаль, что не реализовался комплексно проект застройки 1-го поселка ГЭС, выполненный на основе ранее разработанного мною же проекта зон охраны памятника истории – первенца Ангарского каскада Иркутской ГЭС. В этой работе я соприкоснулся с историей места, как мне кажется, ощутил камерный масштаб жилого пространства, обаяние советской архитектуры и градостроительства 50-х годов, суть планировочной структуры. Кроме того, интересно было прикоснуться к истории эпохальных объектов... Я до сих пор переживаю, что проект 1-го поселка не реализовался, что меняют названия улиц, отражающие историческую сущность, что друзья-коллеги разрушают планировочную структуру...

КОЛЛЕГИ

Николай стал таким специалистом по истории Иркутской ГЭС, что к его архиву не один раз обращались профессионалы. Жуковский демонстрирует правильный подход к проектированию, не поверхностный: он раскопал всю историю 1-го поселка ГЭС, ради небольшого по масштабу объекта подверг глубокому анализу всю его среду. Для него дорога память места, это не пустые слова.

ПБ

А какие успехи вам хотелось бы отметить?

НЖ

Большую часть успеха в реализации проекта я отдаю

заказчикам: если бы они не увлеклись вместе со мной идеей, то и объектов таких не было бы. Вот турбаза «Анастасия» в Николе – это пример объекта, когда заказчик вошел во вкус.

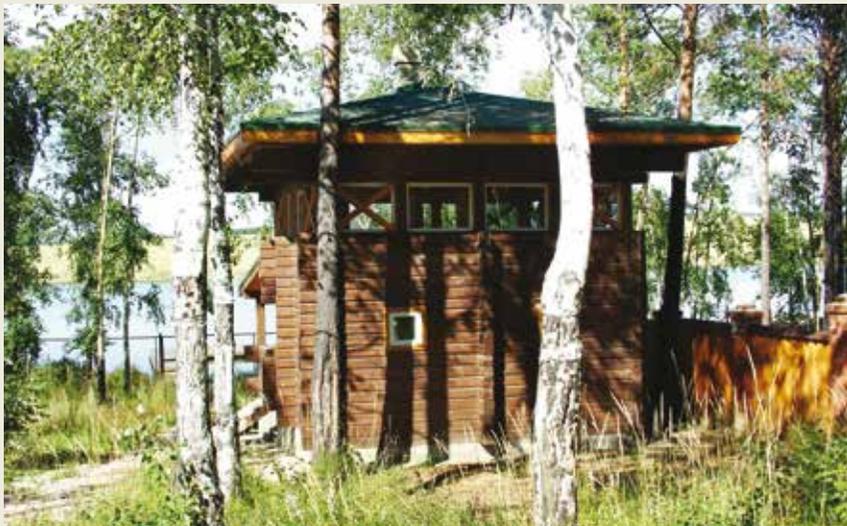
Взаимопонимание и добрые взаимоотношения с заказчиком очень важны. Моя задача – построить так наши отношения, чтобы заказчик заинтересовался проектом, качеством его реализации. Получение больших денег за проект уходит на второй план. Для меня более важно, чтобы я сам реализовался как профессионал и не очень отступился от своих творческих и профессиональных принципов. В архитектурном решении турбазы заложена прекрасная идея о взаимном проникновении внутреннего и внешнего пространств и условности ограждающих конструкций. Качество внутреннего пространства становится выше за счет доступа к внешнему пространству. Там вид из окна или с террасы даже лучше, чем само здание.

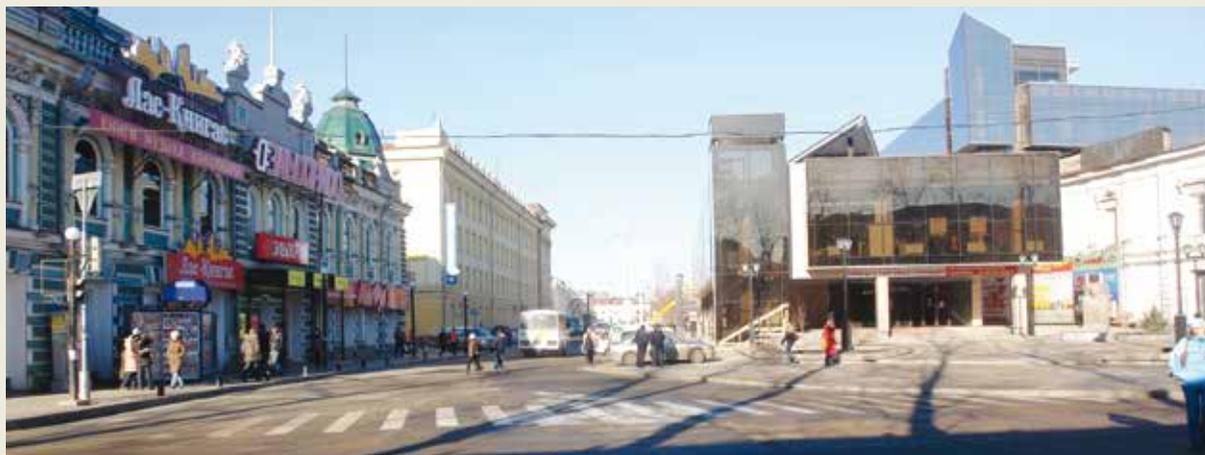
ПБ

Это знаменитый комплекс, который был премирован Золотым дипломом на ЗВС-V. Кроме того, о нем достаточно подробно было написано в ПБ (№ 2, 6), а обложку ПБ №7 украсила панорама Байкала, снятая с террасы одного из домов. Чистая Япония! И как это по-байкальски экономно, сдержанно, традиционно и – одновременно – изобретательно!

НЖ

Как всегда, один удачный проект влечет последующие заказы. В последнее время я не делаю рекламы и не участвую в местных конкурсах: они себя полностью дискредитировали,

стали протекционистскими. В тендерах лучше вообще не участвовать: обычно победителя похлопывают по плечу, в глазах сочувствие и поддержка... Мне не нравится, когда кто-либо ругает проектировщиков; начинаю осторожней к нему относиться. Не считаю для себя возможным критиковать и коллег перед заказчиком. Но самому архитектору наедине можно сказать, что о нем по конкретному случаю думаю.

Безупречных проектов нет. Это как новый автомобиль, который сразу после покупки начинает путь на свалку. Так и объект: задумал его идеальную версию, а при реализации начинаются его деформации. Критику от коллег принимаю: она открывает новые грани твоего проекта, о которых ты даже не догадывался.

Городские проблемы последних лет вынудили меня переключиться на небольшие общественные сооружения. Хотя их бюджет и невелик, но я – приверженец принципа умеренности. Пока еще доволен небольшим кафе по дороге в Шелехов.

По опыту собственных автомобильных путешествий я знаю, что обед впрок не идет, если, сидя в придорожном кафе, не видишь своего автомобиля. Значит, необходимы большие окна. А потом мы обнаружили роскошное лесное окружение. Теперь этот объект – прекрасное место с панорамным обзором – полное погружение в пространство.

КОЛЛЕГИ

Это кафе – прекрасная миниатюра, ради которой многие даже делают остановку на 17-м километре. Если бы еще кухня была чуть лучше – цены бы ему не было. Этот объект был показан в

«Мониторе» ПБ №17. Николай каждый раз показывает новые примеры взаимодействия внешнего и внутреннего пространства: иногда это почти отсутствие стен, иногда – как в банке – полностью традиционное глухое строение. Но какое легкое и соразмерное! НЖ

Пассаж на Баснинской – «Сезон» – здание в условиях плотной исторической застройки. Я для себя обозначил принцип, что историческим объектам принадлежит предпочтительное право в формировании окружающей среды. Решение было найдено в создании огромных плоскостей зеркального стекла. Что-то на стекло понесло... Да-да, это еле уловимое и условное ограждение пространства. Сам объект почти не виден за счет стекла, и здание напротив отражается, как бы умножая вес исторической застройки. Студенты даже подхватили идею и стали проектировать «невидимые города», используя «метод отраженного пространства» – зеркала, стекла, отражающие поверхности и т.д. Я тут же не при чем, они сами... КОЛЛЕГИ

Конечно, в «Сезоне» не все идеально. Но удалось хоть чуть-чуть заказчика перетянуть на свою сторону и предусмотреть приличное количество автомобильных мест на подземной стоянке; то есть подумал он и о городе, и о людях. В его проектах всегда решается какая-то сверхзадача (см. ПБ №15).

ПБ

Николай не «зациклен» на одной архитектуре: и на ретро-автомобилях по городу раскатывает, и дом строит

своими руками. Соседи его за это уважают и ставят в пример. Даже в изучении хода солнца он оказался докой, собираясь сконструировать солнечные часы, не говоря уже о велосипедах, лыжах, яхтах... Может, из любви к преодолению пространства и рождается «чувство места»?

Казалось бы, «попутные» мотивы, но разнообразие его увлечений дает представление об интересном, очень неповерхностном специалисте. Наверное, в этом профессия архитектора чем-то похожа на актерскую: каждый раз надо переодеваться то в проходящего мимо объекта горожанина, то в продавца супермаркета, то в школьника, то в инвалида-колясочника... Для Жуковского это уже не пустые слова. Докопаться до сути и мелочей, – наверное, одна из его заповедей как креативного архитектора. Это заражает идеей и его самого, и заказчика, и коллег. И заказчики доверяют ему, оставаясь верными клиентами.

В заключение – рассуждения «от Жуковского», которые мне почему-то очень нравятся: «Мамонт в земле лежит, и ему все равно, какой чиновник его продаст. Чиновник настолько маленький, что его мамонт даже не заметит и не запомнит.

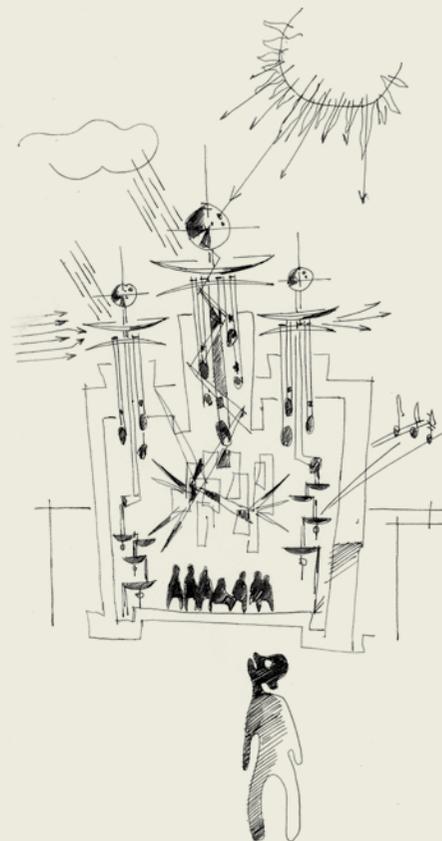
Жизнь намного сложнее, чем самые лучшие проекты... естественный ход истории намного сильнее, чем наши желания. И влияние чиновника тоже входит в этот естественный ход истории, хотя влияние экономики еще сильнее.

Сапожник должен быть без сапог, а если он уже в сапогах, то он чиновник от сапожников.

Когда великан сожмет в своей руке нашу планету как камень и почувствует тепло и влагу, человек подумает: «Раздавил он меня!» Но нет: он не человека раздавит и даже не человечество; тепло и влага для великана – это моря и океаны».

Николай Леонидович всячески уклонялся от просьбы сформулировать свое кредо. Мне показалось, что есть мысли, которые вполне соответствуют этому кредо: «Никогда не надо быть довольным. И вообще вся жизнь, как оказывается, – это постоянное стремление реализовать все свои детские мечты и начинания».

Храм Сил Природы. Эскиз. Частично осуществлен в проекте храма пос. Магистральный и Храма-памятнике святого благоверного князя Александра Невского в Иркутске

Я хочу сотрудничать с природой

Большаков Андрей Геннадьевич
Родился 5 марта 1958 года. С 1975-го по 1980 год учился на архитектурном отделении строительного факультета ИргТУ. До 1982 года – ассистент на кафедре архитектурного проектирования Иркутского политехнического института. 1983–1986 годы – работал в отделе районной планировки ЦНИИП градостроительства. Учился в аспирантуре МАРХИ на кафедре основ теории градостроительства. В 1986 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Планировочные аспекты охраны природной среды региона» по специальности 18.00.04 «Градостроительство». В 2003 году защитил докторскую диссертацию «Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории» по специальности 18.00.01 «История и теория архитектуры». С 1986 года – доцент, затем профессор на кафедре архитектурного проектирования ИргТУ. С 2002 года – заведующий кафедрой архитектуры и градостроительства ИргТУ.

Основные публикации

1. Экологические основы градостроительства. – Иркутск, ИПИ, 1991. – 114 с.
2. Геопластика в архитектуре и планировке ландшафта : учебное пособие. Рекомендовано УМО по архитектурным специальностям Министерства образования РФ. – Иркутск : Изд-во института географии СО РАН, 2000. – 171 с.
3. Экологические предпосылки градостроительного проектирования : научная монография. – Иркутск : ИргТУ, 2003. – 148 с.
4. Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории : автореферат диссертации доктора архитектуры. – М. : МАРХИ, 2003. – 48 с.
5. Основы теории градостроительства и районной планировки : учебник. Допущено УМО по образованию в области архитектуры. – Иркутск : ИргТУ, 2004. – 214 с.
6. Проектирование городской набережной : учебное пособие. Допущено УМО по образованию в области архитектуры в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Архитектура» и «Градостроительство». – Иркутск : ИргТУ, 2008. – 120 с.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ
Представление авторитетного ученого, преподавателя и архитектора традиционно начинается с разговора об образовании, первых шагах в профессии. В случае с Андреем Геннадьевичем Большаковым дело обстоит несколько иначе. Мой собеседник был сосредоточен на проблемах сегодняшнего города, на восстановлении в нем того, что он сам назвал «равновесием». Кроме того, как интеллект и педагог, важные идеи он изложил в виде записки, фрагменты которой я позволю себе вставить в интервью.

Итак, с чего началась ваша архитектурная биография?
АНДРЕЙ БОЛЬШАКОВ
Более-менее случайно. В художественной школе я не занимался, особенного пространственного воображения тоже не воспитывал... Пошел и поступил.

ПБ
По вашим высказываниям я могу судить, что вы увлекались естественными науками.

АБ
Да, были намерения заняться биофизикой. Потом это увлечение пригодились.

ПБ
Но почему же все-таки – архитектура?

АБ
Наверное, потому что я ощущал потребность в красоте, в гармонии, и мне казалось, что архитекторы ближе всего подходят по роду своих занятий к ее осуществлению.

ПБ
А кто из ученых или педагогов вам особенно запомнился?

АБ
В аспирантуре МАРХИ моим руководителем была профессор Зоя Николаевна Яргина. ЦНИИП градостроительства, где я тогда же работал в отделе районной планировки, возглавлял Виктор Владимирович Владимиров. Теперь, когда я сам учу студентов и аспирантов, я понимаю, какая у моих руководителей была непростая работа.

Думаю, что попасть к хорошим учителям – это во многом вопрос везения и случайнос-

ти. Я больше горжусь своими дипломниками-выпускниками; вот это дело мое. Среди них те, кто работает в Москве и Петербурге, Чите и Иркутске. Руководжу аспирантами; двое защитились в МАРХИ.

ПБ
Скажите, вы занимаетесь сейчас академической наукой?

АБ
Скорее, прикладной. Но у моих аспирантов обязательно элементы фундаментальных исследований включаются в диссертационную работу.

ПБ
На каких основах строится ваша педагогическая работа? Чего вы требуете от себя как педагога, от своих коллег и студентов?

АБ
Требую от студентов и себя одного и того же – компетентности. Надо быть в курсе событий, а не просто книжки читать и с чужих слов о чем-то рассказывать. Нужна градостроительная практика, я должен участвовать в реальных проектах. Для меня самое главное – профессионализм: дело не только в том, чтобы нести идеологию, но необходимо знать, как реально действуют механизмы, как осуществляется проектная и ландшафтная деятельность. Поэтому я работаю на суб-подряде в разных проектных организациях.

Условия сегодняшней деятельности невероятно трудные: у нас сложился в высшей степени хаотический, дикий рынок недвижимости. Сложно узнать, какая мотивация сегодня у заказчиков. Она в высшей степени коммерческая; это другой вектор развития, чем полтора десятка лет назад. Точечная застройка поглощает не только дворы жилых домов, но даже участки школ; отведенные для строительства детских садов и школ территории застраиваются коммерческим жильем. Не получается добиться положительных результатов, устойчивого развития, здорового города. Но тем не менее, это постоянная причина, побуждающая прикладывать усилия... если бы все уже сложилось, то можно

было бы лапки поднять и на пенсию уходить ...

Считаю одной из основных практических задач градостроительной подготовки воспитания девелоперов и управленцев, которые преследовали бы не только коммерческие цели в своей строительно-инвестиционной деятельности, но были мотивированы создавать нормальные экологические, социальные, эстетические условия путем технических, организационных, управленческих, архитектурно-планировочных решений. Эти участники градостроительной деятельности должны уметь ставить стратегические цели именно устойчивого развития города, а значит, опираться на науку и теорию градостроительства. К сожалению, градостроительная наука и теория в нашем регионе недостаточно развиты, а те рекомендации, которые выработаны учеными-градостроителями, не находят отклика в комитете по градостроительной политике, в частности города Иркутска. Воспринимаются только планы увеличения строительства и ввода жилья в эксплуатацию. А какое будет при этом пространство города, будет ли оно пригодно для жизни, об этом заботы мало, или ее вовсе не видно.

ПБ
Из каких компонентов складывается устойчивое развитие Иркутска как города, какие условия для него нужны, какие задачи должны быть решены?

АБ
Само собой, что устойчивое развитие предполагает рост благосостояния, но это не только приращение имущества. Это похоже на паровозик: страсти кипят, как в паровом котле, но куда этот паровозик направить, где проложить рельсы? Вопрос в том, чтобы город не уничтожал свое природное и культурное наследие, чтобы сохранялось экологическое равновесие. Для любого города, в том числе и Иркутска, условием такого равновесия является сохранение открытых пространств: дворов, скверов, памятников, которые должны быть видны... Точечная застройка, которая

развивалась последние десять лет, уже чревата для нас возможностью кризиса.

ПБ

Кстати, о нынешнем кризисе. Какие ресурсы он может нам дать? Как можно превратить сложности нынешнего периода в толчок для развития, который мог бы принести пользу городу?

АБ

Наверное, он требует большей гибкости от человека в определении его деятельности. В городе должна сложиться атмосфера, благоприятная для стимуляции инновационных процессов. А это прямая задача власти и общественности. Студентов надо воспитывать в первую очередь, потому что их мировоззрение и деятельность будут многое решать в будущем. Мы недооцениваем значение мониторинга, который должен предостерегать и предвидеть опасности стихийного развития города.

Город – это метаболизм, в котором обновление и поддержание уже существующего сопровождается и сносом того, что уже отжило свое. В динамично развивающемся городе эти процессы дополняют друг друга и более-менее уравновешивают.

Градостроительство есть там, где власть ставит

стратегические цели перед специалистами, разрешает градостроителям их планировать и осуществлять. Одна из стратегических целей – выявление резервов. Таких резервов в Октябрьском районе, например, около трети от всей территории, которые на перспективу могут быть освобождены от морально устаревшей, не удовлетворяющей требованиям сейсмостойкости и т.п. застройки. Конечно, это большие объемы компенсируемого жилья. Но если идти по пути точечной застройки... Я могу сравнить это с тем, как закрываются вены, и организм начинает задыхаться, образуется тромб: нарушаются транспортные схемы, инсоляция, появляются постоянные пробки, шум, смог. Чтобы такая закупорка всех вен не происходила, нужно сознательно и целенаправленно вкладывать средства в реструктуризацию города, в его стратегическое развитие, последовательное использование резервов. Это, по словам Глазычева, «катящаяся реконструкция»... Наверное, делать все сразу невозможно, и начинать лучше с малого: выделить небольшую территорию, удовлетворяющую нормам благоустройства, отселить туда людей с реструктурируемой территории, одновременно развивать саму эту террито-

рию, включая и открытые публичные пространства.

Большой ущерб для градостроительства и экономики был нанесен приостановкой действия СНИПов и ГОСТов.

ПБ

Экономисты, исследуя процессы развития, используют понятия коротких и длинных волн. Для каждого из ритмов характерны свои закономерности и особенности. Какими периодами мыслит градостроитель?

АБ

Для стратегического преодоления кризиса необходимо стратегическое мышление. Для него нужна как минимум дистанция лет в пятьдесят. Хотя сейчас возможности таких прогнозов сильно затруднены. Например, расчет численности населения методом трудового баланса, которым пользовались в советское время, сейчас использовать уже невозможно. Это те трудности, с которыми приходится считаться.

ПБ

Какие из проектов, в которых участвовали Вы, Ваши коллеги и Ваши студенты, вы можете назвать успешными?

АБ

Таких объектов мало. В Ангарске начали осущест-

Основные проекты

1. Проект архитектурно-ландшафтной рекультивации нарушенного участка побережья озера Байкал в селе Большое Голоустное. Заказчик Международная организация «Дэвис ассошиэйтс». Иркутский экологический фонд, комитет по экологии Иркутской области. Иркутск, 1994.
2. Реализация проекта рекультивации фрагмента нарушенного участка побережья озера Байкал в селе Большое Голоустное. 1994–1996 годы. Заказчик Международная организация «Дэвис ассошиэйтс». Иркутский экологический фонд, комитет по экологии Иркутской области.
3. Проект архитектурно-ландшафтной рекультивации гранитного карьера Ангасольской щебеночного завода. Заказчик Ангасольский щебеночный завод, 1998.
4. Проект рекультивации и благоустройства парка Роща Звездочка. Заказчик ИРИИЖТ, 2003.
5. Проект Иннокентьевского парка в г. Иркутске (роща железнодорожной больницы на станции Иннокентьевская). Заказчик УКС ВСЖД, 1998.
6. Корректировка генерального плана нейтринной обсерватории института ядерных исследований на 106 км КБЖД. Заказчик «Оргстройпроект», 2003.
7. Проект мемориального комплекса, посвященного воинам, погибшим в межнациональных конфликтах в 95-м квартале г. Ангарска. Заказчик администрация г. Ангарска, некоммерческое партнерство «Ангарчане», 2007.
8. Проект набережной реки Ангары в створе от нового моста до плотины ГЭС. Заказчик ОАО «Иркутскэнерго», 2006.
9. Проект набережной реки Китой в г. Ангарске на участках поселка Старица и поселка Кирова. Заказчик ОАО «Сибирский Оргстройпроект», УКС администрации г. Ангарска, 2006.
10. Эскизный проект 6-го микрорайона в Ново-Ленино. Заказчик ОАО «Сибирский Оргстройпроект», 2008.
11. Эскиз планировки Октябрьского административного округа по принципу устойчивого развития территории. Заказчик ОАО «Иркутскгражданпроект», 2007.
12. Проект планировки турбазы ООО «Юнисел» в селе Большое Голоустное. Заказчик ООО «Юнисел», 2007.
13. Проект развития застройки поселка Бурдаковка на Байкальском тракте. Заказчик ООО «Байкастройинжиниринг», 2008.

Проект турбазы
ООО «Юнисел»

влять проект мемориального сквера в 95 квартале по ул. Горького... Там установили скульптуру в память воинов, погибших в межнациональных конфликтах. В разработке принимал участие мой дипломник.

Конечно, реализация проекта в самом начале.

На Кругобайкалке есть нейтринная обсерватория Института ядерных исследований, а при ней поселок и лаборатория по первичной обработке данных, которые находятся в уникально ценном ландшафте. Мы учли исторические и природные особенности места и скорректировали старый генплан, чтобы планировка не уничтожала ценности места; там потихонечку проект осуществляется.

ПБ
Вы еще упоминали Голоустрое...

АБ
В 1994–1996 годах мы выполнили рекультивацию на небольшом фрагменте территории: там нарушенный участок в 34 гектара земли, требующей рекультивации; мы работали на полутора гектарах, высвободили почву. В 50-е годы леспромхоз вырыл канал для сплава леса, а прекрасную землю похоронили под отвалами. Я предположил, что слой почвы не был срезан. Мои предположения оправдались: когда верхние слои были убраны, высвободили почву, земля обогрелась солнышком, и семена (им 50 лет!) проросли. По сравнению с рекультивацией сверху получилось и дешевле, и эффективнее. Сейчас там прекрасный травяной покров. Я благодарен своим

студентам за участие, которое они принимали: многое ребята делали руками, работа была творческая, иногда просто ювелирная.

Вообще концепция геопластики, которой я занимаюсь, заключается в том, что специально сформированный восстановительный рельеф «запускает» ландшафтные процессы, и дальше природа все делает сама: дашь толчок, и потом главное – не мешать. В моей диссертации одним из положений было, что не выровненный, а складчатый рельеф создает наилучшие условия для восстановления ландшафта, и при правильно подобранных элементах рельефа восстановительные процессы делаются устойчивыми и саморегулируемыми. И это наилучший результат, которого можно ожидать. Правда, не все удается довести до конца, а иногда не удается достигнуть взаимопонимания с властями.

Для меня очень важная тема – тема воды. Все процессы внутриклеточного обмена в человеке так или иначе связаны с ней; гуморальная регуляция организма и более древняя, и более фундаментальная. Вода имеет память, программирует нас... У нашего города огромное преимущество – Ангара, хранить ее надо как зеницу ока. Градостроительный аспект этой проблемы заключается в том, что есть зоны специального регулирования, для которых требуется особый режим и тщательное планирование всех возможных воздействий и их последствий. В последнее время произошли изменения в водном кодексе; теперь разрешается застройка возле берега, что приведет к неизбежным нерегулируемым стокам и загрязнениям. Береговая полоса – это естественный биофильтр, и лишать реку возможности самоочищаться ни в коем случае нельзя. На градсовете недавно рассматривали проект благоустройства бульвара Гагарина, и я выступал против превращения бульвара в единое транспортное кольцо: популярное место в городе может просто исчезнуть... Я выполнил два проекта набережных. Для Иркутска

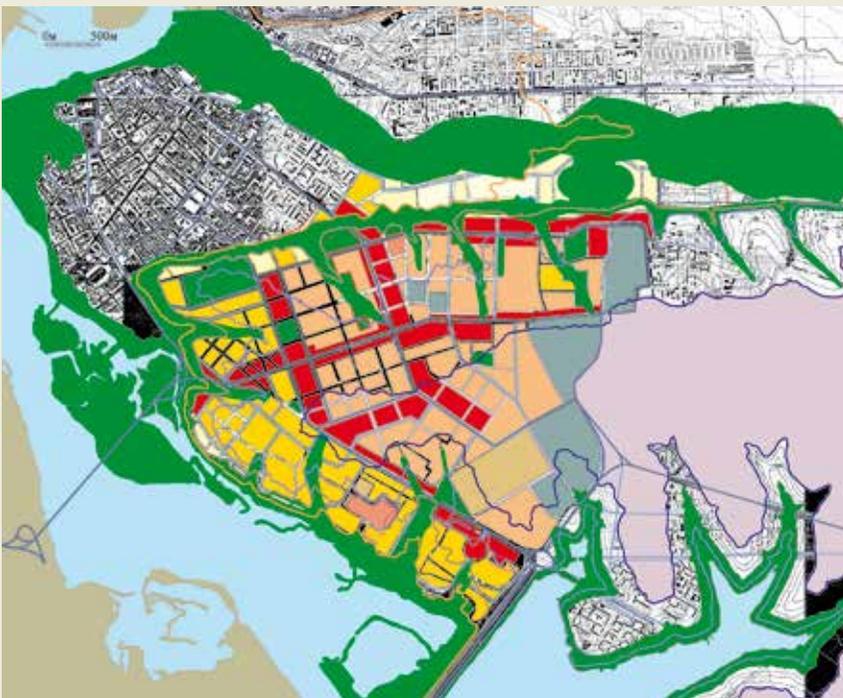
– это набережная по обоим берегам Ангары в створе от нового моста до плотины ГЭС. Для Ангарска – это набережная Китоя на участках поселков Старица и Кирова. Оба проекта лежат под сукном. Меня, наверное, из градсовета скоро просто выгонят за мои выступления.

ПБ
Но, видимо, нужен такой компетентный человек, который будит общественное мнение, иначе оно задремлет; критика, кроме всего прочего, оживляет мысль.

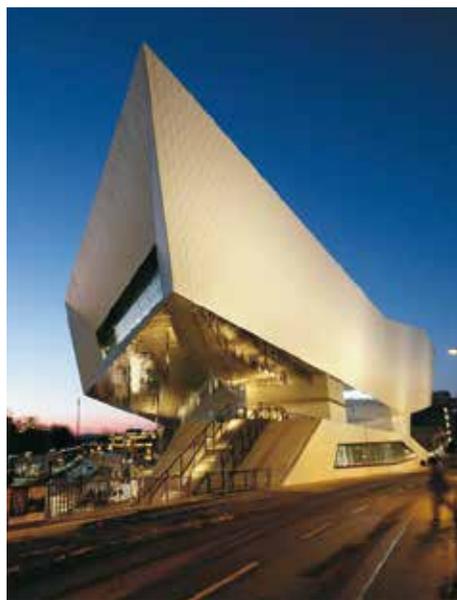
АБ
В отношении реки и воды поведение не должно быть прямолинейным. Более всего это похоже на принципы айкидо: активное действие по отношению к реке основывается на том, что ее ставят в условия, когда она сама укрепляет свои берега. А сжимать русло Ангары искусственно – все равно что брендспойт зажать наполовину, надеясь удержать его в руках.

ПБ
Можно ли сформулировать – хотя бы приблизительно – ваше кредо?

АБ
Мне кажется, что ничего оригинального в моей деятельности нет. Стараюсь воплотить, пусть хотя бы частично, те идеи, о которых мы говорили. Основа моей активности определилась еще в школьные годы: я люблю природу, лес, реки. Люблю ощущать Байкал – это ведь не только диковинка, это среда и мощь, которая входит в тебя. Может, у некоторых горожан эти каналы закрыты, но к природе большинство все равно тянется. А то, что люблю, – мне хочется защищать. Поэтому и в градостроительстве, и в ландшафтной архитектуре я ищу место для природы. Цивилизация норовит преобразовать природу, заменить природу техническими протезами. Опаснее всего – технократ в градостроительстве: он считает, что все проблемы решаются техническими средствами. А градостроительство должно не столько решать проблемы, сколько их претотвращать, предупреждать. В двух словах – сотрудничать с природой.

Музей Porsche / Porsche-Museum

Место: Штутгарт, Германия
Архитектор: Delugan Meissl,
HG Merz Architekten
Тип: культурный, музей

Музей представляет собой исключительный с инженерной точки зрения проект: многогранник выставочного корпуса музея весом 35 000 т поднят на трех опорах, при его общей длине в окружности 140 м на основной консольный вынос приходится 40 м, а длина пролета достигает 60 м. Здание вписано в транспортный узел Порше-платц, небольшой площади, куда выходят штаб-квартира автоконцерна и один из его заводов. Архитекторы не рассматривают ее как самодостаточный скульптурный объем: по их мнению, она, хотя и служит олицетворением скорости, динамики и собранности как основополагающих свойств автомобилей Porsche, находится в живом «симбиозе» с окружающим пространством и постройками. Внутри интерьер выдержан в монохромной, черно-белой гамме, оживляемой разноцветными экспонатами.

Ода скорости – www.archi.ru/foreign/news/
Delugan Meissl Associated Architects - www.deluganmeissl.at/
Использован материал сайтов: www.flickr.com, www.archi.ru

Аэропорт Хитроу – Терминал 5 / Heathrow Airport Terminal 5

Место: Лондон,
Великобритания
Архитектор: Rogers Stirk
Harbour + Partners
Тип: транспортный, аэропорт

Это, пожалуй, один из самых высоких аэропортов в мире: в нем четыре надземных и три подземных уровня. Это создает значительные неудобства: если пассажир прибывает в Хитроу на метро, а его самолет припаркован у одного из двух терминалов-«спутников» Т 5, то ему придется подняться из-под земли на самый верх постройки – в зал вылета, пройти регистрацию, а затем вновь спуститься вниз, чтобы сесть на шаттл, который доставит его по тоннелю под летным полем до соседней постройки. За годы согласований волнообразные перекрытия были заменены крышей шириной в 160 м с одним изгибом профиля, перекрывающей все пространство терминала без помощи промежуточных опор. Такое решение связано с функциональным назначением здания. Так как аэропорты часто подвергаются реконструкции, архитекторы сделали внутреннюю конструкцию постройки абсолютно независимой от внешней «коробки» стен и крыши.

Аэропорт на все времена – www.archi.ru/foreign/news/
Rogers Stirk Harbour + Partners – www.rsh-p.com/
Использован материал сайтов: www.rsh-p.com, www.archi.ru

Любите ли вы сады?

(Я знаю ваш ответ, это я так, разминаюсь для храбрости.)

Давайте договоримся, что садом мы здесь будем называть то пространство, что сделано из растущих растений, причем не только с любовью (ибо это тогда будут наши все огороды), а еще и с талантом.

И вот теперь я еще раз спрошу: любите ли вы сады так, как люблю их я? Испытываете ли вы тот восторг, который распирает меня, когда я попадаю в хорошо придуманный и тщательно выполненный сад, за которым ухаживают много лет и с любовью?

«Ну загнула, — скажете вы, — где ж такой взять-то?» А я вам отвечу: «А там же, где берут и архитектуру, которую называют застывшей музыкой». Я например «взяла» их из своей юности, когда училась не только среди ансамблей Ленинграда (тогда этот город так назывался), но и среди парков Павловска, Петергофа, Пушкина, Ломоносова, Гатчины, Ораниенбаума. В нашем термине — это тоже сады, только разросшиеся до огромных размеров. И перефразируя слова Гете, я бы сказала, что сады — это живая музыка.

Это музыка, которая «слышится» всеми органами

чувств. По полноте восприятия искусство сада можно сравнить только с ресторанным искусством, где тоже наслаждение получают всем, что дано человеку. Но ресторан — это немного другое...

И наслаждение садом, мне кажется, все-таки выше, потому что в ресторане на первое место все же выходит первоугодие, а в саду — красота.

Как-то я прочитала в дневниках молодого Льва Толстого: «Сидя в маленьком садике и все глядя и глядя на эти берега, я чувствовал, как красота через глаза вливается мне в душу». А мне кажется, что в хорошем саду само счастье вливается в душу.

Сад делается из того, из чего сделан и человек.

Мы все состоим из того, что было когда-то растениями. И еще — водою, солнечным светом и воздухом. В нас, извините, гораздо меньше бетона, стекла и стали, чем всего этого.

Поэтому, мне кажется, красота сада входит в нас легче, чем любая другая. Даже если закрыть глаза, можно услышать шепот ветра, пение птиц, почувствовать запах цветов и трав, сорвать что-нибудь и попробовать на вкус, можно сесть на траву, ощутить ее теплоту или прохладу, потрогать кору деревьев.

Я знаю одну слепую, которая регулярно ходит на красноярские Столбы. Она их слушает и вдыхает. Но дикая природа меньше любит человека. Она настороженно следит за ним, и далеко не каждому открывается. Она как дикий зверек. Надо сначала заслужить ее доверие, чтобы она тебе показала во всей своей красе. И люди, которые общаются плотно с дикой природой, это знают. А сад — сделан человеком, и ему за это благодарен, и любит человека априори, как доверчивая собака, которая видела от людей только хорошее. Он радуется вам сразу же, как только вы в нем появились.

И я это иногда испытываю на наших объектах. Вот и ошибок наделаем, и неудачи есть. Но пока я нахожусь внутри того, что в результате наших затей и усилий растет, цветет, благоухает, качается под ветром, блестит от дождя, радуется солнцу, когда я вижу, как во всем этом поют птицы, летают стрекозы и бабочки, прячутся жуки и коты, и бегают радостно собаки и дети, — я испытываю счастье. Вы знаете, можете посмеяться надо мной, но, правда, — такое счастье, что иногда аж в носу щиплет и плакать хочется: неужели, думаю, дожила до этого!

А вокруг меня — такие же сумасшедшие. Бывает спросишь: «О, а это кто?» Отвечают: «Это особо ценный сорнячок. Ждем, кем окажется».

Мы растения не зовем «что». Для нас они — «кто». И мы верим — мало того, мы это буквально видим, — что они нас любят. И знаю, что мы их любим...

И мне кажется, что из всего, что придумал в пространстве натворить человек, сады — самое лучшее. А может, и не человек это придумал... Может, кто ему подсказал... Ведь сказано в Библии, что Бог сотворил сад и поселил в нем человека... И любой сад — это и есть рай.

Здания создаются для разных целей. Сады — только для счастья.

Впрочем, это только мои, может быть, глупые размышления. И если вы с ними не согласитесь, я ни минуты не буду вам возражать.

Думайте, как вам удобно, и если вы чувствуете, что ваше такое мнение делает вас внутренне богаче, душевно — тоньше, если это помогает делать вашу архитектуру все краше и краше, — я и за вас, и за нас только рада.

Ольга Смирнова

КАЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ

О будущем Кайской рощи и Иркутского ботанического сада¹

Немного об озеленении
В новом Генплане Иркутска в 2007 году заявлено, что: «Основной принцип развития системы зеленых насаждений, заложенный в генплане, это формирование непрерывной системы озеленения, включающей в планировочную структуру города природный каркас территории и обеспечивающей связь городского озеленения с пригородной зоной».

Однако многие иркутяне и гости города отмечают очевидный, но странный парадокс: Иркутск, возведенный на таежной территории, не имеет достаточного количества зеленых зон в пределах

пешеходной доступности. Зеленые насаждения распределены крайне неравномерно и не могут в полной мере обеспечить средозащитную, санитарно-гигиеническую и рекреационную функции. Площадь озелененных мест общего пользования на одного жителя катастрофически мала (менее 6 кв. м) и составляет менее 1/3 от градостроительных нормативов озеленения. А для сравнения, например, в Москве, одном из самых перенаселенных городов России, на одного жителя приходится 40 кв. м всех видов зеленых насаждений и 16 кв. м насаждений общего

пользования. А согласно ГОСТу, на 1 тысячу жителей города должно приходиться 20–25 гектара парков. Назрела крайняя необходимость увеличения зеленых зон и соединения их между собой зелеными коридорами. Леса и парки Иркутска испытывают высокий уровень техногенного загрязнения воздуха, преимущественно от автомобильных выхлопов. В последнее время приняло массовый характер захламление территории, главным образом, лесов и лесопарков несанкционированными свалками. К негативным явлениям следует добавить и естественное старение

деревьев, многие из которых имеют возраст более 80–100 лет, а у таких деревьев крайне замедлены все биологические процессы. Эти явления грозят развитием вспышек заболеваний растений, очагов насекомых-вредителей и, в конечном итоге, деградацией лесов и лесопарков.

В Иркутске после 1950-х годов ситуация с зелеными зонами стала необратимой. В городской черте остался едва ли не единственный большой участок естественных насаждений — Кайская роща. Эта реликтовая зональная роща по праву считается «зелеными легки-

1. Продолжение. Начало см.: Проект Байкал. 2009. № 19. С. 52–59.

ми» Иркутска и должна тщательно охраняться. Вопрос о сохранении реликтовой рощи вставал неоднократно, и вот наконец появилась пусть далекая, но все же перспектива сохранения, а также глобального развития этой территории.

Особую тревогу всегда вызывала южная, «беспризорная» часть рощи, расположенная над рекой Каей: со стороны Студгородка продолжается интенсивное строительное наступление, включая гаражные и жилищные постройки, а со стороны улицы Чайковского – массовый заезд машин, пожари, теннисный корт, мусорные свалки, вырубка сосен. Со стороны Каи – захваты земли под огороды, легкие постройки. Высокая неуправляемая антропогенная нагрузка приводит к уплотнению почвы, нарушению растительного покрова, многочисленным механическим повреждениям стволочной древесины, уничтожению и повреждению подроста и подлеска и т.д. В данный момент Кайская роща – это неустойчивый ландшафт на урбанизированной территории.

Известный общественный деятель и эколог В. Бранский призывает: «Необходимо стабилизировать границу рощи как можно быстрее, не допустить, чтобы от этих зеленых «легких» города каждый год, хотя бы понемногу, отрезались кусочки. Ликвидация леса на крутых склонах, где практически невозможно проводить укрепительные работы, приведет к быстрой эрозии почвы с интенсивным ее вымыванием».

На жалобы жителей Свердловского района, обеспокоенных нелегальным сносом деревьев и стихийными застройками в их любимой Кайской роще, городская администрация утверждает, что «снос зеленых насаждений» исключен и не разрешены мероприятия, вызывающие развитие эрозийных процессов. Однако, как отмечает общественная организация «Байкальская экологическая волна», в реальности реликтовые сосны мешают застройщикам реализовывать их мечты, поэтому они постепенно убирают деревья, которые мешают им строить заборы

для расширения собственной застройки. Машины застройщиков разрушают почвенный покров, поэтому эрозионные процессы усиливаются на склонах. Что уж говорить о мусоре – вездесущей черте городского ландшафта. Он повсюду, и нынешние «хозяйева» Кайской рощи совсем не следят за уборкой мусора (Саттон, 2007).

Между прочим, и до этого многие иркутские бизнесмены часто обращались в мэрию Иркутска с просьбой выделить в роще земельный участок под строительство жилья, офисов и т.п., но тщетно, так как власти и горожане старались сберечь рощу. Несколько раз контролирующие органы пресекали незаконную вырубку деревьев под строительство, настолько лакомым считают это место представители иркутского бизнеса.

Инфраструктура города, особенно система дорожной сети и дорожного движения считаются главными причинами сегментации природных мест обитания для диких животных и растений. Выживание их популяций находится под угрозой из-за дорог с интенсивным автомобильным движением. Разделение больших зеленых площадей на мелкие островки ведет к изоляции популяций и их последующему вырождению, то есть к

сокращению биоразнообразия, от которого, в конечном итоге, и зависит качество природной среды в городе. Поэтому рассечение дорогами или застройками этих связей ведет к экологической изоляции и угнетению экосистем как лесов, так и ботанических садов. Поэтому важное значение имеет органическая связь ботанического сада с ближайшими лесными массивами. В свою очередь, богатые и разнообразные коллекции растений ботанического сада являются ресурсом и увеличения разнообразия парковых и других зеленых зон города.

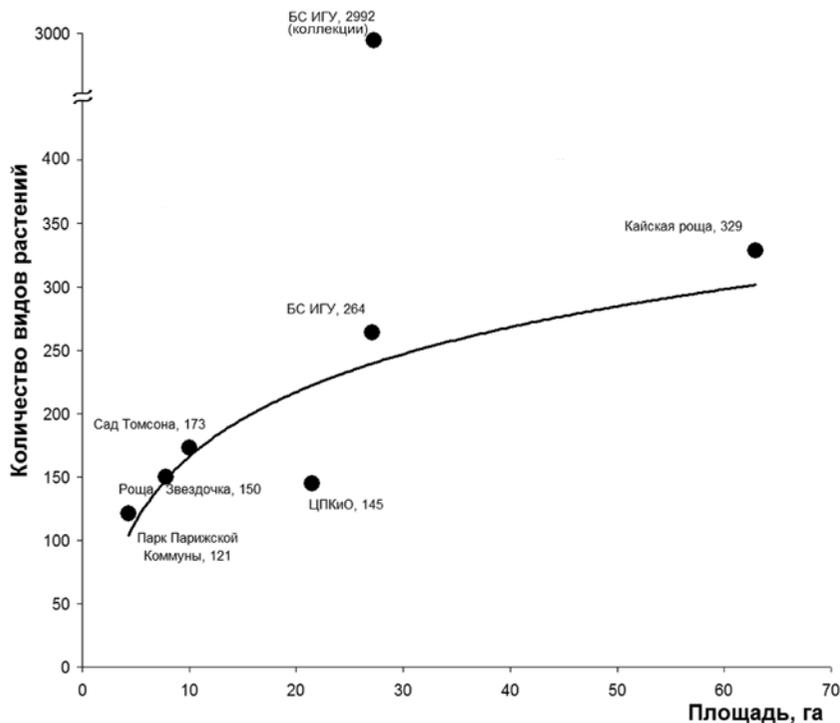
Поэтому, в большинстве европейских стран с высокой степенью урбанизации предпринимаются меры по уменьшению влияния сегментации на природные объекты в черте города, для чего в Европейском Союзе выработана специальная градостроительная политика «Национальная Экологическая Сеть» (National Ecological Network). Для этого все лесные массивы соединяют с помощью особых «экологических путей» (ecoduct или экодукт) (см. первую часть статьи в ПБ19), поднятыми на достаточную высоту над автодорогами, чтобы облегчить возможность генетического обмена

между разными популяциями и обезопасить свободное передвижение животных. Для этого высоко над проезжей частью дорог устраиваются специальные бетонные мостики шириной до 30 м, на которых моделируется естественный лесостепной ландшафт с достаточно толстым слоем плодородной почвы и высаженными травами, деревьями и кустарниками, являющимися естественным продолжением зеленых массивов, которые они соединяют. На таких экодуктах строятся продольные бордюры из бетона со слоем земли до 1,5 м высотой для шумозащиты от автотранспорта и уменьшения фактора беспокойства для природного окружения и прогуливающих людей.

Именно необходимость создания нормальной городской среды путем поддержания необходимого компонента дикой жизни в городе, то есть императив сохранения биоразнообразия, целостности и неразрывности дикой природы является идейной основой архитектурной концепции построения урбоэкологического каркаса города как единого континуума «зеленых» коридоров, соединяющих островки озеленения города между собой и с пригородными лесами (Большаков, 2008).

Особенности традиций строительства в развитии

Весной в Ботаническом саду Иркутского государственного университета. На переднем плане – коллекционные экзотические кусты цветущего реликтового сибирского растения Миндаль черешковый (*Amygdalus pedunculata* Pallas.), на заднем плане – крупные хвойные деревья вида Ель колючая, или Ель голубая (*Picea pungens* Engelm.). В самой крупной в Байкальской Сибири коллекции Ботанического сада ИГУ насчитывается более 3000 видов и форм растений со всех регионов мира, размножаемые саженцы которых обогащают флористическое разнообразие зеленых зон Иркутска

Сравнение парковых участков зеленого фонда Иркутска по богатству видов растений. Сравнение некоторых основных парковых участков внутригородской зеленой зоны Иркутска по богатству видов дикорастущих растений. На графике указаны названия каждой зеленой зоны с соответствующим количеством видов растений. Видно, что видовое разнообразие сильно уменьшается с уменьшением размера изолированного участка городской земли, на которой они произрастают. Очевидно, что для ЦПКиО особое обеднение флоры, то есть отклонение от общего тренда в сторону уменьшения до 145 видов может объясняться интенсивным использованием территории и повышенным антропогенным прессом, тогда как для крупных парковых участков Ботанического сада ИГУ и Кайской роцци характерно высокое биоразнообразие. График также демонстрирует, что видовое богатство коллекций Ботанического сада ИГУ (около 3 тыс. видов) – это самый большой ресурс для контролируемого увеличения разнообразия зеленых насаждений Иркутска. Для сравнения – в окрестностях города в радиусе 30–40 км описано около 640 видов высших растений

Иркутска приводят к вытеснению зелени из дворов, из мест общего пользования. Зеленые зоны и прибрежные территории не всегда используются по назначению. Дефицит удобной земли вокруг Кайской роцци и других лесных массивов для расширения города ведет к уплотненной и точечной застройке, что, в свою очередь, толкает застройщиков на вырубку деревьев и уничтожение зеленого фонда вокруг домов для дальнейших попыток внедрить новые постройки на освободившиеся места. Этот цикл, повторяясь, наносит непоправимый ущерб не только архитектурно-эстетическому облику города, но и качеству городской среды. Среда города и его предместья – это природное, историко-культурное и архитектурное наследие, доставшееся нам в наследство от первостроителей, и которое предстоит передать в лучшем виде следующим поколениям для продолжения жизни. Расширяясь, поглощая роцци, поля, луга, водоемы и болота, покрывая землю асфальтом и бетоном, устремляясь ввысь и вглубь, город кардинально изменяет это природное и культурное наследие, изменяет свою среду. Новая урбанизированная среда и окружение

серых стен «бетонных джунглей» накладывают отпечаток на психику и значительно сказываются на здоровье человека. При этом рядом с человеком просто не остается места для зеленых насаждений, а во дворах домов их вытесняют стоянки личных автомобилей, гаражи и т.п. Уничтожение зеленых насаждений в таком крупном городе, как Иркутск, становится убийственным в прямом смысле этого слова. Следовательно, в условиях непрерывного расширения площади городской застройки очень важно сохранить естественность здоровых зеленых ландшафтов.

От сада – к экотехнопарку Сотрудники Ботанического сада ИГУ в течение 15 лет изучали работу более 50 ботанических садов в 29 странах мира, опыт создания подобных учреждений в Африке, Австралии, Америке и Китае, где ботанические сады постепенно преобразовываются в экологические центры и экологические комплексы, где разрабатываются, апробируются и внедряются экологические инновации. Этот опыт многих стран стал для иркутских ученых настоящим открытием, а для Иркутского ботанического сада может стать

прорывом. Тема создания экологического технопарка на базе Кайской роцци и Ботанического сада ИГУ обсуждается в ботанических научных кругах в течение нескольких последних лет.

Такие парки специалистам под силу превратить в элементы производительных сил региона. На такой площадке как объекте коллективного использования и сотрудничества можно будет проводить междисциплинарные научные исследования, внедрять образовательные программы для студентов и школьников. В технопарке ученые будут «генерировать» и апробировать инновационные разработки в области экологического природопользования для их продвижения и распространения в городах региона. Люди, которые сегодня разрабатывают проект технопарка, стоят на самом передовом рубеже прогресса нашей страны. Научная составляющая проекта является основой для туристско-рекреационной. Задачи, которые приходится решать, просто уникальны, а в Сибири такого опыта нет ни у кого, хотя есть аналогичные намерения по вовлечению ботанических садов в создание экологических технопарков и туристско-рекреационных комплексов в Томске и Ростове.

Такие парки могут стать площадками и питомниками для испытания и выращивания устойчивых к сибирскому климату растений с целью озеленения городов, оказания садоводческих сервисов. Это особенно актуально для Иркутска, где экологический технопарк на базе университетских ресурсов и ботанического сада станет полезным и привлекательным для жителей города и туристов.

Посещаемость крупных ботанических садов мира достигает 1,2–2,5 млн посетителей в год (в Лондоне, Нью-Йорке, Берлине, Пекине, Тайбэе и др.). По нашим сравнительным оценкам, посещаемость ботанического сада обычно соответствует численности населения ближайшего города, а это значит, что ежегодный иркутский парк будут посещать до 400–600 тысяч человек. Среди них – иркутяне и жители ближайших горо-

дов-спутников, школьники, туристы, гости региона. А для многих людей с ограниченными возможностями и пожилых людей ботанический сад станет своеобразной отдушиной, возможностью пообщаться с природой без временных ограничений. Растения помогут в реабилитации и не совсем благополучным категориям населения. Например, сотрудники Ботанического сада ИГУ и психологического факультета ИрГПУ сегодня активно внедряют методику садовой терапии в специальных детских учебных заведениях и в учреждениях Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Иркутской области. Также эта методика, созданная на основе сочетания садоводства и психологии, используется в качестве меры воспитания детей-сирот и подростков с криминальным прошлым. Тем самым ботанический сад расширяет спектр возможного применения своих ресурсов с включением на равных как естественнонаучных, так и гуманитарных дисциплин, при этом сад становится экологическим и социальным ресурсом для общества.

Идея проекта стала быстро развиваться после того, как ее проработку на базе Ботанического сада Иркутского государственного университета поддержали Европейский Союз через программу ТАСИС «Инициатива повышение продуктивности» и Министерство образования и науки РФ через целевые гранты. Дальнейшая доработка идеи выполнена с участием экспертов из Иркутского государственного технического университета, Московского государственного университета, Эдинбургского университета (Великобритания), а также Эрфуртского университета (Германия). Проведена международная экспертиза проекта в Бюро городского и ландшафтного планирования «Blattwerk» (Эрфурт) и консультационной фирме «Иллиг-ин-Панков – международные обмены» (Берлин). Они и предложили сделать базовым проект экологического технопарка, организовав вокруг него туристско-рекреационный

комплекс, указав, что, по европейским правилам, реализовать такой масштабный проект можно лишь с помощью механизма некоммерческого партнерства, опирающегося на исследовательскую, аналитическую деятельность, имеющуюся научную базу.

Создание технопарков становится глобальной общемировой тенденцией, поскольку именно на них возлагается обязанность по доведению научно-технических инноваций до внедрения в производство товаров и услуг, до их адаптации к нуждам людей. Например, у наших соседей в Новосибирском Академгородке с 2005 года прорабатываются идеи создания в лесном массиве рядом с Центральным Сибирским ботаническим садом СО РАН дендропарка и научного технопарка, используя как частные, так и государственные инвестиции. Президиум СО РАН принял решение создавать дендропарк на своей территории. А в зонах, принадлежащих муниципалитету, которые также отведены для создания особо охраняемой природной территории, будет расположен так называемый природный парк. Остальная территория будет

превращена в благоустроенный лесопарк.

При поддержке аппарата полномочного представителя Президента РФ в Сибири стартует новый спецпроект, посвященный технопаркам и особым экономическим зонам сибирского макрорегиона.

Проектирование ботанического сада, экологического технопарка и туристско-рекреационного комплекса – нечто гораздо большее, чем просто достижение результатов, приятных для глаз. Проектирование заключается в том, чтобы свести воедино функциональные требования, анализы ограничений, возможностей и затрат, связанные с осуществлением проекта, в котором весь публичный комплекс видится как важный фактор градостроительства, влияние которого далеко выходит за границы его забора. В течение ближайших 10 лет мэрия рассчитывает превратить Кайскую реликтовую рощу в туристическое «ядро» города, преобразовав часть рощи в лесопарк и в заповедный лес, где будет проводиться лесовосстановление и благоустройство для горожан. Возможности реализации такого рода проектов все еще редки в условиях России.

Природное и культурное наследие

Характер ландшафта ботанического сада, который формируется в результате лесовосстановления, посадок деревьев-интродуцентов и создания разных этнотанических садов, может сохраняться на протяжении полувека и дольше, то есть будет ландшафтом для настоящего и будущих поколений.

Сейчас вокруг всей Кайской рощи – коллизия, столкновение разных образов жизни и традиций природопользования – городской и сельской (одновременно деревянный пейзаж одноэтажных деревянных домов и «бетонные джунгли» городских микрорайонов, противостоящих природному ландшафту рощи). Это характерный ландшафт для данной местности, вокруг Иркутска много подобных холмистых лесистых мест. Особая живописность этого места заключается в сочетании открытых пространств с лесными массивами. Роща на Кайской горе и река Иркут под ней были любимыми местами прогулок и отдыха жителей. Здесь собирали грибы, ягоды, лекарственные травы, катались на лодках, а зимой по льду – на санях.

Обычно цели сохранения таких лесных массивов заключаются в:

- поддержании и восстановлении естественного биологического разнообразия;

- сохранении природных местообитаний (биотопов);

- поддержании и улучшении эстетической ценности места;

- поддержании, насколько это возможно, генетической целостности популяций местных видов растений и животных;

- удалении чужеродных видов, способных вытеснить местные виды;

- расширении лесного массива там, где это возможно;

- сохранение археологических и исторических мест / памятников.

Требуется найти разумный компромисс между характерными особенностями существующего ландшафта и изменениями, которые могут произойти в результате восстановления и создания новых лесных массивов, а также в результате целевых построек / строительства объектов экотехнопарка.

Здесь сохранились многие таежные растения и животные, которых в наши дни можно увидеть только в дикой природе – белки, бабочки, различные виды птиц, радующие иркутян. Рощу считают реликтовой, так как в ней растут столетние сосны,

Живописный водоем и болото у подножия Кайской горы в черте «Памятника природы Кайская роща», где в настоящее время происходит рукотворная экологическая катастрофа. Это пример разрушения экологически значимого ландшафтного объекта в Иркутске. В течение 9 месяцев этот участок сначала был превращен в большую мусорную свалку, а теперь на нем ведутся подготовительные земляные работы для строительного освоения «отвоеванного» у природы пространства. Верхняя панорамная съемка от 10 августа 2008 года, нижняя – 21 мая 2009 года

бывшие когда-то частью великой сибирской тайги, сохранившейся до наших дней большим зеленым островом посреди Свердловского района (Левобережного административного округа). Этот район – самый густонаселенный в нашем городе. В нем проживает треть населения Иркутска, или почти каждый десятый житель Иркутской области. Исторический центр района – Глазково – первый район Иркутска около Кайской рощи, откуда, собственно, и начался Иркутск (а вовсе не со сквера Кирова, как думают многие). Это место стало приютом для иркутян в 1879 году, когда польхал гигантский пожар, уничтоживший большую часть города. Рядом с рощей на улице Касьянова до сих пор стоит дом, где жил любимый всеми россиянами режиссер Леонид Гайдай, снявший такие фильмы, как «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию» и др. Знаменитые советские писатели И. Молчанов-Сибирский, К. Золотовский, М. Скуратов тоже жили рядом.

В 1957 году глубокая артезианская скважина, пробуренная на территории рощи около санатория «Ангара», дала хлоридно-натриевый рассол с небольшим содержанием сероводорода, минеральную воду такого же типа, которая с успехом применяется на курорте «Усолье».

Рядом обнаружена одна из самых древних исторических достопримечательностей – Глазковский некрополь, где находят захоронения и стоянки людей, живших более 7–8 тысяч лет назад

(неолит) и даже более 30–35 тысяч лет, то есть в поздний период древнего каменного века (верхний палеолит). А жили эти люди на территории Кайской горы, парка Парижской Коммуны, рядом с устьем реки Каи и около современного железнодорожного моста через Иркут. Первые находки сделал в 1924 году будущий академик М.М. Герасимов, впоследствии создатель известной школы российской археологии. По утверждению профессора Иркутского госуниверситета Г.И. Медведева: «Мировая археология ориентировочно выделяет на Земле пять мест, где очень давно, тридцать, а то и пятьдесят тысяч лет назад, поселился человек. Это окрестности Парижа во Франции, Токио в Японии, окрестности Тбилиси, Львова и нашего Иркутска». Японские и корейские археологи считают, что наш регион в самом центре Азии – это колыбель азиатских племен, откуда происходило их дальнейшее расселение. Ученые США установили, что Северная Америка во времена неолита тоже заселялась людьми именно из наших краев. Поэтому Кайскую гору между тремя реками – Ангарой, Иркутом и Каей – археологи считают важным местом культурного наследия человечества.

Вес лепестка, или О значении ботанических садов Американский ученый Брюс Ринкер (Rinker, 2002) заявил: «Подобно весу лепестка, горстка ботанических садов во всем мире

может помочь нам справиться с сохранением зеленой мантии планеты и, таким образом, обеспечить наше собственное выживание в эру глобального экологического кризиса». Это связано с качественно новым изменением роли ботанических садов для развития цивилизации, благодаря их превращению в мощный производительный и инновационное объединение, в единую общемировую природоохранную сеть.

Существует очень традиционное, но ошибочное представление, что ботанические сады – это просто огороды или парки, где на растениях прикреплены этикетки с трудно произносимыми названиями (Rinker, 2002). Это утилитарное представление уходит корнями в историю XVI–XIX веков, когда первые создаваемые ботанические сады рассматривались исключительно как академические музеи для университетов, «аптекарские огороды» или источники саженцев для пропитания и лечения. Такой ограниченный взгляд до сих пор широко распространен среди населения стран не очень развитых, где ботанических садов мало. Ботанические сады по планете распределены весьма неравномерно. Их особенно много в регионах и странах развитых, индустриальных и переходящих к постиндустриальному развитию (в Европе, Северной Америке, Азии, Австралии), где постоянно создаются новые и расширяются исторические ботанические сады, но их мало в слабо развитых

странах. В эру экологических вызовов современные ботанические сады начинают постепенно восприниматься как природные сокровищницы в урбанизированной среде. Современная сеть из более чем 2 500 ботанических садов, разбросанных по городам мира, приобретает роль глобального ресурса для устойчивого и гармоничного развития городов и улучшения качества жизни горожан. Практически во всех столицах и крупных городах мира жители гордятся своими ботаническими садами, туда обязательно стараются приводить гостей и туристов для демонстрации экзотики, природного и культурного наследия региона.

Существует классическое определение ботанического сада как учреждения, содержащего коллекции документированных растений, используемых для целей демонстрации, образования и науки (Jackson, 1999), которое, однако, не содержит конкретного целеполагания и вовлечения населения. Поэтому все еще существует некоторое противоречие, или, по меньшей мере, различие между тем, как ботанические сады (как закрытые профессиональные сообщества) видят свою роль для общества, и тем, как их самих воспринимает внешний мир (Кузеванов, Сизых, 2005).

Всемирная сеть из этих учреждений постепенно переживает изменение приоритетов и узковедомственных задач своей миссии на более глобальные, связанные с урбанизацией и экологическими вызовами XXI

века. Многие продвинутые ботанические сады в разных странах постепенно фактически преобразовываются в экологические технопарки и туристско-рекреационные объекты коллективного пользования. А такое планирование действий возможно только с участием ландшафтных архитекторов, имеющих современное видение способов реализации и построения крупномасштабных и многоцелевых природных и общественных мест. Считается, что многие надежды относительно будущего человечества, в том числе освоение внеземных космических объектов, связаны с принципами рекреационного озеленения, где ключевая роль принадлежит ресурсам и технологиям ботанических садов.

Дальновидные политики и ученые утверждают, что «некоторые из самых ярких надежд относительно будущего развития человечества в городской среде лежат в принципах регионального озеленения, связанного с ботаническими садами» (Raven, 2007).

Что делает ботанический сад успешным и общественно полезным? Это его местоположение, доступность, безопасность, здоровая и приятная среда, разнообразие интересных объектов и ресурсов, система обслуживания, вовлечение в общественно полезные мероприятия для возможности личной самореализации каждого посетителя.

Инвестиции в настоящее и будущее наследие
В 1996 году озеру Байкал

был присвоен статус участка Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, что вывело этот регион на 3-е место в списке самых привлекательных туристических мест России после Москвы и Санкт-Петербурга. Иркутск является транзитной точкой туристических маршрутов из Европы в страны Азии. Город находится в самом центре Азии, это «ворота на Байкал». Более 90% всех гостей Иркутской области посещают Иркутск. Лидерами по посещаемости в последние годы были жители Германии (около 14 тысяч туристов в год) и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (около 12 тысяч туристов в год), интересующиеся, как правило, экологическим туризмом.

Зарубежные туристы из 72 стран мира на сегодняшний день составляют 12% от общего числа и, согласно прогнозу, их доля к 2020 году возрастет до 20%. К 2020 году предполагается увеличение общего потока туристов с 0,4 млн до 1,5 млн человек.

Между тем рекреационный сектор – наиболее экологически сбалансированный сектор экономики, на нём держится сама концепция рационального природопользования. В рекреационном секторе заняты работники предприятий общественного питания, гостиниц, турбаз, кемпингов, музеев, ботанических садов и зоопарков, спортивных объектов и т.п.

В условиях рыночной экономики остро стоит проблема повышения статуса и конкурентоспособности Иркутска и его городов-спут-

ников, улучшения их репутации и привлекательности для закрепления жителей и привлечения туристов. Привлечение гостей и туристов зависит от множества факторов, и в первую очередь, от качества городской среды, положительного имиджа или бренда города. Ценнейшим ресурсом для создания и поддержания привлекательного облика города служат озелененные и прибрежные территории. Городские леса, реки и водоемы обладают способностью противостоять неблагоприятной экологической ситуации, а при соответствующей архитектурно-ландшафтной, дизайнерской и функциональной организации могут служить противовесом и улучшать урбанизированную среду.

По данным Федеральной службы государственной статистики, из Иркутской области в 2008 году выехало людей больше, чем родилось в ней. То есть, невзирая на небольшой естественный прирост, население региона сокращалось из-за миграционной убыли: люди уезжают туда, где лучше.

В недалеком будущем человечество состарится, а деревня исчезнет как вид поселения. Основные тенденции таковы: в мире значительно увеличится доля престарелых, а сельская жизнь станет экзотикой, так как 70% землян будут проживать в городах к середине XXI века, как заявляет Пан Ги Мун, генеральный секретарь ООН. Создание и поддержание здоровой окружающей среды и нормальных условий для обеспечения хорошего

качества жизни будущих поколений становятся условиями устойчивости и гармоничной жизни горожан.

В условиях глобализации будет заблуждением полагать, что коллапс далеких от нас экосистем обойдет стороной город, где человек создает свое устойчивое окружение. Без сохранения нужного количества растений в городе природный баланс может быть необратимо нарушен, и его восстановление потребует затрат намного больших, чем выгоды, полученные в результате сноса деревьев и трав. За такую недальновидную политику придется расплачиваться будущим поколениям, здоровье и благосостояние которых будет к тому же подорвано действиями поколения нынешнего.

Проблема глобальных изменений климата и условий жизни в городской среде превратилась в одну из наиболее обсуждаемых среди широких кругов общества. Главное беспокойство вызывает переход экологических порогов, то есть предельных значений, в которых экосистемы сохраняют устойчивость и могут нормально балансировать друг с другом. Если экологический порог преодолен, то происходят большие, продолжительные и потенциально необратимые изменения. Относительно небольшие перемены условий, например вырубка городских лесов или отдельных деревьев, внезапная оттепель во время зимы или заморозки в теплый сезон, постепенно сдвигают экологический порог, в результате

чего становится всё труднее смягчить последствия таких изменений для того или иного региона. В связи с ратификацией Киотского протокола можно прогнозировать увеличение интереса возможных инвесторов, поскольку рентабельность проектов по лесовосстановлению на порядок превышает такую в сфере энергетики и промышленности.

Для осуществления многочисленных мероприятий по сохранению такого замечательного памятника природы, каким, несомненно, является Кайская роща, ей нужен такой хозяин, который проводил бы единую природоохранительную политику. При создании парка необходимы общественный контроль и грамотные проектные решения. Проект может быть реализован только в одном варианте – за счёт комплексного привлечения как бюджетных средств, так и частных инвестиций. У областных властей, мэрии и университета денег на реализацию проекта нет. В связи с большой социально-экономической и экологической важностью проекта, его большим масштабом, который трудно реализовать силами какой-либо одной организации на землях разной формы собственности (75% – муниципальная под областным контролем, 25% – федеральная), для его продвижения рекомендуется создать управляющий орган – НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО «ИРКУТСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД», которое займется привлечением ресурсов в проект с участием разработчиков и партнеров как пример частно-государственного партнерства

по финансированию, проектированию и реализации в интересах всех горожан и участвующих сторон. Способы возврата инвестиций – доходы от эксплуатации (плата за вход, использование, аренда), гранты, пожертвования, дотации и т.п. Эту инициативу поддержала мэрия Иркутска. По представлению мэрии проект продвигался областной администрацией и ИГУ на ряде международных и региональных инвестиционных и инновационных выставок, на БЭФ–2008 (Справочник инвестора Иркутской области, 2008. С. 25).

Мы полагаем, что рассматриваемые идеи данного проекта будут способствовать укреплению цивилизационного начала развития общества через городские процессы. Укрепление городской цивилизации в Иркутске как столице – это залог стабильности всех городских сообществ Иркутской области.

Участники слушаний 9 декабря 2008 года на Градостроительном совете при мэрии Иркутска сошлись во мнении, что проект требует увязки с другими элементами генплана Иркутска, с проектом магистрального транспортного кольца. Нужна доработка зонирования территории и детальная планировка отдельных объектов в едином комплексе.

Мэрия намерена предложить областной администрации создать совместную рабочую группу по продвижению проекта, сообщил председатель комитета по градостроительной политике администрации Иркутска Евгений Харитонов. «В течение двух-трёх месяцев мы должны проработать основ-

ные вопросы: источники инвестиций, юридическое обоснование, возможность привлечения бюджетных средств. И выйти на градостроительный совет с подробной проектной схемой», – заявил он.

Кайская роща и прилегающие территории могут стать, в дополнение к старинному центру Иркутска, вторым «туристическим ядром» города и примером для России в том, что экология, развитие экологических технологий, строительство и экономическая польза могут гармонически сочетаться, а не только противоречить друг другу. Это уникальное место привлечет частные инвестиции и различные бизнесы (магазины, рестораны, сервисы, гостиницы) для устойчивого экономического развития, создаст новые рабочие места, обеспечит дополнительные налоговые поступления в бюджеты всех уровней.

Общее, – значит, ничье? К сожалению, в Иркутске пока нет городской среды, где люди бы чувствовали себя в гармонии с природой. Это связано с тем, что озелененные территории, находящиеся в общественной собственности, принадлежат всем горожанам, но управляются правительством и местной администрацией. К этой общедоступной собственности, находящейся в общем владении, люди могут иметь свободный и неуправляемый доступ. В результате эти общие ресурсы недооцениваются и перепотребляются, поскольку, по экономическим законам, то, что ничего не стоит, потребляется и расходуется быстрее, чем фактически необходимо.

В этом заключается трагедия озелененных территорий Иркутска как общих ресурсов. А причина трагедии кроется в так называемом «правилах захвата»: общий ресурс достается тому, кто первым его захватит. Например, ряд предприятий в городе, особенно строительных, оказываются рентабельными именно благодаря перепотреблению наших общих ресурсов, за счет их истощения. В итоге количество экологических благ (например, чистого и здорового воздуха, чистой воды и т.п.) в городе становится ограниченным, поэтому они превращаются в экономические блага для горожанина. Поэтому в условиях города экологические связи и отношения, очевидно, следует рассматривать как экономические категории, то есть с позиций экономики природопользования. Если озелененные территории в общественной собственности плохо контролируются и управляются по остаточному принципу, то этот ценный общественный ресурс приобретает статус общего ресурса и будет перепотребляться, то есть разрушаться и исчезать. Сторонники экономического роста города «любой ценой» убеждены, что наилучшего пути подъема материального благосостояния, в том числе средних жизненных стандартов, можно добиваться даже за счет понижения качества природной среды (Ащепкова, 2002).

Современная точка зрения заключается в том, что не всякий экономический рост полезен. Совершенствовать экономику – это не значит производить больше благ, но это значит увеличивать про-

изводство тех товаров и услуг, которые приносят пользу здоровью и благополучию людей. Важен не экономический рост, а экономическое развитие.

Экономический рост «любой ценой» за счет перепотребления общих природных благ выгоден, в первую очередь, самым богатым, ведет к ускорению расслоения на богатых и бедных. Проблема «доступного жилья», сталкиваясь с проблемой «доступного города», ведет к дисгармонии, к заболеваемости и ранней смертности, особенно среди самых незащищенных слоев горожан.

Например, начальник плано-технического отдела ЗАО «Желдорипотека» («дочка» ОАО РЖД) Александр Беляев заявил в декабре 2007 года, что компания намерена на территории Кайской рощи поставить до 15 домов от 9 до 14 этажей. Госмонополия претендует на 46 тысяч кв. метров территории Кайской рощи. Претензии РЖД на Кайскую рощу могут быть обоснованными, но норм Градостроительного кодекса никто не отменял: «В генплане Иркутска Кайская роща отнесена к рекреационной зоне». Он добавил при этом, что компания готова сохранить почти всю основную рощу, в которой предполагается построить многоэтажные дома. Окрестные жители, общественники, экологи, представители школ и трех университетов (ИГУ, ИрГТУ, ИрГПУ) не поверили потенциальному застройщику. «Роща – реликтовая, и находится она в водосборной зоне рек Иркут и Кая. Фактически это “легкие” Свердловского района»,

– констатировали участники собрания общности. Включение мероприятий по такому паркоустройству в Стратегический план развития Иркутска улучшит качество городской среды и качество жизни горожан.

Проблема точечной застройки это не мелкий вопрос, она стала бичом для крупных мегаполисов, где «отцы города» пытаются искать правильные решения. Например, совсем недавно Мосгордума приняла во втором чтении Градостроительный кодекс Москвы, разработанный под руководством мэра, который должен окончательно ввести запрет на точечную застройку.

Мировая практика показывает, что количество новых рабочих мест, которые появляются на предприятиях, ведущих экологическую деятельность в городах, становится больше того, что теряется при закрытии вредных и нерентабельных предприятий.

Согласно Земельному кодексу РФ (глава XVII, статья 99), к землям особо охраняемых природных территорий относятся земли государственных природных заповедников, в том числе биосферных, государственных природных заказников, памятников природы, национальных парков, дендрологических парков, ботанических садов. Эти земли являются объектами общенационального достояния. В границах этих земель запрещается деятельность, оказывающая негативное (вредное) воздействие на природные комплексы особо охраняемых природных территорий. Земельные участки в границах охранных

зон у собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов не изымаются и используются ими с соблюдением установленного для этих земельных участков особого правового режима.

В Управлении охраны окружающей среды и экологической безопасности, а также в Комитете по градостроительной политике и архитектуре мэрии Иркутска заявляют: «Мы никогда не допустим, чтобы на уникальной, исторической территории началось строительство жилого комплекса. Это уникальные зелёные лёгкие города. Разрешения на строительство в Кайской роще не будет дано никогда и никому. Основные документы для придания ей статуса особо охраняемой территории подготовлены. Здесь будет публичный ботанический сад».

«Вопрос о Кайской роще давний, – утверждает депутат Городской думы Иркутска Геннадий Русских. – В последние годы там дважды пытались самозахватом огородить большой кусок земли. Пришлось подключить прокуратуру, работники которой пресекали все попытки жителей ближайших районов завладеть уникальной рекреационной территорией и использовать её в личных целях. Судьба Кайской рощи продолжает оставаться под прокурорским контролем». Это, по мнению руководителей города, поможет в решении жизненно важных вопросов уникального объекта. Однако и вмешательство прокуратуры не всегда может действенным образом повлиять на застройщиков.

Хорошим примером могут быть действия

прогрессивно мыслящих производственников и промышленников. Например, в течение нескольких лет на базе Ново-Иркутской ТЭЦ в Иркутске осуществлялся пилотный проект озеленения и создания ландшафтного сада – как пример и способ улучшения и гармонизации среды на производственной площадке предприятия «Иркутскэнерго», являющегося одним из крупнейших загрязнителей Иркутска. Других аналогов в Байкальской Сибири нет, хотя администрации местных городов – Ангарска, Байкальска, Усть-Илимска и Улан-Удэ – неоднократно заявляли о намерениях и планах создать у себя ботанические сады.

Полагаем, что мы, жители Иркутска, способны оберегать, сохранять и развивать природное и культурное наследие для себя и для потомков. Живой растительный мир очень чувствителен к заботе. Нам надо не уничтожать остатки зелёных насаждений в угоду интересам отдельных групп, а бережно сохранять и защищать нашу скудную городскую природу. Несомненное право большинства граждан на сохранение здоровой окружающей среды, чистого воздуха и лесопарковых рекреационных зон выше права меньшинства на ухудшение этой среды обитания и на разрушение зелёных зон.

Городские и областные власти, частный бизнес и ученые университетов, в принципе, способны решить этот вопрос взаимовыгодно и во имя интересов горожан.

Виктор Кузеванов
Светлана Сизых

Авторы благодарят своих коллег А. Паршина, С. Белла, А. Большакова, Е. Бояркину, Н. Стулину, А. Зарубина, В. Барлицкую за предоставленные материалы и полезные дискуссии в связи с подготовкой этой статьи. Особая признательность Е. Григорьевой за идею подготовки этой статьи, дискуссии и за всемерную поддержку. При подготовке этой статьи были использованы также материалы интервью авторов для иркутских газет «Исток», «Восточно-Сибирская правда», «Пятница», «Копейка», «Комсомольская правда – Байкал», «АиФ», а также для сайта БАБР.РУ

литература
Кузеванов В.Я. «Ботанический сад»
В.Н. Баснина. В кн.: Связь времен: Баснины в истории Иркутска. – Иркутск, 2008. – С. 48–61.
Кузеванов В.Я., Сизых Св. Ресурсы Ботанического сада Иркутского госуниверситета: образовательные, научные и социально экологические аспекты. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2005. 244 с. (Web: <http://bogard.isu.ru/articles.htm>)

Панорамная фотография водоема и болота (от 10 августа 2008 года)

Архитектор сам по себе

В этом номере мы продолжаем серию публикаций по материалам «конферюшек» – случайных набросков, которые архитекторы делают невзначай, между делом. В этих легких и необязательных картинках зачастую время и характер человека отражаются точнее и правдивей, чем в тщательно отделанных и законченных произведениях. Иногда же в конферюшках вдруг проявляет себя неожиданный, доселе неизвестный талант автора.

Архитектор Виктор Петрович Шматков, например, оказывается блестящим, метким и лаконичным портретистом. С затертых листочков смотрят на нас живые люди – коллеги, чиновники, друзья и приятели автора. Смотрит на нас время, уже довольно от нас далекое.

Хочется выразить сугубую благодарность замечательным людям – Люциану Федоровичу Антипину и Владимиру Федоровичу Буху. Они не только сохранили конферюшки Шматкова, но и щедро поделились своими воспоминаниями об этом ярком человеке.

1. Имеется в виду здание Института иностранных языков.
2. Селищев А.С. Иркутск в 1951 году // Вост.-Сиб. правда. 1998. 6 марта.
3. Вост.-Сиб. правда. 1951. 21 июня.
4. Вост.-Сиб. правда. 1951. 14 сентября.

В год окончания Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских агрессоров Виктору Петровичу Шматкову исполнилось пятнадцать лет. Как и все его поколение, он не воевал с фашистами. Но мальчишки, родившиеся в тридцатом, росли в предвоенном ожидании. Вся страна пела «Если завтра война, если завтра – в поход...», и молодежь воспитывали в мобилизационном духе, в полной готовности к испытаниям во имя высоких идеалов.

Виктор Петрович Шматков учился на архитектора и формировался как профессионал в послевоенное десятилетие – время последнего и высшего взлёта сталинизма.

Нам, сегодняшним, непросто представить себе это время. Советский Союз стремительно восстанавливался из руин мировой войны. Одновременно складывалась новая геополитическая система – социалистический лагерь, и полугодная, разбитая войной страна станови-

лась центром гигантского сообщества, от Германии до Кореи. Благодарные европейцы ставили монументы в честь советского солдата-освободителя, а китайцы и корейцы называли детей русскими именами. Никто еще не считал, что Гитлера победили исключительно США, и престиж советского, сталинского коммунизма был безоговорочно высок.

В то же самое время бытовая картина повседневной жизни оставалась убогой до неправдоподобия. Петербургский историк профессор А.С. Селищев, уроженец Иркутска, так вспоминает этот период:

«На месте взорванного в 1932 году Казанского собора уже давно запланировано возвести Дом Советов. Но нет средств. И вот на протяжении уже двух десятилетий здесь за неряшливым забором пытаются скрыть нечто наподобие полустройки-полупустыря. А тут еще между этим нелепым объектом и инязом¹ чья-то административная голова

додумалась оборудовать площадку для мытья автомобилей. И это в самом центре города! Лужи грязной воды растекаются по окрестностям, вынуждая пешеходов выполнять нелепые акробатические упражнения...

В кинотеатре «Художественный» после сеанса зрители выходят на 1-ю Красноармейскую. Освещения нет, грязь непроходимая в буквальном смысле. Слева от выхода – выгребной люк, не огорожен и прикрыт лишь наполовину. Некоторые несчастные зрители впотьмах наступают на край этой адской ловушки и оказываются по пояс в нечистотах»².

Однако никакой депрессии. Проблемы города воспринимаются как очередной враг, с которым следует воевать до победного конца. Архитектурная общественность Иркутска ведет борьбу с точечной застройкой, искажающей исторический облик города. Борьбу возглавляет ответственный секретарь Иркутского отделения Союза

архитекторов Л. Сёмин³. В статье, опубликованной в «Восточно-Сибирской правде» в июне 1951 года, он критикует практику возведения на случайных свободных участках отдельных здания, не имеющих никакой связи ни с уже существующей застройкой, ни с планируемым в дальнейшем строительством. Многие здания или надстройки не отвечают требованиям строительных и архитектурных нормативов. Именно так случилось с надстройкой аптечного управления по улице К. Маркса (напротив ул. Литвинова), или кирпичного здания, приспособленного для кинотеатра «Гигант». Критика деятельности главного архитектора города С.А. Гусарова со стороны Союза архитекторов не осталась без ответного выпада: 14 сентября на страницах «Восточки» появляется статья, в которой обличаются профессиональная некомпетентность и моральная нечистоплотность товарища Л. Сёмина⁴. Борьба продолжается.

Монумент.
Объёмная форма

Архитектура не относилась к массовым профессиям. На весь СССР насчитывалось четыре или пять высших школ архитектурной специальности, и образование в них давали в основном классическое. Много рисовали, «ставили» руку, осваивали трудоемкие техники рисования пером и заточенной спичкой, изучали классическое наследие – подробно, глубоко, не по верхушкам. Медленно, неохотно, через большое недоверие в советскую архитектуру проникал модернизм и, вопреки распространенному заблуждению, далеко не вся молодежь воспринимала его с восторгом. Вот и Виктор Петрович, хотя и учился вместе с будущими советскими модернистами – Гнедовским, Кубасовым, Новиковым, не

любил модернизма и терпеть не мог буйных авангардистов. Позже, став профессионалом, он остался верен тяжелой, лаконичной и солидной стилистике, которая возникла в зазоре между сталинским ампиром и американизованным модернизмом. Новые приемы и образы появлялись в его работах только тогда, когда в них действительно была необходимость. Так, при строительстве Дворца спорта (стадион «Труд») совместно с конструктором Ермаковым они разработали новый прием: каркас здания сваривался из стальных труб с расплюснутыми концами. Для того времени – настоящий «хай-тек».

Самодостаточность Виктора Петровича Шматкова проявлялась разнообразно. Убежденный противник профессиональных архитектурных тусовок, он предпочитал проводить время с художниками. В командировки всегда ездил с этюдником, много писал акварелью и достиг высокого профессионализма в этой непростой технике. В живописи, впрочем, тоже не признавал новомодных течений, и особенно враждебно относился к творчеству иркутского художника Смагина.

Виктор Петрович не хотел преподавать и не оставил учеников. Однако все, кто его знал, вспоминают веселого, жизнерадостного человека – общительного, «расстёт-

нутого», любимца женщин. Ответственный работник, трудяга и «пахарь», он всегда и всюду опаздывал – на пленумы, заседания (вплоть до бюро обкома КПСС) и даже на самолеты. Рисовал блестящие, очень живые и точные шаржи на коллег и чиновников – и никому их не показывал, прятал и даже свои мастерские акварели выставлял лишь изредка, после долгих уговоров друзей-художников.

Замечательное впечатление производят друзья и коллеги Виктора Петровича Шматкова, архитекторы старшего поколения, когда говорят о нем. Совсем уже немолодые люди, они оживляются, улыбаются и, блестя помолодевшими глазами, с удовольствием пересказывают анекдоты о его независимом характере.

Художник. Рисунок

Константин Лидин

Мечтательно вздыхая, вспоминают и его красавицу жену. Да и сам В.П. Шматков был на редкость хорош – крепкой мужской красотой – даже в свои шестьдесят, в конце восьмидесятых, когда, вместо ухода на пенсию, открыл и возглавил мастерскую.

Фигура архитектора и художника Виктора Петровича Шматкова может показаться противоречивой и парадоксальной. Но нет, стержень его личности однозначен и ясен. Он – человек твердых эстетических и жизненных убеждений, четких, прямых и последовательных. Друзья – значит друзья, а враги – значит враги. Если уж выбрал классический подход – нечего бояться обвинений в консерватизме. Принял решение – будь готов и защищать его, и нести за него ответственность.

Поколение, пережившее трагедии и взлёты, убогий быт и государственное величие, научилось жить в полную силу, не сомневаясь и не оглядываясь. Мальчишки, собиравшиеся на великую войну и не успевшие на нее, провели всю свою жизнь в битвах. Возможно, им не хватало плюралистичности и взвешенного отношения к сложным культурным явлениям. Но так жадно, вкусно, полноценно жить, как они, мы – мудрые и сомневающиеся – уже вряд ли сможем.

Арх. Захаров (Шматков)

Инновационная разработка «Система "Байкал"»

Диплом и медаль Иркутского выставочного комплекса ОАО «СибЭкспоЦентр» за участие в выставке «Стройинновации – 2009» в номинации «За внедрение технологии каркасного домостроения из сборного железобетона системы «Байкал» в строительную индустрию региона»

Медаль выставки «Байкальская строительная неделя» в номинации «За внедрение инновационных разработок и технологий в строительстве»

В настоящее время активно ведутся внедрение новых и модернизация освоенных конструктивных систем, основанных на сборном домостроении.

Особенно актуален вопрос восстановления сборного домостроения в условиях континентального климата и сейсмологической ситуации в некоторых регионах России. И в то же время непростые экономические обстоятельства вынудили строителей искать пути снижения себестоимости строительства без ущерба его качеству. Оперативно отреагировала на требования времени творческая команда ЗАО ПИИ «ГорПроект», строительного альянса «Магистраль» и строительно-монтажного треста № 14 «РЖДСтрой», приступив к внедрению своего ноу-хау на региональном рынке. Разработчики системы «Байкал» предлагают достойную альтернативу популярным сегодня строительным технологиям, в частности монолитному домостроению.

В районах с суровым климатом и повышенной сейсмичностью строительство сопряжено с рядом трудностей: зимой работа на стройплощадках практически замирает, скорость бетонных работ составляет не более 2–3 этажей в месяц, а ускорение процесса может серьезно сказаться

на качестве продукта. Перед специалистами стояла задача создать перспективную технологию: транспортную, сейсмостойкую, экономически выгодную, надежную и, что немаловажно, отвечающую требованиям национального проекта «Доступное жилье», по параметрам квартир, соответствующих госзаказу.

Система «Байкал», представляющая собой безригельный каркас, разработанный на основе легендарной серии 1.120-1с, получилась именно такой. Конструктивной особенностью системы является применение изготовленных по технологии безопалубочного формирования многопустотных плит перекрытий, что благодаря идеальной поверхности и точной геометрии значительно упрощает процесс монтажа. Плиты

перекрытий выпускаются на современном оборудовании завода СМТ, что гарантирует их качество, улучшенные параметры элементов не создают трудностей при перевозке и монтаже, металлоемкость изделий и объемы бетона в полтора раза ниже, чем у обычных плит. Ежегодно по системе «Байкал» силами отечественных специалистов можно монтировать до 150 тысяч кв. м жилья стоимостью 30 тысяч рублей за квадрат, на базе одного завода ЖБИ «РЖДСтрой». А самое главное – применение системы гарантирует максимально высокие потребительские характеристики строящихся объектов: уникальный запас прочности системы «Байкал» позволяет возводить здания высотой до 16 этажей, что является показателем для применения

в строительстве в сейсмоопасных районах. Другое достоинство новой технологии состоит в том, что с ее применением можно строить гражданские объекты, общественные и административные здания.

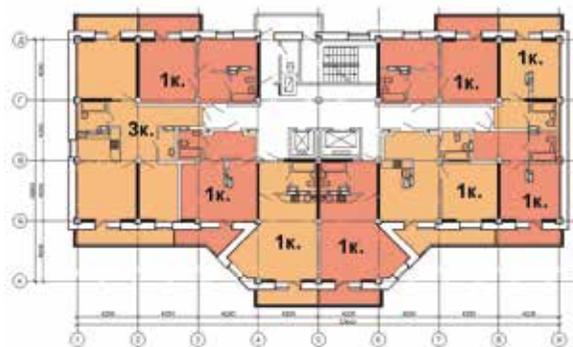
Конструктивная система «Байкал» является инновационной разработкой, прошедшей практические испытания. Результат испытаний – получение технического свидетельства Минрегионразвития для строительства жилых и общественных зданий с применением преднапряжения в условиях строительной площадки в сейсмоопасных районах.

Сами разработчики уверены: система «Байкал» способна совершить настоящий прорыв в строительной отрасли не только Восточной Сибири, но и за ее пределами.

«Пилотный» проект застройки по Системе «Байкал» группы 16-этажных домов, ул. Напольная, 63

Планировка типового этажа

Закрытое акционерное общество
Проектно-изыскательский институт
ИркутскЖилГорПроект

664081, г. Иркутск, ул. Карла Либкнехта, 239 В
Тел.: 28-14-28
www.irkgp.ru

Бизнес-центр «Академический»

В Иркутске все чаще стала появляться пусть не выдающаяся, но достаточно качественная архитектура. Одним из таких примеров является бизнес-центр «Академический», и, как нетрудно догадаться, появился он в Академгородке, на пересечении улиц Лермонтова и Улан-Баторской. Его месторасположение очень примечательно, поскольку предполагался он как отправная точка перспективной застройки обширного пустыря, на котором сейчас одиноко и заброшенно стоит недостроенный Ледовый дворец. Этой

застройки еще нет даже в проекте, но здание бизнес-центра проектировалось с учетом ее постепенного возникновения в неопределенном будущем. И один из его ризалитов на фасаде, обращенном к Ангаре, полностью глухой, – для возможности стыковки с перспективной застройкой. Все формообразование здания настроено на эту будущую контекстную ситуацию. И поэтому дугообразная, динамичная форма фасада, выходящего на улицу Лермонтова, подчеркивает изгиб дороги и словно отражает свободу и движение, которое она символизирует,

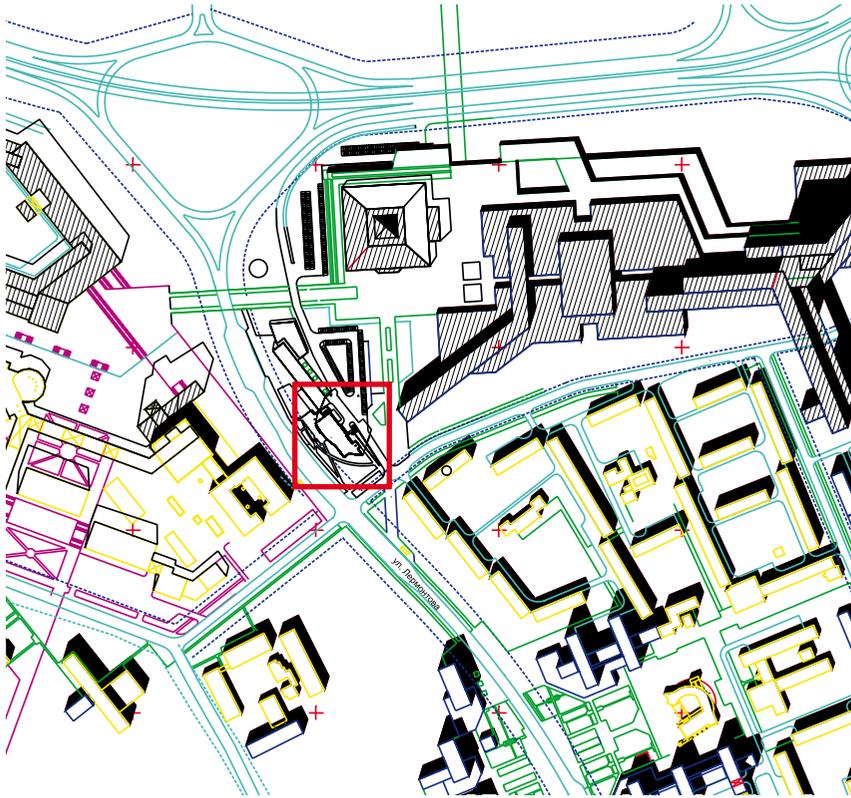
хотя свобода, динамика и движение гораздо больше присущи реке, природе и открытому пространству, на которое как раз выходит откровенно «городской» фасад – жесткий, статичный, структурный, очень строгий и, можно даже сказать, монументальный.

С другой стороны, планировочное решение объекта представляет довольно простую и логичную композиционную схему: прямоугольный объем с выступающими частями лестниц; в объем врезан сегмент круга, словно поворот дороги трансформирует таким образом пря-

моугольник. Внутреннее устройство здания стандартное, обусловленное необходимым

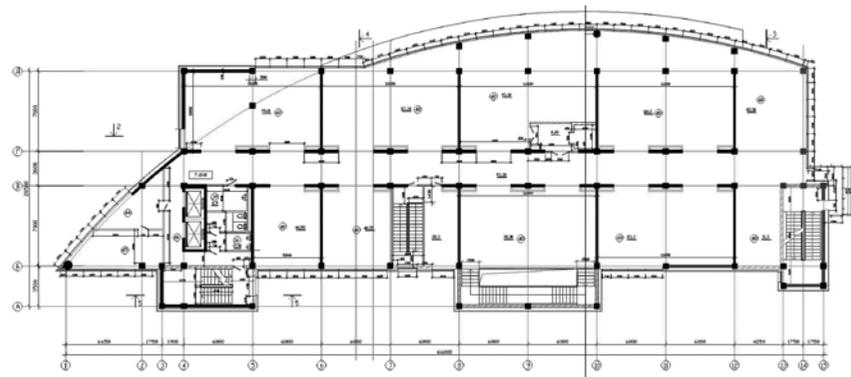
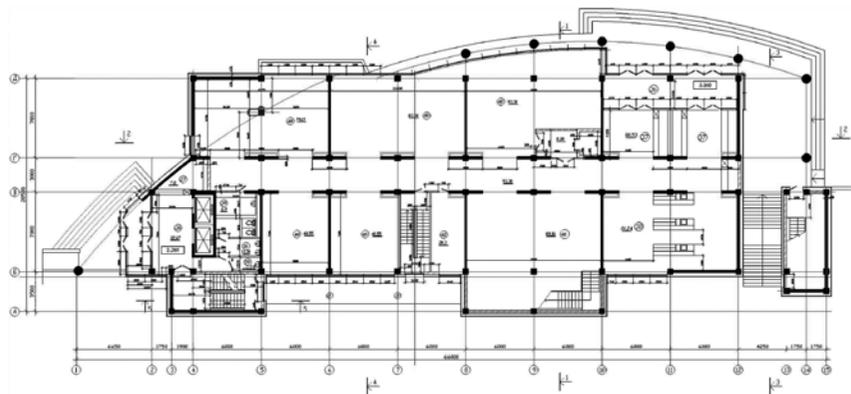

Ситуационный план

План 1-го этажа

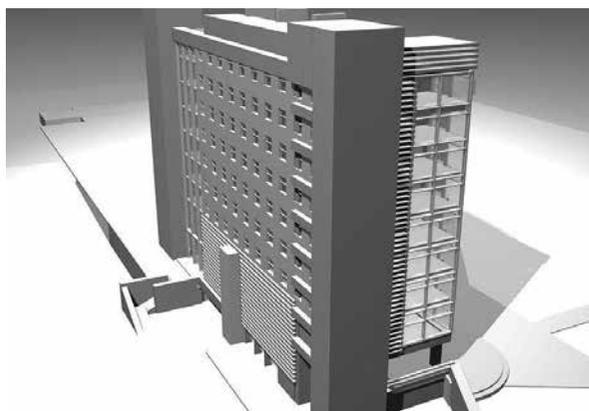
План 2-го этажа

в нашей сейсмической зоне наличием диафрагм жесткости, центральный коридор, небольшой вестибюль и связи жесткости с шагом 12 метров, но дуга, выступающие объемы лестниц и входные группы, несомненно, оживляют план. Что касается дугобразной темы, по словам авторов, она возникла сразу: сперва должна была прозвучать в объеме, но хорошо, что не прозвучала – дом подобной формы уже построен в Москве, на Ходынском поле (жилой дом «Парус», «Моспроект-4»). Хотя, прежде всего, стоит обозначить основные структурные элементы объемной композиции. Есть литой стеклянный объем, воспринимающийся как глыба, доводя аналогии до логического предела – глыба льда со своей мало заметной витражной решеткой; на него натянута кожа из светлого холодного оттенка бежевого керамогранита с мелкой клетчатой структурой, в местах наибольшего композиционного напряжения (главный вход, эвакуационная лестница, стыки с выступающими частями

здания) – стеклянный объем остается обнаженным, а на центральной части здания кожа становится еще одним элементом – сеткой, монотонной структурой, созданной одинаковыми окнами, расположенными в едином метрическом порядке. Удался известный модернистский прием, когда множество одинаковых элементов, расположенных в одном и том же ритме, воспринимается единым целым. Некоторая интрига есть в том, что пока не видишь плана здания, оно воспринимается полукруглым объемом, из которого вырывается прямоугольный, меньший по форме и композиционному значению, и потому появляется некая неопределенность и хаотичность, что делает фасад интереснее и живее. Эти выступающие части прямоугольного объема обтянуты тем же самым керамогранитом, но красивого серого цвета с легкой нотой сиреневого теплого оттенка и графично, поэтажно расчленены тонкими горизонтальными тягами из светло-бежевого керамогранита, преобладающего на фасаде. Поскольку

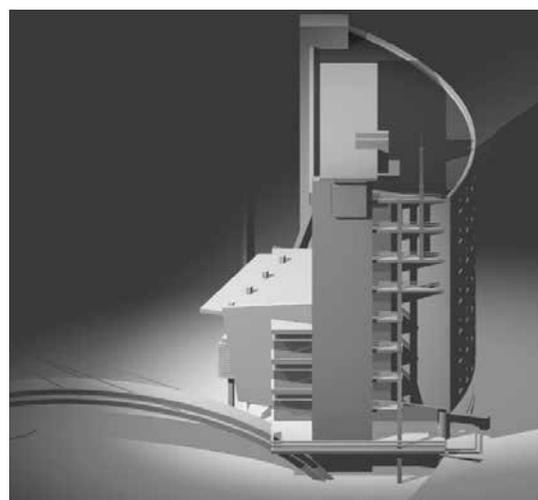
острый угол, образованный дугой и прямоугольником практически на всю высоту здания, выполнен из стекла, он просто звенит и является одним из самых эффектных элементов здания, – неудивительно, что здесь расположен главный вход. Приятная особенность объекта – с разных точек обзора он раскрывается новыми деталями и темами. Его интересно рассматривать, хочется обязательно обойти со всех сторон.

Вызывает сожаление только то, что весь этот большой участок на въезде в

Академгородок будет почти полностью застроен и, по словам авторов, характер застройки предполагается административно-деловой, торгово-развлекательный. Если это так, то такой ход вещей будет вызывать не только сожаление, но и недоумение, и не только у архитекторов и градостроителей, но и у всех интересующихся развитием родного города жителей. Логично бы было продолжить спортивную тему, начатую многострадальным Ледовым дворцом, сохранить зеленый парковый

луч, ведущий к Ангаре, создать нечто вроде спортивно-культурного парка. Задействовать обширнейший пустырь, примыкающий к Университетскому, где мог бы образоваться Технопарк, но все объекты технического, научного, культурного и спортивного характера утопали бы в зелени, и таким образом возникло бы мощное зеленое ядро Свердловского района. Но это все слова и размышления, а бизнес-центр уже появился.

Татьяна Чеботарева

В преддверии IX Международного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2009» мы представляем работы Никиты Игоревича Явейна, официального гостя нашего фестиваля.

Бизнес-центр «ЛИНКОР»

Россия, Санкт-Петербург,
Петроградская наб., 34

проектирование
2004–2007

строительство
2006–2008

заказчик
ЗАО «Петровский Трейд Хаус»

генеральный
проектировщик
архитектурная мастерская
«Студия 44»

архитекторы
Никита Явейн
Валерий Кулаченков,
Владимир Лемехов
Павел Соколов
при участии
Татьяны Васильевой
Ольги Волковой
Марьям Замеловой
Дмитрия Косова
Татьяны Сологуб
Варвары Хмелевой;

конструкторы
Олег Курбатов
Владимир Иоффе

Бизнес-центр «Линкор» строится с использованием каркасов двух бывших промышленных зданий. Своим морским характером он обязан расположенным неподалеку крейсера «Аврора» и Нахимовскому училищу, но, возможно, в еще большей степени – заказчику, как-то обронившему в задумчивости: «Сегодня бизнес плывет неведомо куда»... Так бизнес-центр стал кораблем. И оказалось, что эта отнюдь не сухопутная форма способна дать проекту ряд функциональных преимуществ.

Во-первых, установив корабль на опоры, можно под его днищем организовать большой гостевой паркинг и тем самым избавить многочисленных посетителей от блужданий по подземным лабиринтам. Ведь нынче для бизнес-центров класса «А» комфорт приезда и отъезда – одно

из неперемных условий. Во-вторых, сам абрис судна, широкого снизу и плавно сужающегося кверху, идеально соответствует ценовой и типологической иерархии офисных помещений. Демократичный по арендным ставкам «трюм» с залами гибкой планировки подойдет для больших подразделений крупных компаний, выше – офисы поменьше и подороже, еще выше – самые престижные. Верхние «палубы» с видовыми террасами предназначены для работающих на город ресторанов и кафе.

«Линкор» выглядит чужоку «недостроенным», его стеклянная обшивка местами не доведена до края бортов, «шпангоуты» обнажены. Он словно еще не готов сойти со стапеля в воду. Зато в атриуме, соединяющем его со вторым корпусом, за счет наклонных стен и идущего волнами стеклянного потолка, можно

почувствовать себя под водой, да еще и между двух кораблей.

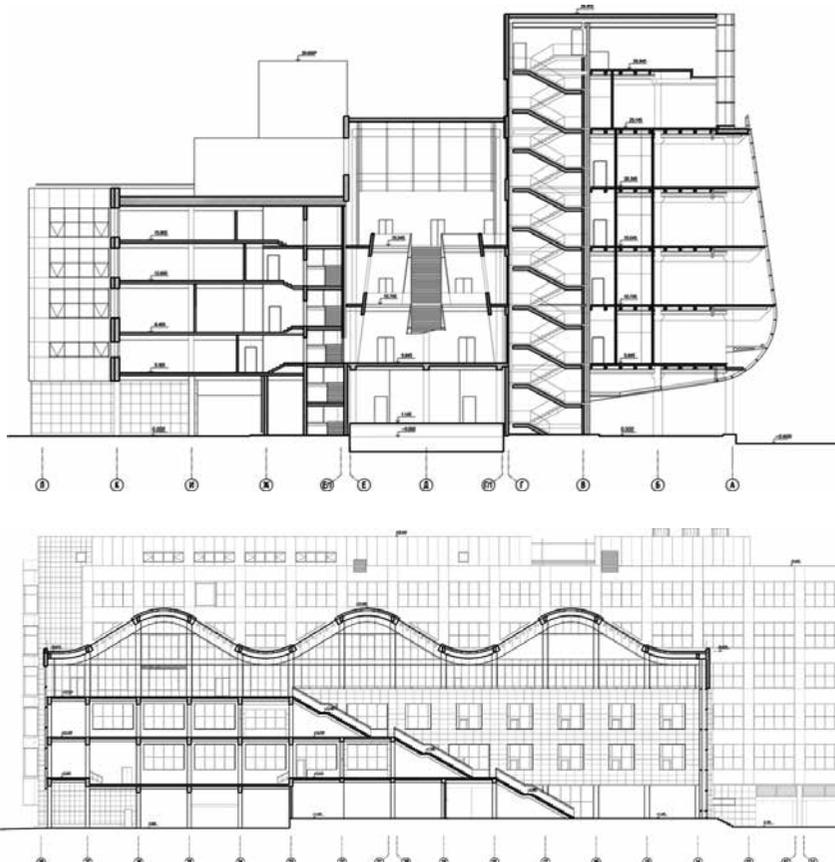
Офисы располагаются на всех этажах главного корпуса, а также на третьем и четвертом этажах дворового флигеля. В первом этаже лицевого корпуса предусмотрены магазин и кафе-бар; на втором и третьем уровнях атриума – два ресторана (один из них трансформируется в банкетный зал и конференц-зал).

Остекление фасада по Петроградской набережной

– полуструктурное, с применением гнутого стекла марки «SUNERGY clear». Окна, двери, остекленные фасады и прозрачные участки кровли атриума изготовлены из алюминиевых конструкций системы SCHUCO с заполнением вакуумными стеклопакетами (стекло марки «SUNERGY clear»).

Фотографии

Ю. Молодковец, М. Явейн
Рисунки В. Лемехов

площадь участка
8 099 кв. м

площадь застройки
5 284 кв. м

габариты реконструируемых корпусов (построены в 1969–1977 гг.)
– б. лабораторный корпус: длина – 154 м, ширина – 18 м, высота – 34 м (6 этажей)
– б. столовая: длина – 42 м, ширина – 24 м, высота – 13,3 м (4 этажа)

габариты существующих корпусов, в основном, сохраняются.

общая площадь комплекса
23 183 кв. м

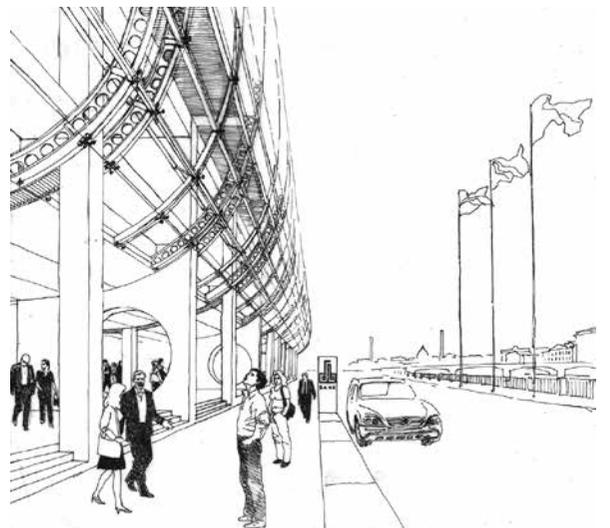
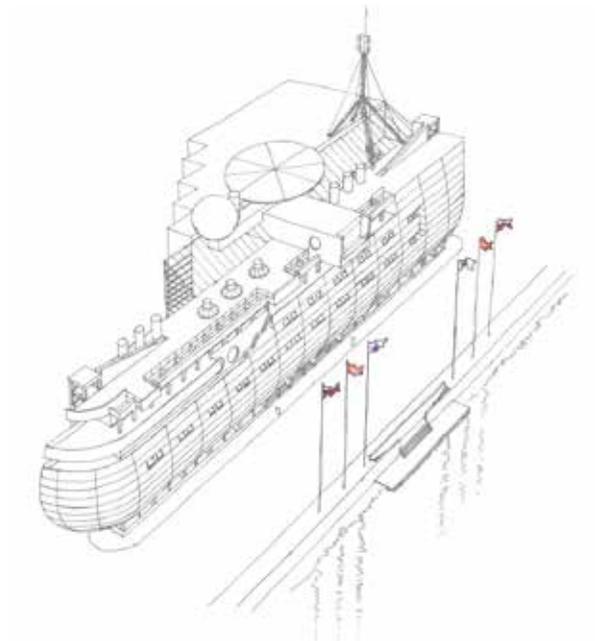
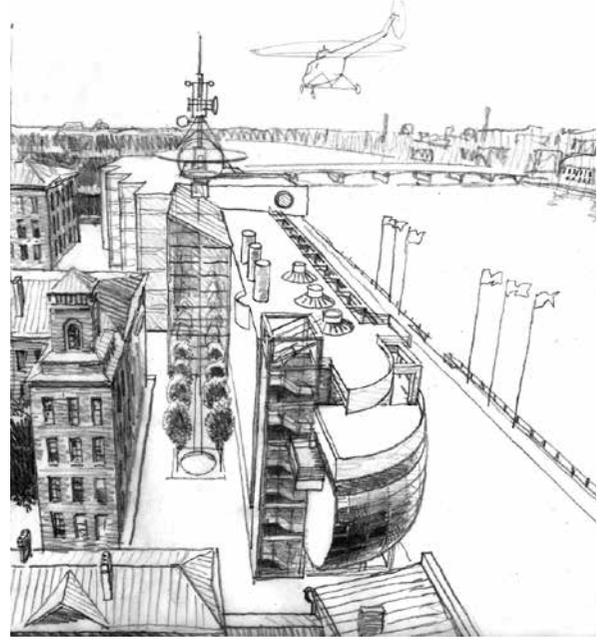
полезная площадь
18 536 кв. м

расчетная площадь
16 302 кв. м, в том числе, офисные помещения – 13 680 кв. м

площадь озеленения
536 кв. м

открытые автостоянки всего на 160 машиномест, в том числе в открытом первом этаже здания – 85 мест (гостевой паркинг), вдоль фасада по Петроградской набережной – 41 место (гостевой паркинг) и во внутреннем дворе – 34 места (служебный паркинг).

строительный объем
145 013 куб. м

Бизнес-центр «Невский, 38». Реконструкция и реставрация памятника архитектуры первой трети XVIII века

Реновация памятника архитектуры с почти 300-летней историей, пережившего на своем веку более десяти перестроек и серьезно пострадавшего от пожара 1994 года, сопоставима с борьбой хирургов за жизнь великого больного. Вначале, словно пинцетом, было убрано все малоценное. Затем восстановлено все значимое, составляющее душу этого здания: сводчатые подвальные помещения XVIII века (арх. Михаил Земцов), классические фасады начала XIX века (арх. Карл Росси), чугунные колоннады 1881 года (арх.

Генрих Пранг), двухсветный операционный зал бывшего Волжско-Камского банка в духе позднего французского классицизма (1898, арх. Леонтий Бенуа). Наконец, тесная площадка внутреннего двора, где только и возможно было новое строительство, была преобразована в крытый атриум, плотно окруженный блоками офисов.

Ключевым знаком, способным обратить сложности и недостатки этого высокого узкого пространства, почти ушелья, в художественные достоинства, явился образ многоуровневого римского

акведука. Его каменные аркады как главное художественное средство дополнены металлической паутиной мостов и мостиков, переброшенных над зияющей пустотой. Так – функционально и

образно – объединены многочисленные «культурные слои» дома, расположенные на самых разных уровнях и отметках.

Смысловым центром композиции стала отрес-

Россия, С.-Петербург,
Невский пр., д. 38

проектирование
2000–2003

строительство
2001–2004

заказчик
ОАО «ПСБ»

генеральный проектировщик
архитектурная мастерская
«Студия 44»

архитекторы
Никита Явейн
Виталий Антипин
Валерий Кулаченков
Павел Соколов,
при участии
Петра Березина
Владимира Зенкевича
Марьям Замеловой
Людмилы Кутузовой
Владимира Парфенова
Нatalьи Побединской
Жанны Разумовой
Татьяны Сологуб
Варвары Хмелевой

реставраторы
архитектурная студия
Михайлова

конструкторы
Олег Курбатов
Борис Миронков

общая площадь участка
0,319 га

площадь застройки
до реконструкции
– 2 802,3 кв. м
после реконструкции
– 3 150,0 кв. м

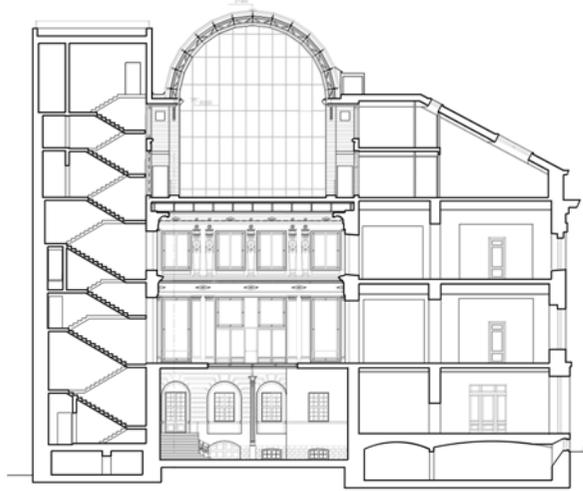
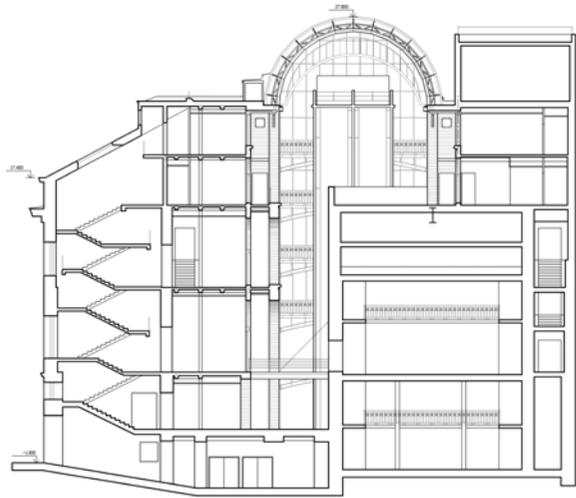
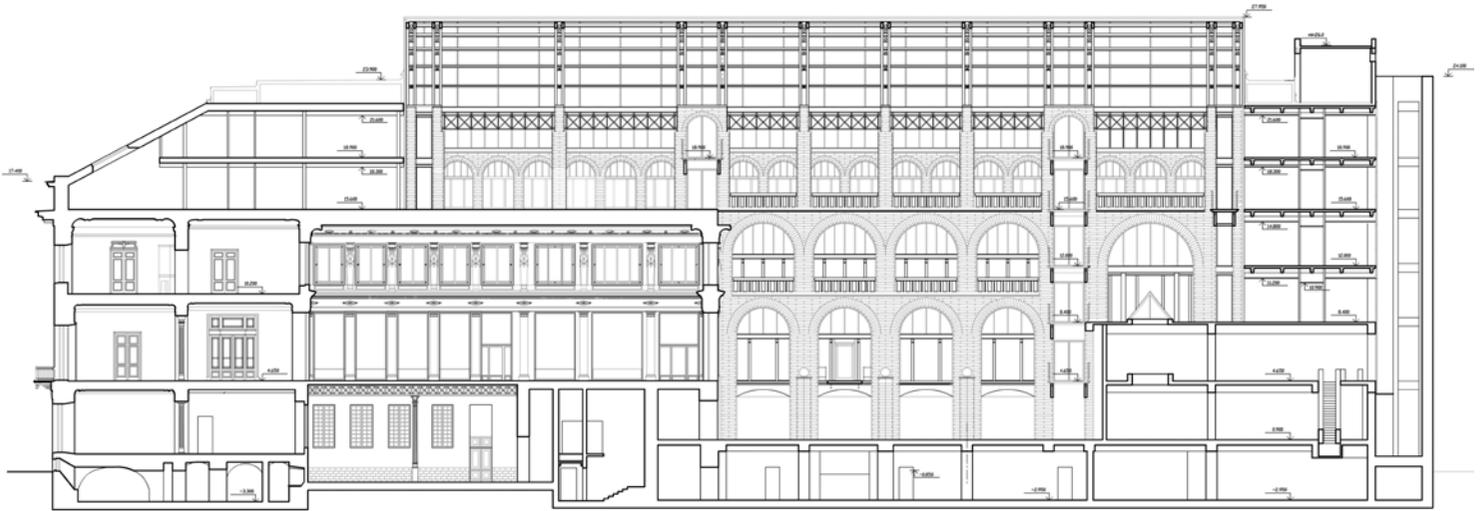
общая площадь здания
14 500 кв. м

полезная площадь
12 080 кв. м

расчетная площадь
9 884 кв. м, в том числе:
офисные помещения
– 6 660 кв. м,
торговые помещения
– 3 224 кв. м

строительный объем
76 000 куб. м

таврированная башня исторического сейфинга с поблескивающей надежными запорами крупповской дверью. К ней ведет только один узенький подъемный мост. Это зрелище привораживает взгляд, заставляя зрителя гадать, куда же он попал – в гравюру Пиранези или в виртуальное пространство компьютерной игры на сюжет гангстерского боевика.

На каждом уровне атриума возникает свое восприятие пространства: от узкого каньона в нижней части к уютным дворикам на средних уровнях и от них – к парадным, престижным, окруженным аркадами дворам. Пространства атриума естественно перетекают в отреставрированные исторические помещения – в богато декорированный лепкой и зеркалами зал Леонтия Бенуа, в строгие анфилады, обрамленные рядами чугунных колонн Генриха Пранга

и т.д. При этом разнообразие впечатлений достигается исключительно за счет пространственных решений, поскольку кроме аркад никакие другие изобразительные элементы в здание не вводятся.

В этом проекте, как и на других объектах реконструкции в самом центре Петербурга, очень важно было найти баланс между требованиями по охране культурного наследия и функциональной программой заказчика. Мы рассматривали свою деятельность не как финальное преобразование, а как очередной строительный этап, который должен не бороться с предыдущими периодами, а дополнять их, вливая в них новую жизнь. Нам хотелось бы, чтобы при следующих перестройках дома с нашим вкладом в него обошлись бы так же бережно, как мы с работами наших предшественников.

Башня «Фар» / Tour «Phare»

Место: Париж, Франция
Архитектор: Thom Maube
Тип: административно-офисный, офисный комплекс

Новая постройка достигнет высоты в 300 м, что ниже знаменитого сооружения инженера Эйфеля на 24 м, но значительно выше самого высокого здания в Париже на текущий момент – башни «Монпарнас» (180 м). Идея постройки небоскреба «Фар» («Маяк») связана с общим планом реконструкции и обновления всего Ла Дефанс, принятом в июле 2006 года и предполагающем возведение там к 2013 году 450 000 кв. м офисных площадей. Башня по проекту Тома Мейна и его бюро «Морфозис» будет образцом «зеленого» строительства. Ее двойная оболочка из стали и стекла сделает возможным естественную вентиляцию здания, а целая «роща» ветряков на крыше позволит вырабатывать там большую часть электроэнергии для нужд небоскреба. Здание обтекаемых криволинейных форм, вырастающее из блокообразного основания.

58

Соперница Эйфелевой башни – www.archi.ru/foreign/news/Morphosis – www.morphosis.com
Использован материал сайта: www.archicentral.com, www.archi.ru

Комплекс «Westside» / Complex «Westside»

Место: Берн, Швейцария
Архитектор: Daniel Libeskind
Тип: торгово-коммерческий, торгово-развлекательный центр

Масштабное коммерческое сооружение стало одним из крупнейших строительных объектов Швейцарии (150 000 кв. м площади), а его открытие посетил столичный мэр, назвавший комплекс «новым чудом Берна». Westside, первый реализованный торговый центр Либескинда, демонстрирует характерный «почерк» архитектора: угловатые объемы скрывают ломаные линии и неожиданные повороты интерьера, освещенного через щелевидные проемы в перекрытиях. Чтобы придать постройке, рассчитанной на 3,5 млн посетителей в год, некоторую мягкость, его фасад обшит деревом. Внутри, по мысли Либескинда, создана имитация города – некоего нового Берна с переулками и площадями; в комплекс входят собственно торговый центр с 55 магазинами, 10 кафе и баров, гостиница, кинотеатр-мультиплекс, аквапарк и апартаменты.

Искусственный город – www.archi.ru/foreign/news/Daniel-Libeskind – www.daniel-libeskind.com/
Использован материал сайта: www.flickr.com, www.archi.ru

Константин Лидин	Время героев и время сурка.....	61
Марина Ткачева	Поиск идентичности.....	65
Виталий Лепский	Исторические города: проблемы развития и сохранения	71
Алексей Буйнов	Исторический монолог	74
	Сохранение истории и градостроительное образование	77
	«Хочу пройти по отреставрированному Иркутску».....	80
Герман Медведев	Археологический ископаемый запас России под угрозой	83
	Ангарский каскад. Богучаны	
	Очередное пренебрежение культурным наследием.....	85
Владимир Китаев	Памятники археологии без памяти	86
Светлана Регамэ	Глазковский некрополь	
Эдуард Товмасьян	Будущий музейный комплекс мирового масштаба	91
Владимир Базалийский		
Наталья Бердникова	Археологическое наследие в контексте современного города. Иркутск	93
Галина Воробьева		
Екатерина Липнина	Иркутский острог: археологические открытия.....	98
Герман Медведев	Сектор культурного наследия института «Иркутский Промстройпроект»	102
Наталья Бердникова	Музей Восточно-Сибирского отдела Императорского русского	
Иван Бердников	географического общества: проект реставрации	104
	Кладищевское училище в Иркутске: история строительства.....	107
Татьяна Гусева	Иркутское Кладищевское училище:	
	проект реставрации и приспособления под музей.....	111
Наталья Торшина	Музей деревянного зодчества «Тальцы»: история создания.....	113
Елена Трескина	Истории историко-мемориального.....	116
	Музей истории Иркутска. Новый филиал	119
Владимир Тихонов	Технологии в реставрации	120
Елена Добрынина	Международная реставрационная школа в Иркутске.....	121
Владимир Лапенков	Реставратор Виктор Александрович Палиев	123
Людмила Антонова	Перечень православных храмов Иркутской области, нуждающихся	
Наталья Жуковская	в безотлагательных консервационных, ремонтно-реставрационных	
Наталья Жуковская	работах.....	124
Надежда Красная	Петропавловская церковь в поселке Тайтурка.....	125
Надежда Красная	Шедевры Русского Севера – памятники мировой культуры	
	Кижы	127
Елена Ополовникова	Соловки.....	130
Барбара Энгель	Уничтожение породы, или Предсмертие корневой культуры	132
	Оживающая история. Урбанизированный ландшафт Дрездена	136
	Городские ландшафты исторического центра Иркутска:	
Андрей Большаков	принципы реконструкции.....	141
Наталья Торшина	Михаило-Архангельская (Харлампиевская) церковь: история.....	145
	Михаило-Архангельская (Харлампиевская) церковь:	
Алла Мироненко	проект реставрации и приспособления	147
Елена Ташак	Памятник истории и культуры федерального значения	
Алексей Чертилов	«Харлампиевская церковь» – реставрация или стройка?.....	149
Татьяна Чеботарева	Детский сад на погосте	150
Виктория Полутчева	Слюдянская Свято-Никольская церковь: проект реставрации	152
Игорь Пинайкин	Инженерные проблемы реставрации Свято-Никольского храма	
Валентина Никитенко	в Слюдянке.....	153
Марк Меерович	Архитектор в советской истории	
	Анатолий Фисенко и Альберт Кан.....	156
Юрий Волчок	Центральный Дом художника в Москве и другие 40 лет спустя.....	166
Алла Корзун	Архитектурное наследие 1980-х: вопросы авторской незащищенности	171
Алина Иванова		
Николай Крадин	Владивосток: стиль «порто-франко»	172
Павел Баклыский	Элементы модерна в деревянной архитектуре Читы	178
Галина Мартынюк	А музыка звучит.....	184
Нина Величкина	Бревенчатый Иерусалим. О серии книг «Древнерусское деревянное	
	зодчество» и ее последнем выпуске	187
Алексей Гаращенко	«Во власти истории: Евгений Шободоев»	188
Алексей Гаращенко	Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его «Записки»	188
Сергей Медведев	Коллекционер произведений живописи – издатель видовых открыток	
	К 160-летию со дня рождения Владимира Платоновича Сукачева.....	189
Сергей Коробов	БАМ на миниатюре	
	К 35-летию начала строительства третьего этапа «второго Транссиба»	193
Игорь Бержинский	Полоса отчуждения.....	197
Анна Григорьева	Summary	199

Как близки по звучанию выражения «войти в историю» и «попасть в историю»! Тема номера, разумеется, относится по большей части к той истории, в которую входят. Это Большая История, мощная, одухотворяющая, обязательно необходимая для каждого человека, для каждой семьи, города, государства, цивилизации. К архитектуре и градостроительству эта История имеет самое непосредственное отношение. Настоящий профессионал имеет шанс когда-нибудь войти в Историю и поселиться там, рядом с великими предшественниками. Да и материал подходящий: даже не пароходы и строчки, как у Маяковского, а камень, бетон, металл – действительно долгие дела. Гордое счастье – войти в Историю.

Опасливую жалость испытывают окружающие к человеку, потерявшему память. Жутко – примерять амнезию на себя.

Коррозия разъедает и камень, и бетон, и металл. Коррупция и жадность пожирают историческую память, и города заболевают амнезией. Золотая валюта Истории разменивается на золу и пепел сиюминутного.

Как нам вылечить наши города, пока еще не все материальные воплощения Истории разъела корысть? Каких законов и действий гражданского общества еще не хватает? Давайте подумаем вместе.

Елена Григорьева

The Russian word *istoriya* is surprisingly consonant to the English *history* and *story*. Especially, if we take into account, that the meanings of the English words are both combined in the Russian one. The topic of this issue implies a great, powerful, inspiring, obligatory sense of History, which is essential for every human being, family, town, state and civilization. This History is directly relevant to architecture and town planning. A real professional has a chance to figure in History and to settle down there, close to great predecessors. And the material is appropriate: not even streamers and lines, like in Mayakovsky, but stone, concrete, metal – long-lasting deeds indeed. To go down in History is a proud glory.

A man that has lost his memory excites a wary pity among the others. They feel horror at the thought that amnesia might happen to them too.

Corrosion can eat away stone, concrete and metal. Corruption and lucre devour historical memory, and towns lapse into amnesia. They exchange gold currency of History for ashes of here and now.

How to cure our towns, while not all the material embodiments of History are eaten away by lucre? What laws and measures does the civil society yet lack? Let's consider it together.

Elena Grigorieva

Время героев и время сурка

Поля истории усеяны горами камней,
кое-как отесанных.
Камни эти ждут толкового архитектора.
Л. Февр

В пантеоне наук история выделяется своей кажущейся бесполезностью. Все прочие академические науки имеют свою прикладную ипостась. Теоретическая физика успешно сотрудничает с энергетикой, информатикой, связью, химия – с прикладным анализом и синтезом веществ, психология – с медициной и менеджментом, и так далее. Существуют вполне почтенные науки, вообще лишенные «чистой» составляющей (например, военное дело), существует математика (которая по многим признакам больше похожа не на науку, а на язык) – но только одна лишь история не бывает прикладной.

Или все-таки бывает?

Слово «история» происходит от греческого ???????, которое включает индоевропейскую основу «вед-тор» с корнем «вед» (ведать, знать).¹ История – это познавательный рассказ, знания, полученные в результате исследования, причем не обязательно исследования прошлых времен. Скажем, крупнейший труд Аристотеля называется «История животных»², а его последователь Плиний Старший оставил тридцать семь томов энциклопедической «Естественной истории»³.

У древних греков за историю отвечала муза Клио (?????, Славящая). Изображалась она со свитком папируса или диптихом (специальной дощечкой для писания) в руках, иногда вместо диптиха держала в руке футляр для свитков. Эти ее атрибуты практически совпадали с атрибутами другой музы – Каллиопы (Красиворечивой) – музы героического эпоса. Как и остальные восемь сестер, Клио была дочерью Зевса и Мнемосины (памяти), и не мыслилась вне общего круга муз. Основной труд «отца истории» Геродота как раз и состоит из девяти книг, каждая из которых названа именем одной из муз⁴.

И все-таки Клио отвечает за вполне определенный вид историй – за те из них, которые посвящены прошлому и предназначены для будущего. Известное стихотворение Авсония так и начинается: «Клио прошлых времен дела вещает потомству»⁵.

Ну вот, вроде бы и разобрались, для чего история: прошлое нужно будущим поколениям. Осталось понять, что означают сами эти слова, но что такое прошлое, настоящее и будущее – однозначного ответа нет, и вряд ли скоро появится. Природа времени тысячелетиями остается среди

текст
Константин Лидин

Клио. Римская копия с греческого оригинала, предположительно II века до н.э. Муза смотрит назад, в прошлое, но рука ее со стилосом направлена вправо, в будущее

самых спорных вопросов и для философии, и для множества конкретных наук. Такое впечатление, что само это слово – время – означает не что-либо определенное, а напротив, свое понимание времени имеется у каждой области знания.

Историческое время (в отличие от физического или, скажем, палеонтологического) связано с событиями, в которых принимают участие люди. Время истории – это человеческое время. Люди же по неизбывной природе своей – существа субъективные, склонные строить разнообразные собственные картины мира, лишь отчасти совпадающие друг с другом. Историческое время субъективно, и особенно сильно это заметно по отношению к будущему времени.

История изучает прошлое в интересах будущего. Каково же это самое будущее и каковы его интересы? Прогнозы, более или менее отдаленные, пытаются делать все науки и «не совсем науки» (футурология, прогнозика), и совсем не науки (беллетристика, кинематог-

Девять муз. Прорисовка рельефа греческого саркофага, II век до н.э. Музы деловито занимаются каждой своим трудом, но в тесном контакте друг с другом. Клио – первая слева

Николас Гизис. Аллегория истории (1892 год). В XIX веке история представлялась чем-то вполне определенным, четким и однозначным

6. Kaneman D., Tversky A. On the psychology of prediction. *Psychological Review*, 1973, #80, pp. 237–251. К сожалению, единственная работа этих ученых, опубликованная на русском языке: Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.
7. Проект Байкал / *Project Baikal* / 2006. № 9.
8. Проект Байкал / *Project Baikal* / 2008. № 16.

Современный вариант музыки Клио (художник Тимоти Лантц). Призрачная, расплывчатая фигура – история потеряла однозначность и демонстрирует свою виртуальную природу

граф). При этом все понимают, что любая информация о будущем носит вероятностный характер. Существует множество будущих, и каждый вариант (сценарий) будущего имеет свою вероятность. В некоторых случаях вероятность реализации того или иного сценария удастся вычислить объективно, но так получается очень редко. Практически всегда прогнозы носят субъективный (экспертный) характер (иррациональная, внелогическая природа подавляющего большинства прогнозов весьма убедительно показана в работах израильских психологов Дэвида Канемана и Эймса Тверски, за что они и получили Нобелевскую премию по экономике).⁶ Мы рассчитываем на тот вариант будущего, который нам кажется самым правдоподобным (а не на тот, который является наиболее вероятным «на самом деле»). Будь иначе, и не смог бы существовать многомиллиардный игровой бизнес, люди не покупали бы лотерейные билеты и не вкладывали свои деньги в «финансовые пирамиды», перестали бы верить обещаниям политиков и так далее.

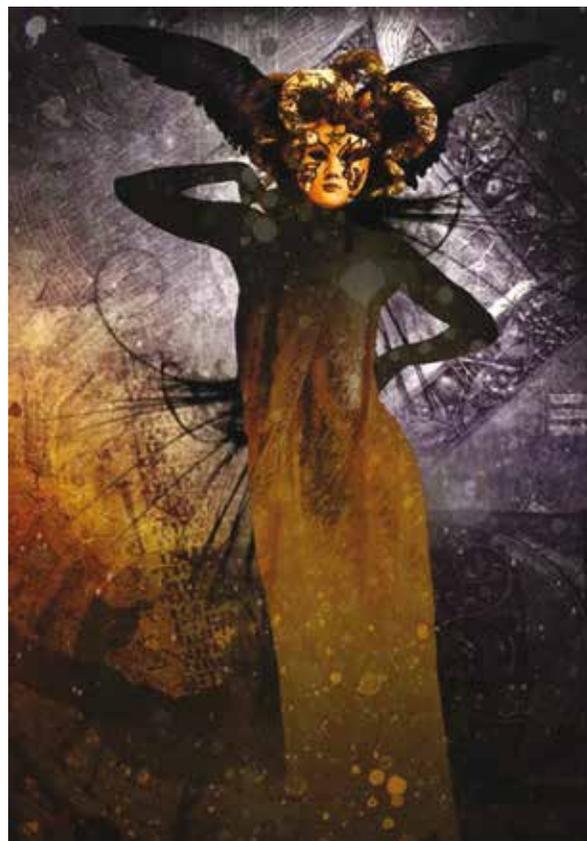
Менее очевидно, что и прошлое тоже носит субъективно-вероятностный характер. В этом нас убеждает не только множество вариантов нашей собственной истории. Россия всегда была страной с непредсказуемым прошлым. Но дело в том, что базовое понятие истории – понятие исторического события – все больше обнажает свою субъективную и вероятностную природу. Вот простой и близкий нам пример: один из прошлых номеров «Проекта Байкал» был посвящен Иркутской агломерации, причем большинство экспертов сошлись во мнении, что агломерация уже существует и дело лишь за ее официальным оформлением⁷. Агломерация было на тот момент «свершившимся историческим событием». Однако прошло совсем немного времени, сменилась политическая конъюнктура – и об агломерации забыли. Теперь она как бы и не существует, – такая вот историческая реальность. Еще пример из новейшей истории: с точки зрения строительного бизнеса и солидарных с ним городских административных, в начале XXI века протекали прогрессивные, экономически оправданные процессы замены устаревшей застройки на современную. С точки зрения защитников

культурного наследия в этот же период в тех же городах происходило массовое уничтожение ценнейших памятников истории и архитектуры⁸. И то, и другое может являться исторической правдой – в зависимости от предпочтений субъекта, описывающего ситуацию.

Разумеется, в рассуждениях о смысле и методе истории необходимо четко отличать исторический факт от исторического события. Вывод из списка памятников и последующее уничтожение каждого отдельного строения – это факт. Он гол и бессмыслен сам по себе. Исторические события – это трактовки фактов, соединяющие их в цельную картину. Именно события и составляют тот скелет, ту опорную конструкцию, на которую «крепятся» факты. В исследованиях будущего ту же роль играет сценарий.

Будущее симметрично прошлому в том смысле, в каком и то, и другое может становиться настоящим. Когда мы говорим о вероятности будущего, имеется в виду вероятность реализации именно этого сценария – превращение будущего в настоящее. Вероятность прошлого – это вероятность того, что данное событие повторится, то есть, снова станет настоящим. Конечно же, повторяются не факты, а их связи, опорная конструкция, скелет – историческое событие.

Манера исторических событий повторяться нередко наводит дерзкие умы на разные любопытные теории. Так, крупный математик, академик А.Т. Фоменко, ссылаясь на авторитет Н.А. Морозова и И. Ньютона, заявил, что это не события повторяются, а одно и то же событие многократно фиксируется летописцами. Начиная с девяностых годов прошлого века, академик переписывает историю человечества. Согласно «новой хронологии», греко-римская античность есть «фантомный дубликат» Ренессанса, который приобрел самостоятельность лишь под пером недобросовестных историков. Основатель Британии троянец Брут – то же самое лицо, что Гай Юлий Цезарь, он же Рюрик, он же Георгий Победоносец, он же Чингиз-хан. Гомеровская Троя и Константинополь, русский терем и восточный гарем и многие другие исторические явления и личности – это одно и то же. Открытие Америки Колумбом описано в Ветхом завете, а город Стокгольм (Стекольна) назван так потому, что в XIV–XVII веках,

когда Швеция входила в состав Руси, в нем делали стекло для российского императорского двора.

В результате таких отождествлений история человечества «сплюсчивается» до полутора тысячелетий, причем ведущую роль в ней играют славяне, главным образом – русские. Общепринятая же история предстает выдумкой западноевропейских фальсификаторов, которые мстят России за века подчинения ей в тот период, когда Москва была столицей Золотой орды.

Построения А.Т. Фоменко и его многочисленных последователей приводят в бешенство историков менее радикального типа. Еще в 1998 году Российская академия наук провела специальное заседание, на котором объявила теорию Фоменко лженаучной. Не помогло. Книги «новых хронологов» продолжают издаваться миллионными тиражами.

Как такое возможно? Почему, скажем, в химии не возникает подобных феноменов – всерьез никто не пытается пересмотреть таблицу Менделеева или принципы органического синтеза? По крайней мере, такие попытки не становятся предметом массовых дискуссий. Дело в том, что все положения теоретической химии проверены на практике, они реализованы в виде достижений прикладной науки. Создателю «новой органической химии» пришлось бы предоставить разработки, сравнимые с изобретением полимеров и синтетических лекарств. Претенденту на опровержение Эйнштейна предложили бы придумать что-нибудь покруче атомной бомбы, и так далее. История, лишённая очевидной прикладной ипостаси, не имеет такой возможности.

Однако так ли в действительности беззащитна история? Могут ли ее открытия и заблуждения повлиять на образ жизни человечества так же кардинально, как ядерное оружие или массовое производство пластмасс? Да, могут, ведь от истории, от ее выводов и мнений зависит, какое именно прошлое вернется к нам в будущем.

Для того чтобы определенный сценарий будущего реализовался, к нему должно стремиться множество людей. Стремиться – значит думать об этом варианте, верить в него, прилагать усилия для того, чтобы «попасть» именно в это будущее, а не в какое-то другое. Насыщать этот вариант будущего информацией и энергией. Точно так же исторические события способны повторяться, если они в достаточной степени насыщаются информацией и энергией людей.

Образ прошлого, совсем по Марксу, становится реальной силой, если овладевает умами миллионов. Когда массовое распространение получил вариант истории, в котором кроважидные большевики растоптали перспективный российский капитализм – этот самый капитализм и вернулся, со всеми его плюсами и минусами. Время, в которое верят, которым интересуются и которое обсуждают, – это время возвращается вновь. При этом, как говорится, не все исторические времена одинаково полезны.

В поэме Гесиода «Теогония» описаны два времени. Время богов, героев и их возлюбленных насыщено яркими, живыми и поэтичными образами. В нем воспроизводятся возвышенные, грозные и прекрасные события. В позднем варианте мифа о музах за описание этого времени отвечает отдельная сестра:

Песни времен героических в книге хранит Каллиопа (Авсоний).

Параллельно с временем героев существует «земное время». В нем повторяются мелкие повседневные события, день сменяет ночь в монотонном ритме бесконечного вращения. Гесиод помещает титана, держащего на плечах небо, в месте, где с Ночью встречается День: чрез высокий ступая Медный порог, меж собою они перебросятся словом – И разойдутся; один поспешает наружу, другой же Внутри в это время нисходит: совместно обоих не видит Дом никогда их под кровлей своею, но вечно вне дома Землю обходит один, а другой остается в жилище И ожидает прихода его, чтоб в дорогу пуститься. К людям на землю приходит один с многовидящим светом С братом Смерти, со Сном на руках, приходит другая, – Гибель несущая Ночь, туманом одетая мрачным⁹.

Тоскливое, унылое время, вечный «день сурка».

Индийские философы выразили ту же мысль в образе «колеса сансары». Захваченные своими повседневными страстями, люди обречены вращаться в колесе жизни и смертей, пока не найдут пути в нирвану или не станут Буддой.

При своем рождении в западной культуре история была полностью посвящена временам героев. Она и выглядела скорее не наукой, а разновидностью искусства, призванного прославлять деяния великих мужей и жен. Тысячи лет история фиксировала жизнеописания законодателей, военачальников, поэтов, мудрецов. Когда же великие мужи и жены ничего особенного не совершали, то время считалось как бы пустым, и в древнерусских хрониках просто писали «тишина бях». История писалась не для всех, а лишь для желающих стать великим – в назидание и наставление о том, как это делается.

Однако к концу второго тысячелетия от рождения Христа желающих стать великими, по-видимому, стало слишком уж много. Каждый столоничальник претендовал сравниться с древними героями и даже богами, не замечая, что в его личном времени воспроизводятся вовсе не грозные и прекрасные архетипические события, а лишь мелкие и повседневные страстишки. История тоже измелчала и принялась увлеченно описывать любовные похождения и своекорыстные интриги всяческих жалких, ничтожных личностей.

XX век ознаменовался глубоким методологическим кризисом исторической науки. Вокруг парижского журнала «Анналы» возникла группа талантливых людей, которых не устраивали жизнеописания очередных цезарей. Вместо выродившихся «героев» историки «школы Анналов» предложили изучать крупномасштабные процессы изменения в образе жизни, то есть в том, что называется поведением людей – поведением пищевым, сексуальным, производственным, военным и так далее. О том, как понимался этот подход, дает представление опубликованная в 1933 году статья Люсьена Февра «История современной России», имевшая примечательный подзаголовок «За синтез против «картинной истории»». Статья была посвящена опубликованной в 1932 году в Париже группой французских и русских эмигрантских историков во главе с Ш. Сеньобосом и П. Милюковым обширного трехтомника «История России с древнейших времен до 1918 г.». Правда, саркастически замечает Февр, знакомство с книгой заставляет думать: не ошиблись ли издатели, поставив на обложку дату 1932 год? – «1902-й был бы куда уместнее».

Люсьен Февр пишет: «...Но вот что важнее всего: перед нами Россия. Я не видел её собственными глазами, специально не занимался её изучением, и всё же

Город Шибам в пустыне Хадрамаут, Йемен. Несмотря на современный вид, эти «небоскребы» построены из сырового кирпича около четырехсот лет назад. Согласно методу Фоменко, мы должны предположить ошибку либо фальсификацию – на самом деле, конечно же, Шибам и Нью-Йорк – это одно и то же

9. Гесиод. Полное собрание текстов / пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко. Вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. 256 с. Строфа 750.

Триптих Пюви де Шаванна «Бдительность. История. Задумчивость». История должна тщательно блюсти критерии величия. Прославление недостойных чревато депрессивными «временами сурка»

10. «Король Юбю» – гротескно-комический фарс французского драматурга Альфреда Жарри (1896). Его главный персонаж стал нарицательной фигурой, обозначающей нелепую, безумную и бесчеловечную власть.
11. Февр Л. Истории современной России // Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 65
12. www.ru.wikipedia.org/wiki/

полагаю, что Россия, необъятная Россия, помещицья и мужицкая, феодальная и православная, традиционная и революционная, – это нечто огромное и могучее. А когда я открываю «Истории России», передо мной мельтешат придурковатые цари, словно сошедшие со страниц «Короля Юбю»¹⁰, взяточники-министры, попугаи-чиновники, бесконечные указы и приказы... Где же сильная, самобытная и глубокая жизнь этой страны; жизнь леса и степи; приливы и отливы непоседливого населения, великий людской поток, с перебоями хлещущий через Уральскую гряду и растекающийся по Сибири вплоть до Дальнего Востока?»¹¹.

Несмотря на очевидные успехи первого, второго и уже третьего поколения историков школы «Анналов», бои за историю продолжают. На страницах исторических исследований XXI века продолжают кишеть карикатурные государственные мужи и порожденные ими судьбоносные бумажки.

Иркутск – город исторический. Однако история города выглядит весьма неоднозначно и сильно меняется в зависимости от точки зрения на нее. Какое будущее воспроизведется в иркутской истории?

Современный школьник, изучая историю Иркутска, первым делом полезет в Интернет. Поисковая система выдаст ему статью «Иркутск» в самой популярной энциклопедии Сети – Википедии. В ней история Иркутска предстает, как последовательное строительство крупных архитектурных и градостроительных объектов. Из числа исторических деятелей названы Яков Похабов, святитель Иннокентий, архитектор К.Г. Тимошенко, Сперанский, граф Н. Муравьев-Амурский и адмирал Колчак. Казнь Колчака и заканчивается иркутская история¹².

На второе место поисковые системы ставят иркутский сайт «Иркутский экспресс». В разделе, посвященном истории Иркутска, имеется только одна запись за XXI век. Она гласит: «4 июля 2001 года в 34 километрах от Иркутска, около деревни Бурдаковка, разбился пассажирский самолет ТУ-154. Погибли все 136 пассажиров и 9 членов экипажа»¹³.

Ну что же, падения самолетов вблизи Иркутска – как раз то историческое событие, которое трагическим образом воспроизводится уже далеко не первый раз. Да и картина прошлого, в которой история Иркутска кончается в прошлом тысячелетии, выглядит довольно знакомой. Подобная точка зрения встречается не только на упомянутых сайтах.

Посетив Интернет, заинтересованный историей города школьник открывает местную газету и читает высказывание мэра о том, что историческая застройка – это мусор, хлам и антисанитария, и общий неважный вид города как раз и вызван обилием старых зданий. Разумеется, в результате у любознательного школьника окончательно складывается мнение об Иркутске как об унылой помойке, где только падают самолеты, и где последнюю яркую личность расстреляли девяносто лет назад.

Говорят, уровень цивилизованности общества определяется его отношением к детям и старикам, к прошлому и будущему. Отношение городских властей к истории собственного города – это их же отношение к его будущему. Как прославление недостойных, так и презрение к предыдущим поколениям – путь к воспроизведению депрессивных «времен сурка». Унылое, тоскливое безвременье наступает для тех, кто выкачивает энергию из прошлого и живет его распродажей. Честное и уважительное отношение к истории – необходимый элемент социального здоровья в настоящем и в будущем. Такова прикладная роль истории в общей системе человеческих знаний.

Если не думать о прошлом, не вспоминать его, то наступает безвременье, лишенное исторических событий. Мудрецы и герои перестают возвращаться на землю, и лишь унылой чередой сменяются дни и ночи, неотличимые друг от друга. Достаточно поверить, что мы ничем не должны прошлому, что история нам не нужна, а культурное наследие – это лишь сырье для переработки в сегодняшние доходы, чтобы время остановило свой поступательный бег и потянулось по кругу. Выпрямленное время, шагающее в ритме великих событий, время героев – будем ли мы его достойны?

Поиск идентичности

10 апреля 2009 года по инициативе руководства культуры Иркутской области в Доме архитектора состоялась встреча, посвященная проблемам развития Восточной Сибири и Иркутска.

Участники:

Виталий Барышников – министр культуры Иркутской области;

Елена Григорьева – член-корреспондент РААСН, гл. редактор журнала «Проект Байкал»;

Артем Ермаков – кандидат исторических наук, доцент ИргТУ;

Константин Лидин – кандидат технических наук, доцент ИргТУПС, социальный психолог, член редколлегии ПБ;

Марк Меерович – доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор ИргТУ, член редколлегии ПБ;

Марина Ткачева – кандидат философских наук, доцент БГУЭП, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО), член редколлегии ПБ.

Журнал публикует содержание этого разговора.

ВИТАЛИЙ БАРЫШНИКОВ

Для меня эта встреча очень важна. Как человеку, сравнительно недавно занявшему должность министра, мне нужно вникнуть в происходящие процессы. Есть два круга проблем, и я хотел бы послушать ваше мнение о них. Первый связан с поиском идентичности. Мы говорим об Иркутской области, Иркутске, его 350-летнем юбилее, а понимания, кто мы и куда идем, у нас нет. Это проблема не только иркутская. Сибирь неоднородна, и ее образ очень размыт. Для России Сибирь – и место каторги, ссылки, и регион, «который нас кормит», и «раковая опухоль на теле России» (как было однажды сказано на совещании с министрами культуры Барнауле). Между сибирскими регионами существует конкуренция. Эти вопросы не могут быть решены за один день в одном разговоре. Я убежден, что строить свою работу нужно, исходя из парадигмы уникальности нашего региона.

Второй круг проблем более прикладной – проекты, новые или забытые старые, которые могут содействовать формированию позитивного имиджа региона, любви иркутян к городу. Как говорится, мы любим Иркутск, но очень странно любовью: иркутяне ко многому в городе относятся очень скептически, не склонны говорить о хорошем.

Мне хотелось бы услышать ваши идеи, предложения. Думаю, мы смогли бы вместе найти пути решений этих проблем, начать совместное движение.

МАРК МЕЕРОВИЧ

Зная тему встречи, я размышлял над тем, что такое идентичность. И определил, что идентичность связана с гордостью. В советское время Иркутская область традиционно гордилась ресурсами, победами на фронтах разных войн и т.д. Сейчас это во многом утратило свою актуальность: изменился менталитет, по-другому функционирует идеология. Кроме того, по моему мнению, ресурсная составляющая утратила свою актуальность: люди проявляют все больше недовольства тем, что Сибирь – донор для Москвы. Сибирь теряет, ничего не получая взамен.

Я считаю, что единственное, чем Иркутск может с полным основанием гордиться – наше наследие, которое мы не осознаем. И если мы решим вопрос с идентичностью в Иркутске, в других сибирских городах по аналогии можно будет сделать то же самое. Я разговаривал с людьми из Красноярска, Новосибирска; они нам дико завидуют. Они говорят, что Иркутск сохраняет свой культурный статус столицы Восточной Сибири только потому, что здесь есть огромное историческое наследие. Все прекрасно понимают, что в театральной и культурной жизни мы проиграли, в выставочной деятельности Глинская в Красноярске делает в тысячу раз больше нашего. Мы проиграли не безнадежно, но об этом – отдельный разговор. Сердцевина культурного наследия Иркутска – деревянная застройка. Я говорю не о туризме: я не верю, что мы в ближайшее время хотя бы приблизимся к масштабам развития туризма в Европе. Эту линию, конечно, тоже нужно продумывать и разворачивать

в проекты. Но сейчас я о другом. У коренных жителей, которые в 1917–1922 годах лишились частной собственности, обостренное чувство – желание иметь свой дом на своей земле. Это по всей России, но в Иркутске особенно. Здесь частная собственность всегда была под запретом. Все территории, которые находятся на периферии в частной собственности, рассматриваются местными властями как резервные земли под новую застройку. Старые дома рано или поздно обречены на снос. Поэтому сюда не идет поток частных инвестиций. Если эту тенденцию переломить (это сложный вопрос, который нужно серьезно продумать и не раз к нему обращаться), если люди будут иметь гарантии на собственность и недвижимую, если городская администрация будет выполнять то, что она обязана (инженерно оборудовать территории, реконструированные дома подключать к сетям), то можно организовывать частно-государственное партнерство и, расширяя его, сохранять историческую среду. На Транссибе нет больше городов в сторону Европы, где деревянная застройка сохранилась бы в таком огромном количестве. На востоке есть. Если мы первыми начнем, то действительно сможем превратить Иркутск в своеобразную экспериментальную площадку, где будут разработаны и отработаны комплексные программы реставрации огромных целостных фрагментов (не отдельных домов!) исторической среды, которые сегодня могут привлекать людей, живущих в ней и приезжающих. В ИргТУ была сессия зимнего международного университета, посвященная туризму. Опытные эксперты, студенты и участники с удивлением для себя пришли к выводу, который меня пробил насквозь: туризм сегодня качественно изменился; никто не едет смотреть на достопримечательности, едут смотреть на другой тип жизни. Если нам удастся этот тип жизни восстановить, восстановить среду и совместить ее с тем, что там будут жить современные люди, тогда к нам поперет поток туристов. Нам бессмысленно равняться на европейские туристические центры. У нас должны быть иные управленческие подходы, другой тип сознания у людей города и области, другие программы.

КОНСТАНТИН ЛИДИН

Основой для самоидентификации может быть не только гордость. Хочу привести в пример Японию, где ею стали гнев, агрессия, жестокость. Вспомните фильмы Такеши Китано: его «фирменная марка» – своеобразная холодная, спокойная жестокость. Для японцев это не случайность, там люди действительно сталкиваются с жестокостью природы постоянно и на каждом шагу, вот уже несколько тысячелетий. Фронт взаимодействия цивилизации с природой.

История Иркутска – история равновесия прямо противоположных сил. Она выглядит противостоянием, но на самом деле это взаимопроникновение порядка и цивилизации, которые несет административная составляющая, и того хаоса, жестокости, свирепости, которые несет сибирское купечество. Разумеется, были в нашей истории и дикие губернаторы, и высокоцивилизованные купцы, но я сейчас говорю о некоей общей тенденции.

подготовка к публикации
Марина Ткачева

Наследие – наша культура, образ жизни, в котором находят равновесие взаимоисключающие тенденции цивилизации и дикости. Это наша огромная ценность, и не дай бог, если мы ее потеряем: тогда мы перестанем быть кому-либо интересными, и прежде всего себе. В понятие культуры я хотел бы включить, в первую очередь, именно образ жизни. На этом социально-психологическом фоне единства и борьбы хаоса и порядка вырастает совершенно уникальная порода людей, уникальная материальная среда, уникальные жилища, праздники, межполовые отношения и даже способы питания. Все составляющие нашего образа жизни приспособлены к этой уникальной ситуации. Все вместе они составляют огромную ценность, которая может исчезнуть.

Мы в это погружены. Есть выражение: не знаю, кто открыл воду, но это точно были не рыбы. Пока мы плаваем в культуре, как в среде, мы ее не видим, не замечаем, нам даже в голову не приходит, что это ценность и ее нужно сохранять. Если мы построим у себя маленький Манхэттен, зачем и кому он будет нужен, если есть большой? Если одна из тенденций подавит вторую, то все пропало. Это очень тонкая задача, требующая чувствительности и мудрости, чтобы не провозгласить одну из названных тенденций злом. Городская администрация пытается искоренить хаос, а он все равно лезет. Чем больше строят домов-коробок, тем хаотичнее структура города; чем больше транспорта в городе, тем труднее перемещаться.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА

Я согласна с тем, о чем говорили мои коллеги. Мне кажется, разными путями мы приходим к выводу, что единственный наш шанс подниматься, не терять себя в масштабах Сибири и России – это восстановить свой статус культурной столицы Сибири. Индустриальным Иркутск никогда не был; научным центром он был, но Новосибирск сильно его опережает, да и развитие науки сейчас идет очень медленно, ей предстоит долгий путь. Культурной столицей Иркутск был, в сознании иркутян он таким и остается. Очень многие возможности развития он потерял еще в советское время: возможность иметь оперный театр, высшее художественное образование. Но у нас есть столько сил, почвы для прорастания культурных векторов, что вопреки всему в техническом университете образовался факультет изобразительных искусств, созданный вопреки всем просчетам, допущенным властью. Роль власти велика. Оперный театр, высшие учебные заведения (институт культуры) – они были потеряны на уровне областной и городской власти. То же самое происходит сейчас. Культурной ответственности города и Сибири понятна, чем интересен Иркутск, – деревянной застройкой. Но власти причину плохого состояния города склонны видеть именно в наличии деревянных массивов в центральной части города. Это опровергается элементарно. Посмотрим на районы города, где нет памятников архитектуры. Как содержатся Университетский, Первомайский, Юбилейный? Еще хуже. Наличие памятников ни в коем случае не оправдание и не причина безобразного состояния города. Единственная экономическая причина для сноса деревянной застройки – дороговизна земли в центре и возможность ею спекулировать. Мне кажется абсолютно неправильным, что городские и областные власти упускают возможность встать в список наследия ЮНЕСКО. Мы очень давно, больше 10 лет, стоим в списке ожидания. Может, власти не знают о том, что существует список «Наследие под угрозой», это такой позорный список, в который попадают нерадивые хозяева наследия и жертвы стихийных бедствий. Нам нужно стремиться попасть в список наследия ЮНЕСКО. Культурная ответственность города и области должна подталкивать власть к этому. Наши массивы исторической деревянной застройки стоят в списке ожидания, поэтому шанс есть.

ММ

Мы предпринимаем к этому шаги. В 2009 году на фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» приглашены представители из Риги, которые добились включения центра Риги в список наследия ЮНЕСКО. Люди расскажут о тех

конкретных предпочтениях, которые получает город, о той работе, которую они провели, о перспективах, которые открываются. В Ригу пошло значительное зарубежное инвестирование. Мы к этой теме более детально сможем вернуться со 2 по 4 июня на фестивале.

ЕГ

Рига – очень хороший пример для нас: ведь там тоже есть массивы деревянной застройки. Главной пользой от этого визита будет то, что мы увидим, как на постсоветском пространстве в сходных условиях могут разрабатываться и осуществляться эти новые программы.

АРТЕМ ЕРМАКОВ

Я в большей степени являюсь специалистом по общественной мысли, по идеальным конструкциям и хотел бы сказать по поводу самоидентичности. Наблюдая Иркутск и Сибирь в целом, я отметил своеобразное ощущение школы становления личности и социального утверждения юношества. В 80-е годы эта уверенность была сродни той, которую обретали люди, прошедшие армию: такое ощущение, что именно здесь живут настоящие люди, и само пребывание в этом месте делает их людьми. В Иркутске я всегда ощущал позитив, когда сюда приезжал. Я проверял это ощущение: москвичи с оттенком недоумения мне говорили об иркутской пафосности, наивной серьезности в оценке своего города. Акцент делался даже не на наследие, а на то, что «только у нас есть такие люди!». На возражения москвичей, что многие деятельные люди приехали в Иркутск из Москвы и Петербурга, здесь спокойно отвечали, что только у нас эти люди могли стать тем, кем они являются. Эта уверенность была несокрушима. Очень важный момент – к концу 80-х годов в Иркутске, как и во всей стране, происходил раскол на либералов и консерваторов, перестройщиков и их противников. Но отношение к местному сообществу было на удивление единым: «линии Распутина и Сергеева», которые разошлись бы в другом городе, к развитию Иркутска и Сибири относились сходно. Планы этого развития были немного разные, они конфликтовали друг с другом, но никогда не обвиняли друг друга и город в «отстойности». Эта уникальная местная субкультура не исчезла до конца, но за счет выезда многих людей и смены поколений потеряла энергию.

Два года в Иркутске я наблюдаю настроения самокритики и самоуничтожения. Важный момент политики, ориентированной на юношество – создание местной субкультуры, нацеленной на социальное утверждение через регион: состояться можно только здесь, а потом, конечно, можно будет уехать. Это самоутверждение можно подать через знаки, бренды, привязанность к общим символам. Брендами тоже нужно всерьез заниматься, но формирование вызовов – это не только создание своих символов. Администрация вполне может и обязана делать вызовы молодежи: прямое решение, объявление конкурсов, постановка задач. К решению каких-то локальных культурных проблем вполне возможно привлекать молодежь. Даже проблема гибнущей деревянной застройки – проблема молодежи.

Должны создаваться не только вызовы, но и площадки, где можно воплотить свои идеи. Для бизнеса создают инкубаторы, а для творческого выражения молодежи – нет. Считается, что молодежная субкультура достаточно агрессивна и интенсивна, чтобы самой пробить себе дорогу. К сожалению, это не так. Молодежь сейчас потеряла энергию, в том числе энергию самоутверждения. «Накачивать» ее – прямая обязанность власти. Три важных черты должны отличать действия в отношении молодежи: отсутствие официоза (не прибегать к волевым приемам), отсутствие иронии (она все равно возникнет, но кто-то в этом диалоге должен быть серьезным) и вера в результативность усилий (власть не просто проводит какое-либо мероприятие, чтобы отчитаться по нему, а верит, что оно принесет определенный результат).

МАРИНА ТКАЧЕВА

Я сосредоточусь на трех идеях. Первая: инкубаторы могут свершить акцию преобразования, идентификации, активизации сознания молодежи, но только если они не прибегают к административным методам; традиционные административные методы здесь не действенны. Второй момент: мне кажется, существуют инициативы и у самой молодежи. Поддержка этих инициатив может значить гораздо больше, чем их искусственное создание, продвижение. К числу таких инициатив я отношу Клуб молодых архитекторов, о котором могу сказать много добрых слов, в котором принимает участие инициативная молодежь; к нему присоединяются молодые люди разных специальностей, направлений и интересов. Третье: я интуитивно ощущаю, что стратегия руководства области склоняется к поддержке традиционных форм культурной деятельности — филармонии, драматического театра, губернаторского симфонического оркестра, творческих союзов. Поддержка этих сфер культуры в определенной степени изолирует их от общего культурного потока, который в основном связан с деятельностью молодых людей. В традиционных формах культурной деятельности инициатива молодых значит не очень много. А места, где молодежь может себя проявить, не продвигаются в культурном плане (кроме единичных публикаций) и не влияют на общее состояние самой деятельности. То есть сама деятельность инициаторов таких акций оказывается за пределами внимания, а освещаются только ее результаты. Например, в прошедшей выставке «Живая старина Прибайкалья» гораздо большего внимания заслуживали инициативы и усилия учителей художественных школ, которые имеют дело с большим массивом творческой молодежи.

Как продвигается бренд города сейчас? Какое-то время я занималась анализом иркутской рекламы. Продвижение бренда города и раньше, и сейчас было связано или с уже известными архитектурными сооружениями, или с гербом Иркутска на довольно скучном, унылом и пустом фоне, который никак не привлекает внимания, не вызывает энтузиазма и является чисто формальной акцией вместо того, чтобы инициативу по оживлению образа города пробудить.

ВБ

Спасибо за высказанные соображения. В чем-то мы мыслим похоже, с другой стороны, есть что-то новое для меня. Полностью согласен с тем, что городские проблемы не связаны с существованием памятников. В Москве я общался с представителями Национального центра опеки наследия, видел любопытные американские издания, посвященные экономике исторического наследия. Сохранять наследие должно быть экономически выгодно. Нам нужно в этом направлении двигаться. С мэром и администрацией нужно говорить на прагматичном языке экономики. Я убежден, что туристы едут не за тем, чтобы пожить в таком же номере или такой же квартире, как они живут дома, едут не за тем, чтобы питаться так же, как дома. Выстроив бетонные коробки, мы превратим город в заштатный, ничем не отличающийся от огромного количества городов, построенных за последние сто лет. Но для продвижения инициатив, связанных с ЮНЕСКО, нам нужно подробно просчитать плюсы и минусы. Я понимаю опасения властей: они боятся совсем другого уровня ответственности. Нужно самим начать движение вперед — реставрировать, ремонтировать.

ЕГ

Наследие выгодно сохранять и реставрировать, но это выгодно для большой перспективы и не в коррумпированной системе. Мы много раз доказывали на цифрах, что это выгоднее, реакции не было. Стремление получить быструю прибыль и коррумпированная система побеждают.

ММ

Ни для кого в городе не секрет, что мэр выражает интересы, прежде всего, крупного строительного бизнеса, а не жителей и не общественности. Этот бизнес имеет свой

масштаб и свою стратегию освоения денег, свой финансовый оборот и свои технологические особенности. Никакие наши экономические обоснования эффективности иного, альтернативного масштаба реставрационных работ, никакие наши разъяснения зарубежного опыта превращения архитектурного наследия в «архитектурный антиквариат» и т.п. руководство города не интересуют. И самое страшное, что вся наша терминология осваивается разрушителями исторического наследия с поразительной быстротой. Мы несколько лет кряду боролись с точечной уплотнительной застройкой центра города, уничтожающей зеленые скверики и сады, до предела сжимающей детские площадки и автомобильные парковки, мы призывали к комплексной застройке. Теперь уничтожители исторической застройки громче нас призывают к застройке «комплексной». Но мы понимали под комплексной застройкой массовое жилищное строительство на периферии города, с обязательным возведением объектов соцкультбыта, способное хоть как-то обеспечить жильем нуждающихся. А наши оппоненты понимают под «комплексной застройкой» тотальную «зачистку» исторических кварталов центральной части города с возведением на ее месте многоэтажных многоквартирных комплексов. Подобный подход будет крахом для культурно-исторического наследия, потому что лавина подобной «комплексной» застройки захлестнет и смоеет исторический центр Иркутска, уничтожит сохраняющиеся в нем до сих пор и представляющие неоценимое значение фрагменты исторической застройки. В результате идентичность города, Дух Места, уникальность среды обитания будут утрачены, как это произошло или происходит сейчас со многими городами России. В этом вопросе нам совсем не следует быть «как все».

ВБ

Принимаю ваши опасения. Сейчас мы планируем подписать соглашение с Национальным центром опеки наследия. Я надеюсь, что они поддержат идею, о которой мы говорим: сохранение исторического наследия экономически выгодно. Будет прямой контакт с губернатором, это поможет многие проблемы решать эффективнее.

Мне кажется любопытной мысль по поводу местной субкультуры, что состояться можно только здесь. Мы действительно потеряли уже многих. Почему произошел массовый отток в столицу? Потому что в сознании было одно мощное основание: здесь я не состою, здесь ничего не изменится. Хотя, уехав туда, многие ничего не добиваются.

МТ

Зато ощущение близости к жизни там, безусловно, сильнее.

ММ

Предлагаю перейти к проектам.

ЕГ

В Иркутске есть проблема разобщения деятелей разных видов искусств, направлений и т.д. Надо стремиться к некоторому сближению. Политика, которая проводится администрацией, тоже имеет значение. Финансовая программа по поддержке творческих коллективов частично превратила их в конкурентов за те небольшие деньги, которые они получают. Хотя Комитет по культуре и пытался стимулировать объединенные проекты, ничего настоящего не получилось. Нужна акупунктура по уникальным точкам роста, их надо выявлять. Это и самодеятельные театры, и какие-то издания, которые возникли «из ничего» и существуют, и студии. Союз архитекторов кое-что сделал в этом отношении — Клуб молодых архитекторов. Созданы условия для хорошего поколения, время от времени мы им помогаем и направляем. Они способны на очень многое. Это самостоятельно родившийся инкубатор. Они способны выполнять крупные задания, в том числе по сближению союзов, что они делали в ежегодной акции «Один день», в которой участвовали художники и фотохудожники. У молодых архитекторов хорошая интуиция и мозги.

Когда мы говорим об Иркутске, не надо забывать про Байкал. Он должен всегда помогать. Половина и наших, и молодежных акций идет по цепочке Иркутск – Байкал. За Байкал тоже надо бороться. Это уникальный географический подарок, исключительная возможность для развития, но и в этом нас уже обгоняет Бурятия, хотя географических и исторических предпосылок у нас гораздо больше. Здесь не нужно конкурировать, лучше объединяться с Бурятией, и делать вместе одно дело.

Безобразно идет работа с центральными СМИ. Одно время они не передавали ничего хорошего о регионе, только какие-то скандальные или криминальные вещи. Даже августовское землетрясение отразилось в центральных СМИ как ложная паника: дескать, все выбежали на улицы в ожидании толчка, а он не состоялся. Такая легковесная подача сказалась и на финансировании, ведь область совершенно ничего не получила на этом форс-мажоре. Через некоторое время случилось землетрясение в Чечне, и они получили необходимое финансирование. Сейчас ведется работа по пострадавшим объектам в Култукке, и тамошний мэр совершенно справедливо спрашивает: а где федеральные деньги? Сейсмика – это тоже своеобразие нашего региона, в определенном смысле «героизм» нашей области. Мы даже можем этим гордиться. В свое время наша архитектурная школа поднялась на том, что удалось доказать: в Иркутске типовые проекты привязывать невыгодно, их все равно приходится дорабатывать, и выгоднее проектировать свое. Было получено разрешение разрабатывать индивидуальные здания. Это принесло Иркутску всероссийскую славу.

Отток из Иркутска, который всех беспокоит, касается, в первую очередь, оттока мозгов и культурной общности. Он – самый заметный и происходит из-за того, что рубятся исторические корни. Конечно, большая часть людей уезжает из-за большей зарплаты, из-за теплого климата. Тех, кто возвращается, притягивает сибирская природа. Но – подсознательно – многие уезжают из-за того, что иркутская городская среда меняется, и их уже ничто не держит: корень обрублен, той среды, в которой они выросли (или в которую они попали когда-то и полюбили) уже нет. Их не держит главная составляющая малой родины для культурной элиты – культурная среда. Вспоминается «Красное и черное» Стендаля: герой убил близкую ему женщину, когда она надела черный капюшон и перестала быть тем образом, на который он не мог поднять руку, превратилась в нечто чужое...

Здесь же причины вандализма в городе: кто-то уезжает, а кто-то убивает и разрушает.

АЕ

Хотел бы еще добавить то, о чем я думал, живя в европейской части России и здесь. Есть еще один мощный ресурс. Может ли областная администрация позаботиться об упоминании Иркутска в прогнозе погоды на центральных каналах? Двадцать лет его нет. Иногда в виде экзотики, раз или два в месяц его совершенно неожиданно могут упомянуть. В этой связи среди иркутской диаспоры в Европе создались совершенно удивительные мифы: дескать, Иркутск уже отдан китайцам, поэтому делается все, чтобы о нем забыли. Я не знаю, сколько стоит регулярное упоминание города в прогнозе погоды, но эту сумму надо заплатить.

КЛ

Я зацеплюсь за слово «диаспора». Иркутяне, уехавшие из Иркутска, во многих отношениях остаются иркутянами; резонанс сохраняется. Если к ним обратиться как к иркутянам, они отзываются во многих случаях. Я время от времени прикидываю, чем бы их можно было обратно привлечь? Не вернуться на постоянное место жительства, а позвать, чтобы они помогли. Какие-то глобальные проекты здесь не подойдут, потому что они не будут влезать в иркутские дела с головой, у них у всех свои дела вне Иркутска. Дело не должно быть чем-то чересчур серьезным.

В последнее время у меня появляются мысли о клубе самодеятельного виноделия. Сибирские водки сливались своим разнообразием и лечебными свойствами. Оно и понятно: везти сюда водку всегда было нелепостью, а без постоянной лекарственной поддержки в нашем климате не прожить. А поскольку лекарственное сырье у нас обширнейшее, то и вариантов гигантское количество. Причем употребление водки – это не просто биологически активная добавка, как сейчас говорят. Это аттракцион, на который можно туристов приглашать. И это касается не только водок, а вообще сибирской кухни. У меня есть много знакомых, которые квасят-солят капусту; это тоже достаточно своеобразное сибирское занятие. Зима продолжается полгода, если не запасешься витаминами, помрешь в середине этой длинной зимы. Здесь всегда была высокая культура заготовок витаминизированной еды. Я знаю серьезных ученых, которые вообще гордятся не своими степенями, а тем, как они умеют квасить капусту с яблоками. И традиции винопития, и культура еды – та самая часть культуры, которую мы не замечаем. Она ничего не требует, ей нужно только придать статус, заголовок, и уже можно раскручивать. Все это входит в бренд Иркутска как города на границе с дикой природой на побережье Байкала. Что такое Байкал – объяснять никому не надо. Но вот приезжаешь в Листвянку, а там нечего делать. Побродил по берегу, съел копченого омуля, а что дальше? Я уж не говорю про Иркутск – в Иркутске туристу нечего делать. Элементы повседневной культуры должны стать массовым движением. Нужно показать пример, как их осознать в качестве товара и начать ими торговать. Если заниматься водкой, можно договориться с «Кедром», там очень разумные люди.

МТ

У меня есть две мысли. Молодежные инициативы наиболее эффективны почему-то тогда, когда они напрямую не касаются профессии. То есть молодые люди после вуза, где они могли реализовать свои творческие потенциалы, попадают в рутину. Они затаиваются сразу же, потому что большая часть их деятельности посвящена такой деятельности, которая никаких творческих действий не предполагает. Именно поэтому знакомые мне молодые люди, уже окончившие вуз, занимаются интеллектуальными играми, КВН, выездами на дикую природу – все это тоже интересные источники для формирования молодежных инициатив. Ведь они занимаются этим на добровольных началах.

Вторая мысль. Почти год назад мы встречались с Анной Глинской, инициатором интересных культурных событий в Красноярске. Она сказала, что инициатива должна возникать снизу, ее невозможно откуда-то принести. Но инициатива должна быть сильной, потому что сопротивление, которое она должна преодолеть, будет колоссальным. Один из очень важных, но не используемых ресурсов – поликультурность города. Каждая диаспора живет в своем пространстве и очень редко выходит в пространство диалога. А диалог культур для нашего города столь же естественное состояние, как дыхание. Здесь разные культуры встречались и находили общий язык. Я была свидетелем празднования Нового года корейской диаспорой в сквере Кирова, однажды на Нижней набережной видела празднование чеченской свадьбы. Это был очень поучительный опыт. Но где все эти инициативы в контексте городской культуры и стратегии ее руководящих органов? Эта культурная деятельность мне представляется вполне реальным ресурсом.

АЕ

Вы говорите об инициативах модерна и постмодерна. Есть потенциал классики – филармония, театр, они для среднего класса, среднего возраста, уже установившихся жизненных стереотипов. Да, правильно использовать потенциал молодежи – сложная задача. А я хотел бы сказать, что огромный потенциал закреплен на противоположном полюсе – это потенциал архаики. Он не востребован в такой степени, как традиции модерна и постмодерна, и телевидение его не поддерживает. Хотя в наследии

преобладают именно элементы архаической культуры. Я говорил о площадках-презентациях. Возможно, это идеалистическая, невоплотимая мечта. Но встречи, подобные нашей сегодняшней, можно было бы проводить не в этом зале, а в одном из недавно сгоревших домов. Полтора часа просидеть там вполне возможно. При определенном внимании прессы к скандальности данной ситуации, ее необычности, я не вижу никакой опасности и препятствий к этому. Власть не может привлечь внимания к этой проблеме, не выходя в «пустоты», оставленные без народа. В это пространство нужно пустить тех, кто должен там быть, – любые общественные организации, которых сейчас выкидывают из помещений, подвалов, чердаков. В связи с кризисом сейчас много таких «беспризорных» организаций, которые готовы взять любую развалюху и восстановить ее под наблюдением специалистов-реставраторов. Если какой-то корейский или буддийский центр разместится в деревянном здании и минимально снаружи его восстановит, в этом будет гораздо больше смысла, чем если этот дом залыют асфальтом и поставят очередную торговую точку. Городская администрация обеспечивает только документальное согласование, а в плане имущества это ничтожные цифры. Все потом потянутся к этим культурным центрам, в том числе и молодежные организации.

Молодежный отдел Иркутской епархии ищет себе прописку, обращается к городским властям, им все время отказывают. Стоит на улице Рабочего штаба заброшенный роддом. Завтра его снесут. Почему бы не отдать его людям, которые ни копейки не попросят на восстановление? Они сами привлекут ресурсы и средства. Если им поставить жесткие условия по сохранению внешнего вида памятника, они их выполнят, хотя, может быть, это займет значительное время. И уж точно, они будут держаться за уникальность этого дома, а не за его современность или коммерческую востребованность. Потенциал архаики – это вера и желание быть иным; это культурный ресурс национальных меньшинств и диаспор. Они делают акцент на древнем, появившемся до XVI–XVII веков. Здесь потенциал колоссальный. Какая-то часть молодежи, которой скучно тусоваться на набережной, выбирать между готами и эмо, в такие центры точно придет. Низовые проекты – это хорошо, но то, что власть в России должна вести за собой народ, – это очевидно.

ЕГ

Я хотела бы сказать еще об одном аспекте. У нас идет работа по укрупнению и расширению масштабов фестиваля «Зодчество Восточной Сибири»: в следующем году решено превратить его в градостроительный форум. Добавить в программу смотр-отчет градостроительства Иркутска, выставки лауреатов сибирского конкурса, российского конкурса, персональные выставки, акции молодежного клуба. В следующем году «ЗВС–2010» решено провести в СибЭкспоЦентре, сделать так, чтобы общественный резонанс перешагнул границы Восточной Сибири и привлек внимание как местных, так и центральных СМИ.

Уничтожение деревянного наследия чревато потерей идентичности города. Потеря же идентичности может привести к тому, что Иркутск перестанет быть субъектом федерации, отдав функции управления территории, например, активному Красноярску. Красноярск сейчас развивается более последовательно и энергично. Та же идея агломерации, которая у нас вдруг стала не в чести. Реально агломерация существует уже несколько десятков лет, ее просто нужно систематизировать и задействовать как точку роста. Красноярск гораздо позже начал, но делает это ускоренно. Скоро точкой роста станет он, а не Иркутск. Я убеждена: если Иркутск лишит деревянного наследия, он перестанет быть центром региона.

ММ

Ужас ситуации состоит в том, что действия городской администрации, которые на словах направлены «на благо» сохранения историко-культурного наследия, на

деле обращаются ему во вред. Все сохранение памятников исторического наследия свелось к проектам создания шести-семи зон, в которые должны быть перенесены памятники. Городская администрация ведет речь о том, чтобы туда перенести памятники, а все остальные здания либо как ветхие, либо как не заслуживающие культурного интереса. Они даже термин специальный придумали – «псевдопамятники».

Дома горят, сносятся, доводятся до ветхости, расселяются, но не для того, чтобы их реконструировать, а чтобы зачистить землю под ними для нового строительства. За несколько лет в недрах служб сформировалась процедура выведения памятников из их статуса. И в результате подобной экспертной переоценки выводят и выводят объекты культурного наследия из-под законодательной неприкосновенности. В одном из интервью В.П. Шахеров назвал число таких объектов – 130, по сведениям некоторых специалистов их 180, поговаривают о цифре в 270. Это, повторяю, количество объектов, которые за последние годы были выведены из списка памятников архитектуры. И за этот же самый период не был введен ни один. Чем занимаются органы, призванные охранять наше наследие? Скажу жестко: сформировалась и отлично функционирует коррупционная схема выведения памятников из этого списка, в которой не последнюю скрипку играет Центр по охране и сохранению исторического наследия и его руководитель. Неофициально в городе даже называют цены подобной работы. Не мне судить, что здесь слухи, а что истина. Это пусть прокуратура выясняет, сколько здесь правды, а сколько вымысла, но процедуры выведения объектов из списка памятников успешно производятся, а земли продаются. И этого не скроешь.

Единственный путь борьбы с подобными «процедурами» – это законодательство. Должно быть усовершенствовано законодательство и на уровне Иркутской области, и на городском уровне. В нем должно быть прописано, что на месте ветхого, сгоревшего или расселенного памятника архитектуры можно построить только точно такое же здание. Тогда строительный бизнес во многом потеряет основания для своих алчных притязаний на эту территорию. Может быть, в результате этого дома перестанут гореть «по причине плохой электропроводки». Законодательные меры надо принимать скорейшим образом.

Мы действительно обладаем наследием, которое вызывает невероятный восторг у тех, кто в нем что-либо понимает, дикую зависть у гостей из Европы и Азии, потому что ни в Европе, ни в Азии ничего подобного нет, а если было, то уже утрачено. А там, где сохранились крошечные фрагменты (в Норвегии, Дании, Швеции), они превращены в туристическую золотую жилу. Для иностранных историков и архитекторов главное – не деньги, а профессиональный интерес, они впадают в состояние истерики, видя наши архитектурно-исторические богатства и видя, как мы ими распоряжаемся. Других ресурсов самоидентификации в Иркутске нет.

АЕ

Молодые архитекторы подготовили изменения в проекте закона области по охране объектов культурного наследия. Их нужно обсуждать на отдельной встрече. Юридически сформулированных поправок пока нет, но есть презентация на уровне местных законов.

ММ

Это работа, которую нужно немедленно начинать: привлекать юристов соответствующих факультетов, привлекать внешних экспертов, которые имеют опыт создания подобного законодательства. Плановая, скрупулезная работа, а не разовая акция – вот что нам необходимо. Мы знаем, какой это труд – юридически выверенные формулировки законодательных документов, и какие подводные камни там сокрыты. Куратором подобной работы должна выступать администрация.

ВБ

Я сейчас как раз думаю, что должен быть целый пакет законов. Тем более, мы знаем, какое пойдет противодействие лоббистов и антилоббистов.

Российский центр опеки наследия начал активно работать с Тверской областью, по просьбе губернатора они готовы прийти сюда, понимая всю уникальность Иркутска. После подписания соглашения к нам сразу не придут инвесторы с чемоданами денег, здесь главный вопрос – выстраивание законодательства. Пусть пока лишь моральную, но поддержку мы найдем. Проблема в том, что, на мой взгляд, у нас очень слабая юридическая служба, очень мало внутренних правовых ресурсов. Но, даже имея выверенные законопроекты, мы без помощи общественного сознания не сдвинемся с нулевой точки. Мы говорим об этих проблемах на круглых столах с моими коллегами-историками, на мероприятиях партии «Единая Россия». Думаю, что в решении вопроса о сохранении наследия мы должны пойти по пути создания такой законодательной базы, чтобы в конкретных случаях конфликты были не с отдельными исполнителями-чиновниками, а конфликты с законом.

Сегодня в Законодательном собрании нет ни одного представителя культуры. И немного депутатов, которые понимают ценность истории (в том числе и нашего уникального достояния – наследия декабристов). Всех остальных сначала нужно просвещать. У многих молодых сложился другой образ – они хотят видеть вместо Иркутска Москву.

МТ

Сейчас в прессе, Интернете и на телевидении довольно много материалов, посвященных истории. Но история существует автономно, замкнуто: никакой связи с будущим она не имеет. История как ресурс – вот что должно быть установкой печати. От простого напоминания о важности истории результата не будет. Должно быть такое возвращение к памяти, которое имеет будущее.

ВБ

Я с вами абсолютно согласен. В этом году 160 лет со дня рождения С.Ю. Витте, который принимал активнейшее участие в строительстве железной дороги, 160 лет со дня рождения В.П. Сукачева, городского головы и владельца первой картинной галереи в Иркутске, 200 лет со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского. Мне лично интересен проект по Муравьеву-Амурскому, мне хочется им заниматься. Не только потому, что я историк: в этом проекте мы хотим связать прошлое, настоящее и будущее. Генерал-губернатор Муравьев, живший в Иркутске и управлявший огромной территорией, без всякой войны присоединил обширнейший край. Три города считают его отцом-основателем: Владивосток (где он теперь похоронен, туда перенесен его прах из Парижа), Хабаровск (где стоит ему памятник) и Благовещенск. Это прошлое. Но я бы хотел, чтобы акции, посвященные Муравьеву, стартовали именно в Иркутске, а потом были подхвачены в других городах. Юбилей будет в августе. Мы хотели бы запустить проект в мае в Белом доме вместе с губернатором и широкой общественностью. Может быть, это событие станет одной из первых встреч губернатора с общественностью, где будет высказан ряд принципиальных предложений, проектов дальнейшего взаимодействия. Мы все время сравниваем Иркутск с Москвой, Питером. И молодежь все время едет на запад. Но давайте Иркутск сравним с Востоком. Половина страны лежит в восточной части, для которой Иркутск был, есть и должен остаться той опорой, которая несет и культуру, и науку, и промышленность, и кадры. Так было, и Муравьев – ярчайший представитель этого движения в прошлом. Я хочу, чтобы была видна линия преемственности нынешнего губернатора с Муравьевым-Амурским, нынешнего Иркутска

с прошлым Иркутском, с его значением для Востока. Нужно постараться внедрить это значение в сознание иркутян и жителей Сибири и Дальнего Востока. Иркутск – не соперник Москве и Питеру, он может стать образцом для подражания дальневосточным городам. Хотя понятно, что сегодня Хабаровск – совсем не тот Хабаровск, который был 30–40 лет назад; Иркутск сейчас очень сильно ему проигрывает. Тем не менее мысль тоже материальна, и мы будем пытаться ее воплощать.

ММ

Я постоянно общаюсь с представителями культурных и интеллигентных кругов Новосибирска и Красноярска. Они по-прежнему питают глубокий пиетет к Иркутску. Этим отношением нужно воспользоваться. Я не знаю, что у них в голове и на чем это уважение основано, но пиетет глубочайший. Они считают Иркутск подлинной столицей всей Сибири.

КЛ

Я присоединяюсь к Марку Григорьевичу. В кругах психологов Новосибирска я постоянно это чувствую. Ко мне, как к представителю Иркутска, очень уважительное отношение. Примерно такое же – к представителям Петербурга, Москвы и даже Европы. Из Красноярска к нам приезжают студенты, там есть иркутский филиал ИРГУПС. Кстати, железная дорога – огромный потенциал, они больше всех заинтересованы в том, чтобы Иркутск сохранил свое значение. Приезжают красноярцы, первое, что я слышу от них: боже, какая помойка, куда мы попали, по улицам пройти противно, хочется надеть ходули! Через некоторое время они немного привыкают к этому безобразию на улицах и начинают различать кое-что еще. Они сразу отмечают, что у нас есть культурный уровень. И это действительно так. То, как учат в Красноярске и как учат в Иркутске, – земля и небо. Это не предрассудки и наследие прошлого, а реальность.

ВБ

У меня такое ощущение, что Иркутск в своем величии застыл на одном месте. Мы – культурная столица, середина земли. Застыв в этом состоянии, он пропустил вперед другие города, Улан-Удэ например. Его губернатор получает приз за Байкал как одно из чудес России. Почему не иркутский губернатор? Почему они не вдвоем? Ведь у Байкала два берега.

Еще один пример. В этом году 30 лет книжной серии «Полярная звезда», 25 лет фестивалю «Декабристские вечера в Иркутске». Это уникальные имиджевые события. Не пиаровские, когда контента нет, а одна мишура. Где бы я ни был, по-прежнему для всех Иркутск – столица декабристов. В том же Забайкалье, Чите, Бурятии декабристы были, и даже больше. Но декабристы съехались ближе к Иркутску как к культурной столице Сибири. Это очень мощное 25-летнее движение – продвижение Иркутска как столицы декабристов, как столицы научного изучения истории декабристов. Это сохраняется в головах людей.

ЕГ

Мы подходим к вопросу о роли личности в истории. Кто-то же основал серию «Полярная звезда», кто-то создал Музей декабристов. Акупунктура по точкам роста не должна забывать личности. Нужно придумать специальную программу. Денис Мацуев – именно такая величина, он сейчас сам сюда все приносит. Но есть и Вячеслав Кокорин, и Валерий Шевченко, и Лидия Янковская. Я уверена, что они тоскуют по этому месту. Надо воспользоваться этим.

ВБ

Конечно, проще привлечь в Иркутск звезд, ставших звездами благодаря нашему городу, чем тех, кто никакого отношения к Иркутску не имеет.

КЛ

В прошлом году за свои деньги сюда приезжал Евгений Евтушенко праздновать свой день рождения. Исключительно из-за ностальгических мотивов.

ВБ

С Валерием Шевченко мы не раз говорили о том, чтобы в 2010 году сделать в Иркутске большой Международный фестиваль пантомимы с участием французских, немецких, бельгийских участников.

Есть много молодых ребят (не таких раскрученных, как Иван Вырыпаев), которые на запад уехали учиться, стали актерами, режиссерами, театральными критиками. Я думаю, что даже кому-то из моих сверстников было бы любопытно вернуться в Иркутск на время. Не для того чтобы жить, а чтобы совершить проект и уехать обратно. Сегодня Денис Мацуев, пожалуй, единственный иркутянин, который любит свою родину не на расстоянии. Остальные пока на расстоянии.

ЕГ

Даши Намдаков тоже регулярно возвращается с выставками, но должного пиара нет. Хотя он величина крупная.

МТ

И затягивается история с бабром, которого они с Сергеем Элюном обещали поставить. В Астане Даши уже сделал огромный монумент, а у нас какого-то маленького зверька поставить не может.

ВБ

Знаете, мне говорят люди, которые приехали сюда недавно, что у нас особенный сибирский характер, который всех испытывает на прочность. Нам нужно всё по три раза повторять. В Ангарске, например, городской администрацией внедрялись многие городские традиции: Аллея любви, на которой все молодожены собираются, памятник сурку.

У меня есть идея. Есть пустой затопляемый остров на Ангаре, напротив улицы Чкалова. Я хотел бы поставить там какой-нибудь символ молодости, памятник молодым. Чтобы это был видный со всех сторон символ города.

Кроме того, казалось бы, мелочь: мы каждый год ставим лавочки у подъездов, и их каждый год ломают. Если бы это делали сами жильцы, такого бы не было.

Исключительно внутри министерства невозможно черпать идеи и проекты. Необходимы дополнительные интеллектуальные ресурсы. Поэтому мне хочется, чтобы встречи, подобные сегодняшней, происходили почаще.

Исторические города: проблемы развития и сохранения

Город – одно из величайших достижений человечества. Он обладает высочайшей концентрацией элементов культуры, архитектурных и исторических памятников. Чем больше этих ценностей и чем выше их достоинство, тем дороже нам этот город.

Наибольшую концентрацию памятников истории и культуры, архитектурных и градостроительных шедевров мы наблюдаем в особой категории городов, называемых «историческими».

Исторический город – это поселение, возникшее в отдаленный от настоящего времени период, сохранившее ценные памятники истории и культуры и состоящее в утвержденном перечне исторических населенных мест.

В решении Всемирной конференции исторических городов (Киото) записано: «Исторический город может быть определен как город, который лелеет свое прошлое как большую ценность».

В список исторических населенных мест Российской Федерации входят 545 поселений (485 городских и 60 сельских). Среди них мегаполисы Москва и Санкт-Петербург, 11 крупнейших городов с населением более миллиона жителей, 82 крупных города (от 150 тысяч жителей до миллиона), средние города (от 50 тысяч до 150 тысяч жителей), малые города (до 50 тысяч жителей) и поселки.

Таким образом, проблема исторической городской среды затрагивает интересы более 40% городов страны и около половины населения России. В этих городах находятся в общей сложности около 80 тысяч памятников, из них свыше 25 тысяч памятников федерального и всемирного значения, таких, как Московский Кремль, дворцы и парки Санкт-Петербурга, Успенский собор во Владимире, церкви Спаса на Ильине в Новгороде, Иоанна Златоуста и Иоанна Предтечи в Ярославле, Ипатьевский монастырь в Костроме. Центры таких городов, как Суздаль, Ростов Великий, Торжок, Углич, Великий Устюг и многие другие, целиком являются историко-архитектурным памятником. Своеобразие российских городов – планировка, памятники зодчества, средовая историческая застройка, ландшафт – явление национальной культуры, аналогов которому нет ни на процветающем Западе, ни на экзотическом Востоке.

Устойчивое сбалансированное существование исторических городов в течение столетий обуславливалось

их незаменимыми функциями в экономике и духовной жизни страны, связанными с особенностями ее географии и расселения жителей. Богатые эстетические качества среды, своеобразие исторического образа городов, их особая атмосфера, сочетание с природным ландшафтом – действенный фактор психологического комфорта, гармоничного мировосприятия, способного внушить человеку глубокую духовную привязанность к данному месту.

Понятие «возрождение исторической городской среды» подразумевает восстановление и максимальное использование в современной жизни исторического наследия в широком понимании – памятников истории и культуры, всей исторической застройки, характера городской среды, традиционных производств и ремесел, народных обычаев, духовности и самобытности, форм самоуправления и разнообразие общественных контактов.

Кстати, ООН в 2003 году приняла Международную конвенцию об охране нематериального культурного наследия – обычаев, форм самовыражения, знаний и навыков, а также связанных с ними инструментов, артефактов и культурного пространства. Для нас это традиции Хохломы и Жостова, каргопольской игрушки, ростовской финифти, северной черни, обычаи, обряды, празднества и т.п.

В архитектурно-градостроительном понимании возрождение – это сбалансированное развитие планировочной структуры, сохранение и восстановление ценной архитектурно-пространственной среды, своеобразного облика застройки, реставрация и рациональное использование памятников истории и культуры, возвращение к нормальной экологической обстановке. В социально-экономическом понимании – это восстановление и повышение функциональной значимости города в системе расселения, совершенствование и конверсия материальной базы производства, транспорта, строительства, объектов социальной сферы и жилья, исходя из интересов города, его населения, развития туризма, рекреационных функций. В культурном аспекте – это возрождение форм и элементов национальной культуры, этнических и профессиональных традиций городской и сельской жизни, быта, приобретение к осознанному и разумному участию в совершенствовании своей среды проживания.

текст
Виталий Лепский

Таким образом, сохранение и развитие исторических городов прежде всего направлено на спасение и рациональное использование обществом того общенационального, а во многом и общемирового богатства, утрата которого невосполнима, ответственность наша перед грядущими поколениями безмерна. Исследования показывают, что все исторические города в той или иной мере играли свою роль и нашли место в отечественной истории, и все они так или иначе переживают сложности современной жизни.

Историческая среда большинства российских городов находится в кризисном состоянии. По данным Министерства культуры РФ, из памятников архитектуры, состоящих на государственном учете, 60% находятся в состоянии, близком к аварийному. Мы знаем многочисленные случаи незаконного сноса памятников. Покойный доктор искусствоведения А.И. Комеч говорил, что мы ежедневно теряем полностью по одному памятнику архитектуры в день – это 300-400 объектов за один год. Только в одной Вологде за последние годы снесли 25 памятников федерального и регионального значения.

Повсеместно видна массовая утрата исторической городской застройки, привычного для коренных жителей облика наших поселений. Каждый день где-то теряются то окружение памятников, те характеристики пространства, которые в период создания определяли их композицию и формы. Сегодня трудно себе представить, чтобы облик площади Синьории во Флоренции или венецианской площади Сан-Марко был бы искажен недостаточной заботой или бестактным современным вмешательством, диссоциирующим с историческим окружением. А мы позволяем себе десятилетиями держать в изуродованном виде прекрасную набережную реки Великой возле Кремля в Пскове, затопить все подвалы и довести до состояния руин центральную и береговую часть города в Ростове Великом, закрыть из-за аварийного состояния домонгольский Рождественский собор (XIII век) в Суздале, пустить под бульдозер целые исторические кварталы в Казани. Даже в Санкт-Петербурге власти вместе с Газпромом собираются возвести административный небоскреб, чтобы тем самым разрушить создававшуюся триста лет многими поколениями великолепную городскую панораму.

В одном из путеводителей по Золотому кольцу России сказано: «Пожары и нашествия всех предыдущих эпох были не более губительны для памятников старины, чем то безразличие к родному прошлому, которое воцарилось в теперешние времена».

Совершенно неудовлетворительно и состояние инженерной инфраструктуры, благоустройства большинства малых и средних исторических городов. Обеспеченность их водоснабжением, канализацией, центральным отоплением и сетевым газом не достигает и половины расчетной потребности. Проезжие части улиц многих малых исторических городов не имеют твердого покрытия. Опасные инженерно-геологические процессы (подтопление, эрозия, оврагообразование) наблюдаются в 66% малых и средних исторических городов.

В чем причина столь глубокого кризиса, развивающегося при вполне благополучных экономических условиях, в которых сейчас находится Россия?

Ответ очевиден – исторической городской средой просто-напросто никто не занимается:

- при общегосударственном финансовом благополучии у большинства муниципальных и региональных властей все-таки нет финансовых возможностей для этого;

- обеспеченные средствами инвесторы заинтересованы главным образом в размещении объекта в престижном месте, удобном и освоенном городском центре, и в том, чтобы архитектура его была представительна, а затраты на инженерную инфраструктуру минимальны. Зачастую созданные ими новоделы грубо вторгаются в тонкую, веками создававшуюся среду, однако в большинстве своем они и не слышали об этой программе;

- многие практикующие архитекторы считают, что их задача, следуя пожеланиям заказчика, в каждом новом объекте видеть свой архитектурный шедевр, а не оглядываться на прошлое;

- конфессии пока слабы: получая назад от государства монастыри и церкви, реставрировать и содержать их самостоятельно во многих случаях они не в состоянии.

Среди приоритетных государственных федеральных программ, программа поддержки такой национальной ценности как культурное пространство исторических городов не значится. Таким образом, на пути уничтожения исторической городской застройки сегодня нет серьезных препятствий, и она ежедневно и повсеместно уходит в небытие. В бюджете постоянно не хватает средств на социальные нужды, на культуру и архитектуру. Ни нефтедоллары, ни огромные налоги этого положения не меняют.

Проблема сохранения ценной исторической среды в быстро меняющемся современном мире – это проблема всего мирового сообщества, только решается она везде по-разному. Эту задачу сохранения решают страны, не обладающие подобным нашим сырьевыми ресурсами. В ФРГ правительство земли Северный Рейн-Вестфалия выявило задачу регенерации исторических городов приоритетной в политике городского строительства. Центральным пунктом правительственной программы стала активизация частной инициативы и частного капитала. Благодаря этому мрачные, грозящие прийти в состояние полного упадка районы превратились в благоустроенные жилые кварталы с зелеными улицами, привлекательными домами и удобными современными квартирами.

Как удалось этого достичь? Различная история и, как следствие этого, индивидуальный облик, делают уникальным каждый город. Для того чтобы сохранить эту уникальность, на самой первой стадии за счет бюджетных федеральных и региональных средств выполнялась «Концепция застройки» (Raumliches Konzept), представляющая собой конкретный и всесторонний план развития города и отдельных крупных его частей. Этот документ – гибкий и многофакторный инструмент городского планирования. Концепции определяли градостроительные взаимосвязи, организацию дорожного движения, охрану памятников, функциональное использование объектов, учитывали интересы различных социальных групп. С учетом требований концепции происходило выделение конкретным владельцам бюджетной финансовой помощи. Результаты программы сохранения исторической среды в земле Северный Рейн-Вестфалия просто восхищают! За последние 15 лет реконструированы, восстановлены и сохранены исторические центры 34 городов и 16 поселков. При этом достигнуты все основные запланированные результаты по совершенствованию социальных условий проживания, экологии, эстетических качеств городской среды и сохранению исторического облика. Основной вывод, который немецкие специалисты делают из своего опыта, состоит в том, что регенерация городов изначально основана на сотрудничестве между всеми участниками. При этом центральную роль играет информирование граждан и стартовое финансирование государством концептуальных градостроительных решений.

В Ирландии, начиная с 90-х годов прошлого столетия, реконструкцию субсидирует государство – в долевого участия за счет налоговых поступлений. «Главная цель – сохранение страны, жизни и природы» – так определил парламент страны стратегическую задачу этой работы. На это направлено законодательство, все планирование реконструкции обращено к человеку, как главному участнику процесса. Жестко соблюдается принцип партнерства государства, общества и владельца.

В Великобритании с 1986 года действует долгосрочная программа, нацеленная на развитие городов, координатором которой выступает Министерство по вопросам окружающей среды с широким привлечением городских муниципалитетов. Деньги, выделяемые министерством

на реконструкцию, жилищное строительство, благоустройство запущенных городских территорий, повсеместно рассматриваются как «первый взнос», обеспечивающий проектную составляющую и последующее привлечение частного капитала.

Во Франции существует целостная, продуманная система мер в области налогообложения, формирования местных бюджетов, государственного субсидирования, частного кредитования и привлечения средств владельцев собственности, обеспечивающая и правовое, и экономическое развитие городской среды, в том числе в первую очередь исторически ценной.

Конгресс США, приняв Закон о налоговой реформе, предусмотрел налоговые скидки на восстановление исторических зданий. Налогоплательщик может воспользоваться налоговой льготой, составляющей 20% от стоимости восстановливаемого исторического здания. Такая же льгота предоставляется при аренде восстановленных зданий. По подсчетам американских специалистов, с 1976 по 2001 год благодаря налоговым льготам на восстановление исторических зданий было инвестировано 25 млрд долларов (это в среднем по миллиарду в год), что обеспечило восстановление 29 тыс. зданий, представляющих исторический интерес.

Из зарубежного опыта можно сделать следующие выводы:

- общественность и правительства даже самых развитых государств крайне обеспокоены деградацией своих исторических городов;
- в последние десятилетия разработаны и реализуются специальные программы, направленные на сохранение, поддержание и развитие городской застройки;
- эти программы предусматривают правовые, финансовые, культурологические действия; обязательным условием является постоянное участие в программе государственных органов, организующих и стимулирующих весь процесс, в том числе через специальное законодательство;
- важнейшим условием успеха таких программ является привлечение к их реализации частного капитала и жителей, прозрачность и широкая информативность предлагаемых и осуществляемых мероприятий;
- в большинстве стран, где подобные программы начали выполняться в последние десятилетия XX века, сегодня можно видеть выдающиеся результаты, достигнутые в области сохранения и современного использования исторической городской среды.

Совершенно очевидно, что прежде всего нам нужна программа, которая позволит при своей реализации достигнуть социально-культурных и экономических результатов в следующих формах:

- экономическая эффективность – это предотвращенный ущерб от разрушения, утраты и неправильного использования памятников архитектуры и исторической застройки, создание новых рабочих мест, рост инвестиционной привлекательности исторических городов, повышение жизненного уровня населения, стимулирование важных секторов рыночной экономики (туризм, народные промыслы, торговля, строительство, все виды сервиса, переработка сельскохозяйственной продукции), обеспечивающих прирост налоговых поступлений;
- социально-культурная эффективность – это сохранение и совершенствование архитектуры исторических городов как особых объектов национального достояния, совершенствование всех аспектов жизни, в том числе экологической стабилизации среды, подъем образования, культуры, формирование нравственности и снижение уровня криминогенной опасности.

Проблемы исторических городов, стоящие перед обществом, государством и бизнесом, можно обозначить следующим образом.

Общество

Общество – это система устойчивых связей, основанных на солидарности, взаимных ценностях, взаимных интересах и

чувстве сопричастности. Начиная с Октябрьской революции общества у нас никогда не было. По данным социолога Гудкова, председателя Левада-фонда, 90% граждан считают, что они не в состоянии влиять на какие-либо государственные дела, и только 45% допускают возможность своего влияния на ситуацию в собственном дворе и доме. Тем не менее общество с большими трудностями и ошибками создается и когда-то появится.

Задачей общества, его специализированных общественных организаций, фондов и объединений является создание обстановки постоянного интереса населения к состоянию и сохранению сохранившихся памятников и окружающей исторической среды, привлечение средств массовой информации к проблемам сохранения наследия, показа художественных достоинств того, чем мы обладаем, и сожаления о том, что уже утратили навсегда.

Следует обеспечить выступление на всероссийских площадках и в местных средствах массовой информации авторитетных деятелей культуры, архитекторов, художников, музейных работников, представителей конфессий, краеведов, ученых и учителей. Надо добиться того, чтобы в каждом городе идея сохранения и возрождения привычной человеку исторической среды овладевала массами и становилась материальной силой.

Особое внимание – работе с детьми и молодежью, в том числе учащимися. Хорошо бы восстановить студенческое движение реставрационных и строительных отрядов с учетом новых экономических условий, как это уже делается в ряде археологических партий.

В каждом историческом городе может быть организовано проведение семинаров, конференций, круглых столов с обсуждением животрепещущих проблем наследия, создание активных объединений жителей по интересам и территориальному принципу. Участие этих объединений в работе консультативных органов при главах местных администраций и главных архитекторах городов.

Такие добровольные объединения по опыту многих зарубежных городов не пропускают фактов нарушений градостроительного и природоохранного законодательства, своевременно информируют госорганы о фактах нарушений и обеспечивают своевременное их пресечение.

Государство

Первейшей задачей государства, на наш взгляд, является создание национальной федеральной программы «Сохранение и развитие исторических городов России». Такая программа была создана в 2001 году и даже просуществовала некоторое время, но с ликвидацией Госстроя России прекратилось ее финансирование и существование. Надо сказать, что созданная под огромным бюрократическим прессом, программа слабо финансировалась и нелепо реализовывалась. Поэтому и погибла без шума и сожаления. В сегодняшних условиях есть все возможности создать программу, рассчитанную на ближайшие годы, обеспечив ее разумное финансирование и долевое участие в реализации программы федерального центра, регионов и местных бюджетов. Такая национальная программа была бы важнейшим условием устойчивого развития нашей страны.

Одновременно следует разработать и утвердить на государственном уровне «Статус исторического города», предусмотрев необходимые специфические изменения в действующем налоговом законодательстве.

Было бы полезно под эгидой Правительства РФ (под его гарантией) создать накопительный фонд сохранения исторических объектов архитектуры и градостроительства, находящихся на грани утраты. Под эгидой государства было бы целесообразно силами администраций исторических городов и регионов обеспечить разработку и принятие нормативных правовых актов об особом регулировании в исторических городах градостроительной и памятниковоохранной деятельности, а также проектов комплексной реконструкции исторической среды.

Ну и, конечно, доля бюджета. В соответствии с трехлетним бюджетом на 2008–2010 годы средства, выделяемые в купе на культуру, кино и СМИ, колеблются вокруг цифры в 1% (от 0,8 до 1,2). В том числе собственно на культуру – меньше половины. Это ежегодно что-то около 20 млрд руб. Какая доля этой суммы может быть истратчена на сохранение памятников и исторической среды – бог весть. Для сохранения в 2008 году в бюджете Франции на охрану и реставрацию памятников выделено 979 млн евро, или в пересчете – 35 млрд руб. Разница – на порядок!

И наконец, бизнес. Если это современный цивилизованный бизнес, он должен добровольно принять идеологию сохранения исторической среды своего города и региона, стать на сторону тех сил, что борются за сохранение исторического облика, а не стремиться во имя сиюминутных выгод пожертвовать элементами ценной исторической застройки. Приняв такую идеологию, при сегодняшних рыночных отношениях, бизнес, осуществляя свою деятельность в исторической среде, может и должен обеспечивать качественную реставрацию и реконструкцию объектов, перешедших в его собственность или долгосрочную аренду, обеспечить благоустройство прилегающих территорий.

Бизнес может решить, и во многих случаях успешно решает, на современном уровне проблемы эффективности городского хозяйства, решения жилищной проблемы, улучшения качества всей среды обитания в условиях исторического города. Бизнес может принять активное и взаимовыгодное участие в выводе из исторических центров несвойственных им или вредных производств и в последующей застройке освободившихся территорий экономически выгодными и эстетически приемлемыми объектами.

Туризм

Туризм – единственная отрасль народного хозяйства, кровно заинтересованная в привлекательности исторических

городов. И не только в комфортности пребывания (что важно!), но и в возможно большем количестве объектов показа как одного из условий экономической эффективности. Туризм требует создания современных отелей и ресторанов с высокой доходностью и самых разнообразных развлекательных мероприятий, в которых участвуют и гости, и основное население городов (праздники, шествия, маскарады, производство и продажа сувениров). Все это требует благоустройства городской среды, возрождения парковых зон, создания пешеходных улиц, регулирования транспортных потоков, – это огромная область приложения сил городских предпринимателей.

Меценатство и благотворительность

В последнее время наша национальная компания «Газпром» приобрела для петербургского «Зенита» двух игроков за 50 млн евро. Это около двух млрд рублей. Думаю, что содержание всей команды, включая зарубежного тренера, обходится «Газпрому» на порядок больше, то есть сумма сопоставимая со всем бюджетом, выделяемым правительством и парламентом на культуру. Может быть, среди сотен миллиардеров, занявших твердые позиции в списках журнала «Форбс», со временем найдутся новые Морозовы, Хлудовы, Солдатенковы и Бахрушины, которые сочтут возможным тратить часть своей прибыли не на содержание иностранных футбольных клубов типа «Челси» и «Шальке 04», а на нужды своей родины, на сохранение и поддержание ее культуры и своеобразия.

А пока, как сообщает газета «Коммерсант», ведущий в стране институт менеджмента по итогам исследования конкурентоспособности 55 стран мира поместил Россию на последнее место по социальной ответственности бизнеса – его вложениям в устойчивое развитие общества, в социальную сферу и охрану окружающей среды, а по эффективности бизнеса мы вообще 49-е.

Исторический монолог

текст
Алексей Буйнов

Первое столкновение с понятием «история» у любого из нас сугубо индивидуально, так как происходит оно в том возрастном периоде, когда каждый из нас еще не осознает, какая величина перед ним предстала, насколько она всеобъемлюща и сиюминутна. Изначально, это первые исторические фильмы, может быть (что очень грустно, потому что во вторую очередь), исторические книги или упоминание о каком-то историческом событии на одном из сайтов или в компьютерных играх, но тем не менее зерно заронили, и оно прорастает. По-разному. В дальнейшем кто-то абстрагируется от этой категории. Кто-то пытается воспринять и использовать лишь необходимую часть фактологии, а кто-то пытается в подробностях разобраться в сути происшедшего до него на этой земле или на какой-то ее отдельно взятой части. И удивительно, что парадокс ситуации заключается в том, что от тривиальных ошибок до гениальных открытий не застрахована ни одна из вышеперечисленных категорий общества.

Очевидно, что в начале жизни история воспринимается разрозненной цепью событий, которую на уровне средней школы нам пытаются выстроить в определенный ряд (очень хорошо, когда этот ряд превращается в видеоряд, а не логический ряд), дают привязанную к датам фактологию и даже заставляют запоминать определенного рода выводы, в итоговых главах учебников превращающиеся в суждения и сентенции. Хочу повторить циничную мысль: «Первый посыл к пониманию истины заключается в запоминании непреложных фактов».

Но, к сожалению, этот необходимый для восприятия ряд выстраивается далеко не у всех и далеко не всегда. А в подтверждение сказанного хочу привести первый в этой статье «например». В конце 2008 года Первый канал

устроил беспрецедентное для нашей страны шоу, носившее громкое название «Имя Россия», победителем которого стал Александр Невский (я сознательно не перечисляю всех титулов святого). А теперь крамольная мысль: ну кто бы проголосовал за этого человека (вне всякого сомнения, величайшего из русских князей и полководцев), если бы не гениальный фильм режиссера Эйзенштейна и не блестящее представление митрополита Смоленского Кирилла? Как тут не вспомнить гениальную фразу Владимира Ильича Ленина о том, что «... важнейшими из всех искусств для нас являются кино и цирк». Ну что ж, надо отдать должное большевикам: в определенной мере они своего добились. А появление на втором месте этого хит-парада (причем в самый последний момент) реформатора Петра Аркадьевича Столыпина уж совершенно очевидно было продиктовано госзаказом, а то ведь на это место метили и Петр I, большой русской кровью прорубивший окно в Европу, и даже Иосиф Виссарионович Сталин (вот уж воистину «Имя Россия» – 32–34 миллиона потерянных жизней советских граждан против 8 миллионов немцев, почти 400 тысяч англичан, – можно и нужно вспомнить всех, наверное, но уж слишком очевидно наше первенство). Конечно, нынешняя Россия не могла себе позволить возвести личность И.В. Сталина на пьедестал. И возник П.А. Столыпин. И занял второе место. А как же иначе может быть в стране, которая идет по пути развития (и теперь уже по правильному пути)?

В общем, рефлексировать по тому или иному поводу у каждого из нас более чем достаточно оснований, но хотелось бы остановиться на одном из первых пороков в восприятии исторической действительности. Имя этому пороку – избирательный подход к истории, который чреват катастрофически-

ми последствиями. Человеческое сознание построено на последовательном восприятии окружающего нас мира, – мира со своими критериями, законами (даже изменяющимися), сим-волами, течениями, теми или иными лидерами, с собственным и чужим мироощущением, знаковыми и переломными моментами. Любая попытка вытащить на свет божий одно и затемнить другое или, что еще хуже, выстраивать цепь только нужных событий, игнорируя все остальное, первоначально приводит к слову сознания, психологической, моральной и духовной переориентации. На этом пути возможно достижение серьезных и даже очень серьезных результатов – это объективно, как объективно и то, что изначально выхолощенная система восприятия исторической действительности обречена на деградацию и последующий крах. Но проблема еще и в том, что общество, пройдя такой весьма не простой путь, вынуждено будет возвратиться к его началу, т.е. чья-то (и, к сожалению, не одна) человеческая жизнь будет просто прожита зря. Эти люди оставят после себя духовную пустоту, которая каждый раз должна служить горьким уроком всем тем, кто пытается сознательно или бессознательно по-своейски обращаться с историей. Беда в том только, что большинство из нас со школы не любит учить уроки.

История как предмет всегда интересовала всех вождей, царствующих особ, политических лидеров всех мастей и оттенков. Интерес этот был, разумеется, весьма своеобразный, а зачастую просто прикладным. А с тех пор, как кто-то предложил придумать законы человеческого развития, стало совсем уже недалеко до идеологии. Тем более, что законы можно было изобретать разные и соответственно пути развития становились понятными и удобными для одного человека или группы лиц, которые, руководствуясь этими научными и псевдонаучными выводами, могли все это декларировать, пропагандировать и, получив власть, вести за собой руководимый ими народ в одном им нужном и понятном направлении. Таким образом, история превращалась в некий набор фактов, которые можно было по-разному объяснять, трактовать, ну а после этого уже соответствующим образом использовать.

Но все течет и все изменяется. И фраза классика: «...а давайте спорить о вкусе устриц с теми, кто их пробовал» – становится естественной, необходимой для восприятия Истории (с большой буквы), ее истоков, нюансов, парадоксов, реалий и последовательностей, результатов и итогов. Проще говоря, нам дали возможность взрослеть, умнеть, и мы взрослеем и умнеем. И вот уже периодически появляются блестящие труды по истории, и самое интересное в этих трудах то, что автор, проведя колоссальнейшую работу по сбору и систематизации информации, проанализировав огромное количество фактов, в той или иной мере сопутствующих событию, приведя высказывания очевидцев и современников события, делая вывод, ни в коем случае не претендует на роль истины в последней инстанции. Право сделать окончательный вывод он оставляет за тем, кто знакомится с его трудом. Такие исследователи глубоко профессиональны и прекрасно понимают роль субъективности восприятия, от которого так недалеко до искажения реалий. И здесь хочется привести весьма интересную сентенцию о том, что самым страшным фактором в исторической науке является, отнюдь, не прямая ложь. Она абсолютна, и ее можно легко разоблачить. Самым убийственным фактором является часть правды, выдернутая из общего контекста, соответствующим образом обставленная, прилизанная и идеологически выверенная. Абсолютно приспособленная для сиюминутного употребления. Ни для кого не секрет, что если из последовательной цепи событий просто выдернуть их определенную часть, мы можем получить настолько искаженное представление о том, что происходило в тот или иной промежуток времени, что это не будет иметь ничего общего с тем, что было в реалии.

И вот в этом месте позволяет мне остановиться, поскольку объять необъятное, а уж в пределах одной статьи точно, невозможно. И как бы того не хотелось, придется поговорить о той самой данности, с которой приходится сталкиваться моим коллегам. Очевидно, что материальным выражением,

следствием происходившего до нас на земле, являются памятники археологии, истории и культуры. Именно эти свидетельства прошедших времен дают нам возможность осознания происходивших в прошлом процессов. И они совершенно не так однозначны, как иногда принято считать. И далеко не так удобны в обращении с ними для идеологов, политиков и власть предержащих. А поскольку патриотизм как понятие в той или иной степени используется практически любыми политическими и властными образованиями, у каждого возникает насущная потребность обозначить свое отношение и к историческому наследию, а потом еще и перейти от слов к делу. То есть, тривиально говоря, должно с этими памятниками что-то делать, а, к сожалению, это силы, время и деньги, которые все привыкли считать. Ну а при общей тотальной нелюбви к слову «должен» возникает чувство ошутимого раздражения и желания что-то в этой ситуации ускорить, поменять, сократить и секвестрировать. Постулат о том, что истинный профессионализм не терпит суеты, моментально забывается. В ход идут такие факторы, как отсутствие средств, возможностей, профессиональных кадров, и в результате звезды на небе раскладываются совсем не так, как хотелось бы. При этом приоритет, естественно, остается не за памятниками, а за властью, которая, как правило, хорошо знает и четко анализирует ситуацию, ставит задачу, обозначает свою позицию, подкрепляет или не подкрепляет ее средствами и добивается необходимого ей результата. Я подчеркиваю – необходимого ей. При этом машина власти является зачастую структурой организованной, умной, последовательно опирающейся в своих действиях на существующее законодательство. При возможных попытках борьбы с ней любых общественных организаций, которые в своих действиях ориентируются больше на эмоции и чувства, последние обречены на поражение.

И вот здесь возникает вопрос: а почему, собственно, борьбы? Ведь по большому счету, если разговаривать с властью на ее языке, использовать ту же самую терминологию, последовательно опираясь на то же самое законодательство, можно выйти на достаточно профессиональный диалог, в котором будут рассматриваться альтернативные варианты. Только вот этот свой альтернативный вариант нужно грамотно и профессионально подготовить, сделать его неуязвимым в терминологическом и законодательных планах, грамотно проанализировать ситуацию, существующую на данный момент, выявить для себя моменты, для власти приемлемые и не приемлемые, просчитать путь реализации (а кто сказал, что «любовь к отеческим гробам» и «бизнес-план» понятия несовместимые?), просмотреть государственные программы, найти союзников и четко обозначить для себя оппонентов во властных структурах и, может быть, даже посчитать возможность финансирования начинания... Кто может сказать, что при выполнении всех этих условий диалог с властью не возможен? Еще как возможен. Обидно только, что многие члены общественных организаций, которые действительно что-то могут сделать, числятся в них лишь номинально. И это такая же правда, как и то, что любая общественная организация – это весьма весомый и серьезный инструмент в диалоге с властью. Сдается мне, что очень скоро этими инструментами научатся пользоваться (ровесники, вспомните фильм «Рафферти», ну а особо продвинутые – роман, конечно...).

Кстати, о романах. Именно исходя из прочитанного материала, возникает вывод, что период борьбы нужно было бы закончить, а мы в нем как завязли, так и живем. Возвращается ощущение, что наше общество очень недалеко ушло от гражданской войны (кстати, самой страшной из всех существующих войн). Войны, для осуществления которой необходим поиск и определение врага, формирование соответствующего к нему отношения, выстраивание соответствующей линии поведения, то есть наличие стандартной базы, необходимой для раскола общества. А дальше все просто: я прав, а он не прав, этот друг, а этот враг, а это – белое, а это – черное. Никаких полутонов, никаких сомнений в правильности выбранного пути. Культура восприятия как необходимый жизненный постулат становится просто не нужна. Проблема

только в том, что военные принципы категорически неприемлемы для мирного общества. Война никогда не была процессом созидательным, и в ней не бывает победителей – в ней бывают больше или меньше проигравшие и потерявшие.

А чтобы этого не произошло, нужно использовать путь разумной альтернативы, поиск которой возможен только при наличии двух и более сформированных точек зрения. Именно сформированных. Говорю так оттого, что в ситуации столкновения двух точек зрения, когда одна из сторон, пусть неправильно и непрофессионально, пусть оголтело воинственно и сиюминутно, но все же формулирует свою точку зрения, а другая сторона в противовес этой концепции всего лишь противопоставляет сентенцию «...я не знаю, как нужно правильно, а то, что вы говорите, – неприемлемо...», очевидно, что побеждает жестко организованная и сформированная точка зрения. Самые правильные мысли, эмоционально оформленные в форме лозунгов и прокламаций, хороши на митингах и абсолютно нежизнеспособны в реальной мирной жизни. И при всей положительной значимости общественных организаций им нужно взрослеть и учиться побеждать. Глас Народа – глас Божий. Но бог-то бог, а сам будь неплох. И вообще, как правило, побеждают именно профессионалы, объединенные общими принципами. Если хотят победить, конечно.

Отрицательную роль в деле охраны памятников играют правовой нигилизм, отсутствие комплексного восприятия и мышления, а также воинствующий субъективизм. Казалось бы, все просто – я не даю разрушать памятники, следовательно, я прав... Но, зачастую требования защитников исторического наследия изложены очень ярким, эмоциональным (еще каким эмоциональным!), специфическим, но никак не юридическим языком. Как следствие, ситуация превращается в заведомо проигрышную. В правовом обществе нужно еще ко всему прочему уметь пользоваться этими самыми законами, которые на деле являются всего лишь инструментом. А своего добивается тот, кто профессиональнейшим инструментом владеет. Да, закон об охране историко-культурного наследия несовершенно, но пользоваться надо тем, что есть, а не рассуждать о минусах и плюсах, не выдумывать огромное количество понятных только узкому кругу людей терминов и уж тем более не пытаться объять необъятное... Повторяю, любой документ, не использующий юридически верную терминологию, не имеющий ссылок на положение действующего законодательства, является нелегитимным, а по сути своей просто вредным, так как отнимает массу времени, энергии, зачастую средств и не приводит ни к какому конкретному результату. Хотя нет, не так – отрицательный результат-то как раз есть. Потеря вышперечисленных времени, средств и энергии способна привести к заволокичиванию и профанации любой самой правильной и самой грамотной идеи. Одни только воспоминания о бесполезности всех усилий способны вызвать чувство глубочайшего отторжения к любой хорошей и ни в чем не повинной мысли (в этом месте, в соответствии с менталитетом, нужно вспомнить всех тех, кто учил нас мыслить, но так и не научил эти мысли преподносить). Два слова о комплексном мышлении. Безусловно, деревянный Иркутск конца XIX века, в определенной степени сохранившийся до сих пор, – явление уникальное, заслуживающее всяческого внимания и серьезного профессионального отношения. А теперь, при всей бесспорности выше сказанного, еще один маленький, так сказать, «например»: общеизвестно, что под памятником, который в народе называют «танк», – памятником Победы в величайшей войне – скрываются фундаменты дома, в котором жил известнейший иркутский голова В.П. Сукачев. Это данность. И снова, как 14 лет назад, звучит предложение подвинуть или передвинуть символ Победы, дабы обследовать еще сохранившиеся фундаменты и, используя материалы изысканий, впоследствии, видимо, дом Сукачева воссоздать.

Из того заключения 14-летней давности мне запомнился хлесткий термин «образец милитаризованной техники». Человек, который писал это заключение, деревянную архитектуру Иркутска воспринимал как памятники, а легендарный Т-34 как «образец»... Ему видимо субъективно очень

наверилось одно, и он был, по меньшей мере, равнодушен к другому – историческая память у него на тот момент ограничилась первыми годами XX столетия. Кстати, в этом своем мнении он был не одинок... Оказалось, что история совершила очередной виток, и идея вернулась... Как хорошо, что мало у нас таких идей – идей, которые в такой степени могут дискредитировать все движение охраны памятников истории культуры, превратить членов ВООПИК во врагов той совершенно определенной части общества, которая справедливо считает День Победы величайшим праздником России.

При этом я совершенно далек от мысли, что эта жизненная ситуация так уж однозначна, но согласитесь, нужно одинаково бережно относиться ко всем вехам нашей истории, а не только к тем, которые кому-то из нас очень близки по тем или иным мотивам...

И последняя тема, которую мне хотелось бы затронуть, так как она непосредственно относится к теме памятников. Ни для кого не секрет, что существуют документы территориального планирования, которые выполняются для того, чтобы регионы и муниципалитеты определили свое отношение и пути развития по огромному количеству вопросов, существующих для каждой территории. Выполняются эти документы и в Иркутской области. И вырисовывается интересная картина: согласно требованиям Градкодекса РФ археологи перечисляют подведомственные им памятники, делят их на соответствующие группы и четко формируют варианты решения по каждому отдельному объекту. При этом четко обозначаются временные сроки и затраты на проведение этих работ. То есть формируется общее видение проблемы и способы ее решения. Совсем другая ситуация получается с недвижимыми памятниками истории и культуры. В проекте зон охраны Иркутска (действительно большой и серьезной работе) все памятники и комплексы памятников обозначены, перечислены, у них есть зоны охраны, они распределены по категориям и отнесены к соответствующим группам. И вот здесь возникает вопрос: а дальше-то что? Как, что, ответят вам, – реставрировать, конечно. Но никто не задается мыслью о том, сколько для этого нужно средств, где их взять, как и кем в дальнейшем будет эксплуатироваться каждый (я подчеркиваю – каждый) объект и как это соотносится с состоянием дел городе и регионе в данный момент и в обозримом будущем. Мне могут возразить, что это вопрос не тех людей, которые непосредственно занимаются памятниками истории и культуры. А чей же тогда он, простите? Ведь в документах территориального планирования, те же строители, промышленники, экологи, транспортники, энергетики и многие прочие совершенно четко намечают пути развития своих областей деятельности. Досконально перечисляют все, что они хотят сделать, и даже считают экономическую и прочую эффективность от того, что они хотят создать или реконструировать. А в случае с нашими памятниками истории и культуры, такого осмысления почему-то не происходит. И мы имеем закономерный результат: мэр Иркутска считает деревянные памятники «хламом» и говорит о том, что именно они мешают привести в порядок город (кстати, глядя на наши иркутские микрорайоны – Юбилейный, Первомайский, Синоюшину гору и прочие, уж больно какой-то дальнобойный хлам получается). Но на самом деле без формирования комплексной картины – что, когда и как мы будем делать с памятниками, вся эта тема обречена на решение посредством отдельных фрагментарных вкраплений, при котором ни о каком комплексном воссоздании исторической среды не может идти речи.

Знание исторических реалий, серьезное и бережное к ним отношение, разумная их трактовка и понимание обязательно приводит к повышению уровня культуры как каждого человека в отдельности, так и всего общества в целом. Возможность анализа «дел давно минувших» часто подсказывает варианты правильных решений, формирует комплексный подход. Но это уже, как говорится, строчки совсем другого романа...

Сохранение истории и градостроительное образование

Эта беседа состоялась еще зимой. По не зависящим от редколлегии причинам она не была опубликована в ПБ № 18/Наука и образование. В то же время тема, которой она была посвящена, и предложенные доктором исторических наук, профессором ИрГТУ Марком Мееровичем направления деятельности являются актуальными и для сохранения исторического наследия в городе, и для воспитания градостроителей. Интервью с Марком Мееровичем провела журналист Марина Ткачева.

МАРК МЕЕРОВИЧ

Сохранение исторического наследия тесно связано с направлением градостроительной политики. Во всем мире через органы власти, через демократические процедуры, через определенное устройство законодательства население определяет, какие градостроительные проекты следует принимать. Профессионалы, безусловно, выполняют свою роль, выступая, в частности, как носители нормативных предписаний. Они умеют сводить сложные исходные условия в единое непротиворечивое решение.

В России сфера проектирования выполняет ту же функцию. С той разницей, что градостроители следуют не столько пожеланиям и запросам населения, сколько распоряжениям и указаниям власти. Они, как это было и в советский период, до сих пор остаются на службе у власти, а не у общества. В умах российских проектировщиков и управленцев различного уровня продолжает жить советская градостроительная доктрина.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

В чем она заключалась?

ММ

В частности, в провозглашении безусловного приоритета многоэтажного многоквартирного жилья перед усадебным и индивидуальным. В результате человек оказывался психологически и ментально оторванным от права собственности на фрагмент городской среды и ответственности за место, на котором он живет.

Один из элементов советской градостроительной доктрины, оставшийся в наследие от прошлого – усиленная «накачка» центров существующих исторических городов все новыми и новыми функциями. Хотя теория градостроительства, в противоположность такому подходу, давным-давно выработала идею децентрализации. Эта идея является общечивилизационной и реализуется в Европе, в Африке, в Америке – по всему миру. Она состоит в приближении функций к тем местам, где живут люди: торговые и спортивные комплексы, стоянки, зоны отдыха, музеи, крупные развлекательные центры, офисы и прочее перемещаются в спальные районы.

У нас же все наоборот. Если появляется новая крупная торговля, то обязательно в центре. Если строятся новые офисы, то обязательно в центре. В результате: ежедневные миграции населения, у которого нет мест работы рядом с жильем, перегрузки общественного транспорта, проблемы с парковками личного автотранспорта и т.п.

В Советском Союзе все эти проблемы решались легко: надо было снести очередной памятник архитектуры, мешающий расширению улицы, – и его сносили. Надо было уничтожить квартал исторической застройки, чтобы возвести новый административный или торговый комплекс, – пожалуйста.

Отношение к памятникам и исторической городской среде как к «пережитку прошлого», негативному явлению, «трусобам», от которых нужно возможно быстрее избавиться – это еще один пережиток советской градостроительной доктрины. От него современная власть не может освободиться: дескать, памятники – вред, обуза, ненавистный элемент в городе. Чем меньше их будет, чем быстрее удастся вывести их из списка памятников, быстрее снести под разными предлогами – сжечь, развалить, – тем скорее можно будет занять освободившиеся территории «новостройками из стекла и бетона». Прогресс видится именно в этом, а не в сохранении исторической среды.

Еще один острый момент связан с транспортом: в голову никому не приходит, что пешеходные прогулки и велосипедные маршруты могут являться глобальным средством разрешения многих транспортных проблем. Но только в том случае, если городская среда к этому располагает, по ней приятно гулять, безопасно ездить на велосипеде. А для этого ее нужно особым образом организовывать. Даже в нашем Иркутске, в стесненной, не приспособленной к современным транспортным потокам исторической части при желании все эти вопросы решить можно. Желания нет, потому что нет понимания того, что это надо делать.

Вот лишь некоторые черты советской градостроительной доктрины, по-прежнему продолжающей править умами руководителей муниципальных образований различных уровней и умами проектировщиков, которые не могут или не хотят убеждать городскую власть, изменять стереотипы ее сознания.

Столь же застарелые стереотипы существуют на уровне концепции расселения. До сих пор у нас господствует советский взгляд на индустрию как единственный источник развития населенных мест и территорий. Он стал предметом спора между советскими урбанистами и советскими же дезурбанистами еще в 1920-30-е годы. Спор был задушен советской властью, уже принявшей к этому времени решение о направлении развития страны и не желающей рассматривать никаких альтернатив. Кстати, во многом и сейчас в умах управленцев разного уровня сидит такой же подход: приняли решение – нечего лезть к нам с другими советами.

Так вот, во-первых, градостроительное образование должно быть реформировано в соответствии с системой новых знаний, говорящих правду о советском прошлом и раскрывающих принципы градостроительства и расселения, которые были тогда сформулированы. Ведь только учитывая эти генетические корни, современный проектировщик и администратор могут анализировать отечественный опыт или опыт других стран, принимать самостоятельные решения, реализовать их и/или формировать иные системы собственных представлений. А в итоге – принимать грамотные самостоятельные решения.

Только владея историческим знанием, анализируя его, сопоставляя с решениями, принятыми в других экономических ситуациях, мысленно прикладывая его к нынешним условиям, человек может сформировать собственные представления. Градостроительное образование должно быть направлено на формирование личностного знания. И по качеству оно должно кардинальным образом отличаться от того, которое передается сейчас.

ПБ

А чем плохо то, которое передается сейчас?

ММ

В Советском Союзе была ликвидирована способность архитекторов и градостроителей ставить и решать социальные проблемы собственными профессиональными средствами. Сформулировать при разработке проектной документации в качестве цели решение той или иной социальной проблемы – такое и в голову никому не могло прийти! Прежде всего – потому, что их нельзя было формулировать, нельзя было видеть и трактовать жизнь как имеющую проблемы. Именно в те годы говорилось: «У нас есть еще отдельные мелкие недостатки, но в целом все проблемы решены».

70 лет существования советской власти, таким образом, полностью отучили профессиональное сообщество выявлять причины неудовлетворительного состояния дел, сделать это главным в своем профессиональном подходе, искать решение проблем – неважно, локальных или глобальных – в совместной работе с культурологами, социологами, психологами, экономистами, географами и др. и с населением, представленным общественностью. Нет ни методик, ни средств такой работы, ни понимания, каким образом можно стягивать разнородные представления и разнопредметные знания в единое непротиворечивое целое.

Градостроитель сегодня только художественно оформляет исходные данные, которые он получает от санэпидстанции, дорожников, экологов, энергетиков и др. И от расчетчиков, потому что нормативы есть одно из незыблемых условий проектирования.

Но в нормативах в значительной степени продолжают существовать те образцы проектных решений, которые были приняты еще во времена советской власти, потому что эти нормативы формировались именно тогда. Да, в какой-то степени они откорректированы, но в значительной части остались неизменными. Кардинально ничего на сегодняшний день не поменялось. А эти перемены грядут, потому что сегодня принято решение о замене системы нормативов на принципиально иную систему – регламентов.

ПБ

А в чем разница?

ММ

Разница в том, что «нормативы» задавали параметры объекта, которые проектировщик должен был выдерживать: ширина такая-то, длина – такая-то, разрыв – такой-то... По-другому – нельзя. А «регламенты» задают «рамки», предельные ограничения, в которых может приниматься широкая палитра любых решений. Можно – по-разному.

В этих условиях ни студенты, ни дипломированные архитекторы пока работать не умеют. Но если мы не начнем уже сегодня учить их этому на студенческой скамье, не станем переучивать уже работающих, повышая их квалификацию, то переход с нормативов на технические регламенты и работа в составе формируемых сегодня саморегулируемых профессиональных организаций, которые будут осуществлять проектирование, законодательно и материально отвечая за его качество, будут для них невозможны.

Градостроительное образование должно резко сместить ориентиры профессиональной подготовки с «красивого» на «целесообразное». Сегодня градостроительство нуждается в художественных, образных решениях только процентов на пять; остальные девяносто пять – это вопросы правовые, законодательные, технические, разграничения полномочий и собственности, сложнейшие взаимоотношения между различными участниками инвестиционного процесса, взаимоотношения с городской властью, которая сейчас, увы, выступает в роли девелопера. В этом, кстати, заключается одна из причин современных проблем; в частности, в отношении к исторической застройке: ведь городской власти, как девелоперу, памятники мешают. При этом, как государственный орган, она должна их охранять. Вот и борются в сознании глав местного управления две установки: одна – государственная, основанная на необходимости беречь национальную культуру, другая – предпринимательская, направленная на то, чтобы расчистить территорию для развертывания нового строительства на наиболее выгодных условиях.

Борются две стратегии действий. Первая – снести «хлам» и продать эту территорию под что-нибудь новенькое. Вторая – сохранять «гниль и трущобы», приводить их в порядок, реанимировать фрагменты исторической среды, наполнять их новой жизнью, организовывать для этого сложнейшую систему частно-государственного партнерства. Конечно, власти выбирают первую, потому что вторая значительно сложнее, не имеет готовых решений, финансово непонятна и т.п.

ПБ

Это единственная проблема современного градостроительного образования?

ММ

Другая – это «баланс практических и теоретических» знаний. Одинаково плох перекокс и в ту, и в другую сторону: недостаточен путь получения только теоретических знаний, равно как и малоэффективен путь выращивания градостроителя в текущей проектной работе существующих градостроительных отделов проектных институтов.

Педагоги, которые учат сегодняшних студентов, – в основном теоретики. Безусловно, они обладают фундаментальным знанием, которое должно передаваться. Но студентам необходимы еще и практические знания, которые можно приобрести лишь в реальной работе.

Только при сочетании перспективных, фундаментальных знаний, личностной убежденности и знании реальных проблем сегодняшней практики можно сформировать практику завтрашнюю. В противном случае студенты, выращенные в рамках проектных мастерских, филиалов кафедр, расположенных в проектных институтах, становятся просто очередными винтиками в сегодняшней машине производства проектно-сметной документации. А студенты (в чем мы, педагоги, убеждены и с этой позиции не сойдем никогда) должны быть «прогрессорами», должны быть людьми, которые несут новые идеи и, по возможности, реализуют их в практике. Только в результате этого практика будет развиваться. Не благодаря командам свыше, а за счет инициатив тех людей, которых их собственные знания заставляют принимать инновационные решения.

ПБ

Какое значение для этого нового взгляда на градостроительную практику имеют инициативы, подобные Международному Байкальскому Зимнему градостроительному университету?

ММ

Я считаю, огромное. Более того, я считаю, что подобное организационное мероприятие, подобная «экспериментальная площадка» должны быть обязательным и неременным элементом любого градостроительного образования в любом вузе нашей страны, готовящем градостроителей. Это место, где сходятся и начинают конкурировать друг с другом в рамках одного проектного задания разные архитектурные школы, разные стили профессионального мышления. Такой обмен знаниями, умениями и навыками наиболее плодотворен, потому что просто читать книги и просто впитывать какую-то информацию – одно, а конкурировать в решении конкретной проблемы, практически применяя свои представления и наблюдая, с какой эффективностью используются другие представления, которые несет другой человек, имеющий иную профессиональную школу, – гораздо убедительнее, нежели лекции и курсы. Это значительно важнее для самоопределения студента и саморегулирования системы образования.

ПБ

Связана ли ориентация на подобную инновационность с реализацией в какой-то художественно-образной сфере, т.е. в сфере, связанной с художественным оформлением проекта?

ММ

«Художественность» в современной урбанистике занимает, как я уже сказал, небольшое место. Инновации должны быть направлены на поиск не «красивости», а «смысла» в решении проблем. Например, для города Иркутска проблема заключается в судьбе огромных массивов деревянной исторической застройки, только незначительная часть которых является памятниками и, соответственно, требует реставрации. Судьба «памятников» – это не вопрос желания или нежелания городской администрации. Это требование федерального законодательства; если в каком-то конкретном городе какая-либо администрация эти требования не выполняет, значит, она не соответствует занимаемому месту и ее нужно заменить, а не уговаривать выполнять свои обязанности. Вопрос состоит в другом; он касается судьбы исторической застройки, которая является не «памятниками», а «исторической средой». В отношении к ней местная власть воляна принимать те решения, которые она считает верными. Здесь несколько стратегических путей.

Первый – самый простой – эту застройку снести, а на ее месте построить новые кварталы, комплексы зданий, микрорайоны (в зависимости от масштаба сноса). Это традиционное решение, даже если архитекторы спроектируют очень красивый новый комплекс и заложат все, что положено: парковки, стоянки, озеленения, детские площадки, сделают хорошие фасады и т.д., – все равно это стандартное решение.

А второй – исходить из того, что сегодняшняя деревянная рядовая, средовая, усадебная застройка является в современных цивилизационных условиях единственным для Иркутска фактором постиндустриального развития. И необходимо придумывать, как этот ресурс использовать – разрабатывать систему мероприятий по частно-государственному партнерству, федеральному финансированию (может быть, через госкорпорацию «Фонд содействия развитию жилищного строительства»), по формированию внедренческих механизмов (возможно, силами малого бизнеса). Нужно сознательно идти на формирование иного типа современной жилой городской среды, основанной на возрождении этой застройки, чтобы она, оставаясь той же усадебной, с маленькими частными дворами, превращалась в нормальное современное комфортабельное жилье. Но в старых формах, в старом масштабе, со старым характером землепользования индивидуально-усадебного типа.

Этот стратегический путь требует разработки долговременной программы реновации городской среды. Не выселения из нее жителей с последующим превращением ее в музей, а продолжения жизни на уровне современных требований качества. Этот путь для российских городов является, по сути дела, инновационным. Причем это единственный инновационный подход, который оставляет Иркутску шанс не проиграть в конкурентной борьбе с соседними регионами за человеческий ресурс, куда из Иркутска сегодня уезжает 40-42 тысячи человек в год. Пока это не заметно, так как на их место приезжают, примерно, 35-37 тысяч из других районов (в результате сальдо миграции хоть и является отрицательным, но небольшим). Но скоро вливающийся ручеек иссякнет... Только кардинальное изменение стратегии развития города может хоть как-то приостановить миграцию. Ведь уезжают лучшие, те, кто имеет силы и способности, уверенность в том, что они укоренятся на новом месте. Только единицы остаются из «культурных» соображений. Я знаю нескольких людей из числа интеллигенции, которые не уезжают лишь потому, что исторический центр Иркутска несет в себе образ «старого города». Когда он будет замещен на образ «современного города» – и они уедут. Необходимо отдавать себе отчет в том, что Иркутск сам или, объединившись в рамках агломерации с контактно расположенными городами Ангарском и Шелеховом, обязан решать проблему повышения качества жизни. В том числе и за счет сохранения истории, культуры и архитектурного наследия.

Необходим абсолютно новый («не советский») градостроительный подход к городской среде и понимание того, что на Транссибе Иркутск остался единственным городом, обладающий уникальной деревянной исторически сложившейся средовой архитектурой. Иркутск может стать своего рода экспериментальной площадкой для разработки программ существования центров исторических городов в новых условиях. Я говорю даже не о туризме. Туризм приносит 15-20% денег в бюджет, да и то в «раскрученных» городах. Я говорю о том, что наличие крупных, включающих десятки кварталов, зон исторической застройки должно стать нормальной формой существования современного города, у которого такая застройка есть. Те, кто хочет, должны иметь возможность обитать в усадебной, индивидуальной деревянной застройке в центре города, полностью воссоздающей облик старой исторической среды. При этом не надо доходить до абсурда, переодеваясь в лапти и сюртуки, не нужно мостить булыжником мостовые. Но человек должен иметь возможность жить в собственном деревянном доме с уникальной резьбой (тем более, если он понимает ее ценность), с собственным участком, обихаживаемым и благоустроенным.

Эта стратегия способна резко повысить капитализацию и земли, и такого вида недвижимости. Она сможет сделать Иркутск

городом, где стоимость жилья высока не потому, что на 200-300% задрана в сравнении с себестоимостью, а потому что так реально ценится среда, потому что больше такой среды нет нигде.

Нужно наконец-то понять, что ее действительно больше нет уже почти нигде. А результаты комплексной реставрации в других городах (например, в Томске) – это не создание жилой среды, а, скорее, все та же стратегия музеефикации, создание своего рода выставочных комплексов, в котором жильцы играют роль экспонатов. Такое тоже должно быть – работы в зоне комплекса декабристов должны продолжаться, комплекс должен расти и развиваться. Но это одно из нескольких направлений, которые должны осуществляться параллельно.

Размышления над всеми этими вопросами, принятие решений с учетом многих сложностей и есть инновационный подход в современном градостроительстве. Он предполагает решение социальных проблем и определение социальных перспектив. Уверен, что описанная стратегия развития центра Иркутска способна вызвать резкое развитие сферы реставрации, что даст значительное количество рабочих мест, повысит возможность экспорта рабочей силы. Я разговаривал с представителями китайских и европейских фирм; они говорят, что уже сейчас готовы организовать строительство нашими бригадами из нашего леса целых комплексов деревянной исторической застройки, по внешнему виду аналогичной иркутской. Они готовы, потому что понимают: люди в этих домах будут хотеть жить. Если сюда же приложить еще и мифологический контекст, то может сформироваться уникальный объект для туристов, для прибывающих по долгосрочным контрактам сотрудникам научных комплексов, для кого угодно. А если в городе станет активно развиваться сфера реставрации, то это повлечет за собой восстановление традиционных технологий заготовки леса, его сушки, повысит востребованность специалистов по кузнечному делу, каменщиков, печников и т.п. Эти бригады можно «экспортировать» вместе с технологиями и материалами. Т.е. экспортировать срубленные здесь, на месте, но не собранные дома. Не лес гнать, а изделие с высоко оплачиваемыми специалистами по его «сборке», с мастерами по отделке и техническому оборудованию. Тем самым город займет место в трудовой специализации, обеспечит рост и капитализацию местных трудовых ресурсов. В какой-то степени все это – задача градостроителей, способных к инновационным решениям. Необходим импульс, который вызовет формирование более детальных разработок.

ПБ

Правильно ли я поняла, что само градостроительство является только верхушкой айсберга, который вызывает огромную потребность в инфраструктуре самого образования?

ММ

«Архитектор» переводится как «главный строитель». Это предполагает, что вокруг него группируются много-много специалистов разных направлений. Градостроитель – тоже «архи-». Его идеологические, концептуальные решения, его способность менять направление развития урбанизации тут же приводит к постановке новых задач и формированию коллективов, прорабатывающих отдельные аспекты комплексных решений.

Возвращаясь к вопросу о Международном Байкальском Зимнем градостроительном университете, хочу сказать, что перспективу его развития вижу в том, чтобы начать привлекать представителей других специальностей. Традиционно в его работе участвуют дизайнеры, градостроители, архитекторы, транспортники. Следующим шагом развития должно быть обязательное включение культурологов, социологов, демографов, историков, которые будут отвечать за то, чтобы «прошлое» продолжалось в «будущем». Чтоб мы не уничтожали историю, а понимали, на чем основано национальное самосознание, на чем основан «дух места», на чем зиждется осмысленность существования человека именно здесь. И укрепляли бы своими работами эти сущности, казалось бы, нематериальные и эфемерные. Но такие важные для любого нормального человека.

«Хочу пройтись по отреставрированному Иркутску»

О проблемах сохранения исторического наследия Иркутской области журналист Марина Ткачева беседует с Анной Николаевной Войтович, руководителем территориального управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультуры).

ПБ предложил следующие вопросы для обсуждения:

– Каковы полномочия Росохранкультуры?

– Какие объекты федерального значения она курирует?

– Какие из них вы выделяете как особо значительные и интересные?

– Как вы оцениваете результаты вашей работы за последние годы?

– Насколько сегодняшнее законодательство Российской Федерации и области помогает сохранять и охранять памятники? Какие проблемы вашей деятельности связаны с законодательством?

АННА ВОЙТОВИЧ

Впервые название Росохранкультура возникло в 2004 году, когда на федеральном уровне в результате административной реформы были созданы министерства, службы и агентства. Восточно-Сибирское управление Росохранкультуры появилось в результате слияния территориальных управлений по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ и Министерства по делам печати, теле- и радиовещания РФ. В то время основным направлением деятельности вновь возникшей Росохранкультуры были средства массовой информации; далее, по степени значимости, шли охрана культурного наследия, контроль за музеями, архивами, библиотеками и ввозом/вывозом культурных ценностей через границу.

В 2007 году вместо Росохранкультуры появилась Россвязьохранкультура – нас слили с Федеральной службой Россвязьнадзор, которая просуществовала 9 месяцев. Надо отдать должное: этот период для нас имел особое значение. До объединения со «связистами» у нас не было никаких внутренних нормативно-правовых документов: административных регламентов, методических материалов по организации проверки объектов культурного наследия. В Россвязьохранкультуре вся деятельность была строго регламентирована. Появились и в нашей сфере административные регламенты. Это во многом помогло нашей организации: легче работать, когда в делах введен порядок. Конечно, у нас и до сих пор есть недостатки в нормативно-правовой базе, на уровне федерального законодательства провалов хватает. Тем не менее появилась необходимая правовая помощь для инспекторов, работающих на местах.

В 2008 году произошла очередная реорганизация: все, что связано со СМИ, отошло Роскомнадзору, а в мае 2008 года указом президента РФ была создана Росохранкультура, так сказать, Росохранкультура-2. По идее она должна была выступить правопреемницей своей предшественницы, но ни в одном юридическом документе о создании второй Росохранкультуры правопреемство не обозначено; мы, по сути дела, формально начинаем заново. Существует Положение о Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. Кое-какие полномочия, которые были ранее даны центральному аппарату, переданы территориальным управлениям. У нас добавилось новое направление деятельности – авторские и смежные права. Но на первом месте – объекты культурного наследия, текущая работа по ввозу-вывозу культурных ценностей, проверке музеев, архивов, библиотек, кинофондов. Это особенно актуально в связи с хищением музейных ценностей. Вспомним кражу из Эрмитажа, которая потрясла вся Россию. Весной этого года президент России подписал указ и передал следственному комитету прокуратуры РФ поручение, в котором использовалась формулировка «найти преступника», без «прошу». Все, кто в России связан с культурой, очень внимательно следят за теми, кто обращается за разрешением на ввоз/вывоз, за экспертизами, за информированностью музейных работников. Сейчас даже детские рисунки,

которые раньше выпускались через границу беспрепятственно, проходят экспертизу, потому что неизвестно, что может скрываться под детским рисунком. Это достаточно серьезное направление.

Есть правило: предметы, конфискованные таможей, передаются в музей той территории, где произошло задержание. Без разрешительных документов вывоз культурных предметов считается контрабандой. Среди вещей, конфискованных таможей, есть такие, которые мы будем передавать в музей истории Бурятии. Массовый характер приобрел вывоз предметов культурного назначения в Китай. Раньше вывозились марки (в Китае миллион филателистов), а сейчас вывозятся значки. Это новое повальное увлечение китайских коллекционеров. Мы это очень хорошо видим по своей работе. Таможня кульками привозит нам на экспертизу незадекларированные вещи. Здесь и самовары, и интересные денежные купюры, так называемые чеки прошлых веков.

Еще одно новое направление деятельности – это авторское право и смежные права. На сегодняшний день все, что с ними связано, взял на себя центральный аппарат. Пока идет аккредитация коллективных прав, потом возникнут жалобы, рассматривания, это все пойдет к нам. Что будет и во что это выльется – пока сказать трудно. Юридическое сопровождение должен обеспечивать человек, имеющий соответствующую квалификацию; в Иркутске таких юристов нет. Да и в России их единицы. Это очередная проблема, которая будет присутствовать в нашей работе. Но самое основное для нас сейчас – объекты культурного наследия.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Чем ваша организация отличается от Центра по сохранению историко-культурного наследия, который сейчас существует как государственное учреждение при Службе по охране объектов культурного наследия Иркутской области?

АВ

На территории Иркутской области в связи с федеральным законом № 73-ФЗ об объектах культурного наследия, где сказано, что субъектам РФ передаются федеральные полномочия (ст. 9. 1), часть наших полномочий отходит правительству Иркутской области, где существует специальный самостоятельный государственный орган – Служба по охране объектов культурного наследия. В наших трех регионах (Забайкальский край, Республика Бурятия, Иркутская область) таких службы только две: в Бурятии и Иркутской области. Госорган в Забайкальском крае – Министерство культуры. В соседнем Красноярском крае за это отвечает отдел, входящий также в Министерство культуры. Войдет ли Служба в состав Министерства культуры Иркутской области или останется самостоятельным госорганом – пока неясно. Нам легче работать с самостоятельной Службой. Если она войдет в Министерство..., то и административные функции будет исполнять министр культуры, что нежелательно. Прямого и быстрого реагирования на возникающие проблемы не будет.

Если наша служба – государственный орган, который определяет политику в отношении государственной охраны и сохранения культурного наследия, то Центр сохранения историко-культурного наследия – это, по сути дела, руки и ноги, исполнительный орган. Они готовят акты обследования памятников, различные юридические документы, ведут научные исследования, выполняют государственные заказы в сфере сохранения наследия. У них много функций, но государственные функции лежат на Службе по охране объектов культурного наследия.

ПБ

С этой точки зрения логично, чтобы министерство не присоединяло ее к себе?

АВ

Да. Служба по охране культурного наследия Иркутской области и сейчас находится в ведении Министерства культуры, но она – самостоятельное юридическое лицо. А наше Восточно-Сибирское управление Росохранкультуры – государственный орган, который следит за исполнением федерального законодательства, в частности на территории Иркутской области. Одно из наших направлений

– контроль за соблюдением федерального законодательства в отношении объектов культурного наследия на территории субъектов РФ. Мы вправе проверять службу, наказывать за неисполнение законодательства. На нас лежит ответственность отслеживать, чтобы в распоряжениях и постановлениях местных органов власти не было нарушений федерального законодательства. Работы много, а штат небольшой: на три субъекта РФ всего 10 человек, и даже этот штат еще недоукомплектован. У нас два юриста, архитектор, археолог, историк. Существует и около сорока утвержденных приказом Росохранкультуры внештатных экспертов, в основном, из Иркутска и Улан-Удэ. Наши эксперты выдают заключения о возможности вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения с территории Российской Федерации. Мы даем справки на вывоз/ввоз культурных ценностей только на основании заключения экспертов. В самом же штате должности в основном инспекторские. Специалисты могут составить протокол об административном правонарушении, выдать предписание.

Часть полномочий в нашей деятельности исполняет исключительно центральный аппарат, например вопросы авторского права. Или в отношении объектов культурного наследия – проекты зон охраны в исторических поселениях согласовываются только с центральным аппаратом. В сентябре губернатор Иркутской области подписал Постановление об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия города Иркутска, а 30 апреля 2009 года уже были подписаны изменения в этом документе. Мы будем выяснять, нет ли здесь нарушения законодательства, согласованы ли эти изменения с центральным аппаратом Росохранкультуры.

ПБ

Я могу сделать вывод, что ваша должность достаточно конфликтная.

АВ

Конфликтная – не то слово.

Кроме того, в соответствии с требованиями законодательства Росохранкультура должна исполнять полномочия по государственной охране в отношении памятников федерального значения, список которых должен быть утвержден правительством РФ. Это те памятники, которые будем курировать мы. Полномочия по государственной охране остальных федеральных объектов уйдут в ведение органов государственной власти субъектов РФ. Пока такого списка, утвержденного Правительством РФ, нет, соответственно, нет разделения полномочий. В этом сложность. Сложность еще и в субвенциях, точнее, в их отсутствии: они не приходили еще ни в один регион. Все зависло, нет методики расчета. Положение должно исправиться, потому что Росохранкультуре даны полномочия по разработке и принятию необходимых нормативно-правовых актов.

ПБ

Я зашла на сайт АрхВестника (московский журнал). У меня было ощущение, будто я на иркутском сайте: здесь разрушили, там испортили, перестроили без всяких оснований, продали и т.д. И это под боком Кремля.

АВ

На сайте Росохранкультуры в новостях, как правило, также указываются последние события. Какое сообщение ни возьмешь – на всей территории России сплошные нарушения, в том числе и по Восточной Сибири: приостановлены строительные работы по реставрации Харлампиевской церкви, начата незаконная роспись одного из приделов Троицкой церкви. Пришлось приостановить.

К проблемным объектам относится и Русско-Азиатский банк. По нему ведутся работы с 2006 года. Первоначально проведены противоаварийные работы по замене чердачных перекрытий и кровли, а также связанные с ними работы по реставрации зала регистрации. С самого начала приходилось преодолевать сопротивление заказчика работ – УКСа г. Иркутска и заставлять производить работы, в соответствии с федеральным законодательством – на основе согласованной проектной документации и полученного разрешения на выполнение работ. Кроме того, исполнитель работ – ЗАО «Иркутское жилищное строительство», первоначально не обладавшее лицензией на реставрацию лепнины, было вынуждено вносить изменения в лицензию с получением права на реставрацию лепнины. Хочется особо подчеркнуть, что и кровля с перекры-

тиями и замена отопительного и иного инженерного оборудования – это все противоаварийные работы. Но на Русско-Азиатском банке следом решили поменять окна и двери, вместо деревянных окон ставить стеклопакеты! И это на объекте культурного наследия федерального значения, где сохранились родные оконные столярные изделия, являющиеся предметом охраны! Рамы, переплеты вполне в приличном состоянии, их нужно только отреставрировать: отчистить от краски, привести в порядок. Замену деревянных окон на стеклопакеты мы запретили, приостановили работы. Но подрядная организация умудрилась внутренние рамы зала регистрации уже уничтожить. За грубое нарушение лицензионных условий ЗАО «Иркутское жилищное строительство» привлечена к административной ответственности. В ходе внепланового мероприятия по контролю, проведенного ВСУ Росохранкультуры, выяснилось, что субподрядная организация – ООО СК «Иркутскжилстрой» – вообще лицензии на деятельность по реставрации не имеет.

ПБ

Кто-то лоббирует эту ситуацию?

АВ

Несомненно, но я полагаю, что это предмет для разбирательства компетентных органов.

ПБ

Какие объекты вам по сердцу?

АВ

По сердцу родные «деревяшечки». Иногда мне хочется заснуть, проснуться и пройти по Иркутску, который отреставрировал все свои деревянные здания в тех местах, где они находятся. Какой красивый дом на Грязнова, в котором расположился офис «Тальцов»! Какой красивый новый дом-музей города Иркутска по улице Декабрьских Событий! Они не повторяются, каждое здание имеет свою индивидуальность, притягивает взгляд! Наличники, резные детали, веранды, мансарды – это все уникально. Бесценный объект – многострадальный дом Шубина на улице Лапина, который горел много раз. Самое интересное, что к нему есть реставрационные чертежи, необходимая документация. Восстановить его не сложно. Проблема в том, что у здания три собственника, мы их найти не можем. Мы уже хотим у них изъять этот дом, а не можем. У кого изымать? Милиция отвечает, что у дома есть владельцы, они имеют регистрацию постоянного места жительства именно в этом доме. А где они реально живут и как их найти? Замкнутый круг!

Еще мне нравится наша Крестовоздвиженская церковь, площадь со Спасской церковью и Богоявленским собором. В Иркутске много красивых мест. Был бы он всегда таким, каким его сделали к 9 мая, – чистым, и чтобы реставрация шла. Единственное, против чего я выступаю, – против идеи сосредоточить все памятники в заповедных зонах. Конечно, они нужны: комплекс декабристов, Солдатские улицы; Желябовский комплекс. Но ведь и эти заповедные места умудрились испортить точечной застройкой, с которой городские власти экспериментируют уже на протяжении 10 лет! Она губит старый Иркутск. Если дальше так будет продолжаться, это будет уже не исторический город! Ведь ценность наших памятников в том, что они воспринимаются должным образом только в историческом окружении. Если объекты наследия останутся на своих исконных местах и будут сохранены маленькие уютные улочки – это будет просто великолепно. Иностранцы ходят и фотографируют их. Им не нужны зеркальные стены, которые они видят и у себя. Им интересна именно деревянная застройка, этим привлекается Иркутск! Если бы это поняли городские власти! Это можно было сделать раньше, в другие времена, когда денег хватало. Сейчас они ссылаются на кризис и отсутствия денег в бюджете. А раньше что? Муниципалитет умудрялся дома вместе с жильцами исключать из муниципальной собственности! Многие из этих деревянных домов – памятники федерального значения. И в то же время не являются государственной собственностью. Памятник на ул. Борцов Революции, 6, в отвратительном состоянии, а мы не можем выявить, в чей он собственности. И так по многим объектам. Кто в этом виноват? Памятники? Нет. Виноваты люди, которые в свое время закрыли на это глаза и много лет ничего не делали. А сейчас говорят, что памятники

мешают. Мы надеемся на программу возрождения деревянного зодчества. Не знаю, что из этого выйдет.

Вот журнал «Историческая недвижимость». В 2008 году здесь было очень большое интервью с нашим губернатором, с большим анализом деревянных памятников Иркутска. Издает этот журнал Национальный центр опеки наследия. Именно с этим центром губернатор заключил соглашение о трастовой реставрации памятников. Не знаю, во благо ли это. Я считаю, что все те, кто выступает в защиту памятников, – наши союзники, лишь бы это шло памятникам на пользу.

ПБ

Можете ли вы рассказать о результатах работы с 2007 года?

АВ

До 2007 года мы были беззубыми. В нашем положении было записано: имеем право выносить предупреждения по факту нарушения законодательства в СМИ, предъявлять иски в суд, рассматривать административные правонарушения... Но не было даже приказа о лицах, которые имеют право составлять протокол об административных правонарушениях. У нас не было возможности воздействовать на нарушителей. Сейчас это право есть: приказ, зарегистрированный Минюстом, где определены должностные лица территориальных органов Росохранкультуры, имеющие право составлять протокол об административном правонарушении. По сути дела это все должностные лица в нашем управлении, начиная с главного специалиста и заканчивая мною. Нам даны права рассматривать протоколы по тем статьям, которые относятся к нашей компетенции. Мы можем сами накладывать штрафы, не обращаясь в суд. Кроме этого, у нас есть полномочия отправлять дела в арбитражный суд, направлять ходатайства для возбуждения дел по уголовным преступлениям.

ПБ

Каковы перспективы и планы вашей деятельности?

АВ

Мы запланировали ряд мероприятий на 2009 год. Этот план утверждается Москвой. Постараемся его выполнить, поскольку финансирование на эту деятельность предусмотрено.

В апреле в Красноярске прошло совещание, в котором приняли участие представители территориальных управлений Росохранкультуры и органов охраны объектов культурного наследия субъектов федерации на территории от Урала до Дальнего Востока.

Планируем в третьем квартале провести семинар на нашей базе, пригласив из субъектов федерации нашего региона – Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края – представителей органов охраны культурного наследия, лиц, которые непосредственно этим занимаются, представителей властных структур. К этому мероприятию хотелось бы привлечь и Общественные палаты области и города Иркутска. Только общими усилиями можно что-то делать. Мы заинтересованы в этом совещании, поскольку это дополнительная возможность обмена опытом работы в условиях несовершенного законодательства.

Также хочется отметить, что службы по охране объектов культурного наследия и министерства культуры, в состав которых входят отделы в субъектах РФ, это структуры областных властей. А субъекты федерации подчас считают для себя возможным принимать такие решения, которые являются прерогативой правительства РФ, независимо от того, федеральный это памятник или региональный. Как у нас в Иркутске, где на протяжении нескольких лет сначала приказами ЦСН и Службы, затем – постановлениями губернатора здания выводились из числа памятников. У нас легко, не задумываясь над последствиями, первые лица города и области говорят о переносе памятников, исключении из списка памятников. А на основании чего? Федеральным законодательством перемещение (перенос) памятников истории и культуры, объектов культурного наследия не предусмотрено в принципе, а значит это грубейшее нарушение.

ПБ

Есть мнение (и его часто можно услышать именно от представителей власти), что в 70-е годы слишком легко присваи-

вали статус памятника, вносили в списки те здания, которые к памятникам не относятся.

АВ

Вы знаете, все живые люди и могут ошибаться, в том числе и те, кто составлял в свое время списки федеральных и региональных памятников. Но это не значит, что мы должны все их действия принимать за ошибку. Надо индивидуально подходить к каждому памятнику. Национальный центр опеки наследия уже ревизовал состояние памятников. Может, те, кто заказывал эту экспертизу, рассчитывали, что результат будет совершенно другой, что поддержат мнение местных властей об избыточности количества архитектурных памятников в Иркутске. Тем не менее получилось наоборот. Центр опеки наследия признал, что в Иркутске ценная деревянная архитектура, они говорят о ее уникальности. В подтверждение можно привести подзаголовок статьи «Сибирская столица» из уже упоминавшегося журнала: «Иркутск – единственный из сибирских городов, кому удалось сохранить свой исторический облик, первоначальную планировку». Пришли москвичи и подтвердили то, что уже много лет говорят местные специалисты. Неужели мы настолько стали Фомами неверующими, что своим людям, которые кричат об этом, не верим, надо, чтобы пришел чужой и подтвердил, что мы обладаем уникальным наследием? Вроде областные власти поверили. Осталось, чтобы поверили городские власти. Сохранять это все надо. Сейчас подписано соглашение о том, что будет программа сохранения деревянного зодчества Иркутска. Как она будет реализовываться – другой разговор.

Почему власти города Иркутска так болезненно реагируют на памятники, которые находятся в центре города? Дело в инвестиционной привлекательности земельных участков. Это не тайна. Надо освободить место, снести все, продать, построить многоэтажки. Меня покорило высказывание нашего мэра, когда шла речь о сохранении средней застройки вокруг Крестовоздвиженской церкви, он заявил: «...коستمья лягу, но чтобы этой малоэтажной застройкой здесь не было». Это мэр, которого выбрали граждане Иркутска.

ПБ

Там было очень красиво. Когда я приехала в 1975 году, я была очарована этим местом: застройка как бы подводила к церкви, и она сияла. Я специально водила своих приезжих друзей и показывала эти ракурсы. Сейчас – сарай, какие-то склады...

АВ

Если мы сейчас напротив церкви поставим «свечки», это никак не украсит Иркутск. Я всегда удивляюсь: неужели у нас в Сибири мало места? По идее, Иркутск должен расширяться в сторону Байкальского тракта, там полно земли; соединитесь с Ангарском в сторону Мегета. Пожалуйста! Расширяйтесь в сторону Шелехова! Ведь у нас можно делать великолепные современные микрорайоны. Зачем эта точечная застройка? Этот жилой дом на Дзержинского! Он же вылез за красную линию, совершенно не вписывается в историческую улицу.

Я не архитектор. Но каждый день езжу по Байкальской в микрорайон Солнечный. Раньше у меня была перспектива – я еду на Байкал. Сейчас она разделилась на две части: от рынка до Волжской – и тупик. Из этого тупика уже идет дорога на Байкал. Надо же так не любить город, чтобы поставить жилой комплекс в этом месте, на повороте! Это же туристическая трасса. Она должна настраивать на встречу с Байкалом, а люди видят дом-тупик. И только после поворота появляется перспектива. Раньше оттуда был такой хороший вид на Ангару, на бульвар Постышева. Приведите мне в пример современный объект в городе, которым можно восхищаться. Вот мы находимся сейчас в центре города, на улице Карла Маркса (Большой). Что в центре Иркутска из современной застройки может понравиться? Когда говорят, что лучше снести и построить новое, встает вопрос: а вы можете построить лучше, чем было? Не лучше ли сохранить то хорошее, красивое что было? То, что мы видим новое, совсем не во благо Иркутску.

Мы не враги нашим властям. Наоборот, мы хотели бы работать сообща. Сделать Иркутск, Иркутскую область, Сибирь лучше. Только реальная, разумная, совместная работа властей, общественности, архитекторов, реставраторов, экспертов может сделать наш Иркутск самым красивым городом Сибири.

Археологический ископаемый запас России под угрозой

В нашей стране чиновники живут своей жизнью, сочиняя законы и нормативные акты по-своему разумению, порой очень далекому от здравого смысла и государственных интересов...

А. Данилкин

Для того чтобы защищать и сохранять что-либо, нужно знать, что защищать и сохранять.

П. Вейнер

Чтобы сохранять памятники, все средства хороши.

И. Есиповский

Археология есть научно-теоретическое знание о технических и тактических приемах, способах, правилах отыскания, добычи, методиках изучения, объяснения (интерпретации), сохранения ископаемых материалов – «вещественных остатков» деятельности людей в историческом и геологическом прошлом. Другими словами, археология – наука о распознавании возраста и существа всех тех сохранившихся вещей, которые когда-то были необходимыми условиями жизни общества. Теперь они, когда-то утраченные в жизни, погребены либо геологическими отложениями, либо включены в состав продуктов человеческой деятельности различных периодов его «строительной» или «архитектонической» истории, которые тоже называются отложениями. В обоих случаях эти остатки – «культурные» или «технологические». Как только наш далекий предок придумал, употребил первую вещь, было положено начало формированию на Земле нового вещества – «технологического», которым сегодня переполнена планета.

Первой вещью был каменный осколок – заменитель клыков, острых зубов и когтей хищников. Наш древний предок очень агрессивно «вышел в люди», открыв новый клапан эволюционных возможностей – производство вещей. Вещи подчинили человеку весь живой мир планеты. По этой магистрали неограниченной эволюции технологий человеческого разума человечество движется неудержимо и с нарастающим ускорением. Эту магистраль можно уверенно именовать техногенезом.

Согласно расчетам палеодемографов, за 2,5–3,0 миллиона лет поздней поры кайнозойской эры, то есть от даты своего рождения в техногенезе, жизнь земную прошагало от 65 до 85 миллиардов человек, разных степеней своего антропологического совершенства от Homo Habilis'a и Pitecantropus Erektus'a до монархов и президентов. И все эти разноликие представители рода Homo что-то творили, что-то оставили миру. Даже если только каждый десятый из них сделал несколько десятков вещей, то и это составляет сотни миллиардов изделий. Взяв такой скупой подсчет за базовый и заставив себя забыть, что его непременно следует множить на тысячи реальных вещей, то и в этой версии достаточно оснований для утверждения, что современное человечество на пяти континентах обладает колоссальным потенциальным запасом ископаемых «культурных» вещей. Такой можно представить себе научно-исследовательскую сферу археологии, реальное поле деятельности специалистов-археологов.

Современная археология является сложно организованным многоотраслевым научным знанием, принадлежащим ассоциации научных дисциплин о Земле и человеке. Она поливалентна в созвездии современных наук.

Научно-производственной особенностью археологических изысканий являлось и является непрерывное и всё возрастающее продуцирование ископаемых физических достоверностей технологического, биологического, гео-

логического порядков, которые формируют уникальный фонд вещных фактов, их описаний, мнений о них широкой межнаучной, межведомственной, экстерриториальной, наконец, интернациональной востребованности. Это и есть тот фонд, который мы все согласованно именуем «мировым культурным достоянием». Его отличает широчайший потенциал плюрализма научных изысканий и высокий рейтинг образовательно-нравственных свойств.

Встречным и противным процессом является всё более набирающее обороты интенсивное разрушение, разграбление и прямое уничтожение ископаемых культурных запасов. Оно, организованное в противостоянии науке, уже приобрело облик национального бедствия и готово во многих случаях модифицироваться в форму всемирного антикультурного терроризма.

Наиболее ярким примером национально-государственно-го попустительства и невольного сообщничества в процессе широкомасштабной гибели культурных ископаемых запасов, именуемых «нашим археологическим наследием», являются события в зонах искусственных водохранилищ Байкало-Ангаро-Енисейского каскада гидроэлектростанций.

Формированию каскада ГЭС и его энергопродуцирующих водохранилищ исполнилось 50 лет. Линия искус-

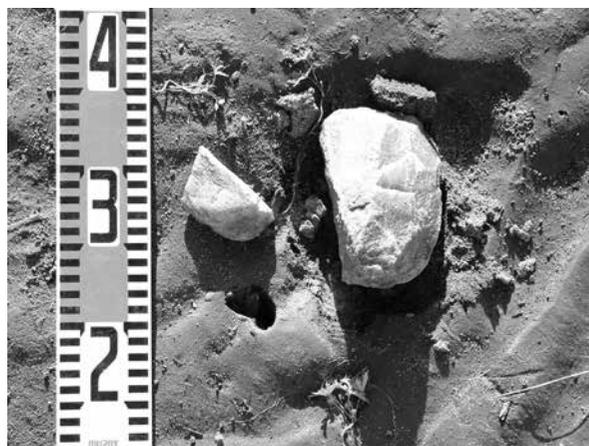
текст
Герман Медведев

Разрушенное палеолитическое поселение при строительстве радиостанции в Ангарске. Фото Б.Н. Леонова, 1978

Палеолитическое многослойное местонахождение Нарын I. Пляж – зона размыва культуросодержащих отложений возраста 30–40 тысяч лет от наших дней водами Братского водохранилища, зона перетолжения, уничтожения археологических материалов

Скопление экспонированных каменных изделий на пляже в зоне размыва

ственных береговых контуров Байкала, Иркутского, Братского, Усть-Илимского морей составляет более 11 тысяч километров, что равно расстоянию от Владивостока до Москвы, то есть больше половины протяженности земного экватора. Вместе с контурами Богучанского, Красноярского, Саяно-Шушенского водохранилищ общая протяженность береговых линий составляет более 17 тысяч км. Если же в действие будут введены Мотыгинская, Среднеенисейская и Осиповская ГЭС, то общая протяженность берегов водохранилищ Байкальской Сибири более чем на две тысячи километров превысит величину экватора. В контурах только Байкала и ангарских ГЭС общая протяженность участков активной эрозии берега превышает 5 тысяч км. В этой протяженности размывто свыше 6 тысяч га, то есть более 500 млн кубических метров рыхлых геологических образований. Глубина размыва склонов долин колеблется от 50 до 400 метров. Наибольшие разрушения фиксированы в акватории Братского водохранилища – до 650 метров. За 50 лет в разрушении берегов погибло, по самым скромным подсчетам, более 50 млн единиц археологического материала. Для сравнения – это 10 объемов фондов археологии Государственного исторического музея на Красной площади. А фонды музея накапливались 150 лет. В предстоящие 25 лет, согласно официальным прогнозам, приведенные цифры разрушений берегов водохранилищ и Байкала должны удвоиться. Несомненно, «двойной размер» будет значительно превышен, поскольку все береговые линии искусственного подъёма уровней водоёмов находятся в стадии становления и до стабилизации процессов эрозии ещё очень далеко.

Ни в одной официальной публикации о проблемах энергетических водных запасов водохранилищ, их влияниях на окружающую народно-хозяйственную и биологическую среду нет ни слова об археологических материалах, заключённых в геологических отложениях береговых склонов или отмытых на поверхности техногенных пляжей.

Принято считать, что Великие археологические экспедиции АН СССР 50–70-х годов «спасли» все необходимые «археологические памятники» в зонах будущих затоплений. В реальной былой действительности второй половины XX века ни одна из экспедиций на Байкале, Ангаре, Илимее, Енисее не могла объективно выполнить те задачи, необходимость решения которых формулируется из сегодняшнего дня. Не были выполнимы даже те конкретные «спасательные» задачи, которые планомерно ставились перед экспедициями. Повинны в том авральность работ, малые сроки этих работ, недостаточность финансирования. Главное – отсутствие концепции изысканий такого вида работ, методик текущих поисков и программ будущих исследований методически и с ускорением разрушаемых поверхностей. Эти концепции должны были иметь государственный патронаж. Его нет и сегодня.

Ореол героики «спасательных» работ в будущих границах зон влияния Иркутской и Братской ГЭС, на Байкале в 50-е годы прошлого столетия ещё как бы прикрывал означенные недостатки авральной массовых работ с археологическими материалами. Но уже провал Усть-Илимской экспедиции 1967–1973 годов был предсказан до её начала. Под воду ушли даже без визуальных обследований, без элементарных стратиграфических и топографических работ десятки разведанных местонахождений, целые районы. У работ в зонах ещё только проектируемых сегодня водохранилищ трудно предположить сколько-нибудь результативное будущее, если не будет срочно изменена государственная политика по отношению к археологическим запасам, а в содержание изысканий не будут введены обязательные прогнозные геологические стратегические и тактические экономические составляющие.

Последовавшие за Великими экспедициями многолетние исследования в зонах размыва берегов Байкала, водохранилищ Ангаро-Енисейского действующего энергокаскада подтвердили со всей очевидностью, что археологические материалы в геологических ситуациях, вскрытые размывами берегов водохранилищ и Байкала суть только индикаторы реальной грандиозной картины географического распространения и георхеологических сосредоточений ископаемых запасов технологических веществ в границах Российской Азии. И по фронту размыва, и в глубину территорий разрушаемые местонахождения измеряются гектарами, десятками километров, а число артефактов экспонируемых и погребяемых ежегодно на пляжах продуктами разрушения берегов фиксируется не менее чем в тысячах единиц.

Есть еще один сюжет, ни разу не просочившейся на страницы ни научных, ни популистских изданий. Вся динамика отношений археологической науки с исполнением спасательных работ оказалась сосредоточенной в долинах рек – ложах будущих водохранилищ. Но без какого-либо археологического обследования остались строительства Ангарска, Братска, Байкальска, Шелехова, Усть-Илимска, Саянска и других городов. Список можно значительно умножить. Здесь много проблем связано одним узлом. При строительстве радиостанции в Ангарске в 1978 году было разрушено колоссальное палеолитическое поселение с костями мамонтов, носорогов. Любительские фотографии сегодня служат тому эпифаназом. Разумеется, кадровый состав археологов «местного базирования» только формировался после трагедий 1930-х и военного лихолетья 1940-х. Но сейчас кадры растут с каждым днем. Примером можно взять нынешний Иркутск, где в ожесточенной борьбе с частными, коммерческими, государственными строительными предпри-

тиями каждый год происходят удивительные открытия древних культурных ценностей. Время обитания человека на территории нашего города за последние только восемь лет опустилось в недра геологического времени сначала за черту 60 тысяч, потом за 100 тысяч лет. Сегодня, благодаря надзорным и экспертным работам Службы по охране объектов культурного наследия и Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, возраст пребывания человека в черте города «удревился» до 300 тысяч лет. Это открытие было сделано в Ново-Ленино, где археолог А.С. Козырев обнаружил интереснейшие изделия из камня, пережившие время существования здесь жестокой арктической пустыни с постоянными ураганскими ветрами. Спасательные археологические раскопки на правом и левом берегах реки Ангары в Свердловском районе и Маратовском предместье обнаружили самые древние в Сибири предметы искусства возраста 30–40 тысяч лет от наших дней. А ведь Иркутск – только один город из неполного списка, означенного выше...

Археология теперь работает с многообразием видов ископаемого технологического вещества, образующего реальные запасы, измеряемые территориями, площадями, районами и объёмами сосредоточения, в ассоциациях с геологическими телами. Эти запасы являются особой формой государственных ресурсов и в этом аспекте рассмотрения они должны быть разведаны, изучаемы,

используемы и охраняемы как государственное достояние, особый вид «полезных ископаемых». Этим ископаемым культурным запасам необходим действенный государственный контроль состояния и использования. Органически необходимо создание единой Федеральной программы изысканий, учёта, изучения всех видов и объёмов палеотехнологических запасов. Разработки и утверждение такой программы потребует образования Государственного управления георхеологической съемки (ГУГАС РФ) с подчиненными ему территориальными, региональными управлениями, отделами, экспедициями. Производство георхеологической топографической съемки приведет к выработке основного государственного закона «археологического наследия».

Тем, какую конструктивную политическую позицию в отношении ископаемых культурных или палеотехнологических запасов сумеет занять государство сегодня, как оно поймет свою священную ответственность, с одной стороны, перед ушедшими, с другой – перед будущими поколениями, во многом будет определена интеллектуальная честность и дееспособность будущих правительств России.

Это – особая форма государственной собственности! Она, эта форма собственности, неприемлема к частному владению. Действительный государственный контроль за состоянием, изучением и использованием археологических ископаемых запасов России – залог уровня будущей нравственности российского общества.

Ангарский каскад. Богучаны...

Очередное пренебрежение культурным наследием

Как известно, история повторяется: вслед за трагедией следует фарс. Иркутскому областному отделению Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) не удалось при заполнении Братского водохранилища в 1970-е годы спасти памятники археологии. Всё ушло под воду. Прошедшие десятилетия отчетливо показали, что государство никогда не сможет финансировать подводные археологические работы в сверхтрудных сибирских условиях. Кроме того, береговая линия Братского моря медленно, но верно уничтожила (из-за регулируемого сброса) в широкой береговой полосе всякую надежду на результат.

Удалось лишь перенести на окраину города Братска лишь некоторые от многочисленных памятников деревянного зодчества – башню Братского острога, церковь и ряд интересных усадебных комплексов, сейчас это – музей под открытым небом «Ангарская деревня» в городской черте. Административно-командная партийная система не оставила возможности спасти хотя бы что-то существенное. Оправданием отчасти всем нам, занимавшимся проблемой, было понимание, что великая стройка способствует героическому освоению Сибири. Во имя Родины и под танк с гранатой можно... Трагедией для старожилов обернулась славная Братская ГЭС.

Во имя каких идеалов готовится под затопление ложа водохранилища следующей ГЭС в системе Ангарского каскада – Богучанской? Что конкретно получим все мы, живущие здесь в Сибири, в том числе в Иркутской области? Всем известно, что цена электроэнергии уже сейчас во многих случаях непомерна для нас, сибиряков. Электростанции, зачастую на последние крохи приобретенные муниципальными образованияами, останавливаются одна за другой – идет массовый возврат на привычный уголёк. Уголь пока еще по карману. А собственники строящейся Богучанской гидроэлектростанции не знают, да и не хотят знать, чем живет этот странный народ, называемый сибиряками. Для обеспечения сверхприбы-

лей полутора десятков готовятся вновь согнать с родной земли, из деревень возрастом триста и более лет, тысячи ни в чем не повинных людей. Вновь поспешно будут жечь дома, выстроенные дедами и прадедами. Вновь под воду канут могилы, а строевой лес умрет, стоя уйдя под воду. А потом долгими годами моторные лодки будут распарывать днища о топляки.

На территории Иркутской области, в зоне затопления Богучанского водохранилища, на учете государственных органов охраны культурного наследия находится 60 объектов археологии. Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации» предусмотрено выполнение спасательных археологических работ, если иное невозможно. Расчетный объем финансирования археологических работ в районе Богучанской ГЭС составляет: а) в зоне затопления – 3 млрд 557 млн; б) в зоне берегоформирования (интенсивного размыва) – 1 млрд 319 млн рублей. Нашей области на 2009 год не выделено ни рубля. Красноярскому краю из полудесятка необходимых миллиардов – только 300 миллионов. Не пренебрежение ли это законодательством? Не циничное ли это отношение к культуре, к наследию?

Иркутское региональное отделение ВООПИК совместно со Штабом областного поискового отряда предпринимает усилия для обеспечения работы в летние полевые сезоны 2009–2010 школьных поисковых отрядов на объектах «исторической» археологии, где глубина раскопа не превышает метра-полутора, поэтому можно использовать труд молодых людей под руководством, контролем специалистов-археологов. Студенческая группа архитекторов обеспечит обмерные фиксационные работы на деревянных памятниках. Кроме того, готовимся к приему волонтеров – добровольцев из европейских стран. Направлены соответствующие письма по всем тем адресам, в которые принято обращаться. Молчание.

Фарсом являются заверения властей о радении, дабы и дальше «земля наша прирастала Сибирью»!

текст
Владимир Китаев

Памятники археологии без памяти

текст
Светлана Регамэ
Эдуард Товмасьян

Посвящается Международному дню памятников
и исторических мест – 18 апреля

Если вы случайно попадете в Княжество Лихтенштейн, непрерывная линия династии которого берет свое начало в XIII века, с Генриха I Лихтенштейна, и окажетесь возле камня, где он отдыхал, спешившись с коня, или испил водичку из хрустального ручья, вы обязательно найдете рядом всю инфраструктуру туристско-рекреационного комплекса – от прекрасных дорог до уютных гостиниц с современнейшими видами связи и сувенирами, посвященными этому Генриху. Индустрия туризма – желанный вид отрасли деятельности и для многих субъектов Российской Федерации, для чего есть немало оснований. Богатейшие уголки природы, уникальнейшие памятники истории и культуры, среди которых достойное место принадлежит памятникам археологии.

Сохранение археологического наследия, по мнению директора Института археологии Российской академии наук Н.А. Макарова, рассматривается в современном мире как одно из важнейших направлений глобальной культурной политики, как неотъемлемая норма при решении любых задач современного развития. В марте 2004 года Комитетом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии было проведено довольно значимое заседание круглого стола на тему «Сохранение археологического наследия России»¹.

В современной России научными исследованиями выявлено более 100 тысяч памятников археологии. Это стоянки, городища, селища, могильники, святилища, памятники наскальной живописи, шахты, мастерские, участки культурного слоя в исторических городах². С одной стороны, отраднo, что все они, так или иначе, должны находиться в правовом поле принятого Государственной Думой и одобренного Советом Федерации Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». С другой же стороны, радоваться нечему, поскольку сегодня из этих более чем 100 тысяч памятников только чуть больше 18 тысяч взяты на учет и поставлены государством под охрану.

Ясно, что практические реалии далеки от декларируемых вышеуказанных и как минимум тремя сопутствующими ему законами принципов. Кроме того, с начала 2008 года в соответствии с новым федеральным законом субъектам Федерации передано большинство полномочий по охране объектов культурного наследия федерального значения (а памятники археологии являются таковыми), а также полномочий по сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности³. К сожалению, лишь 21 субъект Российской Федерации имеет специализированные структурные подразделения, уполномоченные заниматься охраной объектов культурного наследия, 59 субъектов имеют так называемые научно-производственные центры, а 20 субъектов не имеют никаких подразделений по охране памятников. Практически наше государство решило отстраниться от охраны культурного наследия. Поэтому, по мнению бывшей в 2004 году первым заместителем министра культуры страны Н.Л. Дементьевой, выступавшей на заседании круглого стола на тему «Сохранение археологического наследия России»⁴, как нельзя более остро назрел вопрос создания территориальных органов. Да еще к тому же Россия подписала, но так до сих пор и не ратифицировала Европейскую конвенцию 1992 года об охране археологического наследия⁵.

По целому ряду объективных и субъективных причин страна год от года теряет археологические объекты. Это происходит и в процессе строительной деятельности, и в процессе реконструкции исторических городов, и в ходе хозяйственного освоения территорий, а также при производстве в больших масштабах грабительских и нелегальных раскопок. Все это дополняется несовершенством действующих законов и, наконец, нарушением даже этих несовершенных законов.

Несмотря на все эти грустные факты, мы имеем большое количество специалистов, беззаветно преданных памятникам археологии и публикующих свои исследования. Существует Фонд содействия охране памятников археологии. С Фондом активно сотрудничают Комиссия Общественной палаты РФ по вопросам сохранения культурного и духовного наследия, Отделение историко-филологических наук Российской академии наук, Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, Центральный совет ВООПИК⁶, Центр археологических исследований Главного управления охраны памятников в Москве и другие структуры.

Наш Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству Российской академии архитектуры и строительных наук (ЦНИИП градостроительства РААСН) столкнулся с проблемой памятников археологии при работе над схемами территориального планирования субъектов Федерации, расположенных в самых различных географических ареалах страны. Так удачно сложилась судьба, что с небольшим интервалом Институт выиграл тендеры на разработку схем территориального планирования расположенных в Сибири по соседству: Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай. Наибольший интерес, с точки зрения памятников археологии, представляют Алтайский край и Республика Алтай.

Алтайский край⁷

Около 200 тысяч лет назад, в период среднего палеолита, люди начинают заселять пещеры. Во многих пещерах по берегам Чарыша и его притоков, на Ануе, по предположениям ученых, были жилища древнего человека. Так, например, карстовая Денисова пещера от среднего палеолита до средневековья была постоянным местом обитания древних людей. В ней обнаружены наиболее древние останки человека, возраст которого определен в 42 тысячи лет, вскрыто более 20 культурных слоев, начиная от каменного века. Общая толщина слоя, хранящего следы жизнедеятельности человека, составляет более 13 метров; это живой срез истории тысячелетий, спрессованный временем. Как считают некоторые ученые, пещеры все же не были местами постоянного проживания древних людей. Скорее всего, люди той эпохи вели кочевой образ жизни и жили на открытых стоянках, удобных для работы и отражения неприятеля. Пещеры, вероятнее всего, использовались в качестве долгих стоянок во время кочевий, заготовок припасов и их хранения, ремонта и изготовления оружия.

В конце VI – начале III века до н. э. (бронзовый век) на территории Алтая появляются группы пришлого населения, культура которого получила название «афанасьевской»⁸. Племена афанасьевцев расселялись по Алтаю по рекам Би и Катунь на юге и по Оби на севере. Это были раннескотоводческие племена протоевропейцев, основой жизни которых было отгонное скотоводство.

Большой интерес представляют археологические работы в долине реки Сентелек в Чарышском районе. Здесь освобожден от грунта курган очень большого диаметра. Такие захоронения скифского времени принято называть «Царскими курганами». Археологический

1. Круглый стол Совета Федерации «Сохранение археологического наследия России». 19 марта 2004 года. www.archaeology-russia.org/infdoc/krstol190304.shtml
2. Государственный доклад за 1998 год. Часть III. Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия. Раздел «Археологическое наследие». www.wdcb.rssi.ru/miring/obzgr
3. Необходимость обеспечения физической сохранности зданий, памятников архитектуры, истории и памятников археологии.
4. Круглый стол Совета Федерации «Сохранение археологического наследия России». 19 марта 2004 года. www.archaeology-russia.org/infdoc/krstol190304.shtml
5. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (Валлетта, 16 января 1992 г.). www.archaeology-russia.org
6. Доклад председателя Центрального совета ВООПИК Г. И. Маланичевой на заседании пленума ЦС ВООПИК 27 июня 2008 г. «Проблемы охраны и сохранения памятников истории и культуры и роль ВООПИК в активизации общественного участия в охране культурного наследия России». voopik.ru/?p=187
7. Схема территориального планирования Алтайского края: материалы обоснований. ЦНИИП градостроительства РААСН, 2007. (С. К. Регамэ – автор раздела, Э. О. Товмасьян – ГАП/ГИП работы, М. Я. Вильнер – руководитель работы.)
8. По названию горы в Красноярском крае, около которой был раскопан первый могильник, относящийся к этому периоду.

комплекс «Царский курган» находится в долине реки Сентелек, недалеко от ее впадения в Чарыш, на территории Чарышского района Алтайского края. Курган имеет в диаметре около 50 метров и высоту до 2 метров. Этот курган является самым большим на территории Алтайского края. Возведен он был около 2 500 лет назад группой сентелекских родов. Только здесь и больше нигде на Алтае сохранились под толстым слоем земли: обводное кольцо из плит по 1–1,5 метра, внутреннее кольцо и самая замечательная часть погребально-поминального комплекса – ряд из 19 самых высоких на Алтае стел высотой до 4,5 метров!

В ходе проводившихся в этом месте раскопок впервые на Алтае было доказано, что строительством этого сооружения (сруб в могиле и круглая насыпь в ограде – дом «царя» и отходящий на восток ряд из 19 высоких каменных стел), возводившегося в течение нескольких лет, руководили жрецы. Вместе с тем «Царский курган» был, по-видимому, и древней обсерваторией, с помощью которой наблюдали за движением звезд, солнца, луны и планет. Отмечено, что до начала установки стел должна была производиться нивелировка высот местности, в соответствии с чем определялись длина каждой стелы, место и глубина ее вкапывания строго в одну линию через 320 сантиметров. Для установки каждой стелы использовались бревенчатые леса или тренога с блоком, высотой 5–6 метров. Аналогов подобному сооружению в России просто нет, а за рубежом раскопки в Сентелеке уже называют «маленьким Стоунхенджем»

В 2000 году была окончательно доказана пазырыкская принадлежность кургана. Царский курган с кольцом и рядом стел является единственным полностью расчищенным памятником такого типа на Алтае и представляет собой зрелищный и информативный объект для посещения учеными и туристами.

Афанасьевцы были первыми жителями Сибири, которые овладели техникой выплавки меди и изготавливавшими из нее различные изделия: орудия труда, оружие, предметы быта, украшения. Металл добывали в месторождениях, где рудные жилы были прямо на поверхности или залегают неглубоко. Множество таких древних шахт и разрабов находится в Змеиногорском районе.

Установлено, что более поздняя скифо-сибирская культурно-историческая общность появилась на базе афанасьевской. Культура так называемого скифо-сибирского мира сложилась в I тысячелетии до нашей эры, в эпоху, когда период бронзы сменился ранним железным веком. В этот мир входили племена скифов, савроматов, саков, массагетов и др., населявших обширную территорию степей от Дуная до Забайкалья. В это время на Алтае существовала культура скифского типа, оставившая огромное количество уникальных памятников. Оседлые племена Алтая в скифскую эпоху проживали в пределах от современной Кулунды на западе до Кузнецкого Ала-Тау на востоке и до Алтайских гор на юге. Скифское время на Алтае связано с пазырыкской археологической культурой. Курганы пазырыкского периода на территории края довольно многочисленны; встречаются как большие, так и малые курганы. В больших курганах хоронили родоплеменную знать. Здесь в деревянных срубках под каменной насыпью археологами найден богатый инвентарь захоронений: оружие, зеркала, различные изделия из кости, украшения, конская сбруя. Кроме могильников, к памятникам эпохи раннего железа относятся поселения, сооружения поминального и ритуального характера, петроглифы и стелы из камня.

В археологических находках, относящихся к VI–X векам нашей эры, четко прослеживается связь между гунно-сарматскими и тюркскими периодами истории Алтая, когда осуществлялся переход от индоевропейских жителей на территории края к древним тюркам, являвшимся предками современных алтайцев и монголов. До сих пор то здесь, то там открывают все новые археологические

памятники; два года назад интереснейшее захоронение скифских времен было обнаружено в 10 м от дороги, ведущей от Айского моста к Тавдинским пещерам, вблизи туркомплекса «Тал-да». На «Бирюзовой Катунь» у Тавдинских пещер начал работу археологический парк, в арсенале которого девять памятников археологии: два грота, одиночные курганы и курганные группы, поселения и жилища различных исторических эпох от каменного века до средневековья.

Многослойная стоянка Карамы в долине Ануя в Солонешенском районе является самым древним памятником археологии на всей территории России, ее возраст более 600 тысяч лет. Пещера Окладникова, названная в честь археолога и исследователя А.П. Окладникова, образовалась 10 миллионов лет тому назад и задолго до появления человека служила приютом доисторическим животным; в ней найдено около четырех тысяч костных останков. Есть в районе и другие пещерные стоянки древнейших эпох, остатки скифских курганов. Так, например, широко известны пещера Большая Ханхаринская, пещера Загонная, пещера Страшная и многие другие, являющиеся одновременно памятниками природы и памятниками археологии. Интересны в историческом плане пещеры-рудники, а также раскопки настоящего городища в Красногорском районе, в котором люди жили около 5 тысяч лет назад.

Севернее поселка Колывань возвышается гора Очаровательная. Если Синюха – православная святыня, то Очаровательная – языческая, гораздо более древняя. В 1993 году археологи обнаружили здесь своеобразное святилище, в котором природные элементы – скалы, деревья, ямы – умело обыгрывались и дополнялись древним человеком. Скальный выход на вершине Очаровательной имеет форму стилизованной головы

На берегу Колыванского озера обнаружено поселение древних металлургов конца 3 – начала 2 тысячелетия до н.э. Среди остатков жилых построек археологи обнаружили 9 плавильных ям, очаг-«горн», обломки орудий и приспособлений. К сожалению, большинство памятников было разрушено при развитии горнозаводского дела, но и сохранившихся вполне достаточно, чтобы представить, как обрабатывали железо и медь наши далекие предки. По реке Змеевка сохранились штольни 15–16 веков до н. э. В нескольких местах найдены остатки древних плавильных печей 6–7 веков, когда Рудный Алтай населяла легендарная чужь, древний загадочный народ, о котором не известно ничего, кроме бытующих в народе легенд. Много на территории района и курганных захоронений, в том числе и скифского периода.

На берегу Колыванского озера обнаружено поселение древних металлургов конца 3 – начала 2 тысячелетия до н.э. Среди остатков жилых построек археологи обнаружили 9 плавильных ям, очаг-«горн», обломки орудий и приспособлений. К сожалению, большинство памятников было разрушено при развитии горнозаводского дела, но и сохранившихся вполне достаточно, чтобы представить, как обрабатывали железо и медь наши далекие предки. По реке Змеевка сохранились штольни 15–16 веков до н. э. В нескольких местах найдены остатки древних плавильных печей 6–7 веков, когда Рудный Алтай населяла легендарная чужь, древний загадочный народ, о котором не известно ничего, кроме бытующих в народе легенд. Много на территории района и курганных захоронений, в том числе и скифского периода. Практически почти в каждом районе края есть памятники археологии.

По территории края памятники археологии расположены неравномерно. В большинстве случаев они сосредоточены на больших участках территории в долинах рек, особенно малых, на берегах озер, в пещерах и образуют «территории сосредоточения памятников» – территории, любая деятельность на которых должна регламентироваться требованиями и ограничениями, направленными на сохранение памятников.

Нашивное украшение

Зеркало

Находки скифской эпохи
V века до н.э. – I века н.э.
в Кулундинской степи:
кошачий хищник

Находки скифской эпохи
V век до н.э. – I век н.э. в
Кулундинской степи: архар

9. Схема территориального планирования Республики Алтай: материалы обоснований. ЦНИИП градостроительства РААСН, 2008. (С. К. Регамз – автор раздела, Э.О. Товмасыян – ГАП/ГИП работы, М.Я. Вильнер – руководитель работы.)

Особенно богата памятниками центральная часть края. Крупные территории сосредоточения памятников начинаются от района Барнаула, тянутся вдоль Оби на запад и на юг, где большое количество памятников сосредоточено в пойме Алея и мелких западных притоков Оби. Эти территории распространяются на большие расстояния. Так, например, цепочка памятников в районе Барнаула (вместе с территорией города, где тоже есть памятники) тянется более, чем на 60 км, а памятники вдоль Алея и мелких притоков Оби вместе с соединяющимися с ними памятниками, расположенными в пойме Оби к югу от впадения Алея составляют цепочку длиной более 70 км. Крупная территория сосредоточения памятников находится в Тогульском и переходит в Целинный район. Ее общая протяженность более 50 км.

Очень много памятников в Локтевском, Староалейском, Змеиногорском районах. Здесь территории их сосредоточения образуют целую систему, причем в Локтевском районе они занимают едва ли не больше половины его площади. Самая крупная территория сосредоточения памятников в Локтевском районе имеет размер порядка 50 на 15 км.

Из 2 654 памятников археологии 1 845 (почти 70%) находятся в аварийном состоянии (данные приведены на основании списков, подготовленных НПЦ). К сожалению, причины аварийности в списках не указаны, но с большой долей вероятности можно предположить, что это хозяйственная деятельность, вытаптывание скотом, распашка, разрушения при строительстве и природные процессы. Поскольку основная часть памятников археологии не имеет геодезической привязки и охранных зон памятников археологии, они должны быть разработаны для каждого памятника археологии, при их кучном размещении – для групп памятников.

Республика Алтай⁹

Республика Алтай богата не только памятниками материальной культуры, но и культуры нематериальной, духовной, отраженной в сказаниях, верованиях, праздниках, фольклоре. Исторические материалы заселения края приводят к следующим выводам:

– Многочисленные племена и народы, населявшие в разные эпохи территорию нынешнего Горного Алтая, занимали, как правило, земли, приближенные к источникам воды, лесам, к пастбищам. Они должны были оставить множественные следы их культуры, обычаев, искусства и т.д. Следовательно, наиболее древние и наиболее богатыми памятниками археологии должны быть именно эти районы.

– Памятники археологии должны быть и на разных путях кочевий и миграций, следовательно, они могут встречаться на всей территории республики, в основном на берегах водных пространств – рек, озер. Анализ размещения памятников археологии подтверждает этот вывод.

– Памятники археологии тесно связаны с памятниками природы, например пещерами, которые служили укрытием для народов разных эпох. Поэтому рассматривать их надо в комплексе.

Проблемы, связанные с наличием в республике памятников археологии обусловлены характером и особенностями этих памятников. Археологические памятники, находящиеся на территории Алтая, относятся к одному из следующих периодов:

- каменный век (1 млн – IV тысячи лет до н.э.);
- бронзовый век (IV тысячи лет – I тысяча лет до н.э.);
- железный век (I тысяча лет до н.э. – V век н.э.);
- тюркский период (VI–X века).

Внутри основных этапов близкие по времени и сходные по ряду признаков памятники археологии условно объединены в древние ископаемые культуры, получившие свое название по географическому пункту, где впервые были обнаружены памятники.

Каменный век

Первые люди поселились в долинах Алтая много сотен тысяч лет назад, как об этом свидетельствует всемирно известная Улалинская стоянка, обнаруженная в городе Горно-Алтайске. Во время раскопок Улалинской стоянки были найдены примитивные каменные орудия, сделанные из заготовок, полученных огневой техникой, то есть путем нагревания и резкого охлаждения камней. Улалинские находки относятся к периоду нижнего палеолита, некоторые из них насчитывают более миллиона лет. К более поздним периодам каменного века относятся материалы раскопок пещерных стоянок Денисовой и Усть-Канской (памятник федерального значения) пещер.

Историко-культурное значение имеют также Усть-Гиматская пещера-храм, один из известных буддистских храмов на границе Монголии, Тувы и Алтая, пещера Каминная, грот Куйлу, пещеры Малояломанская, Барлакская и другие. Пещеры, вероятнее всего, использовались в качестве долгих стоянок во время кочевий, заготовок припасов и их хранения, ремонта и изготовления оружия. К каменному веку также относятся стоянки открытого типа, например Кара-Бом, Усть-Сема, Майма, Усть-Куюм.

Период ранней бронзы

Энеолит, переходный период от каменного века к бронзовому, характеризующийся использованием наряду с каменными орудиями бронзовых, представлен в Горном Алтае афанасьевской археологической культурой (конец IV тыс. до н.э. – первая четверть II тыс. до н.э.). Название культура получила от Афанасьевской горы (близ р. Батеньи в Красноярском крае), где в 1920 году был исследован первый могильник этой эпохи. На Алтае племена афанасьевцев расселились от Телецкого озера (по р. Би) и среднего течения Катуня на юге до широты Барнаула на севере.

Формирование афанасьевской культуры связано с переселением на Алтай раннескотоводческих племен протоевропеоидов, занимавшихся отгонным скотоводством. Медь и бронза начали применяться в производстве оружия, орудий труда, предметов быта и украшений. Установлено, что на базе афанасьевской культуры позднее появилась скифо-сибирская культурно-историческая общность. Афанасьевские памятники представлены могильниками и поселениями Балыктуоль, Ело, Кара-Тенеш, Теньга, Большой Толгоек, Арагол, Курота и др.

Погребальные памятники представляют собой оградки, в которых имелись овалы или прямоугольные могильные ямы с перекрытием.

Железный век

В I тысячелетии до н.э. на Алтае появляется культура скифского типа, давшая мировой истории целый ряд уникальных памятников искусства. Скифы, древние кочевые племена Восточной Европы и Западной Азии, обосновались в конце VII–II века до н.э. в Причерноморье и на берегах Каспийского моря. Скифское время на Алтае связано, прежде всего, с пазырыкской археологической культурой ранних кочевников (VII–II века до н.э.). Главным занятием кочевого племени пазырыкских воинов была охота.

Урочище Пазырык расположено на территории Восточного Алтая на высокогорном Улаганском плато в междуречье рек Большой Улаган и его правого притока Балыктуоль. Это небольшая долина, дно которой имеет слегка вогнутую форму с понижением в центре. Хорошо дренирующие грунтовые отложения целиком поглощают незначительные атмосферные осадки. Это высоко ценится древними скотоводами. Поэтому данная местность насыщена археологическими памятниками.

Всего в пределах долины имеется около 40 древних сооружений. Это курганы с каменной наброской, плоские овалы выкладки, оградки и т.п. Среди всех объектов

выделяются пять больших каменных курганов, принесших урочищу мировую известность.

Описываемые курганы дали наименование яркой и самобытной пазырыкской культуре племен Горного Алтая скифского времени. В целом курганы урочища Пазырык, с учетом как собственно археологических, так и естественнонаучных методов, были датированы в пределах V–IV веков до н.э.

В курганах с мерзлотой сохраняются предметы из дерева, кожи, войлока и тканей. Бальзамированные тела, найденные в погребениях пазырыкской культуры, до сих пор являются сенсациями мирового масштаба. Пазырыкцы знали и любили природу, были прекрасными художниками: изображали барсов, орлов, оленей, рисовали фантастических животных. Десятки таких племен появились в степях Евразии, создав культуру, которая была названа скифо-сибирской, по имени наиболее известного племени. После разгрома скифского государства готами скифы растворились среди других племен, предположительно внося свою лепту и в формирование славянского этноса.

Курганы пазырыкского периода выявлены во многих районах Алтая (Улаганский, Онгудайский, Усть-Коксинский, Чарышский и др.). Встречаются как большие, так и малые курганы, причем, как правило, малые курганы – это погребения рядовых кочевников. В 1993 году на плато Укок археологами Новосибирского института археологии и этнографии была сделана уникальная находка бальзамированного тела молодой знатной женщины. Кроме могильников, к периоду раннего железа относятся такие археологические объекты, как поселения, поминальные и ритуальные сооружения, стелы, «оленные камни», петроглифы, оросительные сооружения и др.

В III веке до н.э. пазырыкская культура сменилась гунно-сарматской культурой. За последние 20 лет в Горном Алтае были открыты и исследованы около двух десятков памятников этого периода. К ним относятся могильники Усть-Эдиган, Чендек, Верхний Уймон, Сары-Бел, Булан-Кобы, Белый Бом, Айрыдаш, Курайка и др., а также поселения, городища, святилища: Юстыд, Бертек, Майма, Кучерла и т.д. Культурная и этническая принадлежность этих памятников пока не установлена. Возможно, пазырыкская культура не исчезла бесследно, а трансформировалась в культуру гуннского типа.

Пазырыкская культура Горного Алтая не исчезла бесследно, а трансформировалась в Курганные могильники шибинского периода (от названия урочища Шибе в долине реки Усул) культуру гуннского типа, которая названа «булан-кобинской». В свою очередь булан-кобинцы приняли непосредственное участие в формировании населения эпохи средневековья Алтая, которая открывается тюркским периодом. Тюркское время Горного Алтая представлено разнообразными археологическими памятниками. Наиболее известными из них являются курганы и оминальные комплексы Кудыргэ, Курая, Туекты, Яконура и другие.

К тюркскому времени относятся знаменитые памятники рунической письменности, которых в Горном Алтае обнаружено уже около ста. По размерам и устройству похожи на пазырыкские курганы. В них встречаются вещи китайского происхождения, а в богатых курганах – довольно много золотых вещей.

К эпохе ранних кочевников относят и группу писаниц Центрального Алтая, выполненных способом пунктирной набивки, при котором все изображение заполняется ямочками и точками. Были найдены следы золотых приисков далеких времен. Помимо добычи золота, развивалось на узкоспециализированное скотоводство (коневодство, овцеводство), охота копытных и пушных зверей.

В археологических памятниках VI–X веков, относящихся к тюркскому времени, четко прослеживается связь между гунно-сарматским и тюркским периодами истории Алтая. С богатыми курганами тюркского времени и каменными оградками связаны также «каменные бабы» (кезер таш). Эта группа памятников относится к VI–IX векам.

На Алтае обнаружено более 30 изваяний. Многие были найдены вдоль Чуйского тракта, семь – в Курайской степи. Наиболее выразительные фигуры алтайских тюрков известны в долинах Узунтала, Курая, Каракола, Аргута и Белого Ануя. Обычно каменные изваяния стоят вблизи древнетюркских поминальных оградок. В Горном Алтае известно более 3 000 оградок тюркского времени.

Специального внимания заслуживают петроглифы, наскальные рунические надписи. Петроглифический комплекс «Ялбак-Таш» («Калбак-Таш») является одним из крупнейших в Горном Алтае сосредоточений наскальных рисунков различных эпох – от бронзы до периода этнографической давности.

Исследования 70–80-х годов этого комплекса вызвали огромный интерес во всем научном мире к данному памятнику. Кроме того, «Ялбак-Таш» расположен в непосредственной близости к Чуйскому тракту, что позволяет эффективно использовать его в туризме. На базе данного комплекса предполагается создание музея древнего изобразительного искусства Горного Алтая.

Турачакская писаница. В 1976 году объект обследован А.П. Окладниковым. Гранитные блоки покрыты корочкой пустынного скального загара, под которым проступали следы красной охры. Они показывали крупные фигуры бегущих лошадей. Длина одного из рисунков достигала 225 сантиметров. Находится на левом берегу реки Би у села Турачак.

Петроглифы Сетерлю (святилище). Памятник федерального значения. Расположен в бассейне реки Каракол в Онгудайском районе возле реки Сетерлю. Весь комплекс изображений на специально подготовленной поверхности камня является частью природного святилища.

Граффити Кара-Ойука. Находятся в бассейне реки Чуи на реке Чаган и его правом притоке Ак-Кёл, в 15 км к северо-западу от реки Елангаш. Зафиксировано более 1 200 композиций (выбитые и прочерченные). Аналогичные рисунки обнаружены в Прибайкалье, Забайкалье, в Хакасии, Туве, Монголии.

Значительный интерес представляют Петроглифы Куйген-Кышту. Наскальные рисунки находятся на высоком левом берегу Катунь в Онгудайском районе.

Горный Алтай можно без преувеличения назвать страной петроглифов.

В Горном Алтае сохранились некоторые поселения тюрков. Большая их часть располагалась на горных склонах, в логах или у подошвы гор, что позволяло в случае военной опасности отойти в соседнюю долину. Наиболее известное тюркское городище было раскопано в устье реки Большой Яломан. По мнению исследователей, это был значительный и большой город тюрков.

Исследователями выявлены остатки городища возле села Яломан Онгудайского района. В 2 км к западу от села Малый Яломан находится Яломанское городище, где на высокой террасе, защищенной искусственным вром и земляным валом, располагаются остатки более 80

жилищ, или, вернее, каменная кладка, предположительно – основания построек. Остатки укрепленных бастионов из камней находятся на правом берегу реки Чолушман, недалеко от села Коо Улаганского р-на, на горе Тагай в Усть-Канском районе. Есть мнение, что последний был построен видным политическим и военным деятелем Джунгарского государства Амыр-Саной.

В русских сведениях XVII века есть сведения о теленгитских городках в предгорьях Алтая, о взятии городка теленгитов-телёсов (1642 г.), о городке киргизского князя Талая на реке Упале (1634 г.), где ныне расположен город Горно-Алтайск.

У С.У. Ремезова на карте вблизи устья р. Чолушман нарисован условный знак города.

В фольклорных источниках теленгитов упоминаются ставки ханов типа каменных, медных крепостей.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании городков в горах и предгорьях Алтая. Проблема существования городков ждёт своих исследователей. Археологические памятники, указывающие на существование городков в Горном Алтае, безвозвратно утрачиваются. Так, остался неизученным земляной вал у села Соузга Майминского р-на, расположенный в 500 м от села к югу. Выясняется принадлежность остатков

древнего храма в Кош-Агачском районе, есть упоминание о существовании каменного вала в верховьях реки Чолушман. Как видно даже из этого, далеко не полного, перечня, можно с уверенностью говорить об уникальности археологического наследия Горного Алтая.

По территории республики памятники археологии расположены неравномерно. В большинстве случаев они сосредоточены на больших участках территории в долинах рек, особенно малых, на берегах озер, в пещерах и образуют «территории сосредоточения памятников» – территории, любая деятельность на которых должна регламентироваться требованиями и ограничениями, направленными на сохранение памятников.

Особенно богаты памятниками Чемальский, Онгудайский, Усть-Улаганский, Кош-Агачский районы. Крупные территории сосредоточения памятников находятся в районе сел Эдиган-Куюс вдоль рек Катунь и Эдиган. Здесь памятники тянутся почти непрерывно вдоль Катунь на протяжении 20 км, вдоль Эдигана – на 15 км и располагаются очень кучно. Территория сосредоточения памятников в районе Онгудая продолжается до Тузкты более чем на 30 км. Многие из них – федерального значения. Большая группа памятников федерального

значения расположена в районе села Ело. В Улаганском районе находится знаменитое урочище Пазырык, о котором шла речь выше. Очень большие скопления памятников в Кош-Агачском районе: вокруг села Бертек, у озера Гусиное, вдоль реки Аргмаджи, на плато Укок сконцентрированы сотни памятников.

Особое место в пласте культуры народов Республики Алтай наряду с народными традициями, праздниками, сказаниями, тесно связанными с этнической историей республики, занимает уникальнейшая гора Белуха.

Анализ ситуации в Алтайском крае и Республике Алтай показал, что они по отношению к памятникам археологии имеют общие характеристики: памятники археологии занимают большие территории, в ряде случаев, при их кучном размещении – до многих километров, зачастую собственники или арендаторы земель, на которых находятся памятники археологии, не понимают их ценности и важности сохранения, а также возможностей их использования для создания индустрии туризма в области.

Богатейшее историко-культурное наследие Алтайского края и Республики Алтай требует специального внимания к его сохранению и использованию его потенциала при развитии области. Одновременно его наличие предопределяет комплекс требований и ограничений к использованию территории и объектов культурного наследия при развитии края. Для разработки полноценных мероприятий по его сохранению и использованию, а также для точного определения требований и ограничений при развитии этого региона, необходимы:

- разработка проектов зон охраны памятников для исторических городов;
- разработка зон охраны (или хотя бы их схем с определением ареала композиционного влияния памятников) для всех памятников в сельских населенных пунктах;
- геодезическая привязка и занесение в земельный кадастр всех памятников археологии с их территориями (с этой целью могут быть использованы ГИС);
- разработка охранных зон для памятников археологии, их координирование и занесение границ в земельный кадастр.

Шесть проблем памятников археологии Алтайского края и Республики Алтай:

1. Отсутствие зон охраны историко-культурного наследия для памятников археологии (и архитектуры), координирования и занесения в кадастр недвижимости всех памятников археологии и их территорий.

2. Отсутствие геодезических привязок с вынесением в натуру границ всех памятников археологии, их территорий, а также зон их охраны.

3. Необходимость обеспечения физической сохранности зданий, памятников архитектуры, истории и памятников археологии.

4. Недостаточное обеспечение согласований любой строительной и хозяйственной деятельности для территорий сосредоточения памятников археологии, начиная с отвода участка, определения его допустимого использования и кончая проведением работ под наблюдением археолога. К примеру, во Владимирской области осуществление собственниками или хозяйствующими субъектами каких-либо действий на территориях с памятниками археологии без разрешения археолога карается небольшим штрафом в 100 тысяч рублей¹⁰.

5. Отсутствие постоянного мониторинга за состоянием объектов историко-культурного наследия.

6. Недостаточное понимание гражданами и юридическими лицами ценности наследия, его потенциальных возможностей, его роли в общей культуре региона и страны.

Подведем не совсем радужный итог. Исследователи археологии в преобладающем большинстве, как это ни печально, доживают свой век, можно сказать, без должного к ним отношения и должной памяти. Памятники археологии без памяти... А жаль!

10. Достаточно было 2–3 случаев наложения штрафов, как самостоятельные действия притормозились.

Глазковский некрополь

Будущий музейный комплекс мирового масштаба

История открытия и исследования

«Глазковский некрополь» – общее наименование серии разновременных древних могильников, расположенных на территории Глазковского предместья города Иркутска. Погребальные комплексы, как отмечал М.П. Овчинников, распространялись полосой вдоль реки Ангары, от устья реки Иркут до роши «Звездочка». Большинство древних захоронений было уничтожено в 1887 году во время строительства детского приюта В.П. Сукачева (ныне поликлиника № 5) и в период строительства Сибирской железной дороги на рубеже XIX и XX веков. В границе Глазковского некрополя входит также раннеолитический могильник «Локомотив», западная группа могил которого находится в районе парка имени Парижской коммуны и здания администрации Свердловского района, а восточная – в южной части улицы Джамбула. Могильник «Локомотив» – самый крупный из неолитических могильников Северной Азии, синхронный многим позднемезолитическим могильникам Северной Европы, исследующимися учеными России, Западной Европы, Северной Америки – частично сохранился в условиях современного города до настоящего времени. Территория распространения древних захоронений охватывает участок площадью 50 тысяч квадратных метров.

Археологические раскопки погребальных комплексов во всех случаях провоцировались различного рода земляными работами хозяйственного назначения, в результате чего археологические исследования проводились на разных участках и на незначительных площадях, что оказало существенное влияние на изучение топографии могильника. Первые сведения о разрушении окрашенных охрой погребений относятся к 1897 году, когда срезалось подножье склона возвышенности для прокладки транссибирской магистрали. М.П. Овчинниковым было отмечено захоронение возле дачи «Луна» с двумя стерженьками рыболовных крючков, располагавшихся на черепе костяка.

Еще одна могила была разрушена в 1915 году при рытье котлована под строительство школы № 42. Рабочий Савицкий передал в краеведческий музей фрагменты костяной пластинки, большой вкладышевый кинжал, обломок валуна зеленого нефрита, шлифованный нефритовый нож, нерасколотый клык кабана, роговой стержень и стерженьки рыболовных крючков. Первые профессиональные раскопки могильника провел на территории «Циклодрома» (парк им. Парижской коммуны) в 1927 году М.М. Герасимов. В процессе раскопок были вскрыты две парных могилы с антитезным расположением погребенных, одна могила с ориентировкой погребенных на северо-восток и две одиночных могилы. В 1930-м на углу Александровской и Могиловской улиц (ныне Профсоюзная и Касьянова) одну раннеолитическую могилу вскрыл Г.Ф. Дебец.

Следующее «открытие» древних захоронений произошло на территории парка имени Парижской коммуны в 1946 году. Разрушенные кости неолитического погребения обнаружил в траншее под фундамент здания электроподстанции в парке прораб Труфанов, о чем сообщил в краеведческий музей. Раскопки проводили П.П. Хороших и А.И. Казанцев. В течение двух лет ими было раскопано 20 могил, в которых находились костные останки 32 погребенных. Общая вскрытая площадь составила 160 кв. м.

В 1951 году на бугре у электроподстанции при рытье ямы для громоотводного столба рабочим Кульчицким было разрушено еще одно древнее захоронение. Собранный в выбросе ямы материал и кости он передал в геологический музей Иркутска. В сентябре 1952-го у стадиона «Локомотив» Л.Н. Иваньевым при участии П.В. Серебрянникова и А.Я. Хабитуевой было вскрыто еще одно захоронение. Погребенный находился в вытянутом на спине положении на глубине 0,85 метра от современной поверхности и головой был ориентирован на северо-восток, засыпка охрой слабая. Погребальный инвентарь состоял из различных предметов из камня и кости.

На углу улиц Маяковского и Джамбула (в настоящее время здесь указатель «Свердловский район») в 1958 году студентом геологического факультета Иркутского университета О. Кульчицким было обнаружено еще одно погребение. Эту могилу раскопал П.П. Хороших при участии А.И. Казанцева и студентов историко-филологического факультета университета В.В. Свирина, Г.И. Медведева и П.Б. Коновалова.

В 1966 году при расширении проезжей части улицы Джамбула было разрушено бульдозером не менее шести могил, окрашенных охрой (устное сообщение В.В. Свирина). В исследовании принимали участие Н.А. Савельев, Г.М. Зайцева. В середине августа 1980 года студенты института иностранных языков при рытье траншеи на западной экспозиции склона лога на расстоянии 15 метров к северу от забора электроподстанции разрушили древнее захоронение. Кости, окрашенные охрой, и предметы сопровождающего инвентаря они принесли в лабораторию археологии Иркутского госуниверситета. По требованию руководства лаборатории земляные работы были немедленно прекращены и организованы археологические спасательные работы. Раскоп площадью 625 кв. метров охватил участок парка севернее электроподстанции, где раскапывал древние захоронения П.П. Хороших.

В период с октября 1981 по 1997 год включительно на территории парка и по левой стороне улицы Маяковского, возле автобусной остановки «Райсовет» сотрудниками лаборатории археологии и студентами исторического факультета ИГУ было вскрыто 58 могил, содержащих

текст
Владимир Базалийский

человеческие погребения, и одна – захоронение волка. На могильнике «Локомотив», начиная с 1897 года, известно о раскопках 87 погребальных комплексов. Подсчитать количество могил, разрушенных в результате различного рода земляных работ и градостроительной деятельности, невозможно, но оно выражается трехзначной цифрой. До настоящего времени в парке сохранились нераскопанными еще не менее 50 могил.

Музейная значимость

Могильник представлен грунтовыми погребальными комплексами, в которых надмогильные и внутримогильные сооружения отсутствовали. Могильные ямы заложены с нижнего уровня красновато-бурого суглинка, соответствующего голоценовому климатическому оптимуму. Захоронения совершались в овальные или, реже, прямоугольные в плане ямы глубиной 0,3–2,2 метра от уровня закладки. Длина ям варьирует в пределах 1,6–2,2 (захоронения взрослых), ширина – 0,4–1,2 метра. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток и юго-запад. По количеству погребенных в одной могиле комплексы подразделяются на индивидуальные, парные (двойные), тройные и групповые (4–8 субъектов).

В этих комплексах зафиксирован богатый и разнообразный погребальный инвентарь. Наиболее многочисленную категорию предметов составляют шлифованные стержни к составным рыболовным крючкам. В отдельных захоронениях их количество достигает 150 единиц. Второй по численности категорией являются резцы тарбагана, которыми, по всей вероятности, расшивалась одежда и головные уборы и которые в древних верованиях, предположительно, должны были символизировать связь верхнего мира (живых людей) и нижнего мира (мертвых). Наконечники стрел из кремня встречаются гораздо реже, чем стержни к составным рыболовным крючкам. Их количество в отдельных захоронениях не превышает 30 единиц. Кроме упомянутых предметов, в могилах находились шлифованные теса и ножи из нефрита и сланца, скребки, песты, шлифованные плоские остроконечники из нефрита и шифера, разнообразные абразивы, составные вкладышевые орудия, острия и кирки из кости и рога, гарпуны, ложки, игольники с иглами, большое количество заготовок и сырья из камня, кости и рога, челюсти бобра, лисы и других мелких хищников, а также клыки медведя, волка, кабарги, других животных. Керамика обнаружена только в трех могилах. Украшения представлены многочисленными подвесками из расщепленных клыков кабана и клыков марала, кальцитовыми кольцами, диадемой из рога, бусами из пиррофиллита и перламутра. Предметы мелкой пластики состоят из резных скульптур голов лосей из рога, шлифованных сланцевых рыбок-приманок, крупных скульптур рыб из лопаток лосей и сильно стилизованных

антропоморфных скульптур из кости. Днища могильных ям, костные человеческие останки и погребальный инвентарь окрашены охрой. Сохранность археологического и антропологического материала хорошая.

Возрастная динамика смертности, прослеженная на материалах могильника «Локомотив», отмечает незначительное преобладание мужчин над женщинами, высокий процент индивидуумов зрелого возраста и невысокий процент детских захоронений. В одной могиле с захоронением мужчины отмечена трепанация черепа, в результате которой наступила смерть. Особенностью раннего неолита байкальского региона и могильника «Локомотив», в том числе можно назвать отсутствие черепов в могилах. Из 124 черепов не обнаружены у 29. Как удалось проследить на некоторых скелетах, черепа (головы) отчленились между вторым и третьим шейными позвонками. Средняя продолжительность жизни погребенных людей составляла 30–32 года. В рационе питания преобладала рыбная диета, подтверждающаяся археологическими данными (погребальный инвентарь) и результатами анализа химического состава костей. Данная популяция относится к древнему недифференцированному монголоидному краниологическому типу. Согласно серии из 117 радиоуглеродных дат, захоронения на могильнике производились 7–6 тысяч лет назад.

На могильнике находились не только захоронения людей. В 1995 года в процессе археологического обследования территории отвода под строительство нового здания Свердловского райсовета, на левой стороне улицы Маяковского, рядом с остановкой «Райсовет» было обнаружено преднамеренное захоронение волка. Скелет волка зафиксирован в овальной в плане яме, продольной осью направленной по линии север – юг, на глубине 0,86–0,92 метра от современной поверхности. Волк покоился на левом боку с несколько приподнятой по отношению к телу головой, с поджатыми к корпусу лапами в динамичной позе, головой ориентирован на юг. Между локтевыми и коленными сочленениями волка, чуть ниже ребер, зафиксирован череп мужчины в анатомическом порядке с первым и вторым шейными позвонками. К западу от передних лап отмечено овальное пятно, окрашенное охрой. Возраст волка – 9 лет + 1 год, сезон смерти – июль-август. Погребение дикого зверя произошло 7,3 тысячи лет назад, на 300 лет раньше захоронений могильника «Локомотив». Могила волка является единственной в мире. Преднамеренные захоронения волков, за исключением описанного случая, археологии неизвестны.

По ритуалу и инвентарю могильник «Локомотив» относится к китайской культуре в неолите прибайкальского региона. Первые погребальные комплексы этой культуры были раскопаны Н.И. Витковским в 1880–1881 годах на могильнике в устье реки Китой, на левом берегу Ангары. К настоящему времени известно 27 местонахождений могильников и отдельных погребений, относящихся к китайской культуре и укладывающихся в хронологический период 7.2–6.0 тысяч лет назад. Наиболее древним на могильнике является захоронение волка, которое, возможно, послужило началом создания этого огромного ранне-неолитического некрополя.

В заключение хотелось бы отметить, что в данном могильнике чрезвычайно ярко проявились особенности погребального ритуала, которые в значительно меньшей степени, а иногда как исключение, встречались в остальных могильниках раннего неолита Байкальской Сибири. Это, прежде всего, антиitezное расположение погребенных в совместных захоронениях, оригинальные групповые могилы, наличие значительного количества скелетов без черепов, уникальный палеоантропологический и археологический материал. Благодаря огромной научной и познавательной значимости могильника, его единственному в мире географическому положению – практически в центре современного города – этот археологический памятник несомненно заслуживает музеефикации. К настоящему времени разработана концепция музея, есть эскизные проектные проработки.

Археологическое наследие в контексте современного города. Иркутск

Современное понимание археологического наследия История человечества насчитывает более трех миллионов лет. А отрезок человеческого бытия, который отражен в той или иной мере в письменных источниках, не превышает пяти тысяч лет. Поэтому мы можем представить, как развивалось человечество только по следам и остаткам его деятельности. Ведь даже письменные источники не отражают всю полноту жизни того или иного общества, или искажают реальность. Следы и остатки прошлого человеческой деятельности с местом их обнаружения, отложениями, в которые они включены, определяются как археологические объекты. Совокупность последних международным сообществом¹ рассматривается как археологическое наследие.

Большинство объектов археологического наследия визуально не определяется, для их обнаружения необходимы особые методы поиска – раскопки. А исследовательская процедура предполагает использование особых приемов и подходов междисциплинарного характера, в которых исключается оценка с точки зрения обыденного сознания. Сам археологический объект как особое природно-культурное образование является фактически летописью природных и культурных событий. Изучая его, мы можем восстановить не только картину человеческого существования во многих ее аспектах, но представить и природную обстановку, в которой жил человек, проследить динамику природных и культурных изменений.

Специфика археологических объектов и стратегии их исследований закреплено в международном и российском правовом поле, где археологическое наследие выделено как особый вид культурного наследия, оно определяется как источник «коллективной памяти и инструмент исторических и научных исследований»². В российском законодательстве

закреплено особое положение археологического наследия: «Объекты археологического наследия находятся в государственной собственности»³. Международные нормы и правовая основа в области охраны археологического наследия определили политику в области его сохранения на национальных уровнях, где основными направлениями являются выявление, учет и регистрация, исследование, сохранение и использование объектов археологического наследия.

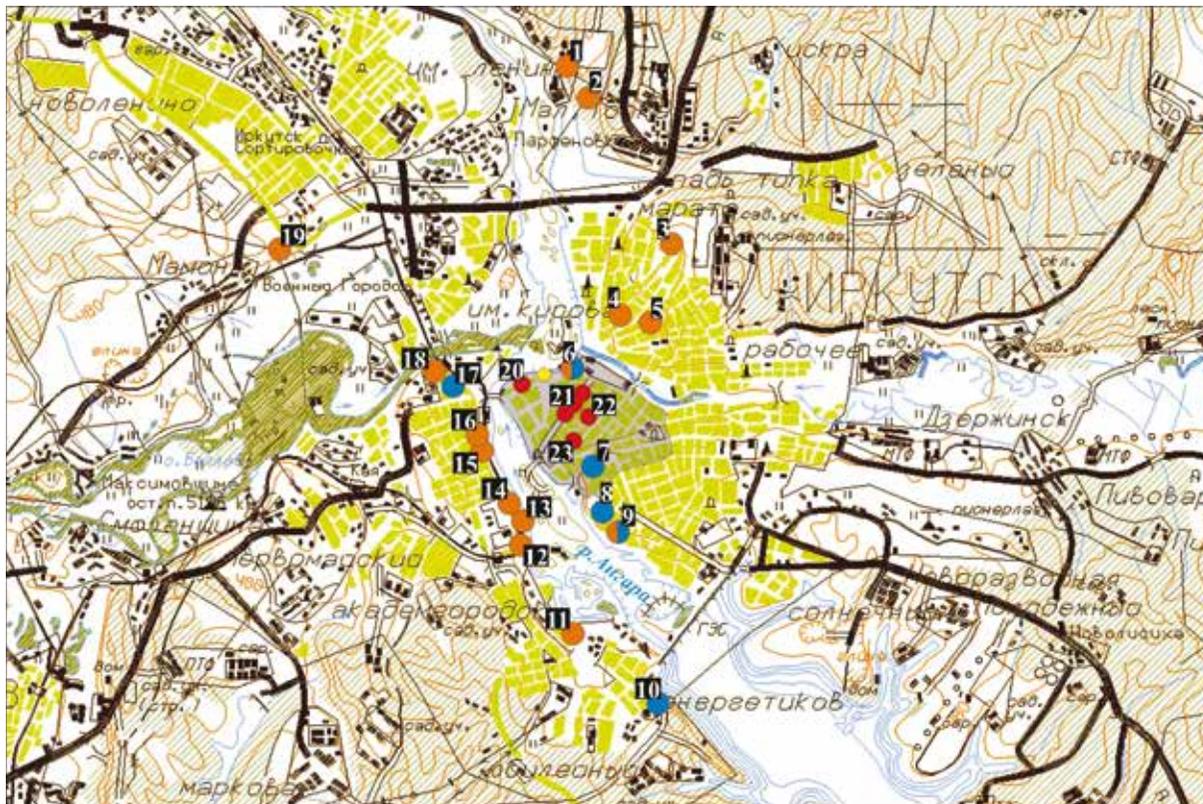
Одним из основных направлений в системе охраны культурного наследия, в том числе и археологического, является его сохранение на территориях, в пределах которых реализуется какой-либо экономический проект. Регуляция этого процесса привела к тому, что в настоящее время сохранение культурного наследия входит в структуру стратегической экологической оценки проектов, планов, программ и стратегий развития⁴. Это закреплено в ряде директивных документов Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Стандартах деятельности по социальной и экологической устойчивости Международной финансовой корпорации (МФК)⁵.

Территория современного города с точки зрения охраны культурного наследия является реализацией непрерывного экономического проекта. Эта специфика городских образований обусловила формирование особого направления археологических работ – городскую археологию. В зону внимания последней входят все аспекты, связанные с охраной объектов археологического наследия, независимо от их хронологического статуса.

Особенности археологического наследия Иркутска В истории российской археологии Иркутск занимает особое место. Здесь в 1871 году открыто первое в России палеолитическое местонахождение – Военный госпиталь.

текст
Наталья Бердникова
Галина Воробьева
Екатерина Липнина
Герман Медведев

1. Хартия по охране и использованию археологического наследия. 1990; Европейская конвенция об охране археологического наследия. 1992.
2. Европейская конвенция... 1992.
3. Ст. 49, п. 3 федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». 2002.
4. Экологическая оценка и экологическая экспертиза. М.: Эколайн, 2000. 192 с.
5. Руководство по операционной политике, процедуре и практике. Технический документ Всемирного Банка. 1991; Инструкция по экологической оценке проектов области энергетики и промышленного производства. Технический документ Всемирного Банка № 154. 1994; Политика ЕБРР в отношении охраны окружающей среды. 2003, 2007; Стандарты деятельности по социальной и экологической устойчивости Международной финансовой корпорации. 2006.

КАРТА РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКА

- стоянки; ● могильники и погребения; ● участки исторического культурного слоя;
- центральная историческая часть; ■ место Иркутского острога.

Карта расположения археологических объектов на территории Иркутска

- 1 – Верхолеская Гора-I;
- 2 – Верхолеская Гора-II;
- 3 – стоянка им. Арембовского;
- 4 – Военный Госпиталь;
- 5 – Шапова;
- 6 – Усть-Ушаковка;
- 7 – Крестовоздвиженская церковь;
- 8 – Горохово;
- 9 – Лисиха;
- 10 – Межовка;
- 11 – Кузьмиха;
- 12 – Иркутск-мост;
- 13 – Царь-Девичья;
- 14 – Титово;
- 15 – Роцца Звездочка;
- 16 – Глазковская церковь;
- 17 – Глазковский могильник;
- 18 – Переселенческий пункт, им. Герасимова;
- 19 – Мамоны-П; 20 – ул. Чакова;
- 21 – ул. К.Маркса;
- 22 – ул. Б.Хмельницкого;
- 23 – ул. Грязнова.

6. Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов». М.: Госстрой России, ИНРЕКОН, 2001.

На территории города исследован один из самых первых в России неолитический могильник, известный под названием Глазковский могильник, или могильник «Локомотив» 4hfmbsbh8nk. Существование более 300 лет городского поселения сформировало исторический культурный слой как особое археологическое образование, в котором заключена еще одна летопись Иркутска.

Насыщенность городской территории одновременными археологическими объектами позволяет рассматривать Иркутск как своеобразный археологический феномен. Эта уникальность нашла подтверждение и в статусе исторического города, который Иркутск имеет с 1970 года. А историческим может считаться город, который является уникальным градостроительным комплексом памятников археологии, истории, архитектуры, и, который, помимо различных объектов культурного наследия, имеет «сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой, представляющий археологическую и историческую ценность».⁶

Культурный слой Иркутска, в широком понимании, сформировался в результате длительного заселения человеком территории в пределах современной городской черты. Удобное географическое положение территории в месте впадения в Ангару двух довольно крупных ее притоков – Иркуты и Ушаковки (Иды), разнообразие рельефа и ландшафтов привлекали человека с древних времен. А как собственно городское образование, Иркутск – явление относительно позднее (XVII век), его основание связано с появлением русских. Поэтому при археологических исследованиях на территории города мы сталкиваемся с двумя группами археологических объектов, которые, с одной стороны, имеют свои особенности, но, с другой – имеют много общего в динамике своего формирования. Эти две группы соответствуют двум этапам освоения территории, занятой современным городом.

Догородской этап освоения территории представлен культуросодержащими отложениями (то есть геологическими отложениями с включенными в них культурными остатками) археологических объектов: ограниченными по площади стояночными и могильными комплексами, отдельными находками и погребениями, отражающими эпизоды освоения человеком ландшафтов. На сегодняшний день в пределах городской черты известно более 60 археологических объектов от древнекаменного века (палеолита) до средневековья. Эти архео-

логические объекты являются единственными источниками по ранним этапам освоения территории, на которой располагается современный город.

Самые ранние археологические объекты на территории Иркутска относятся к верхнему или позднему палеолиту в хронологическом диапазоне от 40 (50) до 10 тысяч лет назад. Археологические объекты палеолитического возраста располагаются в отложениях террасовых уровней, склонов с отметками от 15 до 116 м от уреза Ангары. Имеются сведения о нахождении в 1953 году в карьере Лисихинского кирпичного завода (правый берег Ангары) на глубине 8 метров в погребенной почве (возможный возраст около 100 тысяч лет назад) остатков мамонтовой фауны со следами искусственной обработки. К палеолитическим объектам относятся Военный госпиталь, стоянка им. Арембовского, Шапова I-III, Переселенческий Пункт, стоянка им. Герасимова, Мамоны II, нижние горизонты Верхоленской горы I, Роща «Звездочка», а также отдельные пункты нахождения археологического материала. Имеются радиоуглеродные возрастные даты для стоянки Шапова I – 239900 ± 1285 лет назад; для стоянки им. Герасимова – $36\,750 \pm 380 - 26\,985 \pm 345$; для стоянки Мамоны-II – $31400(150)$; для Военного госпиталя – $22900(500, 29700(500)$; для третьего культурного горизонта Верхоленской горы-I – $12570(180)$ лет назад.

В комплексах палеолитических стоянок найдены различные каменные орудия, а также костяные изделия. Среди каменных орудий из кварцита, диорита, яшмы, аргиллита, кремня отмечаются нуклеусы, бифасы, скребки, скребла, резцы, долотовидные изделия, острия, ножи, чопперы, чоппинги. К костяным изделиям относятся стержни из бивня мамонта, долота, гарпуны, обоймы от вкладышевых орудий, остроконечники, отжимники, заготовки игл, рыболовный крючок, колотушки из основания рога благородного оленя, изделия из обрезанных лопаток крупных млекопитающих, обломки рогов со следами обработки.

На ряде стоянок найдены уникальные изделия из кости и камня, которые относятся к предметам палеолитического искусства. В коллекции Военного госпиталя – сфероид из бивня мамонта; цилиндрические подвески с биконическим отверстием в центре, орнаментированные параллельными прочерченными линиями; кольца-браслеты из бивня мамонта; подвески из зубов марала с биконическим отверстием. На сто-

Иркутск. Строение отложений на ул. Чкалова.

Догородские слои:

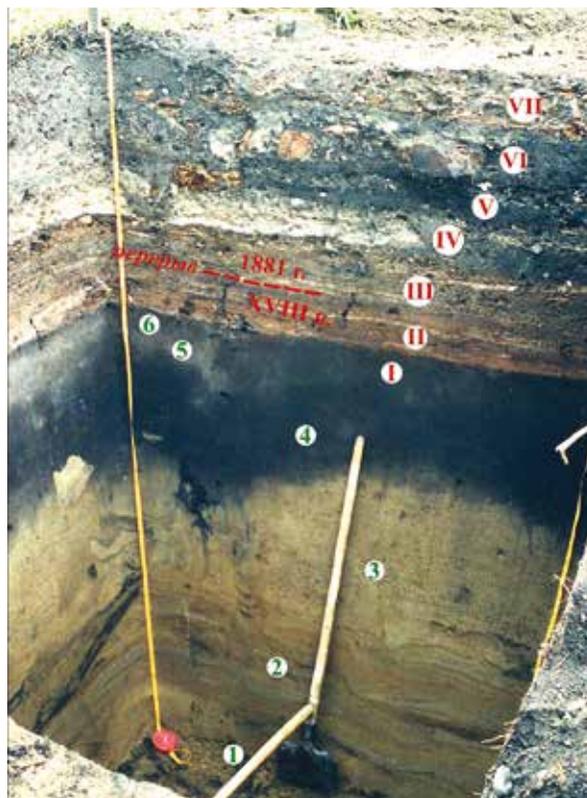
1 – русловая фация аллювия (возраст не ясен); 2 – пойменная фация аллювия (24 – 14 тыс. л. н.); 3 – субэральные отложения (14 – 10,3 тыс. л. н.); 4 – луговая почва (10,3-4,5 тыс. л. н.); 5 – гумусовые горизонты (4,5 тыс. л. н. до второй половины XVII в.); 6 – антропогенно-преобразованные гумусовые горизонты – начало городского этапа освоения.

Культурогенные слои:

I – конец XVII – начало XVIII вв.; II – XVIII в.; III – первая половина 80-х гг. XIX в.; IV, V – конец XIX – начало XX вв.; VI – первая половина XX в.; VII – вторая половина XX в.

Иркутск. Разрез отложений на ул. К. Маркса:

1 – современное асфальтовое покрытие; 2 – булыжная мостовая (начало XX в.); 3 – песчаное дорожное покрытие (1880-е – 1890-е гг.); 4 – гравийная дорожная засыпка (после 1811 г. до 1879 г.); 5 – культурогенные суглинки (XVIII в.); 6 – догородские отложения (финал плейстоцена – ранний голоцен).

янке Шапово-I найден фрагмент перфорированного шлифованного диска. На стоянке им. Герасимова найдены фрагмент кольца («браслета»), изготовленного из талькита; фигурная по очертанию «подвеска» с биконическим отверстием на конце и насечками по контуру; круглое миниатюрное изделие, плоское с двух сторон, с широким краевым ободом, сплошь покрытым ювелирно тонкими, линейными, вертикально ориентированными насечками и неглубокой округлой каверной в центре одной из плоскостей, а также орнаментированное изделие из рога оленя с «продавленными» линиями «узора».

Комплексы последних 10 тысяч лет в археологическом плане определяются как раннеголоценовые и относятся к мезолиту, неолиту, палеометаллу и средневековью. Мезолит – неолитические объекты на территории Иркутска характеризуются стоянками, могильниками и отдельными захоронениями. Эти археологические объекты располагаются на отметках от 10–12 до 30–40 метров от уреза Ангары. Среди них стоянки Верхоленская гора-I (верхние культурные слои), Верхоленская гора-II, Царь-Девица, Титово, Лисиха, Кузьмиха, Иркутск-мост (левый берег), Глазковская церковь и др. В стояночных комплексах найдены остатки полуземлянок; присутствуют многочисленные нуклеусы, скребки, скребла, наконечники стрел, ножи, галечные грузила для сетей, тесла, абразивы, остатки рыболовных крючков, на неолитических местонахождениях появляются разнообразные керамические сосуды.

Уникальность территории Иркутска определяет наличие древних могильников – Лисихинского, Гороховского, Глазковского некрополей (с исследовательскими участками «Циклодром», «Локомотив»), и отдельных погребений. Основное количество захоронений относится к китойской раннеолитической культуре (7,5–6,5 тысяч лет назад). Среди общего числа раскопанных захоронений встречались погребения, отнесенные и к более поздней (бронзовый век) глазковской культуре. Известны захоронения раннего железного века – Усть-Ушаковка и средневековые погребения. Одно обнаружено у Крестовоздвиженской церкви; второе – в местности Межовка (недалеко от плотины Иркутской ГЭС). В последнем умерший погребен по обряду кремации; также отмечены остатки деревянного сруба и специально захороненные кости барана. Погребальный инвентарь состоял из железных наконечников стрел, предметов конского снаряжения и бытового назначения (железные скоба, пластина, кресало). Датировка этого захоронения – VIII–IX века нашей эры.

Городской этап освоения территории есть уже процесс непрерывного обитания. В археологизированном состоянии он выражается в виде культурогенных отложений, или урбаноземов, которые собственно и являются историческим культурным слоем. Эти отложения сформировались в результате длительного функционирования мест обитания человека.

Интенсивные исследования исторического культурного слоя Иркутска проводятся в последнее десятилетие. В результате удалось восстановить историю освоения некоторых городских территорий, проследить динамику природных и антропогенных процессов, то есть положено начало написанию истории Иркутска по археологическим данным. Изучение культурогенных отложений позволило по-новому взглянуть на некоторые исторические сведения. Результаты археологических исследований не столько дополняют складывающуюся на основе письменных источников схему, сколько предлагают ее вариант, во многих отношениях более достоверный и наполненный конкретным предметным материалом, который в современной жизни практически утрачен.

Комплексный междисциплинарный характер археологических исследований культурного слоя Иркутска позволил: выявить различные события, связанные как с особенностями освоения человеком территории, так и с экстремальными природными ситуациями; определить исходные ландшафты, которые существовали до появления здесь первых русских поселенцев в XVII веке; выявить формы первоначального освоения территорий; проследить развитие городской жизни; наметить пути соотношения летописных и геоархеологических данных. Корреляция этих событий с различными письменными источниками позволяет произвести датировку того или иного слоя.

Иркутску повезло больше, чем другим городам Сибири, поскольку были составлены летописи городских событий, начиная со дня его основания. Эти опубликованные летописи доведены до 1940 года⁷, что дает большие возможности по корреляции событий, реконструированных по результатам археологических исследований, с письменными источниками, позволяет составить собственно археологическую хронологическую шкалу по культурным отложениям Иркутска.

В исторических культурных отложениях Иркутска выделена определенная группа природных и культурных событий, которые оставляют следы в культурных отложениях. Это: 1) землетрясения, которые характерны для территории; 2) наводнения, с определенной регулярностью происходившие в пределах центральной исторической части Иркутска; 3) пожары, особенно те, которые охватывали большую часть города, например городской пожар 1879 года; 4) этапы заселения и виды освоения тех или иных участков исторической территории города; изменения в планировочной градостроительной структуре города; 5) изменения в морфологии и технологии изготовления тех или иных артефактов (керамики, деревянных изделий, металлических предметов, изменений в технологиях строительства).

Собственно культурогенные отложения представлены отдельными слоями с остатками щепы, коры, костей, битого стекла, многочисленных остатков керамической, стеклянной и фарфоровой посуды, также и без них. Эти слои свидетельствуют о различных видах деятельности иркутян. В культурогенной толще отмечаются остатки срубов домов, погребов, остатки изгородей. Уникальной можно считать находку на улице Чкалова остатков плетня, которым маркируется граница усадебной парцелляции, она соответствует границе усадеб на планах второй половины XVIII века. На улице Карла Маркса в нижних культурогенных слоях вскрыта траншея шириной более 1 метра и глубиной около 0,70 метра, где по центру располагались остатки изгороди в виде нижней части кольев диаметром около 4–5 см. Возможная датировка этой изгороди – XVIII – начало XIX века.

По различным природным и культурным событиям выделены реперные уровни обитания, которые позволили датировать определенную часть бытовой культуры (кухонная, столовая посуда, структура питания) населения Иркутска в 60–80-е годы XIX столетия. Следует отметить существование в этом временном интервале близких технологических традиций в изготовлении керамических изделий, выраженных в приемах лепки, оформлении дна, венчиков сосудов и общем облике сосудов, а также присутствие керамических изделий с глазурью, в основном зеленого цвета. В более ранних уровнях находок (XVIII – начало XIX века), выделенных в отложениях на улице Богдана Хмельницкого, найдены остатки керамических сосудов, которые имеют отличный от более поздних находок облик. Это свидетельствует об иной технологической традиции в гончарном производстве.

Информативность археологических объектов

Помимо предметного археологического материала, археологические объекты предоставляют возможности решать архитектурно-реставрационные задачи, восстановить окружающую среду: ландшафты, растительность, климат, температурный режим; определить природные катаклизмы, их генезис, интенсивность и регулярность. На основе таких данных возможно предложить разнообразные прогнозные сценарии.

Палеоландшафты. На левом берегу Ангары в результате проведения геоархеологической экспертизы и археологических спасательных работ в районе строительства нового моста через Ангару прослежена динамика изменений ландшафтов на протяжении голоцена в период интенсивного освоения этой территории человеком. Результаты изучения почв дают основание предполагать, что на исследуемом участке долины Ангары в одном и том же хроносрезе сосуществовали разные ландшафты с разнообразной растительностью. В раннем голоцене на данной территории еще присутствовала «вечная» мерзлота, но шло интенсивное ее таяние и развивалось переувлажнение почв. Здесь могло быть редколесье, ельники или

7. Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). – Иркутск, 1911; Колмаков Ю.П. Иркутская летопись. 1661–1940. – Иркутск, 2003; Летописи Иркутска XVII–XIX вв. – Иркутск, 1996; Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857–1880. – Иркутск, 1914; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск, 1993; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. – Иркутск, 1994.

Иркутск. Стоянка Шапова.
Каменный
шлифованный диск

лиственничная тайга. В среднем и позднем голоцене на 10–12-метровой террасовидной поверхности – развивалась степь; на 14–16-метровой – разреженные березовые леса; на склоне до отметок 20–21 метр – березовые и смешанные леса; на склоне выше – смешанные леса и сосняки. Такое размещение растительности было предопределено характером почв и грунтов, особенностями ветрового и водного режима.

На правом берегу Ангары в центральной исторической части Иркутска выявлены разнообразные исходные (догородские) ландшафты. У Иркутского острога существовали луговые ландшафты с довольно высокой травой, редкой кустарниковой и древесной растительностью. На участке, который осваивался с середины XVIII века (ул. Б. Хмельницкого), исходная поверхность характеризовалась низкоплодородными намытыми образованиями, сформировавшимися на месте деградировавших наледей, формировавшихся в зоне линейного понижения рельефа. Можно предполагать, что здесь были представлены угнетенные кустарниковые ассоциации. На центральной городской улице – К. Маркса – ближе к реке Ушаковке исходные почвы формировались под лесной растительностью. Вполне реально, что здесь мог произрастать строевой лес. На некоторых участках характер почв свидетельствует о хорошем травянистом покрове, что может быть в случае изреженного характера древостоя на этом участке (лесная поляна). В районе улицы Грязнова перед началом городского освоения территории рос смешанный лес, с хорошим травостоем.

Экстремальные природные события. В строении отложений фиксируются следы разнообразных экстремальных событий. На левом берегу Ангары в зоне строительства нового моста получены данные, которые не вписываются в господствующую концепцию геологического развития территории и требуют переосмысления истории развития долины реки Ангары, по крайней мере в районе Иркутска. Формирование террасового ряда на этом участке не связано с речной деятельностью, а обусловлено тектоническими процессами, которые привели к ряду катастрофических событий. Особенно масштабные события тектоногенного плана происходили в среднем плейстоцене. Они привели к уничтожению значительной части толщи рыхлых отложений и к выбросу на палеосклон галечно-песчано-пылеватого материала, образовавшего толщу мощностью 5–9 метров. Возможно, именно эти события были спровоцированы появлением (оживлением?) Ангарского разлома – наиболее крупного и относительно молодого разрывного нарушения на юге Приангарья. Активность тектонических процессов по Ангарскому разлому на этом участке прослеживается на протяжении всего позднего плейстоцена. Основные сейсмические события имели место примерно 16, 14 и 12 тысяч лет назад, они привели к уничтожению верхнеплейстоценовых отложений на отдельных участках. Активизация Ангарского разлома и деятельность Байкальского рифта, сопровождающиеся землетрясениями различной силы, отмечается и в современности.

В строении культурогенной толщи также фиксируются следы землетрясений. Например, на улице Б. Хмельницкого отмечен микросброс с амплитудой три сантиметра, азимут падения – 265°, угол падения – 60°. Деформация по времени заложения соответствует Цаганскому землетрясению.

Элементы падения обнаруженной сбросовой трещины соответствует направлению сейсмических волн, пришедших с востока. Цаганское землетрясение по сейсмостатике является одним из самых сильных в Восточной Сибири. Наиболее мощные толчки произошли 11 и 12 января (по новому стилю) 1862 года, авершоки же продолжались в течение 16 месяцев. Эпицентр землетрясения приурочен к тектоническому блоку, ограниченному активными разломами сбросового характера в районе дельты реки Селенги. Во время главного удара землетрясения блок, длиной 36 км, шириной до 20 км, был сброшен на 8 метров, при этом Цаганская степь опустилась под уровень Байкала и образовался залив Провал. Магнитуда Цаганского землетрясения – 7,9; интенсивность – не менее 10 баллов. Землетрясение охватило площадь около двух миллионов квадратных километров. В Иркутске во время главной фазы землетрясения (12 января, 14 час. 18 мин.), которая продолжалась полторы минуты, были повреждены многие церкви, во всех каменных зданиях образовались трещины. Землетрясение сопровождалось сильным гулом, треском замершей земли, льда на реках.

В культурогенных отложениях на улице Чкалова отмечены следы зимних паводков в виде включений гальки, характерных для Ангары до ее зарегулирования гидростанциями (зимние паводки регулярно отмечались в летописях).

Антропогенные преобразования рельефа. К антропогенным преобразованиям рельефа можно отнести следующие действия: изменение структуры почвенного покрова; выравнивание поверхности (засыпка понижений, срезание повышений); перекопка: пашни, огороды, раскорчевка, копка различных ям; очистка поверхности от результатов какой-либо антропогенной деятельности или от результатов природных процессов и явлений; деятельность и создание конструкций для защиты от природных процессов или для их оптимального использования; накопление результатов антропогенной деятельности.

Сложная геоморфологическая ситуация территории центральной исторической части Иркутска обуславливало то, что на разных этапах функционирования городского поселения преобладали те или иные действия. Одни действия являлись процессом непрерывным, вторые – длительными или постоянно возобновляющимися, третьи – носили характер разовой акции.

Изменения структуры почвенного покрова. Этап антропогенного преобразования исходного почвенного покрова является начальным этапом функционирования городского поселения. Отмечается переуплотнение исходной поверхности, что позволяет предполагать ее использование в качестве пастбища или сенокоса (ул. Чкалова).

Выравнивание поверхности (засыпка понижений, срезание повышений). Этот вид деятельности в процессе освоения городского пространства, особенно на ранних этапах развития города, имел большое значение. Неровный рельеф городской поверхности, на которой отмечается ряд понижений, в том числе и линейных (некоторые из них являлись ложбинами стока), высокий уровень грунтовых вод обусловили высокую степень заболоченности и подтопленности территории. Например, на улице Б. Хмельницкого в тальвеге бывшей пади отмечена регулярная подсыпка территории, преследанию которой способствовала постоянная эрозия, сопровождавшая процесс деградации наледей, существовавшей в тальвеге пади. На проезжей части улиц также постоянно шел процесс выравнивания исходного бугристого и мелко-бугристого мезо- и нанорельефа. Этот процесс хорошо прослеживается на проезжей части улицы К. Маркса.

Перекопка: пашни, огороды, раскорчевка, копка ям различного форм и размеров. Одним из основных процессов в городском пространстве является перекопка отложений. Для ранних этапов городского освоения характерны раскорчевка участков под пашни (ул. К.Маркса); перекопка под огороды; различные ямы хозяйственного назначения, а также копка ямы под фундаментом строений.

Очистка поверхности от результатов какой-либо антропогенной деятельности или от результатов природных процессов и явлений. Очистка поверхности на ранних эта-

8. Оценка современного состояния грунтовых вод в зоне исторической застройки города Иркутска // Институт современной коры СО РАН, 1997. Архив СООКН, № 555.

пах функционирования городской территории носила разовый характер, она проводилась, прежде всего, после больших пожаров и, возможно, после наводнений. В культурном слое Иркутска зафиксирован процесс очистки городской территории после большого пожара 1879 года, когда вместе с гарью убирались и нижележащие более древние отложения, если они не отличались по цвету (ул. Чкалова, Б. Хмельницкого).

Деятельность и создание конструкций для защиты от природных процессов или для их оптимального использования. Прежде всего, достаточно длительное время на территории центральной части Иркутска шел процесс осушения заболоченных участков. На проезжей части улицы К. Маркса отмечаются участки, на которых были положены гати из березового фашичника. Для защиты от наводнений вдоль Ангары по современному бульвару Гагарина и вдоль Ушаковки в XIX веке были сооружены защитные насыпные дамбы.

Накопление результатов антропогенной деятельности. Постоянная хозяйственная деятельность на городской территории и то, что очистка территории носила эпизодический характер, приводили к постоянному накоплению остатков антропогенной деятельности. На незастроенные участки усадеб и на проезжую часть выкидывались остатки пищи, обломки утвари. Отмечаются участки, на которых велось ошкуривание бревен, замес извести. При изменении функции участка отмечается новая подсыпка грунтами под огороды. Некоторые участки дворов благоустраивались и засыпались шлаком, выкладывались кирпичом.

Благоустройство улиц. Долгое время никаких специальных действий по благоустройству не предпринимались. Повышенная влажность многих отдельных городских участков (в основном за счет высокого уровня грунтовых вод), отсутствие хорошо дренирующихся участков с песчаными отложениями приводило к тому, что из-за отсутствия стока на улицах Иркутска образовывались лужи.

В культурогенной толще на проезжей части улицы К. Маркса, в нижней ее части, которая представлена суглинками с органомными остатками (щепы, древесная труха, фрагменты костей), со следами оглеения на местах бывших луж и многочисленными колеями от тележных колес, иногда с подсыпкой мелким гравием («хрящем»), видно, что главная улица города довольно долгое время представляла собой просто грязное месиво. Мало того, жители выливали помой прямо на проезжую часть, поскольку в отложениях встречено большое количество костных остатков от домашних животных, отдельные фрагменты керамики, древесные остатки. Над ними расположены слои галечной-гравийной засыпки мощностью в некоторых местах до 0,80 м. Это значит, что засыпка улицы «хрящем» проводилась регулярно и в течение достаточно длительного времени. Строение этого слоя слоистое, выделяется до нескольких уровней разновременной засыпки. Сам слой очень плотный за счет цементации жидкой пылеватой-глинистой грязью, которая проникала между отдельными засыпками. Самый первый, нижний слой гравийной засыпки может быть датирован 1811 годом, когда началось мощение улиц города гравием и галькой («хрящем»). Самая поздняя засыпка, видимо, могла быть произведена в конце 70-х годов XIX века. Это в какой-то мере подтверждают и находки монет в этом слое (в средней части поднята монета 1845 года, в верхнем – 1870-х). Перекрывает гравийно-галечную засыпку слой мелкого плотного, хорошо утрамбованного однородного песка, который является своеобразным дорожным покрытием. Это покрытие, скорее всего, появилось после упомянутого пожара 1879 года. В этом слое найдены отдельные предметы, а также хорошо были видны следы от тележных колес. В начале XX столетия на улице К. Маркса покрытие стали менять на булыжную мостовую из овальных крупных галек (длина 15–20 см), которые были поставлены вертикально и уложены очень плотно друг к другу. Мостовая укладывалась на подушку из среднезернистого рыхлого песка. Уже в советское время галечная мостовая была закрыта асфальтовым покрытием в 3–5 слоев на отдельных участках.

Планировка рельефа. Особо следует отметить перепланировки городских улиц и кварталов, которые приводили к

кардинальным изменениям исходного рельефа, уничтожению существовавших ландшафтов, культурных и исходных отложений. Все описанные процессы привели к выравниванию рельефа центральной исторической части Иркутска и повышению высоты поверхности. Особенно интенсивно они стали развиваться со второй четверти прошлого века. Это показывает реестровый план Иркутска 1929 года, на котором еще сохранился исходный догородской рельеф, несмотря на почти 300-летнюю историю развития городской территории.

Современные геоэкологические ситуации. Помимо следов природных катастрофических событий в культурогенной толще и подстилающих ее догородских, естественных отложениях, выявлены и следы современных техногенных нарушений. Например, на улице Б. Хмельницкого зафиксирована высокотемпературная аномалия отложений, связанная с утечкой высокотемпературных вод, выявленных Институтом земной коры СО РАН⁸. Нашими работами зафиксировано расширение площади этой аномалии. Утечка горячей воды привела: 1) к повышенной (примерно до 40°C) температуре грунтов; 2) к повышенной влажности грунтов; 3) к развитию процессов оглеения; 4) к активизации микробиологических процессов разложения органических остатков. В создавшихся условиях могут активно развиваться не только целлюлозоразрушающие микроорганизмы, но и многие другие, в том числе патогенные. Поэтому попадание в такой почвогрунт болезнетворных организмов, где они получают благоприятные условия для длительного поддержания своей жизнедеятельности, в том числе и в зимний период, представляет повышенную опасность для населения центра города, жителей домов.

Архитектурные конструкции. В Иркутске, в отличие от Европейской части России, отсутствует практика архитектурно-археологических исследований при реставрации памятников архитектуры. Эти работы многими воспринимаются как помеха в подготовке и реализации проектов реставрации. Известно только три случая архитектурно-археологических исследований на территории Иркутска: в 1967 году архитектор-реставратор Г.Г. Оранская привлекала археологов для открытия нижней части стен и фундаментов Спасской церкви и в 2007–2008 годы подобные работы были проведены в Знаменском монастыре и опять на Спасской церкви. При исследованиях у здания Спасской церкви выявлена конструкция фундамента колокольни, которая до сих пор оставалась «вещью в себе». Также были открыты остатки фундамента северного пристроя и изучена его конструкция. Получены данные о специфике формирования фундаментов для других строений XVIII века. Прослежена техника строительства каменных стен в начале XVIII века, сооружения столбовых конструкций, тыновой острожной изгороди.

Динамика городского освоения и археологическое наследие

Одним из основных постулатов современной российской градостроительной практики является отрицание всего культурного наследия. Создается впечатление, что в основу всех градостроительных концепций положен принцип «с чистого листа». Культурное наследие воспринимается как помеха городскому развитию. Вопросы сохранения культурного наследия при городском строительстве до сих пор, в основном, решаются не перспективно, а по ситуации.

Особенно сложной является проблема сохранения археологического наследия. Если утраты архитектурного объекта можно восстановить по сохранившимся документам или аналогам, то любые нарушения археологического объекта ведут к невосполнимым потерям. Во многих государствах сохранение археологического наследия является государственной политикой. В России же до сих пор проведение комплекса охранных мероприятий воспринимается, исходя из сиюминутной выгоды, как «тормоз экономического развития».

В Иркутске яркими примерами такой политики могут являться уничтожение части объекта археологического наследия Верхоленская Гора–I при строительстве ЛЭП в начале 1980-х, серьезный конфликт с городской админис-

Иркутск. Стоянка им. Герасимова. Изделие с насечками

Иркутск. Стоянка им. Герасимова. Орнаментированное изделие из рога

Иркутск. Стоянка им. Герасимова. Подвеска

Иркутск. Стоянка им. Герасимова. Фрагмент кольца (браслета)

9. Ст. 49, п. 3 федерального закона «Об объектах культурного наследия...».

трацией при строительстве дорожной развязки в районе могильника «Локомотив» и стоянки «Переселенческий Пункт» в районе улицы Джамбула в середине 1990-х. Особенно показательной является ситуация, возникшая в 2007 году при строительстве жилого комплекса на территории того же Переселенческого Пункта, когда при рытье котлованов была разрушена часть древней стоянки, содержащей уникальные предметы палеолитического искусства.

литература

- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска : Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. – Иркутск, 2003
- Воробьева Г.А., Генералов А.Г. Новое палеолитическое местонахождение Мамоны II // Дуловские чтения 1997 г. : Секция арх. еологии и этнографии : материалы докл. и сообщ., окт. 1997. – Иркутск, 1997. – С. 31–33.
- Генералов А.Г., Медведев Г.И., Заграфский С.И., Слагода Е.А., Базалийский В.И., Туркин Г.В., Тютрин А.А. Каменный век Южного Приангарья. Иркутский археологический район. Т.1. – Иркутск, 2001.
- Голенецкий С.И. Землетрясения в Иркутске. – Иркутск, 1997.
- Исаев А.Ю., Краснощекоев В.В. Новый археологический объект в городе Иркутске // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С. 114–115
- Краснощекоев В.В., Луньков А.В., Николаев В.С., Песков С.А. Результаты археологической экспертизы в зоне строительства нового мостового перехода через р. Ангара (левый берег) в г. Иркутске // Экология Байкала и Прибайкалья : тез. докл. Всерос. науч.-практич. молодеж. симпозиума. Ч. 1. – Иркутск, 1999. – С. 129
- Ларионов Д.Д. Губернский город Иркутск. (Пожары 22 и 24 июня 1879 г.). – Иркутск, 1880.
- Ларичев В.Е., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Когай С.А. Ангарский палеолит: у истоков «художественного творчества» ранних homo sapiens Восточной Сибири и начало обретения ими протонаучных знаний о природе // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Б.Э. Петри, Иркутск, 3–6.05.2009. – Иркутск, 2009. – С. 249–264
- Леженко И. Мост между прошлым и будущим // Земля Иркутская. – 2000. – № 12. – С. 48–50.
- Леженко И.Л., Лыхин Ю.П. Указатель археологических памятников города Иркутска. – Иркутск, 1986.
- Леженко И.Л., Пержаков С.Н., Николаев В.С., Луньков А.В., Краснощекоев В.В., Песков С.А., Дзюбас С.А., Стерхова И.В., Засухина Е.И. Спасательные работы в зоне строительства нового мостового перехода через Ангару в Иркутске // Археологические открытия 1999 года. – М. : Наука, 2001. – С. 257–258.
- Мезолит Верхнего Приангарья: памятники Иркутского района. Ч. 2. – Иркутск, 1980.
- Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана, использование. Вып. 2. – Иркутск, 2002. – С. 85–100.
- Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Сибирская археологическая полевая школа : путеводитель экскурсий / Н.Е. Бердникова, Г.А. Воробьева, О.И. Горюнова, Е.А. Липнина, Г.И. Медведев, А.В. Мироманов, Е.О. Роговской, С.П. Таракановский, Е.А. Слагода, Е.Б. Ощепкова. – Иркутск, 2007.
- Сейсмическое районирование Восточной Сибири и его геолого-геофизические основы. –Новосибирск, 1977. [http://www/ifc.org/ifcext/enviro.nsf/AttachmentsByTitle/pol_SocEnvSustainability2006/\\$FILE/SustainabilityPolicy.pdf](http://www/ifc.org/ifcext/enviro.nsf/AttachmentsByTitle/pol_SocEnvSustainability2006/$FILE/SustainabilityPolicy.pdf)
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири / Медведев Г.И., Воробьева Г.А., Савельев Н.А., др. – Иркутск, 1990.

Стоянка получила название им. Герасимова в честь первого исследователя, всемирно известного антрополога и археолога, нашего земляка М.М. Герасимова. При проведении инженерно-геологических работ в 2006 году у здания Спасской церкви геологическими шурфами разрушены три погребения первой половины XVIII века. Последняя ситуация просто поражает своей неадекватностью, когда сохранение одного архитектурного объекта культурного наследия решается за счет разрушения другого объекта наследия – археологического (некрополя первой половины XVIII века, являющегося частью археологического объекта «Иркутский острог»). Сами же аварийно-спасательные археологические раскопки на территории памятника-храма воспринимаются большинством как выемка грунта, тем самым низводя сложнейшие исследовательские работы до простейших земляных работ.

К сожалению, до сих пор при сохранении объектов археологического наследия не учитывается такой аспект как использование этих объектов. Так не реализована идея начала 1980-х создания уникального музейного комплекса, в котором были бы представлены для открытого показа раннеолитические захоронения могильника «Локомотив» в парке Парижской Коммуны. Очевидна необходимость создания археологического музейного комплекса на территории Иркутского острога, которая частично нарушена при первых реставрационных работах Спасской церкви, при строительстве мемориального комплекса «Вечный Огонь», бомбоубежища, при проведении коммуникаций, при благоустройстве, озеленении.

По отношению к археологическому наследию в полной мере должны реализовываться принципы, провозглашенные Конституцией Российской Федерации: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (ст. 44 (п. 3)). А власть имущим, стоящим на страже государственных интересов, не следует забывать, что «объекты археологического наследия находятся в государственной собственности»⁹, и сиюминутный приоритет того или иного экономического проекта не должен превалировать над сохранением культурного достояния россиян, разрушение, уничтожение которого ведет к исчезновению источника «коллективной памяти». Больше – к дезинтеграции, деградации общества.

Иркутский острог: археологические открытия

текст

Наталья Бердникова
Иван Бердников

1. Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911.
2. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: очерки по истории города. Иркутск, 1958; Копылов А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР. 1960. № 5. С. 165–166; Шахеров В.П. Форпост в Прибайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 2–8.
3. Бубис Н.Г. Иркутск острожного периода // Земля Иркутская. 2001. № 17. С. 13–17; Шахеров В.П. Указ. соч.

Иркутский острог – место первого городского поселения, всегда вызывал большой интерес, как у жителей города, так и у историков. Он расположен на правом берегу Ангары, недалеко от места впадения в нее правого притока – Ушаковки – и напротив впадения левого притока – Иркуты. Время и место основания Иркутска до сих пор является дискуссионным. По одной из версий, в 1652 году небольшой отряд казаков под командой Якова (или Ивана?) Похабова построил укрепленное зимовье на небольшом острове в месте впадения Иркутска в Ангару¹. Русские остров назвали Дьячим, зимовье – «Иркуцкий». Имеются сведения и о более ранних датах возникновения этого зимовья и существований других зимовий еще до появления Иркутского острога. Но возведение самого Иркутского острога на основании донесения Якова Похабова относят к 1661 году².

За период своего существования Иркутский острог не раз перестраивался, часть деревянных строений сгорела в пожарах, приказная изба в стене острога – первое каменное строение Иркутска – из-за подмыва берега Ангарой была разобрана. К концу XVIII века последние строения оборонного сооружения были снесены, территория расчищена. В первой половине XIX столетия на месте острога был организован публичный сад³. К концу XIX – началу XX веков, когда в Иркутске стали активно развиваться археологические иссле-

довании, от Иркутского острога сохранилась только здание Спасской церкви, которое фиксировало его южную стену. Информация об остроге сохранилась только в письменных свидетельствах и устной традиции. Неполнота и спорность информации о месте первого иркутского поселения вызывала неподдельный интерес к территории Иркутского острога как к археологическому объекту, поскольку только раскопки могли дать представление о его облике.

Краткая история археологических исследований территории острога

Первые археологические работы по изучению территории Иркутского острога проводил А.М. Станиловский, вероятно, в 1902 году⁴. В том году на Тихвинской площади вели земляные работы – от самой Ангары, от арки Цесаревича, по всей Тихвинской площади рылась канава глубиной более одной сажени под трубы для бань Иванова. Станиловский несколько раз осматривал канаву, собрал некоторые находки, на глубине 1/2 аршина им отмечены погребения в колодах вдоль ограды церкви. Он отметил, что небольшая глубина, на которой находились захоронения, связана с тем, что на этом месте часть отложений была убрана и увезена. У ограды Богоявленского собора им же найдены остатки сруба и полусгнившие лиственничные столбы, которые, как он считает, являются остатками тына острога.

Следующие работы на территории острога были проведены в 1928 году группой членов Восточно-Сибирского отдела русского географического общества (ВСОРО) под руководством профессора Иркутского государственного университета С.Н. Лаптева⁵. На глубине 25–30 см обнаружен фундамент канцелярии, а также основания некоторых других построек. Раскопана и часть кладбища на восточной стороне острога. Гробы были изготовлены из колотых лиственничных досок, толщиной 5–6 см. Вдоль восточной стороны острога на глубине около 50 см были вскрыты и нижние концы тына острожной ограды. Под влиянием этих раскопок известным иркутским художником Б. Лебединским был создан цикл граверных реконструкций Иркутского острога, а В. Манассеиным составлено первое подробное историко-археологическое описание острога⁶.

На долгие годы археологические работы на территории Иркутского острога были прерваны, и лишь в 1967 году, в связи с началом реставрационных работ на Спасской церкви, сотрудниками Иркутского краеведческого музея и Иркутского государственного университета проведены раскопки на участке, прилегающем к церкви (А.М. Георгиевский, Н.А. Савельев, В.В. Свинин и др.). По заданию автора проекта реставрации архитектора Г.Г. Оранской по внешнему периметру здания были выкопаны траншеи шириной 1 м, глубиной 80–90 см, которыми обнажены первоначальные отметки цоколя. Траншеями были вскрыты захоронения XVIII века.

Для проведения археологических работ Оранская дала следующие указания: «При проведении раскопок не следует увлекаться захоронениями, не имеющими художественной ценности, а также заглубляться ниже отметки –1,0 м ниже верха существующего цоколя»⁷. В процессе этих исследований, помимо раскопок у здания церкви, проводилась шурфовка и на территории острога. Из-за установки автора проекта реставрации археологические работы были непродолжительными, имели ограниченный характер и, фактически, не завершены. При планировке территории вокруг церкви, когда на расстоянии 5–6 метров был удален грунт до уровня цоколя здания («грунт удалялся трактором “Беларусь” с осторожностью»⁸), часть захоронений была уничтожена. В 1986 году при прокладке инженерных ком-

муникаций у Спасской церкви, видимо, на юго-восточном углу, сотрудником Иркутского областного краеведческого музея В.И. Смотровой были собраны остатки 10 захоронений, коллекция из которых хранится в Иркутском областном краеведческом музее⁹.

Все эти археологические работы имели случайный или ограниченный характер.

Археологические исследования 2007–2008

В конце 2007-го – начале 2008 года удалось провести археологические исследования на территории Иркутского острога у здания Спасской церкви на большой площади единым раскопом. Работы выполнялись Иркутским госуниверситетом по заказу Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области в рамках комплексных научных исследований в составе очередного проекта реставрации, а именно с необходимостью усиления фундаментов. Исследования имели экстраординарный характер, поскольку впервые в истории иркутской археологии раскопки проводились на больших площадях в зимних условиях.

Раскопки велись у апсиды, вдоль северного и южного фасадов объема храма и вдоль южного фасада колокольни. У западной и северной стен колокольни работы проводились на ограниченных площадях. В общей сложности вскрыто около 350 квадратных метров поверхности, раскопаны захоронения кладбища, обнажены остатки фундаментов каменной городской стены (ограды церкви?), тыновой стены острога (?), остатки деревянных опор галереи храма, остатки крылец, фундаментов. Также встречены и отдельные разрозненные находки.

Исследование строения отложений показало, что острог и Спасская церковь построены на первой надпойменной террасе Ангары. Высота ее исходной поверхности во

Спасская церковь. Общий вид павильона-теплица над археологическими раскопками вдоль южного фасада

4. Станиловский А.М. О раскопках близ Спасской церкви в Иркутске / Тр. ВСОРО. № 7. 1912. С. 178–181.
5. Лаптев С. К материалам по истории Иркутска // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 13–17.
6. Лебединский Б. Иркутский острог: краткий исторический иллюстрированный очерк. Иркутск, 1929; Манассеин В.С. Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Изв. Общества изучения Вост.-Сиб. края. Иркутск, 1936. Т. 1. С. 6–25
7. Журнал архитектурного надзора 1967–1969 гг. Спасская церковь, собор Богоявления / Г.Г. Оранская. Архив СООКН.
8. Там же. Л. 8
9. Добрынина Е.А. К вопросу об археологических раскопках у Спасской церкви в Иркутске // Земля Иркутская. 2008. № 1(34). С. 64–69.

Остатки тыновой ограды (ранней острожной стены?)

Расчистка погребения и фундамента колокольни

10. Акулич О.А., Крючкова Т.А., Полунина Н.М. Во имя Спаса Нерукотворного Образа: документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006 гг. Иркутск, 2008.
11. Леви К.Г., Задонина Н.В., Бердникова Н.Е., Воронин В.И., Глызин А.В., Язев С.А., Баасанджав Б., Нинжбагдар С., Балжинням Б., Буддо В.Ю. 500-летняя история аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии. Иркутск, 2003.
12. Исследования проведены в лаборатории биоиндикации растений СИФИБР СО РАН, автор кандидат биологических наук В.И. Воронин.

Фундамент колокольни с западной стороны

время строительства церкви составляла шесть метров над урезом реки. Особо следует отметить находки, которые свидетельствуют о догородском этапе освоения территории. Найдены кремневая призматическая пластина в яме среднеголоценового возраста (неолит) и призматический кремневый микронуклеус (финальный палеолит).

Вскрыты разнообразные конструкции. У северной части колокольни обнаружена траншея шириной 30–35 см, глубиной 70–75 см, в ней – тыновая изгородь в виде остатков вертикально поставленных бревен (31 шт.) диаметром 15–20 см плохой сохранности. Мы не можем пока достоверно определить из-за небольшой площади вскрытия, является ли эта изгородь острожной стеной.

Несколько неожиданной находкой стали остатки основания каменной стены около апсиды, предположительно, на месте деревянной острожной стены постройки 1693 года. По летописным сведениям в 1716 году в Иркутске был большой пожар, в результате которого сгорели многие деревянные постройки острога, в том числе и здание ранней деревянной Спасской церкви, и часть острожной стены с башнями.¹⁰ О том, как восстанавливалась острожная стена, в письменных источниках имеются упоминание, что в 1717 году «начато в Иркутске строительство каменной

Остатки северного (утраченного) крыльца

городской стены».¹¹ Стена подходила непосредственно к зданию церкви и располагалась перпендикулярно ей, здесь она разрушена строительными траншеями 1960–80 годов, южная ее часть была нарушена в процессе функционирования кладбища. Под каменную стену выкопана прямоугольная в плане траншея, глубиной 0,45–0,50, шириной 1,80 м с вертикальными стенками. В ее основании положены куски желтого юрского песчаника, который жители Иркутска называли серовиком или серовичным камнем. Сверху песчаник засыпан кусками битого кирпича и залит известковым раствором.

На южной стороне обнаружены ямы с остатками бревен, которые являлись опорами галереи и навеса над крыльцом, в одной из ям обнаружен фрагмент деревянной плахи (для трамбовки грунта в процессе засыпки ям). Здесь же найдено несколько больших прямоугольных плит песчаника, которые были уложены в основании крылец, на боковых поверхностях плит видны параллельные борозды, образовавшиеся при обтеске камня. Конструкция первоначального крыльца, скрытого под современным крыльцом, зафиксирована у северного фасада объема храма. Для него была выкопана яма с наклонными внутрь стенками глубиной 0,70 и длиной 1,30 м, на дне ямы насыпан слой гальки, залитый известковым раствором, а сверху уложены две прямоугольные плиты песчаника толщиной 50 см. У южного фасада церкви отмечена также мелко фрагментированная надгробная плита из блока песчаника, надписи на которой не читаются.

В раскопе на южной стороне найдены две стенки из кирпича неясного предназначения, сильно пострадавшие при проведении первых реставрационных работ, большинство кирпичей имеют клейма. У южной стены колокольни вскрыты остатки фундамента сложной конструкции – площадка, засыпанная битым кирпичом, кусками песчаника, все это залито известковым раствором. В разрезе прослеживается яма глубиной до одного метра, засыпанная крупной и средней галькой, вдоль стен траншеи фундамента вертикально поставлены песчаные плиты.

Еще одна важная находка: с северной стороны храма обнажен фундамент придела, с залеганием на глубину 20 см. Сначала обнажилась засыпка траншеи в виде битого кирпича, залитого известковым раствором, толщиной до 70 см. Траншея имела вертикальные стенки с расширением в верхней части, длина около 5, ширина 1,10, глубина 1,20 м. Под ней находилась конструкция кирпичной кладки, кирпичи уложены в два ряда, дно траншеи так же выложено кирпичом в один ряд, часть конструкции разобрана. Внутри кирпичной кладки находится «тумба», сложенная из пяти друг над другом плит песчаника толщиной 15–20, длиной 70 и шириной 50 см. Остальное пространство между кирпичными стенками было засыпано битым кирпичом с кусками известня.

Под юго-западным углом колокольни вскрыты конструкции фундамента, под него были выкопаны траншеи с вертикальными стенками, расширяющимися кверху; ширина низа ямы – 50–60 см, глубина – 1,20–1,50 м. На дне ямы уложены бревна диаметром 40–70 см, под ними вскрыта лежня (бревна диаметром 15–25 см). Траншеи и бревна выходили за пределы стен колокольни на два метра. Сами траншеи и деревянные конструкции засыпаны битым кирпичом с отдельными включениями кусков песчаника и залиты известковым раствором. По спилу бревен дендрохронологическим методом было установлено¹², что они были уложены в 1750–1752 годы, то есть специально заготовлены для строительства колокольни.

Захоронения первопоселенцев и посадских
Всего в раскопах на участке погоста вскрыто 379 захоронений. Основной массив могил располагался вдоль восточного и южного фасадов церкви, с северной стороны их меньше. Могилы ориентированы в основном по линии запад-восток (что соответствует ориентации церкви), погребенные – головой на запад. Захоронения

Фундамент демонтированного в 1970-е годы северного придела

«Тумба» из песчаника внутри кирпичной кладки фундамента (цоколя) северного придела

осуществлялись по христианскому обряду – в вытянутом положении на спине, отмечается разнообразие в положении рук. Усопших клали в дощатые гробы и колоды, последние характерны для детских захоронений, более половины погребенных – новорожденные и недоношенные дети. Могильные ямы грунтовые, в плане проявлялись только в нижней части, в двух случаях в засыпке ям обнаружены кости животных. Погребения, как правило, располагались ярусами.

Каменная стена, вскрытая с восточной стороны, как бы разделила кладбище на две части: одна – внутри острога, вторая – за тыновой стеной, со стороны посада. Захоронения с восточной стороны, перед стеной, образовывали четко обозначенные небольшие группы; глубина залегания могил – до полутора метров, отмечается вариативность ориентации погребений относительно здания и между собой. Здесь же вскрыто погребение в так называемом «склепе» из кирпича, в нем находились останки мужчины в частично сохранившемся двубортном сюртуке (или мундире) с позолоченными пуговицами. Особенности могильного сооружения позволяют предположить достаточно высокий социальный статус погребенного, что подтверждается и антропологически. На этом же участке вскрыто коллективное захоронение, в котором кости уложены с нарушенным анатомическим порядком. Встречено и погребение, в котором находилась только крышка гроба и часть стенок.

У южной стены храма и на участке у апсиды с внешней стороны плотность погребений увеличивается по сравнению с восточной частью в пределах острога. Глубина могил, как правило, около одного метра. Отмечаются коллективные захоронения, в основном женщины с детьми. Встречено два погребения, в которых умершие ориентированы по линии север – юг, перпендикулярно зданию церкви.

Во многих захоронениях, включая и детские, найдены православные нательные кресты. Общее количество их составило около 234 единиц, от простых медных, бронзовых, оловянных до сложнокомпозиционных, серебряных, золотых, покрытых разноцветной эмалью. Обнаружен и уникальный крест – деревянный.

В двух погребениях рядом с умершими найдены фрагменты китайской фарфоровой и стеклянной посуды. Сохранились кожаная обувь, иногда с металлическими пряжками, головные уборы с золотым шитьем, кружевные металлизированные повязки, пояса, тесьма, пуговицы, медные монеты, серьги, подвески, кольца, заколки, булавки. В двух погребениях на крышке гроба металлизированной лентой выложен крест. Найдены монеты чеканки 1735–1748 годов, фарфоровая китайская чашечка, изготовленная во время правления императора Юн Чжена (1722–1735).

Особенно выделяется группа более ранних захоронений, которые располагались у алтарной части в пределах территории острога. Они отличаются от остальных ориентацией и глубиной могильных ям. Не исключено, что захоронения принадлежат кладбищу первой, деревянной церкви, здание которой находилось в глубине острога,

Разрез каменной стены со стороны алтаря

ближе к Ангаре. Ориентировочно эти погребения можно датировать концом XVII – первой третью (?) XVIII века. К этой же группе можно отнести несколько детских захоронений у северного фасада церкви.

Следует отметить, что разнообразные строительные работы на острожной территории в разное время нанесли большой ущерб археологическим комплексам. В период первых реставрационных работ при планировке территории и рытье траншей вдоль фундаментов разрушена часть погребений. В северной части траншеи под коммуникации (газоснабжение Вечного Огня, тепломагистраль и др.) также уничтожены захоронения и острожные конструкции. Дополнительные работы по подводу коммуникаций к церкви (музею) в середине 1980-х продолжили разрушения. В этих траншеях нами зафиксированы разрозненные кости и череп, залитые бетоном. В 2006 году геологическим шурфом (изыскания для второй реставрации Спасской церкви) разрушено еще три погребения.

Но, несмотря на варварское отношение к археологическому объекту «Иркутский острог», при проведении строительных работ, работ по благоустройству, как и реставрационных работ на здании Спасской церкви, в результате проведенных раскопок в 2007–2008 годах собран огромный фактический материал об острожном периоде Иркутска. Выявлены конструктивные особенности оборонительных сооружений, раскрыты неизвестные ранее фрагменты как существующих, так и утраченных строений острога, Спасской церкви. Получены новые материалы по православному обряду погребения в Сибири первой половины XVIII века. Собранная коллекция антропологического материала, сопровождающего погребального инвентаря уникальна и представительна. Со временем, после соответствующей научной обработки, эти материалы будут экспонироваться в городских музеях.

Сектор культурного наследия института «Иркутский Промстройпроект»

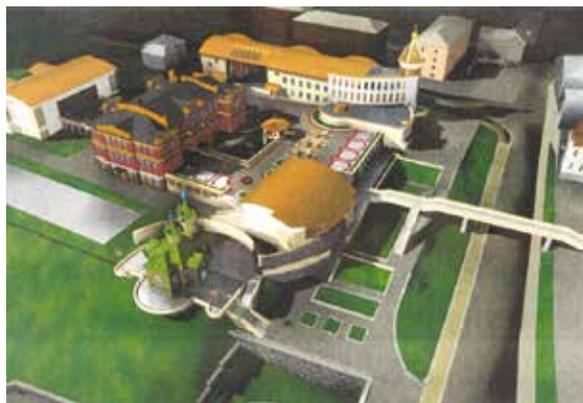
Совсем недавно в Иркутске произошло неординарное событие: в разгар мирового экономического кризиса один из самых старых и крупных институтов региона – ОАО «Иркутский Промстройпроект» – создал в своей структуре новое подразделение – Сектор культурного наследия. Казалось бы, кризис. Казалось бы, традиционно, судя по названию, эта проектная организация не имеет, не должна иметь отношения к такой деликатной теме, как «культурное наследие». На самом деле институт давно и плодотворно занимается реставрацией памятников истории и культуры, реконструкцией архитектурных, градостроительных объектов, в том числе исторических садов, парков. Достаточно назвать некоторые значительные иркутские объекты:

- «Здание Иркутского отделения Госбанка СССР» по ул. Ленина, 16 (сегодня Иркутское управление Госбанка России);
- «Здание гостиницы “Централь”, “Модерн”, “Россия”» по ул. Ленина, 13 (Театр юного зрителя, административно-торговое здание);

- «Дом Н.П. Попова» по ул. Чехова, 23 (когда-то Областная библиотека им. Молчанова-Сибирского, ныне торговое здание);
- «Дом Перетолчина» по ул. Сухэ-Батора, 6 (отделение Госбанка России);
- один из объектов усадьбы И.С. Хаминова «Попечительства о слепых» по улице Пятой Армии, 28 (Общество слепых);
- здание железнодорожного лицея № 42 по ул. Профсоюзной, 3;
- здание Богородице-Казанской церкви в селе Усть-Куда Иркутского района;

Градостроительные,
историко-ландшафтные объекты:

- Проект планировки центральной исторической части (Кировского района) города Иркутска;

- фрагмент реликтовой Кайской роши (территория курорта «Ангара»);
- сквер имени Кирова;
- сквер с памятником Ленину на углу улиц Ленина и К. Маркса;
- сквер с памятником М. Горькому на углу улиц Ленина и Горького.

Как посчитало руководство, это новое-старое для института направление не только актуально сегодня, но и бесспорно перспективно. Особенно, когда областные и городские власти объявили приоритетом развития экономики региона туризм, который в ближайшие годы должен прийти во многом на смену сырьевому и производственному (промышленному) секторам. Это связано с включением в туристические схемы не только озера Байкал, уникальной сибирской природы, но и исторических городов, сел, в общем, тех самых памятников истории и культуры. А их для этого сначала надо привести в порядок, то есть отремонтировать, отреставрировать.

Многолетний опыт работы в проектом бизнесе и лицензия Федеральной службы Росохранкультуры на осуществление деятельности по сохранению объектов культурного наследия позволяет ОАО «Иркутский Промстройпроект» выполнять весь спектр научно-исследовательских, научно-

проектных, экспертных работ как по отдельным объектам, так и по комплексам:

- функция генпроектировщика;
- различные научные исследования, обоснования;
- разделы охраны объектов культурного наследия в составе проектов нового строительства, реконструкции объектов недвижимости и застройки, градостроительной документации;
- научно-проектная документация в полном объеме для сохранения (реставрации) объектов культурного наследия;
- реконструкция архитектурных объектов;
- схемы расположения памятников и историко-архитектурные опорные планы;
- проекты зон охраны объектов культурного наследия;
- реконструкция исторической застройки, историко-градостроительных ансамблей;
- историко-культурная экспертиза научно-исследовательской и проектной документации;
- освидетельствование выполненных работ.

ОАО «Иркутский Промстройпроект»

Адрес: 664025, Иркутск, ул. Степана Разина, 6

Тел.: (3952) 211-596, 344-042; Факс: (3952) 344-048

E-mail: archiv@ipsp.ru, internet: www.ipsp.ru

Генеральный директор Заиграев Анатолий Самуилович

Музей Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества: проект реставрации

текст
Татьяна Гусева

фото
Алексей Чертилов

Ансамбль построек музея Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО) – главный корпус, здание консерватора музея (библиотека), ворота, ограда – был построен в Иркутске в 1882–1891 годы в мавританском стиле по проекту архитектора Г.В. Розена на углу улицы Большой (сегодня Карла Маркса) и Набережной Ангары (бульвар Гагарина). Указом президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 года музейный комплекс поставлен на государственную охрану федерального значения. За все время существования ансамбль не менял своего первоначального назначения, и сегодня это основные экспозиционные площадки Иркутского областного краеведческого музея.

В 2005–2009 годы научно-проектной реставрационной мастерской (НПРМ) «Традиция» на субподряде у ОАО «Иркутский Промстройпроект» по заказу Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области выполнена архитектурно-строительная часть проекта реставрации и приспособления этого интересного во всех отношениях ансамбля. Комплексные научные исследования (2005–2006) содержат разделы: 1. Архитектурно-археологические обмеры обоих зданий музея; 2. Историко-архивные и библиографические изыскания, историческая записка, архитектурно-стилистический анализ; 3. Фотофиксация. Несколько позже также НПРМ «Традиция» разработана стадия «Проект» (2008–2009), в текущем году в завершении находится рабочая документация.

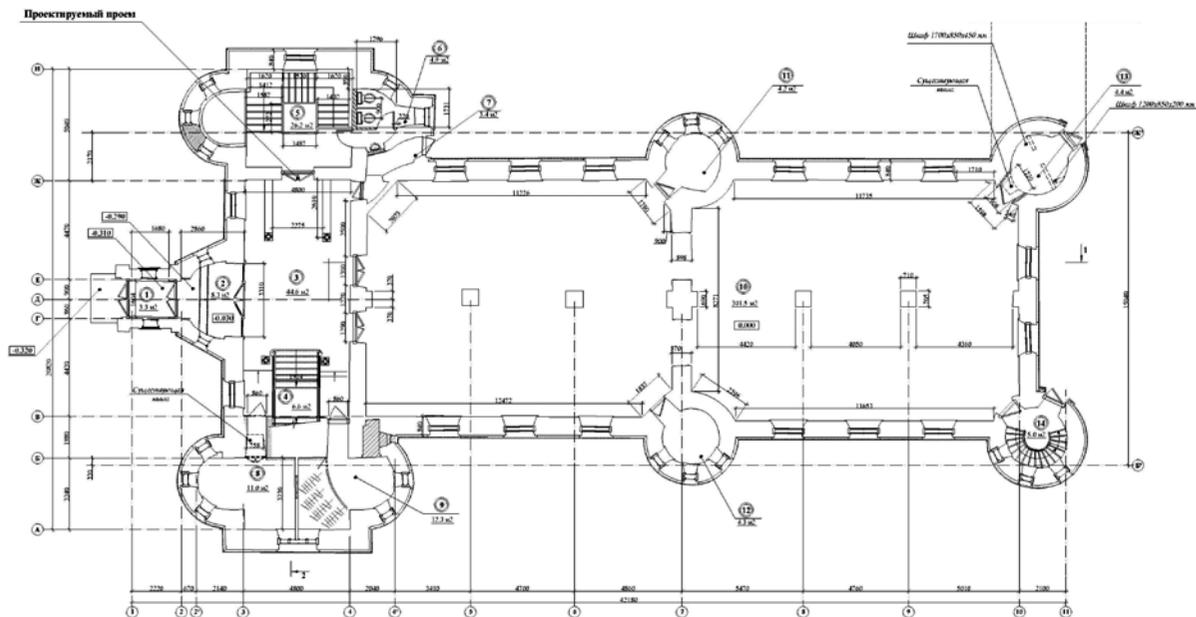
Авторский коллектив: ГАП Т.В. Гусева, архитекторы Е.В. Шулятьева, А.К. Мироненко, Л.Г. Басина (архитектурно-стилистический анализ); историк Н.Г. Бубис (историко-архивные и библиографические изыскания).

Главный корпус музея (1882–1883, 1890–1891) Закладка первого объема главного корпуса произведена 26 сентября 1882 года, торжественное открытие музея состоялось 6 октября 1883 года. В 1890-м распорядительным комитетом ВСОИРГО был поднят вопрос о расширении здания, поскольку к этому времени оно стало тесным для размещения имевшихся коллекций и библиотеки. Средства были выделены. Возведение пристроя велось быстрыми темпами – немногим больше года. Таким образом, основное здание музея имеет два строительных этапа: первый – с 1882-го по 1883-й, второй – 1890–1891 годы. 24 июня 1891 года цесаревич Николай, находившийся проездом в Иркутске, посетил музей ВСОИРГО и осмотрел его коллекции.

За время эксплуатации здание не претерпело значительных перестроек и перепланировок. Проектом реставрации пре-

Проект реставрации музея ВСОИРГО (НПРМ «Традиция», 2007–2008). Главный фасад по ул. К. Маркса, слева направо: здание консерватора музея, ворота с оградой, главный корпус

План первого этажа

Фрагмент главного фасада по бул. Гагарина

дусматривается максимальное сохранение и восстановление первоначального внешнего облика памятника, его интерьеров, планировочной структуры. При этом с целью выполнения современных противопожарных мероприятий, повышения эксплуатационных качеств здания-памятника, предусматриваются незначительные изменения в планировке:

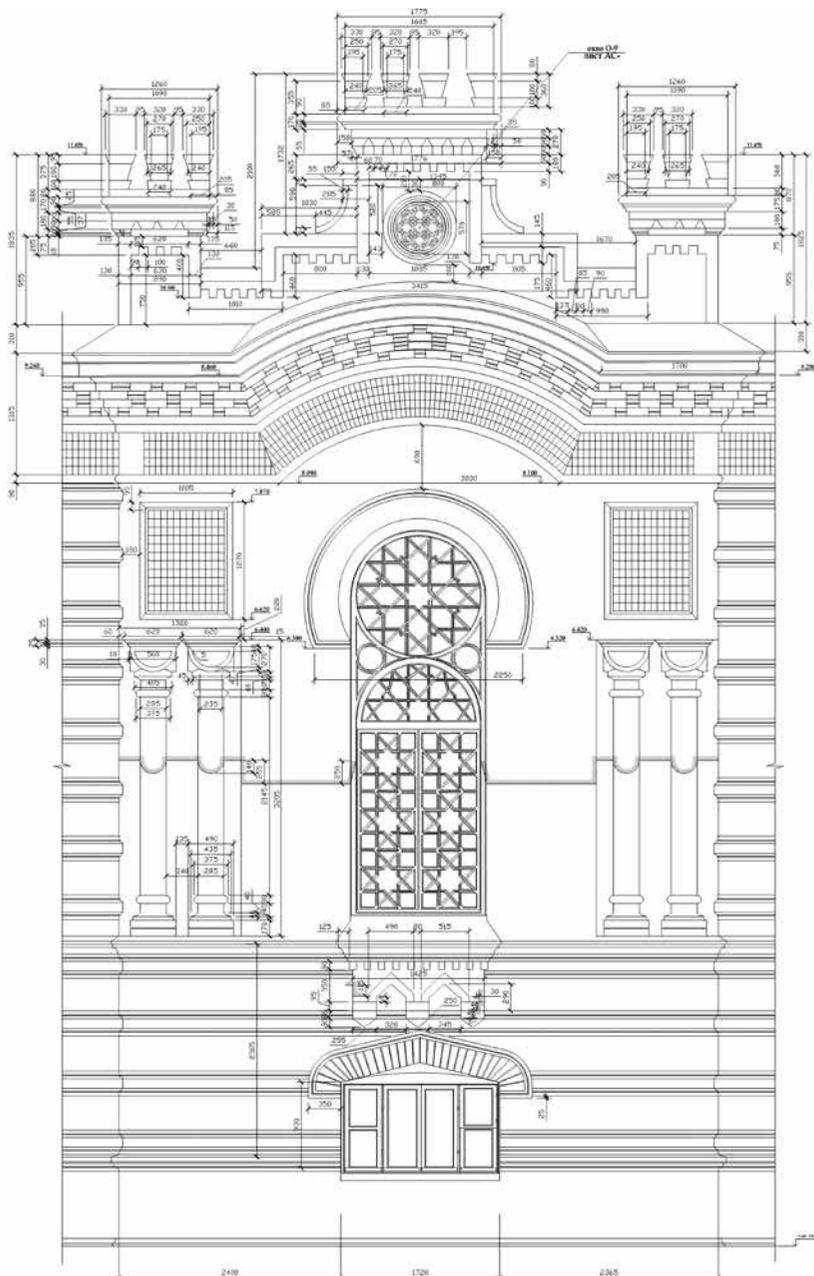
1. В уровне первого этажа с левой стороны (в ризалите) устраивается нормативная лестница, ведущая в проектируемые подвальные помещения. Существующий санузел из угловой башни переносится в помещение левого ризалита рядом с лестничной площадкой. Дверной проем располагается по центру капитальной стены, существующий закладывается. В правом ризалите располагаются гардероб для посетителей музея и рабочий кабинет с входами из вестибюля. В средних башнях располагаются кабинеты. Первый уровень одной из угловых башен становится тамбуром эвакуационного выхода. Другая угловая башня также имеет дверной проем, ведущий во двор; в ней размещается винтовая лестница, ведущая на второй этаж и в чердачное пространство, где рекомендуется организовать экспозицию существующих конструкций крыши как образец строительного искусства XIX века.

2. В контурах существующего фундамента проектируется подвал с отметкой пола $-3,8$ метра. Дополнительная эвакуационная лестница из подвала запроектирована со стороны дворовой угловой башни через проектируемый коридор и лестницу, в заглубленном подвальном пространстве здания книгохранилища. Предлагаемое назначение подвальных помещений – экспозиционные залы и служебные помещения.

3. Второй этаж – существующие планировка и функциональное использование остаются без изменений.

4. НПРМ «Традиция» предлагает сохранение и реставрацию первоначальных межэтажных и чердачных перекрытий, находящихся в удовлетворительном, частично даже в хорошем состоянии. К сожалению, в этом вопросе есть расхождение с мнением генпроектировщика (ОАО «Иркутский Промстройпроект»), который настаивает на замене родных перекрытий на железобетонные в связи с выполнением требований пожарной безопасности. Со своей стороны уверены, имея в арсенале современные средства защиты, технологии, не составит труда сохранить уникальные исторические конструкции здания-памятника и добиться соответствующего коэффициента огнестойкости. Тогда будет уникальная возможность у музейных работников проводить экскурсии, в том числе и по теме «конструкции памятника архитектуры».

Особенностью данного недвижимого памятника являются фасады, которые не только насыщены выразительным декором, они уникальны для Иркутска не столько по стилю,

Генплан

сколько по признаку «все главные», то есть и уличные, и дворовые плоскости исполнены одинаково подробно, с расчетом на круговой обзор. Проектом предлагается проведение следующих работ по фасадам.

Северо-западный фасад (по улице Карла Маркса) – полностью восстанавливается щипцовый парапет, решетки слуховых окон парапета, глобус в нише парапета. Все столярные изделия подлежат замене в первоначальном рисунке и расстановке. Решетки в нишах междуэтажного пояса подлежат расчистке от наслоений краски, реставрации при необходимости. Недостающие решетки междуэтажного пояса воссоздаются по аналогии с сохранившимися. Чугунная решетка ограждения балкона подлежит реставрации.

Юго-западный фасад (по бульвару Гагарина) – реставрируется кладка щипцового парапета ризалита, его витражное окно второго этажа воссоздается в первоначальном рисунке переплета, окно первого этажа, выполненное в 1909 году, остается без изменений. Купол над угловой башней, где когда-то располагалась обсерватория, воссоздается по аналогу с куполом другой угловой башни. Решетка ограждения балкона реставрируется.

Северо-восточный фасад (продольный дворовой) – реставрируется кладка щипцового парапета ризалита, его витражное окно второго этажа воссоздается в первоначальном рисунке переплета. Поздний оконный проем во втором этаже средней башни закладывается кирпичом, тем самым восстанавливается нарушенная стена. В связи с необходимостью организации рабочего освещения в кабинете второго этажа средней башни, круглые ниши превращаются в оконные проемы.

По всем фасадам здания выполняется реставрация поверхностного слоя кирпичной кладки путем вычинки деструктивного материала и замены его на новый «реставрационный» кирпич (в размерах и формах первоначального). Уровень отмостки по всему периметру здания предлагается понизить в среднем на 20 см.

Здание консерватора музея

За время эксплуатации здание не претерпело значительных перестроек и перепланировок. Также для обеспечения максимальной эксплуатационной отдачи, проектом предусматривается демонтаж существующих перегородок. В обоих этажах располагаются экспозиционные помещения, на первом этаже остекленной перегородкой выделяется тамбур со встроенным шкафом для верхней одежды. В помещении подвала размещается складское, подсобное помещение. По всем фасадам здания выполняется рестав-

рация поверхностного слоя кирпичной кладки. Уровень отмостки предлагается понизить в среднем на 10 см.

Ворота, ограждение ансамбля

Первоначальное ограждение территории музейного комплекса, кроме въездных ворот с небольшим фрагментом ограды, утрачено. Проезжая арка и столбы основания существующих ворот (главных) подлежат расчистке от поздних штукатурных наслоений, кирпичная кладка реставрируется. Проектом предусматривается воссоздание ограждения вдоль всей территории музея. Размеры и геометрия кирпичного основания и столбов, а также рисунок заполнения ограждения воссоздается по историческим фотодокументам. Исходя из относительной недолговечности деревянного заполнения ограждения (как было изначально), проектом предлагается выполнить его в металле, соблюдая стилистику памятника. Столбы и основание ограждения выполняются из кирпича.

Благоустройство территории

Современная территория музея ограничена пешеходными тротуарами вдоль улицы Карла Маркса и бульвара Гагарина, межами с действующим детским садом и бывшим Девичьим институтом (ныне корпус ИГУ). Сквер, разбитый при музее еще до революции и поддерживаемый в советское время, фактически уничтожен. В свое время на его базе предполагалось создать настоящий ботанический сад, но он, к сожалению, так и остался обычным городским сквером. Сейчас на его месте расположен детсад с прогулочной площадкой.

Проектом благоустройства предусматривается асфальтовое покрытие проездов, мощение пешеходных дорожек плиткой, асфальтовые отмостки по периметру всех построек с одновременным понижением вертикальных отметок путем снятия «культурного» слоя на 10–20 см. Газоны, существующие элементы озеленения максимально сохраняются. Вдоль главного продольного фасада ансамбля (по Карла Маркса) и на внутривортовой территории устанавливаются фонари наружного освещения типа «торшер». Во дворе устанавливаются открытая деревянная беседка, скамьи, урны.

На территорию музея предусматривается два въезда: существующий – со стороны улицы Карла Маркса, используя исторические ворота, и дополнительный – напротив первого въезда через проектируемые ворота.

Здание бывшего училища имени Антонины Кладищевой по улице Франк-Каменецкого, 16, в Иркутске является памятником истории и культуры, состоит на государственной охране регионального значения. Не так давно оно передано Музею истории города Иркутска. В настоящее время по заказу городской администрации по проекту реставрации, выполненному научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция» и силами ОАО «Иркутскжилстрой», на нем завершаются ремонтно-реставрационные работы. Здесь разместятся музейные экспозиции, часть из которых планируется посвятить династии купцов Сибиряковых и истории Кладищевского училища. В составе проекта реставрации историком Н.Г. Торшиной выполнены историко-архивные изыскания и составлена историческая записка на здание училища. Публикуется в переработанном и сокращенном виде

Кладищевское училище в Иркутске: история строительства

Начальное училище имени Антонины Михайловны Кладищевой (урожденной Сибиряковой, 1859–1878) было построено по инициативе брата, Александра Михайловича Сибирякова, в память о ее безвременной смерти. Но прежде чем начать излагать предысторию строительства здания, возведения и оснащения училища, прикоснемся к истокам семьи, из которой вышли столь замечательные и незаурядные личности, оставившие ярчайший след не только в истории нашего города, но и всей Сибири, России и даже за ее пределами.

Сибиряковы – одна из самых древних, богатых и влиятельных купеческих династий Сибири, основанная выходцем из крестьян Устюжского уезда Архангелогородской губернии Афанасием Сибиряковым еще в конце XVII века. Род Сибиряковых вошел в историю города не только своими фантастически огромными капиталами но, в первую очередь, большим размахом благотворительных дел.

Прямой предок Александра Михайловича – известный на всю Сибирь купец Михаил Васильевич Сибиряков, первый городской голова Иркутска. Он был одним из наиболее видных деятелей городского самоуправления – только городским головой избирался четыре раза, удостоен звания «именитого гражданина». От двух браков у него было десять сыновей и пять дочерей. Его считают одним из первых в Восточной Сибири собирателем предметов духовной и светской культуры, он вел летопись Иркутска. Не случайно именно Михаил Васильевич оставил иркутянам красивейшее здание – дворец Сибиряковых, позже дом генерал-губернаторов, современникам известное под названием «Белый дом», построенное в классическом стиле по проекту (при участии) архитектора Джакомо Кваренги.

В роду Сибиряковых известна дочь М.В. Сибирякова Агриппина (в замужестве Мухина), которая постриглась в монахини под именем Августа и стала игуменьей Знаменского монастыря, украшая храм не только на средства жертвователей, но и «собственноручно». Игуменья Августа вышла золотом и серебром ризу на икону Божией Матери, которая и сегодня находится в Преображенском приделе Знаменской церкви.

Еще один представитель рода Сибиряковых – Ксенофонт Михайлович – построил церковь в селении Никола на Байкале. Эта семейная традиция – жертвовать на благие дела, началась при основателе рода Афанасии Сибирякове. Известно, что он, наряду с другими купцами, начинал строительство в Иркутске еще деревянных храмов.

Михаил Александрович Сибиряков (1815–1874)
Отец Александра Михайловича – Михаил Александрович Сибиряков, купец 1-й гильдии, первый в роду золотопромышленник, создавший огромный капитал, который и унаследовали его дети, заниматься добычей золота начал с 40-х годов XIX века, ему принадлежит открытие золота в бассейне реки Бодайбо, основание поселка Бодайбо и золотопромышленной компании. Найденное золото обеспечило благосостояние не только его собственной семье, но и многих других иркутских семей, сказавшись тем самым прямым образом на оживлении всей хозяйственной жизни Иркутского края. По размеру городского капитала провинциальная столица Иркутск заняла

третье место в стране сразу после двух исторических столиц – Петербурга и Москвы. Огромные доходы иркутских купцов создали основу для широкой благотворительности.

Михаил Александрович был отмечен не только даром предприимчивости, но и истинной благотворительностью. Большие средства он перечислял на нужды Иркутского Вознесенского монастыря, его стараниями возведена часовня Святого Иннокентия, в течение нескольких лет он был старостой Вознесенской церкви, жертвуя на ее содержание значительные средства. Кроме того, он был одним из директоров губернского попечительства о тюрьмах, вносил крупные средства на содержание детских приютов, в комитет попечительства о раненых и больных воинах, в помощь пострадавших от наводнения, на строительство Городского театра.

Михаил Александрович и его жена Варвара Константиновна, урожденная Трапезникова, имели шестерых детей – трех сыновей (Александр, Константин и Иннокентий) и трех дочерей (Антонина, Анна и Ольга). Семья славилась христианской добродетельностью. Они устроили дом для престарелых и инвалидов с храмом в честь

святого Михаила Клопского (Сибиряковская богадельня), после смерти родителей богадельню содержали сыновья.

Александр Михайлович Сибиряков (1849–1933)
Старший сын Михаила Александровича, Александр, после окончания Иркутской гимназии продолжил образование в Швейцарии, в Цюрихском политехникуме, связь с которым постоянно поддерживал на протяжении многих лет. После смерти отца он становится одним из крупнейших золотопромышленников Сибири, владеет еще Александро-Невским стекольным заводом и писчебумажной фабрикой. В эти же годы им были сделаны крупные капиталовложения в транспортную сеть Сибири, он открывает «Ангарское пароходство» и «Амурское общество пароходства и торговли». Им был внесен огромный вклад в развитие водных и сухопутных путей Сибири и Крайнего Севера. Совместно со шведским королем Оскаром II и предпринимателем Оскаром Диксоном Александр Сибиряков финансирует экспедицию А.Э. Нордшельда (1876–1879) по освоению Северного морского пути, Григорьева (1879–1880), Де Лонга (1881). Причем его денежный вклад в эти предприятия был

текст
Наталья Торшина

Здание школы имени А. Кладищевой в Иркутске на углу ул. Мясной и Большой. Конец XIX века. Архив МИГИ

1. Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: биографические повествования. СПб., 2005.
2. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 25, 25 об.
3. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 23, 24 с об.
4. Там же. Л. 1, 2.
5. Там же. Л. 36, 37 с об.
6. Там же. Л. 33.
7. Там же. Л. 39, 40, 41.
8. Там же. Л. 66–69.

самым крупным. Являясь серьезным исследователем Северного морского пути из Европы в Сибирь, он высказал идею, до сих пор не потерявшую своей актуальности, о том, чтобы связать все уголки восточной части России посредством водных артерий в единый хозяйственный организм, открыть новые порты для активизации внешней торговли. Результаты путешествий А.М. Сибиряков изложил в своих отдельных статьях и книгах, наиболее обобщающая из них – «О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами» (СПб., 1907). За активную поддержку исследований и свое непосредственное участие в них сибирский купец был награжден шведским почетным Крестом Полярной Звезды (1878), французским знаком отличия «Пальмовой ветвью», удостоен Серебряной медалью Императорского русского географического общества.

Понимая важность Северного пути для развития экономики России, А.М. Сибиряков в 1914 году, уже живя за границей, подарил своему отечеству первый ледокольный теплоход, которому было присвоено его имя – «Александр Сибиряков», с тех пор это имя традиционно присваивается одному из кораблей России. В Карском море есть остров, названный в честь Александра Михайловича Сибирякова.

Александр Михайлович был одним из крупнейших благотворителей и меценатов Сибири. В общей сложности он потратил более полутора миллионов рублей на развитие культуры и просвещения края, на его изучение и освоение. Он внес крупный денежный взнос (200 тыс. руб.) на основание Томского университета, которому подарил специально выкупленную библиотеку поэта В.А. Жуковского, включавшую почти пять тысяч томов, на устройство типографии газеты «Сибирь», на учреждение в Иркутске Высшего технического училища, 800 тысяч рублей на устройство народных школ. Немалые средства жертвовал на содержание Иркутской мужской гимназии, городской библиотеки, учащихся сибирякам в Петербурге. Кроме прочего Сибиряков построил в Иркутске в Ремесленном предместье на свои средства храм Казанской Иконы Божией Матери. Часть недостающих денег (несколько сот тысяч) он занял у своего младшего брата Иннокентия, который их обратно не взял, сказав «пусть и моя лепта будет с твоей в этом святом деле»¹.

В начале XX века А.М. Сибиряков отходит от активной предпринимательской деятельности, покидает Иркутск и подолгу живет на юге России (в Батуми ему принадлежало имение «Ангара»), в Швейцарии и Франции. Умер Александр Михайлович в Ницце в больнице Пастора 2 ноября 1933 года.

Яркими и незаурядными личностями были и его братья – Константин (1854–1908) и Иннокентий (1860–1901), оба крупные благотворители. Константин был известен еще и как скульптор. Иннокентий полностью отошел от предпринимательской деятельности, посвятив себя благотворительности на ниве церковной жизни, на его средства был построен Свято-Андреевский скит и собор Апостола Андрея Первозванного на Святой Афонской горе, являющейся уголком Православной Руси в Греции. По своим земным делам и духовному подвигу имя Иннокентия Сибирякова готовится в настоящее время к причислению к рангу Святых.

Такова, очень кратко, история семьи Сибиряковых, которая является неотъемлемой частью нашей иркутской жизни, она сохраняется в тех зданиях, которые были дороги для них, на которые они жертвовали средства в надежде на то, чтобы там училось и росло здоровое и счастливое поколение, ценящее и не забывающее добро и сострадание. И одним из таких зданий является школа имени Антонины Михайловны Кладищевой-Сибиряковой.

Организация школы

История возникновения школы началась, как было сказано, с трагического события в жизни большой и дружной семьи Сибиряковых – смертью 12 сентября 1878 года этой женщины, совсем еще юной. Отец Михаил Александрович не дождался до того дня и все хлопоты по похоронам, а затем и наследственным делам легли на плечи старших братьев. Наследство А.М. Кладищевой делилось на четыре части: трех братьев – Александра, Константина и Иннокентия Михайловичей – и мужа Антонины, полковника Дмитрия Петровича Кладищева.²

Свою четвертую часть наследства, вернее доходы с золотых приисков, принадлежащих ранее А.М. Кладищевой, ее старший брат Александр Михайлович жертвует на учреждение в Иркутске, в память об умершей сестре, бесплатной начальной школы для бедных детей обоего пола. Деньги на содержание и строительство этого учреждения начали поступать с первого же года вступления в наследство Александра Михайловича, то есть с 1879-го, и должны были идти непрерывно в течение всей работы приисков для обеспечения учебного процесса, содержания всех учеников, школьных помещений. Школа, по желанию Александра Михайловича, должна была называться Иркутской бесплатной школой Антонины Кладищевой, урожденной Сибиряковой. Все свои взгляды на обустройство школы, ее содержание, разработку устава и решение финансовых вопросов Александр Михайлович подробно изложил в письме от 2 июня 1879 на имя своего доверителя в Иркутске Василия Владимировича Петрова. Это было уже второе письмо, первое было отправлено раньше и на него в марте того же года было получено согласие городской управы на принятие от Сибирякова подобного пожертвования³. Начавшаяся переписка между А.М. Сибиряковым и городской управой была на некоторое время прервана, поскольку все предыдущие документы сгорели в страшном иркутском пожаре в июне 1879 года⁴. (Огнем было уничтожено 75 кварталов лучшей и благоустроенной части города, всего 105 каменных и 3 438 деревянных построек, 15 тысяч жителей осталось без крова, погибли архивы, библиотеки, музей, учебные заведения, детский сад, государственный банк, губернское казначейство и т.д.).

Предполагавшийся первоначальный вариант о немедленном открытии школы в предоставленном городской управой помещении никак не мог состояться, поскольку город после такого пожара испытывал огромный дефицит помещений. Открытие школы откладывалось до получения реального дохода с приисков, позволявшего приступить к постройке собственного школьного здания.

17 октября 1879 А.М. Сибиряков оформляет дарственную Иркутской городской думе на принадлежащую ему четвертую часть доходов золотосодержащих приисков «Прибрежно-Витимского Товарищества и К°», а также другой промышленности в разных частях Восточной Сибири, перешедших к нему по наследству от его покойной сестры⁵. Эти средства должны были концентрироваться в городской управе до достижения необходимой суммы для начала строительства школы. За это время необходимо было приступить к поиску удобного места для возведения здания и разработке устава и программы планируемой школы, которые были возложены на Городскую думу. Председателем комиссии, который должен был утверждать все необходимые документы по подготовке школы, был избран сам А.М. Сибиряков⁶.

Разработка необходимой документации для открытия новой школы была возложена на гласных Думы, известных иркутян В.И. Вагина и М.В. Загоскина, которые представили свои соображения по этому вопросу уже в октябре 1879-го. Они проанализировали финансовые средства, отпускаемые на содержание школы, и предложили до постройки собственного здания ограничиться наемным домом, если таковой найдется. Особо они рекомендовали обратить внимание на район за хлебным базаром, где школ не было вовсе, а бедных жителей было наибольшее количество. Здесь они и предлагали выстроить каменное школьное здание, эскизный проект которого прилагали к своей записке. Здание предполагалось каменное одноэтажное с несколькими классами, рекреационным залом и библиотекой, в окружении сада и палисадника. Второй, антресольный этаж предназначался для квартир учителей, две отдельно стоящих постройки – людские, то есть для обслуживающего персонала⁷. Это первый из известных нам проектов школы Кладищевой, составленный не архитекторами, но весьма уважаемыми в городе людьми, литераторами и общественными деятелями, имеющими непосредственное отношение к образованию. Разработано ими было и Положение об Иркутской бесплатной школе имени Антонины Кладищевой, урожденной Сибиряковой⁸.

Выдвинутое В.И. Вагиным и М.В. Загоскиным предложение об аренде дома под Кладищевскую школу в районе Хлебного базара не могло быть реализовано из-за острой нехватки помещений, а место под строительную площадку также еще не было найдено – город далеко не весь был расчищен от пожарных завалов. В конце 1879 года Сибиряков получает на рассмотрение Положение о школе и разработанное штатное расписание, на которые 18 января 1880 он пишет свои замечания⁹. В это же время, 10 декабря 1879 года, Управление золотыми приисками Прибрежно-Витимской компании отправляет в городскую управу уведомление о получении дарственной записи А.М. Сибирякова о перечислении его части дохода на устройство школы¹⁰. Нанесенный городу громадный ущерб от пожара значительно тормозил дело устройство новой школы для города, что беспокоило дарителя. Город не мог предложить ни дом для аренды, ни даже подходящую площадку для строительства. Письмом в Городскую думу от 14 июня 1881 года Александр Михайлович предлагал даже внести собственные денежные средства для строительства школы на отведенном городом участке земли¹¹.

Наконец, на заседании Думы 16 июля 1881 было рассмотрено предложение Сибирякова о досрочном внесении денег и в ответ предложено отвести место для школы, ранее принадлежавшее Преображенскому приходскому училищу по Мясной улице, сгоревшему во время пожара 1879 года¹². Вероятно, уже в расчете на это место, архитектором Э.Я. Гофманом был составлен проект и подробная смета каменного двухэтажного училища на 40 мальчиков и 40 девочек с помещениями для учителя, учительницы и прислуги¹³. Буквально на следующий день, 17 июля, А.М. Сибиряков согласовал место под строительство школы и перечислил на это 60 тысяч рублей¹⁴. Однако проект Гофмана был отвергнут Думой как несоответствующий разработанному Положению школы, было решено, что новый проект и смету будет делать городской техник¹⁵. Вероятно, так и было в действительности, поскольку существует письмо гражданского инженера Н.И. Маршева от 19 апреля 1882 о том, что им были составлены проект и смета Кладищевского училища (но в делах ГАИО эти документы не обнаружены)¹⁶.

В апреле 1882 года Александр Михайлович приобретает у А.Ф. Баянова для училища на свои средства дополнительно большую угловую усадьбу (550 кв. сажень), в результате участок занял выгодное положение, протянувшись почти на 45 метров вдоль Большой улицы¹⁷.

В июне 1882 года к строительству училища еще не приступали, и Сибиряков предлагает открыть его в собственном доме по Мыльниковской улице в Троицком приходе (бывший дом Трапезникова) до тех пор, «пока постройка специального дома для школы на месте бывшем Преображенского училища не будет вполне окончена»¹⁸. В школу заказывается мебель у известного иркутского столяра Кербера, подбирается штат учителей, помещаются объявления в городские газеты о наборе детей. «1882 года сентября 25 дня, по совершенной молебна Его Высокопреосвященством Вениамином, Архиепископом Иркутским и Нерчинским, в сослужении духовенства, Иркутским градским головою сообщая с учебным начальством в присутствии публики и учредителя потомственного почетного гражданина Александра Михайловича Сибирякова Иркутской бесплатной школы для мальчиков и девочек имени Антонины Михайловны Кладищевой, урожденной Сибиряковой, открыта сказанная школа, причем в оную поступило обучаться 37 мальчиков и 37 девочек. Подписи духовенства и начальства»¹⁹.

Надо сказать, что существование школы имени Антонины Кладищевой в бывшем доме Трапезникова не совсем удовлетворяло А.М. Сибирякова: он считал его сырым, что было вредно для детей. Поэтому Сибиряков предлагает перевести школу в другое здание, принадлежащее их семье – в Сибиряковскую богадельню на углу Мыльниковской и Луговой улиц. Там, на втором этаже, он выделяет для детей две большие учебные комнаты. Специально в Михеевской больнице, чтобы дети не подцепили никакой заразы, закупаются дезинфицирующие средства для обработки комнат. 30 января 1883 года в этом здании после торжественного молебна ректора Иркутской духовной семинарии состоялась

открытие параллельных классов. Так, еще до постройки собственного здания, усилиями Александра Михайловича школа имени Кладищевой начала активно работать, открывая новые классы.

Кладищевское училище.
Фото середины XX в.

Строительство здания училища

Строительство нового здания школы в 1882 году еще не было начато, отсутствовал даже ее эскиз. Видя явную пробуксовку дела со стороны городской администрации, А.М. Сибиряков берет на себя инициативу по выбору архитектора для составления проекта. Летом 1882 года он выходит на известного иркутского архитектора Владислава Андреевича Кудельского и ведет с ним переговоры о работе над проектом. Поскольку дело это было частное, то большая часть переговоров велась устно и даже, как следует из косвенных источников, не в Иркутске, а в Петербурге, поэтому и документы по этим переговорам практически не сохранились. Существует неразборчивая записка, сделанная, скорее всего, доверенным А.М. Сибирякова В.В. Петровым на имя Владислава Андреевича (надо думать, Кудельского) с просьбой о высылке в Иркутск плана и сметы на постройку школы Кладищевой²⁰. Записка без даты, но, по сформированному вместе с ней в деле другим документам, ее можно примерно датировать серединой лета 1882 года.

23 августа 1882 года в Иркутскую городскую думу поступает письмо от А.М. Сибирякова следующего содержания: «Прилагая при сем план дома для бесплатной начальной школы Антонины Кладищевой, предполагаемого к постройке на месте бывшем Преображенского училища, и смету, составленные Архитектором г. Кудельским, имею честь покорнейше просить рассмотреть таковые и уведомить меня не признает ли Дума удобным ныне же приступить к заложению фундамента. Что касается до стоимости дома, то хотя она далеко превышает предполагаемую в начале, тем не менее я, со своей стороны, не вижу препятствий на постройку дома, если только Городская Дума будет согласна произвести ее на прежних основаниях, выраженных в письме на имя моего доверенного В.В. Петрова от 17 августа 1881 г. № 4280. Постройка дома предполагается быть совершенно окончена к осени 1884 года»²¹. К сожалению, мы имеем в архивном деле только сопроводительное письмо Александра Михайловича, проект и смета на постройку школы в деле отсутствуют.

2 сентября 1882 от иркутского городского головы Д.Д. Демидова в Городскую думу от А.М. Сибирякова поступают чертежи и смета на постройку каменного флигеля для учителей в ограде школы²². Как и в предыдущем случае, мы имеем только сопроводительное письмо без проекта и сметы. Но в отношении строительства флигеля есть еще один интересный и достаточно информативный документ – это контракт А.М. Сибирякова с Петром Ивановичем Гернандтом, подрядчиком на строительство двухэтажного каменного флигеля. Контракт был заключен 27 января следующего года на постройку черне на уже готовом фундаменте и цоколе²³. При заключении контракта П.И. Гернандт получал аванс – одну тысячу рублей, окончательный расчет за всю работу с материалом составлял 8 500 рублей серебром, сроком окончания работ определялось 15 сентября того же года – 1883.

1. Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: биографические повествования. СПб., 2005.
2. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 25, 25 об.
3. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 23, 24 с об.
4. Там же. Л. 1, 2.
5. Там же. Л. 36, 37 с об.
6. Там же. Л. 33.
7. Там же. Л. 39, 40, 41.
8. Там же. Л. 66–69.
9. Там же. С. 64.
10. Там же. Л. 62.
11. Там же. С. 106.
12. Там же. Л. 108.
13. Там же. Л. 107б.
14. Там же. Л. 110.
15. Там же. Л. 108, 110, 122.
16. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 128.
17. Там же. Л. 126, 127, 129.
18. Там же. Л. 146.
19. Там же. Л. 237.
20. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 155.
21. Там же. Л. 200.
22. Там же. Л. 205.
23. Там же. Л. 310–311 с об.

24. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д.191. Л. 107.
25. Там же. Л. 206 об.
26. Там же. Л. 212.
27. Там же. Л. 216.
28. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 191. Л. 109, 110, 114.
29. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 319.
30. Там же. Л. 324.
31. ГАИО. Ф. 194. Оп.1. Д. 110. Л. 53 об.
32. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск. С. 144–145.
33. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 2117. Л. 7–11 с об.
34. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 664. Л. 200.
35. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 2659. Л. 2 об., 4.
36. ГАИО, ф.70, оп.2, д.664, л.457
37. ГАИО, ф.70, оп.2, д.2127, л.108
38. ГАИО, ф.70, оп.2, д.2892, л.18
39. ГАИО, ф.р-145, оп.1. Д.656, л.173

литература

1. Александр Ксенофонтович Сибиряков // Иркут. епарх. ведомости. – 1868. – № 49. – С. 561–569.
2. Алексеева Г. Письмо из Ниццы // Вокруг света. – 1990. – № 12. – С. 42–43.
3. Благотворители и меценаты прошлого и настоящего : словарь-справочник от А до Я. / авт.-сост. М.Л. Макальская, Н.Н. Бобровская. – М., 2003.
4. Вуколов Н. О чем поведал архив // Эхо планеты. – 1995. – № 19. – С. 18–19.
5. Гаврилова Н. Александр Сибиряков // Земля Иркутская. – 1996. – № 5. – С. 44–45.
6. Иркутск : библиографический указатель. Вып. 1. – Иркутск, 2002.
7. Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А.Кротова). – Иркутск, 1911.
8. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. – Иркутск, 2003.
9. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. – Иркутск, 1989.
10. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. – Иркутск, 1914.
11. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск, 1993.
12. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. – Иркутск, 1994.
13. Сибиряков А. Об автономии Сибири // Земля Иркутская. – 1996. – № 5. – С. 46–47.
14. Сибиряковы // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 46–53.
15. Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: биографические повествования. – СПб., 2005.

По смете В.А. Кудельского стоимость строительства школы составляла почти 72 573, флигеля – 14 081, всего же – 86 655 рублей²⁴. Подобная сумма вызвала большое замешательство в Думе, как сказал гласный Вагин, на эту сумму можно было построить три школы²⁵. Размеры построек вызвали опасение, что на их ремонт будут уходить значительные средства, на что городской голова возразил, что «здания новые и ремонт долго не потребуется».

Поскольку Сибиряков был согласен с проектом и сметой и задержек с оплатой работ не предвиделось, единственное, о чем просили гласные Думы Сибирякова, – это поставить школу фасадом не на Мясницкую улицу, а на Большую, чтобы она служила украшением главной улицы города. В ответ на эту просьбу Сибиряков пишет: «...имею честь сообщить, что удовлетворяя желание Иркутской городской думы, я согласен чтобы фасад школы был поставлен на Большую улицу, если только г. Кудельский будет с тем также согласен»²⁶. На это предложение В.А. Кудельский ответил: «...если А.М. Сибиряков согласен на постановку школы Кладищевой на Большую улицу, то и с моей стороны препятствий не имеется, но при этом будут следующие неудобства: во 1-х, ход в сад будет не прямо из школы, а через двор; во 2-х, при выходе учеников и учениц по окончании классов будут стеснены проходящие по Большой улице; и в 3-х, ученики и ученицы во время занятий будут более развлечены проезжающими и проходимыми, так как Большая улица многолюднее Мясной»²⁷.

Доводы Кудельского убедили Сибирякова, он отозвал проект от согласования и отложил торжественную закладку фундамента, чтобы переориентировать фасад здания училища на Мясную улицу²⁸. Одновременно А.М. Сибиряков ведет переговоры со строительным отделением Главным управлением Восточной Сибири (ГУВС) об изменениях в плане здания: увеличение числа учащихся в связи с открытием в январе 1883 года параллельных классов весьма его озаботило тем, что помещений в здании училища было маловато. Он предлагает за счет закрытия одного из входов в здание выгадать помещение под один из классов. Строительное отделение ГУВС соглашается на закрытие левого входа, возражая против закрытия правого, поскольку оно находится против парадной лестницы²⁹.

8 мая 1883 года производится торжественная закладка фундамента школы. Мероприятие предполагалось многолюдное и разношерстное, поэтому заранее городская управа обратилась с письмом к городскому полицмейстеру с просьбой о высылке полицейских команд «для соблюдения спокойствия и порядка при закладке здания начальной школы Антонины Кладищевой, что на Мясной улице против 2 части...»³⁰. Из-за переориентации фасада здания с Большой улицы на Мясную и как-то бюрократических проволочек закладка школы была произведена вместо августа 1882-го, как предлагал А.М. Сибиряков, в мае 1883 года. Соответственно и окончание работ вместо осени 1884 было перенесено на более поздние сроки. Он решает отдать тому же подрядчику П.И. Гернандту возведение и главного здания школы, причём вести техническое наблюдение за постройкой поручает не только автору проекта – архитектору В.А. Кудельскому, но и «покорнейше просит» об этом еще и городского архитектора Э.А. Гофмана. Возможно, деликатное воспитание и врожденная тактичность побудили Александра Михайловича обратиться к отвергнутому автору первого проекта, чтобы этим как-то загладить перед ним свою несуществующую вину. Никакой документации относительно процесса строительства зданий школы Кладищевой в материалах Государственного архива Иркутской области (ГАИО) не сохранилось. Объяснить это можно тем, что все отчеты по строительству высылались лично А.М. Сибирякову в Санкт-Петербург, где он в основном и жил.

Точная дата открытия Кладищевского училища – ни в летописных изданиях, ни в архивных документах – нами не выявлена. Есть лишь упомянутая вскользь дата начала работы школы – 1884 год,³¹ но это относится к ее Троицкому отделению, которое действительно была открыто в тот год 15 августа³².

В своих доводах мы опираемся на логические рассуждения и на страховой полис от 15 января 1885 года, выданный на весь комплекс зданий училища³³. Как правило, подобные

документы составлялись на момент возведения здания под крышу и закрытия оконных и дверных проемов. Владелец здания был заинтересован в наиболее ранних сроках страхования, чтобы в случае пожара иметь возможность получить страховку даже на не совсем достроенное здание. Поэтому в нашем случае мы также вполне можем считать, что здание в начале 1885 года еще не было готово к приему учащихся, хотя внешне и выглядело достроенным.

Теперь о сроках строительства. В приведенной выше записке А.М. Сибирякова³⁴ в Городскую думу он предлагал начать работы в августе 1882-го, с тем чтобы закончить их и начать учебу детей с осени 1884 года, то есть весь строительный процесс должен был занять полных два года. Сибиряков был заинтересован в качестве работ и в том, чтобы дети не начали учебу в еще не отстоявшемся и непросохшем здании. Думается, что и начатое в мае 1883 года возведение школы могло быть полностью закончено только к осени 1885-го.

В соответствии с тем страховым полисом на участке школы Кладищевой находились: двухэтажный каменный дом под железной крышей, 13?9?5 саж., подвал под разными частями зданиями площадью 49 кв. саж.; одноэтажный каменный флигель, крытый также железом, 8,5?4 саж.; одноэтажный каменный, крытый железом амбар на два отделения, 5?3?1? саж.; деревянный навес, крытый железом, 10?3 саж.; деревянный палисадник; каменные ворота, забор. В основном здании школы насчитывалось 33 столярные двери с приборами, три железных зонта (навеса) у входных дверей, 66 окон размером 3??1? аршина также с приборами; 20 голландских печей и соответственно 20 дымовых кирпичных труб. Здание общей площадью 191 кв. сажень имело три кирпичных парапета и четыре каменных крылечка. Каменные полы в здании составляли 64 кв. саж., паркетные сосновые – 262 кв. саж., потолки оштукатурены. Лестницы с чугунными, каменными и деревянными ступенями. Планы, которые прилагались к страховому полису, в деле отсутствуют, хотя на документе видна отчетливо читаемая надпись: «План, опись и сделку составил Ив. Исцеленов». Иван Федорович Исцеленов был агентом первого Российского страхового общества и агентом Нижегородско-Самарского земельного банка, поэтому застраховать здания он мог в любом из этих агентств. Планы и подлинники страховых свидетельств до сих пор хранятся в их фондах, переданных для хранения в Санкт-Петербург и Московские государственные архивы. Поэтому возможность нахождения плана строений Кладищевского училища теоретически существует. Из всех упомянутых в полисе построек в усадьбе училища сохранилось только два – это здание училища и флигель.

Уже в гораздо более поздних документах находим сведения, что «прием здания школы последовал 19 августа 1885 года и с этого времени оно считается поступившим в распоряжение города». В этом деле хранится переписка городской управы с губернским казначейством о возникших недоразумениях в счетах и упоминается сумма, в которую обошлось строительство школы – 98 398 руб. 51 коп., а вся обстановка школы, закупленная до января 1885 обошлась в 21 622 руб. 5 коп.³⁵

Из документов 1887 года о ремонте здания училища удалось установить, что после оштукатуривания здания окраска гладких его частей производилась ало-кирпичным цветом на два раза, выступающих частей – карнизов, пилястр, поясков и отделки наличников окон и дверей – белым цветом³⁶. Крыша была покрашена в зеленый цвет³⁷.

После строительства. Коротко

11 мая 1892 года почетными попечителями школы были утверждены Александр Михайлович Сибиряков и его сестра Анна Михайловна Сибирякова,³⁸ хотя ранее он категорически отказывался от этой ноши, предлагая вместо себя известных и уважаемых в городе людей. Кладищевская школа в дореволюционное время активно использовалась не только для обучения детей, в ней также регулярно проводились воскресные занятия Общества распространения народного образования для взрослых, работало Присутствие по призыву ратников ополчения. После установления в городе советской власти с 1924 года в здании размещалась 7-я школа 1-й и 2-й ступени³⁹, не изменяло оно функционального назначения и на протяжении всего XX столетия.

Усадебный комплекс каменных зданий по улице Франк-Каменецкого, 16, в городе Иркутске имеет интересную историю. Он был специально построен как образовательное частное заведение, связан с известной иркутской купеческой фамилией – Сибиряковыми. 22 декабря 1990 года Иркутский облисполком принял Решение № 73 о постановке этого комплекса на государственную охрану в качестве памятника истории и культуры регионального значения. Его официальное название: «Начальная школа А.М. Кладищевой, высшее бесплатное училище, позже школа для монгольских детей (здание школы, флигель, ограда, ворота)».

Совсем недавно усадьба-памятник была передана Музею истории города Иркутска. В настоящее время завершаются работы по ее ремонту, реставрации и музейному приспособлению. Архитектурный раздел проекта реставрации разработан НПРМ «Традиция» в 2008 году, ГАП Е.М. Трескина, архитектор Е.Г. Шаргина, историк Н.Г. Торшина. Инженерное обследование здания выполнено ООО «Предприятие Иркут-Инвест» в 2006 году. Рабочая документация, ремонтно-реставрационные работы производятся ООО «Трест “Иркутскжилстрой”».

Иркутское Кладищевское училище: проект реставрации и приспособления под музей

Мысль об открытии в Иркутске начальной школы имени Антонины Михайловны Кладищевой, урожденной Сибиряковой, возникла в 1879 году у ее брата Александра Михайловича Сибирякова, который жертвовал на это благое дело наследство, полученное от покойной сестры. 8 мая 1883 года была торжественно произведена закладка фундамента школы Кладищевой.

Главным в комплексе усадьбы является здание школы (училища). Кроме него на территории расположены: дворцовый флигель, фрагмент ограды с воротами и сад. Памятник является образцом русско-византийского стиля. Автор проекта – иркутский архитектор В.А. Кудельский (по некоторым источникам – инженер В.Н. Каразин). Прослеживается связь элементов декора школьного здания с такими иркутскими постройками, как церковь Казанской Иконы Божией Матери (Рабочее предместье) и Казанский Кафедральный собор (разрушен в 1930-е), которые проектировал Кудельский, оба – примеры архитектуры того же стиля.

Описание облика памятника

Памятник на протяжении всего времени использовался в учебных целях. В 2006 году здание общеобразовательной школы № 2 было передано Музею истории города Иркутска для использования под новую для него функцию – музейную. Здание двухэтажное, сложной Н-образной формы в плане с габаритными размерами 26,7×27,2 и высотой 13,4 метра. Несущие стены из полнотелого глиняного кирпича на известковом растворе. Толщина наружных стен – 0,85, внутренних – 0,64–0,81 метра. Использовался разновеликий кирпич размерами (240–260)×(120–130)×(65–85) мм. Перемычки над дверными и оконными проемами арочные.

Декоративное убранство сосредоточено в основном на уличном (со стороны Франк-Каменецкого) и боковых фасадах. Фасады оштукатурены, раскрепованы лопатками по углам и межоконным простенкам. Угловые лопатки рустованы по первому и второму этажам, декорированы прямоугольными нишами и сухариками, лопатки меж окон рустованы в уровне первого этажа. Стены имеют членение по вертикали широким профилированным междуэтажным подоконным поясом первого этажа, надоконным поясом второго этажа, профилированным карнизом. В уровне кровли стены завершаются центральными и угловыми фигурными аттиковыми стенками с декоративными профилями и розетками. Стены также украшены разнообразными нишами с профилированными гранями, над оконной частью второго этажа боковых фасадов и на стене между ризалитами на главном фасаде расположены спаренные лежащие ниши (во фризовой части), в подоконной части – одиночные лежащие ниши, над каждым окном – по две фигурные ниши. Во фризовой части стены ризалитов главного фасада, между подоконными поясами и лопатками, расположены спаренные профилированные декоративные арочки, опирающиеся в центре на общую профилированную деталь. Декор дворового (южного) фасада представлен угловыми пилястрами,

аналогичными описанным выше, междуэтажным поясом и карнизом с гладкой фризовой частью. Над правым входом главного фасада сохранился родной козырек.

Оконные проемы все полуциркульные, на ризалитах главного фасада обрамлены архивольтами, радиальной рустовкой и розетками в фигурных межоконных нишах. Окна первого этажа с замковым камнем на боковых фасадах и между ризалитами – на главном фасаде. Дверные проемы оформлены аналогично оконным.

Внутренние стены кирпичные с арочными проемами, завершаются на лестничных клетках и в части помещений многорядными штукатурными тягами, огибающими выступы печей. Потолки оштукатурены по дроби. В коридорах первого и второго этажей – своды. Двери – лучковые двустворчатые, филленчатые, трехчастные, рисунок переплетов оконных рам – классический для полуциркульных окон – трехчастное деление створок с радиусом во фрамуге.

Обоснование проектных решений

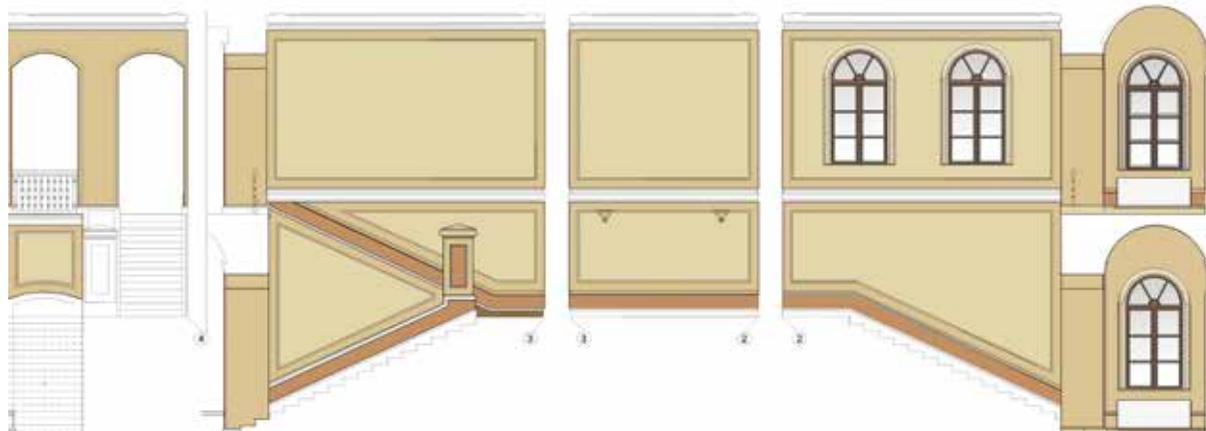
Проектом предлагается реставрация памятника с восстановлением архитектурного облика на момент его строительства – конец XIX века. К настоящему времени выполнены мероприятия по укреплению стен и фундаментов, проведена замена кровли с ремонтом стропильной системы, устройством новых водосточных труб. Кровля металлическая с полимерным покрытием. Изначальные деревянные перекрытия по балкам заменены на монолитные железобетонные.

В целом внешний облик здания не претерпел особых изменений и утрат. Первоначально с улицы Франк-Каменецкого было два симметричных входа, позднее, в целях увеличения площадей под классы, левая дверь была заложена. Проектом предлагается восстановить второй вход, увязав его с новой планировкой под музей (или устроить «ложную» дверь). Также воссоздаются (повторяя один сохранившийся) козырьки на главном, дворовом

текст
Елена Трескина

Кладищевское училище в
Иркутске. Фото 2008 г.

и боковом фасадах, хотя над второстепенными входами таковых не было, но сейчас эти входы становятся более значимыми, учитывая музейную функцию здания.

Решетка ограждения кровли ранее на здании отсутствовала. В настоящее время подрядчиком работ на парапете установлена металлическая решетка без учета стилистики, характера памятника. Необходима ее замена. Водоприемные воронки водосточных труб были простой формы. Но, опять же, учитывая новый общественный статус здания, проектом предлагается заменить их на более сложные, используя аналоги, соответствующие стилю и времени постройки памятника. На фронте главного фасада изначально была надпись (утрачена): «Бесплатное начальное училище Антонины Кладищевой 1885 года». Предлагается в новой надписи отобразить нынешнюю специфику здания – «Иркутск. Музей истории города», добавив изображение герба столицы Приангарья. В качестве образца взято гербовое изображение с фронтона «Ломоносовской школы» (ныне педагогический колледж № 3 по улице Гоголя).

Цветовое решение фасадов разработано на основе архивных описаний о производстве работ по зданию и выполненным зондажам. Из исторических источников известно, что в 1887 году подрядчик С.П. Коротавев штукатурил здание, окраска «гладких частей» производилась ало-кирпичным цветом на два раза, «выступающих частей карнизов, пилястров, поясков и отделки вокруг окон и дверей» – белым цветом.

По зондажам в нишах определены цвета кирпичных оттенков. На старых фото видна контрастная раскраска главного фасада. Более поздние фотографии говорят об одном светлом тоне. Проектом предлагается выкрасить песочным цветом цоколь и плоскости стен, карнизы, пилястры, пояски, фризовую же часть фасада выделить осветленным песочным тоном, ниши – светлые терракотово-кирпичные. По главному фасаду по низу цоколя сохранились блоки песчаника, на остальных фасадах весь песчаник закрыт торкретом, который красится в цвет песчаника. Водосточные трубы предлагается выкрасить в серый цвет теплого оттенка.

Двери выполняются обязательно традиционные – филенчатые, по типу сохранившихся в городе аналогов. Низкое качество архивных фотоизображений не позволило определить рисунок дверных полотен. На здании музея

входные двери должны быть представительные. Оконные проемы заполняются современными деревянными стеклопакетами с соблюдением принципиального исторического рисунка расстекловки. Окрашиваются двери и окна под цвет дерева, окна – более светлые, двери – темные.

Предложения по интерьерам

Интерьеры музейных помещений выполнены в стиле здания. Восстановлены печи (имитация) в прежних габаритах, они используются для воздуховодов и вентиляции. По потолкам и стенам восстановлены штукатурные тяги. В коридорах, на лестницах и в гардеробе по стенам устроены тяги, карнизы, обрамления оконных и дверных проемов. Два зала, на первом и втором этажах, оформлены торжественно. При проектировании применены аналоги сохранившихся иркутских интерьеров конца XIX – начала XX веков.

Благоустройство территории

Подъезд к парадному входу осуществляется по улице Франк-Каменецкого, где организовано место временной парковки для двух экскурсионных автобусов. Служебный въезд на территорию музея организован со стороны улицы Декабрьских Событий, во дворе предусмотрены гаражи, рядом оборудована контейнерная площадка для сбора мусора. Существующие ворота со стороны улицы Франк-Каменецкого возможно использовать как пешеходные и, разобрав заложенный проем, предлагается восстановить деревянную калитку.

Парковая зона. Разбивается на месте достаточно большого участка усадебного сада училища Кладищевой, распространявшегося когда-то до улицы Большой (сегодня – неорганизованный сквер на углу улиц). Вход для посетителей обеспечивается в дневное время со стороны улиц через трое ворот, закрывающихся на ночь. Пешеходные дорожки мостятся тротуарной плиткой. Кроме соответствующего озеленения, на парковых площадках рекомендуется устройство небольших фонтанов.

Ограждение. С самого начала территория усадьбы имела капитальное ограждение, от которого на сегодня сохранился небольшой фрагмент с «парадными» воротами слева от здания вдоль улицы Франк-Каменецкого. Это дает основание для восстановления (продолжения) исторического ограждения по всему периметру территории музея. Спроектирована кирпичная ограда с металлическим заполнением: вдоль улиц – высокая (цоколь 1,7, столбы 3,5 м), со стороны двора – значительно ниже (цоколь 1,0, столбы 2,1 м). Решетки, судя по густоте узора на исторических фото, были чугунные или из просечной стали. Сегодня заполнение предлагается выполнить кованым, соблюдая первоначальный рисунок. Каменная часть ограды окрашивается в цвета аналогично фасадам.

Проект реставрации
Кладищевского училища
(НПРМ «Традиция», 2008).
Развертка интерьеров
Главный фасад по ул.
Франк-Каменецкого, слева
направо: главные ворота с
оградой, здание училища
(музея), ограда усадебного
сада с калиткой

Музей деревянного зодчества «Тальцы»: история создания

Поводом для создания музея деревянного зодчества под открытым небом «Тальцы» на 47-м километре Байкальского тракта Иркутск–Листвянка стала угроза исчезновения уникальных памятников истории и архитектуры – Спасской проезжей башни Илимского острога (год строительства 1669) и Казанской привратной церкви в том же остроге (1679), – в связи с планируемым в 1970-е годы сооружением Усть-Илимской ГЭС. Эти шедевры деревянного зодчества попадали в зону затопления будущего водохранилища вместе с другими объектами народной архитектуры, этнографии периода заштатного города Илимска XVII–XVIII веков.

Утрата этих объектов для Иркутской области была реальной: в то время широко обсуждалась перспектива их переноса в музейный комплекс «Коломенское» (Москва), как это случилось с одной башней Братского острога, или в создававшийся тогда под руководством академика А.П. Окладникова Всероссийский музей под открытым небом. В защиту памятников, за их сохранение на родной земле выступила общественность Иркутска – А.Д. Фатьянов, А.С. Агеева, В.В. Сви́нин, С.В. Шостакович, Ф.А. Кудрявцев и другие. В конце 1965 года на первом учредительном собрании Иркутского отделения ВООПИиК был поставлен вопрос о спасении архитектурных шедевров путем формирования на их базе музея деревянного зодчества в Иркутске или под Иркутском. Проблема была настолько актуальна и всем очевидна, что уже 9 января 1966 года Иркутский облисполком принял постановление о создании такого музея. Для выбора места под музей была сформирована авторитетная комиссия из ученых и администраторов в составе: А.И. Перкальская – начальник областного управления культуры, М.И. Слободчиков – председатель Иркутского райисполкома, В.И. Шматов – главный архитектор Иркутска, А.Д. Фатьянов и В.В. Сви́нин – директора областных музеев, Г.Г. Оранская – архитектор-реставратор из Москвы (вела в то время реставрацию Спасской церкви и дома декабриста Трубецкого в Иркутске) и другие.

Комиссией рассматривались различные варианты размещения музея, в том числе в сквере у Спасской церкви; на островах Комсомольский и Дьячий акватории Ангары, на Верхоленской горе (в пяти километрах от города по Александровскому тракту); на 15-м и 21-м километрах Байкальского тракта. По общему мнению членов комиссии, все предложенные участки имели серьезные недостатки. Основываясь на выводах комиссии, было решено поручить проработку вопроса о выборе места под музей опытному в этих вопросах специалисту Галине Геннадьевне Оранской.

По воспоминаниям иркутского краеведа, фотографа Ивана Ивановича Козлова, выбор места под музей произошел довольно буднично. В конце августа 1966 года Г.Г. Оранская, В.В. Сви́нин и И.И. Козлов на автомашине ГАЗ-63 отправились с этой целью по Байкальскому тракту. На 47-м километре свернули в сторону реки Ангары, где им открылись поля и перелески, оставшиеся от поселка некогда крупного села Тальцы, в недавнем времени затопленного Иркутским водохранилищем. Оранская практически сразу оценила ландшафтные и экспозиционные возможности этого места, окончательно определившись с выбором именно его. В октябре того же года комиссия рекомендовала данный участок в Тальцинском урочище, и решением Иркутского районного Совета народных депутатов трудящихся от 13 октября 1966 года № 264-в он был утвержден с формулировкой: «Об отводе земельного участка областному управлению культуры для музея под открытым небом».

В том же году решением Иркутского райисполкома от 2 декабря 1966 года № 618-в под музей были отведены первые 25 гектаров. Первоначально формирование концепции будущего музея было отдано на откуп местным ученым. Согласно

ей, экспозиционным центром должна была стать археологическая зона с реконструкцией открытой М.М. Герасимовым Мальтинской стоянки древнего человека. Остальные экспозиционные зоны формировались по доминирующему в то время в музейном строительстве коллекционному принципу – через показ отдельных объектов – изб, хозпостроек, бань, землянок и т.д. – в виде визуального ряда.

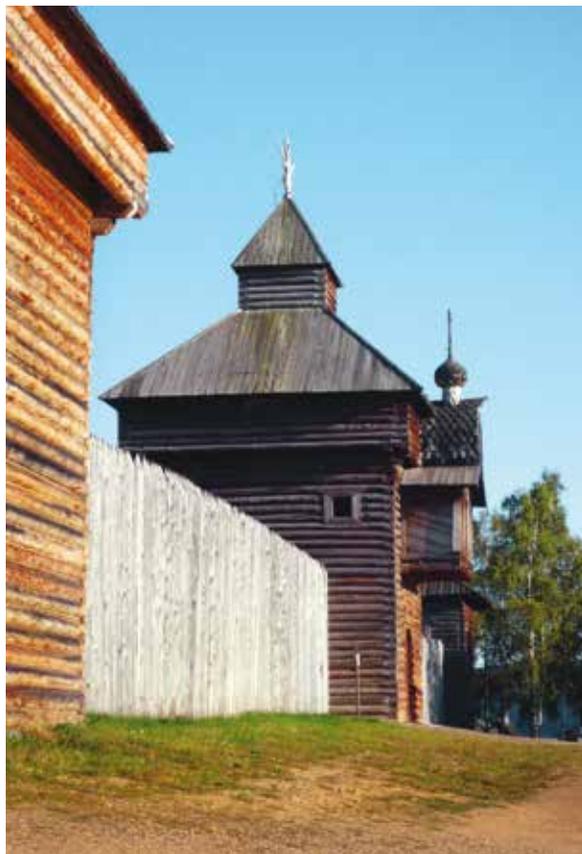
Изменения во взгляде на создаваемый музей произошли уже в 1968 году, когда заказ на оформление концепции в виде генплана будущего музея был передан лидеру в проектировании этнографических музеев под открытым небом в Советском Союзе – Всесоюзному производственному научно-реставрационному комбинату (Москва). Руководителем группы была назначена Г.Г. Оранская. Галина Геннадьевна по аналогии с создаваемым Б.В. Гнедовским этнографическим музеем под открытым небом «Малые Корелы» (Архангельск) применила принцип историко-культурного зонирования, позволивший ей уже к 1970 году выделить условно (из-за небольшого, за отсутствием времени, объема экспедиционных исследований) семь историко-культурных зон. Это: ангаро-илимская, верхоленская, витимская, центральная (русская культура), а также этнические – эвенкийская, бурятская, тофаларская. Что и было отражено в генеральном плане, утвержденном после некоторых доработок в 1971 году.

Не дожидаясь генплана музея, областное управление культуры образовало в 1969 году в составе Иркутского областного краеведческого музея филиал «Музей деревянного зодчества», первой заведующей которым была назначена Г.Н. Куценко, работавшая в этой должности с 1969-го по 1977 год и в 1982–1992 годы.

Работы по созданию музея велись в трех направлениях: изучались этнографические особенности региона, организо-

текст
Владимир Тихонов

фото
Алексей Чертилов

АЭМ «Тальцы». Проезжая Спасская башня Илимского острога

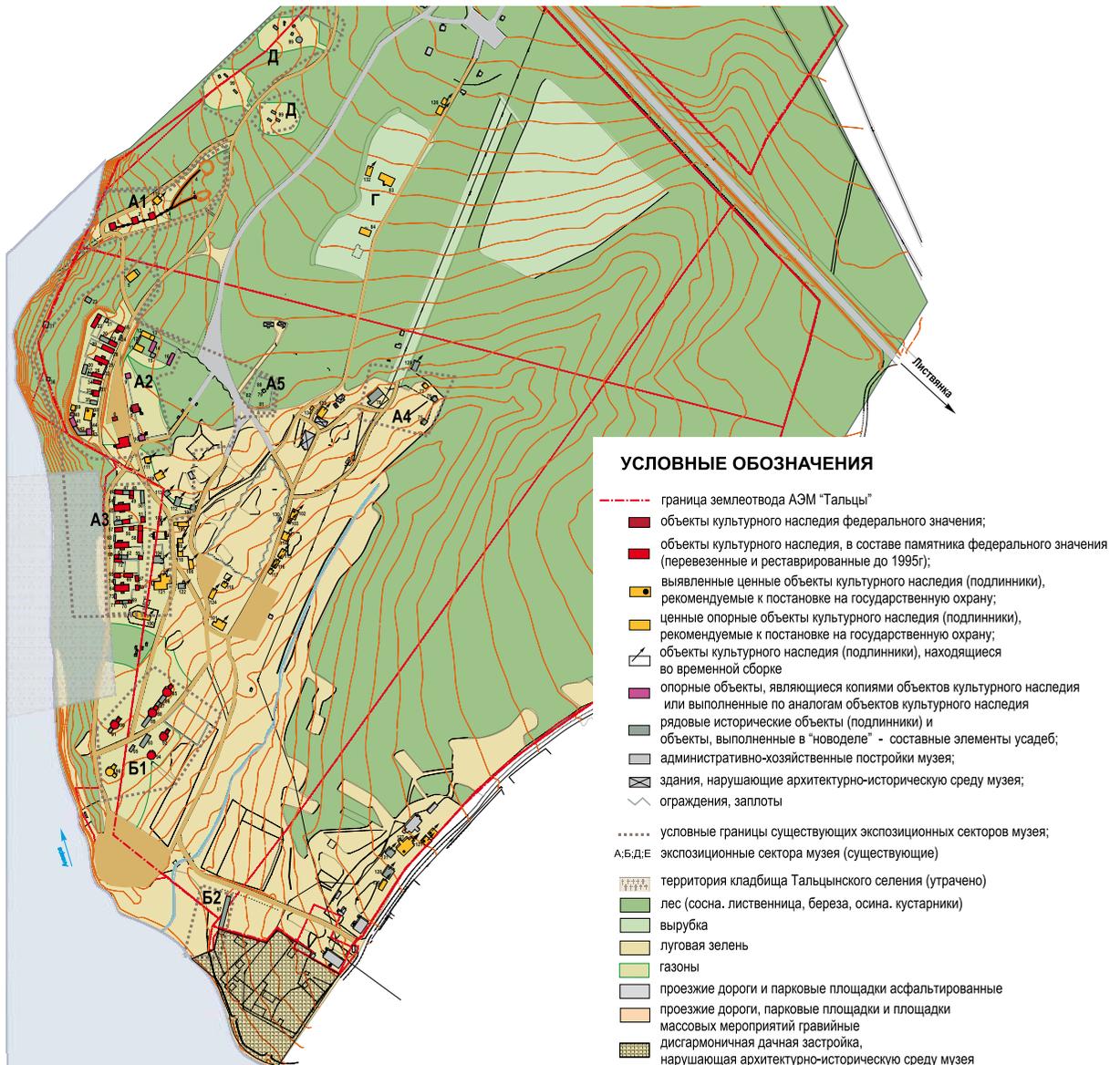
Ангаро-Илимский сектор
АЭМ «Тальцы». Усадьбы
XVIII–XIX вв.

вывалась вывозка объектов деревянного зодчества, в особенности из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, собирались движимые этнографические экспонаты для создания экспозиций. Значительное содействие вывозке памятников деревянного зодчества из зоны затопления оказывал первый начальник управления «Братскгэсстрой» И.И. Наймушин, частично осуществлявший финансирование работ. Непосредственно строительство музея началось в 1972 году. Первым этапом стала деревня-малодворка, состоящая из трех крестьянских усадеб – начала XVIII, середины XIX и конца XIX века. Строительство велось медленно. Интенсификация работ стала возможной только в 1974 году, когда по распоряжению председателя Иркутского горисполкома Н.Ф. Салацкого реставрационные

работы были возложены на крупную строительную организацию города – ДРСУ-1 (Дорремстройуправление), и при ней был создан специализированный реставрационный участок, обеспечивающий непосредственно производство работы.

С завершением реставрации трех усадеб деревни-малодворки – Непомилуева (начало XVIII века), Серышева (середина XIX) и Прокопьева (конец XIX) – в соответствии с распоряжением Иркутского райисполкома от 17 июля 1980 года № 544 «О приемке музея в эксплуатацию», 18 июля музей «Тальцы» принял первых посетителей. На его открытии право перерезать ленточку было предоставлено заместителю председателя Иркутского облисполкома Л.Г. Пынько, а право вручения символического ключа от музея

Опорный план музея
«Тальцы». Авторы:
архитекторы И.В. Калинина,
Е.Р. Ладейщикова,
Е.И. Давыдова. 2007 г.

АЭМ «Тальцы».
Тофаларский сектор.

Троицкая церковь из
дер. Дядино
(предварительная сборка)

– главному инженеру ДРСУ-1 К.С. Шаврину – организатору реставрационного производства, награжденному Почетной грамотой облсполкома за сдачу первой очереди музея.

Хотя дальнейшее развитие музейного комплекса шло неспешно, тем не менее шаг за шагом, год за годом развивались экспозиционная и неэкспозиционная инфраструктуры. В 1984–1992 годы в результате значительного объема экспедиционных исследований О.В. Бычковым и А.А. Субботиным был разработан второй вариант концепции музея, более расширенный, институтом «Стройреставрация» (Москва) предложен новый вариант генерального плана. Несмотря на то что данный генплан в связи с начавшейся перестройкой и разрывом хозяйственных связей окончательно не был утвержден, тем не менее дальнейшее развитие музейного комплекса вплоть до настоящего времени основывается на нем, конечно, с текущими изменениями в соответствии с данными экспедиций, регулярно проводимых сотрудниками музея.

Этапы в жизни архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

1) Музей вырос из филиала областного краеведческого музея в самостоятельное учреждение культуры (приказ Комитета по культуре Администрации Иркутской области от 18 ноября 1993 года № 321).

2) Музейный комплекс «Тальцы» на основании Указа Президента РФ от 20 февраля 1995 года № 176 отнесен к объектам культурного наследия федерального (общероссийского) значения (раздел «Градостроительство»).

3) На основании решения Координационного совета по культуре Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» от 24 июля 1999 года № 9 музей стал научно-методическим центром Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля.

4) 20 декабря 1999 года Министерство культуры РФ утвердило Положение о региональной Сибирской подсекции этнологического наследия (народной архитектуры и этнографии) Федерального научно-методического совета, работающей на базе музея «Тальцы».

5) Результатом подвижнической, плодотворной работы администраторов, научных сотрудников, производственников и всех тех, кто неравнодушен к проблеме сохранения традиционной культуры народов Прибайкалья, стало превращение музейного комплекса «Тальцы» уже сейчас, несмотря на то что он построен всего-навсего на 8–10 % от запланированного, в известный бренд Иркутской области, следующий по значимости сразу за Байкалом.

При развитии музея возникало много проблем, тем не менее они с той или иной долей успеха преодолевались. Одной из серьезнейших проблем стал земельный вопрос. С 1973 года под музей выделено еще 25 гектаров, в итоге общая площадь достигла 50 гектаров. Прежняя, советская система давала приоритет в землепользовании государственным структурам, к которым относился музей. Однако начавшаяся в конце 1980-х перестройка внесла хаос в земельный вопрос. И уже в 1987-м на границе с музеем в пределах видимости экспозиций, а в отдельных случаях на перспективных для создания новых музейных экспозиций землях,

началось строительство частных дач методом самозахвата земельных участков с последующим их узакониванием.

Разработанная и утвержденная (14 февраля 1995 года) «Временная схема охранных зон АЭМ «Тальцы»» в какой-то мере притормозила хаотичный захват перспективных в плане дальнейшего развития музея земель. Однако опасность этого остается. Для решения данной проблемы на основании поручения областной прокуратуры в целях охраны музейного комплекса «Тальцы» ведутся работы по организации на его базе регионального музея-заповедника.

Музей «Тальцы» сегодня

Прогрессивным в жизни музея явился период 1999–2000 годы, когда музей перешел на круглогодичный режим (до этого рабочим был только теплый сезон). Сложность перехода заключилась в том, что практически вся инфраструктура, как экспозиционная, так и неэкспозиционная, была рассчитана на работу в летнее время по аналогии с европейскими музеями. С 1999 года все вводимые объекты музея рассчитывались уже и на зимний период. Помимо прочего, некоторые памятники архитектуры, находящиеся во временной сборке, были утеплены и приспособлены под пункты питания, выставочные залы, ремесленные мастерские, административные помещения. Результат превзошел все ожидания: в 2008 году более половины годового «турпотока» (54%) приходилось на зиму, и меньшая часть (46%) – на лето.

К концу 2008 года в музее было 110 объектов недвижимости, в том числе 87 памятников истории и культуры. В стадии завершения находится строительство ангаро-илимской экспозиционной зоны, где не достроен комплекс Илимского острога (предполагается дополнить оставшуюся его часть в новоделе, так как элементов оригинала не сохранилось). Предстоит реконструировать с использованием элементов оригинала охотничье-промысловый стан, возможно, с ясным зимовьем. Продолжаются работы по строительству и комплектованию объектами-оригиналами бурятской этнической экспозиции, в которой практически завершено строительство бурятского улуса-летника. В составе бурятской экспозиции предполагается строительство маломорского рыболовецкого стана, ведутся работы по рабочему проектированию и комплектованию объектами деревянного зодчества улуса-зимника и бурятского православного миссионерского стана. С 2000 года ведется строительство тракторной экспозиционной зоны.

Основными направлениями развития архитектурно-этнографического музея «Тальцы», сформулированными музейными сотрудниками в 2006 году, предполагается организация новых экспозиционных площадок – верхоленской, бодайбинской, городской (пригородной), переселенческой, а также и неэкспозиционной инфраструктуры – строительство фондохранилища, причала, автостоянки, реставрационных мастерских.

Растаивающий в прошлом году рекордный объем туристического потока в 140 тысяч посетителей при непрекращающемся динамичном поступательном развитии экспозиционной и, особенно, неэкспозиционной зон уже через пять-десять лет может увеличиться до одного миллиона посетителей, экскурсантов, а после полной комплектации и благоустройства музея их количество может стать значительно больше.

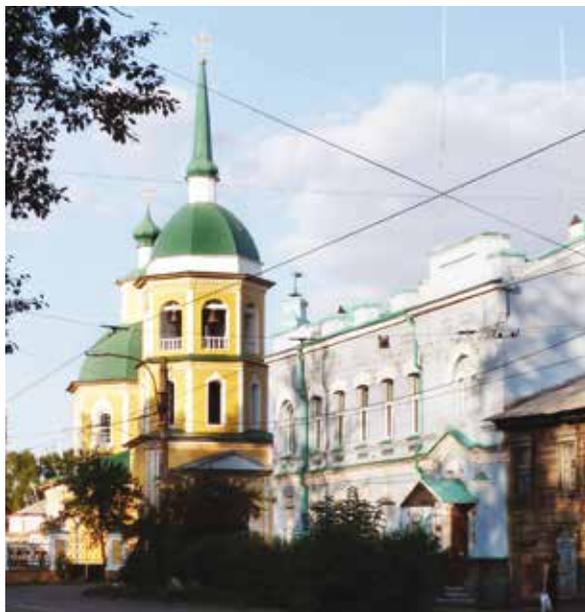
По просьбе редакции журнала «Проект Байкал» статью о проблемах формирования историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» готовил директор Музея декабристов Евгений Александрович Ячменев. Не успел, не дали... Трагически ушел из жизни. Но было бы странным, если бы в номере, посвященном теме «История», из-за этого печального события такой материал не появился бы. Об истории создания мемориального комплекса, о сегодняшних его трудностях рассказывает новый директор музея – Елена Аркадьевна Добрынина. Со своей стороны не можем не отметить один важный факт: в прошлом году были начаты работы по повторной реставрации одного из главных компонентов ИМК «Декабристы в Иркутске» – дома декабриста С.П. Трубецкого, объекта культурного наследия федерального значения, расположенного по улице Дзержинского, 64. В ходе работ уникальный памятник профессиональной архитектуры... исчез (см. фото в статье). Его разобрали, как выражаются специалисты, «в процессе реставрации». Появится ли он вновь, будет ли он собран в подлинных материалах или нам опять подсунут несуразную копию-обманку, так называемый «новодел», как это было далеко уже не один раз в иркутской «реставрационной» практике, мы не знаем.

Но знаем точно, что очередная такая чудовищная подмена памятников происходит прямо сейчас, у нас на глазах, и, не удивляйтесь, в самом сердце этого будущего музейного комплекса – по периметру переулка Волконского, вокруг Преображенского храма. Так, вместо восстановления жилого дома (пер. Волконского, 4) и особняка, якобы переносимого с улицы Парковой, 10 (их срубы, конструкции попросту утрачены), современными «умельцами» от реставрации гороятся домины из калибровки. Неужели это откровенно новое строительство осуществляется по согласованной Госорганом охраны культурного наследия проектной документации и с его разрешения? Для следующего номера мы планируем найти ответы на эти вопросы.

Истории историко-мемориального...

текст
Елена Добрынина

фото
Алексей Чертило

Преображенская улица (сегодня – Тимирязева). Вид на школу им. Родионова и Преображенскую церковь – композиционную доминанту Историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске»

Вскоре после открытия музея, в связи с приближающейся годовщиной – 150-летием со дня восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, начались масштабные работы по созданию комплекса. В 1973 году было подготовлено задание для проектировщиков, в котором говорилось, что «конечной целью проекта является создание мемориальной зоны, включающей усадьбы, связанные с именами ссыльных участников декабрьского восстания 1825 года, в окружении музейной зоны, исторически достоверно воспроизводящей облик городской деревянной застройки, с экспозицией наиболее ценных в историко-архитектурном отношении жилых домов и усадебных построек XIX века. Оптимальной датой восстановления облика застройки является середина XIX века – время проживания декабристов в Иркутске в сибирской ссылке».

Участок, который был выделен для создания историко-мемориального комплекса, расположен в центральной части Иркутска, охватывает два квартала, ограниченных улицами Декабрьских Событий, Октябрьской Революции, Дзержинского и Фридриха Энгельса. Выбор этой территории был обусловлен тем, что именно здесь расположены основные мемориальные сооружения будущего комплекса, связанные с пребыванием декабристов: Спасо-Преображенская церковь, усадьбы С.П. Трубецкого и семьи Волконских с домами и надворными постройками, сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, дом гражданского губернатора, больше известный как дом купца Е.А. Кузнецова, дом генерал-губернатора М.М. Сперанского (бывший флигель усадьбы Е.А. Кузнецова), а также ряд ценных деревянных построек первой половины – середины XIX века.

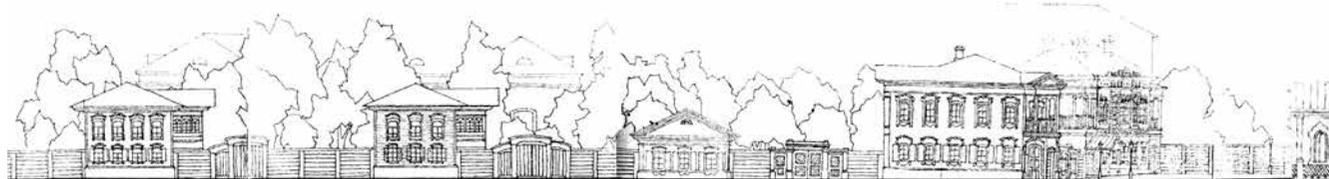
Проект генерального плана был разработан центральным реставрационным институтом «Спецпроектреставрация» объединения «Росреставрация» (г. Москва, главный архитектор проекта Евгений Юрьевич Барановский, окончание – 1974 г.). Согласно проекту комплекс состоял из двух зон: мемориальной и архитектурного окружения. Мемориальную зону формировали усадьбы декабристов С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого, Преображенская церковь (являющаяся и композиционным центром и архитектурной доминантой всего комплекса) с площадью вокруг нее и застройкой по периметру площади, переносимые дома Е. Кузнецова и М. Сперанского и, кроме того, застройка вдоль пробиваемой пешеходной улочки, связывающей усадьбы Трубецких и Волконских. Эта улица должна была

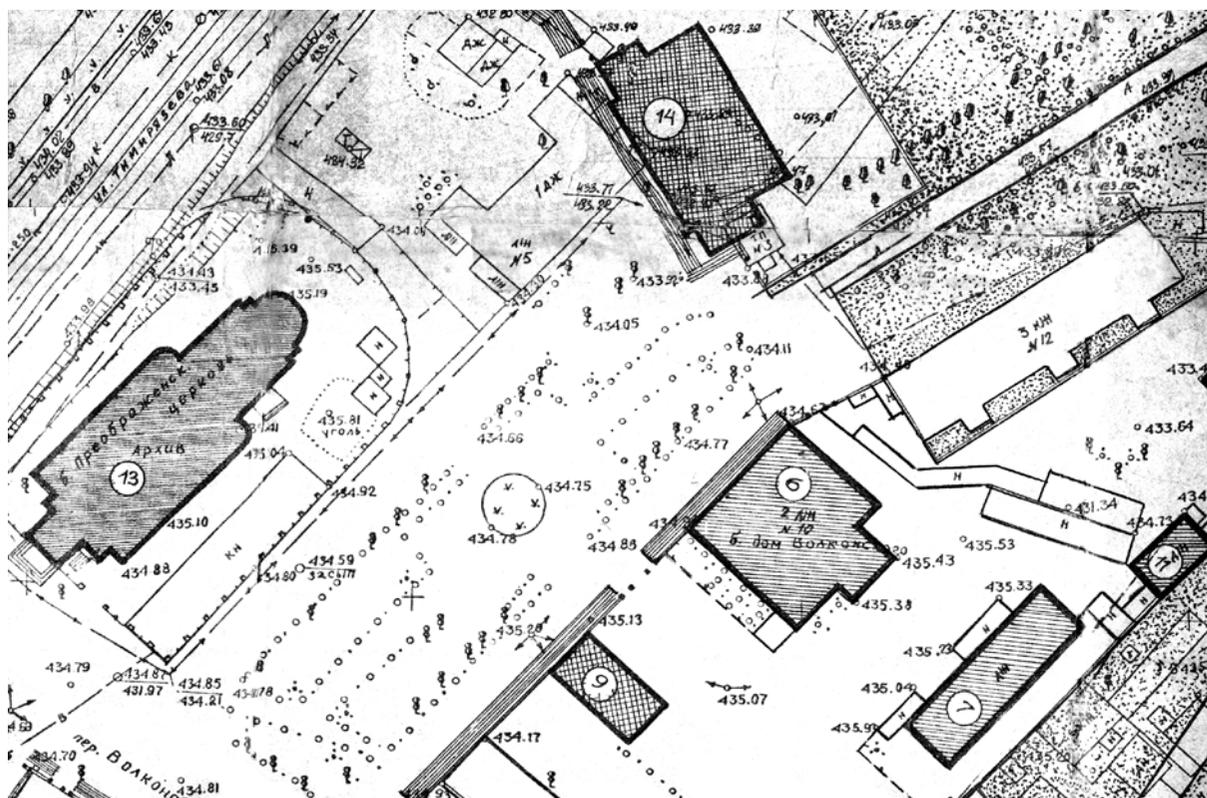
Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске»...

Очень привычное для иркутян и известное многим россиянам и жителям зарубежья название. Часто упоминаемый в последнее время средствами массовой информации, государственными людьми, занимающимися вопросами охраны памятников, в связи с реставрацией и воссозданием на его территории объектов историко-культурного наследия. А тем временем с начала его строительства прошло уже 42 два года.

7 августа 1967 года исполнительный комитет Иркутского горсовета принял решение о создании в Иркутске историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске». В это время (1965–1970) полным ходом шла реставрация дома, связанного с семьей декабриста Сергея Петровича Трубецкого. В нем в декабре 1970 года был открыт один из первых в стране музеев декабристов.

Генплан ИМК «Декабристы в Иркутске» (институт «Спецпроектреставрация» (г. Москва), 1988). Графическая реконструкция. Развертка Преображенской улицы (Тимирязева)

Генплан ИМК «Декабристы в Иркутске». Фрагмент основного чертежа. Площадь (переулок) Волконского; Преображенская церковь, усадьба декабриста С.Г. Волконского, дом Гражданского губернатора (перенос с улицы Октябрьской Революции, 7)

стать по замыслу проектировщиков основной композиционной осью мемориальной зоны комплекса.

В мемориальной зоне должна быть наиболее полно воспроизведена архитектурно-пространственная среда, в которой жили декабристы и их семьи. Проектом предусматривались сохранение и музеефикация усадеб Трубецких и Волконских в исторических границах, с реставрацией всех имеющихся усадебных построек, а также восстановление утраченных к тому времени строений, элементов благоустройства и прочее. Дома с улицы Октябрьской Революции – Сперанского (№ 11а) и Кузнецова (№ 7б, в котором первое время проживала семья Волконских) – по проекту переносились на территорию комплекса, на Преображенскую площадь. Решение поставить дом Кузнецова в ансамбль площади авторы выбрали, учитывая историческое и архитектурное значение этого объекта для комплекса, а также то, что его внутренняя планировка позволяет организовать в нем музейную экспозицию периода декабристов, в дополнение к усадьбам-музеям Трубецких и Волконских.

При проектировании «зоны архитектурного окружения» авторы сочли возможным расширить хронологический и стилистический диапазон зоны. «Зона архитектурного окружения» рассматривалась как полностью исторически достоверная среда времени пребывания здесь декабристов и в то же время как правдоподобный архитектурный фон, органически связанный с мемориальной зоной. И вместе с тем – это коллекция наиболее интересных домов начала, середины и второй половины XIX столетия. В связи с тем, что на территории комплекса не все деревянные дома представляют историко-архитектурную ценность, авторы посчитали и логичным, и объяснимым перенесение ряда ценных домов из центрального исторического района города, которые в условиях интенсивной реконструкции, как считалось в то время, обречены на снос или забвение.

Создание комплекса было намечено осуществить в три этапа. Первый этап должен был завершиться в 1975 году – к 150-лет-

нему юбилею восстания на Сенатской площади – и включал реставрацию домов и усадебных построек Волконских, Трубецких, первоочередной снос малоценных строений, перенос дома Кузнецова и сборку его на новом месте. Кроме того, предполагался перенос домов с улиц Ремесленной, 3, Третьего Июля, 20, 20а, 18б, Свердлова, 4, 6а, Седова, 22. К юбилею планировалось также проложить подземный переход под улицей Тимирязева для соединения двух усадеб декабристов.

Однако в полном объеме намеченные работы не были сделаны, несмотря на усилия властей, энтузиазм проектировщиков и их желание осуществить свою идею. Строительство комплекса затянулось на долгие годы. Изменения социально-политической и экономической ситуации в стране с конца 1980-х годов негативно сказались на состоянии дел по декабристскому комплексу в целом. Отсутствие финансирования капитальных и текущих ремонтно-реставрационных работ привело и к резкому ухудшению сохранности деревянных зданий и сооружений, составляющих музейные усадьбы декабристов.

Дом Волконских реставрировался в течение 11 лет и был открыт для посетителей в 1985 году. Только в 2004-м завершилась реставрация всей усадьбы Волконских, был восстановлен последний объект – людская изба. Из запланированного проектом переноса объектов историко-культурного наследия был осуществлен демонтаж и перенос только дома Кузнецова, сруб которого был складирован в течение многих лет у Преображенской церкви. Судьба дома поистине печальна: в 2001 году почти восстановленное здание сгорело дотла, второй пожар, приведший к утрате вновь возведенного сруба, произошел в 2004-м. В мемориальной зоне также были практически утрачены дома № 4 и № 6 по переулку Волконских.

В 1987 году была выполнена корректировка генерального плана историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» (ГАП Е.Ю. Барановский), заменена часть объектов, рекомендованных к переносу на территорию комплекса.

Усадьба декабриста С.П. Трубецкого по ул. Дзержинского, 64. Дом демонтирован в процессе второй реставрации. Фото 2008 г.

В последнее время в средствах массовой информации, в репортажах, статьях о судьбе исторического наследия в исключительно мажорных тонах упоминается комплекс «Декабристы в Иркутске». «Историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске» – это первая заповедная зона на территории города», «Исторический квартал, повторяющий застройку конца XVIII – начала XIX века, будет создан на базе историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске», «К 350-летию столицы Приангарья реставрация историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» должна завершиться».

Что же на самом деле происходит на территории историко-мемориального комплекса сегодня, о каких замечательных событиях идет речь?

Территория комплекса сохранилась в прежних границах. Улицы Тимирязева, Октябрьской Революции, Декабристских Событий, Энгельса превратились в магистрали с интенсивным движением грузового и пассажирского транспорта. В непосредственной близости от территории комплекса находится крупный транспортный узел – городской автовокзал. Рядом с усадьбой Трубецких расположены аварийные бесхозные амбары в составе усадьбы Левенсона (Дзержинского, 64), один из них – с поврежденными кровли, второй практически руинирован. Недавно от пожара сильно пострадал дом по улице Декабристских Событий, 69а.

Несмотря на то что сохранилось прежнее зонирование комплекса и известно мнение архитекторов проекта, что «зона архитектурных сооружений играет лишь подчиненную роль. Она должна рассматриваться как архитектурный фон, на котором должны эффектно выступать мемориальные сооружения. Для них эта часть комплекса – пространственная среда», произошло, на наш взгляд, смещение акцентов в сторону формирования зоны архитектурного окружения. Имеет место фрагментарный перенос памятников конца XIX – начала XX веков

Усадьба декабриста С.Г. Волконского по пер. Волконского, 10. Фото 2008 г.

на территорию комплекса и формирование застройки на углу улиц Энгельса и Декабристских Событий. В отреставрированном «кружевном» особняке Шастина (Энгельса, 21) расположен «Дом Европы», только что завершены реставрационные работы и открыта экспозиция Музея городского быта, начинаются ремонтно-реставрационные работы на угловом памятнике архитектуры по ул. Декабристских Событий, 77.

Мемориальная зона развивается крайне слабо (в настоящее время инвестором воссоздается дом Кузнецова), и это притом, что комплекс носит название «Декабристы в Иркутске» и содержит мемориальные объекты, связанные с пребыванием декабристов в Иркутске. Именно это во многом и определяет интерес иркутян и гостей города к данному достопримечательному месту.

С территории комплекса исчезли пять памятников регионального значения. Сохранились обмерные чертежи этих объектов, необходимо их воссоздание на прежних местах, а не бесконтрольный перенос в комплекс памятников, не предусмотренных генпланом. Ведь сохранение и регенерация исторической среды предусматривает охрану не только ее отдельных компонентов, но и композиционных, пространственных и зрительных взаимосвязей и решение широкого круга задач, которые призваны обеспечить комплексную реабилитацию историко-культурного наследия. И это уже есть. В одном из своих интервью руководитель Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области В.П. Шахеров говорил о давно назревшей необходимости «решать вопросы комплексной реставрации памятников, сосредоточив усилия на заповедных территориях деревянной застройки. Например, на комплексе «Декабристы в Иркутске», ценность которого определяется еще и возможностью единой временной датировки памятников. Есть проект московского архитектора Барановского, который предполагал собрать на территории комплекса объекты 1840–1860-х годов, он до сих пор не потерял актуальности». Правда, сейчас в городе значительно сократилось число памятников первой половины XIX века, которые были запланированы к переносу на территорию комплекса декабристов.

Крайне необходимы корректировка генерального плана комплекса «Декабристы в Иркутске», определение приоритетов в формировании застройки и объектов, которые возможно перенести на территорию комплекса с учетом изменившейся ситуации. Корректировка должна осуществляться только на основе того багажа знаний, который накоплен за 35 лет со времени создания проекта. Нами уже упоминалось, что по проекту 1974 года дом Кузнецова планировался под музей декабристов, а усадьбы Волконских и Трубецких как сугубо мемориальными. Уже в то время было очевидным, что музей – это постоянно развивающийся организм, и он будет нуждаться в значительном количестве площадей как экспозиционно-выставочных, фондовых, так и административно-хозяйственных. В 2000 году Музей декабристов приобрел самостоятельный статус, поэтому проблема с площадями приобрела особо острую форму. В настоящее время решается вопрос с администрацией города Иркутска о передаче двух

амбаров усадьбы Левенсона в областную собственность. Музей мог бы разместить в амбарах часть экспозиции.

Однако это не решит полностью проблемы музея и историко-мемориального комплекса в целом. Генпланом предусмотрено несколько входов в комплекс – со стороны реки Ушаковки, с улиц Дзержинского и Декабрьских Событий, последний должен стать главным. Кроме того, следовало «закрепить» углы кварталов крупными представительными сооружениями. С точки зрения уточнения генплана комплекса целесообразно воплотить в жизнь предложение, выработанное в рамках «Проекта реконструкции улиц Ф. Энгельса, С. Перовской, Подгорной на участке от улицы Окт. Революции до улицы Красноармейской в г. Иркутске» (заказчик – администрация города, 2007 г.). Этим проектом рекомендован к переносу памятник архитектуры, состоящий под государственной охраной регионального значения, – двухэтажный деревянный дом по улице Борцов Революции, 11. Предполагается, что новым местом расположения будет угол улиц Декабрьских Событий и Тимирязева. Перенос памятника на это место явится целесообразным не только с пространственно-планировочной точки зрения. В случае положительного решения вопроса о его передаче Музею декабристов (для административных целей и размещения визитно-информационного центра), это станет фактически входной группой в историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Несмотря на то, что усадебные комплексы образуют достаточно автономные музейные структуры с историческими экспозициями, историко-мемориальный музей по профилю и проблематике может и должен реализовать и функцию информационного центра, то есть собирать и предоставлять сведения по истории улиц, отдельных зданий и мемориального комплекса в целом.

Музей декабристов территориально расположен в районе Иркутска, не пострадавшем от страшного пожара 1879 года. Именно благодаря этому обстоятельству дошли до нашего времени, в том числе, и усадьбы декабристов. В непосредственной близости от усадьбы С.Г. Волконского находятся объекты культурного наследия, как отреставрированные, так и воссозданные. На улице Энгельса в границах квартала расположены памятники деревянной архитектуры Иркутска,

в которых располагаются учреждения культуры и отделы Музея истории города. В переулке Волконского воссоздается деревянная застройка Иркутска XIX века. Существуют все предпосылки для создания Музейного квартала с единым культурным пространством, туристско-рекреационной зоной, несмотря на то что на территории комплекса объекты культурного наследия принадлежат разным собственникам.

Данный квартал – самая старая сохранившаяся в Иркутске единая зона исторической застройки. Предприимчивые иностранцы давно бы сделали из нее грандиозный комплекс, насыщенный сувенирными магазинчиками, причудливыми пешеходными дорожками, студиями модных художников. Однако, на наш взгляд, наиболее верно путь расширения музейных владений начинать с идеи о социальной роли и многообразии функций музеев. Необходимо приветствовать и поддерживать их желание принципиально по-новому представлять свои коллекции – в контексте исторического города. Это, во-первых, позволяет привлекать дополнительных посетителей, а, во-вторых, способствует сохранению самих исторических зон, для которых сегодня музеефикация является, пожалуй, наиболее надежной гарантией дальнейшего сохранения и существования. В проекте создания музейного квартала на первом этапе могут участвовать два музея – Музей истории города Иркутска и Музей декабристов. Оба музея, помимо открытия новых экспозиционных отделов, могут решить совместно проблемы создания на территории квартала реставрационных мастерских для всех музеев области и региона, сувенирных мастерских, научной библиотеки с читальным и мультимедийным залами, научно-методического центра.

Музейная функция квартала, расположенного на территории историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» не может оказаться единственной, – кроме выставочных пространств, здесь уже есть театр, различные учреждения, организации, частные жилые дома. Полифункциональность была заложена в самой идее создания мемориального комплекса декабристов. Возможно, в будущем на территории будут размещены архитектурный центр, детский музей, кафе и рестораны, гостиницы, для владельцев которых сохранение атмосферы, духа ушедшего времени будут важны, в том числе и в коммерческих целях.

Музей истории Иркутска. Новый филиал

17 апреля 2008 года в Иркутске состоялась презентация нового учреждения культуры – Музея городского быта. Музей истории города пополнился очередным филиалом, разместившимся на этот раз в деревянном доме по улице Декабрьских Событий, 77, удачно вписавшись в историко-мемориальный комплекс «Декабристы в Иркутске». Это новый адрес дома, он перенесен с этой же улицы, прежний его номер – 47. В списке объектов культурного наследия этот памятник деревянного зодчества значится как «Особняк Полканова, конец XIX века», состоит на государственной охране регионального значения (решение Иркутского облисполкома № 73 от 22 февраля 1990 г.). Теперь старый особняк стал частью усадьбы, принадлежавшей когда-то, по данным сотрудников музея, Шипицыным.

Музей получился интересным. Авторы экспозиции постарались представить в нем предметы быта обычной мещанской семьи иркутян, жившей в конце XIX – начале XX века. Гостиная, столовая, кабинет хозяина, будуар хозяйки, детская – все комнаты дома дают представление о мебели, одежде, женских побрякушках, детских игрушках, мужских увлечениях. Несколько смазывает впечатление чрезмерное количество представленных экспонатов и, в ряде случаев, спорное их размещение. Несмотря на это, музей стал достойным элементом культурной среды Иркутска, и его деятельность, надеемся, будет очередным шагом к возвращению давно утраченной городом славы культурного центра Сибири.

Открытие музея в деревянном доме-памятнике, кроме прочего, является маленьким лучиком надежды, что изменится отношение властей Иркутска к сохранению культурного наследия города, особенно деревянной архитектуры, о котором прекрасно писали Валентин Распутин и Анатолий Шастин. Надежды – что не будет «случайных» пожаров, уничтожающих

текст
Владимир Лапенков

фото
Алексей Чертилов

Дом Полканова на новом месте – перенесен с ул. Декабрьских Событий, 47 и приспособлен под филиал Музея истории Иркутска. Общий вид с улицы

Технологии в реставрации

текст
Людмила Антонова

Мы занимаемся культурным наследием, но парадокс в том, что мы не являемся законными владельцами этого наследия. За все время занятий реставрацией я только однажды столкнулась с настоящими владельцами: в реставрационную мастерскую пришли двое – мужчина за сорок и с ним молодой, не более двадцати, – и принесли старый живописный портрет. Холст был свернут в трубочку, изображенный – в старинном мундире, красочный слой частично утрачен. Но эти трое – пришедшие и мужчина на портрете – так походили друг на друга общностью овала лица, разрезом глаз, что было несомненно: они родственники. Портрет был долго и бережно храним.

Законные владельцы нынешних недвижимых памятников исчезли, бог судья нам и времени, в которое это совершилось.

Реставрация начинается с проекта, его часть – историческая записка, в ней собраны все разысканные сведения: о заказчике работ, подрядчиках, строителях, о потраченных деньгах, обнаруживаются чертежи, другие архивные материалы. Но основная информация о памятнике заканчивается периодом революции 1917-го. Смеем предположить, что возникновение движения в защиту памятников, трепетное отношение его участников к прошлому связано именно с разрывом с нашим прошлым, с насильственной сменой культур, с интуитивным стремлением – посредством сохранения материального – сохранить Память.

Каждый недвижимый памятник имеет свои причины разрушения строительных материалов, его конструкций и внешнего облика. Практически всегда на каменных объектах встречаются кирпичи в кладке разного размера и различных изготовителей. Кирпичи разнятся по цвету и качеству обжига, по толщине и длине, хотя могут относиться к одному периоду постройки здания. Глядя на них, задаешься вопросом: что представляли собой печи, в которых производился обжиг, какова их производительность, из какой глины мешали, насколько была стандартизирована продукция? Ясно, что при больших объемах кладки поставщики были различные, исходный, «авторский» кирпич разнился как по фактуре, так и по свойствам, по цене. Поэтому при равенстве всех прочих факторов, вызывающих разрушение кирпичной кладки, неоднородность исходного материала приводит к появлению дополнительных проблем, которые проявляются потом, при эксплуатации здания.

В своих знаниях о старых строительных материалах мы, реставраторы, находимся еще в начале пути. Обычные составляющие штукатурного или кладочного раствора – известь, песок – это не чистые вещества, это композиции из разных их составляющих, разных фракций в различных

лучшие его образцы, сохранится историческая среда центральной части города, безжалостно сносимая и изменяемая в угоду сиюминутным коммерческим интересам, что мы не будем повторять ошибки цивилизованных стран в градостроительстве, от которых они отказались полвека назад.

Иркутск уже не будет промышленным городом, его будущее, на мой взгляд, – в развитии туризма. Из собственного опыта знаю, что иностранцев привлекают и восхищают в нашем городе не «коробки» с зеркальными стенами, а патриархальные улицы с их теплыми деревянными домами и привлекательными, уютными усадебными двориками. В них можно показывать туристам и горожанам, какими были особняки, доходные дома, иркутские кабаки, мастерские ремесленников, как жили купцы, священнослужители, чиновники, татарские или еврейские семьи, отличавшиеся своим бытом от русского населения. А разве не интересно восстановить послевоенную коммуналку, где по соседству жили рабочие, учителя, врачи, где общими были праздники и беды?

Первый шаг в этом направлении сделан. Будут следующие?

соотношениях. Если кирпич есть продукт заводского изготовления, то известь, и особенно песок – карьерные материалы. Целенаправленного изучения технической составляющей культуры природных строительных материалов региона практически нет. Что-то знают геологи, строители, что-то историки и краеведы... Наиболее эффективная существующая форма хранения объектов материальной культуры – это музеи. Не знаю, как в центральной России, но точно знаю, что в нашем Байкальском регионе нет музея ни современных, ни реставрационных стройматериалов, конструктивных, инженерных, технологических решений, примеров, нет площадки для систематического обучения рабочих и мастеров-реставраторов, обсуждения исследований ученых и практиков-реставраторов. Нет даже скромного отдела, где можно было бы разглядывать различные пески, сохраненные образцы («реставрационный генофонд») штукатурки, кирпича, песчаника, спила бревна или кусок войлока, прослужившего более двухсот лет и не утратившего своих теплотехнических свойств. Что-то потрогать руками, поломать, потереть, смешать, почувствовать материал, увлечься им, довериться ему. Увидеть в микроскоп в обычном песке блестящие слюды, разглядеть структуру штукатурки, увидеть поры и примеси цемента и угля, ужаснуться разрушенным структурам древесины.

Необходимо просто хранить образцы с каждого находящегося в процессе ремонтно-реставрационных работ памятника, поскольку многое уходит, а многое просто сразу не осознается. Реставрация, даже если она называется научной, пока не вышла из стадии сбора информации. Ее еще слишком мало, она собирается по крупицам проектировщиками, производственниками, но совершенно отсутствуют выводы о действенности той или иной использованной методики, отсутствует мониторинг отреставрированных зданий. Так, понятие «паропроницаемость» вошло в реставрационный обиход лишь последние 10–15 лет, а ведь это очень важное, базовое понятие для сохранности стройматериалов, конструкций, а значит, и для памятника, оно отображает вероятность образования конденсатной влаги между слоями строительных материалов. Конкретной, согласованной методики определения паропроницаемости нет, согласованных цифр, при каких значениях паропроницаемости можно рекомендовать тот или иной строительный материал к применению при реставрации, тем более нет. Даже при наличии реставрационных отчетов (которые в нашем городе, регионе делаются крайне редко), информация (проекты) архивируется, уходит из оборота, ее не анализируют, не делаются практические выводы.

Реставрационные методики консервативны по принципу, но под давлением изменившейся среды обитания, экологии, производственной базы строительных материалов, эти методики должны разумно развиваться, меняться на основании накопленных результатов, обсужденных и принятых по принципу «не навреди» реставрационным сообществом. К примеру, фасадный декор кирпичных зданий Иркутска выполнен из разных материалов: гипса, слабообожженной керамики, штукатурного состава, точеного обожженного кирпича или резанного по сырому кирпичу. Достаточно много таких иркутских зданий отреставрировано. Но какими составами, как ведут себя материалы, где обо всем этом можно прочитать, где это обсудить?

Инженерные обследования показывают, что иркутский песчаник широко использовался при строительстве в качестве бутового камня – из него сложены фундаменты, цоколи, есть песчаниковые карнизы, полы, подоконники, колонны и другие разнообразие элементы декора. Хозяйственные постройки, небольшие дома, лестницы, противопожарные (брандмауэры) и подпорные стенки также выполнялись из блоков песчаника. Можно сказать, что песчаник – это характерная особенность дореволюционных иркутских построек, это составляющая лица города. Заглянув в Интернет, нахожу уйму ссылок на реставрацию песчанка в Питере, Харькове, Дрездене, Эрфурте и Нью-Йорке; на множественные предложения песчаника современным строителям. А у нас карьеры по добыче песчаника, расположенные практически в городской черте, как закрыли в 1930-е, так до сих пор не реанимировали.

Особенность песчаника как строительного материала в том, что это осадочная, плотная порода, спрессовавшаяся за миллионы лет, часто обладает неоднородной плотностью и требует внимательного отношения при добыче, обработке, применении и эксплуатации. Чем мягче камень, тем проще он обтесывается, но именно поэтому он менее долговечен, и глубокопрофилированный песчаниковый декор слоится и утрачивает четкость линий.

Реставрация песчаника в Иркутске выполняется, но редко. Качественные результаты дала методика головного российского института «Спецпроектреставрация» по докомпановке утрат, привезенная в Иркутск для реставрации Казанской церкви (1990–1993, архитектор Л.И. Гурова). Огромные утраты по массивному фасадному декору из песчаника с глубиной до 10–15 и шириной до 30 см были вызваны первоначальной слоистостью части песчаниковых блоков, но, в основном, механическими повреждениями от пуль времен Гражданской войны, выбивших фрагменты, образовав сколы, и частично застрявших в песчанике, кирпичной кладке, декоративных элементах. Пули и гильзы грудками обнаружались также при расчистке цоколя здания церкви от накопив-

шегося и слежавшегося мусора (так называемого культурного слоя). Поврежденные участки впитывали атмосферную влагу, разрушались под воздействием био-, морозной и ветровой деструкций.

Значительная часть подоконных блоков в интерьерах иркутских построек XVIII–XIX веков также вытесана из песчаника. Возможно, это была повсеместная практика, и деревянная плаха пришла позже, с развитием деревообработки. Первоначально, карьеры были рядом, песчаник был необычайно доступным, и широко бытующие мифы о подземных туннелях и ходах в старой части Иркутска каким-то образом с этим пересекаются. На настоящий момент карьерный блоковый песчаник в регионе не добывается. При реставрации (архитектор Т.В. Гусева) Духовной семинарии, памятника истории и культуры XVIII века, из снятых, пришедших в негодность песчаниковых подоконников, удалось сохранить, реставрировать только шесть. В основном при восстановлении отдельных небольших фасадных деталей используются старые прочные фрагменты песчаных блоков.

Многочисленные разрушения строительных материалов архитектурных памятников в городе, точнее в регионе, связаны с повсеместной биозараженностью объектов. Обследование на биозараженность должно быть обязательным, непонимание уровня проблемы приводит к зараженности новых конструкций, построек, к перезаражению при некачественном выполнении работ, к использованию препаратов не только инертных, но зачастую способствующих дальнейшей зараженности. Биокоррозия строительных материалов охватывает разрушение деревянных конструкций, кирпичных и каменных материалов, всего спектра отделочных материалов. Тема требует срочного обсуждения и самого пристального внимания городских, областных властей, строителей, медиков, реставраторов, микологов, химиков. Несомненная удача – в Иркутске все необходимые научные кадры, практикующие специалисты есть. Биокоррозия тесно связана с морозной и ветровой деструкцией строительных материалов, где отсутствует или нарушена гидроизоляция, протекает кровля, повреждена или не надлежаще устроена водосливная система, применены «недышащие» материалы. Другими словами, нарушена технология ремонтных, реставрационных (и строительных) работ. Разрушение защитных штукатурных слоев на практике составляет 80–90%, поверхностные разрушения кладочных материалов также достигают 80%, защитные окрасочные слои исчезают полностью.

Давайте будем истинными Владельцами, и в суматохе нехватки денег не потеряем почтения к талантам предков, построившим европейскую столицу в центре Азии, не забудем о первых иркутских реставраторах и энтузиастах, радеющих о своем городе, сохраняющих его культурное наследие.

Международная реставрационная школа в Иркутске

Сохранение историко-культурного наследия – одна из важнейших сфер в социально-экономическом развитии региона и города. Это не только выгодное долгосрочное инвестирование в экономику. Никакая форма развития экономики не была столь же рентабельной в смысле управления скудными общественными ресурсами, как обновление исторических объектов на коммерческой основе. По сути, каждый успешный проект реставрации городского центра включает сохранение исторической среды как ключевой момент стратегии. Но это не только экономический потенциал. Экономическая польза от сохранения наследия как такового значительно менее важна, чем их образовательное, экологическое, культурное, эстетическое и социальное зна-

чение. Иркутск в этом смысле уникальный город. Исторический центр с деревянной застройкой позволяет в полной мере реализовать все аспекты этой сферы. Образовательный аспект – это не только момент знакомства с историей города, это воспитание высококвалифицированных специалистов различных профессий и создание рабочих мест.

В сентябре 2007 года Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области провела Международную конференцию по проблемам реставрации объектов культурного наследия. В конференции приняли участие Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Управление государственной охраны объектов культурного наследия РФ, Фонд регионального развития Иркутской области, Российская ассо-

текст
Наталья Жуковская

Первая бригада учеников иркутской Реставрационной школы – из Франции. Не стыдно и не страшно взобраться всем на крышу одного из объектов музея деревянного зодчества «Тальцы», ведь сделана она надежно, своими руками

циация реставраторов (Санкт-Петербург), «Helenika» (Международный центр культурного и научного сотрудничества, Санкт-Петербург), Гильдия мастеров Франции, профессор-реставратор из ФРГ Манфред Гернер, а также Иркутское отделение Союза архитекторов России.

Одной из проблем, обсуждавшихся на этой конференции, была проблема острой нехватки квалифицированных реставраторов различных специальностей и их подготовка. Результат не заставил себя ждать: уже через год, в августе-сентябре 2008-го в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» прошла первая совместная практика молодых плотников Гильдии мастеров Франции (Дом «Lamothe Landerron», 60 км от Бордо) и иркутского профессионального лицея № 17. А в октябре того же года родилась идея создания Международной реставрационной школы, в которой могли бы участвовать не только будущие плотники и каменщики, но и студенты университетов, архитектурных школ.

Идея проекта заключалась в предоставлении возможности молодым реставраторам разных стран попробовать свои силы в реальном восстановлении объектов культурного наследия города Иркутска, пройдя все этапы реставрационно-восстановительных работ – от изучения истории памятника и выполнения проекта реставрации до его воплощения. Мастера-реставраторы разных стран готовы познакомить учащихся со старинными приемами и технологиями в строительстве, реставрации, иногда незаслуженно забытыми. А для ребят – это возможность попробовать самому сделать что-то конкретное своими руками, соприкоснуться с традициями старых мастеров, которые всегда являлись точкой отсчета в любой сфере деятельности.

Идею поддержали губернатор и правительство Иркутской области, администрация Иркутска, которые выделили площадки под «эксперименты» молодых. Это жилой дом № 75 по улице Декабристских Событий в историко-мемориальном комплексе «Декабристы в Иркутске» и один из разобранных, складированных и ждущих своей реставрации объектов в уже знакомых ребятам музее под открытым небом «Тальцы».

А первым «пристанischem» реставрационной школы стал Международный Байкальский Зимний

градостроительный университет (МБГЗУ) Иркутского государственного технического университета, в рамках которого 26 февраля 2009 года прошел круглый стол с презентацией и обсуждением работы Международной реставрационной школы. Участники проекта – студенты Иркутского государственного технического университета, Дрезденского технического университета (Германия), Высшей школы архитектуры и ландшафта (Бордо, Франция), профессионального лицея № 17 (Иркутск), Гильдии мастеров Франции, Центра профессиональной подготовки Мюнхена (Германия).

Во время сессий Реставрационной школы студенты будут иметь возможность общения с международными экспертами и специалистами в области реставрации объектов культурного наследия, смогут получить новые навыки в профессии, понакомятся с традиционными строительными технологиями Сибири, других регионов России, всего мира. Будут размышлять, обсуждать и совместно решать проблемы в области реставрации на конкретном объекте.

Плюсы совместной работы не требуют доказательств. Это сотрудничество взаимовыгодно как городу и области, любому другому заказчику, собственнику памятника деревянной архитектуры, желающему принять участие в этом проекте, так и молодым специалистам.

Первый семинар Реставрационной школы для студентов ИргТУ и лицея № 17 с участием международных экспертов планируется провести во время проведения Международного фестиваля «Зодчество–2009», в начале июня.

Профессиональная же практика и повышение квалификации российских и французских студентов начнется в конце августа. Она пройдет при участии международных экспертов, специалистов и даст возможность молодым реставраторам проявить свои знания и почувствовать осязаемый результат совместных усилий. А заказчик (в сессии–2009 это администрация Иркутска и дирекция архитектурно-этнографического музея «Тальцы») получит реальную экономическую выгоду.

Реставратор Виктор Александрович Палиев

Провинций нет.
Рассыпан Бог по лицам.
Есть личности, подобные столицам...
Е. Евтушенко

Нет пророка в своем отечестве... Это аксиома. Мы живем рядом с удивительными, светлыми и равнодушными людьми и не всегда осознаем это. Спихиваемся только тогда, когда понимаем, что человек ушел. Навсегда. Виктор Александрович Палиев – один из таких удивительных людей, утрата которых невозможна. Реставратор от Бога, руководитель двух реставрационных предприятий («Реставратор» и «Сибреставрация»), он возглавлял общественную инспекцию по контролю за состоянием памятников истории и культуры при Иркутском областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С 1994-го по 2000 год являлся заместителем председателя президиума того же ИОО ВООПИК.

О том, что такое «памятник», и будет ли таковым нечто «новодельное», воздвигнутое на его месте, и как правильно вести реставрационные работы, и кто персонально несет моральную ответственность за разрушение исторических зданий в Иркутске, он не только имел собственное мнение, но и открыто высказывал его. Для кого-то он был неудобным человеком, но для многих сегодняшних иркутских архитекторов-реставраторов он всегда был и остается Учителем. С самых первых наших реставрационных объектов он всегда был рядом. Когда мне было трудно и требовалась помощь специалиста, я всегда приходила к нему. Он говорил: «Не стыдно не знать, стыдно не спрашивать, если не знаешь, и учиться нужно всю жизнь». Общение с этим человеком всегда вызвало живой и глубокий интерес. Его знания поражали своей глубиной и разнообразием. «Технарь» по образованию, с множеством внедренных рационализаторских предложений, он строил катера, занимался профессионально боксом, он был романтиком и поэтом. Мальчишкой он сбегал на фронт, прибавив себе года...

И главное – Виктор Александрович Палиев был РЕСТАВРАТОРОМ. Деревянный Иркутск – его любовь, его боль, его жизнь. Профессиональное кредо – классическая реставрация, где нововведений минимум, где старый живой материал «лечится», а не подменяется новым, когда сохраняется подлинность конструкций, декоративных элементов. Он считал, что любое инородное включение в живой организм старинного здания – это крайняя мера, допустимая в реставрации только тогда, когда другого выхода нет. Но даже в этом случае все должно было быть выполнено по старым «дедовским» технологиям и, может, дедовскими инструментами. Он протестовал, когда раскатывались для «реставрации» иркутские уникальные памятники деревянной архитектуры – Полковая церковь в Глазково, жилые дома № 27 по улице Желябова и № 23 по улице Энгельса (так называемый «Кружевной дом»).

Палиев не был против строительства вообще, но он не мог мириться с тем, что в исторический центр допускаются строители или псевдореставраторы, как он сам говорил – «с бульдозером в груди». И, чтобы не быть голословным, сам показывал реставрационный «класс».

Пожалуй, только на его объектах реставрации сейчас можно увидеть, потрогать руками подлинные старинные постройки в Иркутске. Это первые введенные в эксплуатацию музейные объекты в усадьбе В.П. Сукачева – флигель (лит. В, выходящий на улицу Декабрьских Событий) и радом с ним конюшня (лит. Г). Последним его объектом, в который он вложил душу, сердце, весь свой профессионализм, но который ему не удалось довести до сдачи. – «Дом Усенко» по улице Грязнова, 22 (сегодня – городской офис архитектурно-этнографического музея «Тальцы»).

Энциклопедические знания В.А. Палева в области деревянного строительства требовали выхода. Совместно с иркутским искусствоведом В.Т. Щербиным он готовил словарь местных (сибирских) терминов деревянной архитектуры. И мечтал о создании школы реставраторов, где молодые люди могли бы изучать старинные ремесла и технологии. Иркутское областное отделение ВООПИК помогло в этом – на базе Центра дополнительного образования он начал увлеченно, как он всегда делал любое дело, проводить занятия с «трудными детьми». Мальчишки ждали встречи с любимым наставником, даже каникулы не были помехой. Но он хотел организовать настоящую Школу реставраторов – с помещениями, оборудованием, с преподавателями, учить на реальных реставрационных объектах. Для школы уже было найдено здание – старинный особняк по улице Сурикова, 9. Но с уходом Мастера эта идея была забыта на много лет. Сейчас его мечту осуществляют его коллеги и ученики.

Принципиальность и непримиримость Виктора Александровича стоила ему здоровья, а может быть, и жизни... Его убивали, его клеймили, ему не давали работать, но он оставался Человеком, полным энергии и влюбленным в жизнь. И продолжал работать, продолжал Свое Реставрационное Дело.

текст
Наталья Жуковская

Виктор Александрович
Палиев.
Фото конца 1970-х гг.

В.А. Палиев с коллегами на
ледоколе «Ангара». Слева
направо: С.А. Утмелидзе,
Н.Г. Торшина, В.А. Палиев.
Август 2000

Перечень

православных храмов Иркутской области, нуждающихся в безотлагательных консервационных, ремонтно-реставрационных работах

текст
Надежда Красная

Всего сохранившихся православных храмов на территории Иркутской области насчитывается 93, из них 18 расположено в Иркутске и 75 – в районах. Еще 20 церквей, не вошедших в данный перечень, находятся либо в процессе реставрации, либо по которым уже выполнены ремонтно-реставрационные работы. Выделенные цветом (звездочкой) 16 объектов культурного наследия определены как первоочередные, по которым необходимо проведение срочных консервационных, реставрационных работ, так как они находятся под угрозой исчезновения.

№	Наименование района, населенного пункта	Наименование церкви	№	Наименование района, населенного пункта	Наименование церкви
1	Аларский район Кутулик	Церковь Святого Иоанна Предтечи	29	Макарово	Церковь Святого Пророка Илии
2	Баяндаевский район Ользоны	Церковь Святых Апостолов Петра и Павла	30	Мутино	Церковь Святого Иннокентия, Епископа Иркутского
3	Бодайбинский район Прииск Тихоно-Задонский (Кропоткин)	Церковь Святого Тихона Задонского	31	Сполошино	Церковь Святого Пророка Илии
4	Боханский район Тымырей	Церковь Святого Иоанна Предтечи	32	Улькан	Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы
5	Жигаловский район Келора	Церковь Трех Святителей Вселенских (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста)		Куйтунский район	
6	Константиновка*	Церковь Святой Троицы	33	Барлук	Церковь Успения Пресвятой Богородицы
7	Кочень	Церковь Михаила Архангела	34	Большой Кашелак*	Церковь Михаила Архангела
8	Сурово*	Церковь Михаила Архангела	35	Броды	Церковь Святого Георгия Победоносца
9	Тимошино	Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы	36	Уян	Церковь Михаила Архангела
10	Тыпта*	Церковь Казанской Иконы Божией Матери		Нижнеудинский район	
11	Усть-Илга*	Церковь Одигитриевской иконы Божией Матери	37	Кургатей	Церковь Михаила Архангела
12	Заларинский район Дмитриевка	Церковь Святого Димитрия Солунского	38	Нижнеудинск, станция	Церковь Святителя Николая Чудотворца
13	Хор-Тагна*	Церковь Святителя Николая Чудотворца	39	Солонцы*	Церковь Святителя Николая Чудотворца
14	Зиминский район Буря	Церковь Святых Петра и Павла Апостолов		Тайшетский район	
15	Быково	Церковь Святых Петра и Павла Апостолов	40	Авдюшино*	Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
16	Лыловщина	Церковь Владимирской Иконы Божией Матери	41	Короленко (Нижняя Бирюса)	Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
17	Максимовщина	Церковь Святой Троицы		Тулунский район	
	Казачинско-Ленский район		42	Гадалей	Церковь Вознесения Господня
18	Коротково*	Церковь Михаила Архангела		Усольский район	
19	Кутима	Церковь Святых Кирика и Иулитты	43	Большежилкино	Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
	Качугский район		44	Мальта*	Церковь Вознесения Господня
20	Верхоленск*	Собор Воскресения Христова	45	Тайтурка*	Церковь Святых Петра и Павла Апостолов
22	Залог	Церковь Святых Иннокентия, Епископа Иркутского		Усть-Кутский район	
	Киренский район		46	Марково	Церковь Святой Троицы
23	Горбова	Церковь Казанской Иконы Божией Матери	47	Омолой	Церковь Святого Иннокентия, Епископа Иркутского
24	Киренск*	Монастырь Свято-Троицкий. Церковь Святой Троицы	48	Орлинг	Церковь Спаса Нерукотворного Образа
25	Киренск*	Церковь Спаса Нерукотворного Образа	49	Тарасово	Церковь Святого Пророка Илии
26	Красноярово	Церковь Святых Иннокентия, Епископа Иркутского		Черемховский район	
27	Кривая Лука	Церковь Святителя Николая Чудотворца	50	Бархатова*	Церковь Иоанна и Прокопия Устюжских Чудотворцев
28	Кривая Лука	Церковь Святителя Николая Чудотворца	50	Бельск*	Церковь Сретения Господня
			51	Верхний Булай*	Церковь Преображения Господня
			52	Мотова	Церковь Святой Троицы
			53	Саянское (Грязнуха)	Церковь Святой Троицы
				Чунский район	
			54	Мироново	Церковь Святителя Николая Чудотворца
				Шелеховский район	
			55	Олха	Церковь Святителя Николая Чудотворца

Петропавловская церковь в поселке Тайтурка

В поселке Тайтурка¹ Усольского района, получившем развитие с прокладкой Московского тракта, находится один из уникальных памятников деревянного зодчества XVIII века – православная церковь, построенная в 1765 году на средства прихожан и благодаря пожертвованию иркутского купца Михаила Ивановича Глазунова.

«Церковь имела два престола: главный холодный храм – во имя св. апостолов Петра и Павла, теплый придел – во имя преподобного Михаила Клопского Новгородского Чудотворца. Колокольня первоначально стояла отдельно от храма, но в 1865 году во время большого пожара, когда в селении выгорело 80 дворов, она была тоже уничто-

текст
Надежда Красная

1. Тайтурка – одно из самых северных населенных мест Усольского района. До прихода русских здесь находилось небольшое бурятское поселение с этим названием, что в переводе означает «оседлай коня».

Современное состояние
Петропавловского храма в
Тайтурке

Проект реставрации здания Петропавловской церкви в поселке Тайтурка

жена огнем. Церковь же уцелела и после обновления 9 августа 1866 была вновь освящена. Возможно, в это время над папертью надстроили новую колокольню... Церковь закрыли в 1935 году. От двухэтажного храма сохранился лишь один этаж под новой кровлей... О первоначальном культовом назначении сооружения напоминает лишь крупная пятигранная апсида...»².

В настоящее время здание церкви используется по первоначальному назначению, идут православные службы. Но сегодняшнее физическое состояние здания является аварийным, оно имеет неприглядный вид: сгнили нижние венцы, стропильная система крыши конструктивно разваливает стены храма, утрачены завершения, колокольня, нет главок с крестами.

С целью спасения памятника старинного зодчества по просьбе настоятеля церкви отца Владимира институтом «Иркутскгражданпроект» в 2008 году безвозмездно была выполнена проектная документация по его реставрации. Организации «Ингео», «ИркутИнвест» также благотворительно согласны выполнить работы по инженерно-геологическим изысканиям, топографической съемке и документацию по обследованию и усилению фундаментов.

Ориентировочная стоимость общестроительных и реставрационных работ – 17 миллионов рублей. Несмотря

на то, что здание храма является объектом культурного наследия, ожидать финансирования на его реставрацию из бюджета не приходится – не хватает средств на уже реставрируемые иркутские храмы.

Поэтому без привлечения спонсоров, инвесторов, финансирующих приобретение материалов и работы подрядной реставрационной организации, восстановление храма может не осуществиться.

Основная идея проекта реставрации и приспособления памятника культуры следующая: создать образ древнерусского храма, доминирующего в застройке села и соответствующего современным требованиям. Это достигается традиционными строительными приемами русского деревянного зодчества: открытый бревенчатый сруб, рубка в обло, повалы, бочки, граненые главки–маковицы, небольшие оконца с мелкоячеистыми переплетами и ставнями, аскетичный декор и характерная конструкция крыши, крыльца на резных столбиках.

Проект реставрации и реконструкции выполнен с привлечением аналогов по сохранившимся графическим зарисовкам храмов середины XVIII века. Авторы проекта: архитектор К.А. Яковлев, конструктор И.П. Пинайкин, консультант – историк культовой архитектуры И.В. Калинина.

2. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. С. 376–377.

Шедевры Русского Севера – памятники мировой культуры

Киж

Текст и фото
Надежда Красная

Церковь Покрова
Богородицы, колокольня.
Преображенская церковь

В сентябре 2008 года историко-архитектурным этнографическим музеем-заповедником «Киж» проводился семинар «Памятники деревянного зодчества», в котором принимали участие и иркутяне – специалисты архитектурно-этнографического музея «Тальцы», института «Иркутскгражданпроект», научно-исследовательской проектно-реставрационной мастерской «Традиция». Это мероприятие не только расширило знания о «мониторинге деформаций и биоразрушений памятников деревянного зодчества», аналогичных

нашим проблемам музеев под открытым небом, но и предоставило редкую возможность воочию познакомиться с уникальным наследием Русского Севера. Забегая вперед, скажу, следующим пунктом нашего назначения был Соловецкий архипелаг.

Киж – остров на Онежском озере, где сохранившиеся постройки Кижского погоста послужили основанием для создания в 1960 году музея-заповедника народного деревянного зодчества и этнографии Карельской АССР, основателем, реставратором, идеологом которого

Церковь Воскресения
Лазаря

Преображенская церковь

был Александр Викторович Ополовников. Жемчужина музея – 22-главая Преображенская церковь, высотой 37 метров, датой ее постройки считается 1714 год, – доминанта Кижского архитектурного ансамбля. Рядом с ней, подчеркивая ее величие и гармонию, возведены зимняя церковь Покрова Богородицы (1764) и колокольня (1874). В середине XVII века вокруг погоста была возведена бревенчатая стена со сторожевыми башнями для защиты от шведских и польско-литовских вторжений. С XIV века из Новгорода в Беломорье путь шел через Онежское озеро, вдоль которого образовывались поселения на многочисленных островах. К XVI веку Спасский Кижский погост становится административным центром, объединяя более 100 деревень.

В формировании сегодняшнего ландшафта Кижского погоста немаловажную роль сыграли вывезенные, тем и спасенные, памятники деревянного зодчества: Лазаревская церковь Муромского монастыря (конец XIV в.), часовни из деревень Леликозеро (вторая половина XVIII в.) и Кавгора (XVII–XIX вв.), крестьянские дома из Ошевнево, Середка, Логморучей, других деревень, мельницы, амбары, риги.

Несмотря на дальнейшее планируемое насыщение переносимыми памятниками, музей, как и многие аналогичные музеи России, не имеет генплана, что влечет за собой неоднократные перемещения уже отреставрированных объектов деревянного зодчества. Важнейшей проблемой для музея остается утилизация отходов.

В 1990 году Кижский погост вошел в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, в 1993 году указом Президента РФ архитектурное собрание музея включено в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия России.

Сегодня Преображенская церковь закрыта, ведутся реставрационные работы (отклонение от вертикали достигло 1-го метра). В результате длительных обсуждений принят проект с использованием технологии норвежского лифтинга, который предполагает проведение работ без полного демонтажа церкви: храм условно разделен на семь ярусов, которые с помощью специальных вывешивающих конструкций будут один за другим приподниматься, а венцы сруба в камеральных условиях реставрироваться. С 2004 года к реставрации нижнего яруса (демонтированных полов) приступил плотницкий центр музея-заповедника «Киж».

Усадьба карела-ливвика Яковлева

Лодка-ушуйка

Деревня Ямка

Соловки

Соловецкие острова, Соловецкий монастырь, Соловецкое сидение – как много значат эти слова для России, какой огромный пласт ее великой и страшной истории хранят уникальные материальные и духовные памятники, воздвигнутые по Божественному промыслу рукотворным трудом монахов и мыслью отшельников.

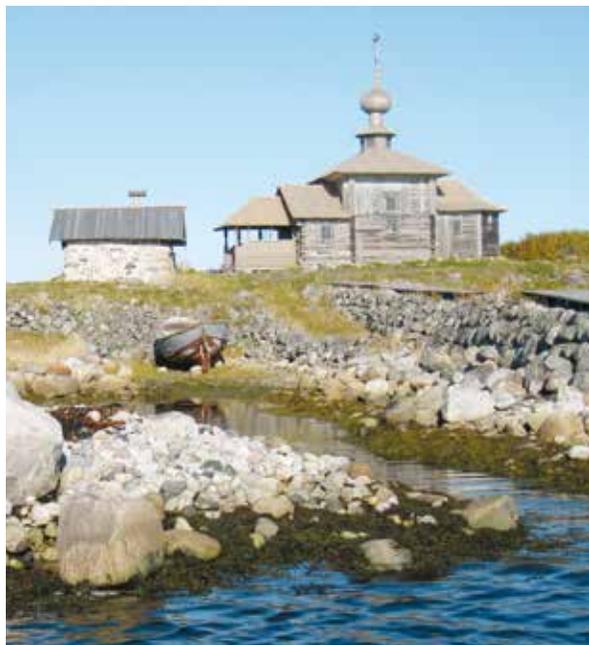
Соловецкий архипелаг расположен вблизи Полярного круга, в западной части Белого моря и состоит из шести крупных и множества небольших островов. Наиболее известны Большой Соловецкий остров, или, как часто его называют, Соловки, острова Большая и Малая Муксалма, Анзерский, Большой и Малый Заяцкие.

Старописменный Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь основан в 1429 году монахами-поселенцами Кирилло-Белозерского монастыря Зосимой и Савватием. Строительство крепости началось в 1582 году и длилось 14 лет. Храмы, оборонительные башни, крепостные стены сложены уникальной «соловецкой» кладкой из ледниковых валунов, вес которых достигает 11 тонн («Кладен камень великой, человеку 200 или 300 едва волокут»), с заполнением на известковом растворе кирпичом-плинфой.

Соловецкий монастырь, как крупнейшая регулярная крепость Севера России, формировался на протяжении четырех столетий. В конце уже XVI века территорию монастыря

Спасо-Преображенский собор (1556–1564)

опоясывали мощные крепостные стены и башни, достигавшие высотой до 30 метров. В центре монастыря возвышаются соборные храмы: трапезная палата с Успенской церковью (1552–1557), Спасо-Преображенский собор (1556–1564), Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор (1859), Никольская церковь с ризницей (1831–1833) и самое высокое сооружение – трехъярусная колокольня, выстроенная на месте старой звонницы в 1777 году.

Обилие хозяйственных терминов в названиях сооружений – Квасоваренная башня, Пивоваренная башня, Рыбные ворота, Кожевенная палата, Прачечный корпус – является отголоском хозяйственной многофункциональной деятель-

ности монастыря. В XVI–XVII веках на соловецких соляных варницах добывалось 100–140 тысяч пудов соли, предназначавшейся для вывоза на внутренний рынок. В XIX столетии в монастыре действовали кирпичный, канатный, прядиленный сетный, красильный, суковаленный, салотопенный, кожевенный, солодовенный, лесопильный, свечные заводы.

В советское время на архипелаге располагалось первое в СССР управление лагерей – СПОН (Соловецкие лагеря особого назначения), положившее начало сталинскому ГУЛАГу. Через Соловецкие лагеря прошло более одного миллиона заключенных.

Остров Большой Заяцкий. Свято-Андреевский скит. Церковь во имя Святого Апостола Андрея Первозванного, построенная во время посещения Петром I (проект реставрации – А.В. Ополовников, к сожалению, не реализован)

Поклонный крест, установленный в честь безуспешного 9-часового артиллерийского обстрела английскими кораблями стен монастыря. Крепостные стены выдержали, английские корабли с позором (стаи чаек, нависшие над флотом, своими экскрементами в защиту монастыря воспрепятствовали дальнейшей осаде) ушли

Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор (1859), трехъярусная колокольня, выстроенная на месте старой звонницы в 1777 году

Уничтожение породы, или Предсмертие корневой культуры

текст
Елена Ополовникова

фото
Александр Ополовников,
Елена Ополовникова

Покровская церковь
(1762) Кижского погоста,
«благолепно обновленная»
в конце XIX в. Фото 1949 г.

В истории и культуре каждого народа, как известно, есть особые, коренные, вехи-памятники, которые наглядно и образно отражают его самобытность и даже судьбу, а соответственно, и во многом ее определяют. В России таковыми являются памятники древнерусского деревянного зодчества.

«В искусстве нет мелочей» и еще: «искусство там, где «чуть-чуть», – любил повторять древнюю истину А.В. Ополовников, ученый-практик, крупнейший реставратор памятников русского деревянного зодчества. И – подчеркивал, что совершенство древних бревенчатых построек кроется в их традиционной основе, отточенной на протяжении веков и впитавшей в себя всю суть мироощущения нашего народа, его глубинное смиренномудрие, рожденное незыблемой верой в единение земной и небесной жизни. Неизменно следуя сложившимся традициям,

Покровская церковь
Кижского погоста после
реставрации 1950-х гг.,
осуществленной А.В.
Ополовниковым. Фото
1983 г.

сердцем и умом понимая, сколь важно их сохранение в национальной культуре как объединяющем, соборном звене бытия, особенно – в архитектуре, наглядной, повседневно зримой части этой культуры, народ достигал совершенства в своих творениях. И величественные храмы, и малые постройки были столь гармоничны, что ни прибавить к ним что-либо, ни отнять было практически невозможно без нарушения их композиционной целостности.

Оттого и восхищают весь мир памятники древнерусского деревянного зодчества. Оттого и искажаются они с таким ожесточением вот уже на протяжении нескольких веков. Кто-то, не ведая, что творит, принимает в том участие, а кто-то и осознанно, из-за подкорковой нелюбви к русской православной культуре, столь блистательно отраженной в памятниках деревянного зодчества.

В одном из номеров иркутского архитектурно-строительного журнала «Проект Байкал» нам встретилась статья с образным названием-пожеланием: «Не делайте из породистой собаки дворняжку...»¹. И хотя речь в ней шла преимущественно о современном каркасном домостроении, в котором тоже есть множество мелочей, обуславливающих высокое качество постройки, у нас тут же возникла параллель с нынешней реставрацией бревенчатых памятников, не говоря уже о современном строительстве, претендующем на древнерусский дух. Здесь этих мелочей не счесть. Именно они – то самое «чуть-чуть», относящееся как к целостной композиции всей постройки, так и к каждой ее детали, как к характеру строительного материала, так и к технологии его обработки, формируют подлинность

образа, его прямую связь с корнями нашей архитектурной культуры и ее преданиями, выраженными в дереве.

Опять – глас вопиющего в пустыне – выскажем большое сожаление, что в современном бревенчатом строительстве, да и все чаще и чаще в теперешней реставрационной практике, именно архитектурные дворняжки – жалкие подражания старине, лишенные ее мудрого духа, – преподносятся как породистые собаки. Пример подобного архитектурно-бревенчатого перевоплощения легко обнаружить даже в том же иркутском журнале. И сему объекту-примеру поются сладкоголосые дифирамбы:

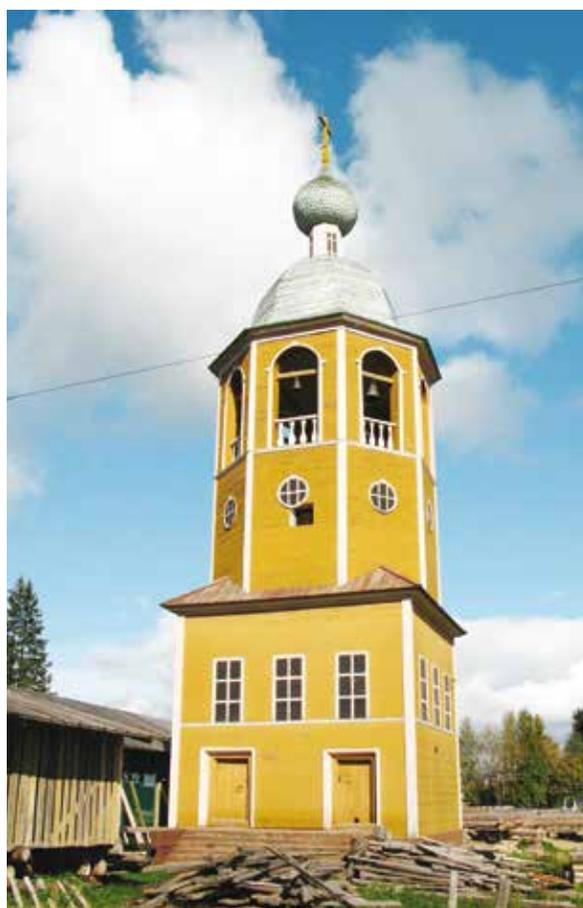
«В номинации «Культовая архитектура» в разделе «Постройки» премию получил первый православный храм, построенный в Антарктиде на станции «Беллинсгаузен» по проекту барнаульских архитекторов П. Анисифорова, А. Шмидта и С. Рыбак. Объект этот выделяется прежде всего экзотичностью идеи и необычностью ее реализации, возможной лишь при использовании традиций русской архитектуры: здание срубили и собрали в Горном Алтае, затем перевезли и вновь собрали на антарктическом берегу»².

Так в чем же экзотичность идеи? В рубке в одном месте и последующей сборке в другом? Да это обычная практика бревенчатого строительства, и поныне повсеместно распространенная. Экзотично лишь место сборки – Антарктида. И тут авторам проекта следовало бы более внимательно относиться к «мелочам» древнерусского деревянного зодчества, прежде чем выдавать сочиненную ими постройку за воплощение его традиций, за ту самобытность (породу), что издревле присуща нашему бревенчатому реликту России, очаровывающим мир. Короче, не делали бы нынешние проектировщики из породистой собаки дворняжку, не искажали бы русскую архитектурную историю суррогатными образами, а вникли бы сначала в сущность ее красоты.

Не умалило бы их, а возвеличило бы повторение одного из бесчисленного множества утраченных ныне памятников древнерусского деревянного зодчества; порылись бы они в архивах,

1. Викерт Р.-К., Середникова С. Не делайте из породистой собаки дворняжку, или Немного о современных технологиях в деревянном домостроении // Проект Байкал. 2005. № 4. С. 40–45.
2. Ложкин А. «Золотая капитель»: эпизод девятый // Проект Байкал. 2005. № 4. С. 8.
3. См.: Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974. Он же. Методика. Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. М., 1976.

Типичный пример «благолепных обновлений»: обшитый фанерой древний резной столб в церкви с. Петухово Архангельской обл. Фото конца 1940-х гг.

Канареечного цвета колокольня с рисованными окнами воссоздана «методистами» Минкульту на месте традиционной шатровой колокольни – неотъемлемой части древнерусского бревенчатого ансамбля в с. Нёнокса Архангельской обл. (XVII–XVIII вв.). «Много ли осталось в этом «художественном» образе от народного деревянного зодчества?» (Ополонников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974. С.110)

полистали бы книги, взгляделись бы в каждую архитектурную и конструктивную «мелочь», подумали-поразмыслили бы в тиши, постигая культуру России с ее православной сущностью... А коль сущность не по душе – имеют на то полное право – не фарисействовали бы, вводя в заблуждение и без того измученный собственной доверчивостью русский народ.

Многочисленные и повсеместные примеры нашей искаженной, а то и просто уродливой архитектурно-бревенчатой жизни, признаться, утомяют своей безрадостностью, не вдохновляют. О них мы вынужденно говорим, чтобы читатель смог разобрать, что к чему, чтоб и в жизни сумел бы «руду золотую отличать от породы пустой», как поется в популярной песне А. Пахмутовой и Н. Добронравова.

С каждым годом этой «золотой руды» становится все меньше и меньше. Совсем недавно нам сообщили, что рухнула замечательная церковь XVII века в селе Палтога Вологодской области, недалеко от Вытегры. А ведь осенью 2007 года этот памятник был нами назван в числе погибающих, но...

Письма с перечнем древнерусских реликтов, находящихся на краю гибели, мы тогда отослали президенту России В.В. Путину и его советнику по культуре, стоящему еще и во главе Российского фонда культуры, Н.С. Михалкову, министру культуры А.С. Соколову, президенту Союза архитекторов РФ Ю.П. Гнедовскому, депутату Государственной Думы А.Н. Крутову, президенту Российской академии архитектуры и строительных наук А.П. Кудрявцеву.

Нынешнее состояние бесценных реликтов древнерусского деревянного зодчества сравнивалось в письмах со стариками-инвалидами, брошенными детьми-хамами и скорбно доживающими свой век, еле-еле стоя на земле. Все письма – одинаково тревожные, с перечнем памятников, требующих незамедлительного внимания-поддержки. Разнятся они лишь вопросами и предложениями, соответствующими сфере деятельности того или иного адресата.

Более всего памятников деревянного зодчества, которые на грани исчезновения, находится в Архангельской области. Вот далеко не полный перечень сел этого северорусского региона с гибнущими бревенчатыми церквями XVII–XVIII веков:

Архангелы, Бережная Дуброва, Большая Шалга, Заостровье, Зачачье, Красная Ляга, Пермогорье, Пяяла, Подпорожье, Поле, Порженское, Ратонаволок, Ракулы, Сельцо, Турчасово, Чухчерьма. И вне Архангельской области: Нелазское (на Вологодчине), а также – на знаменитой горе Левитана в г. Плесе Ивановской области.

А в Палтоге церковь рухнула, хотя и относилась к памятникам общероссийского значения, и на ней была проржавевшая и еле читаемая табличка: «Памятник архитектуры... охраняется государством». Такие же «охранные доски» и в том же состоянии есть и на нынешних реликтах, «всеми плюнутых» (В. Розанов).

Многочисленные «федеральные программы» Министерства культуры по сохранению памятников деревянного зодчества и бесконечные совещания (и т. п.) по их «спасению» известны нам на протяжении многих десятилетий. За это время погибло немало не только отдельно стоящих уникальных памятников, но и их ансамблей: в с. Астафьево, Волосово, Кожозеро, Верховье, Турчасово (Архангельской обл.), Поча (Вологодской обл.), Талицы (Ивановской обл.), Колодозеро (Карелии), в г. Якутске (крепостная башня) и др. Особая тема

«Красивенько» нарисованы окна на колокольне в Нёноксе

Рождественская церковь (1745) в с. Большая Шалга Архангельской обл. Уникальный шатровый храм – на грани обрушения. Перед ним «заботливо» установлена главка уже порушенной трапезной. Рядом – «никакое» по своим архитектурно-художественным качествам каменное здание церкви, старательно ныне воссозданное. Фото 2007 г.

– «спасение» 22-главой Преображенской церкви в Кижях, длящееся почти 30 лет (!). «И все говорят, говорят, и, заметь, никто ничего не делает», – скорбел Ополонников, отторгнутый от проблемы сохранения им же некогда возрожденного реликта, распятого ныне на многотонном железном пауке-каркасе. Кафку почитайте – прямые ассоциации.

Несомненно, что для спасения исчезающих реликтов нужны объединенные усилия Церкви и государства. При этом очень велика роль местных священников. Но они, насколько нам известно, ни в Карелии, ни в Архангельской, ни в Мурманской, ни в Вологодской, ни в Ивановской областях не получают благословения своих архипастырей на воссоздание древних бревенчатых храмов и часовен. Словно бы опять оживает борьба с «раскольничьей архитектурой». А на самом деле – то неосознанная, в лучшем случае, борьба с глубинными корнями русской, православной культуры.

При этом легко даются благословения на постройки неведомого рода-племени деревянных церквей и часовен, пропорционально неслаженных, лишенных азов архитектурно-художественной гармонии, а то и просто уродливых. И снаружи, и внутри они обычно пестроцветны, перегружены бессмысленным узорочьем-украшательством, образы их неглубоки и легковесны по своему содержанию. Подобного рода постройки расплодилось во множестве и в Москве. Они умаляют непреходящее достоинство Русской Церкви.

По неведомому никому «методикам» осуществляется ныне «реставрация» древних памятников, ведущая не только к прямому искажению их традиционных архитектурных образов, но и к насаждению безвкусицы, да и просто архи-

тектурной пошлятины в северорусских селениях, издревле славных стилистическим единством и мудрой строгостью построек, чуждых пестроцветью и выкрутасам. После такой «реставрации» редчайшие, уникальные памятники древнерусского деревянного зодчества полностью обесцениваются как самобытные архитектурные уникалы России.

Наглядный тому пример – единственный и неповторимый в своем шатровом многообразии ансамбль в Нёноксе, ставший ныне «веселеньким», балаганным из-за ярко-желтой покраски позднейшей колокольни с рисованными на ней вдобавок черными окнами с белыми рамами вкупе с того же цвета папертью древнего Никольского храма. Кому интересна эта без-образная, пошлейшая декорация?

В основе общепризнанной и повсеместно распространенной в России методики реставрации памятников древнерусского деревянного зодчества лежит суммарный, начиная со второй половины XIX века, аналитический труд их исследователей и реставраторов: Л.В. Даля, В.В. Суслова, И.Э. Грабаря, А.А. Каретникова, Д.В. Милеева, П.П. Покрышкина, М.В. Красовского, П.Д. Барановского, С.Я. Забелло, В.Н. Иванова, И.В. Маковецкого, П.Н. Максимова, Ю.В. Гнедовского... Системная методика реставрации памятников русского деревянного зодчества, давно и успешно апробированная на практике, разработана А.В. Ополонниковым³. Им отреставрированы такие шедевры бревенчатой архитектуры, как ансамбль Кижского погоста, трехшатровый собор в Кемии, Успенская церковь в Кондопоге и множество других. Фактически все памятники-реликты, собранные в музеях России, отреставрированы по той же методике.

Историческая судьба памятников древнерусского деревянного зодчества во многом схожа с судьбой нашего народа: от высоких взлетов духовной культуры до немислимых здравому смыслу падений. Именно они претерпели – под эгидой «благолепных обновлений» – наибольшие искажения и перестройки, вызванные ошибочным отношением к этим памятникам синодального духовенства, именовавшего их «раскольничьими», «приличиям не подлежащими», «в подлом вкусе», «топорной работы». К концу XIX века почти все древние бревенчатые храмы огромной России, включая Сибирь и заполярные земли, были искажены и перестроены до неузнаваемости. Стены их снаружи и изнутри обшивались тесом, красились, на фасадах появлялись чуждые им декоративные элементы, окна растесывались, главки обивались железом и тоже красились... Самое понятие красивого материала, каким всегда было дерево, подменилось понятием дорогого материала, а за неимением такового – его жалкой имитацией.

А памятники древнерусского деревянного зодчества тем и отличаются от всех прочих построек из дерева, что в них само дерево используется не только как строительный материал, но и как материал искусства. Его естественно-природный, божественный вид всегда сохраняется и подчеркивается в различных деталях, не затусовываясь, не подвергаясь механической обработке и покраске.

И задача реставрации – воссоздать, подчеркнуть мудрую красоту древнерусских деревянных храмов и часовен, воскресить их древлеотеческий образный строй, восхищающий весь мир. Оттого и в музеях под открытым небом, коих немало в России, нет ни одного памятника, сохранившего свои «благолепные обновления» XIX века.

Однако воинствующее неприятие святоотеческих образцов деревянного зодчества продолжается и поныне. Оно результативно присутствует в действиях лицемеров, причастных к делу сохранения нашей старины, кои внутренне не расположены к признанию величия и самобытности древнерусской, глубоко христианской архитектуры. Куда проще и яснее для их примитивно-материалистического мировоззрения считать русский народ «лапотным», «квасным», не имеющим корневой культуры! Древнерусские деревянные памятники для них – как кость в горле. Согласно их соображениям, культура в России начала формироваться лишь со времени петровской «европеизации» и в прямой от нее зависимости, «будто и весь род русский насадка под крапивой недавно высидела» (Н. Лесков).

Насколько это примитивно и вовсе не так, эти «радители» и сами понимают. Оттого и действуют преимущественно исподтишка, аккуратно собирая вокруг себя или лиц, далеких от понимания основ русской жизни, или просто продажных, или своих же единомышленников, для коих разрушение нашей древней культуры – лишь подтверждение их взглядов на Россию. В любом случае их деятельность можно охарактеризовать как «беспринципность, возведенную в принцип» (А.В. Ополовников).

К сообществу подобного рода «принципиалов» можно смело отнести Методический совет по памятникам деревянного зодчества, действующий при Министерстве культуры РФ. Его неизбывными идеологами уже давно являются академик архитектуры В.П. Орфинский и кандидат искусствоведения М.И. Мильчик. Именно они, будучи «активистами слова» и вездесущими «конференциалами», дезориентируют реставраторов, направляя их по демагогическому и разрушительному пути, который формулируется вроде бы логично: «достойно внимания всё, что оставила нам история». В таком случае – да простит меня Бог! – и кинобудки, и сортиры, и дискотеки, бывшие в наших храмах, имеют право на существование как «оригинальные» памятники своей эпохи. Логично?

Эти деятели, разумеется, не столь прямолинейны. Но они активно отстаивают и насаждают все те искажения и перестройки древнерусских бревенчатых храмов, каковыми славен XIX век и каковые привели в конечном итоге к утрате нашим народом чувства красоты и меры, что были всегда свойственны его художественной культуре.

Новоявленные «методисты» беззащитно утверждают, что у нас нет «методики реставрации памятников деревянного зодчества». Как это – «нет»?! А огромные, признанные всем мировым историко-реставрационным сообществом труды А.В. Ополовникова (1911–1994), ученого-подвижника, выходит, не в счет? О них они предпочитают умалчивать, потопляя их непреходящую ценность в мертвящей паутине собственных недалёковидных придумок.

Чтобы разобраться в искусственно созданной этими «методистами» каше, коей питают ныне реставраторов, с 1998 года мы издаем основательную историко-просветительную серию книг – «Древнерусское деревянное зодчество», в которой прежде всего отражен огромный опыт научно-исследовательской и практической работы А.В. Ополовникова по исследованию и сохранению наших

Охранная доска памятника в с. Красная Ляга. Фото 2007 г.

Не дождался, рухнул... Храм XVII века в с. Турень Нижегородской обл. Фото 2006 г.

бревенчатых реликтов. Книги могут служить наглядным пособием для архитекторов, проектирующих новые храмы, но не знающих традиций подлинного искусства. Освоение наследия прошлого поможет избавиться от размножения «чрезвычайно бездарных» (М.М. Дунаев) сооружений, от бездумного невежества, нарушающего законы красоты.

Вышли в свет четыре тома серии «Древнерусское деревянное зодчество». Первые три выпуска: «Древний Обдорск и заполярные города-легенды» (1998; предисловие Ю.В. Неёлова, губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа); «Избяная литургия. Книга о русской избе» (2002; предисловие Р.И. Вяхирева, председателя Совета директоров ОАО «Газпром»); «Земля Иркутская деревянная...» (2004; предисловие великого русского писателя В.Г. Распутина) – однотомные. Четвертый выпуск серии, посвященный древнерусским церквям и часовням, будет состоять из трех частей-томов, первая из которых – «Бревенчатый Иерусалим. Ч. I. Клетские церкви и часовни» вышла в свет в 2007 году (предисловие профессора Московской духовной академии М.М. Дунаева).

Вся серия книг издается на высоком полиграфическом уровне и насыщена иллюстрациями: фотографиями с натуры, цветными и черно-белыми, уникальными графическими реконструкциями памятников древнерусского деревянного зодчества, мастерски выполненными А.В. Ополовниковым, архивными рисунками и проч. Книги интересны не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей, для которых история и культура Россия – бескрайняя нива познания добра жизни.

Россия, наверное, может прожить и без памятников-реликтов, сохраняя о них лишь книжную память... Но сколь много добра уйдет из русской и без того во многом обделенной жизни, если эти самобытные, неповторимые образы – древлеотеческие архитектурные предания – окончательно погибнут!

Взывает о помощи и Владимирская церковь в с. Подпорожье (1757) Архангельской обл. Фото 2007 г.

Оживающая история

Урбанизированный ландшафт Дрездена

текст и фото
Барбара Энгель

перевод
Анна Григорьева
Валерий Козлов

Задачи будущего городского центра
Имидж Дрездена как столицы региона получил в начале 90-х годов особую силу звучания. В частности, восстановление церкви Богородицы (Фрауэнкирхе) и начатая реконструкция площади Ноймаркт привлекли внимание мировой общественности как к самому городу, так и к развитию его городского центра. «Флоренция на Эльбе» известна как культурная и туристическая метрополия, а как важный экономический и научно-исследовательский центр Дрезден получил динамичный подъем после воссоединения.

В настоящее время город нуждается в оценке существующей концепции развития и пересмотре целей, стратегий и пространственных доминант. В качестве основы для будущего городского планирования принимаются во внимание такие ключевые факторы, как экономические прогнозы, демографическое развитие и финансовое положение общественных и частных владельцев. Кроме того, к этому относятся такие глобальные вопросы, как ответственное отношение к использованию ресурсов, а также местные проблемы, такие как микроклимат и мобильность в городе. Учитывая эти факторы, был разработан перспективный план городского центра Дрездена в соответствии с целями «Лейпцигской хартии об устойчивом развитии европейских городов», которая была подготовлена для развития городов ответственными министрами государств-членов Европейского Союза весной 2007 года.

Развитие городского центра имеет приоритет – Дрезден ставит ориентиры на будущее с актуализированным перспективным планированием. На фоне общегородских тем, а также более общих социальных тенденций с точки зрения современности представляется необходимым предоставить приоритет городскому центру и к нему прилегающим пространствам. Еще больше, чем в прошлом они рассматриваются в качестве мотора общегородского и регионального развития. Перспективное планирование сохраняет в усло-

виях конкуренции европейских метрополий неотъемлемые уникальные черты Дрездена, их пространственные и ландшафтные качества.

Перспективное планирование в 2008 году дрезденского городского центра усиливает градостроительную основу для дальнейшей работы над урбанизацией Дрездена и указывает стратегии для достижения этого при ожидаемом объеме строительства и повышенной доли открытого пространства. Развитие городского центра Дрездена является задачей с долгосрочным сроком реализации. Пространство должно оставаться и следующим поколениям для их собственных новых перспектив и идей.

Городское планирование как дискуссионный процесс
Перспективный план разрабатывался в процессе двухлетнего междисциплинарного обсуждения с участием специалистов из различных областей, городской администрации и политиков. На крупном симпозиуме в октябре 2006 года был начат диалог, приуроченный к 800-летию юбилею города. В последующих многочисленных обсуждениях и голосованиях активно обсуждалось, в каком направлении должен развиваться городской центр Дрездена. По важным вопросам и содержательным положениям на ранней стадии был достигнут консенсус. Эксперты из Дрездена и известные специалисты федерального масштаба постоянно проводили совещания. Летом 2007 года первый проект нового перспективного плана был представлен жителям Дрездена на выставках и информационных презентациях. Наконец, после очередных интенсивных согласований и доработок, перспективный план центра был единогласно принят в июле 2008 года муниципалитетом города Дрездена.

Общая формулировка целей – восемь ведущих тезисов развития города

1. Преимущество внутреннего развития перед внешним

Дальнейшая застройка раздробленного городского центра будет успешной лишь при условии, когда внутреннее развитие получит абсолютное преимущество перед внешним. Для этого требуется четкое определение направлений развития для новых объектов относительно городского центра и в особенности суб-центральных предложений и функций. Будущая потребность в площадях, по мере того как их можно вводить сомасштабно городскому центру, должна соответствовать городскому центру и к нему прилегающим пространствам. В рамках систематизированного управления земельными ресурсами необходимо гарантировать, чтобы мероприятия вносили оптимальный вклад в усовершенствование пространства города.

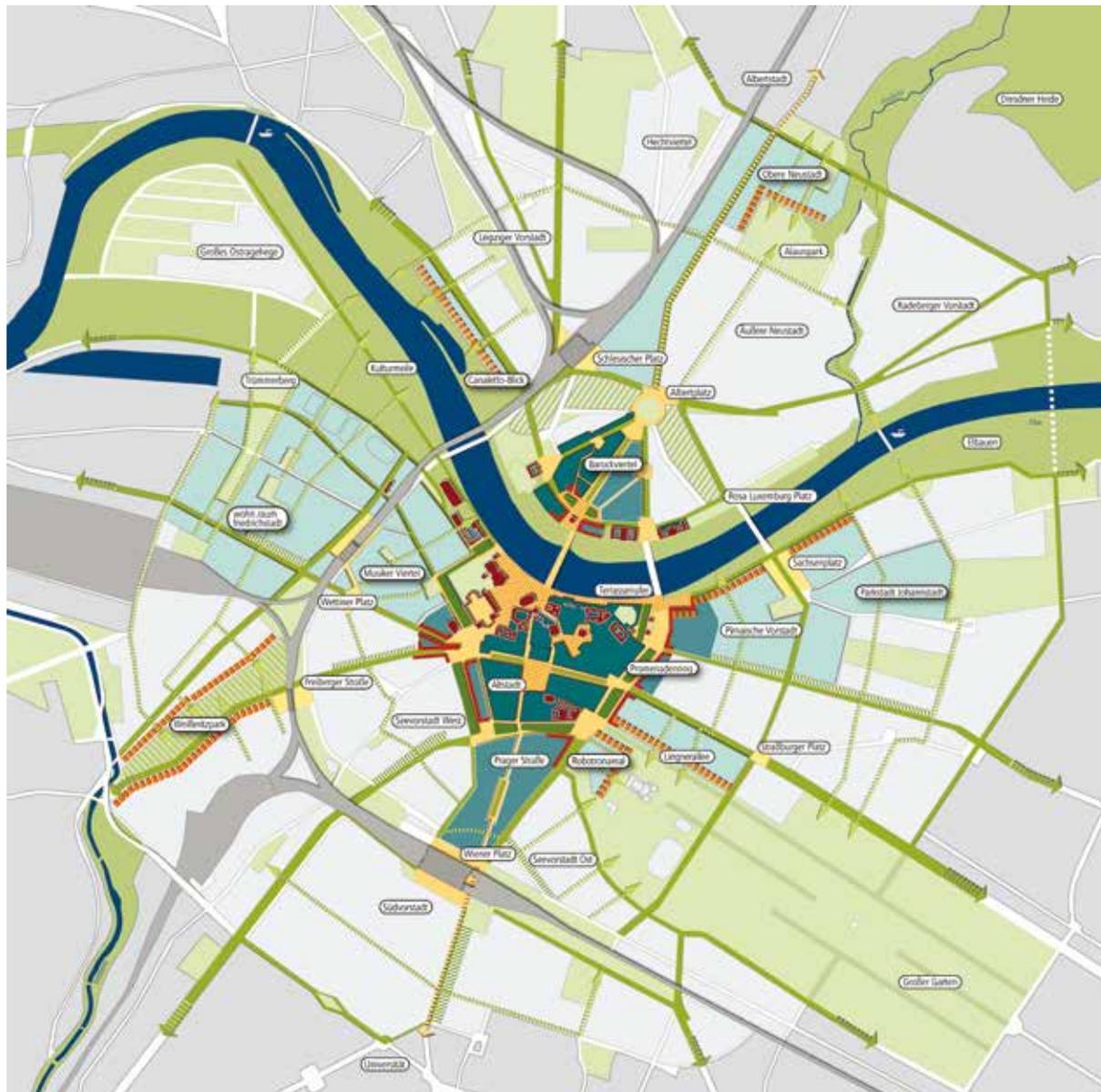
2. Многообразие смешивания функций в городе коротких путей

Для устойчивого развития и оживленного городского центра требуется, насколько это возможно, смешивание мелких функций в диверсифицированной и компактной структуре города. Преимущества такой концепции очевидны: жителям и гостям предлагается живой городской центр со своей атмосферой и привлекательностью. Торговля, сфера услуг и учреждения культуры получают выгоды от эффектов смешивания. Объекты как общественной, так и частной инфраструктуры можно формировать эффективно и экономично. Кроме того, повышается ощущение безопасности в оживленных пространствах города. Близость и доступность различных функций сохраняют высокий уровень обслуживания, сокращают пути и ограничивают движение транспорта.

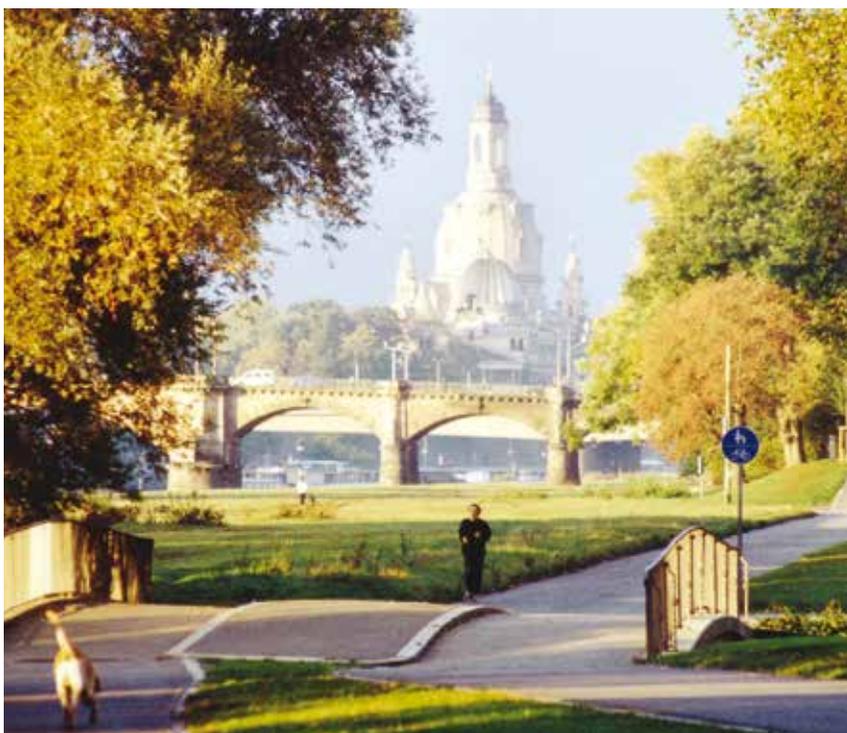

Исторический старый город, изгиб Эльбы и новая часть Дрездена с высоты птичьего полета

Перспективный план

Вид с набережной Кенигсуфер («Королевский берег») нового города

реализации различных проектов с использованием свободных пространств для экспериментов и частного предпринимательства. Освоение и временное использование свободных участков начинающими предпринимателями и творческой инициативой может привести к новому критическому восприятию кварталов и, таким образом, подготовить землю в средне- и долгосрочной перспективе для рентабельного использования.

5. Пространственная концепция – принцип ступенчатой плотности

Цели урбанизированного городского центра в традициях европейского города могут достигаться в Дрездене только в точно установленных границах пространств и высококачественной сети зеленых и открытых пространств.

Пространственная концепция перспективного планирования исходит из умеренного развития застройки городского центра и к нему прилегающих пространств при сохранении позитивных тенденций. Ранее запланированное уплотнение застройки городского центра от 26-го кольца вплоть до к нему прилегающих пространств постепенно заменяется в пользу интенсивного объединения в сеть открытых пространств с более высоким качеством жизни. Учитывая имеющиеся постройки, будущие дополнения в этих районах с низкой высотностью могут быть направлены на малые масштабы строительства на

мелких градостроительных участках. Принцип ступенчатой плотности и концентрация занимаемых площадей в городском центре выглядит как соответствующая реакция на ожидаемый рост и повышающиеся требования к качеству жилища в городе.

6. Высокая мобильность в привлекательных городских пространствах

После обширной реконструкции и оздоровления старых зданий в прошлом сильнее выдвигается на передний план повышение ценности и благоустройство общественных пространств. Привлекательные городские и озелененные пространства создают приятный внешний вид и способствуют тому, чтобы горожане отождествляли себя со своим городом. Повышение качества пребывания в общественных пространствах распространяет свое влияние также и на соседние участки, ценность которых, таким образом,

возрастает. Благодаря этому привлекательные общественные пространства могут инициировать перспективные проекты и инвестиции.

Живые городские сообщества предполагают мобильность. Наилучшая доступность дрезденского городского центра – его торговые места, центры бытового обслуживания, культурные учреждения и жилые районы – требуют оптимального разделения работы транспорта. Для дальнейшего повышения культуры мобильности предполагается укрепление связей с окружающей средой и сокращение личного автотранспорта. При этом высокая мобильность и привлекательные городские пространства не составляют противоречия. Необходимо творческое управление мобильностью, оборудованием пешеходных и велосипедных дорожек, а также временным удалением автотранспорта из особо представительских дрезденских пространств города.

Магазины и гостиницы на улице Прагер Штрассе

«Пауза искусств» - результат конкурса 2001 г. для восточных прибрежных террас (архитекторы: Родекан, Дрезден)

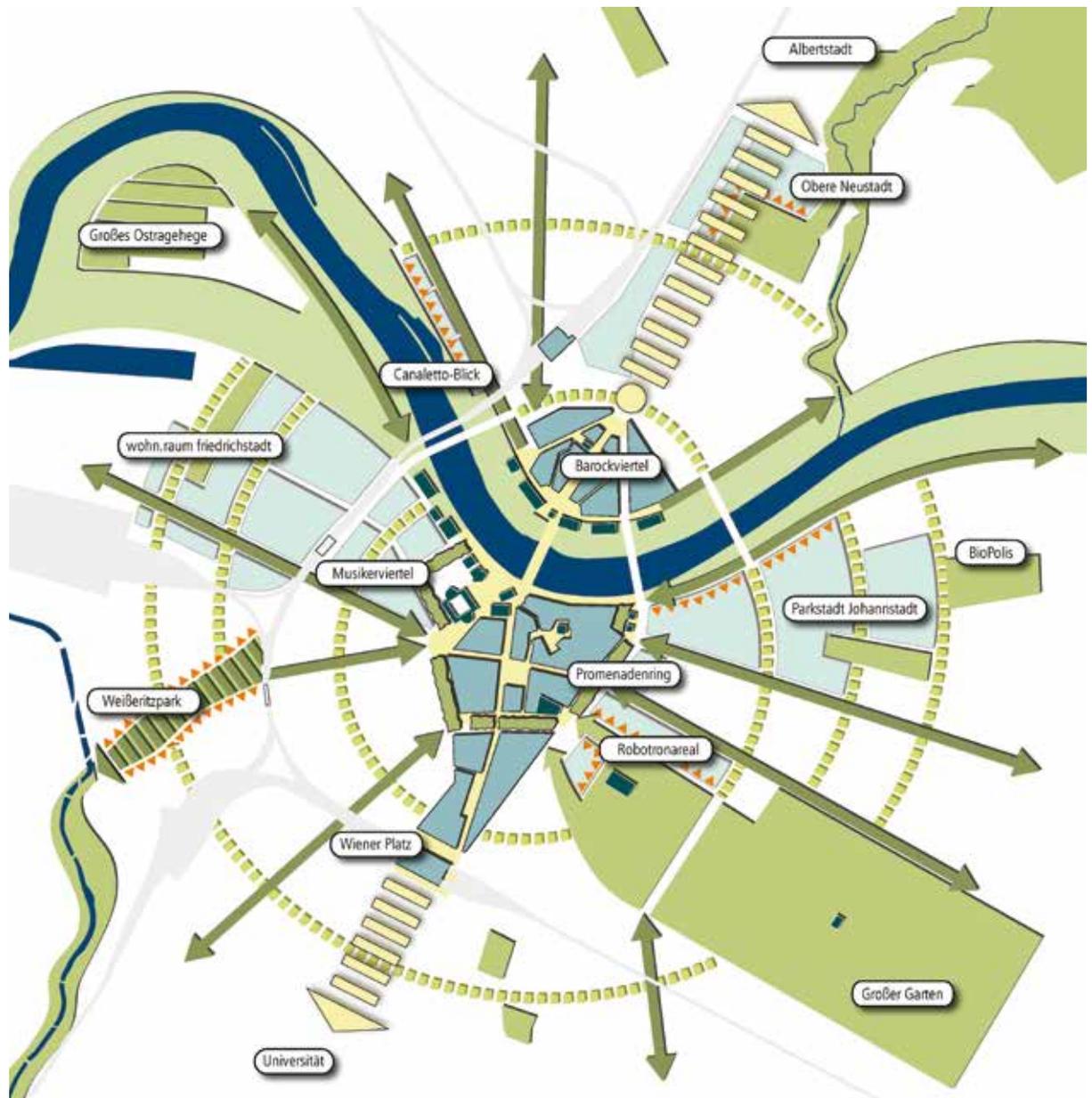
7. Новая ценность площадок и мест
 Позиционирование новых привлекательных мест на первоклассных участках направлено на инвестирование в дополнительные функции центра и высококачественное жилище. Новые места на Эльбе и на высококачественных озелененных территориях подчеркивают привлекательность и выгодное расположение городского центра и прилегающих к нему пространств. Научные исследования и опытно-конструкторские разработки, центральные государственные и частные управления и услуги, а также привлекательное жилище обеспечивают многообразное использование дрезденского городского центра. С созданием новых мест перспективное планирование вносит существенный вклад в привлечение будущих предпринимателей и элиты.

8. Приоритеты и точки развития
 Наряду с принципиальным приоритетом внутреннего развития перед внешним, перспективное планирование городского центра 2008 года так формулирует основные задачи развития городских пространств, чтобы различные ресурсы, программы и мероприятия были увязаны с их применением. С определением перспективных внутригородских осей развития, с приоритетом торговых пространств, а также дающих импульс развитию проектов могут быть четко обозначены кварталы городского центра

и к нему прилегающих пространств со своими индивидуальными преимуществами и возможностями.

Дальнейшие шаги
 Перспективы указывают, в каком направлении должен развиваться город, создают рамки для любого дальнейшего профилирования и принятия решений по вопросам города в целом. Перспективный план дает необходимую свободу действий, позволяющую постоянно интегрировать новые данные, поэтому должен быть рассчитан на определенное подвижное состояние. Перспективное планирование представляет собой пространственно-ориентированный стратегический подход, где сформулированы перспективные идеи, цели и требования к качеству. Оно указывает, в каком направлении должен развиваться городской центр Дрездена и к нему прилегающие пространства. Это не закон, но указания, выработанные путем обсуждений, которые объединяют желаемое с возможным. Путем идентификации функциональных узлов и структурного каркаса, а также путем обозначения приоритетов образуются границы действий для всех последующих стадий планирования и действия города в целом, которые должны непрерывно фиксироваться. Эти границы необходимо заполнять и представлять в конкретных архитектурно-планировочных проектах. Дальнейшая квалификация городского центра на соответствие европейскому городу является первостепенной задачей.

Концептуальный план

Городские ландшафты исторического центра Иркутска: принципы реконструкции

Ландшафтно-градостроительные условия исторического центра

Иркутск основан в 1661 году на берегу реки Ангары, на пойменной площадке. Площадка образована тектоническими процессами – разломами, в результате которых в геологическом прошлом произошел вид тектонического движения, который геологи называют «сбросо-сдвиг»¹. В районе центра города пересекаются оси трех рек – Ангары, Иркуты и Ушаковки, которые совпадают с осями разломов. Здесь перекрещиваются два разлома. При этом ось главного разлома, она же ось реки Ангары, в точке пересечения ломается, и участок верхнего течения сдвигается по отношению к участку нижнего течения к востоку на 2 км. Таким образом, площадка центра города ограничена берегами реки Ангары на участке сдвига и берегом реки Ушаковки. На этой древней тектонической основе рельеф участка сформирован деятельностью реки. Площадка центра представляет собой относительно широкую пойму и имеет форму трапеции (рис. 1). Юго-восточная сторона трапеции образована высоким (более 10 м) уступом надпойменных террас реки Ангары. На достаточно крутом склоне уступа отмечаются эрозионные процессы и элементы оползневых процессов². Ясное понимание значения периферийных ландшафтов для градостроительной организации центра города было сформировано в Проекте детальной планировки 1980 года, выполненном институтом ЦНИИП градостроительства. Было предложено зеленое кольцо вокруг города на основе набережных рек и уступа Иерусалимской горы (уступ надпойменных террас). Однако затем эти ландшафты в значительной степени были застроены, особенно в последние 10 лет.

Таким образом, контур центра образуется ценными и особенными в экологическом отношении ландшафтами – прибрежными и крутосклонными. Внутренняя территория имеет спокойный рельеф. Открытых пространств общего пользования на территории центра мало. При общей площади центра порядка 650 га парки и скверы занимают 46 га (3,4 га сквер им. Кирова, 0,8 га

сквер возле цирка, 19,8 га ЦПКиО, 3,9 га парк усадьбы Сукачева, 4,6 га сад Сукачева и набережная имени 50-летия Победы, 9,7 га бульвар Гагарина, 2,95 га Александровский сад, 1,2 га сквер при драмтеатре) или около 7%.

Отсюда следует, что в центре города существует проблема дефицита открытых пространств, как по контуру центра в особо ответственных в экологическом отношении прибрежных и крутосклонных ландшафтах, так и во внутренней территории.

Пространственно-планировочная структура исторического центра

Пространственно-планировочная структура центра представляется следующими планировочными районами, имеющими генетические и морфологические отличия: 1) острог, 2) посад – поселение вокруг острога, обнесенное крепостной стеной (была разобрана в первой трети XVIII века), 3) Солдатская слобода – поселение за крепостной стеной, 4) подгорная часть (рис. 1). Острог давно снесен, на его месте разбит Сукачевский сад и построен фрагмент набережной. Посад пожаром 1789 года был уничтожен и вскоре отстроен уже каменными строениями³. В Солдатской же слободе сохранились деревянные строения, которые составляют уникальное историко-архитектурное наследие города Иркутска.

Сеть улиц исторического центра является памятником градостроительного искусства. Ячейки – кварталы, из которых складывается планировка центра, – отличаются большим разнообразием. Они все разные как по размеру, так и по своим неправильным формам. Однако при этом решетка является, безусловно, упорядоченной. Сочетание разнообразия и порядка и есть признак качества данной градостроительной композиции.

Упорядочение сети происходит благодаря подчинению разнообразных ячеек главным улицам. Главными улицами центра являются ул. К. Маркса (бывший Большой проспект), ул.

текст
Андрей Большаков

1. Лобацкая Р.М., Котлобаева Т.А., Биктимирова Н.В. Характер раздробленности территории города как один из факторов оценки устойчивости геологической среды // Город: прошлое, настоящее, будущее. Проблемы развития и управления на пороге III тысячелетия: сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2000. С. 128–133.
2. Большаков А.Г., Литвин В.М., Семенов Ю.М., Титаева Е.В. Комплексное ландшафтно-экологическое обоснование проекта реставрации и приспособления усадебного парка В.П. Сукачева в г. Иркутске. Иркутск: Лаборатория культуры ландшафта и городской среды, 2000. 75 с.
3. Оглы Б.И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1982. С. 112.

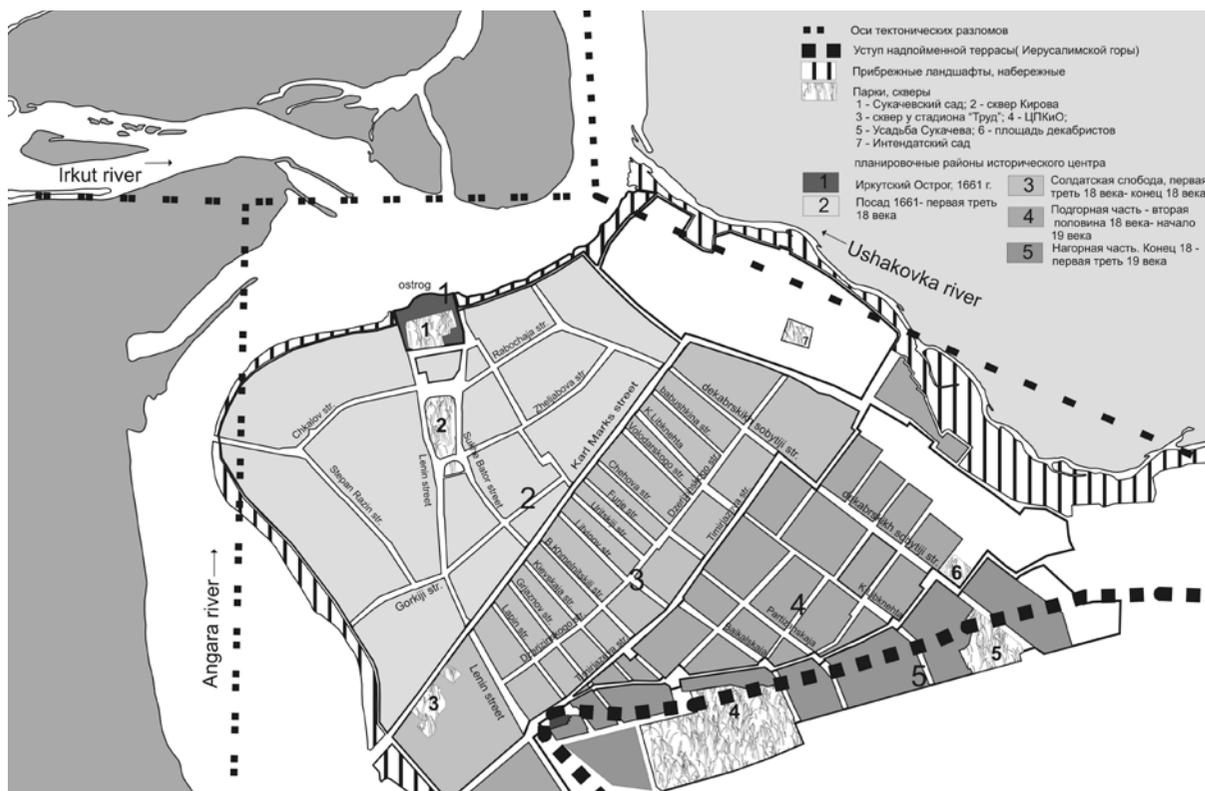

Рис. 1. Ландшафтно-планировочные условия исторического центра Иркутска

Рис. 2. Морфотипы городских ландшафтов исторического центра

4. Градостроительное зонирование территории г. Москвы. Генеральные схемы функционального, строительного и ландшафтного зонирования. М.: Научно-проектное отделение перспективного градостроительного развития НИИПИ генплана г. Москвы, 1998.

Декабрьских Событий (бывшая Ланинская), ул. 1-я Советская (бывшая Иерусалимская), ул. Ленина (бывшая Амурская), ул. Байкальская (бывшая Русиновская). Следующими по значению являются улицы: Тимирязева (бывшая Преображенская), Дзержинского (бывшая Арсенальская) и Сухэ-Батора (бывшая Тихвинская). Улицы К. Маркса и Тимирязева образуют границы Солдатской слободы, которая, ввиду большего сохранения объектов наследия деревянного зодчества, рассматривается более подробно. Благодаря сосредоточению здесь объектов познавательного туризма, составляющих своеобразие столицы Восточной Сибири, возможно формирование соответствующих туристических функций: гостиниц, выставочных, музейных, образовательных и других культурных зданий, обслуживающих целевой внешний туризм.

Городской ландшафт включает три основных элемента: застройку, мощение и озеленение. Развернутая классифика-

ция городских ландшафтов была предложена разработчиками генерального плана Москвы 1998 года⁴. Морфотипы городского ландшафта зависят как от соотношения открытых пространств и застройки, так и от рисунка ее архитектурно-планировочного решения. Распределение морфотипов представлено на рис. 2.

15 кварталов Солдатской слободы имеют своеобразную нарезку (рис. 1). Во-первых, это узкие кварталы, шириной в среднем не более 100 метров, при этом длина около 600 метров. Это общая ширина Солдатской слободы. Однако за счет внутренней улицы Дзержинского слобода разбита на две полосы шириной 400 и 200 метров. Таким образом, пропорции кварталов сложены как 1:4 и 1:2. Во-вторых, все бывшие Солдатские улицы примыкают к ул. К. Маркса не под прямым углом, а ул. Тимирязева плавно сужает полосу района к юго-западу. В-третьих, створ Солдатских улиц не совпадает со створом улиц посада, по другую сторону улицы

Опорный план квартала в границах улиц К. Маркса, Б. Хмельницкого, Дзержинского, Киевской

Генеральный план реконструкции квартала

К. Маркса. Это объясняется, как уже было сказано, существованием до первой трети XVIII века крепостной стены в створе улицы К. Маркса.

Условия формирования открытого пространства в кварталах Солдатской слободы

Условия формирования открытого пространства в кварталах исторического центра Иркутска следующие. Структура современного квартала имеет в основе периметральную застройку, в контуре которой находится множество строений, возникших позже как результат дальнейшего дробления и парцелляции бывших усадеб, либо появившихся на месте и на основе хозяйственных и подсобных зданий. Современная застройка активно вмешивается в эту историческую ткань в последние 10–15 лет. В результате открытых пространств осталось чрезвычайно мало, менее 30% от общей площади квартала. Солдатская слобода преобладанием застройки над открытым пространством выделяется даже среди других районов центра (рис. 2). При этом застройка внутри основного периметра квартала, как правило, не имеет архитектурной ценности. По сути, эта застройка и является основным резервом создания открытого пространства внутри квартала.

Стратегия реконструкции квартала опирается на идею преемственного развития, т.е. на историко-архитектурное наследие⁵. Основными принципами реконструкции кварталов исторического центра являются:

1. Сохранение памятников истории, культуры и архитектуры.
2. Выявление территориальных ресурсов для создания внутриквартальной системы открытых пространств за счет малоценной застройки.
3. Новая планировка квартала, базовыми элементами которой служат памятники и их территории, а также направления и границы, согласно существующим улицам.
4. Формирование новой застройки, отвечающей контексту, как архитектурой, так и функционально.

5. Развитие структуры открытых пространств квартала с общественными функциями.

Принципиальные примеры реконструкции квартала в историческом центре

Ниже приведены примеры реконструкции, разработанные студентами архитектурного факультета ИрГТУ под руководством автора. В определении памятников и диссонирующей застройки мы руководствовались проектом охранных зон, выполненным в 2008 году специалистами института Иркутскгражданпроект и Центра сохранения наследия при управлении культуры администрации Иркутской области⁶. Группа кварталов в границах улиц К. Маркса, Б. Хмельницкого, Дзержинского, Киевской характеризуется большой долей каменных зданий, диссонирующих с памятниками архитектуры. Опорный план – рис. 3. Из 30 зданий 20 являются памятниками истории, культуры и архитектуры, 10 – объекты, диссонирующие с памятниками. По адресу Б. Хмельницкого, 4; Киевская, 3; пер. Пионерский, 6, 7, 9, – типовые жилые дома советского периода. По адресу Дзержинского, 19, – торговое здание павильонного типа весьма невыразительной архитектуры. Все эти постройки не отвечают контексту исторической застройки по крупности, членениям, по отношению к планировке квартала. Из памятников архитектуры в квартале отмечаются следующие. По ул. К. Маркса, 28, находится училище искусств в здании, построенном в 1911–1913 годах архитектором В.Ю. Иогансоном. Рядом здание бывшего магазина Винно-гастрономического товарищества в доме Д.П. Кравца, 1880 года постройки. По ул. Дзержинского расположены жилые дома середины и конца XIX века. В разрыв между ними в последние 5 лет вставлено упомянутое торговое здание, диссонирующее с памятниками. Все диссонирующие здания предлагаются под снос.

В проекте студентки Е. Куренковой (2008 г.) по реконструкции квартала предлагается развитие образования в области искусства. Для этого в комплексе с существующим зданием

Рис. 5. Развертка застройки по ул. Дзержинского от ул. Киевской до ул. Б. Хмельницкого до и после реконструкции. По памятникам архитектуры выполнена графическая реставрация. Диссонирующее здание заменяется зданием с контекстуальной архитектурой

Рис. 6. Опорный план квартала в границах улиц Дзержинского, Киевской, Подгорной, Грязнова

Рис. 7. Проектное предложение по реконструкции застройки по ул. Дзержинского. По флангам существующие здания. В центре – проектируемое здание. Формируется портал, через который посетитель входит во внутриквартальное открытое общественное пространство

Рис. 8. Генеральный план реконструкции квартала. Студентка С. Картопольцева. Руководитель проф. А. Г. Большаков, 2008 г.

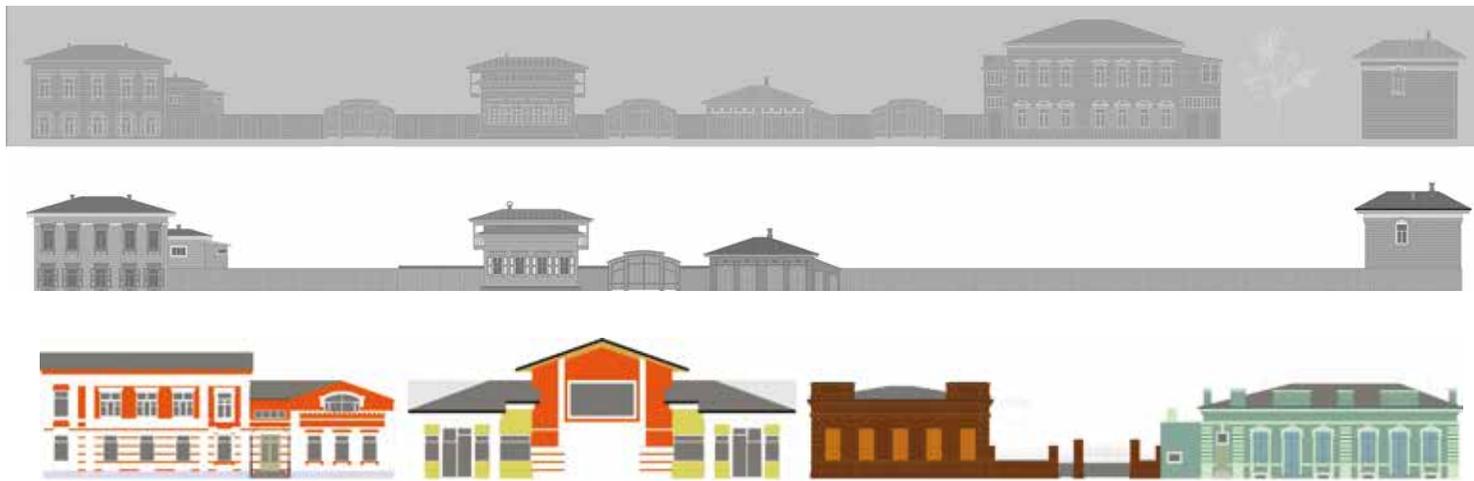

Рис. 9. Развертка по улице Тимирязева до (внизу) и после (вверху) реконструкции

Рис. 10. Опорный план кварталов Музея декабристов

училища искусств проектируется публичная библиотека по искусству и музей истории г. Иркутска (рис. 4). Музей предлагается на месте торгового здания по ул. Дзержинского. Панорама этой улицы до и после реконструкции показана на рис. 5. Библиотека решается в виде двух корпусов, по обе стороны пешеходного Пионерского переулка. За счет сноса диссоциирующих зданий и строительства новых в контексте квартала формируется открытое пространство общественного назначения, включая два фрагмента – между училищем искусств и библиотекой и между библиотекой и музеем города Иркутска. Из сравнения двух планировок видно, что жилой дом по Б. Хмельницкого, 4, неправомерно затесняет квартал, при этом жилой двор раскрывается на улицу. Предложенная планировка решает эту проблему.

Второй пример – два квартала в границах улиц Грязнова, Дзержинского, Киевской, Подгорной – преимущественно деревянной застройки. Причем к категории памятников относятся как дома по периметру квартала, так и во внутреннем эшелоне. Вместе с тем здесь также есть резервы для реструктуризации квартала. К ним относятся сараи и другие нежилые помещения. Из общего числа зданий (75) в квартале памятников 27 (рис. 6). Это типичный квартал Солдатской слободы с малоэтажной деревянной усадебной застройкой. На ул. Дзержинского выходят каменные одноэтажные здания XIX века.

Проектом студентки С. Картопольцевой (2008 г.) предусматривается на основе деревянной застройки сформировать гостевые и доходные дома. Усадебная застройка здесь уже давно превратилась в коммунальные дворы. Предлагается оформить эти дворы как самостоятельные ячейки с местными проездами, выходящими на жилые улицы Киевскую и Грязнова. В квартал за счет сноса малоценной застройки вводится озелененное общественное пространство (рис. 8). По улице Дзержинского формируется кластер с торговыми и административными функциями. Вход в квартал оформляется курдонером перед новым зданием, которое решается в стиле существующей застройки (рис. 7). Для формирования курдо-

нера с улицы Дзержинского на улицу Тимирязева переносится здание Дзержинского, 14. По улице Тимирязева восполняется провал в силуэте развертки (рис. 9).

Третий пример реконструкции, направленной на контекстуальное развитие, представляют два квартала, в которых располагается музей под открытым небом «Музей декабристов». Здесь находятся усадьбы декабристов С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого. Кварталы ограничены улицами Декабрьских Событий, Дзержинского, Октябрьской революции и Ф. Энгельса. Их разделяет улица Тимирязева (бывшая Преображенская). В первом квартале (№106 по номенклатуре ЦСН) располагается усадьба С.Г. Волконского, Преображенская церковь, так называемый «Кружевной дом», он же дом Шастина, с офисом общественной организации «Дом Европы». Во втором квартале расположен дом С.Г. Трубецкого и бывший сиропитательный дом Е.М. Медведниковой, в котором в настоящее время находится Иркутская сельскохозяйственная академия. В кварталах существует 77 зданий, из них памятников федерального значения сохранилось 6, памятников регионального значения – 17, местного значения – 11, объектов историко-архитектурной среды – 18, итого исторических зданий – 52. Резервными территориями для развития музея являются площадки утраченных памятников, а также некоторые более поздние постройки, не представляющие историко-архитектурной ценности (рис. 10).

Проект студентки А. Сафроновой (2008 г.) развития кварталов музея декабристов состоит в том, чтобы создать на территории квартала Трубецкого гостиничный комплекс на основе памятников деревянного зодчества, а в квартале Волконского – ремесленные мастерские (на месте бывших кузнечных мастерских). Вместо жилого дома на углу улиц Тимирязева и Декабрьских Событий – открытое пространство с плоскостными спортивными сооружениями для Сельскохозяйственной академии. На месте диссонансных офисных зданий – постройки того же назначения, но современной архитектуры, по формам переключаясь со зданием Преображенской церкви. На месте автостоянки в квартале Волконского – продолжить существующий сквер. Общий вид ансамбля музея представлен на рис. 11.

Таким образом, чтобы иметь жизнепригодный исторический центр города, необходимо, во-первых, бережно относиться к историко-культурному и архитектурному наследию и новую застройку формировать контекстуально, во-вторых, расширять площади открытых пространств общего и ограниченного пользования. Резервами для такого развития являются территории малоценной застройки в глубине и на периферии кварталов и той застройки, которая диссоциирует с памятниками архитектуры. В-третьих, необходимо особое формирование ценных и ответственных в экологическом отношении ландшафтов, окружающих центр города – прибрежных территорий и крутосклонных ландшафтов уступа надпойменной террасы. Это должны быть парки (как парк перед дворцом «Юнисиб») и набережные.

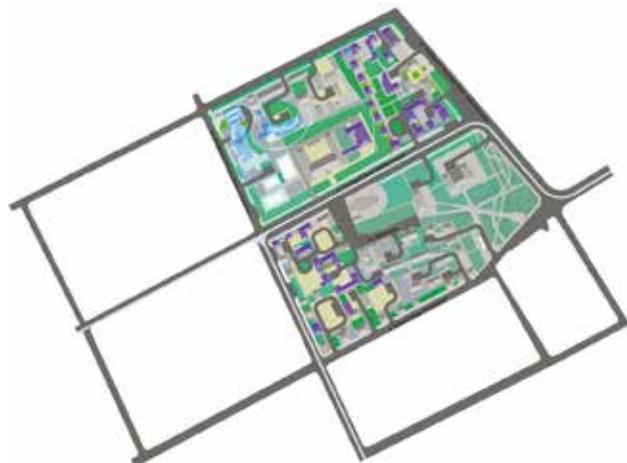

Рис. 11. Проект реконструкции кварталов Музея декабристов. Студентка А. Сафронова. Руководитель проф. А. Г. Большаков, 2008 г.

5. Bolshakov A.G. Cityscapes and Strategies of architectural planning development of Irkutsk historical center // Strategy of the development of the central historical district in Irkutsk. Irkutsk : Irkutsk Regional Development Fund, 2008. 61–63.
6. Красная Н.Н. Проект зон охраны объектов культурного наследия Иркутска // Проект Байкал. 2007. № 13 («Центр»). С. 133–136.

Михаило-Архангельская (Харлампиевская) церковь: история

Первая деревянная Харлампиевская церковь была заложена в 1738 году и стала шестым посадским храмом в Иркутске. Ранее были построены: в 1703 году – храм во имя Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев, в 1706-м – Тихвинская, в 1717-м – Крестовоздвиженская, в 1718 году – Троицкая и Владимирская церкви. «Строителем», иначе говоря, основным жертвователем на постройку храма, был посадский Емельян Югов. Он вошел в историю как мореплаватель, путешественник, купец, не раз плававший на Камчатку и привозивший оттуда богатую добычу, сделав большой капитал на «морской промышленности». Там, на далеких берегах, незадолго до возвращения на родину, Югов тяжело заболел и умер. Однако освящение храма, во имя Священномученика Харлампия, произошло еще при его жизни – 24 января 1739 года. Второй этаж был освящен 18 июля 1746 года во имя Архистратига Михаила.

Деревянная Харлампиевская церковь простояла 28 лет, когда в 1764 году по желанию прихожан начался сбор средств на строительство нового, уже каменного здания. Основой для строительства храма послужила крупная сумма, оставшаяся от пожертвования Е. Югова на первую деревянную церковь, еще 15 тысяч рублей были пожертвованы В. Балакшиным. Закладка новой Михаило-Архангельской (другое ее официальное название) церкви была осуществлена в 1777 году, с мая 1779-го на подготовленный фундамент стали возводить стены. Первым был освящен 6 сентября 1782 года правый нижний престол во имя Архистратига Михаила, через два года, 23 августа 1784 года, освящается левый придел во имя Священномученика Харлампия. Чуть ранее, 8 июля 1784 года, закончена колокольня, на ней установлен шпиль.

Пока шли службы в нижних приделах, достраивался верхний этаж, и 22 августа 1787 года освящается северный придел верхнего этажа во имя Святых Жен Мироносиц. Одновременно в нижнем этаже начинаются ремонтные

работы – вместо деревянных полов укладываются каменные плиты. 15 августа 1790 года освящается еще один верхний придел – Успения Божией Матери. Позднее, 23 ноября 1806 года, в одну линию с престолом Святых Жен Мироносиц был освящен престол во имя Свяtitеля Иннокентия.

На 1809 год Харлампиевская церковь стояла перекрытая тесом, но все три ее главки были обиты железом и выкрашены, на них сияли золоченые кресты. Шпиль колокольни также был покрыт железом, крест вызолочен. Снаружи церковь имела два входа – на первый и второй этаж отдельно, во второй вело крытое тесом крыльцо, опирающееся на каменные столбы со сводами, над ним была установлена обитая железом главка с золоченым крестом. Первый этаж церкви выложили каменными плитами (песчаника?), там же стояла глинобитная печь, «оконницы» – слюдяные с железными решетками и ставнями. Свод и стены – беленые. Все три придела второго этажа имели уже стеклянные окна, своды и потолки расписаны сюжетами священных причт с каймами по краям. В приделе Успения Божией Матери устроили хоры «на выпусках». В 1824 году, как сообщает иркутская летопись, было «заложено новое каменное крыльцо к церкви с деревянною надстройкою паперти к храму Михаила Архангела под колоколами, вся эта постройка была окончена к 1 сентября 1825 года, а ограда сломана и более вновь и по сию пору (сер. 1850-х годов. – Н.Т.) не построена».

Иркутск за все время существования всегда преследовали два страшных стихийных бедствия – пожары и землетрясения, которые продолжаются и по сей день. Испытала их неудержимую силу на себе и Харлампиевская церковь. Во время землетрясения 6 августа 1839 года у нее впервые появились достаточно серьезные повреждения северной стены, разломился пополам крест на храме (разорвались крепежные цепи), был разбит колокол, внутри здания оторвало паникадило. Устраняя последствия землетрясе-

текст
Наталья Торшина

Троицкая улица. На заднем плане – Харлампиевская церковь, рядом – одноэтажное здание богадельни. Фото 1910-з гг. Из коллекции ИГОМ

Харлампиевская церковь.
Фото 1910-х гг. Из
коллекции С.И. Медведева

ния, ремонтные работы в храме велись несколько лет: в 1841 году колокол перелили и установили заново, в 1846-м северный дверной проем храма переделали в окно, в алтаре (вероятно, северного придела) установили новую голландскую печь.

В 1848 году в церкви производились значительные ремонтные работы, особенно на колокольне, возможно, это было связано с тем же землетрясением. На колокольню была устроена новая лестница, переложен пол и сделан новый потолок над колоколом; оконные проемы колокольни ограждаются заборками из баясин и окрашиваются белой краской. Одновременно чинится крыша, как на колокольне, так и на самой церкви, и окрашивается зеленой краской. Стены снаружи и внутри белятся известью, красятся окна и ограждения, ремонтируются печи. Обходятся все эти работы в 700 рублей серебром.

Через год, в 1849-м, более тщательно занимаются внутренним убранством храма. В приделе Святого Харлампия иконостас перекрашивается в голубой цвет, колонки – под зеленый мрамор, поправляется старая позолота, золотятся царские врата и сияния над ними. С южной стороны храма, вдоль улицы, устанавливается деревянная решетчатая ограда. В 1851 году в нижнем храме и на паперти стелется новый пол из серовичного камня (иркутского песчаника), кладутся новые печи, ремонтируются и красятся окна. В приделе Михаила Архангела иконостас красится также голубой краской и золотится, изготавливаются и красятся белыми два новых клироса. Крыша над крыльцом первого этажа перекрывается новым тесом.

Вступивший в 1853 году на должность старосты церкви потомственный почетный гражданин Иван Степанович Хаминов испрашивает благословения у преосвященного на ремонт храма. В 1857–1859 годы работы продолжают на верхних престолах – Святителя Иннокентия и Святых Жен Мироносиц. «В наибольшей опасности» (как говорят архивные документы) находился Иннокентьевский придел. В нем предстояло разобрать и переложить своды стен, соединяющие главный храм с приделом, перекрыть деревянную кровлю, перебрать и покрасить полы. 23 августа 1859 года после значительных поправок оба верхних престола были освящены. В эти же годы «план крыльца был изменен», то есть оно было перестроено. Не исключено, что под «крыльцом» имелась в виду пристройка крупного двухэтажного объема паперти с западной стороны храма. В ней по двум деревянным лестницам «с баясинами» шел ход на второй этаж. Наличие каменной паперти в храме отмечают архивные документы 1862 года, правда, не уточняя дату ее постройки. В основном работы производились

за счет И.С. Хаминова, но были и другие именитые жертвователи – иркутские купцы А.И. Трапезников, А.К. Медведев, А.К. Михеев и др.

Прошло всего-навсего два года после очередного ремонта храма и 31 декабря 1861 года в Иркутске произошло самое сильное в его истории землетрясение, существенно повредившее многие здания, особенно высокие – храмы, в том числе и Михаило-Архангельскую церковь.

Вот как отражено это в «Иркутской летописи»: «2 ч. 18 мин. пополудни раздался сильный удар землетрясения, продолжавшийся минуты две. В городе закачались и затрещали все строения, колокола зазвонили во всех церквях сами собой, люди не могли держаться на ногах. На р. Ангаре и Ушаковке был сильный шум и треск от ломающегося льда, а в городе от растрескавшейся земли. В каменных строениях сделались значительные трещины, во многих деревянных растрескались или порвались трубы. Затем подземные удары, но уже легкие, продолжались почти непрерывно в продолжении дня и всю ночь на 1 января 1862 г. ... В Архангельской церкви (Харлампиевской) крест наклонился к югу, северная стена имела более трещин, чем другие. В приделе Св. Иннокентия образовалась трещина от самого свода и почти до фундамента. Осмерик и своды дали трещины, свод расколот лучеобразно, из перемычек окон выпали кирпичи, стекла из рам вылетели. Повреждение в своде произошло от слишком сильного напора тяжести, потому что он удерживал каменную шейку, довольно толстую, на которой укреплен купол вместе с крестом, очень большой и тяжеловесный. От сильного толчка свод не мог выдержать напора всей этой тяжести и раздробился на части. Из трех железных пластинок, прикрепляющих крест к деревянной шейке купола две сломались, а третья согнулась с крестом в южную сторону и держала его в висячем положении...»

После того страшного землетрясения в Харлампиевской церкви долго производился ремонт, и только в 1868 году церковные источники впервые сообщили что «поправки церкви, производившиеся в течение пяти лет, ныне оконченны». В этот период слюдяные оконца на первом этаже были заменены на стеклянные, весь храм был заново побелен, крыша перекрыта и выкрашена масляной краской. Самые длительные работы проводились в наиболее пострадавшей части здания – Иннокентьевском приделе. Завершающим аккордом стало возведение деревянной ограды, уже вокруг всей церкви. До 1878 года храм оставался пятипрестольным, затем в нем произошли значительные переделки, в результате которых в верхнем холодном храме были соединены в один два престола – Святителя Иннокентия и Святых Жен Мироносиц. Соответственно был установлен новый иконостас, поновлены иконы, стены выкрашены палевой краской.

На следующий год, 24 июня, страшный городской пожар полностью уничтожил все внутреннее убранство верхнего храма. Обгорела колокольня и крыша храма, пострадал и первый этаж, но не настолько сильно – в основном окна и двери. Очень быстро около церкви была возведена временная деревянная на столбах колокольня, на которую подняли колокола, снятые с пострадавшей колокольни. Вставлены новые окна и двери первого этажа, после чего начались регулярные богослужения. Верхний этаж восстанавливали долго, еще в 1883 году в нем продолжались ремонтные работы. В 1890 году на пожертвования сольвычегодской купчихи А.П. Хаминовой по проекту известного иркутского архитектора В.А. Рассушина вокруг церкви была поставлена новая каменная с коваными решетками ограда, которую изготовил Николаевский железодельный завод братьев Бутиных.

В последующие годы значительных ремонтных работ не производилось, делался только обычный поддерживающий ремонт – перекладка печей, исправление и чистка дымоходов, покраска крыши медяной и т.п. В 1912 году в храм провели электричество – на обоих клиросах в нижнем храме появились бра, «висячие» электролампочки в алтарях.

Во время декабрьских боев 1917-го верхний храм был разбит снарядом, но уже в следующем 1918 году прихожанами была собрана значительная сумма на его восстановление. Ремонт, после отхода из города красных, производился подрядчиком М.Ф. Чеузовым, который дополнительно ко всем произведенным работам за свой счет вызолотил крест на паперти.

В 1920 году после возвращения Советов были арестованы служители храма, их дома, принадлежащие церкви, реквизированы. Основная часть церковного имущества была изъята еще в 1917-м, тем не менее с сентября 1920 года церковь была передана верующим в бессрочное бесплатное пользование с оставшимися богослужебными предметами, дополнительно им было передано церковное имущество ликвидированной домово́й церкви при Иркутской мужской гимназии.

В 1927 году проводившаяся проверка деятельности общины Михаило-Архангельской церкви зафиксировала: здание церкви содержится в порядке, более того – постоянно ремонтируется. В 1929-м произведен капитальный ремонт нижнего храма. Действующей церковью просуществовала до 1931-го, на следующий год «ввиду острого жилищного кризиса» здание было передано под размещение в нем студенческого общежития, несмотря на то что второй этаж был неотопливаемым. Все церковное имущество и архив были переданы краеведческому музею.

Со зданием Харлампиевской церкви связано множество исторических лиц и событий. В ее приход с 1837 года входил дом генерал-губернатора Восточной Сибири, и его обитатели непременно посещали этот храм. Здесь бывали генерал-губернаторы В.Я. Руперт, граф Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков, другие высшие администраторы края. В 1897 году священнослужители Харлампиевской церкви с ее храмовыми иконами и певчими проводили освящение нового капитального здания Городского театра. Он оказался первым светским

объектом, в котором служили молебны, и все театральные помещения, включая сцену, окропили святой водой.

Долгое время старостой церкви был упомянутый И.С. Хаминов, которому храм обязан капитальными перестройками, открытию в 1894 году и содержанию в приходе училища для слепых. Вся программа обучения слепых велась по самой прогрессивной в то время рельефно-точечной системе Брайля. Кроме обычных предметов в училище преподавалась музыка, пение, вышивание, плетение, разные ремесла.

Настоятелем храма с 1912 по 1920 годы был В.Н. Флоренсов, служение которого было отмечено не только высокими нравственными качествами, но и активной гражданской позицией. Флоренсов был известным ученым, переводчиком с бурятского и монгольского языков, на них им были переведены Святое Евангелие от Марка, Луки и Иоанна, составлена Книга для чтения на бурятском языке. Он был гласным Городской думы (1914–1917), председателем иркутской переводческой комиссии, членом Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества и братства Св. Иннокентия.

В марте 1903 года в Харлампиевской церкви состоялось венчание одной из самых трагических личностей в истории России – морского офицера, ученого, участника полярных экспедиций – будущего адмирала А.В. Колчака, возглавившего во время Гражданской войны (1918–1920) белогвардейское движение в Сибири и окончившего свой жизненный путь в Иркутске.

В ограде церкви, начиная со времени строительства еще деревянного храма, издавна хоронили уважаемых прихожан. Неумолимое время, неблагодарные потомки сравняли многочисленные могилы погоста. Уже на 1910-е годы служители церкви называли только десять захоронений на собственной территории: это И.С. Хаминов, похороненный на паперти, и члены его семьи, семья еще одного старосты церкви – купца I гильдии И.Я. Чурина, настоятели, служители церкви, высокопоставленные чиновники.

архивные источники
литература

Государственный архив Иркутской области, дела различных фондов: ф. 50, оп. 1, 5, 6, 7; ф. 485, оп. 2; ф. 587, оп. 1; ф. Р-504, оп. 5. Иркутская летопись (летописи Пежемского П.И. и Кротова В.А.). – Иркутск, 1911. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск (очерки по истории города). – Иркутск, 1971.

Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 г. – Иркутск, 1914.
Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск. – 1993.

Михаило-Архангельская (Харлампиевская) церковь: проект реставрации и приспособления

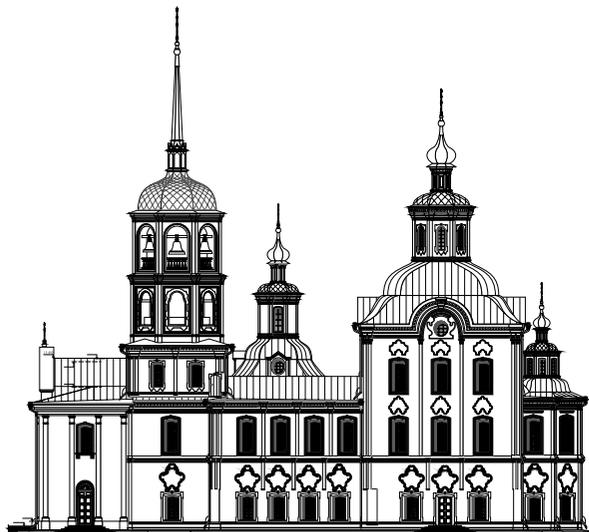
7 февраля 2002 года на заседании научно-методического совета Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области был рассмотрен и одобрен проект реставрации и приспособления памятника истории и культуры федерального значения здания Михаило-Архангельской церкви, расположенного на пересечении улиц Горького (историческое название Харлампиевская) и Пятой Армии (Троицкой) в Иркутске.

Проект выполнен авторским коллективом научно-исследовательской проектной реставрационной мастерской «Традиция» в составе: архитекторы А.К. Мироненко, Г.Д. Налимова, Е.М. Трескина, М.А. Скалон, А.В. Яковлев, А.В. Чудинов, Ю.М. Ивайловская, главный конструктор Ю.А. Сутырин. В том же году научно-проектная документация была согласована, как предусмотрено действующим законодательством, Министерством культуры Российской Федерации.

текст
Алла Мироненко

Проект реставрации
Харлампиевской церкви
(НПРМ «Традиция», 2002).
Южный фасад.

Разрез

Проект реставрации
Харлампиевской церкви
(НПРМ «Традиция», 2002).
Южный фасад

Харлампиевская церковь построена в 77–90 годах XVIII века и, по общепризнанному мнению, относится к стилистическому направлению «сибирское барокко». В ее облике отчетливо выделяется стройный шпиль колокольни, гармонично поддержанный главками над южным и северным приделами. Паперть, пристроенная во второй половине XIX столетия на месте крыльца, достойно завершила композицию храма. Проект реставрации предусматривает восстановление здания-памятника на период второй половины XIX века.

В 1930-е годы были разрушены верхние ярусы и шпиль колокольни, разобраны главки над приделами. В оставшемся объеме, напоминавшем рядовое строение, устроено общежитие. Из двухъярусного храма здание было превращено в пятиэтажное сооружение, поделенное на множество комнат, соединенных лабиринтами узких коридоров.

С 1985-го по 1990-е годы проектными работами по Харлампиевской церкви занималась специальная реставрационная мастерская (ПСГ СНРПМ), выполняющая проект реставрации с приспособлением под библиотеку Иркутского государственного университета. В то время в здании еще функционировало общежитие, и многие конструкции и детали интерьеров храма проектировщикам были недоступны, поэтому в проекте было много неточностей, «недоказанностей», он не был завершен. После перерыва с 1998 года проектно-реставрационные работы продолжила НПРМ «Традиция» по новому заданию, где предусматривалось приспособление памятника уже по первоначальному назначению – православный храм.

Особое внимание нами было уделено дополнительным обмерным работам, так как в 1999–2000 годы все поздние чужеродные конструкции в храме были демонтированы. При разработке проекта реставрации выполнен объемный раздел документации «Архитектурные исследования», где, в том числе, методом фотограмметрии были просчитаны и построены утраченные объемы колокольни и барабанов храмов южного и северного приделов с

использованием большого количества архивных фотодокументов периода 1890–1920-х годов.

Особой сложностью в принятии конструктивного решения по восстановлению здания-памятника стало его аварийное состояние. Разрушения начались, по-видимому, еще в 1862 году, когда церковь перенесла сильное землетрясение, называемое «цаганским». В архивных документах того времени указывалось появление трещин над многими оконными проемами и в сводах. Особый ущерб был нанесен в советский период, когда в стенах устраивались новые оконные проемы, врубались балки новых перекрытий, разрушались своды. В шатре северного придела были обрезаны металлические воздушные связи, что и привело его к сильному повреждению.

В предыдущем проекте реставрации (инженер-конструктор Ю.С. Шеромов) было предложено устройство «обнимающего» конструктивного каркаса. Старый объем здания заключался в систему стягивающих металлических балок и стоек. Такое решение, на тот момент, было единственно возможным. Главным конструктором проекта 2002 года Ю.А. Сутыриным предложено применение антисейсмических резинометаллических опор, устройство которых разделяет здание на надземную (в основном существующую) часть и подземную (проектируемую). Подобное конструктивное решение уже применялось в Иркутске, например на здании Госбанка (Ленина, 16) и зарекомендовало себя с положительной стороны. Основным преимуществом такого решения является возможность оставить старый сохранившийся объем здания без особых вмешательств, а значит, максимально сохранить его Предметы охраны. Резинометаллические опоры в случае подземных толчков принимают нагрузки, предоставляя возможность надземной части качнуться как на волнах и устоять. Применение такого метода увязано проектом реставрации с одновременным решением конструктивного узла в уровне цоколя и вертикальной планировкой территории памятника.

Памятник истории и культуры федерального значения «Харлампиевская церковь» – реставрация или стройка?

В апреле 2008 года Управлением Россыязохранкультуры по Иркутской области проведена проверка объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Харлампиевская», расположенного по улице Пятой Армии, 59, в городе Иркутске, на котором велись ремонтно-реставрационные работы. В ходе работ от комиссии, в состав которой были приглашены представители Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области, архитекторы, инженеры, конструкторы, другие специалисты в области реставрации, выявлены грубые нарушения действующего законодательства в сфере охраны культурного наследия.

Так, в ходе производства работ проигнорированы требования охранного обязательства, выданного на памятник и подписанного Иркутской епархией Русской православной церкви. Требования законодательные, стандартные для подобных объектов – проведение ремонтно-реставрационных работ возможно только в соответствии с научно-проектной документацией, согласованной федеральным органом охраны наследия. Не проведено должное обследование настенных росписей в интерьерах второго этажа четверика храма (Успенский придел) и в среднем картуше южного фасада, также отсутствуют результаты дополнительных исторических исследований присутствия захоронений возле церкви на территории погоста. Внутри храма-памятника выполнен полный демонтаж штукатурного слоя, таким образом уничтожены остатки старых росписей. Во время ремонта исчез ряд первоначальных декоративных элементов интерьеров.

29 мая 2006 года Восточно-Сибирское управление (ВСУ) Россохранкультуры выдало Разрешение № 17 на производство работ на памятнике (на срок до 31 октября 2006 г.) в соответствии с научно-проектной документацией, разработанной научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция», получившей положительное заключение экспертизы и согласованной Министерством культуры РФ 28.03.2002 исх. № 3337-25-14. После указанного срока пролонгация Разрешения не проводилась. Авторский надзор не велся, так как с разработчиком НПД – НПРМ «Традиция» – не был заключен соответствующий договор. При этом Иркутская епархия, не поставив никого в известность, произвела замену названной проектной организации на другую – творческую мастерскую «Улан-Удэархпроект». Последней разработана рабочая документация без согласованного с госорганом охраны наследия проектного задания, которая не прошла положенную государственную экспертизу, не согласована, в том числе, с автором НПД, не утверждена в установленном порядке.

На момент проверки в соответствии с рабочей документацией, разработанной ТМ «Улан-Удэархпроект», произведены работы по замене фундаментов и устройству подвалов, усилению стен, восстановлена колокольня, внутри устроена новая громоздкая несуразная лестница на второй этаж. Произведена полная замена штукатурно-го слоя внутри здания.

Вместо первоначальной известковой обмазки наружных стен и реставрации кирпичной кладки, уникального кирпичного «барочного» декора, выполняется несвойственный для памятников той эпохи намет цементного раствора, перекрывающий, в том числе, сохранившееся родное декоративное оформление. Поэтому декор и не реставрируется, а хоронится под слоем новой штукатур-

ки. Полностью заменены оконные столярные заполнения. По каким-то соображениям (но только не ради экономии и так дефицитных финансовых (в том числе бюджетных! средств), купола кроются золоченым составом вместо традиционной для иркутских барочных храмов окраски, изначальные полы из иркутского песчаника заменяются на помпезные дорогие каменные мозаичные. Конструктивное решение усиления (замены) фундаментов также было самовольно изменено без должных обоснований, экспертизы, согласований. И прочее, и прочее.

Таким образом, при проведении ремонтно-реставрационных работ на объекте культурного наследия федерального значения нарушены требования статьи 45 федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002 г.). А именно: работы выполнены и продолжают выполняться без разрешения федерального органа охраны объектов культурного наследия, по проектной документации, не утвержденной и не согласованной в установленном порядке.

После натурного осмотра памятника и изучения представленной документации, можно констатировать: производимые работы не относятся к реставрационным, так как фактически осуществляется недопустимая замена подлинных конструкций, элементов, декора памятника-храма на новые. Другими словами, на наших глазах происходит циничная подмена церковной святыни, одного из самых старых и выдающихся памятников истории, архитектуры Иркутска, Сибири на кошунственную копию.

В связи с выявленными в ходе проверок многочисленными нарушениями законодательства, допущенными при проведении ремонтно-реставрационных работ на памятнике федерального значения «Церковь Харлампиевская» в городе Иркутске, по итогам проверки 2008 года Иркутской епархии выданы требования о проведении следующих мероприятий: 1. Обратиться в ООО НПРМ «Традиция» с просьбой произвести освидетельствование выполненных работ на предмет их соответствия согласованной научно-проектной документации; 2. Представить в ВСУ Россохранкультуры и Службу по охране объектов культурного наследия Иркутской области копию заключения государственной экспертизы на рабочую документацию, разработанную ООО ТМ «Улан-Удэархпроект»; 3. Для решения вопроса о проведении проверки лицензиатами реставрационной деятельности лицензионных требований при осуществлении работ на объектах культурного наследия, предоставить в ВСУ Россохранкультуры полный перечень подрядных организаций, связанных с данным памятником.

Повторная проверка исполнения указанных требований, проведенная ВСУ Россохранкультуры в марте 2009 года, показала, что Иркутская епархия их не выполнила, в связи с чем 25 марта 2009 года ей выдано предписание о приостановке ремонтно-реставрационных работ на памятнике.

В дальнейшем планируется, на основании заключения освидетельствования ООО НПРМ «Традиция», определить перечень утрат Предметов охраны памятника. В случае подтверждения таких утрат, а это уже очевидно, может встать вопрос о нанесении ущерба объекту культурного наследия в ходе производства работ, понижении его историко-культурной ценности, а значит, и возможном изменении его категории охраны.

текст
Елена Ташак
Алексей Чертилов

Детский сад на погосте

текст
Татьяна Чеботарева

1. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880. Иркутск, 1914. С. 243
2. Терновая И.И., Терновой И.В. Образовательные заведения города Иркутска во второй половине XIX – начале XX вев. Иркутск, 2009. С. 50
3. Там же. С. 51.

В Иркутске трудно кого-либо удивить трагическими историями о разрушенных зданиях, сожженных памятниках архитектуры, об издевательствах над объектами истории и культуры, которые стали для города и его жителей зданиями-символами. Слишком много поводов для переживаний возникает всякий раз, когда мы не только физически теряем памятник архитектуры, но и приобретаем в процессе реставрации новый объект, который к концу реставрации или реконструкции уже перестает быть памятником. Такая судьба постигла Харлампиевскую церковь: со своими гладко оштукатуренными поверхностями, бетонным декором, совершенно нетипичными для сибирских барочных церквей золотыми куполами, медной кровлей, она действительно выглядит как новая. Сложно поверить, что в ней когда-то венчался Колчак.

В непосредственной близости от церкви, то есть прямо на церковном кладбище располагается еще один многострадальный объект – здание необычной, сказочной архитектуры с удивительной историей. Детский сад № 14. Безусловно, в городе, где центральное кладбище отдали под Центральный парк культуры и отдыха, мало кого удивит детский сад, здание которого перенесли и поставили на церковных костях. Так он простоял до сегодняшнего дня, когда наконец зазвонили колокола церкви Архистратига Михаила, и соседство садика становится невозможным не только потому, что он стоит на погосте, но и потому, что теперь он оказался вплотную прижат к храму, который стал действующим. Думаю, что даже крестный ход вокруг церкви можно будет пройти с трудом.

И вот стоит он, ветхий и заброшенный, и судьба его настолько неясна, что становится очень тревожно. А между тем это особенное здание, которое во что бы то ни стало необходимо сохранить. Это первое детское воспитательное заведение города. Идея его основания принадлежит уроженке Иркутска педагогу Марии Гавриловне Тюменцевой. В

1868 году она предлагает открыть новое образовательное учреждение, готовившее детей младшего возраста к поступлению в первый класс гимназии и предлагает использовать систему немецкого педагога Ф. Фребеля. Ее идею поддерживает Ричард Карлович Маак – главный инспектор училищ Восточной Сибири, и по его просьбе генерал-губернатор М.С. Корсаков утверждает проект первого детского сада в Иркутске, рассматривая его как экспериментальный. С неутомимой энергией Мария Гавриловна собирает первые пожертвования от частных лиц в сумме 1 650 рублей. И «4 марта 1869 года открывается учебное заведение для детей младшего школьного возраста под названием «Детский сад». По прочтении утвержденного г. генерал-губернатором Восточной Сибири положения об этом заведении было отслушено молебствие с водоосвящением, в присутствии председательствующего в совете Главного управления, директора училищ Иркутской губернии, начальницы сада г. Тюменцевой и ее помощниц, поступивших в училище детей и их родителей. Записано желающих поступить в это заведение до 50-ти детей, поступило же в день открытия 20 детей»¹.

Первоначально для школы было выделено старое здание Главного управления. «5 марта в школе начались занятия при 20 воспитанниках, в июне их уже было 39. В первые годы «Детский сад» содержался на пожертвования частных лиц. С 1873 года городские власти стали отпускать на его содержание ежегодно 1500 рублей»².

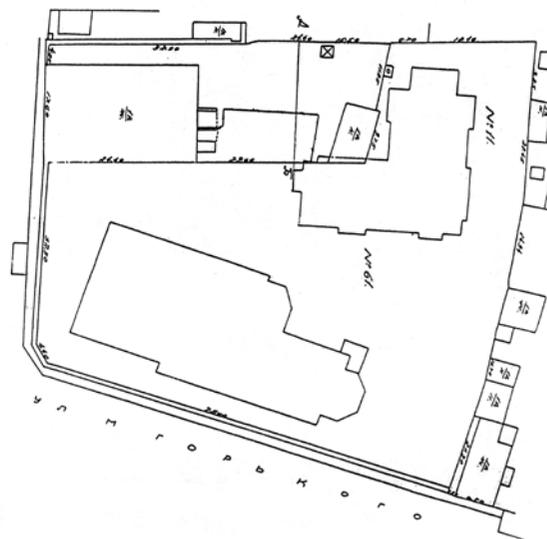
Иркутский золотопромышленник, известный меценат И.И. Базанов приобрел в 1874 году деревянный дом с двумя флигелями, ранее принадлежавший Главному управлению Восточной Сибири. Большой иркутский пожар 1879 года уничтожил все постройки и имущество Детского сада кроме нескольких книг и настенного атласа. М.Г. Тюменцева и члены попечительского совета стали добиваться возобновления работы школы «Детский сад». В течение одного года Детский сад размещался в здании Института благородных девиц, выделившего ему комнату; затем удалось нанять частный дом. В 1882 году специально для Детского сада, с учетом всех пожеланий на Амурской улице по проекту Г.В. Розена построен настоящий деревянный сказочный терем. «14 октября произошло освящение здания. Постройка обошлась в 30 000 рублей, причем большая часть суммы поступила от старшего попечителя «Сада» И.А. Сиверса»³.

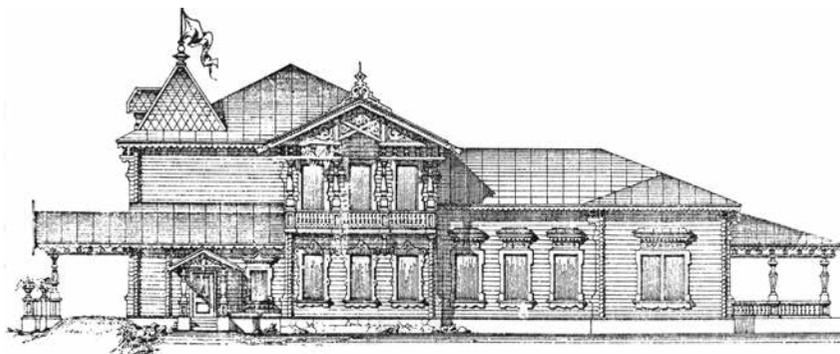
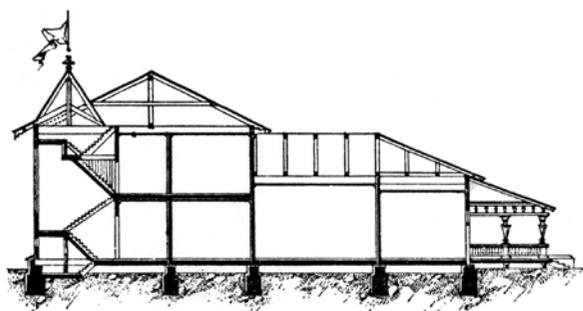
Украшенный искусной резьбой, с двумя ризалитами по главному фасаду, увенчанными остроконечными крышами с нанесенным рисунком шахматными ромбами, с верандой и крылечками, витражами, резными наличниками – этот терем

«Детский сад». Почтовая карточка начала XX века. Из книги: Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках 1899–1917. – М., 1996

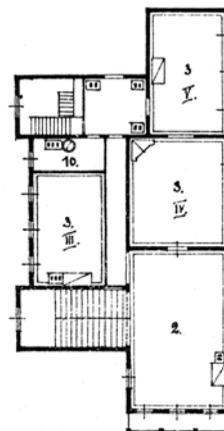
«Детский сад». Фото 1970-х гг. Архив СООКН

Реестровый план Иркутска 1929 г. Фрагмент с местом Харлампиевской церкви и Детского сада

1. Зал.
2. Гимнастич. зал.
3. Классы.
4. Столовая.
5. Буфет.
6. Кухня.
7. Передняя.
8. Спальн.
9. Кв. Начальниц.
10. Ватерклоз.

Проект «Детского сада»
архитектора Г.В. Розена.
Разрез.

Северо-западный фасад.

Планы 1-го и 2-го этажей

действительно напоминает сказочный домик. Его планировка чрезвычайно компактна: на первом этаже коридоров нет вообще, на втором только один. На первом этаже расположены три комнаты под квартиры начальниц, один большой зал и два класса для занятий, а также передняя, столовая, буфет и кухня; на втором этаже располагался гимнастический зал, три комнаты отданы под классы или спальни; туалеты были на каждом этаже. Большую живость плану придают четыре крыльца и одна веранда. Вообще план производит самое приятное впечатление. Благодаря наличию нескольких печей, в здании была идеально организована система вентиляции и отопления, что так важно для учебного заведения, особенно детского. Очень интересно решена угловая часть здания с расположенным в ней главным входом: благодаря далеко вынесенному парадному крыльцу и одноэтажному объему передней, угол здания воспринимается легко, даже воздушно, и большую композиционную роль начинает играть ризалит по боковому фасаду с резным балконом, искусно изукрашенным фронтоном и изящными колоннами, поддерживающими крышу балкона.

Здание чрезвычайно интересно еще и тем, что, помимо затейливого, богатого и тонкого декора, оно обладает очень грамотным, интересным объемно-планировочным решением. Безусловно, это одно из лучших зданий, спроектированных и построенных Розеном в Иркутске. Сейчас от его былой красоты почти ничего не осталось: декор во многом утрачен, а то, что осталось, в печальном состоянии: крыши кое-как прикрыты шифером и толем, стены обшиты вагонкой, хотя изначально был открытый брус, и его угловые соединения и консольные выносы играли роль конструктивного декора, угловой витраж по боковому фасаду беззащитно зашит листами ДВП. Этот удивительный памятник истории и архитектуры уже раз пережил трагедию в своей жизни, когда в 1938 году его перенесли с улицы Амурской в ограду Харлампиевской церкви (на его месте в 1940-м году по проекту архитектора Б.М. Кербеля построили Областную больницу № 2). Дом поставили прямо на погост, и уже тогда он потерял часть деталей и элементов, делавших его облик гармоничным и законченным, как, например, парадное крыльцо и веранду. В таком вопиюще неподходящем месте и в таком истерзанном виде он простоял больше семидесяти лет, но сейчас он просто умирает.

Может быть, у нас хватит понимания, что мы теряем уникальнейший памятник истории и архитектуры, памятник, который будет нашей гордостью и радостью, мимо которого не пройдет без восхищения ни один турист или гость города и который мы можем восстановить, благо хорошие мастера-реставраторы в Иркутске еще есть и авторские проектные материалы Розена тоже в полной сохранности. И можно найти ему место где-нибудь на одной из центральных улиц исторического центра города и сделать его музеем истории образовательных учреждений Иркутска. Эта история совершенно потрясающая, изучая которую удивляешься людям, жившим в столице Восточной Сибири, их самоотверженной идее дать настоящее образование каждому, а городу – хороших специалистов; людям, которые легко отдавали свои капиталы на строительство и содержание новых школ, гимназий, училищ, институтов, приютов.

Надеюсь, что мы воспользуемся возможностью сохранить уникальное здание, показать мастерство и грамотность иркутской реставрационной школы и получить замечательный музей, материалы которого, может быть, подвигнут горожан на более активное участие в жизни родного города.

литература
Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880.
– Иркутск, 1914.
Терновая И.И., Терновой И.В. Образовательные заведения города Иркутска во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2009.
Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках.
– Москва : Галларт, 1996.

Современный вид

Слюдянская Свято-Никольская церковь: проект реставрации

текст
Виктория Полутчева

Проект реставрации
Никольского храма
в Слюдянке (НПРМ
«Традиция», 2005-2008).
Западный фасад

Южный фасад

Разрез

Деревянная церковь на железнодорожной станции Слюдянка Кругобайкальского участка Транссиба была построена вместо первой, также деревянной, в 1914–1915 годах. Освящение состоялось 29 декабря 1915 года. Церковь имела один престол во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского, Святителя Иннокентия, епископа Иркутского и Святой Мученицы Татьяны. В 1929 году церковь закрыли. Службы возобновились лишь после Великой Отечественной войны, в 1947 году. Здание храма является памятником истории и культуры федерального значения – 20 февраля 1995 года Указом президента Российской Федерации № 176 оно поставлено на государственную охрану.

Первоначальный облик церкви претерпел значительные изменения: утрачены все завершения – колокольня, восьмерик с куполом и четырема угловыми башенками, маковки, кресты, а также фальш-окна западного фасада. Заменены столярные оконные изделия, навешены новые ставни окон первого

этажа, выполнена фасадная обшивка доской изначального открытого сруба, частично изменена отделка интерьеров.

В 2005 году сотрудниками научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция» и ООО «ИркутскАрхпроект» были выполнены схематичные обмеры церкви и обследование технического состояния конструкций, по результатам которых разработан эскизный проект реставрации и приспособления памятника под действующий храм, даны предложения по противоаварийным мероприятиям и усилению несущих конструкций.

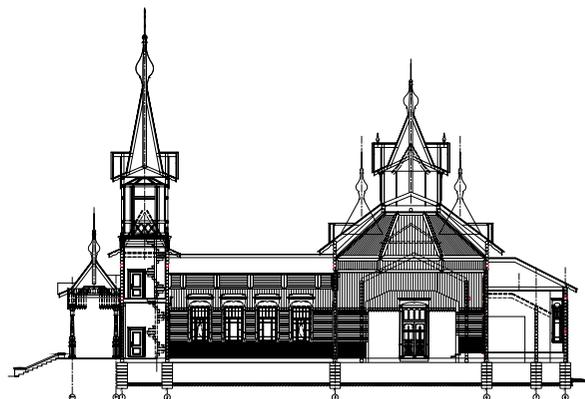
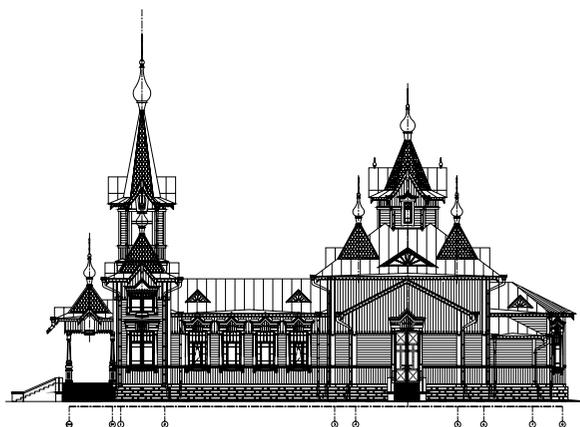
Авторский коллектив проекта реставрации: ГАП Е.М. Трескина (на начальной стадии), В.В. Полутчева; архитекторы О.Г. Александрова, Ю.В. Лебенко, К.А. Яковлев, М.А. Скалон, С.Ю. Коровкин; инженер-конструктор И.П. Пинайкин.

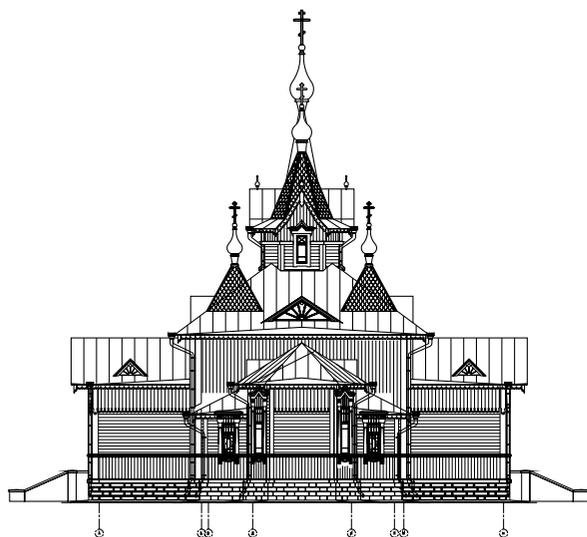
При определении первоначального облика церкви основным документом стала старая фотография храма, сделанная в 1910 году со стороны Слюдянского вокзала, на которой хорошо виден западный фасад и частично просматривается четверик. С помощью этого фото выполнить графическую реконструкцию (восстановление) утраченной колокольни не составило труда, сложнее было определить формы, высоту элементов утраченного завершения объема храма.

С 2008 года начаты работы по капитальному ремонту, усилению несущих конструкций и восстановлению утраченных элементов памятника. А значит, появилась возможность получить ответы на многие вопросы, связанные с ранее недоступными конструкциями, скрытыми под поздней отделкой.

Реставрационное решение. Основная часть наружных стен сруба открыта, по верху стены выполнена «фризовая» вертикальная обшивка доской с пропиленной резьбой, по низу – цокольная обшивка. Стены в алтаре оштукатурены по дранке, потолки четверика, боковых крыльев и трапезной обшиты профилированной доской, имитирующей крупные кессоны. После снятия поздней фасадной обшивки обнаружены родные наружные двери, стало понятно, что окна западного фасада «неродные». К сожалению, не найдены следы от лестницы, ведущей во второй ярус колокольни и звонницу. Сложные моменты, связанные с принятием тех или иных решений по восстановлению первоначального облика памятника обусловлены следующими факторами:

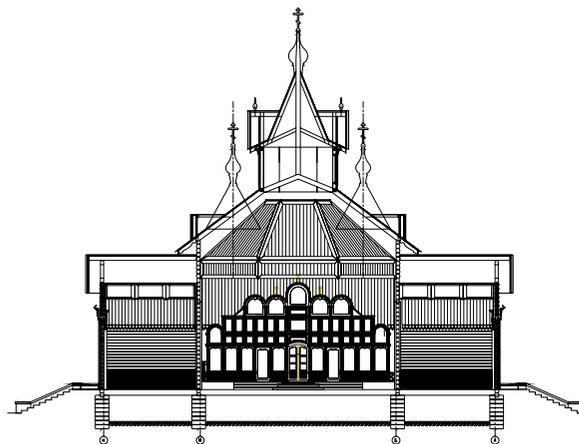
1. Отсутствие целевого финансирования – все работы, в том числе проектные, ведутся на благотворительные пожертвования. Как следствие работы выполняются только самые необходимые, и, конечно, выбираются варианты с наименьшей стоимостью, стройматериалов тоже. Поэтому сегодня нет возможности выполнить реставрационную обшивку потолков (для этого необходимо установить внутренние леса, снять красочные слои, зачистить поверхность, только после этого произвести финишную отделку, а это трудоемкая, длительная (3–5 месяцев) и дорогая работа).

Восточный фасад

Поперечный разрез с показом иконостаса

Кроме всего прочего, из-за этого надо куда-то переносить службы. На сегодня было выбрано, на наш взгляд, наиболее приемлемое и доступное по цене решение: родная обшивка оставлена на месте, а поверх, повторяя ее «рельеф», применены временные натяжные потолки. Материал потолков подобран с учетом обеспечения вентиляции в образовавшемся пространстве между родной обшивкой и временными потолками.

2. Утрачены строительные технологии, и «тех» мастеров тоже уже нет. Очень трудно найти грамотного, опытного современного плотника на реставрационные работы. Трудно найти пиломатериал нужного сечения, качества. Для обшивки потолка, фриза и цоколя стен раньше исполь-

зовалась доска 25×220 мм в поперечнике, сегодня такую доску нужно заказывать специально, и стоит она будет гораздо дороже обычной.

3. Аварийное состояние несущих конструкций сруба повлекло за собой обязательное усиление стен по всему периметру здания, замену вышедших из строя бревен, фрагментов. Далее, по нашему мнению, необходимо выполнить внутреннюю и частично наружную обшивку стен, хотя изначально основная часть сруба балы открыта.

Но несмотря ни на что, радостное в жизни Свято-Никольского, единственного сохранившегося кругобайкальского храма происходит: он действует, восстанавливается, приобретает изначальные черты.

Инженерные проблемы реставрации Свято-Никольского храма в Слюдянке

Деревянное здание церкви Святителя Николая Чудотворца и Святителя Иннокентия на станции Слюдянка Кругобайкальской железной дороги было построено в 1914–1915 годы. С 1929-го по 1947 год церковь была изъята у верующих и приспособлена под жилье, затем использовалась в качестве клуба. В этот период храм претерпел значительные изменения внешнего облика, в частности была демонтирована колокольня, восьмерик и угловые шатровые завершения объема храма с главками и крестами. В 1947-м здание возвратили православной общине, и в нем возобновились богослужения, однако исходный облик восстановлен не был.

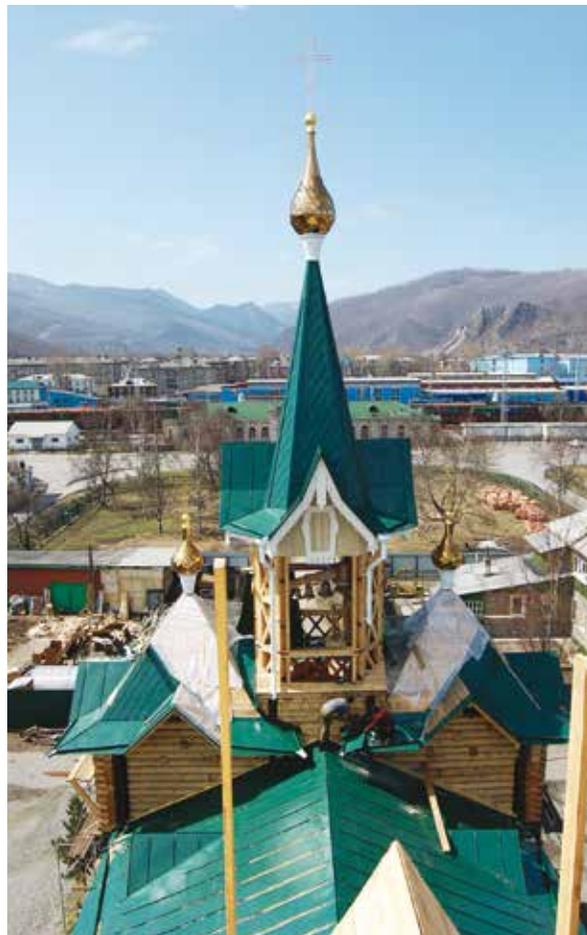
Архитектурные решения. По объемно-планировочному построению церковь имеет классическую трехчастную структуру: притвор с трапезной, храм (средняя часть), алтарь. Объем храма дополнен двумя симметричными пониженными боковыми приделами – северным и южным. Над центральным объемом притвора изначально возвышалась ярусная колокольня с шатровым завершением, увенчанная главкой и крестом, на боковых объемах также были устроены шатровые купола с главками и крестами.

Перекрытие трапезной выполнено в виде ломаного трехгранного свода, частично совмещенного с двускатной стропильной кровлей. Четверик храма в плане близкий к прямоугольному, с внутренними размерами 10,8×10,9 метра. Потолок оформлен в виде усеченного восьмигранного свода. Алтарь в плане имеет сложное очертание. Он сформирован на основе пятигранной апсиды с двумя боковыми пониженными пристроями.

текст
Игорь Пинайкин
Валентина Никитенко

Процесс ремонтно-реставрационных работ. Современное состояние. Фото 2009 г.

Конструктивные особенности и техническое состояние памятника. Под несущими стенами здания устроены бутовые ленточные фундаменты из мраморных глыб на известковом растворе. Состояние фундаментов вполне работоспособное, хорошей сохранности конструкций способствовали благоприятные грунтово-геологические условия – в основании залегают гравийно-галечниковые грунты, а уровень грунтовых вод расположен на глубине не менее 1 метра от подошвы.

Стены церкви рублены из круглого леса диаметром 26–28 см, снаружи обшиты поздней доской, изнутри – листовым материалом в виде ДВП и фанеры, общее состояние бревенчатого остова к началу реставрационных работ оценивалось как близкое к аварийному. Наружные и внутренние углы объема храма, трапезной и колокольни получили сквозные гнилостные повреждения на высоту от 2 до 4 метров. Стены алтаря в сопряжении с четвериком также сгнили практически на всю высоту сруба. Обветшали (что является повсеместной практикой) практически все оклады по периметру наружных и внутренних стен. Утраты конструктивного характера в основном связаны с поздними перепланировками здания, большие фрагменты стен алтаря и четверика были вырезаны в период приспособления церкви под клуб. Ослабленные гнилью и вырезками стены алтаря и четверика получили перекосы и просадки до 30 см. Просадки сруба трапезной составили 15–20 см.

Отдельные фрагменты стен уже ремонтировались путем вырезки и замены поврежденных участков вставками из бруса. Такая технология себя абсолютно не оправдала – фрагменты такой брусовой закладки дали большую усадку с последующим образованием щелей, промерзанием стен и загниванием древесины. Исходную прочность и жесткость сруба на этих участках восстановить также не удалось.

Утепленные цокольные перекрытия были устроены по перекрестной балочной системе, опертой на промежуточ-

ные каменные столбы. Конструкции перекрытий сильно обветшали. Балки и накат покрыты сплошным налетом мицелия домовых грибов, глубина поражения древесины от 10 до 200 мм. Активному развитию гнили способствовал застойный режим в подпольном пространстве из-за заглушенных когда-то вентиляционных продухов. Чердачные перекрытия выполнены в разных конструктивных вариантах. Перекрытия трапезной, боковых приделов и алтаря устроены на основе несущих элементов стропильной системы – стропильных ногах и повышенных затяжках, а объем храма завершен самонесущим восьмигранным сводом, практически не связанным с вышележащими стропилами.

При осмотре сводчатого перекрытия трапезной выявлены серьезные проблемы конструктивного характера. Основной из них следует считать значительные распорные усилия, действующие на стены. По этой причине наружные стены разошлись в уровне верха сруба на 20–22 см. Другая проблема купольных и сводчатых перекрытий связана с отсутствием полноценного утепления скатных участков: из-за усадки и сползания сыпучих утеплителей (опилки и шлак) эти фрагменты перекрытий практически полностью утратили свои теплоизолирующие функции.

О первоначальном облике колокольни можно судить по единственной сохранившейся фотографии, сделанной со стороны железнодорожного вокзала. Ярусное сооружение было устроено на рубленном четверике притвора размерами в плане 3,4×3,4 метра. Восьмигранный объем звонницы высотой около 4 метров, был выполнен в каркасной системе, малые грани восьмерика с размещенными там раскосными связями, закрывались глухой дощатой обшивкой. Увенчанный главкой шатер колокольни был срублен из восьми стропилин длиной не менее 10 метров, проходящих через объем звонницы и устроенных на ее половых балках. При простоте и надежности конструкции такое решение создавало значительные неудобства при эксплуатации звонницы, поскольку занимало большую часть ее полезного объема. Следует отметить, что подобные конструктивно-компоновочные схемы в колокольнях рубленых храмов встречались весьма редко, и их применение было обусловлено особыми условиями эксплуатации. В нашем случае конструкция шатра была, очевидно, продиктована большими ветровыми нагрузками на высокое, узкое и достаточно легкое сооружение.

Конструктивные и технологические проектные решения. В связи с большим объемом утрат, значительная часть конструктивных элементов цокольных перекрытий была заменена. Из первоначальных конструкций удалось сохранить только балки перекрытия и столбчатые фундаменты в трапезной.

Состав ремонтно-реставрационных мероприятий по восстановлению бревенчатых стен церкви включал следующие основные позиции. 1. Замену окладных венцов у большинства наружных и внутренних стен. Новые детали готовили из лиственничного лафета с последующей обработкой биопиренами «Пирилакс». Венцы подводили после предварительного вывешивания фрагментов сруба домкратами и стойками. 2. Усиление четырех арочных проемов, соединяющих четверик со смежными помещениями, порталными рамами из швеллеров. Рамы устанавливали с преднапряжением за счет вывешивания сруба и устройства натяжных деревянных клиньев. 3. Замену фрагментов стен у большинства внутренних и наружных углов сруба. Восстановление этих участков проведено по каркасной схеме, это исключало технологическую усадку восстановленных фрагментов и, одновременно, обеспечивало полноценное включение стоечных элементов каркаса в общую работу сруба. 4. Полная замена верхней части сруба колокольни: 19 верхних рядов были восстановлены в «новоделе» из оцилиндрованного бревна диаметром 240 мм. 5. Усиление периметра наружных стен парными сжимами из швеллеров. 6. Устройство затяжек из круглой арматурной стали в уровне верха сруба трапезной.

При разработке конструктивных решений проекта реставрации колокольни была предложена отличная от первоначальной схема устройства шатра, не стесняющая свободный объем звонницы. Для этого стропильные ноги были установлены на верхней обвязке каркаса восьмерика. При очевидных архитектурных преимуществах такого решения, изменения в конструктивной схеме привели к существенному снижению пространственной жесткости и устойчивости системы сруб – звонница – шатер. Значительные по величине опрокидывающие усилия, достигающие в основании восьмерика 10 тонн на метр, потребовали устройства специальных связей в виде вертикальных стальных тяжей из круглой арматурной стали диаметром 24 мм, пропущенных в толще каркаса звонницы. Тяжи закрепили к брусковым угловым ригелям в основании сруба колокольни. Пространственная неизменяемость и жесткость восьмерика звонницы обеспечивается раскосными связями в четырех малых гранях и диагональной внутренней обшивкой каркаса.

Купол четверика объема храма завершается восьмериком барабана, на котором возведен шатер с главкой и закомарами. Четыре малых угловых шатра устроены непосредственно на стропилах и обрешетке кровли четверика. Восстановление купольной надстройки общей массой около 7 тонн потребовало предварительного усиления сруба четверика. Для восприятия усилий купольного распора была запроектирована и смонтирована система тяжей из круглой арматурной стали с натяжными резьбовыми муфтами. Тяжи устроены в чердачном пространстве поверх слоя минераловатного утеплителя купола.

Все перечисленные работы выполнялись в период май 2008 – май 2009. В ходе дальнейшей реставрации здания церкви предполагается полное восстановление паперти, выполнение наружной и внутренней отделки стен трапезной и притвора.

Архитектор в советской истории

Анатолий Фисенко¹ и Альберт Кан²

текст
Марк Меерович

Анатолий Фисенко

Альберт Кан

Потомственный кубанский казак Толя Фисенко родился 19 июля 1902 года в Москве в семье офицера-преподавателя 3-го кадетского корпуса им. Императора Александра III. Из кадетского корпуса, в котором Толя потом учился, он вынес свободное владение несколькими иностранными языками, опыт самодисциплины, способность сосредотачивать усилия на достижении конкретной цели и, очень пригодившееся впоследствии, умение командовать подчиненными. После революции он учится в Московской артиллерийской школе им. Красина, а затем, в 1919 году, поступает в Московское высшее техническое училище на фабрично-заводское отделение инженерно-строительного факультета, прежде всего потому, что туда принимают без ценза происхождения.

Он учится у Александра Васильевича Кузнецова – многоопытного и известного инженера-строителя, конструктора, архитектора, построившего в Москве немало выдающихся объектов и, в том числе, здание Московского архитектурного института – одно из первых железобетонных сооружений. Здесь же преподают Виктор, Александр и Леонид Веснины, Алексей Викторович Щусев, с которыми у Анатолия Степановича завязываются личные отношения, сохраняющиеся на долгие годы.

Голодное послереволюционное время подталкивает быстро повзрослевшего двадцатилетнего парня к самостоятельной работе – параллельно с учебой, начиная с 1922 года, он подрабатывает, сначала библиотекарем в артиллерийской школе, потом электротехником, затем техником-проектировщиком на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. А с марта 1924 года под руководством А.В.Кузнецова начинает трудиться на строительстве Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ).

Сокурсники – Владимир и Геннадий Мовчаны, Лев Мейльман, Борис Варгазин, Иван Николаев, Константин Соколов, Николай Морозов и др. и во время учебы, и на все последующие годы составляют тот круг профессионального общения, который не только обеспечивает дружескую поддержку, но и формирует высокий уровень профессиональной ответственности.

После защиты в мае 1925 года дипломного проекта по теме «Чугунолитейный завод» Анатолий начинает работать в должности ассистента одновременно на двух кафедрах – архитектурных конструкций (проф. А.В. Кузнецов) и архитектурного проектирования промышленных сооружений (проф. В.А. Веснин). С этого момента Анатолий Степанович непрерывно преподает. Он продолжает педагогическую работу и после реорганизации в 1930 году инженерно-строительного факультета МВТУ в Высшее инженерно-строительное училище и после включения училища в образующую Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева. В академии он руководит (сначала в должности заместителя, а затем заведующего) кафедрой промышленных сооружений. С 1939 года и далее, более 30 лет, фактически всю свою жизнь, Анатолий Степанович возглавляет кафедру архитектуры промышленных сооружений Московского архитектурного института.

Начиная с 1925 года, параллельно с непрерывающейся педагогической деятельностью, Анатолий Степанович продолжает вести практическое проектирование объектов ЦАГИ – лабораторных зданий, опытного завода самолостроения, ангара. А также под руководством А.В.Кузнецова, фактически в том же коллективе, включающем братьев Мовчанов, проектирует Всесоюзный электротехнический институт (ВЭИ), вошедший практически в каждую книгу, посвященную архитектуре 1920-х годов. Анатолий Степанович возводит в ВЭИ ряд зданий, в частности лабораторию высокого напряжения и высоковольтных испыта-

ний. Эти сооружения, выдержанные в конструктивистском стиле, сохранились до сих пор.

В конце 1927 года и практически весь 1928 год А.С. Фисенко вместе с И.С. Николаевым работает в проектно бюро Всероссийского текстильного синдиката над разработкой зданий текстильных комбинатов (в частности, льнокомбината в Орше, льнофабрики в Пскове), лаборатории шерсти в Московском текстильном институте (здание и сейчас стоит на задворках Ленинского проспекта), хлопчатобумажной фабрики в г. Касимове и др.

Советский авангард в основном был сформирован молодыми людьми, воспламененными социальными идеями, провозглашаемыми советской властью, и буквально захлестнутыми валом проектных работ, потому что страна, несмотря на полную нищету, вела широкое строительство – воплощались дореволюционные строительные программы, перелицованные под задачи советской власти (ГОЭЛРО, транспортное строительство и др.), восстанавливались промышленные предприятия, реализовались конкретные проекты, прорабатывались поисковые идеи, осуществлялся авторский надзор. И хотя Анатолий Степанович не входит в творческие группировки, его проекты, «инженерно чистые» и лаконичные, привлекают внимание лидеров конструктивизма и публикуются на страницах их печатного органа – журнала «Современная архитектура».

В год окончания Анатолием МВТУ в Советском Союзе происходит событие, которое, как потом покажет время, окажется эпохальным – в декабре 1925 года XIV съезд ВКП (б) принимает решение о превращении страны в индустриально развитую державу. Эта установка выдвигает задачу формирования государственных строительных и проектных контор, призванных развернуть широкомасштабные работы по возведению новых промышленных предприятий и поселений при них. Но только через четыре года, в 1929 году, у власти доходят руки до практического решения второй части этой гигантской задачи – создания общегосударственной системы проектного дела. Старт этой работе дает постановление от 1 июня 1928 года «О мерах по упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства»². Постановление содержит раздел «Использование заграничного опыта и достижений иностранной техники», который предоставляет ВСНХ возможность «привлекать иностранных специалистов для работы в государственной промышленности, в частности по проектированию»³. Этот раздел и другие постановления высшей власти периода 1928–1930 годов, посвященные формированию общегосударственной системы проектного дела, появляются на свет без всякого участия со стороны Анатолия Фисенко и, казалось бы, не имеют никакого отношения к его деятельности. Однако, в конечном счете, именно они играют в его судьбе важнейшую роль. Особенно два из них – одно, упомянутое выше, другое – приказ ВСНХ СССР № 7 от 5 марта 1930 года о создании на базе проектного бюро акционерного общества Госпромстрой Государственного треста строительного проектирования ВСНХ СССР – Госпроектстрой. Ровно через год, 22 марта 1931 года, в связи с созданием треста Госпроектстрой–2 трест приобретает числовую приставку и превращается в Госпроектстрой–1.

С Госпроектстроем–1 и оказывается накрепко связанной вся дальнейшая творческая биография Анатолия Степановича.

Формируемая общегосударственная система массового обеспечения строительной документацией программ индустриального развития страны, все более и более «затягивается» под задачи ускоренного типизированного проектирования. Именно в связи с отработкой технологии точно-кон-

1. На основе интервью с сыном Анатолия Степановича Фисенко – Алексеем Анатольевичем Фисенко (окт. 2008 г.)
2. Выполнено при финансовой поддержке Краткосрочного гранта в области гуманитарных наук Американского Совета научных Обществ (2008-2009 гг.) по теме: «Альберт Кан в советской индустриализации»

вейерного проектирования и создается Госпроектстрой-1. Он является «экспериментальной площадкой», местом создания новых форм организации труда проектировщиков промышленного строительства, полигоном для «отчуждения» и освоения советскими специалистами передового мирового опыта промышленного проектирования.

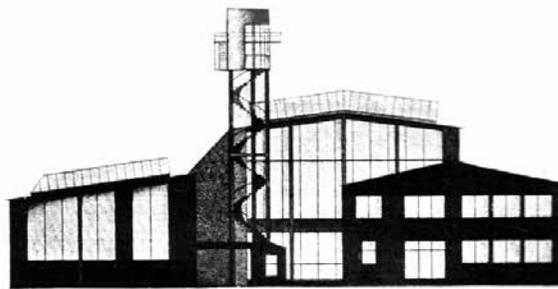
Здесь работают лучшие в мире профессионалы, способные проектировать гигантские заводы не за 1,5–2 года, а в двенадцать раз быстрее – за 1,5–2 месяца. Это, специально приглашенные в СССР из Америки сотрудники детройтской фирмы «Albert Kahn Associates Incorporated». За их участие в проектировании советской промышленности правительство платит Альберту Кану огромную, немыслимую по тем временам сумму – около 200 миллионов долларов. В каком конкретном виде она выразилась – в нескольких вагонах денег или в нескольких тоннах золота, сегодня, наверно, уже невозможно узнать.

Альберт Кан был известен в Америке как «архитектор Форда», потому что спроектировал для фордовского концерна практически все заводы. Но на самом деле сотрудником Генри Форда он не являлся. Он был бизнесменом, владеющим собственной, достаточно крупной проектной конторой, которую он превратил в идеально отлаженный конвейер по изготовлению проектов. Он работал и по заказам «Дженерал Моторс», и проектировал генеральные планы американских металлургических заводов. Его интересовало лишь одно – каким образом можно изготовить проект быстрее, качественнее и с меньшими затратами. Он был гением изобретательства в организации строительного проектирования. Широко известно его высказывание о том, что «промышленная архитектура на 90% состоит из бизнеса и только из 10% таланта». Этот тезис он воплотил практически.

К искусству архитектурного формообразования, понимавшемуся как творчество, его деятельность имела весьма отдаленное отношение. Когда, например, А.К. Буров знакомился, во время своей командировки в США (1930 год), с организацией работ в фирме А. Кана, то он высказывался об американской организации проектного процесса очень скептически: «С архитектурой у них совсем нудно. Вместо архитекторов у них огромное бюро. Это «business» (в настоящее время очень дрянной). ...Первое впечатление такое, что один делает эскиз, другой – план, третий – фасад, четвертый – интерьеры, пятый, шестой, седьмой – дватый – электричество, конструкции, водопровод, канализацию, вентиляцию, рефрижерацию и т. п. Подписывает же это хозяин конторы, который никакого отношения ко всему этому делу не имеет...»⁴. При этом, что также не мог не отметить А.К. Буров, подобную технологию проектного процесса отличала высокая эффективность и производительность, не в пример советской, которая способна была опираться лишь на «...старый негодный опыт домашнего периода, старые традиции»⁵.

Промышленное проектирование в предреволюционной России основывалось на приоритете технологии. Она была главной – диктовала размеры и высоту корпусов, шаг колонн, размещение цехов по территории завода, трассировку транспортных путей и многое другое. Именно она «обрастала» потом архитектурно-строительной оболочкой. В СССР в период 1920–1930-х годов не существовало единых, предпочтительных стандартов на строительные параметры промышленных зданий. Отсутствовала модульная координация отдельных частей зданий. Шаг несущего каркаса выбирался каждый раз по-новому, исходя из несущей способности металлических или бетонных конструкций. Он был и 4,5 м, и 5,0 м, и 5,2 м, 5,5 м. Проектные решения принимались ситуативно и бессистемно.

Альберт Кан предложил диаметрально противоположный подход: он пошел не от технологии к архитектурной форме, а от универсального пространства – к размещению технологии. Он придумал способ быстрого создания из стандартных деталей универсального строительного объема, в который затем мог вписываться, практически без проблем, любой производственный процесс.

А. Фисенко. Дипломный проект по теме «Чугунолитейный завод»

А. Фисенко. НИИ сахарной промышленности

Особенность его подхода заключалась в создании внутрицехового пространства за счет крупноразмерной стандартной сетки пролетов на железобетонных или металлических колоннах, шагом 12x12 или 15x15 метров и подобным, кратным трем метрам. Типовым здесь было все – окна, фонари, двери, ворота, перемычки, водостоки, душевые кабины, подкрановые фермы, балки, колонны, фундаментные станы и проч. Все это не чертилось, не рассчитывалось и не изготавливалось применительно к каждому проекту, а выпускалось промышленным способом по определенным стандартам. Наличие сортамента готовых элементов отменяло потребность в подробных рабочих чертежах. Элементы лишь подбирались по каталогам и складывались воедино: таким образом «конструировались» проекты конкретных цехов, а из них, опять же по стандартным схемам, «компоновался» затем и весь завод. Это давало большой выигрыш времени. Фасады выполнялись условно: на них изображался не внешний вид, который был не очень-то и важен, а способ «раскладки» по наружной стене ее типовых элементов – оконных блоков, перемычек, дверных полотен, ворот и т.п.. «Компоновочные», сборочные, монтажные чертежи быстро выполнялись в карандаше и размножались на светокопировальных машинах. Чертежи готовились и утверждались одновременно с рытьем котлована, строительные конструкции заказывались по телефону и доставлялись прямо к началу строительства. Американцы экономили не на расходе стали и бетона, а на снижении трудоёмкости всех видов работ и ускорении монтажа.

Было ли все это персональным изобретением Альберта Кана или он лишь обобщил существовавший до него опыт, приведя его к единым принципам – не важно. Важно то, что в СССР в тот период ничего подобного не было. Именно поэтому в апреле 1929 года руководитель «Амторга» С.Г. Брон подписывает с Альбертом Каном контракт о проектировании Сталинградского тракторного завода. Официальное название «Амторга» – «Амторг Трейдинг Корпорейшн» – советское торгпредство, уполномоченное представлять в США интересы ВСНХ и других советских органов, имевших какие-либо экономические интересы в Америке. Будучи созданным 1 мая 1924 года, оно широко деятельность развернуло с начала 1925 года, осуществляя закупки оборудования и техники, связанные с оборонной промышленностью и снабжением РККА, а также привлекая необходимых специалистов.

2. СЗ СССР. 1928. Отдел первый. № 33. ст. 297.

3. Там же. С. 649.

4. Андрей Константинович Буров : Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников. М. Искусство, 1980. 297 с. С. 35.

5. Там же. С. 42.

Подписание контракта
руководителем «Амторга»
С.Г. Броном и А. Каном

Проект Сталинградского тракторного завода, который с самого начала рассматривался как танковый, выполняется «Альберт Кан Инкорпорейтед» в рекордно короткие сроки: строительные конструкции изготавливаются в США, перевозятся в СССР и монтируются в течение шести месяцев. Как следствие, следующим заказом становится проект гигантского Челябинского тракторно-танкового завода. А в феврале 1930 года Стройобъединение ВСНХ СССР заключает новый договор, согласно которому фирма А. Кана становится главным проектировщиком и консультантом советского правительства по промышленному строительству. Согласно договору, в мае 1930 года в Москву приезжает группа примерно из сорока сотрудников А. Кана, и американский образец организации проектирования принимается за основу формирования общегосударственной системы проектного дела в СССР.

В то же самое время, с января 1929 года, двадцатишестилетний Анатолий начинает работать в системе ВСНХ. В частности, в составе специальной группы по проектированию Челябинского тракторного завода. Она создается при Гипромезе – Государственном институте по проектированию металлических заводов.

В начале 1930-х годов он, скорее всего не без участия В.А. Веснина, приходит работать в Госпроектстрой. Через четыре месяца он назначается на должность заместителя заведующего архитектурным отделом и непосредственно, самым прямым и тесным образом, начинает сотрудничать с американскими архитекторами. Ему приходится заниматься не столько собственно архитектурным проектированием, сколько решать сложнейший комплекс конструктивных и технологических задач. За полгода он становится «узким специалистом широкого профиля» – универсалом, способным в уме сопоставлять все взаимные требования и ограничения, которые выдвигаются со стороны смежных дисциплин и принимать единственно верные решения, которые невозможно получить в отрыве от других вопросов. В результате в октябре 1930 года он назначается заведующим управлением по технической части, а через год, 5 октября 1931 года, – главным архитектором Госпроектстроя – содержательным руководителем головной проектной организации ведущих отраслей военно-промышленного комплекса (машиностроительной и металлургической).

В этом назначении свою роль сыграло и глубокое техническое образование инженера-строителя, полученное А.С. Фисенко в стенах МВТУ, которое давало возможность свободно разбираться в сложнейшем клубке требований смежных дисциплин. И накопленный к этому времени проектный

опыт, позволявший видеть проблемы организации проектного дела и решать их. И свободное владение тремя иностранными языками – он оказывается одним из немногих, кто может непосредственно общаться с американцами. И умение руководить людьми, формируя из них образцовую проектную организацию, в которой отрабатываются формы бригадной работы, внутренней кооперации, стандарты оформления проектной документации и проч. В итоге в течение шести лет и после того, как трест Госпроектстрой-1 в 1932 году был преобразован в Металлостройпроект, и потом, с 1933 года, когда на его базе был создан Промстройпроект, Анатолий Степанович остается в должности главного архитектора и главного инженера.

С Госпроектстроем связаны надежды руководства ВСНХ в выполнении планов первых пятилеток. На эту головную государственную проектную контору, помимо огромных объемов выпуска проектной документации, возложены функции «учебно-производственного предприятия» – «кузницы кадров». На 29-летнего молодого человека фактически персонально возлагается задача обобщения опыта поточного промышленного проектирования, передачи его как можно большему количеству советских архитекторов. Через Анатолия Степановича проходят все новые и новые специалисты, которые командированы в Госпроектстрой и прямо со студенческой скамьи, и из других проектных организаций. По мере обучения они переводятся в иные проектные институты ВСНХ и там реализуют принципы самой передовой организации проектного процесса, формируют систему массового проектного дела.

Кстати, Альберт Кан, скорее всего, не был посвящен в «педагогическую» сверхзадачу, негласно возложенную на его фирму. Он был обескуражен постоянной «текучкой» кадров в Госпроектстрое – заменой немного поработавших и чуть поднабравших опыт одних советских сотрудников на других, не опытных и не квалифицированных; был удивлен постоянным привлечением к работе студентов, пусть и способных, но мало что умеющих. А. Кан писал в своем письме председателю Союзстроя Н.П. Комарову: «Из 300 работников очень немногие являются опытными, большинство <...> имеет небольшой стаж, а многие являются просто учениками <...>. Если бы какая-либо деловая организация в Соединенных Штатах или в какой-либо другой стране имела такой состав работников, то не прошло бы и нескольких месяцев, как эта организация потерпела бы банкротство»⁶. Он не предполагал, что все это делается специально. Для того, чтобы как можно большее количество специалистов смогло пройти обучение поточно-конвейерному способу проектирования. Но Анатолий Степанович, руководивший этой кадровой программой, прекрасно понимал потребность народного хозяйства страны в кадрах проектировщиков. Он не участвовал во всеобщей дискуссии о рациональной организации коллективной проектной деятельности, развернувшейся в 1930 году на страницах профессиональной печати. Он эту организацию создавал практически.

История советской промышленной архитектуры почти никогда не упоминала вместе имен Анатолия Фисенко и Альберта Кана. Несмотря на то что технология ускоренного проектирования Альберта Кана, переработанная под руководством Анатолия Фисенко в метод поточно-конвейерного проектирования Госпроектстроя, а также разработанные здесь же основополагающие конструктивные решения и схемы компоновки промышленных узлов, а также принципы проектирования генеральных планов заводов-гигантов оказались решающими для выполнения планов первых пятилеток и базовыми для нескольких последующих десятилетий.

Именно на плечах Анатолия Степановича лежала гигантская по объему организационная работа, с которой он блестяще справился, осуществив ее в кратчайшие сроки и параллельно с выпуском огромных массивов проектной документации. В результате в отечественную практику промышленного проектирования были привнесены жесткие требования использования деталей и узлов повторного

6. За индустриализацию. 1930. 5 февраля.

применения, принципы модульной координации, была отработана и законодательно затверждена идея стандартизации чертежей. Разработан списочный состав их обязательного комплекта – фундаменты, каркас, ограждающие конструкции и т.д.; определены их форматы – что в какую часть входит и проч. Отработаны и зафиксированы единые правила оформления рабочих чертежей и т.п. «Стандартизация» и «унификация» – понятия, ставшие сегодня в профессиональном обиходе почти бранными, были жизненно необходимы в те годы для обеспечения требуемых объемов промышленного строительства.

В Америке в фирме «Альберт Кан Инкорпорейтед» трудилось около 400 сотрудников, но выработанная в ней, уникальная технология проектирования, позволявшая сокращать сроки разработки проектной документации промышленных объектов в десятки раз, накрепко связана с именем одного лишь Альберта Кана. Благодаря этой технологии, уже после прекращения контракта с СССР, во время Второй мировой войны (1941 год), фирма «Альберт Кан Инкорпорейтед» спроектировала крупнейший авиационный завод бомбардировщиков за один месяц! От начала до конца! Со всеми деталями! В эти невероятные сроки, наверное, и сегодня невозможно выполнить подобный объем работ.

В Госпроектстрое-1 постоянно работало сотрудников в 4 раза больше, чем в фирме Альберта Канна, – 1 500. Кстати, в сравнении с другими советскими проектными организациями, например с мастерскими Моссовета, в которых трудилось по 30–40 человек, это была огромная организация, мощнейшая проектная индустрия. Еще около 3 000 человек прошли в стенах Госпроектстроя кратковременную подготовку, разнося по всей общегосударственной системе проектного дела, опыт ускоренного промышленного проектирования. Но отработанная в Госпроектстрое, благодаря, прежде всего, усилиям его главного архитектора и главного инженера (в одном лице), технология поточно-конвейерного проектирования промышленных объектов никогда не упоминалась в связи с именем А. С. Фисенко. Как и отработанная здесь же специфическая форма административной организации больших проектных коллективов государственных проектных институтов, в таких своих аспектах, как формальная структура, роль коллективного решения проблемных вопросов на техсоветах, особенности процесса «подчинения-руководства», характер иерархического устройства и системы «горизонтальных» связей и т.п. Это именно та форма организации массового проектного дела, которая, в значительной степени благодаря усилиям А.С. Фисенко, пришла на смену системе «персональных творческих мастерских», существовавшей до этого времени. Такова уж была в те годы специфика авторских прав на, как сказали бы сейчас, «объекты интеллектуальной собственности».

Имена Анатолия Фисенко и Альберта Кана навечно связаны в истории советской архитектуры. Хотя лично они никогда не встречались. Потому что Альберт Кан ни разу не был в СССР, а Анатолий Фисенко – ни разу в США. За границу Анатолия Степановича вообще не пускали – шлейф секретности тянулся за ним практически всю его жизнь. Первый раз ему удалось поехать лишь во время хрущевской оттепели (1957 год) в Чехословакию, в составе группы, наспигованной соглашениями, откуда он вернулся под большим впечатлением. Потом была командировка от Министерства среднего и специального образования в ГДР. Но затем, примерно в 1966 году, когда они с супругой решили поехать в Финляндию, его не пустили. То ли по причине обострения все той же секретомании, то ли потому, что мать Ванды Лидии Витольдовны Фисенко (урожденной Родыс), жены Анатолия Степановича, была репрессирована во времена сталинского террора.

В отечественной литературе, посвященной истории промышленной архитектуры, практически никогда не освещалась роль архитекторов в формировании советского военно-промышленного комплекса. Считается, что автомобильные, тракторные, вагоноремонтные, локомотивные и др. заводы проектировались исключительно как автомо-

бильные, тракторные, локомотивные и вагоноремонтные. Привычным и не особо привлекающим внимание является знание о том, что каждом из них мобилизационным планом был предусмотрен переход на выпуск военной продукции. Эта страница истории отечественной архитектуры дозрела сегодня до своей проверки и, возможно, коренного пересмотра. Потому, что рассекреченные сегодня за давностью лет исторические факты свидетельствуют, что на Харьковском паровозостроительном заводе изначально планировалось производить танки «БТ» (типа «Кристи»); а на заводе им. Ворошилова в Ленинграде и на заводе «Большевик» (с привлечением завода «Красный путиловец»⁷) – танки «Т-26» (типа «Виккерс»); на Московском (2-й завод ВАТО) и Нижегородском заводах (Горьковский автозавод) – танкетки⁸; на заводе «Большевик», Сталинградском тракторном – малые танки; на Челябинском тракторном, Харьковском паровозостроительном им. Коминтерна, Ижорском заводе (корпуса), предприятиях Авиапрома (двигатели), Харьковском тракторном – средние танки; на заводах «Экскаватор» (Урал), «Большевик», № 147 им. К.Е. Ворошилова – тяжелые; на Ярославском автомобильном и заводе АМО (Москва) – танки прикрытия⁹.

Скорее всего, эти заводы с самого начала проектировались как военные, а гражданская компонента была «вшита» в них больше как маскировка и побочный фактор. Система «ассимилированного военно-гражданского производства», сформированная в годы первых пятилеток в СССР (котоя, собственно говоря, и именовалась «индустриализацией») – до сих пор остается нераскрытой страницей отечественной истории. Анализ того, как проектировщикам удавалось в кратчайшие сроки решать сложнейшие задачи совмещения в одном генплане двух очень разных технологий производства, координировать в единой пространственной структуре процессы перемещения разных континентов людских потоков (обычных и «засекреченных») и передвижения различных видов грузопотоков (обычных и военных), обеспечивать всестороннее решение бытовых вопросов, изоляцию «военного» от «гражданского» и т.п., позволит вычлнить уникальный опыт, имеющий сегодня не просто академический исторический интерес, но и огромное педагогическое значение.

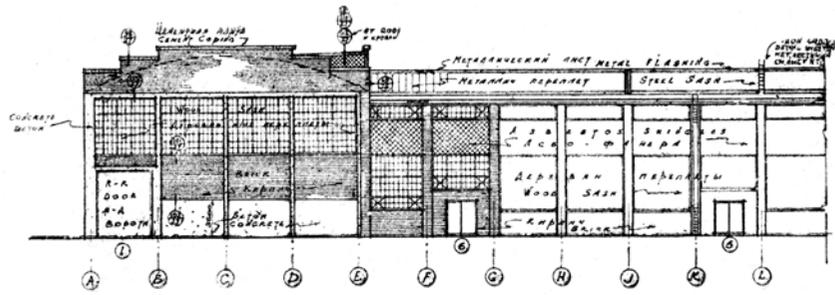
Госпроектстрой сыграл в формировании советского военно-промышленного комплекса ключевую роль. В его стенах советские и американские проектировщики спроектировали фактически всю танковую, тракторную, автомобильную индустрию – 550 важнейших промышленных объектов первой пятилетки. Некоторые из них возводились по разработанным здесь чертежам и в последующие годы. В Госпроектстрое были спроектированы все советские шарикоподшипниковые заводы, вся металлургия. А ведь металлургические заводы – довольно специфическая область проектирования. Собственно, архитектура там играет сов-

7. Великая Отечественная война. Красная Армия. Энциклопедия вооружения: Танки. Т-26 [электронный ресурс] 2009. 0,5 п.л. – режим доступа: www.wvii-redarmy.narod.ru/T26.htm – на рус. яз.
8. Самуэльсон Л.Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 296 с. С. 157
9. Самуэльсон Л. Л. Указ. соч. С. 189; Свиринов М.Н. Броня Крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза. Эксмо. 2005. 384 с. С. 178.

А. Кан. Корпус одного из заводов Форда

А. Кан. Корпус одного из заводов Форда

Госпромстрой.
Компоновочный чертеж
фасада. Надписи сделаны
на русском и английском
языках

А. Фисенко. Лаборатория
высокого напряжения и
высоковольтных
испытаний ВЭИ

сем незначительную роль. Главное, не внешний вид строительной оболочки, а то, как она способна включать в себя оборудование и обеспечивать различные аспекты реализации производственного процесса – вентиляцию, аэрацию, освещение, гигиену, отдых рабочих и проч.; в какой мере изначально предусматривает перспективы развития технологии и периодическое переоборудование; как решает организацию горячих цехов металлургических комбинатов, в отношении которых и возникают основные сложности.

В Госпроектстрое эти проблемы были решены. Поэтому, 22 марта 1931 года приказом ВСНХ СССР № 158 опыт, накопленный в стенах Госпроектстроя, переносится на другие сферы промышленного проектирования – создается еще один головной проектный институт, на который возлагается проектирование сооружений других важнейших отраслей военно-промышленного комплекса: химической, авиационной, текстильной, резиновой промышленности – Госпроектстрой-2. Образуется он лишь после того, как собирается достаточное количество («критическая масса») специалистов, прошедших организационную выучку основного Госпроектстроя (переименовываемого в Госпроектстрой-1) и способных составить кадровый костяк новой крупной проектной организации, после того как в стенах Госпроектстроя отработываются ключевые положения методики и процедуры проектирования, формируются образцовые комплекты проектной документации, структура управления проектным производством.

К концу 1931 года ВСНХ СССР объединяет в своих руках самые передовые поточно-конвейерные технологии «промышленного» и «градостроительного» проектирования. Одни к этому времени почти отработаны и внедрены в Госпроектстрое-1 с помощью американских специалистов фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед». Другие – в Стандартгорпроекте с участием специалистов международной группы Эрнста Мая.

Талант – вещь редкая и в отсутствии профессионализма не проявляющаяся. Анатолий Степанович был профессионалом. Профессионалом высочайшего класса. Для страны большой удачей стало то, что именно такого человека руководство ВСНХ назначило на этот важнейший пост. Благодаря его организационному таланту и интеллектуальным усилиям, американский опыт был всесторонне осмыслен в рамках коллектива Госпроектстроя-1 – адаптирован к советским условиям, переработан, применительно к российскому менталитету, приспособлен к техническим возможностям отечественного строительного комплекса, переведен в нормы и нормативы, зафиксирован в стандартах проектных решений, отжат до оптимальных комплектов чертежей, переведен в типоразмеры конструктивных элементов и принципы их сборки в целое, привит конкретным

людям... Анатолий Степанович сформировал основы всей системы промышленного проектирования в СССР. Хотя и изначально об этой задаче не подозревал, и потом никогда не осознавал себя в подобной роли.

Постановление СТО от 26 ноября 1931 года «О мероприятиях по упорядочению проектирования капитального строительства промышленности» реформирует всю существующую систему институтов и контор технологического проектирования всех отраслей промышленности, предписав сделать это на основе организационного устройства и принципов максимальной специализации, типологизации и конвейерного изготовления проектно-сметной документации, выработанной в стенах Госпроектстроя. В начале 1932 года по образцу Госпроектстроя реорганизуются все проектные организации промышленного проектирования всех отраслей промышленности (!). Образуются единые «конторы строительного проектирования» – Машиностройпроект, Химпроект, Вузстройпроект, Сантехпроект, Водоканалпроект, Промтранспроект и др. Это настоящие проектные гиганты в своих отраслях промышленности. Один лишь Машиностройпроект, обеспечивающий потребности строительных организаций среднего и легкого машиностроения, обслуживает такие объединения и тресты, как Союзтекстильмашина, Союзпродмашина, Дормашобъединение, Союзтранстехпром, Госшвеймашина, Союзмельмаш, Насоснокомпрессорное, Станкообъединение, Союзинструмент, Союзстроймашина, Нефтемашина, Союзформолитье, Оргаметалл, Реммаштрест, ВАТ, ВОКО, Метизобъединение, ВЭО, ВЭСО, ВОТИ, «Техника безопасности», ВОМП, ВОВИП, и «Авиационная промышленность»¹⁰. Сам Госпроектстрой-1 постановлением Наркомтяжпрома СССР № 119 от 21 февраля 1932 года реорганизуется в трест Металлостройпроект, который обслуживает такие объединения тяжелого машиностроения (т.е. военно-промышленного комплекса), как ВОМТ, Восхим, «Локомотив», Вагонотормозное, Дизельное, «Котлотурбина», ВАТО, Союзверфь, Речсоюзверфь, ВОАО, РУЖ, Снарядный трест, «Патрубзврыв»¹¹.

Кстати, после этого иностранные архитекторы оказываются ненужными и неуместными, особенно в ходе дальнейшего развертывания ВПК. Поэтому от их услуг фактически одновременно (по команде свыше) отказываются Металлостройпроект, Союзстандартжилстрой, Востоксоюзстрой, Союзтранстехпром и другие организации. Срок пребывания Анатолия Степановича в стенах Госпроектстроя почти точно совпадает со сроком работы здесь же специалистов фирмы «Альберт Кан Инкорпорейтед». Вскоре после их отъезда, в 1932 году, непрерывная трудовая карьера Анатолия Степановича прерывается – его арестовывают. Может быть, за то, что в февральском номере итальянского журнала «DOMUS» за 1930 год были опубликованы фотографии с двух его построек – здания лаборатории высокого напряжения и высоковольтных испытаний ВЭИ и лаборатории шерсти в Московском текстильном институте. А может быть, за «кадетско-казацкий заговор». В НКВД его спросили: «Ты был кадетом?» Он ответил: «Да». А так как спрашивающие не особенно различали (или не хотели этого различия замечать) «кадета» как выпускника кадетского училища и «кадета» как члена партии «конституционных демократов», то под Анатолия Степановича стали «формировать дело». Больше полугода он провел в Бутырке. Потом выпустили. Но не потому, что разобрались, – истина в те годы значения не имела. Анатолию Степановичу помог Виктор Александрович Веснин – написал куда-то какое-то письмо, с кем-то переговорил...

После выхода из тюрьмы Анатолий Степанович проектирует Горьковский автомобильный завод. Для этой работы при Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева создана отдельная мастерская. Создание специально под А.С. Фисенко отдельных проектных мастерских для сосредоточенной работы над особо важными объектами – характерная черта жизненного пути Анатолия Степановича – архитектурно-проектная мастерская на строительстве

10. Об организации сети контор строительного проектирования: постановление коллегии НКТП № 119 от 21 февраля 1932 г. // Наше строительство. 1932. № 9. с. 443–444. С. 443.

11. Там же. С. 443.

нового ЦАГИ в г. Жуковском (1936–1939 гг.), проектная мастерская Главгидропроектстроя НКВД СССР для проектирования Куйбышевского гидроузла (1939–1941 годы) и др.

В 1939 году его опять арестовывают. Может быть, вновь высветилось его «кадетское прошлое», а может быть, всплыли совсем недавние «американские связи». Но его опять вытянули из застенка – и на этот раз вменялись какие-то заступники.

В 1942–1947 годы А.С. Фисенко как главный архитектор Государственного института проектирования предприятий авиационной промышленности (Госавиапром) занимается перебазируванием авиазаводов на восток страны – решает вопросы формирования временных поселений и городков при заводах и научно-исследовательских институтах авиационной промышленности.

Его труд в годы Великой Отечественной войны высоко оценивается руководством страны: в 1944 году Анатолий Степанович награждается орденом Красной Звезды, в 1945 – орденом Трудового Красного Знамени и медалями: «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Отечественной войне». Позднее, в 1953 году, он награждается медалью «За трудовую доблесть», а в 1961-м – орденом «Знак Почета».

Карьеры Анатолий Степанович Фисенко не делал. Ее за него делала сама жизнь. Ему просто везло: он всегда оказывался в нужном месте в нужное время. И в отношении полученного образования – проектировщики промышленности оказались в 1930-е годы крайне востребованы в связи с развернутой индустриализацией. И в отношении мест работы – ЦАГИ, Металлострой ВСНХ, Госпроектстрой-1, Военно-инженерная академия, Главгидрострой НКВД СССР, Гипроавиапром и т.д. И в отношении знакомств – А.В. Кузнецов, В.А. Веснин, А.Н. Туполев, В.М. Келдыш и др. И в отношении подготовки кадров – он по праву считается одним из отцов-основателей советской школы промышленного проектирования.

В 1946 году Анатолий Степанович утверждается в звании профессора. В 1950-м избирается членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР. А когда Академия архитектуры преобразуется в Академию строительства и архитектуры, становится действительным членом. С конца 1950-х годов он сосредотачивается на преподавании – организует в МАрХИ факультет промышленного строительства, и становится первым деканом.

В 1964 году А.С. Фисенко получает степень доктора архитектуры. Причем без защиты диссертации – по совокупности работ. Подобный случай был редким в советский период существования архитектурной профессии.

Лаборатория шерсти в Московском текстильном институте

Область промышленного проектирования в СССР в значительно меньшей степени, нежели гражданская архитектура, подвергалась художественно-образному контролю со стороны власти. Если здания заводов, шлюзов, аэропортов, проходных и заводских общежитий не избежали принудительного «увлечения» их авторов сталинским ампиром. То, собственно, цеха, градирни, корпуса литеек и теплоэлектростанций, склады и домы практически все время оставались зоной строгого технологического и конструктивного рационализма. Их почти не коснулись ни стилистические веяния сталинского соцреализма, ни раскаты хрущевской битвы с излишествами. Анатолию Степановичу и здесь повезло. Хотя бы в том, что ему, как и другим архитекторам-промышленникам, не пришлось по команде свыше менять свои профессиональные убеждения и начинать с утра проповедовать то, с чем еще вчера вечером он яростно спорил.

И карьеру Анатолий Степанович сделал своим трудом, а не благодаря членству в КПСС (в партию он вступил лишь в 1957 году). Сделал, формируя, развивая и проявляя качества своей личности – волю, упорство, основательность в работе, неувыдающий интерес к знаниям, скрупулезность и точность, эрудицию и умение руководить людьми.

Звание «Заслуженного архитектора СССР» он действительно заслужил. Заслужил всей своей жизнью.

Интервью с Алексеем Анатольевичем Фисенко, сыном Анатолия Степановича Фисенко

МАРК МЕЕРОВИЧ

Начиная нашу беседу, я прошу тебя рассказать прежде всего о тех ключевых эпизодах биографии твоего отца, которые не просто сохранились в твоей памяти, а которые остаются значимыми для вашей семьи. Я полагаю, что официальные биографии, написанные в советский период, не были свободны от идеологических клише и принятых политических форматов и уверен, что в итоге они сильно расходятся с той оценкой реальных событий, которая давалась при обсуждении их в узком кругу семьи.

АЛЕКСЕЙ ФИСЕНКО

Я благодарен тебе за то, что ты задаешь мне вопросы об отце. Потому, что ответить на них – мой сыновний долг перед его памятью. Ты прав, довольно подробно можно прочитать об отце в статьях в журнале «Архитектура СССР». Кажется, они датированы 1967 годом. После смерти отца в 1982 году вышла статья, написанная Хрустальевым и Демидовым.

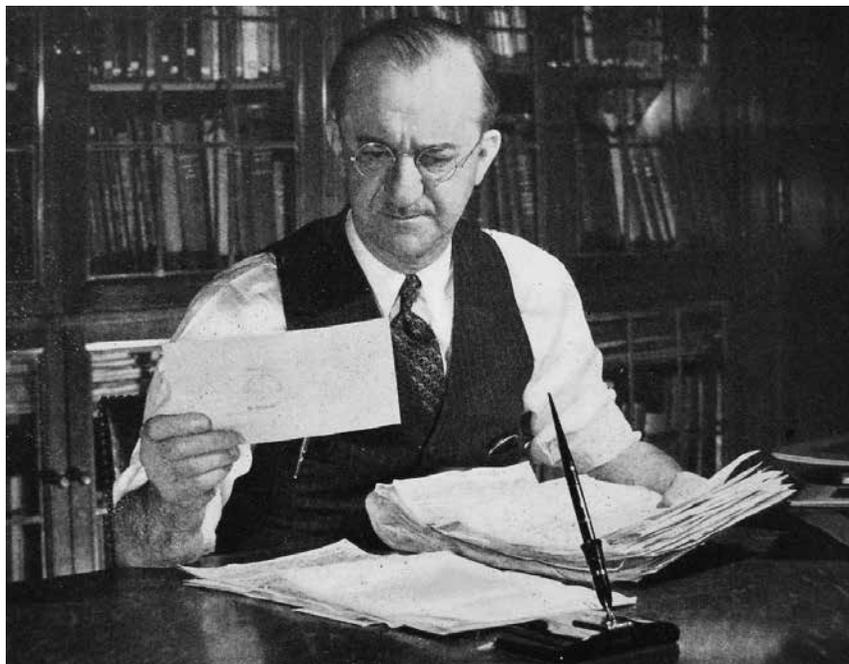
В 1929–1930 годы (не помню точно) отец перешел на работу в создаваемый трест «Госпроектстрой» на должность главного инженера и одновременно главного архитектора Московского отделения. Вообще, трест «Госпроектстрой» имел три отделения: в Москве, Ленинграде и Харькове. Месяца через три было организовано отделение в Свердловске. Потом в Ростове-на-Дону и Киеве.

ММ

Трест «Госпроектстрой» существовал в системе ВСНХ? Аф

Да, в системе ВСНХ СССР. Все приказы подписывал Серго Орджоникидзе.

Все последующие годы, уже после того, как трест «Госпроектстрой» был преобразован в «Металлострой», а потом в «Промстрой», отец оставался главным инженером и главным архитектором архитектурного отдела.

Начиная с 1933 года он работал в отдельной мастерской, специально сформированной для проектирования Горьковского автозавода. Так же, как и на строительстве автозавода ЗИЛ (в прошлом ЗИС – завод имени Сталина), он работал в специально созданной для этого мастерской.

Он был хорошо знаком с авиаконструктором А. Туполевым и с 1936-го по 1939 год работал главным инженером и главным архитектором Архитектурно-проектной мастерской на строительстве нового ЦАГИ в г. Жуковском.

Во время войны он работал главным инженером и главным архитектором Гипроавиапрома. Занимался перебазированием авиазаводов на восток страны. После войны перешел в Гидропроект на ту же должность. В 1953 году его избрали членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР. А когда Н. С. Хрущев преобразовал Академию архитектуры в Академию строительства и архитектуры, его избрали действительным членом. В конце 1950-х он сосредоточился на преподавании – организовал в МАрХИ (кажется, в 1958 году) факультет промышленного строительства, где был первым деканом.

Но задолго до этого – начиная с 1939 года и далее, более 30 лет, фактически всю жизнь, – он руководил кафедрой архитектуры промышленных сооружений.

В последние годы болел: у него был инсульт. А потом его уволили. Кажется, это было в 1971 году. Без объяснений и без приличествующих этому случаю проводов. Просто прислали по почте открытку, за подписью тогдашнего ректора Соколова, информирующую отца, что он уволен. И все...

Отец был прекрасный художник. В Московском высшем техническом училище (МВТУ) он учился живописи у Яковлева, Невинского, Машкова. Его живописные работы находятся в разных музеях – Вологодском, Череповце, в Челябинской галерее, в Русском музее. Он всегда любил искусство и в последние годы активно занимался живописью.

ММ

А была ли в МВТУ в тот период, когда он там учился, специализация в архитектурно-проектной подготовке?

АФ

Была. Он заканчивал отделение фабрично-заводской архитектуры архитектурно-строительного факультета. И несмотря на то что получил диплом инженера-строителя, имел очень мощную инженерную подготовку, позволявшую и ему, и его сокурсникам свободно заниматься смежными дисциплинами. Он был прекрасным архитектором, то есть тонко чувствовал гармонию и внешней формы, и внутреннего пространства.

ММ

А приходилось ли ему бывать в Америке?

АФ

Нет, в Америке он не был никогда.

ММ

Упомянул ли отец имя Альберта Кана или его брата Морица Кана?

АФ

Упомянул. И не только их имена. Но и имя третьего брата – Луиса Кана (рис. 1).

ММ

Где и как он познакомился с Альбертом Каном?

АФ

Нигде и никак. Альберт Кан ни разу не был в СССР. Ему было некогда. Он сидел в Америке и делал бизнес.

ММ

А договор с «Амторгом» Альберт Кан подписывал в Америке?

АФ

Все документы подписывались в Америке.

ММ

А почему был выбран именно Альберт Кан?

АФ

В «Амторге» работали очень неглупые люди. Они точно анализировали ситуацию. И прекрасно понимали, что в условиях депрессии, охватившей Запад, и в соответствии с установкой советской программы индустриализации на первоочередное развитие машиностроения и металлургии, лучше всего опираться на взаимодействие с теми странами, которые наиболее продвинуты в этих областях и которые в этот момент испытывают хоть и временные, но острые экономические затруднения. В этой обстановке легче было диктовать свои условия и договариваться именно с Америкой и именно с Альбертом Каном, который имел опыт проектирования автомобильных, металлургических, авиационных и прочих заводов (рис. 2). Госпроектстрой был создан одновременно с приездом американской этой команды.

ММ

Как долго твой отец работал с ними вместе?

АФ

Все время, пока они были в СССР. То есть два года. Каждый день.

Я забыл привезти тебе с дачи подарок – папочку, которую я нашел на чердаке. Рабочая папочка-скоросшиватель, но на ней написано «Albert Kahn Incorporated».

ММ

А что в ней? Что внутри? Какие документы?

АФ

Да ничего. Пустая папка.

ММ

Вот досада. Ты меня расстроил...

АФ

В Госпроектстрое американцы были завалены работой. Хотя это совершенно не значит, что все проектировалось в СССР. Здесь разрабатывались более или менее детальные чертежи объектов. А первые идеи, основные решения и главные узлы генеральных планов разрабатывались в Детройте. Потом эти бумаги пересылались в Союз. Уж не знаю, каким путем – пароходом или самолетом. И уже в Москве детально дорабатывалось. У меня есть чертежи генеральных планов заводов – Челябинского тракторного, Сталинградского тракторного, Харьковского тракторного, разработанных в Детройте.

ММ

Чем отличалась промышленная архитектура и промышленное строительство в СССР до Альберта Кана и после?

АФ

Альберт Кан был капиталистом. Искусство его волновало в меньшей степени, чем доход. Его интересовало, каким образом можно изготовить проект быстрее, качественнее и с меньшими затратами. И получить большую прибыль.

В его фирме была введена жесткая система шагов колонн, размеров пролетов, сортамента конструкций. Использовались конструкции повторного применения и типовые узлы. Ничего подобного в России до этого не было. Все было разнотычно. Отсутствовала единая система стандартов на строительные параметры промышленных зданий.

Ныне покойный бывший директор Промстройпроекта Ступин говорил, что 30-сантиметровый шаг конструкций, давший кратность пролетов 3,00 метрам, появился именно благодаря Альберту Кану.

ММ

Мы ведь и сейчас им пользуемся.

АФ

Да. А привнес это на российскую почву именно Альберт Кан. Может быть, потому, что этот модуль оказался наиболее близок к футу.

Альбертом Каном были привнесены на нашу почву нормальные бытовые помещения для трудящихся. До этого бытовки, конечно, были. Но иного уровня. И это новшество было следствием того, что А. Кан проектировал заводы Г. Форда, на которых рабочие имели прекрасные условия труда и были социально высоко защищенными. Кстати, во время депрессии рабочие Форда наименее пострадали, так как Форд поддерживал своих рабочих материально, из собственного кармана.

По американским материалам отец в свое время написал «Руководство по оформлению чертежей для промышленного строительства», которое фактически было руководством для любого промышленного проектирования.

Системы «стандартизации» и «унификации» – слова, сегодня ставшие почти бранными, были жизненно необходимы для обеспечения требуемых в те годы объемов промышленного строительства.

ММ

Как твой отец оценивал вклад специалистов фирмы А. Кана в отечественную проектную деятельность? Считал ли их «всемогущими волшебниками» или «заурядными американскими чертежниками»?

АФ

Они не были «заурядными американскими чертежниками». Хотя, даже если бы и были, то любой «заурядный

американский чертежник» способен был в то время дать огромную фору любому отечественному чертежнику. Не только из-за личной квалификации, но и за счет технического обеспечения, например наличия копировальной техники. Мы специально закупили в те годы в Америке множительную технику – светокопировальные машины. Чертеж копировался на кальку, а с нее переносился на светочувствительную бумагу посредством аммиачных паров. Белый фон превращался в синий, а черные линии туши – в белые линии на нем. С тех пор и пошло слово «синька».

ММ

Которое превратилось в синоним слова «копия».

АФ

Верно. Ведь самое трудное на строке было с копиями чертежей. Их копировали на кальку вручную. Но калька быстро приходила в негодность. Хотя существовала и шелковая калька, которая долго хранилась и на которой некоторые архитекторы, например А.В. Шусев, любили делать свои красивые чертежи (например, на ней фантастически красиво выполнен проект Казанского вокзала). Но стоила такая калька в то время ломовых денег. Правда, академик А.В. Шусев мог себе это позволить.

ММ

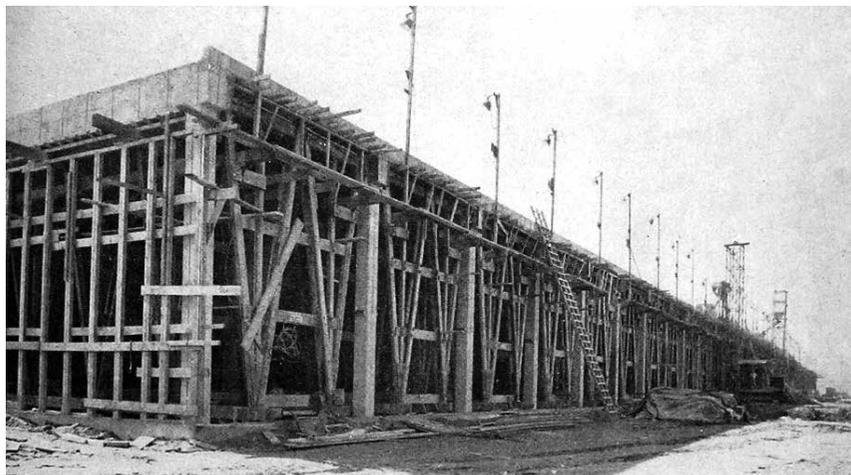
Кроме того, еще и срок. Делать копии вручную, это ведь очень долго. Тем более, несколько штук.

АФ

Как мы сейчас ровняемся на Запад по уровню проектной техники, также и в те годы мы ровнялись на Запад по организации проектного дела.

Отец не считал американцев «всемогущими волшебниками». Да, они были технически подкованы. Они знали работы и Ле Корбюзье, и О. Перре, и П. Бернса и других архитекторов. Но художественно были подготовлены значительно хуже наших архитекторов. Они были эрудированы, обладали широким кругозором, потому что объездили Европу и все видели своими глазами.

А в СССР было только два архитектора, которые все видели своими глазами в натуре – И.В. Жолтовский и А.В. Шусев. Они успели объездить мир. Другие к этому времени сошли на нет. Например, Ф. Шехтель. Отец вспоминал, как Шехтель приходил к А.В. Шусеву и И.В. Жолтовскому и просил дать ему проектировать какой-нибудь павильон на сельскохозяйственной выставке, потому что жрать ему было нечего: «Вы же знаете меня, – говорил он, – я человек способный...»

Лаборатория высокого напряжения и высоковольтных испытаний

Отец оценивал американский проектный опыт очень высоко, несмотря на то что ничего сверхъестественного они не привнесли. Они привнесли организационное начало и четкую систему проектирования, без которых в назначенные сроки тот гигантский объем проектных работ, который был намечен, исполнить было невозможно.

ММ

Были ли в составе группы Мориса Кана собственно архитекторы и чем они занимались?

АФ

В составе группы были архитекторы. Их было немного. Начальником московской кановской группы (а была еще такая же группа в Питере, правда, в меньшем количестве) был некто Скринджер (рис. 3). Он был шотландец, архитектор по образованию, полученному в Англии. В 1932 году он, как и другие члены кановской группы, вернулся в США. В московской группе было еще 3–4 архитектора. На должностях, как сказали бы теперь, бригадиров. Остальные были инженеры. Смежники. Уже в те годы начинало складываться представление о том, что Архитектура никому не нужна. А нужно рациональное мышление инженера-проектировщика.

Отец рассказывал, что в составе группы были два человека, которые роскошно владели техникой оформления перспектив и иных объемно-пространственных изображений – акварель и другая техника. Они готовили иллюстративные материалы для показа представителям советского правительства – Орджоникидзе, Сталину. Знаю, что Сталин лично смотрел проекты ЗИЛа и Горьковского завода.

В Госпроектстрое были разработаны очень важные для промышленного проектирования в целом, например, системы фонарей «баттерфляй». Это та система, которая считается нашим отечественным изобретением, достижением отечественной инженерной мысли, а на самом деле являются переработкой американских фонарей (они стоят на ЗИЛе, ГАЗе, Челябинском тракторном, на Уралмаше, в Нижнем Тагиле и др. – везде; причем делались они из разных материалов – и металлические, и в деревянном исполнении, и как смешанные системы) (рис. 4). Практика показала, что в те годы решения были найдены очень надежные. Конечно, ничего подобного сейчас уже не строится. Но эксплуатируются они до сих пор. Я разговаривал с человеком из Челябинска, спросил, как там фонари? Так вот он ответил, что стоят фонари. До сих пор стоят.

ММ

А что особо запоминающегося рассказывал твой отец о кановских сотрудниках?

АФ

О сотрудниках фирмы А. Кана отец мало что рассказывал. Говорил только, что они были приличные люди. С Скринджером у отца сложились прекрасные отношения. Он был уже пожилой человек (как тогда казалось отцу).

Когда я был в 1990 году на фирме А. Кана, я спросил про Скринджера, мне ответили, что он умер в 1960-х годах. Он подарил отцу часы «Лонджин». А отец подарил ему кубачский кубачинский портсигар.

ММ

Как реагировали советские архитекторы на «засилие американцев» в промышленном проектировании?

АФ

Этот вопрос в те годы не стоял. Да и было их немного. А вот объем работы (который они консультировали и делали) свалили на них огромный.

ММ

Пересекались ли пути специалистов групп А. Кана и Э. Мая?

АФ

Не знаю. Знаю лишь, что пересекались пути отца и Э. Мая. Отец встречался с Э. Маем в Магнитогорске. Они беседовали. Один раз. Недолго. По поводу санитарно-защитных зон. Отцу очень не нравились проектные предложения Э. Мая. Он считал их очень примитивными (рис. 5)

ММ

Как была устроена внутренняя структура Госпроектстроя? Существовала ли, например, отдельная мастерская американских архитекторов. Или американские специалисты были «размазаны» по всему институту, как консультанты.

АФ

Были организованы «цехи», как тогда это называлось. Существовал «архитектурный цех», «конструкторский цех», «цех отопления и вентиляции» и другие. А американцы работали в каждом их цехов. В каждом цеху были бригады, или так называемые «группы» – архитектурная, инженерная. Были сильные контакты между группами. И в результате получался проект. Такая же система существовала потом и в Средмаше: была архитектурная группа, в которой один-два инженера, и инженерная группа, которая делала расчеты; были смежные отделы и т.п.

ММ

А что отец рассказывал про сам процесс проектирования? Были ли техсоветы?

АФ

Были техсоветы. Бесконечные технические совещания. По каждому из объектов и по множеству вопросов. В частности, по вопросам экономии, так страна экономила на всем, в том числе и на оплате труда проектировщиков. Американским проектировщикам предложили ввести хозрасчет. Отец рассказывал, что очень непросто было объяснить американцам, что это такое. Долго объясняли, долго растолковывали, долго уговаривали, наконец, перевели и... они стали зарабатывать настолько больше того, что получали до этого, что пришлось им хозрасчет быстро отменить. Техсоветы и совещания касались, в основном, вопросов проектирования генпланов и удешевления строительства. Главные вопросы – как дешевле и как быстрее.

ММ

Как осуществлялось согласование содержания проекта между архитектурным решением, инженерными аспектами, конструктивными, техническими вопросами и т.п. Это происходило само собой, потому что американцы использовали прошлый опыт принятия согласованных решений. Или были сформированы специальные «горизонтальные связи» прохождения проектного процесса – разработки, обсуждения и т.д.

АФ

Система института была с самого начала. Без горизонтальных связей в ней вообще ничего нельзя было сделать.

ММ

Что значит изначально? Проектного института, как такового, в Советском Союзе, вплоть до обсуждаемого нами

периода, вообще не было. Как административно-управленческое образование он как раз и появился в результате опыта проб и ошибок периода преддверия и начала индустриализации. В частности, как результат обобщения опыта организации работы в Госпроектстрое, Гипромезе и на других «экспериментальных площадках».

АФ

Да, но когда Госпроектстрой создавался, у него была начальная структура. В частности, вся иерархия была сформирована с самого начала – директор, главный инженер, главные специалисты, начальники отделов и т.д. Между ними существовали горизонтальные связи, так же как и между всеми остальными членами коллектива. Абсолютно такая же система, как теперь. Иерархия в проектировании играла ту же роль, что и в советском обществе.

А вот, например, у А.В. Шусева, я знаю, существовала своя мастерская, причем со схожим устройством. Причем, народ сидел не обязательно в одном месте. Но мастерская работала как целое. Были горизонтальные связи. Но между конкретными людьми – Василием Ивановичем и Сидором Карповичем. На самом верху этой структуры был сам А.В. Шусев. Он же подписывал проекты, получал гоноары, распределял заработную плату.

ММ

Мориц Кан все время сидел в Москве или периодически наезжал?

АФ

Нет, Мориц Кан в Москве не сидел. Он наезжал сюда, причем, всего лишь несколько раз – два или три. Мориц Кан связывался по телефону, телеграфу, но реально «рулил» здесь вовсе не он. Всем заправлял «маленький шотландец» Скринджер. У американцев была очень жесткая иерархия подчинения. Альберт Кан был самым старшим братом и руководителем фирмы, боссом. А все остальные сотрудники фирмы были нанятыми людьми. В том числе и Скринджер. И все они четко блюли дисциплину и беспрекословно подчинялись приказам своего американского руководства. Все те, кто сидел в Госпроектстрое-1, решали технические вопросы. Мориц Кан решал вопросы организационные.

ММ

Луис Кан, это брат Морица и Альберта Канов?

АФ

Да, но это не тот известный архитектор Луис Кан, которого ты имеешь в виду. Брат Альберта и Морица Кана не был архитектором. Он был инженером. Он был специалист по железобетону и придумал многократно применяемую опалубку. Кстати, он тоже приезжал в СССР. А вот Альберт Кан не приезжал ни разу.

ММ

Металлическую опалубку?

АФ

Нет, деревянную (рис. 6).

ММ

Проектировались ли в Госпроектстрое поселения при проектируемых заводах?

АФ

Не знаю. Скорее всего, нет. У советской власти была такая политика – новые заводы проектировали специализированные проектные организации (и привлекаемые западные специалисты). А что касается жилья и новой социальной структуры (обобществление быта, детские сады, школы, фабрики-кухни, столовые, клубы, завод-втуз, профтехобразование и т.п. – то есть новая социальная политика), то буржуев туда не пускали. Новые поселения с новым бытом проектировали или немецкие коммунисты (Магнитогорск, Кузнецк и другие – Э. Май), или наши коммунисты (Ладовский, Леонидов – линейный соцгород, соцгород Горьковского завода и др.). Перед американ-

цами ставили узкие конкретные задачи и никуда больше они и не рыпались. Их это не волновало. Они не были одержимы идеей помочь СССР. Они приехали делать бизнес, пережить депрессию в США, зарабатывать деньги. И, кстати, заработали!

В своих проектах американцы лишь намечали санитарную зону – разрыв между промышленностью и селитьбой. А жилье на генпланах отмечали только пятном. Задавали трассировку магистралей, подъездные пути. Но жилье не проектировали. Полагаю, что они физически не могли этого делать.

Они проектировали генеральные планы промпредприятий и цеха. Кстати, когда цеха сборочных линий достигали нескольких сот метров длиной, они невольно становились универсальным технологическим пространством. Например, завод в Челябинске, который не выпускает сейчас тракторов, легко изготавливает нефтегазодобывающее оборудование и другие уникальные машины. В тех же самых цехах. То же происходит и на автомобильных заводах, которые до сих пор способны изготавливать самые различные модели автомобилей. Завод в Детройте, который Альберт Кан построил еще в 1920-х годах, сейчас использует те еще конструкции, которые были возведены почти сто лет назад. Правда, многое реконструировано, в частности вынута и вставлена абсолютно новая технология. Решены экологические вопросы: сделана новая крыша, на которой посажены деревья. Но конструкции завода, строительная оболочка остались теми же самыми.

ММ

25 декабря 1930 года ЭКОСО издало постановление, согласно которому существовавшая до этого система проектирования была реформирована. С этого момента начинается исчисление новой эры в организации проектирования – уникальной эры – формирования и постепенного совершенствования в СССР системы общегосударственного массового поточно-конвейерного обеспечения строительной документацией программ индустриализации. Замечу, что именно на этот период приходится пребывание американцев в СССР. В соответствии с этой новой системой проектирования ВСНХ было вменено в обязанность сопровождать проектирование новых промышленных объектов обязательным проектированием поселений при них (во всех тех случаях, когда эти новые заводы проектировались не в крупных городах, где расширением и реструктуриацией планировочной организации которых занималось ГУКХ НКВД). Причем проектировать поселения требовалось с точным указанием количества рабочего и обслуживающего населения (определяемого величиной завода), с точным расчетом потребных объемов жилья, сооружений obsługi, пропускной способности фабрик-кухонь, столовых и проч.

Так, например, и действовал Гипромез – он не только проектировал новые металлургические промпредприятия, но и обязательно поселения при них. При этом стоимость жилья входила в общую стоимость строительства, составляла определенную часть финансово-экономических расчетов, плюсовалась в общие показатели трудозатрат, материалов и т.п.

АФ

Не знаю. Исполнить это распоряжение было некому. Архитекторов было полтора человека. Транспортные пути и разрывы – вот все, что делалось в составе проектирования промышленных объектов. Больше ничего. Кем-то попутно (или после этого), наверное, делались и проекты поселений. Может быть, на субподряде или на договорных отношениях. Может быть, Госпроектстрой заключал с кем-то подрядные договоры на эти работы.

Соцгорода в тот период были гордостью и показухой. Поэтому их и строили, как положено. Взять хотя бы соцгород Горьковского автомобильного завода. В Нижнем Новгороде в соцгороде стоят классные дома. Классные! Сейчас все фактически в развалинах. Но если сегодня все это привести в порядок, это будут великолепные дома!

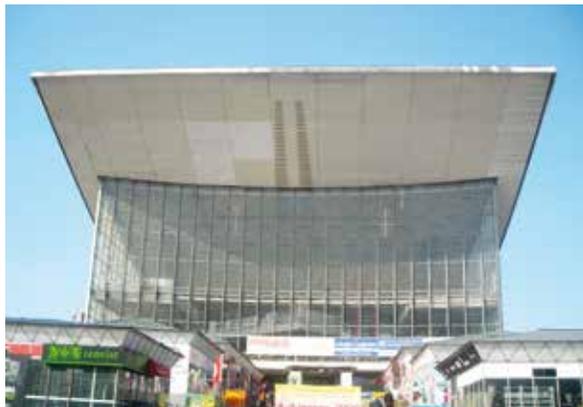
Центральный Дом художника в Москве и другие. 40 лет спустя

ТЕКСТ
Юрий Волчок

Здание Государственной Третьяковской галереи и Центрального Дома художника на Крымском валу в Москве опять, как и десятилетие назад, в центре внимания. Вокруг него бушуют страсти: перестраивать, сносить, ставить на государственную охрану как вновь выявленный памятник культуры? Разнообразие мнений, творческих и финансовых амбиций на этом «потенциальном строительном участке» оказалось возможным в основном потому, что мы не сумели до сих пор прийти к общему осознанию ценностного статуса комплекса на Крымском валу (рис. 1).

И это не только его «персональная» проблема. Судьбу и беду Дома художника разделяют с ним большинство его ровесников – зданий, проектирование которых, а в отдельных случаях и реализация (например, гостиница «Юность», арх. Ю. Арндт и др.), приходится на первую половину и середину 60-х годов прошлого века. Выставочный павильон «Москва» (арх. М. Посохин, А. Мндоянц, Б. Тхор) (рис. 2) у границы территории выставочного комплекса (б. ВДНХ), хореографическое училище Большого театра (арх. В. Лебедев, А. Ларин, С. Кучанов), автотехцентр на Варшавском шоссе (арх. Л. Павлов)... Не буду продолжать этот перечень, чтобы не вводить в соблазн и ненароком искушать потенциально заинтересованных в поисках «резервных территорий под строительство» инвесторов и их со-трудников. То общее, что объединяет объекты этого поколения, – их «общественное положение»: юридически они плохо защищены, так как слишком молоды. Им еще нет полных сорока лет – рубежного по принятому в нашей стране законодательству срока, когда достойный того объект обретает надежду и юридическую возможность получить государственный охраняемый статус. В глазах большинства архитекторов они – «бедные, пожилые родственники», появление которых на свет было «родовой

градостроительной ошибкой» уходящего поколения профессионалов и досадное затруднение для успешной реализации собственной жизненной программы. Негативное восприятие наследия 60-х распространяется повсеместно, поскольку проблема эта естественно не только московская, но в полной мере принадлежит всей стране – от Владивостока до Калининграда (о чем могу свидетельствовать на основе личных впечатлений) и передается вполне закономерно и общественному мнению, порождая зачастую вряд ли предполагавшуюся изначально его (общественного мнения) протестную реакцию. Общественность все настойчивее и упорнее защищает Дом на Крымском валу вопреки целевой программе авторов преобразований, безошибочно улавливая отрицательный по отношению к Дому импульс, исходящий от профессионалов, а значит, вполне искренне и убежденно сопротивляется ему.

Довольно странно в такой ситуации, на мой взгляд, выглядят общественные обсуждения предлагаемых предпроектных концепций, поскольку они перерастают (и иного не дано) в открытое противостояние, что вряд ли может стать благотворной почвой для выращивания того, что в отечественной культурологической традиции, восходящей, кстати, к истокам, более исторически глубоким, нежели наследие середины XX века, осознается как Общее дело.

... Год назад в Стокгольме мы с коллегами оказались вовлеченными в процедуру общественного обсуждения необходимости (и возможности?) строительства нового здания книгохранилища в непосредственной близости от всемирно авторитетного памятника архитектуры – читального корпуса библиотеки архитектора Э.Г. Апслунда. (рис. 3). Предполагаемый по проекту новый корпус городской библиотеки фрагментарно перекрывает вид на историческое здание в отдельных ракурсах при движении вдоль улицы. Не буду рассказывать о различных эпизодах организации процедуры знакомства читателей и горожан с представленными проектными материалами, качеством их проработки и исчерпывающей полнотой полезной для участников обсуждения информации – это тема для другого разговора. Здесь существенно важнее атмосфера диалога разработчиков программы обновления библиотечного комплекса и по-своему не менее заинтересованных в судьбе библиотеки ее посетителей – читателей и горожан, вряд ли часто ее посещающих, но всегда имеющих такую возможность. Именно эта атмосфера общности устремлений, а не интересов (они вряд ли во всем могут совпадать у инвесторов и горожан), формирует позитивно окрашенное отношение к наследию. Здесь кроется разительная, немедленно бросающаяся в глаза радикальная для судьбы наследия и

города разница: в Стокгольме библиотека Апслунда – для всех уникальный памятник архитектурного наследия, приращение напластований городской культуры, один из вкладов XX века в «наземную археологию» города.

У нас сложнее. Поскольку воспринимать историю как данность мы еще не умеем, то и архитектурное наследие оказывается зеркальным отражением идеологических конфликтов. Интерпретировать наследие как череду градостроительных, стилевых, формотворческих, экономических (и далее – по индивидуально составляемому для себя каждым из нас списку) ошибок, с маниакальным упорством преследующих наши города с удручающей периодичностью в пять, десять, двадцать лет, вряд ли плодотворно, если действительно задаться целью его сохранить для будущего, – возможно, более склонного к углубленному проникновению в ценностную палитру архитектурного наследия XX века. (См. совместно со статьей И.И. Леонидова «Палитра архитектора» в журнале «Архитектура СССР», 1934, № 4).

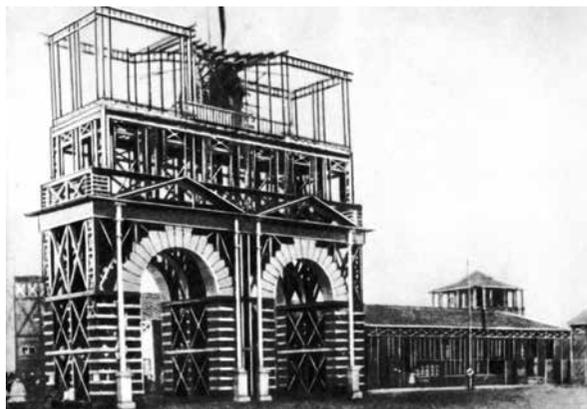
На этом фоне профессиональное сообщество обсуждает судьбу и проблемы Московского стиля и вполне убежденно утверждает, что его нет и быть не может. Действительно, как возможно само предположение о перспективах становления стилевых закономерностей, адекватных миропониманию XXI века, если мы лишаем город времени для их (закономерностей) полноценного вынашивания и развития? Отсюда, ценность объекта, а в конечном итоге (т.е. изначально), архитектурного творчества и таланта Мастера архитектуры определяется в общественном сознании в основном стоимостью материалов и убранством фасадных поверхностей.

Дом художника на Крымском валу не обладает ни тем, ни другим и его ценностные достоинства в полной мере оказываются поставленными под сомнение. Круг претензий к нему закономерно начинает возрастать. И эта закономерность распространяется не только на наследие 60-х, но и предшествующее им время. В ином случае невозможно найти удовлетворительное объяснение и аргументы плачевного состояния в течение десятилетий Дома наркомфина на Новинском бульваре, клуба Русакова на Стромынке, Северного речного вокзала и многих других объектов разных лет, не просто обретших статус государственно охраняемых, но и достойно представляющих отечественную архитектурную культуру в наследии мирового зодчества новейшего времени.

Общая беда, как известно, объединяет, а точнее, создает условия для объединения, и на этой основе складывается «длинный по времени ряд» объектов, состоять в котором – уже значимо.

Дом художника, на мой взгляд, по праву принадлежит этому ценностному ряду, формирование которого – неотъемлемое условие обретения необходимой закономерности в сложении будущего (и для нашего поколения), которое сможет (или нет) сформировать очередную в тысячелетней истории стилевую определенность современной нам цивилизации и в сложении которой мы так или иначе участвуем, либо в сотворчестве с его тенденциями, либо сопротивляясь им.

И.В. Жолтовский и эпоха стиля
Почему я связываю судьбу Дома художника на Крымском валу с именем И.В. Жолтовского?

Не только в связи с тем, что авторы проекта Дома для художников принадлежат «кругу Жолтовского». Ю.Н. Швердяев и Н.П. Сукоян – его ученики и сотрудники архитектурной школы-мастерской И.В. Жолтовского. Вклад Жолтовского в наследие шестидесятых значительно глубже и функциональнее, нежели принято об этом вспоминать, поскольку перерастает рамки «частного случая» в одном (том или ином) объекте.

Для более полного осознания этого придется отступить на несколько десятилетий назад, коль скоро мы сфокусировали внимание на принадлежности Дома художника к определенному этапу формирования и сложения Большого стиля, зачатого в первые десятилетия прошлого века.

Последний раздел книги М.Я. Гинзбурга «Стиль и эпоха» (М., 1923–1924) называется «Иллюстрации – отражение нового стиля в произведениях современных русских архитекторов». На мой взгляд, этот раздел имеет самостоятельное значение для понимания роли творческой личности в становлении того или иного – нового стиля.

Гинзбург открывает свой обзор работ коллег примерами из творческой практики Жолтовского и вот так объясняет этот выбор: «В выборе материала автор (пишет он о себе. – Ю.В.) старался быть по возможности объективным и представить различные группировки архитекторов, в работах которых сказалось в большей или меньшей степени чувство новой формы и, следовательно, которые могут иметь какую-либо генетическую значимость в образовании нового стиля» (выделено автором. – Ю.В.) (рис. 4).

В книге «Стиль и эпоха» приводятся пять объектов И.В. Жолтовского. Стоит вспомнить, что до появления классики конструктивизма было еще несколько лет: пока нет ни Дома на Новинском, ни Универмага на Красной Пресне, ни Дома политкаторжан, ни Дворца культуры Пролетарского района... Так парадоксально исторически сложилось: для современников – читателей книги «Стиль и эпоха» именно Жолтовский в первые годы предвещал, если не олицетворял, появление нового стиля.

Надо сказать, что это не единственный случай в творческой судьбе Жолтовского. Близкая по смыслу ситуация возникла через несколько лет со зданием МОГЭС (1927 г.) и после войны с построенным на Открытом шоссе зданием холодильника с навесными в крупнопанельном исполнении фасадами (проект 1953 г.), а несколько позже – в конкурсных проектах фасадов крупнопанельных жилых домов. И в этих работах именно с предложениями Жолтовского связывается понятие «новое» в эволюции стиля, очередного этапа в его развитии – в логике интерпретации понятия «современность». Оно сложилось вопреки традиции воспринимать наследие Жолтовского как визионерскую рефлексию на ренессансную школу зодчества только по внешнему ее проявлению (рис. 5).

Объемно-пространственную структуру здания холодильника формируют несущий каркас и фасадные плоскости из набора навесных и, следовательно, ненесущих панелей. Сегодня ситуация исчерпывающе знакома и понятна. Но Жолтовский полвека назад оказался перед дилеммой. Как оформлять громадную глухую поверхность при условии, что декорировать навесные

панели нельзя? Они сами по себе в его миропонимании не только теплозащита и ограждение, но и элемент художественного осмысления стены в навесном, несущем, крупнопанельном заводском исполнении. На эскизах Жолтовского видно, как и о чем он думал, последовательно «раздевая» фасадную плоскость. Только безупречное технологическое качество панелей, геометрия и аккуратность швов между ними – единственно, по его мнению, возможный декоративный орнамент на плоскости навесного несущего фасада (рис. 6)

Этот прием Жолтовский распространил и на концепцию художественно-декоративного оформления фасадов будущих крупнопанельных жилых домов. Не стоит думать, что решение было встречено современниками единодушно на «ура». Было много иных предложений. Однако творческий выбор Жолтовского оказался жизнестойким. Остается только сожалеть, что на реализацию идеи «открытого стыка» (между панелями) от замысла в проекте холодильника до первых опытов в натуре ушло в целом четверть века.

«Анализ истории архитектуры, – пишет Гинзбург, – показывает, что в большинстве стилей прошлого новая архитектурная форма рождается большей частью как конструктивная... лишенная декоративных прикрас».

Поскольку путь достижения зрелости стиля – это путь к совершенствованию и совершенству, попытки обретения абсолютной целостности, то ни это ли позволило Гинзбургу проиллюстрировать идеи нарождающегося отечественного конструктивизма и работами Жолтовского? Конструктивизм как связность «стиль = метод» (на ранних стадиях его развития) достаточно полно сопрягается и с неразрывностью того, что Габричевский назвал «Метод логической тектоники» Жолтовского, и с его же теорией архитектурного организма.

Только что упомянутый МОГЭС – важно подчеркнуть, что это не новая постройка, а частичная реконструкция здания еще дореволюционной постройки. Здесь интересна не только «связь времен», но и преемственность в формотворчестве, породившая или воспитавшая Новое в архитектурном формообразовании или, точнее, и то, и другое, и породившая, и воспитавшая, если вспомнить и подчеркнуть еще раз неразрывность эстетического и этического начал в методологии обретения Нового, сложившейся к 20-м годам прошлого века.

Отсюда необходимая «растянутость» во времени процесса этого обретения, втягивающего в свою орбиту действительно

бесконечно отдаленные от сегодняшнего дня импульсы для обретения Нового.

Гинзбург берет для книги «Стиль и эпоха» двойной эпиграф. Один из Г. Вельфлина: «Движение начинается сразу во многих точках. Старое перерождается, увлекая все за собой, и, наконец, ничто уже не противится потоку: новый стиль становится фактом» (выделено автором. – Ю.В.).

В методе Жолтовского и в его эскизах это наглядно видно, действительно происходит процесс перерождения старого. Появляется нечто новое, которое далеко не всеми и уж тем более не сразу воспринимается как стилевое отличие. Более того, уходят десятилетия на утверждение этого нового и только затем начинает постепенно срабатывать формула Вельфлина: «Новый стиль становится фактом».

Строго говоря, и по сей день нет единодушия в истолковании того, что есть «конструктивизм» – стиль или метод? Видимо, точнее эту дилемму надо трактовать иначе: когда конструктивизм являет себя как стиль, а когда – как метод?

Осталось ответить на вынесенный в заголовок этого фрагмента текста вопрос: почему же все-таки «Жолтовский и эпоха стиля»?

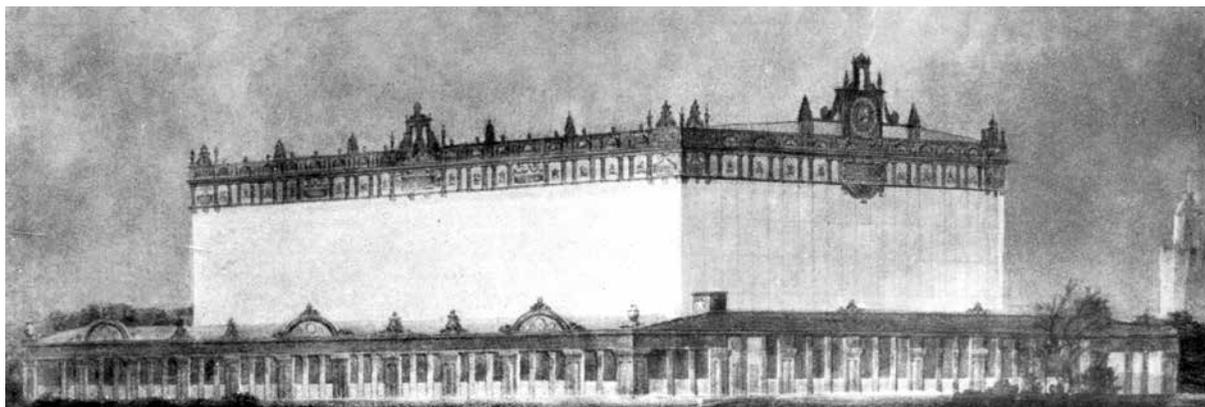
Думаю, что и по той же, что для Гинзбурга, причине: именно с именем Жолтовского, в первую очередь, устойчиво во времени связывается в отечественной архитектуроведческой традиции понятие «качество архитектуры», неоспариваемый для многих авторитет его профессионализма. Разговор о качестве архитектуры во всем наполнении этого понятия в наше время опять выходит на первый план. Он становится актуально сущностным и для лидеров архитектурного процесса, и для так или иначе инвестирующих в него, и для горожан. На мой взгляд, у нас опять появляется возможность сосредоточить усилия и архитектора, и инвестора-заказчика, и представителей государственного аппарата, и общественности на общем для всех предмете интересов и вожделий, согласовав эти интересы и устремления на том, какую пользу они могут принести наследию и каждому из конкретных памятников архитектуры и культуры.

Почему судьба Дома художника может сыграть при этом значительную запоминающуюся роль?

Сохранение историко-культурного наследия и охрана памятников архитектуры

В настоящее время ведется активная работа по корректировке Закона об охране историко-культурного наследия. Закон совершенствуется как юридический документ, гармонизирующий в едином правовом поле интересы всех субъектов, заинтересованных в судьбе наследия. При этом в понятийном аппарате закона речь по-прежнему идет в первую очередь о территории и земельном участке, а не о фрагменте городской среды, обладающем историко-культурным потенциалом, и о недвижимости, а не о памятниках архитектуры.

Это обстоятельство неуклонно приводит к тому, что осознание и обсуждение проблем ценности историко-культурного наследия замещается разговором о цене участка территории, отводимого под застройку, и (или) состарившейся недвижимости. Как следствие, выхолащиваются из содержания закона и повседневной практики охраны понятия, формирующие ценностный каркас наследия, его историческую подлинность и культурную идентификацию (значимость).

Целесообразно интерпретировать понятие об охране как сохранение историко-культурного наследия и охрану памятников архитектуры в первую очередь в законодательных документах.

Необходимо существенно поменять отношение к архитектуре и ее наследию в нашей стране. На первый план должны выйти ценности профессионального качества и исторической подлинности памятника. Содержание архитектуры – это не только стилевые особенности оформления фасада. Формообразующие, в том числе цивилизационные, ценности также должны найти свое закономерное место в осмыслении предмета охраны.

Самостоятельное значение для полноценного пребывания архитектуры в культурологически осознаваемом пространстве приобретают в наши дни потенции для оздоровления отношения общества и государства к наследию архитектуры XX века, а точнее, историко-культурному наследию советской эпохи. Пришло время развести между собой подлинные творческие и профессиональные ценности наследия архитектуры и идеологические характеристики, определявшие, в том числе, и повседневную архитектурно-строительную деятельность в СССР. Это относится ко всем периодам отечественной истории XX века, в первую очередь, к наследию эпохи авангарда, безоговорочно всемирно признанному вкладу нашей страны в мировую культуру. Но стоит уделить серьезное внимание и сохранению наследия архитектуры 60-х годов прошлого века – периода непосредственно связывающего историческое наследие с сегодняшней практикой архитектурно-строительного творчества, застройки городов.

Для обеспечения полноценной «связи времен» между историческим прошлым и градостроительным будущим при корректировке Закона о сохранении наследия необходимо зафиксировать внимание на временной дате в 40 лет – возрасте объекта, достижение которого предопределяет возможность постановки его на охрану. Важно отсчитывать этот возраст со дня начала проектирования, а не завершения строительства и сдачи объекта в эксплуатацию. Такая корректировка в большей мере будет отвечать особенностям строительной практики в нашей стране: сроки возведения объекта растягивались порой на десятилетия и не совпадали с динамикой формирования тех или иных творческих тенденций. По этой причине полноценное формирование предмета охраны того или иного памятника архитектуры затруднено и искажает его подлинные историко-культурные характеристики, адекватные времени зарождения творческого замысла. Эта проблема в полной мере относится и к Дому художника. Его строительный цикл – более 20 лет.

Буквально сейчас, в апреле, исполнилось сорок лет со дня окончания проектного периода. Завершена работа по составлению смет к рабочим чертежам. Рабочий проект со сметой передан на рассмотрение и утверждение в Госстрой. И этот факт вполне можно (при желании) трактовать как исторический прецедент, позволяющий вернуться к обсуждению юридического статуса даты, фиксирующей необходимый срок для постановки объекта на государственную охрану.

Корректировка охранного законодательства в нашей стране происходит в конечном счете для более полного погружения в международное правовое пространство. Там, среди прочего, также как и теперь у нас, из названия законов ушло слово и понятие «архитектура», и приводимое при этом объяснение понятно: цель – поднять статус архитектурного наследия до высот культурологических обобщений.

Архитектура – неотъемлемая составляющая культуры. Вряд ли за рубежом приходится каждодневно говорить о необходимости ремонта зданий, точнее, о последствиях полного им пренебрежения, самовольной перестройке, переостеклении и массе других, никем не санкционированных пере-...

В нашей стране ситуация пока иная. Отсутствие понятия «архитектура» в названии «охранного» Закона юридически корректно исключает архитектурное содержание из правовой ответственности. В это трудно поверить или, точнее с этим сложно согласиться. Полистайте современные (кстати, многочисленные) учебники по культурологии. В них зачастую вообще нет разговора об архитектуре. Современная культурология без нее вполне обходится, сколь успешно – можно судить и по судьбе Дома художника.

Практически десять лет назад делались предложения по территории Парка искусств, проводился конкурс, кстати, и тогда с весьма противоречивыми мнениями и результатами. Но тогда Дом художника устоял. Памятен проект Ю.П. Платонова и его коллег по архитектурно-ландшафтному осмыслению территории Парка искусств (рис. 7). Затем эпопея размещения на этой территории объектов Э. Эгерата, напоминающих нам о наследии «русского авангарда». Дом художника и при этом акте хирургического вмешательства в тело исторического города сочли за благо сохранить. Дом художника развивает, по существу, ту логику формообразования, которую Жолтовский убедительно точно зафиксировал в структуре и формотворческих закономерностях громадного здания холодильника на Открытом шоссе за десятилетие до того. Пространственный каркас Дома художника – так называемый «телецентрический каркас», поскольку именно в Останкинском комплексе его применили, а точнее, специально для него разработали и реализовали в нашей стране. Но содержание его генетические «корни» надо искать много раньше, в те десятилетия, когда начали складываться закономерности нового стиля. Здание А.В. Кузнецова, которое сегодня – органическая составная часть комплекса МАрХИ, возведено на разновидности схожего универсального пространственного каркаса, кстати, также на круглых в сечении колоннах. Пространство ВХУТЕМАС – это не только понятие, но материальное воплощение организации пространства – как материала архитектуры

(по Н.А. Ладовскому) в том здании, где в свое время работали Мастерские. Это пространство – само по себе уникальный предмет экспонирования, с которым все желающие могут ознакомиться в Галерее ВХУТЕМАС Музея архитектурной школы при МАрХИ, который в этом пространстве размещается. Это же ощущение ценности пространства обрел и Дом художника.

Уместно вспомнить и иной пример, полезный для нашего разговора, из зарубежного опыта обретения памятников и сохранения наследия. Выставочный павильон Германии архитектора Мис ван дер Роз на международной выставке в Барселоне в 1928 году. В январе 1930 года по завершении экспозиции павильон разобрали. Затем, со временем, осознали, что совершили ошибку, и в 1986 году его воссоздали, хотя судя по литературе, эта акция и не получила в те годы массовую поддержку (рис. 8). Сегодня «пространство Миса» – убедительная, внятная и коммерчески успешная, кстати, демонстрация того понятия, которое навсегда вошло в историю взаимоотношений культуры и цивилизации в XX веке – универсальный каркас Мис ван дер Роз.

Формирование «длинных рядов» в становлении нового стиля – естественная потребность профессии, строго говоря, залогом ее полноценного выживания. В противном случае, никто не застрахован от того, что последующие поколения и сделанное в наши дни признают градостроительной и (или) прочей ошибкой уже спустя пару десятилетий со всеми вытекающими из этого оргвыводами.

Трудно застраивать город, давая ему возможность естественным путем развиваться, исходя из такого посыла. Стоит, реконструируя целеустремленность во времени обретения стилового единства, стиливых, формотворческих, технологических и иных профессиональных устремлений, упомянуть здесь и о недавнем победителе крупного международного конкурса на Музей в Перми – проекте архитектора Бориса Бернаскони. (рис. 9). В свое время он также размышлял о судьбе Дома художника и о возможностях полноценного использования прилегающей к нему территории Парка искусств. Естественно (для автора) Дом художника и при этой «гипотетической» реконструкции сохранял неизменность сложившегося на этом месте универсального пространства. Навесные панели фасадных плоскостей и «нарезка» помещений, очевидно, не главные составляющие предмета охраны в данном случае.

Выявляется общее правило и на опыте Дома художника оно может быть наглядно. Профессиональное содержание объемно-пространственной структуры для принятой здесь организации пространства строится на внятном разграничении сроков физической и моральной жизни всех ее структурных элементов. Пространственный каркас, формирующий и создающий Дом, живет в своем «летоисчислении», навесные стены-панели – в своей временной системе координат. Разграничение определяемой в структуре плана поэтажной функциональной «раскладки» помещений – вообще явление временное и зафиксировать ее навечно неизменной – войти в противоречие с сутью той организации пространства, что предполагала эта концепция архитектурного формообразования.

Почему еще так важно придать Дому художника вполне аргументировано заслуженный им статус сохраняемого объекта культурного наследия – памятника архитектуры, охраняемого государством. На мой взгляд, это тут же оздоривит ситуацию с осмыслением в будущем прилегающей к нему территории, в том числе и Парка искусств. С понятиями «памятник» и «наследие» закономерно сопряжены и понятия «территория памятника», «охранная зона», «достопримечательное место». И наряду с ними: ремонт, консервация, научная реставрация, компенсационное строительство и др. Возможно было бы обсудить и иные нововведения в Закон об охране, коль скоро осмысление судьбы Дома художника и прилегающей к нему территории совпадает по времени с корректировкой законодательства.

Транснациональный проект сохранения отечественного наследия 60-х годов
Проблематика сохранения наследия всегда инициировала крупные международные акции, служащие единению творческих, экономических и политических усилий представителей различных региональных культур, что так существенно для современного мира.

Новый текст законодательства по охране историко-культурного наследия в последнее время разрабатывается не только в нашей стране, но и в других странах бывшего Союза. Основная цель подготовки новых правовых документов та же – более плотно войти в международное правовое поле, сделать законодательство неразрывным с тем,

что принято всеми крупнейшими международными организациями по охране наследия.

Но стоит помнить, что для всех стран – бывших республик СССР – наследие советского времени – общее, и почему бы не воспользоваться в этой связи различными технологиями сохранения наследия, разработанными и неоднократно апробированными международными организациями (ИКОМОС и другими), в частности, методологией транснационального проекта по сохранению однородного наследия, расположенного на территории разных стран.

Это в том случае, если нам удастся достичь общего согласия отсчитывать жизненный цикл будущего памятника не со дня сдачи объекта в эксплуатацию, а со времени начала его проектирования. Иначе этот разговор еще на десятилетие откладывается. Будет ли что сохранять?

Если мы действительно хотим говорить о сохранении наследия архитектуры и подлинности его вклада в историю отечественной культуры и в XX веке, то процесс проектирования – наиболее яркий, драматический и творчески емкий период в его будущей судьбе. Его осмысление и создает «момент истины», столь неопределимо важный для формирования полновесного предмета охраны подлинной системы профессиональных архитектурных ценностей.

Что делать, если не удастся откорректировать эту строку закона? И нам предстоит ждать «совершенноголетия», в том числе и Дома художника, который, как это ни парадоксально, уже так «изношен», что его снести не жалко, но слишком юн, чтобы государство взяло на себя правовые заботы по его сохранению.

Опекуном для объектов тех лет, оказавшихся в столь неудобной для самоосознания профессии межумочной ситуации, на мой взгляд, мог бы стать Союз архитекторов России и, разумеется, все родственные с ним творческие общественные организации архитекторов, проектировщиков, строителей... Задача здесь одна: преодолеть чрезмерно упрощенное отношение к наследию творческих усилий своих прямых предшественников и сохранить для будущих поколений то, с чего начинался новый сегодняшний этап в биографии московской архитектуры. Действительно исторически важно дать возможность архитектуре тех лет предьявить автобиографию и самой рассказать о себе, самой – такой, какая она есть.

И если этот процесс полноценно начнется с Дома художника, то он может стать буквально знаковым. Обретение Домом художника Государственного охранного статуса как памятника отечественной культуры могло бы стать значимым событием широкого масштаба с весьма многообещающими перспективами. Для музея художественной культуры новейшего времени это была бы вполне культурологически зрелая акция.

Жизнь и судьба архитектуры во всей полноте своего содержания, в том числе и архитектурного проектирования (я все к тому же – сорокалетнему сроку отсчета), станут объектом всеобщего интереса не только в ежегодно проводимые дни «АРХ Москвы», а повседневно. Музейные ценности галереи и выставочная жизнь Дома станут неразрывны в своем рассказе об отечественной культуре новейшего времени с трудной и долгой последовательностью обретения Нового в архитектуре. Дом художника – один из достойнейших этапов на этом пути.

Архитектурное наследие 1980-х: вопросы авторской незащищенности

текст
Алла Корзун

Дом радио. Фото середины 1980-х годов из книги «Архитектура СССР 1917–1987» (Стройиздат, 1987, стр. 338)

В период тотальной коммерциализации общества, погони за максимальной выгодой подчас некие предприимчивые силы бесцеремонно вмешиваются в архитектурно-строительную ткань города. При этом забывается, что когда-то совсем другие ценности вкладывались в проектирование и строительство исторической среды Иркутска. Врачебный принцип «не навреди» является основным правилом этических взаимоотношений в данного рода деятельности.

Показательный пример – здание Радиокomпании на пересечении улиц Горького и Ленина. Этот перекресток – пример одновременной застройки, удачно сложившейся в архитектурный ансамбль стараниями не одного поколения архитекторов. Здесь и дореволюционная архитектура, и сталинская неоклассика, и тактичное вхождение более поздних объектов советских восьмидесятых.

Ныне первые этажи большинства зданий, находящихся на этой территории, насыщены торговой функцией. Не избежало этой участи и здание радиовещания. В 2007 году без согласования с автором проекта, архитектором Николаем Беляковым, был застроен первый этаж дома, где разместился салон красоты «Арт».

Дом по улице Горького, 15, – один из образцов архитектуры 1980-х. Это пример «необрутализма» в иркутской интерпретации: выходящий на фасад крупный железобетонный каркас, массивные, глухие поверхности кирпичных стен создают впечатление «значительности» масштаба сооружения. Цельный по художественному образу архитектурный объект не допускает встройки и пристроек, в том числе по первому, ранее свободному этажу.

Здание является воплощением одного из пяти принципов современной архитектуры – «Дом на столбах», апологетом которого в свое время был великий Ле Корбюзье. Градостроительная реализация этого принципа, с одной стороны, обеспечивала визуальную связь пространств при движении по городу, с другой – создавала дополнительные условия для озеленения территории и использования ее для отдыха. Высокие опоры здания, освобождая пространство под домом, позволяли свободно перемещаться в запроектированных по Проекту детальной планировки города направлениях: к любимому месту отдыха горожан – Ангаре и в сторону транспортных остановок по улицам Горького и Ленина. Прослеживалась также композиционная связь с прилегающими к участку скверами – между клубом «Стратосфера» и улицей Горького и на углу улиц Горького и Ленина.

Архитектурный комплекс радиовещательной компании был задуман и построен архитектором Беляковым как единый архитектурный ансамбль. Сюда входят: старое здание 1930-х годов, симметричное обрамление его пристройками 1980-х и угловое здание конференц-зала. Последнее дополнение – монументальное по характеру сооружение, о котором идет речь, – «держит» большое окружающее пространство с множеством точек восприятия.

Хотя здание не выделяется из окружающей застройки высотой, за счет своеобразной «игры масштабов» (отношения деталей к целому) и подчеркнутой монументальности художественного строя, оно, несомненно, является современным архитектурно-композиционным акцентом места.

Самовольная застройка первого этажа привела к печальным последствиям: нарушена целостность облика здания и сложившихся композиционных связей с окружающей средой; перекрыты пешеходные направления движения к Ангаре и транспортным остановкам. Проведенные действия без согласования с автором проекта являются юридическим нарушением авторских прав и должны разбираться в судебном порядке. Громоздкая реклама на стенах усугубляет безрадостное впечатление.

Радиодом. Современное состояние. Фото Татьяны Чеботаревой

Владивосток: стиль «порто-франко»

текст
Алина Иванова
Николай Крадин

фото
Николай Крадин

1. Немцы Эдуард и Феликс Дикманы, А.В. Даттан, Г.И. Кунст, А.Г. Альберс, Г.Б. Ланге, И.М. Лангелитье, Б.П. Люббен, В.В. Руммель, К.Г. Гольденшtedт; американцы отец и сын К.А. и А.К. Купер, К. и О. Смит, Г.Ф. Демби, Д.К. Де Фриз, швейцарцы Ю.И. Бринер и Р.И. Бюргин, французы А.А. Менард, Ю.Л. Монсэ и многие другие.

Уже в начале своей статьи авторам непременно хочется сказать, что Владивосток – совершенно потрясающий город. Хотя многократно нам приходилось слышать мнение приморских коллег-архитекторов о Хабаровске: «Как просторно у вас, можно спокойно гулять по тротуарам и улицам, не беспокоясь, что на тебя кто-то налетит». При всей своей неблагоустроенности и всяческих неудобствах, Владивосток тем не менее город действительно красивый. Красота его кроется в природных факторах – сложном рельефе и наличии моря. В нем ни на йоту нет обычной «среднерусской тоски». Ничего подобного не найти ни в Мурманске, ни в Севастополе, ни в Новороссийске, ни в... какие еще остались у нас порты? К сожалению, Владивосток (как, впрочем, и весь Дальний Восток в целом) слабо интегрирован в национальный архитектурный дискурс, иными словами – его вокзал и особняки не найти в монографиях по модерну или русскому стилю, а сказочная панорама бухты Золотой Рог не украшает фолианты, посвященные отечественному градостроительству. Широким массам россиян город этот известен в основном мифическими сбоями систем жизнеобеспечения и легендарными штурмами ОМОНА. Вместе с тем, этот город обладает редкой способностью пробуждать любовь с первого взгляда.

Поезд из Хабаровска приходит во Владивосток ранним утром: прорезав город насквозь и нырнув под главную площадь, он вырывается на поверхность и замирает буквально на берегу Тихого океана. Стоит подняться на виадук – и со всех сторон на тебя обрушиваются каскады Владивостока. Открывающийся вид вызывает в памяти какие-то детские, жюль-верновские слова: «капитанский мостик», «всплыть по рубку», «поднять брам-брам-стенгу» и проч. У всех русских городов, вплоть до Петербурга, горизонтальный вектор развития, – они неторопливо расползаются вширь и вдаль по бескрайней русской равнине. У Владивостока вектор резко вертикальный: улицы кажутся отвесными, лестницы похожи на трапы, застройка серпантинном карабкается все выше и выше по крутым обрывам сопки. В этом пейзаже чувствуется порыв сильной мужской воли: забраться буквально на край света, надеж-

но окопаться и, вгрызаясь в гранитные утесы, держать оборону, наглядно воплощая собой идею фронта – самого дальнего рубежа Отечества.

Основными градоформирующими факторами Владивостока являлись: во-первых, строительство крепости и главного Тихоокеанского рейда, а во-вторых – периодически вводимый режим порто-франко. Иностранцы предприниматели¹, азиатский анклав и военные инженеры (как правило, с петербургским образованием) интенсивно застраивали побережье бухты Золотой Рог и Амурского залива. Сочетанием этих локальных субкультур сформировалась застройка первых городских улиц: Пекинской, Китайской, Корейской, Суйфунской (прежние названия). Примечательно, что главные городские магистрали – Алеутская, ведущая к вокзалу, и Светланская, проложенная параллельно набережной, названы именами русских кораблей, которые первыми вошли в Амурский залив.

Путешествие пешком от вокзала по Алеутской, до пересечения ее со Светланской, а затем – вдоль акватории Золотого Рога к фуникулеру (ползущему, как улитка по склону, прямоком к институту архитектуры, искусства и дизайна ДВГТУ) занимает полчаса. Этот маршрут обрамляют несколько десятков зданий, каждое из которых символизирует некую архитектурную идею, а именно: национальный модерн; романовский юбилей; неоампир; коммерческое барокко; советский эллинизм; ностальгический романтизм; венский модерн; английская псевдоготика; туземный дворец и проч. Все это – чистые симулякры – копии, не имеющие оригиналов. Поразительны не детали этого конструкта, – они-то как раз типичны, а способы их комбинаций и то, что скрывают разукрашенные фасады, прорезанные арками, ведущими в подворотни. Стоит свернуть в подобную нору и тут же, буквально с трех шагов, попадаешь в лабиринт. Для изучения этой сложной архитектурной реальности – кирпичные джунгли за буржуазными фасадами – предлагается ввести несколько необычный термин: стиль «порто-франко».

Теоретики-культурологи советуют понимать архитектуру как процесс и результат социальной деятельности; архи-

тектурный объект рассматривать не изолированно, но как элемент системы, в разнообразных связях с другими предметами и процессами. Термин «порто-франко» релевантно описывает городской ландшафт, сформированный контрабандистами, скупщиками краденого, международными авантюристами всех мастей и национальностей; основная функциональная единица подобного ландшафта – притон (он же – ломбард, букмекерская контора, опиумокурильня и проч.), закамуфлированный снаружи под ренессансное палаццо или московский послепожарный особняк. В основе планировочно-композиционного решения лабиринта не коралловый риф (как хотелось бы надеяться), а жуткие, непостижимые бесхитрым европейским умом, китайские хутуны. Этот градостроительный прием совершенно не знаком остальной – усдебной, привольно-раскидистой России. Авторам данного текста не довелось побывать в пресловутых одесских катакомбах, возможно, тамошний размах «параллельного города» производит не меньшее впечатление. Однако в отличие от Одессы, Владивосток строили не жизнерадостные греки, а морские офицеры и тевтоны – англосаксы с комплексами колонизаторов. Современники еще в начале XX столетия отмечали, что «положительно вся торговля и более менее крупная промышленность находилась в руках Гамбурга»². Из русских купцов конкуренцию выдерживали только самые, можно сказать, хищные и изощренные в конкурентном предпринимательстве. Как отмечалось выше, Владивосток возвели люди «длинной воли», настоящие пассионарии, что, в свою очередь, не могло не сказаться на архитектурном ландшафте.

Статус порто-франко снимает экономические ограничения, стиль «порто-франко» отменяет рамки культурных традиций, демонстрируя замечательный произвол по отношению к первоисточнику. Да и что, собственно, можно назвать первоисточником этой архитектуры, под которой до сих пор понимается лишь декор ограждающей конструкции, выходящей на красную линию. И сегодня памятники архитектуры Владивостока классифицируются, исходя из способа отделки фасада: открытая кирпичная кладка считается «русским стилем» (который на глазах мутирует в готику), облицовка плиткой или декоративным кирпичом – верным признаком модерна, штукатурка с расшивкой под руст – классицизмом. Меж тем все это – просто ширмы, экраны, куда проецировалось социальное воображаемое первых девелоперов Владивостока. А.И. Каплун писал, что «стиль эпохи – это эпоха как она есть, а архитектурный стиль – это то, как эпоха желает себя видеть». «Историзм» служил способом символического присвоения чужого социального статуса и чужого культурного опыта. За этими фасадами, в лабиринте, недоступном полиции и налоговой инспекции, скрывалась (так же, как скрывается и сегодня) подлинная жизнь города. Новые элементы лабиринта естественно вписываются в существующие трущобы. Органичность этого симбиоза определяется схожестью функций и стиля жизни (ломбарды, «номера», адвокатские конторы, скупка и продажа конфиската, кофейни, частные клубы, арт-студии и проч.). Структура лабиринта противостоит миру иерархических универсалий. Возможно, что это настоящая народная архитектура, глубоко чуждая славянофильской «ропетовщине», так как она стопроцентно городская по своей сути. Приемы этой архитектуры есть результат столетней борьбы частного собственника с государством, попытка избежать надзора и контроля, отсюда – эзотерическая закрытость лабиринта.

Как-то нестати вместо обещанной культурной прогулки по главным городским улицам авторы углубились в живописные трущобы. Возвратимся к исходной точке маршрута. Как ни странно, но самым архитектурно-продвинутым заказчиком в строительстве выступало государство, финансируя наиболее интересные постройки. Лучшая из них – вокзал железнодорожной станции Владивосток (1909–1911, арх. Н.В. Коновалов). Разумеется, и это здание – в значительной степени симулякр – отголосок знаменитого шехтеляевского шедевра в Москве. Однако здесь,

на далекой восточной окраине, на фоне Тихого океана расписные терема с высокими шатрами и гребнями смотрятся особенно патриотично.

На углу Светланской и Алеутской улиц (№ 20) – здание бывшей гостиницы «Золотой Рог» (ныне торговый центр, 1906–1907, арх. И.В. Мешков), декорированное в духе «коммерческой классики» (рис. 3). И далее, на всем протяжении Алеутской и Светланской, чередуются дореволюционные и советские объекты, причем множество старых домов неоднократно реконструировалось с целью повышения этажности (рост Владивостока возможен только вверх). Эти одновременные культурные наслоения хорошо заметны на многих фасадах зданий приморской столицы. В АПЗ, выданных главными архитекторами Владивостока в 1930–1950-х годах, реконструкция большей части заданий предусматривала надстройку дореволюционных строений. Типичное указание того времени: «Архитектура надстраиваемого этажа должна быть строго увязана с существующей, и здание после надстройки должно восприниматься как единое целое; венчающую часть существующего карниза и кронштейны над пилястрами снять и трактовать его как междуэтажный; надстраиваемый этаж оформить пилястрами, расположив их по осям существующих и завершить антаблементом»¹ – характеризует метод проектирования магистральной застройки главных городских улиц. Можно сделать вывод о том, что советская архитектура являлась органичным продолжением дореволюционной застройки Владивостока, не противопоставляя, а ощущая себя естественной наследницей старого города. Представляется продуктивным, отойдя от жесткого расчленения истории дальневосточной архитектуры на политические эпохи, рас-

1. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Усури, 1990. Там же: «Магазины и дома иностранцев предпочтительно перед русскими занимают лучшие, наиболее выгодные места в целом городе. Это как-то невольно бросается в глаза свежему человеку: над их домами и лавками всегда торчат флажки, на которых поднимаются национальные флаги того народа, к которому "имеет честь" принадлежать такой-то торговец».
2. ГАПК. Ф. 1230. Оп. 2. Ед. хр. 5. АПЗ от 21.07.1954.

Вокзал железнодорожной станции Владивосток. Вид с привокзальной площади

Здание гостиницы «Золотой Рог», ныне торговый центр

4. Более подробно на эту тему см.: Крадин Н.П., Иванова А.П. Дальневосточный вариант «сталинского эллинизма» // Проект Байкал. 2008. № 16. С. 162–169.

смаатривать ее как неразрывный процесс, объединенный поверх барьеров ордерной классикой. Возможно, ордер – это вечный универсальный язык (типа латыни), художественно понятный всем.

Поскольку данная статья посвящена историческому архитектурному наследию дореволюционного периода Владивостока, постройки советской эпохи специально нами здесь не рассматриваются⁴. Для анализа же выбраны лишь постройки-символы или наиболее живописные примеры перекрестной мутации, дающей на выходе образцы стиля «порто-франко». Например, старый рефрижератор (склад-холодильник «Унион», 1916) – удивительный образец утилитарной архитектуры с функцией хранения (подобно элеваторам и пакугазам). Здание отчетливо делится на объем, предназначенный для складирования мороженых туш и контору. Эти функциональные зоны разделены лестничным блоком, который завершается высоким треугольным фронтоном-вмпергом, что подчеркивает и выявляет асимметрию фасада. Декор здания скуп, но выразителен и являет собой типичный для русской дальневосточной архитектуры пример неупловимой диффузии кирпичного стиля и «готичизмов». Лопатки, разделяющие глухой массив хранилища на шесть отсеков, имитируют контрфорсы (пинакли, глубокие ниши-прорези в виде вытянутого латинского креста); сдвоенные пилястры обрамляют триаду узких вытянутых окон, расположенных в

Фасад с барельефами на здании Нового театра

Особняк Ю. Бринера на ул. Алеутской, 15а

Здание ТД «Вальденер и Пеппель»

верхнем ярусе лестничного блока; фриз с квадратными кессонами подчеркивает горизонтальный вектор развития фасада; фронтоны с узкими щелевидными окнами являются наиболее интересным элементом здания. Размещение в верхнем поле фронтона скульптурного изображения бычьей головы стилистически никак не мотивировано; тем больший эффект производит эта невероятно экспрессивная деталь, бросающаяся в глаза всем путешественникам, которые прибывают в город по Транссибу ранним утром.

В дореволюционной дальневосточной архитектуре пластический декор (в том числе скульптура) представлен крайне малочисленными примерами. Так, во Владивостоке уцелели лишь кариатиды на доме Фадеева, барельефы Нового театра и грифоны на здании Японского консульства. Поэтому любое скульптурное изображение превращается в городскую легенду, генерируя мощное мифопространство. Кроваво-красная морда быка на фоне традиционно белой (побеленной) стены неизбежно воспринимается как знак жертвоприношения, как символ всех погибших в бесконечных гражданских смутах, раздиравших Приморье на протяжении десятилетий. То, что со стороны моря здание проецируется на огромный дом работников НКВД с вооруженными фигурами на крыше, еще более подчеркивает трагичность восприятия данного объекта. Кроме прочего, это тотемное изображение вызывает неизбежные ассоциации со средневековым готическим собором в Лане, украшенном десятками бычьих голов в знак благодарности к животным, которые возили на себе глыбы из дальней каменоломни и погибли на строительстве храма.

Едва ли не лучшим зданием на улице Алеутской является особняк Бринера, возведенный в 1913 году светлым архитектурным гением Приморья Георгом Юнгхенделем. Этот немец-лютеранин, приглашенный могущественной фирмой «Кунст и Альберс» (своеобразный дальневосточный аналог Ост-Индийской компании) с собственным флагом, флотом и валютной системой), построил в Благовещенске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, Никольске-Уссурийском, Спасске-Дальнем, Хабаровске и в других местах Дальнего Востока немалое количество зданий, каждое из которых является своеобразным манифестом великой европейской цивилизации. Однако свободно чувствуя и модерн, и готику, и барокко, Г. Юнгхендель обладал узнаваемым творческим почерком. Особняк Бринера – образец подлинного модерна, со всеми присущими данному стилю приметами: асимметричной композицией, рассчитанной на круговой обход, выразительной пластикой фасада. Вообще-то чистые примеры дальневосточного модерна можно пересчитать по пальцам, подавляющее же большинство рассматриваемых в данной статье построек являются вариацией на темы кирпичной гарнизонной архитектуры и псевдоисторической эклектики. Благотворное влияние модерна дает о себе знать, где – асимметрией фасадов, где – рациональной чистотой линий, волнообразными фронтонами, изяществом флористического декора и оконных переплетов, а также характерным знаком и декоративным элементом модерна – так называемой подвеской.

Здание ТД «Вальденер и Пеппель» (1907, арх. В.К. Горльденштедт) расположено на углу улиц Светланской и Алеутской (Светланская, 11). Известно, что главным готическим зданием Москвы на излете модерна стал торговый дом «Мюр и Мерилиз» (1907, арх. Р.И. Клейн), владельцы которого являлись выходцами из Шотландии. Любопытно сравнить это здание с торговым домом «Вальденер и Пеппель». Трехэтажное, Г-образное в плане сооружение занимает важнейший в городской структуре перекресток. Семь острых пирамидальных башенок со шпильями венчают мансардные окна, трапециевидный шатер, акцентирующий главный вход, а также высокий угловой аттик со ступенчатым декором создают динамичный силуэт, воспринимающийся, как условно-готический. Межоконные панели с крестообразным декором прочитываются как элементы фахверка, хотя кованые кронштейны и ограждения балконов выполнены в стилистике модерна. Массивный кирпичный парапет и лаконичные «средневековые» сандрики полуциркулярных окон также работают на создание обобщенного североευропейского образа здания, вызывающего ассоциации с Нидерландами, Германией и т. д.

Подлинным шедевром самого успешного владивостокского архитектора И.В. Мешкова стало здание гостиницы «Версаль», называемой в годы советской власти «Челюскин» (1908, ул. Светланская, 10). Трогательная роскошь этого здания символизирует межвоенный расцвет города, связанный с очередным введением порто-франко (рис. 8). У «Версаля» три фасада: главный обращен на Светланскую улицу, боковой, переменной этажности, – в переулок, а срезанный угловой фасад ориентирован на Спортивную гавань, – из окон люксовых номеров открывался потрясающий вид на Амурский залив. Все три фасада сплошь покрыты классицистическим декором – это яркий пример «боязни пустой стены». Плоскость стены рустована от цоколя до многоярусного карниза. Оконные проемы имеют различную конфигурацию: огромные квадратные

витрины первого этажа, прямоугольные окна с треугольными сандриками – второго, узкие строенные арочные окна – третьего и маленькие квадратные окна аттикового этажа. Второй и третий этажи объединены сдвоенными ионическими каннелированными полуколоннами и пилястрами. Над главным входом – треугольный фронтон с полуциркулярным окном. Подлинные кованые ограждения балконов и парапетов утрачены и заменены современными убогими подделками, но оконные переплеты витрин сохранились, их рисунок типичен для модерна, и это единственный намек на модерн, который позволил себе архитектор, если, конечно, не принимать во внимание общую гротескность помпезной декорации, созданной им для торжествующего русского купечества (прикормленного, кстати сказать, французским спекулятивным капиталом).

Здание почтамта (Светланская, 41) – образец «романовского» стиля, не уступающий московскому

Здание ТД «Вальденер и Пеппель»

Здание гостиницы «Версаль»

Здание центрального почтамта на ул. Светланской

5. Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурной формы. М.: ОГИ, М., 2002. С. 102–103.

Здание кондитерской Кокина

Политехническому музею. Трехэтажное здание почтамта, представляющее собой простой параллелограмм, имеет три архитектурно оформленных фасада: главный и два боковых; все фасады сплошь покрыты чудовищным количеством декора. Налицо все приметы условного русского стиля: сдвоенные и строенные арочные окна с кокошниками и килевидными сандриками, подоконники «полотенцами», ниши и ширинки в межконных простенках, бочкообразные кокошники в надкарнизной части здания, многоярусный карниз, нарядные завершения труб и водостоков и т. д. На первый взгляд, для здания почтамта в высшей степени характерно то, что Г. Ревзин, говоря о «принципиальной неоригинальности эклектики», называет «тяжкой, косной, хаотической массой декора»⁵. Однако, присмотревшись, можно разглядеть за нагромождением арочек и балясинок трехчастную классицистическую схему: слабо выраженные центральный и боковые ризалиты (центральный ризалит вместо классического треугольного фронтона увенчан килевидным кокошником, фланкируемым тумбами с четырехгранными обелисками). Инспирированные тра-

дицией классицизма композиционные приемы организации фасадной плоскости сказываются в жесткой схеме горизонтального и вертикального членения. Характерной чертой почтамта является отсутствие главного входа: дверные проемы расположены в торцевых фасадах. Это объясняется крайне незначительной (не более метра) шириной тротуара, идущего вдоль Светланской улицы. Кроме того, здание лишено балконов, что делает его объем более цельным и монолитным. Невзирая на значительные размеры почтамта, все, кто видит это здание впервые, отмечают его решительное сходство с резным ларцом.

Дефицит земли, пригодной для строительства и безудержные спекуляции земельными участками вели к все более интенсивной застройке исторического центра Владивостока, который к началу XX века приобрел преимущественно многоэтажный характер. Здания постоянно надстраивались, небольшие объекты сносились, уступая свое место более крупным доходным домам.

На улице Светланской уцелело лишь несколько двухэтажных построек; в том числе и крошечная кондитерская Кокина (№ 53), где сегодня мирно соседствуют парикмахерская и факультет ДВГТУ. Двухэтажный прямоугольный объем здания кондитерской выходит на красную линию торцевым фасадом, а протяженный боковой фасад скрывается в глубине дворового пространства. Симметричный уличный фасад имеет два витринных окна и дверной проем в первом этаже, две пары окон во втором и высокий аттик. Архитектурная трактовка фасада является замечательным примером непринужденного смешения модерна и классицизма: композицию из миниатюрных деталей условно-исторического характера обрамляют огромные (в масштабах здания) модернистские пилоны. Все пропорции искажены, как в сказке Керолла: то, что должно быть большим – уменьшено, а маленькое – гипертрофировано. Самой поразительной деталью фасада являются миниатюрные полуколонны, разделяющие окна второго этажа. Они украшены лотосовидными капителями откровенно египет-

ского вида. На сомнительных капителях покоится узенькая полоска фриза. Ось симметрии зафиксирована флажштоком и визуально подкреплена лепным декором в виде женской головы и ниспадающей гирлянды. Как было неоднократно отмечено, архитектура Владивостока отчаянно эклектична, но эта эклектика по-своему обаятельна. Фасады, составленные из разрозненных фрагментов разностильных декораций, выглядят по-домашнему добродушно, вызывая невольные улыбки прохожих.

Большинство первых владельцев и застройщиков лучших участков в районе главных улиц – Светланской и Алеутской – являлись иностранными подданными. Это не могло не сказаться на стилистических предпочтениях заказчиков, поэтому центр города застраивался зданиями преимущественно «европейского вида». Примером может служить импозантная постройка – торговый дом «Братья Петерец», расположенная на улице Светланской, 59, – возможно, самое красивое здание Владивостока, памятник эпохи порто-франко, блестящий пример колониального модерна, свободного от влияния, как вездесущего кирпичного стиля, так и от псевдоклассических реминисценций. Трехэтажный, скромных размеров фасад представляет собой виртуозную композицию, состоящую из застекленных проемов лестничных клеток, гладкой плоскости стены, облицованной декоративным кирпичом песчаного цвета и декоративных вставок исключительного качества.

Кирпичный двухэтажный, прямоугольный в плане частный дом А.В. Даттана (Светланская, 53а), управляющего ТД «Кунст и Альберс», возведен в 1891 году по проекту неизвестного архитектора. Угол здания, обращенный к Светланской улице, выделен шестигранным эркером под высокой шатровой крышей. Плоскость фасада декорирована глубоким рустом. Наиболее «готическими» элементами особняка являются спаренные стрельчатые окна второго этажа, объединенные общими арками. Так как постройка расположена высоко на рельефе, то при взгляде снизу, со Светланской, здание производит впечатление крепостной башни, чему способствует выступающий готический карниз. Некоторая театральность, условность стилистической игры подчеркнута гротескной гиперболизацией готицизирующих форм, излишней экспрессией деталей. При этом готицизмы синтезируются с элементами, традиционными для кирпичного стиля, так что псевдоготика парадоксальным образом напоминает одновременно и псевдорусский стиль. Эта своеобразная трансформация готических мотивов в русско-кирпичном духе, слияние (fusion) условного европейского средневековья и не менее условного русского стиля зримо воплощала процесс внедрения германского капитала в экономику российской дальневосточной окраины.

Интерпретация «неоготики» в рамках кирпичного стиля и модерна давала достаточно убедительный результат, а диффузия медиевистских мотивов и национальной традиции, наглядно читаемая в декоре особняков высшего звена менеджмента иностранных фирм, позволяла более органично примерить условную «готику» с особенностями русской ментальности.

Не менее интересное, чем предыдущие, здание, входящее в комплекс из шести строений, расположенных компактно по четной стороне улицы Светланской и объединенных общим названием «Офицерские флигели» (№ 76). Здания предназначались для проживания семейных и холостых офицеров Сибирского флотского экипажа. Стиль, характерный для буржуазных отелей, выбран для декорации военного поселка. Офицерские флигели трактовались как особняки третьей империи. Рассматриваемая постройка возведена в 1910 году по проекту военного инженера И.А. Заборовского и расположена на затененной северной стороне улицы. Благодаря островному положению, все фасады здания имеют архитектурное оформление, что для Владивостока, да и других дальневосточных городов, представляет, в общем-то, большую редкость.

Это замечательный образец романтической неоклассики с итальянским акцентом. Офицерское общежитие похоже

на маленький дворец; сходство усиливает остекленный лестничный блок, являющийся композиционным центром главного фасада, который выглядит как глубокая лоджия. Мотив лоджии, впервые примененный в данной постройке, получит широкое применение в эпоху сталинского ампира, однако флигель Заборовского остается лучшим образцом адаптации барочной традиции к нуждам силовых структур. Главный фасад имеет классическую трехчастную структуру: ризалиты (центральный, где расположен лестничный блок и слабо выраженные боковые) увенчаны аттиками, нижний ярус расшит горизонтальным рустом, второй и третий этажи объединены гладкими ионическими пилястрами. Главный вход в здание акцентирован классическим

Здание торгового дома
«Братья Петерец»

Частный особняк
А.В. Даттана

Особняк из комплекса
«Офицерские флигели»

сандриком, увенчанным треугольным фронтоном. Переход от центрального ризалита к плоскости стены оформлен с помощью балконов сегментной формы, огражденных балюстрадами. Тема балюстрады продолжена в подоконных вставках второго этажа и в ограждениях парапетов боковых ризалитов. Прочий декор ограничен подоконными вставками между вторым и третьим этажами, где обыгрывается мотив триглифов, а также накладными деталями на руствованных лопатках, фланкирующих боковые ризали-

ты. Эти детали являются барочной версией традиционного для дальневосточного модерна декора в виде щита и строгих вертикальных линий (тип «подвеска»). В данном случае овальный щит размещен в картуше – так называемый «итальянский герб». Гербовые щиты на фоне драпировки расположены на аттиках боковых ризалитов. В то же время тумбы этих аттиков имеют характерную форму и типичный для модерна орнамент. Другим указанием на этот же стиль является рисунок переплетов лестничного остекления. Помимо отличной архитектуры, здание примечательно еще и тем, что в нем жил известный полярный исследователь Г.Я. Седов.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что дальневосточная колониальная архитектура не стремилась (и не стремится сегодня) быть функциональной, это знак в чистом виде, мощнейший социальный миф, определяющий жизнь региона и формирующий тип регионального самосознания. Можно лишь добавить, что формированию архитектурного ландшафта Владивостока способствовали такие локальные культурные сообщества, как военно-морское ведомство, а также мощный слой иностранных предпринимателей и русского купечества. Что же касается стилистической атрибуции фасадной архитектуры Владивостока, то и здесь выстраиваются некие закономерности. В частности, русскому стилю и готицизму в большей степени характерна открытая кирпичная кладка, оштукатуренные фасады мы наблюдаем в классике-барокко-ренессансе, а облицованные плиткой или декоративным кирпичом фасады чаще принадлежат модерну.

178 Элементы модерна в деревянной архитектуре Читы

текст
Павел Баклыский

Отношение исследователей русского зодчества к деревянной архитектуре российских городов конца XIX – начала XX века традиционно складывалось в сравнении ее с народным деревянным зодчеством и, прежде всего, с жильем русского Севера, Урала и Сибири. Это сравнение в первой половине XX века и позже явно оборачивалось предпочтением народных форм с их генетической ясностью, функциональной выверенностью, конструктивной отработанностью и стилистической целостностью языка сравнительно с формами городской архитектуры.

Соседство с кирпичной архитектурой, стремление заказчика к повышенной репрезентативности не могли не повлиять на характер деревянных форм города. Растущая полифункциональность деревянных построек требовала усложнения их структуры, увеличения их объема и расширения оконных проемов, что приводило к поискам дополнительных конструктивных усилений стен, к появлению отличий от канонических народных форм. Требованиями репрезентативности объясняется и значительное усиление роли декора в композиции фасадов, особенно с повсеместным применением пропиленной резьбы.

Результат такого развития городской деревянной архитектуры был негативно оценен многими исследователями. Они справедливо увидели в нем эклектическое смешение традиционных конструктивных приемов и декоративных мотивов народного жилья с приемами и формами уходящего классицизма, некоторыми романтическими поисками в композиции и декоре фасадов. Негативная оценка этого этапа развития городской деревянной архитектуры сильно сказалась и на судьбе ее произведений. В частности, российские города Забайкалья и Дальнего Востока, активно застраивавшиеся именно в это время, в результате подобной оценки на сегодняшний день потеряли многие

самобытные и гармоничные произведения так называемой «малоценной застройки». При этом судьба их могла решаться не только на уровне администрации региона или города (в том числе и архитектурной), но иногда на уровне бригады маляров без каких-либо общественного резонанса и административных последствий.

Подобно тому, как каждый мастер в своем ремесле неизбежно проходит период учебы и становления мастерства, так и каждый сложившийся стиль в искусстве обязательно обнаруживает в себе несколько этапов. Вначале это поиски искусственных представителей стиля-предшественника, полноты самовыражения в границах его средств и приемов. Часто при этом даже не возникает и мысли о том, что поиски нового вносят диссонанс в гармонию стиля. Затем, после осознания произошедшего и выхода за границы стиля, начинаются попытки понять «где мы и что с нами», поиски новых средств, новых форм и новой гармонии. Наконец, когда поиски венчаются успехом и шедевры нового стиля оказываются в наличии, история повторяется вновь.

Если посмотреть с этих позиций на российскую деревянную городскую архитектуру конца XIX – начала XX века, возникшую на основе форм классицизма, то ее расцветом можно считать русский модерн. Он возник на основе народного опыта конструирования жилья как результат ухода от композиционных схем классицизма к поискам новой гармонии. Это гармония новых функциональных задач, новых композиционных идей и конструктивных находок, воплощаемая в новой форме. Здесь цель – не исторические реминисценции на основе знаний ученого (хотя без этого нельзя), а новая целостность языка художника. Художественная практика создает новое единство взаимопроникающих ритмических рядов планировочной

и объемно-пространственной структур с продиктованной ими композицией фасадов и интерьеров, ритмикой расположения декора, характером его объемной пластики. Именно эта особенность модерна, взаимовлияние контрастирующих и, казалось бы, взаимоисключающих друг друга частей, механическое соединение которых обязательно должно было бы породить монстра, но в результате усилий художника ставшее чудом целостности, делает таким сложным описание его произведений.

Каноническим примером деревянного русского модерна стали две постройки небольшого российского города Гороховца во Владимирской области, известного с XVIII века своими плотницкими бригадами «якушей», кормившимися отхожим промыслом. Это – построенный в 1915 году жилой дом председателя земской управы Пришлецова (ул. Ленина, 38) и выстроенный тогда же или немного раньше загородный дом крупного заводчика и судовладельца М.И. Шорина (ул. Московская, 43).

Первый – одноэтажный Г-образный дом с мезонином над серединой выходящей на главный фасад части, с двумя сенями. Сени парадного входа на левом фланге главного фасада завершены квадратной в плане башней. Венчающая часть образована высокой крышей в виде щипца с пологими полками и равным ей по высоте перекрытием мезонина в форме бочки на главном фасаде и щипца на дворовом, пирамидальным двухъярусным шатром над башней. Фасады обшиты, имеют девять вариантов формы проемов, рамочные наличники на главном фасаде украшены накладной пропиленной резьбой с рельефной обработкой лицевой поверхности. Резьба с традиционными растительными и соларными узорами, фараонками и львом выполнена рукой опытного мастера по рисункам искусственного художника-стилиста.

Второй дом – комбинация двух разновысоких Г-образных срубов под общей сложной вальмовой крышей. Высокая уличная часть завершена двумя мезонинами с лучковой крышей. Фланги главного фасада подчеркнуты двух- и трехъярусной башнями с венчанием в форме шатров дудкой. Уникальная круглая башня на правом фланге сложена из гнутых бревен. В декоративной отделке важную роль играет сочетание открытого сруба из тонких бревен в первом ярусе постройки (с рубкой углов «в обло») и обшитых тесом плоскостей второго яруса. Число разнообразных вариантов форм и обрамлений проемов достигает четырнадцати. Дом украшен богатой пропиленной и накладной резьбой, элементами декора живописно округлы, размерные отношения между элементами отчетливы и образуют внятный ритм.

На примере этих зданий можно вычлнить отличительные признаки деревянного модерна. Во-первых, это сложный асимметричный план, составленный разными по величине, форме и ориентации элементами и образующий ритмически уравновешенную выразительную композицию. Число этажей или ярусов обычно больше одного, и они, как правило, отличаются по планировке. Во-вторых, это свободная объемно-пространственная компоновка разновысоких объемов с завершениями разной формы. В-третьих, отличный облик всех четырех асимметричных фасадов, причем разница облика усилена, как в круглой скульптуре, наличием большего, чем четыре, числа заданных точек зрения. В-четвертых, разнообразие форм проемов фасадов, нерегулярность их размещения, связанные с ритмикой конкретной фасадной композиции. В-пятых, это богатство форм декоративной отделки фасадов и оформления проемов, также прямо развивающее и дополняющее ритмы композиции. В декоре модерна нет места эклектически чужеродным мотивам, стиль решительно отторгает их или радикально переделывает, принимая в образный строй своего языка.

В городах Забайкалья и Дальнего Востока процессы становления форм деревянного модерна шли параллельно европейской России. Это был процесс, связанный с развитием капитализма и единый для всей страны. Финансовые

возможности, вкус и мера знакомства заказчика с новейшими стилевыми поисками в профессиональной архитектуре – с одной стороны, доступность дерева, как строительного материала и наличие богатого строительного опыта плотницких бригад – с другой, диктовали в конце XIX – начале XX века городскому заказчику формы его деревянной постройки. Но в любом случае всякая из сохранившихся построек этого времени, например Читы, несет в себе следы движения от классицизма к модерну.

Проследивая это движение, можно начать с чисто классицистической формы. Купившие старое двухэтажное здание Общественного собрания 1860 года братья Полутовы стали использовать его как доходный дом. Они разобрали дом, перевезли его на новое место в 1914 году и вновь собрали, сделав частичную перепланировку (ул. Журавлева, 28). Следуя новой моде, братья придали прежней абсолютно симметричной форме некоторую асимметрию, пристроив на правом фланге лестничный объем с шатром в форме усеченной пирамиды и сделав более разнообразным оформление проемов.

Во многих жилых домах Читы с вполне симметричными главными фасадами такая асимметрия придается изначально и сознательно выведением на фланг фасада выразительно оформленного портала входной галереи. В небольших одноэтажных домах асимметрия часто усиливается введением относительно крупного навеса крыльца. Распространен тип навеса на консолях, развивающихся вверх в форме повала, обшитых тесом, с массивным полукруглым или лучковым сводом (ул. Анохина, 34; Нагорная, 41, Чкалова, 89, 93, и др.). Часто портал входа в галерею завершается фронтоном, формы которого ритмически не связаны с оформлением фасада основного объема. Имеются примеры, когда вся плоскость фасада галереи решается в духе модерна, а фасад основного объема является собой образец классицистической симметрии.

Интересным является завершение фасада галереи крупной волютой (ул. Калинина, 108, и др.), изображающей комету с ядром и хвостом. Линия ее силуэта продолжает вертикаль внешнего угла галереи, огибает ядро и криволинейно опускается к фасаду основного объема дома. В случае, когда дом имеет две галереи с входами на флангах главного фасада (ул. Калинина, 137), присутствуют две волюты, повернутые завитками внутрь. В двухэтажных домах с галереями, включающей лестницу, второй этаж галереи иногда отмечен эркером, создающим впечатление асимметричности фасадной композиции (ул. Калинина, 31, Чкалова, 83, и др.).

Стремление к выразительности композиции прочь от регулярности классицизма иногда приводило заказчиков и строителей к очень простым решениям, например смещению мезонина или фронтона от оси на фланг композиции. В этом случае решение принималось с учетом композиции окружающей застройки. Пример – дом на перекрестке (ул. Нагорная, 40), с угловым мезонином, имеющим крестовую крышу и сдвоенные окна на всей угловой части объема. Другой случай простого решения – укрупнение какого-либо элемента композиции, обычно венчания, резко меняющее канонические пропорции и придающее необычный облик зданию. Неожиданно высокий и крупный щипец со шпилем на оси фасада, плотно занятого ставнями и проемами трех окон, вместе с карнизом большого выноса придает такому дому (ул. К. Маркса, 106) звездообразный силуэт.

Почти скульптурную пластичность создает небольшому по размерам бревенчатому фасаду широкий обшитый карниз, в котором узкую плиту большого выноса поддерживает широкая выкружка-«повал», несущая на себе крупные, того же профиля и трапециевидного силуэта зубцы-кронштейны. Эту пластическую закономерность фасада, как бы охватывающего сверху прохожего, поддерживают треугольные, с плечиками, наверхшия четырех наличников, массивные объемы которых, вставленные между зубцами карниза, так же наклонены на прохожего (ул. Калинина, 31а, Декабристов, 11). Необычным выглядит в небольшом по

Жилой дом Козлова.
1884 г.; ул. Анохина, 50

размерам доме (ул. Нагорная, 41) высокий парапет из резных столбиков, соединенных перемычками. Рисунок парапета симметричен, но не регулярен, его центр акцентирован флагштоком.

Поиски новой выразительности фасадов обгоняли в деревянной архитектуре рассуждения о новом образе как целом. Удачная находка была сделана в работе над сомасштабными человеку фасадами двух одноэтажных жилых домов с волютами (ул. Калинина, 108 и 137). Мастера поместили у края выносной плиты карниза резной подзор такой большой ширины, что образованная им аркатура стала восприниматься в качестве архивольтов оконных проемов с наличниками. Однако эта же находка оказалась неработающей на двухэтажном объеме (ул. Ленина, 36).

Знакомство с формами модерна, стремление следовать новой моде приводит к появлению построек, в которых традиционной формы объем получает близкое к идеологии и пластике модерна оформление порталов и налич-

ников (ул. Бабушкина, 56). Те же соображения двигали, вероятно, заказчиком, воздвигавшим при крупном полутораэтажном здании (ул. 9 Января, 32) характерные для модерна пристройки. Выразительную объемно-пространственную композицию этот дом получил благодаря поставленным на мощных кирпичных опорах открытой галерее и крыльцу под крышей лучковой формы.

Вопрос поисков выразительной объемно-пространственной композиции чаще возникал перед теми заказчиками и строителями, кто возводил постройки в два и более этажей. Первые такие попытки в конце XIX века были еще довольно робкими. Так, монолитность компактного двухэтажного дома на высоком цоколе (ул. Анохина, 50; около 1884 г.) строители нарушили прирубом двухэтажных сеней на дворовом фасаде и пятигранным ризалитом на оси бокового. Ведущая к ризалиту двухэтажная галерея только усилила симметричность главного фасада и теперь, чтобы придать ему модную асимметрию, пришлось средствами фасадной композиции выделять галерею, а в венчании дома противопоставлять положому щипцу левого фланга высокий щипец правого (рис. 1).

Для придания выразительности композиции другому столь же компактному двухэтажному объему (ул. Анохина, 53; 1899 г.) пришлось идти тем же путем. Выявляя почти неразличимые фланговые ризалиты главного фасада, архитектор придал частям объема немного разную высоту. Он увенчал левую часть куполом в форме сомкнутого свода на невысокой трибуне, над средней частью поместил килевидную бочку, а правую завершил невысокой квадратной в плане башней с пирамидальным шатром под фигурным завершением. В добавление к этому автор декорировал шатер килевидной бочкой, а ниже, в уровне второго этажа, поместил граненый эркер над крыльцом парадного входа.

Сходную задачу пришлось решать и создателям жилого дома И.М. Бронштейна (ул. Чкалова, 96; нач. XX в.). Выходящий на перекресток двухэтажный, квадратный в плане объем, поставленный на высоком цоколе, оставляет впечатление монолитности, хотя включает со стороны двора открытую одной стороной Г-образную галерею, вторым рукавом уходящую вглубь объема. Динамизм композиции подчеркнут срезом выходящего на перекресток угла второго этажа и венчанием сруба карнизной плитой

Дом М.Д. Игнатьевой.
1884 г.; арх. Г.В. Никитин;
ул. Анохина, 53

большого выноса, поднимающейся небольшими щипцами над углом и на фасадах. Над углами уличных фасадов были воздвигнуты два купола разной величины и формы, на невысоких барабанах и крупный шпелец. В данной постройке видна попытка смягчить регулярность расположения проемов на фасадах разным рисунком наличников в нижнем и верхнем этажах. Декоративное убранство дополнено пропиленными фризом и карнизами из покупного набор.

Братья Шерговы добились некоторой пространственной выразительности своего дома (ул. Анохина, 34; 1902 г.), комбинируя традиционными объемами. К пятистенку с классицистически оформленным главным фасадом со двора примыкает двухэтажный объем длиннее по фронту первого, с традиционным планом в виде «связи» (в сенях – двухмаршевая лестница). На правом торце двухэтажной части имелся крупный балкон на всю ширину фасада. Композицию дополняет пристроенная к стыку основных объемов односкатная галерея, портал которой на правом фланге главного фасада выделен массивным навесом, а также вытянутый вглубь двора одноэтажный прируб с сеней с кладовыми на оси двухэтажного объема. Вход в сени, открытая вправо галерея и, вероятно, балкон с навесом имели колонны с резными капителями.

Более сложный план и сходное пространственное решение демонстрирует жилой дом Д.А. Вамбурга (ул. Ленина, 32; 1904–1908 гг.). В его основе – поставленный на углу квартала компактный сруб с двумя фланговыми ризалитами и парадным входом в средней части главного фасада. В середине левого бокового фасада прорублены сени, крытые на один скат вместе с находящейся перед ними открытой верандой. Существенную роль в композиции играет мезонин (с балконом на левом боковом фасаде и вальмовой крышей), необычно сдвинутый вглубь, на дальний от проезжей части улиц угол дома. Уличные фасады регулярно расчленены окнами. Великолепно венчание композиции. Шатер

в форме четырехугольной усеченной пирамиды со шпилем и четырьмя люкарнами завершает правый фланг главного фасада. Левый фланг акцентирован сложным двухъярусным возвышением крыши мансардной формы, с круглой люкарной. Поставленные на общей вальмовой крыше, они вместе с мезонином создают выверенный объемно-пространственный ритм в духе истинного модерна.

Интересна попытка пространственного решения композиции дома в усадьбе А.Ф. Змечевского (ул. Бабушкина, 98; около 1900 г.). Жилая постройка составлена из двух Г-образно соединенных срубов, один из которых ниже (на два венца) и шире второго. На углу, по оси низкой части объема, поставлен невысокий мезонин с крыши лучковой формы. Две остальные части дома имеют двускатную крышу с полуфронтами на торцах. Вдоль широкого торца устроена галерея под односкатным навесом. При отсутствии другого декора, кроме разной обшивки плоскостей фасадов, весь декоративный шарм приходится на пластику крыш. На первый план выходят ощущения кинэстетические. При этом возникает впечатление сознательных намерений автора сосредоточить внимание зри-

теля на игре масс и форм и чувство, что ему немного не хватило профессионализма.

Сходное ощущение вызывает и другой, значительно более сложный и интересный объем жилого дома В.Л. Сергеева (ул. Новобульварная, 24; 1910 г.), образованный крупным, но компактным Г-образным в плане одноэтажным объемом с небольшим хозяйственным прирубом к северному углу и вставленным в южную выемку длинным объемом сеней. Над южной частью дома надстроен мезонин. Объем первого этажа включает в себя на восточном углу открытую веранду, а на западном – небольшую террасу. Мезонин на главном юго-западном фасаде имеет вынесенную на консолях лоджию. Весь объем накрыт сложной с четырьмя вальмами и полувальмой на мезонине крышей, сени крыты на один скат высокой, начинающейся от уровня половины высоты мезонина крышей, стены обшиты тесом. Необычен образ дома, похожего издали на холм плавных очертаний, в котором имеются вырезы вертикальными плоскостями. Асимметричность планов и фасадов, доминирующие мотивы наличников заставляют относиться к нему как к произведению модерна. Однако, нечеткость пространственных отношений объемов, эклектичная путаница в декоре (особенно лоджии) не позволяют сделать этот вывод однозначно. После того как в начале 1990-х годов фасады были обшиты гонтом, эклектичность образа еще более усилилась.

Более сложный план и, возможно, большее право претендовать на звание постройки нового стиля имеется у жилого дома Жогалева (ул. Бабушкина, 82; 1911 г.).

Жилой дом
И.М. Бронштейна;
ул. Чкалова, 96

Дом Д.А. Вамбурга.
1904–1908 гг.;
ул. Ленина, 32

Дом В.Л. Сергеева;
ул. Новобульварная, 24

Дом Лукина;
ул. Бабушкина, 82

Дом архитектора
Ф.Е. Пономарева. 1910 г.;
ул. Нагорная, 46

Г-образный в плане объем 1-го этажа усложнен фланговыми выступами главного и дворового фасадов, асимметрично расположенным выступом левого бокового фасада, прирубом сеней правого бокового фасада. Мезонин на правом фланге объема увенчан крестовой крышей с невысоким пирамидальным шатром над средокрестием. Объемы первого этажа имеют двускатную крышу с треугольными фронтонами на торцах. Перед парадным входом в средней части главного фасада устроена терраса, отгороженная колоннадой, поддерживающей пропиленный фриз и подвесную аркатуру. Сени служат основой крыльца второго этажа с двускатным навесом на резных кронштейнах. На второй этаж ведет двухмаршевая наружная лестница с пропиленным ограждением. Несмотря на некоторую измельченность и избыточность покупного пропиленного декора, логичность и ясность ритмики объемно-пространственной композиции здания и предназначенность его для кругового обзора заставляют признать этот дом незаурядным явлением деревянного модерна.

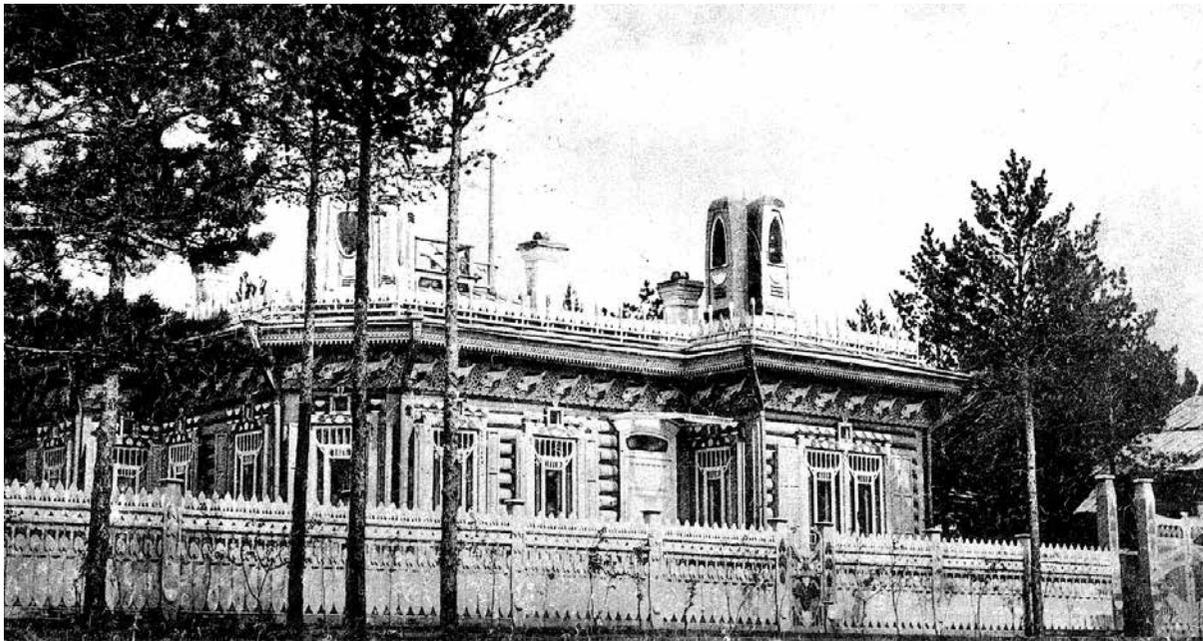
Наиболее значительными произведениями деревянного модерна в Чите являются жилые дома, в которых профес-

сионализм проектировщика соединился с профессионализмом строителей. Одно из таких зданий – жилой дом Ф.Е. Пономарева (ул. Нагорная, 46; 1910 г.), исполнявшего должность городского архитектора в 1909–1917 годы. Впечатляющий образ здания создан в первую очередь его объемно-пространственной структурой. При общей компактности композиции создается динамичное развитие движения от разновысоких объемов первого этажа к выходящему на середину главного фасада объему мезонина и примыкающей к нему в глубине лестничной башне, увенчанной шатром. Возрастание динамичной композиции начинается с небольшого объема привратничкой на левом фланге главного фасада и продолжается с увеличением высоты и объема частей. Каждый из объемов очерчен собственным карнизом, а движение вверх подчеркнуто формой крыш. Пологая односкатная крыша над сенями хозяйственной части в глубине двора, на правом фланге композиции, продолжается вальмовыми крышами основных объемов. Форма невысокой пирамидальной крыши мезонина получает логическое развитие в высоком шатре с фигурным навершием и шпилем на башне. Все функционально значимые внутренние пространства дома выражены автором на фасадах и образуют уступы. Композиция дома предполагает круговой обзор.

Обособляя нарочито поставлен с отступом от красной линии, ближе других к улице выходит правобангальный объем гостиной с примыкающим крыльцом и террасой парадного входа. Парадная роль этой части композиции подчеркнута единственным в конструкции крыши фронтоном. В качестве пластической рифмы ему вторит острый щипец на шатре башни. Важную роль в пластике главного фасада играет балкон под односкатным навесом на мезонине. Декоративное решение фасадов полностью подчиняется общим закономерностям композиции и составляет с ней ритмически единое целое. В декоре важнейшую роль играют элементы конструкции: ритмически выверенная толщина и вынос плит карнизов, затяжки и бабки фронтонов, форма и отделка кронштейнов и колонн. Верх объемов украшен широкими фризовыми полосами. Они образованы вертикально пришитыми досками с декоративной, в основном силуэтной обработкой нижней части. В отделке фризов, наличников окон, капителей колонн и во вставках кронштейнов очень скупо применяется пропиленная резьба. При доминировании в очертаниях объемов прямых линий пластическим нюансом выглядят редкие закругления. Изгиб средней части затяжки фронтона и овал чердачного окна под ним, плавный поворот внешнего угла навеса крыльца, лекальный переход ребра шатра к краю выносной плиты карниза, легкие скругления углов перемычек и диагоналей в рисунке ставен, да еще полуциркульные слуховые окна дворовых фасадов – вот, собственно, и все.

Не менее интересный объект – жилой дом М.М. Тимоховича (ул. Нагорная, 38; 1910 г.). Агроном по образованию, работавший чиновником Горного управления Нерчинского округа, Тимохович построил дом по собственному проекту с помощью частного подрядчика Комарова. В народе этот необычный особняк получил названия «Дом-кораблик» или «Дом с рыбками». Пространственная композиция его определялась противопоставлением массивного, сложного по плану одноэтажного сруба, поставленного на цоколь с подвалом, и легкой венчающей трехбашенной части. Ныне утраченное завершение представляло собой усложненную, имитирующую надпалубные надстройки с флажтоками и смотровым балкончиком композицию, огражденную парапетом по периметру всего здания. На крыше были даже разбиты три цветника. Над самой высокой угловой башней-надстройкой был установлен флажток с резным навершием в виде парусника. Дом утратил и прежнее оформление интерьеров, создававшихся автором и включавших резную мебель художественной работы.

Сохранившееся на срубе декоративное оформление впечатляет своей оригинальностью и органичностью. В нем практически отсутствуют работающие на просвет пропиленные элементы. Под выносной плитой карниза по периметру зда-

ния проходит фриз. В нем на вертикальную обшивку досками со смягченными нижними углами уложены накладные элементы изобразительного характера (рыбки и пузырьки воздуха). Рамочные наличники высоких прямоугольных одинарных и сдвоенных окон оформлены накладными элементами, напоминающими цветы и стебли водяной лилии. В рисунке оконных переплетов также присутствует стилизованное изображение этого цветка. Силуэтный рисунок двух рядов подзора карниза тематически и ритмически перекликается с рисунком наличников. Дом интересен не только как редкое для Забайкалья и Дальнего Востока явление деревянного модерна, но и как удачная попытка отражения в рамках стиля индивидуальности автора и заказчика в одном лице.

Жилой дом С.А. Шиллинга (ул. Подгорбунского, 40; 1908 г.) – один из самых крупных деревянных домов в Чите. Поставленный на облицованном гранитными блоками фундаменте объем на первый взгляд представляет собой комбинацию из двух зданий с двускатной крышей: слева – одноэтажного, справа – двухэтажного, выходящих на главный фасад торцами и соединенных переходом с идентичной крышей. В левой, одноэтажной части находятся сени, прихожая парадного входа и зал гостиной. На главном фасаде зал выражен фланговым прямоугольным выступом, а на дворовом фасаде его второй выступ имеет пятигранную форму. У парадного входа утрачено крыльцо с полукруглыми ступенями. Под общей крышей двухэтажной части здания с жилыми и хозяйственными помещениями размещен и объем наружной лестницы, ведущей в лоджию второго этажа, расположенную на левом фланге бокового фасада. Необычна компоновка объемов хозяйственной части дома. Правый фланг правого бокового фасада имеет выступ сеней, служащий опорой более протяженному выступу второго этажа, свисающий угол которого поддерживает вертикальная опора. Такими же опорами поддерживаются сени второго этажа на правом фланге дворового фасада объема, вдоль которого устроен навес на колоннах.

Декор фасадов дома, особенно главного, выполнен в русле модерна. В оформлении применены различные виды резьбы: объемная обработка элементов конструкций, пропильная и накладная резьба, рельефная обработка деталей. Выходящие на главный фасад фронтоны с декоративной обшивкой тимпанов имеют ритмически богатый рисунок конструкции. Карнизы украшены пропильной и накладной резьбой. Фасады завершены широким резным фризом. Пилястры и колонны парадного крыльца, лестницы, лоджии и дворового навеса отделаны глухой и пропильной резьбой. Подоконный парапет включает участки пропильной резьбы и выразительную рельефную

обработку филенок. Наличники крупных окон первого этажа главного фасада имеют четырехчастное массивное венчание, декоративную обработку стоек и флангов проемов. Небольшие участки открытого сруба подчеркивают индивидуальную характерность декора главного фасада. Несмотря на повышенную парадность главного фасада, здание рассчитано на круговой обзор. Это еще один вариант индивидуального решения во всем – в планировке, объемной композиции и в декоре, не имеющих аналогов в деревянной архитектуре Читы, и не только (рис. 9).

Деревянный городской модерн – явление особое. Произведения деревянного модерна уникальны не только в исторической застройке российских городов, они – внутренне-стилевой феномен. Неисчезающая тектоника сруба отторгала постороннюю дереву пластику и жестко направляла усилия авторов к поискам гармонии отдельно находящей выразительности объемно-пространственного, фасадного и декоративного решений. При этом в ритмике каждого решения конструктивное начало превалировало над пластическим. Поиск пластического единства, взаимопроникновения ритмических рядов композиции требовал от создателя высокого творческого накала. Возможно, поэтому так редки и столь индивидуальны произведения деревянного модерна в городах Дальнего Востока и Забайкалья. Являясь вершиной городской деревянной архитектуры, они – воплощение авторской индивидуальности и в чем-то выражают вкусы заказчика. Тем настоятельнее необходимость их сохранения, изучения и исследования.

Дом С.А. Шиллинга. 1908 г.;
ул. Подгорбунского, 40

А музыка звучит...

текст
Галина Мартынюк

фото
Алексей Чертилов

Село Бянкино – одно из старейших сел Нерчинского района, находилось при впадении речки Борщевки в реку Шилку, в 30 километрах к востоку от города Нерчинска. У него сложная и разноликая история. Отсюда, по пади Борщевка, нерчинские служилые люди впервые проникли в юго-восточную часть Забайкалья и на важном пути сообщения около стойбища звенков в 1660 году поставили оборонительное зимовье. Возникшее затем село было названо по фамилии первых жителей. С открытием в 1676 году серебряной руды на речке Алтаче и началом строительства в 1689-м Аргунского сереброплавильного завода, из села Бянкино на заводы была проложена колесная дорога. Являясь грузоперевалочным пунктом с водного на колесный транспорт, село быстро росло. Во времена его расцвета здесь находились две каменные церкви, стекольный, известковый и кирпичный заводы, спиртоводочный завод известного нерчинского золотопромышленника М.Д. Бутина, паровая и водяная мельницы с помолом до 500 пудов зерна в сутки. Раскинувшись на несколько верст, село напоминало небольшой городок, были даже двухэтажные дома.

Затем все изменилось. Во второй половине XIX столетия разорились местные купцы Кандинские, а на рубеже XIX–XX веков разорились обосновавшиеся после них и Бутины. Еще до революции, из-за подтопления, большая часть жителей переместилась вниз по течению Шилки, и в начале XX века село оказалась брошенным. Железная дорога прошла по противоположному, левому берегу Шилки, и в Бянкино можно было добраться, только переправившись на лодке летом, зимой – по льду. В 1980-х годах здесь еще оставалось с десяток домов, но во время нашего приезда в 2002-м на месте бывших жилых построек была чистая степь, буйно заросшая травой. И только пустующие каменные строения двух церквей и складских построек Бутина напоминали о былом величии этого некогда большого и богатого села.

В селе особенно выделялся Троицкий храм, возведенный в 1823 году Хрисанфом Кандинским – прадедом

знаменитого художника Василия Кандинского (в 1897 году храм еще был действующим). Эта единственная в Забайкальском крае каменная двухэтажная церковь, построенная в стиле позднего классицизма. В верхнем этаже располагался престол во имя мучеников Хрисанфа и Дарии, а в нижнем – во имя Святой Троицы. К ней были приписаны две другие церкви: Михаило-Архангельская в Нижних Ключах (год постройки 1871, утрачена) и бянкинская кладбищенская (1832, сохранилась).

Глядя на фасады Троицкой церкви, невольно возникает желание пройтись по ним пальцами, как бы перебирая клавиши на музыкальном инструменте, а в памяти всплывают занятия по пению. Вы помните их. В детском саду все аккуратно усаживались на маленькие стульчики, и внимательно глядя на музыкального руководителя, пели про елочку и весну. В школе мы писали ноты с палочками и хвостиками, старательно выводя в начале строки замысловатый скрипичный ключ. Иногда он упрямялся, разворачивался своим завитком в другую сторону и становился похожим на крутую спираль.

В этих занятиях самым большим секретом казались гибкие и живые кисти музыканта, а сам он в нашем воображении предстал кудесником, перебирающим черные и белые клавиши обособленные палочки. Удивляясь, мы наблюдали, как из одинаковых блестящих гладких пластинок извлекались такие разнообразные звуки. Они звучали соло и в группе, были очень короткими и следовали быстро друг за другом, обретая уверенность и силу, соединившись, образовывали аккорды. Музыка звучала бодрая и энергичная, а сердце пело. Звуки, появляясь, прерываясь и исчезая, всегда были послушны человеку. Благодаря им, искусно перебирая клавиши и используя разные элементы, мастер выражал свое настроение, эмоции, состояние души.

Фортепианная клавиатура состоит из белых и черных клавиш, которые подразделяются на октавы, переходят от низких нот к высоким и служат для извлечения различных по высоте звуков. И если понимать и уметь передавать

Панорама места исчезнувшего Бянкино. Только белые маячки брошенных церквей напоминают о былом величии богатого села

законы строения музыкального произведения, то игра будет выразительной и интересной. Наша с вами «музыка архитектуры» основана на характере и принципах построения образа здания и его фасадов, на использовании традиционных и характерных объемов, своеобразии места. Давайте и мы прикоснемся к воображаемым клавишам и попробуем услышать «музыку» фасадов забытого всеми храма.

Черные клавиши обозначают переход от одного тона к другому, и мы, в нашем музыкально-архитектурном инструменте, минув небольшие лучковые проемы с характерными металлическими решетками, идем от одного элемента к другому, обходим здание по периметру и поднимаемся вверх. Окна утратили свои заполнения, проемы, выполненные в расветах в глубоких нишах и, как бы втопленные внутрь, не претендуют на сольную партию и являются вступлением к нашему рассказу. Совсем иное дело плоскости стен с разнообразными декоративными элементами, богатой и широкой палитрой белых клавиш.

Вот наши с вами пальцы мягко опускаются на клавиши, легко скользят по гладкой поверхности стен фасадов первого этажа, едва прикасаются к ним, и мы начинаем слышать тихие слабые звуки музыки. Они спокойные и воздушные, лирические и задумчивые. Пальцы движутся дальше. В средней части храма и в апсиде гладкие лопатки постепенно наслаиваются друг на друга. Соединившись вместе, они образуют мягкие, только чуть-чуть обозначенные ризалиты. Но вот на флангах оконных проемов пальцы вначале замирают, останавливаются на одной из клавиш и, кажется, что звук сейчас затихнет совсем. Не может быть, думаете вы, и оказываетесь правы. Такая пауза лишь для того, чтобы появиться новым звукам, а наши лопатки сменяются круглыми полуколонками двух диаметров. Тонкие и изящные, тщательно вытесанные из кирпича, они поднимаются вверх до профилированного межэтажного карниза. Полуколонки едва заметны, потому что не выступают из общей плоскости стены и излучаемые ими звуки мы, как бы извлекаем изнутри. Но игра света и тени на

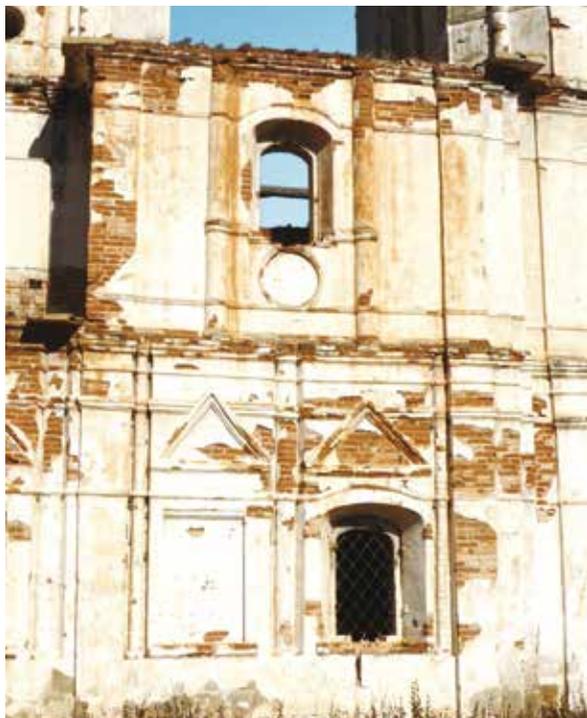

Общий вид храма с юго-запада

Вид с юго-востока

Фрагмент южного фасада.
Трапезная

Нижняя часть объема храма
(северный фасад)

закругленной поверхности выделяет их среди других элементов. Глядя на них, прислушайтесь, как звенят струны, а звук поднимается и рвется ввысь. Дальше следуют легкие, тонко прорисованные профилированные пояса, сменяющие друг друга. Вначале надоконный пояс, вторящий характеру лучковых проемов, затем ряд поясов фриза и многослойный венчающий карниз. Опоясывая все фасады по периметру, они не нарушают ритма, заданного лопатками и полуколонками, а лишь поддерживают их. Но самыми яркими и неповторимыми архитектурными аккордами звучат треугольные фронтоны. Они встречаются только здесь, а их небольшой рельеф создает ощущение легкости и невесомости. Прорезая фризовую полосу верхней частью, они мысленно подводят взгляд к венчающему карнизу, который и завершает первую часть этого музыкального этюда.

В оформлении второго этажа профилированные подоконные и надоконные рельефные пояса тонкой линией проходят по всему периметру. Ступенчатые гладкие лопатки, поднявшись с первого этажа, также выделяют среднюю часть основного объема и апсиду. Кажется, что здесь используются очень похожие элементы, и звуки мы слышим знакомые, но интонации в них иные и поэтому приглядимся внимательнее. Наш композитор-зодчий, взяв любимую тему, повторяет ее, но каждый раз в измененном виде, тем самым создавая различные вариации. Вот и здесь за основу взят другой прием, когда элементы выступают из плоскости стены, а наши мысленные звуки лежат теперь на поверхности и их нужно просто услышать. Такие же тонкие и изящные полуколонки кажутся более объемными, строгими и лаконичными, потому что они другой тональности. Посмотрите, как рельефно всем своим объемом выступая из плоскости стены, звучащие самостоятельно, они громко заявляют о себе. Подчиняясь общему ритму расположения, они ведут сольную партию и замечательно справляются со своей задачей. Вторят им рельефные детали, расположенные в подоконных нишах и выполненные в форме круга. Они, как и треугольные фронтоны, больше на здании не встречаются. Полукруглая апсида, мягко поворачиваясь, помогает перейти нам от одного фасада к другому, а широкий венчающий карниз из каменных плит завершает композицию и звучит громким аккордом.

Увлечись заданным ритмом и подчиняясь общему настроению, взгляд скользит дальше и выше. Мастер только слегка обозначает оконные проемы, сосредоточившись на вертикалях полуколонок и лопаток. Здесь почти нет горизонтальных членений, все построено на вертикали, что зрительно увеличивает объем в высоту и соответствует

храму с колокольней. Остановитесь. Вы чувствуете, что звуки как бы расслаиваются, а завершения выполнены в виде двух отдельных разновеликих объемов.

Здесь выразительная мелодия высоких нот поручается правой руке — это колокольня, в то время как левая с низкими нотами и объемом храма исполняет партию аккомпанемента. На восьмигранном объеме основного помещения храма на плоскости стен гладкие лопатки фиксируют грани, а полуколонки создают легкий рельеф на их плоскости. Знакомые звуки профилированных поясов помогают подняться еще выше вверх. Ничто не сбивает общего ритма сооружения, а пальцы лишь слегка касаются клавиш, пробегая от одной октавы к другой, и мы мысленно обходим здание по кругу. На объеме колокольни звуки выше, легкий рельеф стен спокоен. Гладкие плоскости лопаток и полуколонки едва различимы, но они, необыкновенно высокие и двухъярусные, из-за иллюзии расстояния кажутся легкими и воздушными, стремящимися вверх, к самой высокой точке — куполу.

Оба основных объема церкви завершены куполами: один пологий — над колокольней, другой, с крохотной башенкой — над храмом, в былые времена они венчались крестами, которые затем были сняты. Но мы их мысленно представляем, и вместе с ними звук уплывает далеко вверх и там растворяется, звучит уже в вышине, переключаясь с музыкой окружающих сопок и голубым безоблачным небом.

Повествование, музыка продолжают, но уже издали. Троицкую церковь хорошо видно из окна вагона движущегося поезда с противоположного берега Шилки, когда вдруг на естественном природном фоне ровного поля с мягкими сопками возникает ее изящный силуэт. Кажущийся здесь необычным и неожиданным, он очень долго сопровождает нас. Вначале приближаясь, мы начинаем различать ее характерные объемы, строгие и лаконичные, которые не спутаешь с другими сооружениями. Лучи солнца освещают горизонталь основного объема, покоящегося на земле, а затем переходят на вертикали колокольни и куб храма. Стучат колеса, дорога вместе с рекой делает большой плавный поворот, и вот мы уже видим печальный храм с другой стороны. Поезд мерно движется дальше, постепенно удаляется и исчезает. Отсюда, издали, Троицкая церковь своим обликом напоминает одинокий корабль, плывущий по воле волн величаво и торжественно в далекое море времени. Но, глядя из окна вагона, мы мысленно протягиваем к нему руки, дотрагиваемся до наших незримых архитектурных клавиш, и звучит музыка, а вместе с ней и наша надежда на возрождение святыни.

Бревенчатый Иерусалим

О серии книг «Древнерусское деревянное зодчество» и ее последнем выпуске

«Сегодня мир дошел до грани, которую, если бы нарисовать перед предыдущими веками, — все бы выдохнули в один голос: «Апокалипсис!» — произнес А.И. Солженицын в своем ответном слове при вручении ему в 1983 году Темплтоновской премии, «за прогресс в развитии религии», присуждаемой «лицам, имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире»¹.

И полувеком ранее поэт Николай Клюев, умерщвленный совдепией за любовь к православной Руси, писал: «Плавни Ледовитого океана, соловецкие дебри и леса Беломорья открыли мне нетленные клады народного духа... Познал я, что невидимый народный Иерусалим — не сказка, а близкая и самая родимая подлинность, познал я, что кроме видимого устройства жизни русского народа как государства или вообще человеческого общества существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, Церковь невидимая — Святая Русь»².

Приведенные две цитаты служат эпиграфами к «Бревенчатому Иерусалиму», четвертому выпуску монументальной серии книг «Древнерусское деревянное зодчество», посвященному самой поэтической и глубоко христианской части нашего архитектурного наследия — деревянным церквям и часовням. Именно в них с наибольшей силой отразилась мудрая красота, неотрывная от целостного восприятия Божьего мира, зародившегося на Руси вместе с христианством и превратившего ее в Русь Святую.

В своей реставрационной деятельности А.В. Ополовников главное внимание уделял воссозданию памятников храмового зодчества. Количество материалов по данной теме в его архиве огромно. Стремление наиболее полно их представить привело к значительному увеличению объема «Бревенчатого Иерусалима». Словом, обилие рассматриваемых памятников и многообразие используемого материала, а также стремление авторов раскрыть не только единый пласт русской православной культуры, но и показать трагедию и вместе с тем бессмысленность его разрушения, выявляя одновременно и разрушителей, вольных и невольных, обусловило трехтомный объем выпуска «Бревенчатый Иерусалим».

В 2007 году вышел в свет «Бревенчатый Иерусалим. Часть 1. Клетские церкви и часовни».

В 2010–2013 годах планируется завершить серию «Древнерусское деревянное зодчество», выпустив в свет 2-й и 3-й тома «Бревенчатого Иерусалима». В последнем из них будет раскрыта полувековая история начального воскресения (1950-е гг.) и последующего расцвета (1980-е гг. — по наст. время) на многотонном железном каркасе 22-главого Преображенского храма в Кижихах — красоты и гордости святоотеческой русской культуры.

Предисловие к томам «Бревенчатого Иерусалима» написано профессором Московской духовной академии М.М. Дунаевым. Профессор отмечает, что именно в деревянном зодчестве «особенно отчетливо сохранилась эстетика национального пространствопонимания», когда «человек начинает сознавать свое внутреннее пространство составной частью общенационального пространства». Тем и ценен, подмечает профессор, «грандиозный труд» А.В. и Е.А. Ополовниковых, что в нем наглядно и образно отражен русский «бревенчатый Иерусалим», представление о котором столь важно ныне как для широкого круга читателей, так и для архитекторов, которые, не зная «традиций подлинного искусства, создают малохудожественные, а то и чрезмерно бездарные сооружения». Здесь же подчеркивается, что «освоение наследия поможет избавиться от бездумного невежества, от «нарушения законов красоты».

Истари на Руси, заключает М.М. Дунаев, «красота земная» воспринималась как «отражение красоты Горней», служа «напоминанием о подлинном смысле человеческой жизни».

Потому и в образах русской бревенчатой архитектуре сосредоточена вся суть подлинно христианского мироощущения русского народа. И если древнерусская иконопись есть «умозрение в красках» (кн. Евг. Трубецкой), то древнерусское деревянное зодчество правомерно считать «умозрением в формах».

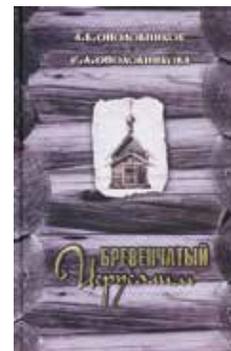
Бревенчатый Иерусалим — это устремленность нашего народа олицетворить Небесный Град Иерусалим на земле. Таким был наш Русский Север в восприятии Н. Клюева, таковой была старинная жизнь Приангарья, названная М.М. Сперанским, генерал-губернатором Сибири, Святой Русью³, таковым был повсеместно и облик русской деревни, являющий собой «изяжную литургию» (С. Есенин) или «мирообъемлющую соборность» (кн. Евг. Трубецкой).

Бревенчатый Иерусалим повествовал о неразрывности земного и небесного бытия, о вечной жизни, которая «мнится не быти, и есть» (мученик Тивуртий), а храм служил символическим преддверием Небесного Града. Его образ, постоянно видимый в обжитом человеком пространстве, защищал от греха — измены Богу, возвеличивая человеческие души и подвигая их к стяжанию благодати Божией.

Но глубинный смысл древнерусских бревенчатых церквей и часовен безжалостно искажался под видом их «благотворных обновлений». Это явление было напрямую связано с гонениями на приверженцев древнерусских религиозных обрядов и достигло своего апогея во второй половине XIX века.

Архитектурно-духовная основа бревенчатых церквей и часовен искажается и поныне. На пути их реставрации и воссоздания всегда встают преграды; проблема заговаривается и обесмысливается, сорентированная на полужизнь и беспринципность обычно случайных лиц, кои причастны к вопросам реставрации памятников. При этом авторы приводят конкретные примеры и конкретных «методистов», которые, судя по их делам, являются активистами разрушения коренной сферы отечественной культуры, получившей всемирное признание — древнерусского деревянного зодчества. Оттого и вновь строящиеся деревянные церкви в большинстве своем если не просто уродливы, то, по крайней мере, далеки от вековых традиций русского бревенчатого Иерусалима.

Углубляясь в историю России и разделяя убеждение А.И. Солженицына о необходимости истинного, а не сло-

Авторы:
А.В. Ополовников
и Е.А. Ополовникова
(М.: «ОПОЛО»)

текст
Нина Величкина

1. Солженицын А.И. Темплтоновская лекция. Гилдхолл, Лондон, 10 мая 1983 // Публицистика. Соч. в 3 т. Т. 1. С. 448. Там же: Краткие пояснения. С. 712.
2. Цит. по: Азадовский К.М. Николай Клюев: путь поэта. М., 1990. С. 29.
3. См.: Земля Иркутская, деревянная... М., 2004. Предисловие В.Г. Распутина.

1. Во власти истории: Евгений Шободоев : сборник статей и публикаций / сост. А.В. Шободоева. – Иркутск : Оттиск, 2009. – 340 с.
2. Братющенко Ю.В. Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его «Записки». Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская», 2008. 424 с. : ил.

весного церковного покаяния перед старообрядцами, авторы призывают к осуществлению хотя бы малого: к покаянию в архитектуре, к отказу от греха забвения.

В воскрешении образов древнерусского деревянного зодчества – осмысленном, глубинном, а не бездарно-подражательном – видится зримое единение Русской православной церкви с чарующей культурой Древней Руси, с незамутненными истоками отеческой веры-культуры.

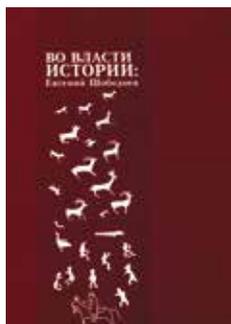
«По вере вашей да будет вам» (Мф. 9, 29).

Издание историко-просветительное: для широкого круга читателей, интересующихся русской историей и философско-литературной мыслью, а также для архитекторов, работающих как в области реставрации деревянных памятников, так и в современном строительстве.

Именно рассмотрение архитектуры как зримого среза русской истории делает книжную серию «Древнерусское деревянное зодчество» совершенно уникальным изданием, поэтическим и познавательным одновременно. Огромной неисчерпаемой любовью к России, глубоким пониманием корней ее культуры, искренней сердечной болью из-за их усыхания и – вместе с тем! – незыблемой верой в грядущее возрождение пронизаны все тома-издания серии книг «Древнерусское деревянное зодчество», написанных Александром Викторовичем и Еленой Александровной Ополовниковыми, отцом и дочерью, самоотверженными тружениками России.

Почитайте их книги, познайте смиренномудрую красоту Руси, наглядно отраженную в ее бревенчатом Иерусалиме.

«Во власти истории: Евгений Шободоев»

ТЕКСТ
АЛЕКСЕЙ ГАРАЩЕНКО

17 сентября 2008 года ушел из жизни талантливый историк, архивист, исследователь Сибири, общественный деятель, журналист Евгений Борисович Шободоев, не дожив чуть больше трех месяцев до своего пятидесятилетия.

Мы потеряли настоящего друга, настоящего ученого и хорошего человека.

Его не стало, когда готовился к печати очередной номер журнала «Земля Иркутская», одним из создателей которого, членом редакционного совета и постоянным автором он был. Ему читатели обязаны знакомством со многими статьями и публикациями в нашем журнале.

Лучше его никто не знал фонды Иркутского государственного архива, в котором он проработал более 20 лет. К нему всегда обращались за советом, за консультациями многие кандидаты и доктора исторических наук и просто исследователи, все, кто занимался историей Сибири, и никому он не отказал в помощи. Его разносторонним знаниям и эрудиции можно было только завидовать.

Евгений Борисович был великолепным популяризатором исторических знаний – десятки выступлений на радио и телевидении, в газетах. И материал он умел подать интересно, живо, весело. Такое дано не каждому – это, как говорится, от Бога. Да он и был историком от Бога, каких мало.

Он всегда был честным и прямым, никогда не ловчил. С ним можно было разойтись в убеждениях, но это были его искренние убеждения и честные мысли.

Осталось много задуманного и нереализованного. Евгений Борисович много времени посвятил исследованию деятельности Н.М. Ядринцева, его вкладу в отечественную науку вообще и в изучение сопредельных территорий зарубежной Азии в частности. Но его труд о Н.М. Ядринцеве так и не был написан.

Вышедшая недавно книга «Во власти истории: Евгений Шободоев: сборник статей и публикаций»¹ – это посмертный сборник научных трудов Евгения Борисовича. Его разделы отражают научные интересы автора, которые были разносторонними и многообразными. В сборнике представлены материалы по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока, архивному делу, а также малоизвестные страницы из жизни государственных и общественных деятелей, чьи судьбы были связаны с Иркутской губернией. Книга может быть интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Очень верно написала в своем предисловии к книге А. Шободоева: «Мы собрали книгу статей и публикаций Е.Б. Шободоева не только потому, что это наша дань его памяти. Женя ушел в историю – теперь уже навсегда. А Слово, оно ведь не только было вначале. Оно – то единственное, что остается после человека, когда его жизнь становится Историей».

Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его «Записки»

ТЕКСТ
АЛЕКСЕЙ ГАРАЩЕНКО

Немногие из генерал-губернаторов, управлявшие огромным Восточно-Сибирским краем, оставили для потомков эпистолярное наследие. Одним из тех, чьи мемуары мы можем сегодня прочитать, был Семен Богданович Броневский, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1834–1837 годах. Эти мемуары, названные автором «Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству», представляют собой автобиографию, которая еще в XIX веке готовилась к публикации, но так и не была опубликована. Эти «Записки» и легли в основу книги, написанной Ю.В. Братющенко², изданной ООО НПФ «Земля Иркутская» (генеральный директор А. Гаращенко) по решению издательского совета Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области.

Большую часть жизни С.Б. Броневский провел в Сибири, сначала в Западной, затем в Восточной, поэтому для сибиряков его воспоминания особенно интересны. Мы видим его с момента вступления на военную службу прапорщиком на Кавказе, затем атаманом казаков, первым началь-

ником Омской области, начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса, генерал-губернатором Восточной Сибири, первым хозяином бывшего Сибиряковского дворца в Иркутске, ставшего резиденцией восточносибирских генерал-губернаторов (позже т.н. «Белый дом») и, наконец, первоприсутствующим в правительствующем Сенате. «Записки» свидетельствуют о многих важнейших событиях, произошедших в России и Сибири в первой половине XIX века. В них содержатся яркие и увлекательные рассказы о местах службы, многочисленных сослуживцах, аудиенциях у императора Николая I, встречах с военными министрами и другими первыми лицами государства, о положении декабристов. Любопытны раздумья С.Б. Броневского по самым актуальным вопросам экономики и общественной жизни, в том числе о роли Сибирского линейного казачьего войска, о ссыльнокаторжных и поселенцах. «Записки» дополнены комментариями и архивными документами, впервые вводимыми в научный оборот.

Книга рассчитана на историков, ученых и краеведов, адресована всем, кому интересна история России и Сибири.

Коллекционер произведений живописи — издатель видовых открыток

К 160-летию со дня рождения Владимира Платоновича Сукачева

Издателем открытых писем с видами Иркутска и местностей Иркутской губернии был Владимир Платонович Сукачев (14.07.1849, Иркутск – 21.12.1919, Бахчисарай). Его имя хорошо известно иркутянам. Правда, известность Сукачеву принесла не его открыточная издательская деятельность и не издательская деятельность вообще. В 1990 году имя В.П. Сукачева было присвоено Иркутскому областному художественному музею (ИОХМ). Коллекция картин, которую Владимир Платонович целенаправленно собирал всю жизнь, выставленная им для всеобщего обозрения ещё в 1880-х годах в его иркутском доме, стала со временем основой Иркутского художественного музея.

Владимир Платонович Сукачев родился в семье действительного статского советника, чиновника Главного управления Восточной Сибири Platona Петровича Сукачева (1801–1878) и Аграфены Никаноровны Трапезниковой (1820–1850), принадлежавшей к старинной иркутской купеческой фамилии. В младенчестве он остался без матери. Отец сделал всё, чтобы дать единственному наследнику всестороннее образование. Владимир учился в Иркутской классической гимназии, которую окончил в 1867 году. Затем был успешно окончен курс естественного факультета Киевского университета Святого Владимира. Известно также, что он слушал лекции на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Здесь при университете Владимир впервые принял участие в работе общества «Сибирского землячества». В Петербурге он женился на уроженке города Новогеоргиевска Надежде Владимировне Долженковой-Любим.

В начале 1880-х Владимир Платонович вернулся в родной город. После смерти своего дяди, богатого купца И.Н. Трапезникова, Сукачев унаследовал капитал в 1,3 миллиона рублей. Этим богатством он мог теперь распоряжаться по своему усмотрению. В 1881–1882 годах семья Сукачевых по частям покупает большой участок земли с рошей на окраине Иркутска

(на углу Ланинской и 1-й Иерусалимской улиц, сегодня Декабрьских Событий и 1-я Советская) и строит там усадьбу. Их новый комплекс олицетворял собой синтез городской и сельской усадеб, организованный по принципу открытого типа, на территории размещалось множество построек разного назначения и большой парк. Здесь были возведены жилой дом семьи, двухэтажный крупный дом картинной галереи, там же помещались кабинет и библиотека хозяина, в каменной пристройке к дому располагались бильярдная и зимний сад. Кроме того, в усадьбе были устроены оранжерея, кухня, жильё для прислуги, амбары, конюшня, каретная, ледник и прочие службы. Здесь же в усадьбе, в специальном доме открылась бесплатная школа для девочек, опеку над которой взяла на себя жена Владимира Платоновича Н.В. Сукачева. Все эти здания и сооружения располагались в прекрасном парке, где было представлено множество разных пород деревьев, кустарников и полевых цветов. Сукачевы устроили здесь своего рода сибирский дендрарий. В воскресные и праздничные дни парк открывался для свободного посещения иркутян.

Вскоре по возвращении в родной город Владимир Платонович был избран гласным иркутской городской думы, а 6 марта 1886 года избран городским головой. Впервые в истории Иркутска городским головой стал не купец, а потомственный дворянин. С этого времени В.П. Сукачев – бессменный городской голова Иркутска в течение двенадцати лет. Это для Иркутска также стало беспрецедентным явлением. В течение всего времени служения городу он исполнял свои обязанности безвозмездно, отдавая положенное ему жалование на поддержку низкооплачиваемых служащих канцелярии городской управы.

Высокообразованный человек, интеллигент, Владимир Платонович понимал всю важность народного просвещения. Он заявлял: «... народное образование должно стоять во главе всех общественно-благотворительных потребностей»¹. И он жертвовал из личных средств на школы, училища, богадельни в Иркутске. Им были учреждены пять начальных школ, а также открыта двухклассная (вскоре ставшая четырехклассной) бесплатная школа для девочек при его усадьбе, он участвовал в пожертвованиях на техническое училище, приобрел и пожертвовал городу участок земли под училище Святого князя Владимира в Глазковском предместье Иркутска. Жертвовал значительные средства на строительство нового каменного городского театра, на развитие городского хозяйства и культуру

текст
Сергей Медведев

1. Известия Иркутской городской думы. 1892. № 19. С. 221.

Владимир Платонович
Сукачев. Фото 1890-х гг.

Главный дом в усадьбе
В.П. Сукачева.
Фото 1890-х гг.

Открытые письма, выпущенные В.П. Сукачевым: Иркутск. Судебные установления

Иркутский Вознесенский монастырь

Иркутскъ. Судебныя установленія.

Въ пользу Общ. восп. уч. въ Сиб. сибирякамъ.

Иркутскій Вознесенскій монастырь.

Въ пользу общ. восп. уч. въ Сиб. сибирякамъ.

2. Восточное обозрение. 1890. № 29.
3. Новости. 1890. 21 июня.

ные цели, устроил в центре городской сквер. По подсчетам его современников общая сумма сделанных им даров составила порядка 200 тысяч рублей.

С 1883 года Сукачев состоял членом, а в 1891 был избран председателем Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Он принимал энергичные меры для пополнения коллекций музея, поощрял исследования края, причём связанные с изучением не только Сибири, но и сопредельных районов. Жертвовал средства на научные экспедиции, в том числе, снарядил путешествие Г.Н. Потанина в Центральную Азию². Во время одной из поездок Сукачева в Санкт-Петербург петербургская газета опубликовала статью о нём, где говорилось: «В настоящее время в Петербурге находится городской голова Иркутска В.П. Сукачев, возвращавшийся в столицу Восточной Сибири из продолжительных путешествий по Западной Европе, предпринятых им для практического ознакомления с новейшими усовершенствованиями в области материальной культуры, которыми пользуются современные большие города. Городская архитектура и инженерная часть, водопроводы, освещение, мостовые и т.п. принадлежностью наиболее благоустроенных европейских городов служили предметом особого внимания г. Сукачева... Сукачев

происходит из дворян, он образованный человек, большой любитель наук и искусств. В учёных кружках он известен как щедрый жертвователь на научные предприятия...»³.

Много материальных затрат шло и на семью: на строительство и обустройство усадьбы, на лучшее образование детям (у супругов Сукачевых их было четверо – три сына и дочь), с годами жене и ему самому потребовалось лечение за границей. Капитал постепенно уменьшался, а реальным управлением своего имущества Владимир Платонович никогда не занимался. Это не могло не привести к финансовому краху. Многие заветные замыслы его рушились, и самое огорчительное – сорвалось строительство специального здания для картинной галереи, которую коллекционер мечтал подарить Иркутску.

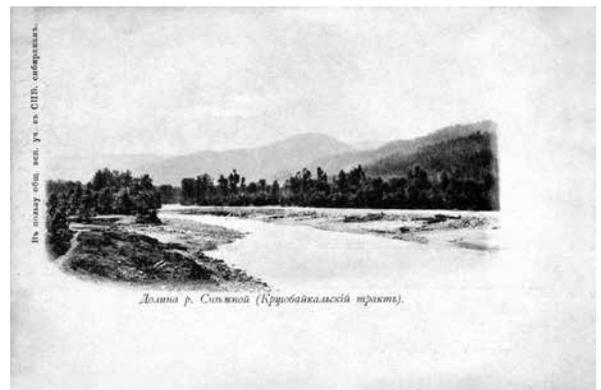
В 1898 году В.П. Сукачев с семьёй переселился в Петербург. Здесь он принял деятельное участие в работе общества «Сибирского землячества» при Петербургском университете. В землячество объединились студенты, съехавшиеся в столицу из разных мест огромной территории от Урала до Тихого океана. В основу деятельности землячества входила материальная помощь студентам-сибирякам бедных родителей и организация для них дешёвых столовых. Об участии Сукачева в работе землячества мы можем судить по тексту приветственного адреса к нему от студенчества девяти

Вид от станции Муравьево-Амурской на озере Байкал

Долина реки Снежной (Кругобайкальский тракт)

Видъ отъ ст. Муравьево-Амурской на оз. Байкал.

Долина р. Снежной (Кругобайкальскій трактъ).

крупнейших сибирских губерний: «Сибирское землячество... пользуется случаем выразить чувство глубокой благодарности за поддержку, которая, избавив нас от тяжёлой изнурительной борьбы за существование, дала возможность направить все свои силы на приобретение знаний, чтобы светочем их озарить беспросветные уголки нашей родной Сибири...»⁴.

Издательскую деятельность Сукачев начал ещё в Иркутске. Первым его капитальным изданием была книга «Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири». В последующие годы были изданы «Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии», «Каталог библиотеки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», «Первое столетие Иркутска» и другие. Выпуск печатных изданий о Сибири и широкое их распространение стало в этот период главным делом сибирского интеллигента. В 1905–1914 годах Сукачев выпускал журнал «Сибирские вопросы», первые два года он выходил ежегодными сборниками, с 1907 года журнал стал еженедельным. В предисловии к первому сборнику Владимир Платонович писал: «При отсутствии в Сибири организованной общественной силы, которая могла бы иметь направляющее значение, печать может сыграть теперь весьма важную и полезную роль... давно уже обнаружилась потребность в самостоятельном сибирском органе, который бы стоял вне пагубного влияния сибирской цензуры...»⁵ Журнал под-

нимал наиболее важные темы жизни Сибири, вопросы её освоения, публиковались острые корреспонденции, не пропущенные сибирской цензурой на местах.

Во время своих поездок в Западную Европу наблюдательный сибиряк впервые встретился с новшеством того времени – открытыми письмами. В Европе бланки открытых писем было разрешено издавать частным предпринимателям раньше, чем в России, поэтому там в переписке широко использовались иллюстрированные открытки (в России до 1894 издавались только государственные открытые письма, и они не были иллюстрированными). Семья Сукачева также пользовалась этим удобным способом общения, посылала в открытом виде весточки о себе в родной Иркутск. Вернувшись в Россию, Владимир Платонович на свои средства предпринял выпуск открытых писем с видами родных мест. Издание серии открыток было осуществлено в Петербурге в 1900 году. Для печати были подобраны фотографии, на которых были запечатлены виды прибайкальских и забайкальских посёлков, озера Байкал, станций Кругобайкальского тракта, вошли сюда и виды губернского города. Открытки были отпечатаны в фототипии А.И. Вильборга в Санкт-Петербурге. На иллюстрированной стороне открыток серии помещалась (в сокращённом виде) надпись «В пользу общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам». И, действительно, весь сбор от реализации поступал в распоряжение этого благотворительного общества, которое возглавлял в столице

4. Адрес студентов Петербургского университета, преподнесённый В.П. Сукачеву 8 октября 1902 года. Архив ИОХМ. № 1946.
5. Сибирские вопросы : периодический сборник. СПб., 1905. № 1. С. III.

М. Баранчик на Байкале.

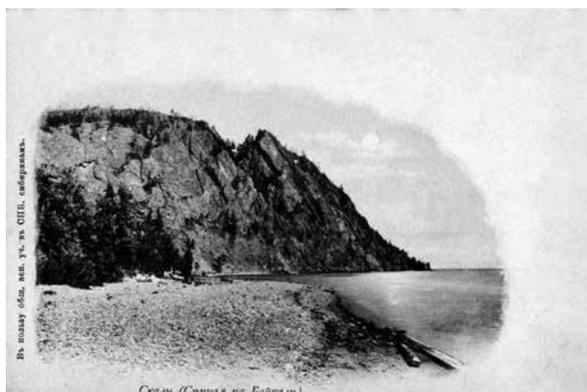
Малый Баранчик на Байкале.

Переправа через р. Снежную на Кругобайкальском тракте.

Село Листвяничное на Байкале.

Скалы (Сенная на Байкале).

Станция Большеглубоковская на Кругобайкальском тракте.

Малый Баранчик на Байкале

Малый Баранчик на Байкале

Переправа через реку Снежную на Кругобайкальском тракте

Село Листвяничное на Байкале

Скалы (Сенная на Байкале)

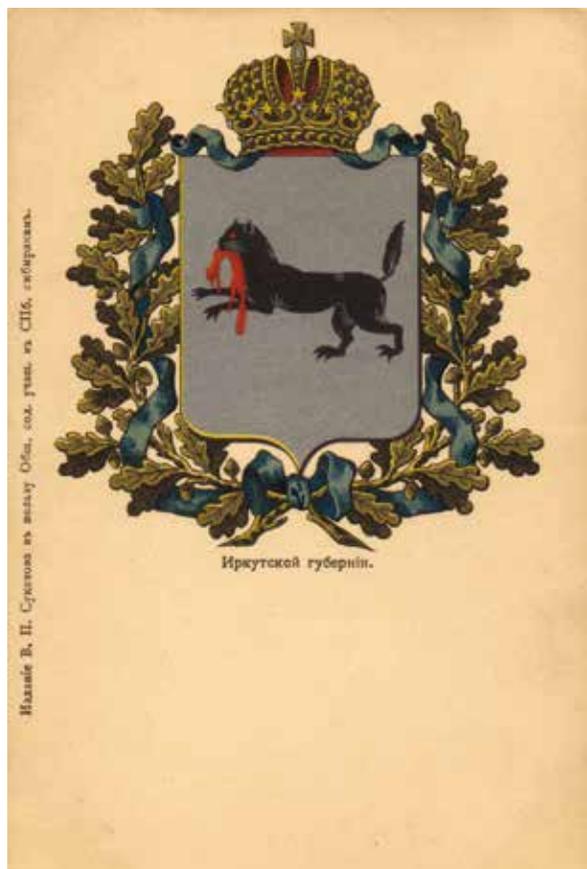
Станция Большеглубоковская на Кругобайкальском тракте

Каталог открытых писем (открыток) В.П. Сукачева с видами Байкала и Иркутска
Издатель: [В.П. Сукачев] «В пользу общ. всп. уч. в С.П.Б. сибирякам», С.-Петербург, 1900 г. Печать: «Фототипия А.И. Вильборг СПб.»
«Вид от ст. Муравьево-Амурской на оз. Байкал»
«Гора Песчанная на Байкале»
«Долина р. Снежной (Кругобайкальский тракт)»
«Иркутский Вознесенский монастырь»
«Иркутск. Судебные установления»
«Малый Баранчик на Байкале»
«М. Баранчик на Байкале»
«Переправа через р. Снежную на Кругобайкальском тракте»
«Село Листвяничное на Байкале»
«Скалы (Сенная на Байкале)»
«Станция Большеглубоковская на Кругобайкальском тракте»

Герб Иркутской губернии

Герб Тобольской губернии с поздравлением и автографом В.П. Сукачева

Оборот той же открытки с адресом, написанным рукой В.П. Сукачева

6. Там же. Страница объявлений.
7. Сибирские вопросы : периодический сборник. СПб., 1906. № 2. С. 331.
8. Фатьянов А.Д. Владимир Сукачев. Иркутск, 1990. С. 149, 150.

Открытки В.П. Сукачева встречаются довольно редко, поэтому, публикуя настоящий каталог, отдаю себе отчёт в том, что он, скорее всего, неполный. Если читатели дополнят его, буду им очень признателен.

Благодарю за содействие в работе заведующую музеем-усадьбой В.П. Сукачева, научного сотрудника Иркутского областного художественного музея Наталью Валерьевну Гончаренко

Владимир Платонович. Большая часть тиража отправилась в Иркутск, где довольно быстро разошлась. В объявлении об изданиях, предпринятых Сукачевым, говорилось: «Открытые письма с видами Байкала и Иркутска. Весь сбор с издания поступил в Общество содействия учащимся в С.-Петербурге сибирякам; издание распродано»⁶.

Авторство фотографий серии принадлежало самому В.П. Сукачеву, это подтверждается собственноручной подписью на большинстве открыток. Подпись на французском языке «W. Soukatschoff» нанесена на изображения иллюстрированной стороны открыток. Есть ещё одно доказательство фотографического авторства Сукачева: в архиве Иркутского областного художественного музея (ИОХМ) хранится альбом фотографий, подаренный иркутскому музею сыном издателя Владимиром Сукачевым, сопровождаемый его свидетельством о том, что автором всех фотографий в альбоме является его отец. А так как в серии открыток байкальской и иркутской тематики были репродуцированы

фотографии из этого альбома, можно сделать вывод, что он являлся автором всех фотографий этой серии.

В 1903 или 1904 году также с благотворительной целью Сукачевым была издана большая серия открыток с изображением гербов губерний и областей Российской империи. Многоцветное высококачественное издание было отпечатано способом литографии с включением серебряной и бронзовой красок, что придавало открыткам особенно нарядный вид. Открытки этой серии, на мой взгляд, можно отнести к наиболее эффектным и выигранным из всех изданных в начале XX столетия в России. В 1-м сборнике «Сибирских вопросов» в разделе объявлений читаем: «Открытые письма с гербами губерний Российской Империи (в красках). Весь сбор поступает в Общество содействия учащимся в С.-Петербурге сибирякам. Цена всех 84 писем 8 руб. 40 коп.: магазинам обычная скидка»⁷. На всех открытках на лицевой стороне присутствует надпись: «Издание В.П. Сукачова (фамилия издателя напечатана неточно. — С.М.) в пользу Общ. сод. учаш. в СПб. сибирякам». Все открытки серии оформлены одинаково, имеют вертикальное расположение, гербы губерний и областей изображены в щитах, обрамлённых венками из дубовых листьев.

В моей коллекции среди открыток, изданных В.П. Сукачевым, есть одно изображение ([герб] Тобольской губернии) с автографом самого издателя — Владимира Платоновича Сукачева. Открытка адресована учительнице бесплатной школы для девочек имени Н.В. Сукачевой. На адресной стороне читаем: «Иркутск. Ев Евгении Фёдоровне Коршуновой. Первая Иерусалимская, Бесплатная школа Н.В. Сукачевой». На иллюстрированной стороне отправителем от руки написано: «Поздравляю с Новым годом. Искренно желаю всего наилучшего. Преданный Владимир Сукачев 1/1/16».

Владимир Платонович до начала Гражданской войны жил в Петербурге, периодически бывал в Иркутске, там он оставался почётным мировым судьёй, попечителем мужской гимназии, членом ВСОИРГО. Ещё в 1898 году городская дума присвоила В.П. Сукачеву звание Почётного гражданина города Иркутска. Последние годы он провёл в Крыму, в Бахчисарае, где и умер⁸.

БАМ на миниатюре

К 35-летию начала строительства третьего этапа «второго Транссиба»

текст
Сергей Коробов

Почтовые карточки, марки
и конверты, памятные знаки
– из коллекции автора

Почтовая карточка
«Великий Сибирский путь».
Издательство в пользу
общины св. Евгении, 1904 г.

Бывают исторические события, сплачивающие народные массы и концентрирующие их духовные, физические созидательные силы для воплощения грандиозных задач. Таким событием в прошлом, XX столетии в СССР стала стройка Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Ее прокладка по необозримым сибирским и дальневосточным даям виделась многим не только как средство извлечения прибыли, но и как способ стянуть крепче еще одной стальной нитью в единое целое великую страну.

В нашем обществе давно стало традицией отмечать коллективные успехи, юбилеи, значимые события и свершения выпусками памятных миниатюр – медалей, орденов, значков, государственных знаков почтовой оплаты (конверты, марки, открытки, штемпеля), что является, помимо прочего, способом хранения памяти и концентрирует информацию в миниатюрном образе о конкретном историческом событии.

В публикуемом настоящем цикле статей, посвященных 35-летию БАМа, представлены те самые миниатюры, которые были в обиходе на БАМе в разное время его строительства. Автор предлагает увидеть БАМ через призму таких миниатюр... Первая статья о том, как зарождалась идея строительства магистрали, об изыскательных и проектных организациях.

К 1904 году, после сооружения одноколейной Кругобайкальской железной дороги, Российская империя была соединена магистралью по всей длине от Гельсингфорса – через Санкт-Петербург, Вологду, Ярославль, Симбирск, Уфу, Златоуст, Екатеринбург, Челябинск, Омск, Томск, Иркутск, Читу, Хабаровск – до Владивостока. По завершении Русско-японской войны к этой трассе присоединилась и Китайско-Восточная железная дорога, построенная через Маньчжурию.

1917-й, октябрьский переворот в России. Маньжурия опять вошла в состав Китая, и стало ясно: Дальний Восток находится в уязвимом положении. Дело в том, что идущий вдоль границы с Китаем железнодорожный путь

мог быть перерезан крайне малыми силами (до одного полка). На китайском берегу реки Амур на тот момент располагалась весьма серьезная группировка Японской армии. Чтобы защитить рубежи молодого Советского государства, было принято решение – по глухой тайге, на большом удалении от границы провести еще одну железнодорожную трассу на Дальний Восток. Так родилась реальная идея жизненно необходимой магистрали, названной позже Байкало-Амурской.

Планы о необходимости такой трассы будоражили умы еще в первой половине XIX века. Привлекала всё та же стратегическая важность – путь должен пройти в стороне от китайской границы и стать короче Транссиба. Первые геологические и географические карты района будущего БАМа были составлены в 1789–1790 годах Д. Лебедевым и М. Ивановым. С 1888-го севернее озера Байкал начинаются (с перерывами) изыскательские работы. В период 1904–1917 годов инженерами В. Половниковым и Э. Михайловским была выполнена достаточно полная изыскания района северной магистрали.

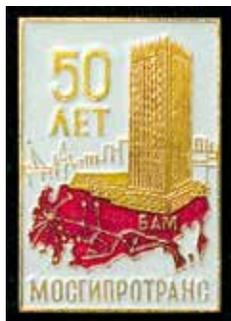
20-е годы XX века – интерес ко «второму Транссибу» возник вновь. В 1924 году Совет труда и обороны СССР (СТО СССР) утверждает перспективный план развития железных дорог страны, в котором есть уже первые намётки новой трассы (в основном на базе изысканий 1888–1917 годов). Уже во второй половине 20-х годов появляется немало смелых проектов – Тайшет – Аян, Тайшет – Охотск, вариант трассы до Магадана.

В 1930 году Далькрайком ВКП (б) СССР направляет в ЦК ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров СССР предложение о начале работ по проектированию и строительству Байкало-Амурской магистрали – именно с этого документа надо начинать отсчет истории реального БАМа. В феврале 1930-го под руководством В.К. Арсеньева были отправлены четыре экспедиции по обследованию таежных районов зоны БАМа. В феврале 1932-го была создана Восточно-Сибирская экспедиция технических изысканий

Знак «200 лет первой в
России геологической карте
1789–1790 гг., Д. Лебедев,
М. Иванов, 1989 г.

Знак «Лучшему ударнику
Байкало-Амурской
магистрали», 1934 г.

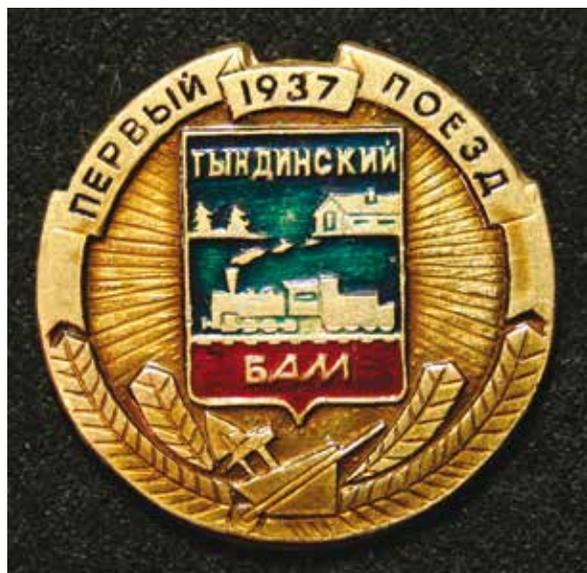
Знак «50 лет институту «Сибгипротранс», 1986 г.

Знак «50 лет институту «Мосгипротранс», 1981 г.

Знак «Тындинский. 1937 г. Первый поезд», 1985 г.

Знак «АН СССР институт земной коры», 1969 г.

Знак «50 лет институту «Томгипротранс». 1935-1985», 1985 г.

железных дорог (Востизжилдор). А уже в апреле 1932 года в Москве был утверждён проект головного участка новой магистрали между станциями БАМ и Тынденской. Станция БАМ также дала название поселку. Именно здесь смыкались трассы БАМа и Транссиба. А с 1933 года начинается проектирование и одновременно строительство магистрали от Тайшета до Советской Гавани. Сооружение отдельных участков по всей линии БАМа началось от Тынды – на восток, от Комсомольска – в обе стороны, от Советской Гавани к Дуссе-Алиньскому хребту.

Первоначально сооружение БАМа и вторых путей Транссиба было в руках треста «Дальстрой» (Управления строительства Байкало-Амурской магистрали Народного Комиссариата путей сообщения (УС БАМ НКПС)), не имевшего ни опыта работы таких масштабов, ни необходимых денежных средств, и в 1932 году строительство было передано в ОГПУ (НКВД), которое создает специальное Управление ОГПУ (НКВД) на БАМе. В 1932 году для привлечения дешёвой рабочей силы организовывается печально известный Бамлаг, который в оперативном управлении подчинялся непосредственно ГУЛАгу НКВД. Управление БамЛага располагалось в городе с названием (по злой иронии) Свободный Дальневосточного края (ныне Амурская область). Начальником БамЛага назначается Н.А. Френкель, ранее возглавлявший строительство Беломорканала.

Во второй половине 1933 года около 40 партий и отрядов проводили различные изыскательные работы по будущей трассе. 17 августа 1933 ЦКВП (б) и СНК СССР приняли постановление о сооружении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали по направлению Тайшет – Лена – Тында – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань. При НКПС создается специальная организация – «БАМтранспроект», приступившая к проектированию

Знак «50 лет институту «Дальгипротранс». 1936-1986», 1986 г.

участков Тайшет – Усть-Кут – Тында и Тында – Советская Гавань. При другом институте – «Союзтранспроект» НКПС – организована Центральная экспедиция наземной и воздушной съёмки, её возглавил В.К. Иванс, главным инженером назначен видный железнодорожник И.Г. Белов.

В январе 1934 года Президиум ЦИК утвердил Положение о введении значка «Лучшему ударнику Байкало-Амурской магистрали». Знак выдавался заключенным, строившим БАМ, за высокую производительность труда, отличное качество работы и участие в общественной жизни. Награждённый пользовался некоторыми льготами, важными в условиях заключения: внеочередные свидания, неограниченная отправка и получение писем и посылок, улучшение бытовых и жилищных условий, получение дополнительного, «ларьковского» довольствия, правом пойти на курсы по приобретению специальности.

4 ноября 1937 – открыто движение поездов на участке БАМ – Тындинская (178 км), прозванный «Сталинкой». В этом же году ЦК ВКП (б) принимает решение о начале строительства БАМа по указанной генеральной трассе. Тогда же в Иркутске организо-

вывается проектный институт «БАМпроектстрой» (в 1939 году переименован в БАМпроект, затем в Желдорпроект), начальником назначен Фёдор Алексеевич Гвоздевский. В этом институте в 1937–1942 годах составлялись проектные задания и технические проекты по участкам: Тайшет – Братск, Усть-Кут – Нижнеангарск, Тында – Зeya – Нора, Ургал – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань (порт Ванино). К изысканиям привлечено более 8,5 тысяч человек, две тысячи инженеров и техников, создана хорошая производственно-техническая база; применен метод аэрофотосъёмки труднодоступных участков. Итак, определено направление трассы БАМ с основными опорными пунктами: Тайшет, север Байкала, Тындинский, Ургал, Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань.

Начало Великой Отечественной войны внесло коррективы и в темпы стройки, и в направления. В 1942 году принято решение демонтировать верхнее строение пути участков дороги БАМ – Тындинская и Ургал – Известковая. Рельсы были переданы на строительство Волжской железной дороги – трассы Сталинград – Саратов – Сызрань – Ульяновск (Волжская рокада), сыгравшей огромную роль в победоносном завершении битвы на Волге. Часть рельсов стала основой для изготовления противотанковых ежей.

В мае 1943 года Государственный комитет обороны СССР принимает постановление о начале работ по сооружению участков магистрали: Тайшет – Братск и от Комсомольска до Советской Гавани. В этот период помимо гражданских организаций, строительство трассы продолжали заключенные БамЛага, ТайшетЛага и ОзерЛага, а также японские военнопленные. В результате 19 июля 1945 года по трассе Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань прошёл первый поезд.

3 ноября 1945 в Пентагон поступил доклад № 329 по выбору 20 наиболее важных целей на территории страны Советов. В списке городов был обозначен и Иркутск. Позже появился уже детальный план нападения – «Троян». Начало боевых действий было назначено на 1 января 1950, затем срок нападения был перенесен на 1 января 1957, причем в войну с СССР должны были вступить все страны НАТО. По разным причинам начало третьей мировой войны было предотвращено, но наступил этап гонки вооружений и Холодной войны. Тем не менее план «Троян» никто не отменял, и Советский Союз планомерно готовился к возможному нападению. Именно поэтому в 50-е годы были проложены новые ветки Транссиба, а в 70-е все силы страны были брошены на строительство БАМа.

Решением правительства СССР от 3 марта 1946 года решено завершить линию Комсомольск – Советская Гавань, восстановление линий Ургал – Известковая, Хальгасо – Горин, Ургал – Чегдомын, Ургал – Дуссе-Алинь, строительство участка Горин – Ургал – Дуссе-Алиньский туннель. С этой целью были созданы три строительных управления: Буреинское (центр ст. Тирма), Амгуньское (ст. Хурмули), Сов.-Гаванское (ст. Мули). 7 ноября 1947 года по одному пути из Тайшета в Братск прошёл первый поезд.

К 1951 году магистраль уже дошла до Усть-Кута (ст. Лена). Этот участок резко ускорил сооружение Братской ГЭС. Также благодаря этому участку на карте СССР в зоне БАМа появляются новые промышленные центры: Братск и Усть-Илимск. Окончательно в промышленную эксплуатацию участок Тайшет – Лена был введен к 1958 году, в период с 1968–1975 года он был электрифицирован.

В 1962 году Институт земной коры Сибирского отделения АН СССР начал планомерные сейсмологические исследования по трассе БАМа. В 1967-м различными институтами АН СССР по всей трассе БАМа возобновляются широкомасштабные проектно-изыскательские работы. Изыскания и выпуск технических проектов осуществлялись структурными подразделениями института Главтранспроекта: Томгипротранс (Томск) – второй путь Тайшет – Лена (720 км), Усть-Кут – Байкальский тоннель (290 км). Сибгипротранс (Новосибирск) – Байкальский тоннель – Чара (711 км). Ленгипротранс (Ленинград) – Чара –Тында (630 км). Мосгипротранс (Москва) – Тында – Ургал (967 км), Бамовская – Тында (178 км), Тында – Беркакит (220 км). Дальгипротранс (Хабаровск) – Ургал–Комсомольск (503 км). Днепрогипротранс (Днепропетровск) – вторые пути Тайшет – Лена (720 км).

Генеральной проектной организацией по всей магистрали был определён институт Мосгипротранс. Изыскания и проектирование наиболее сложных объектов выпол-

Медаль «БАМ – могучий ускоритель преобразований огромных необжитых территорий», 1984 г.

Художественный маркированный конверт № 11574 07.09.1976 – «Посёлок Звёздный», худ. И.Пчёлко. Штемпель клуба постройки СМП 266; Марка СССР № 4517 10.1975 «БАМ. Путьеукладчик», худ. Е. Анискин

Марка СССР № 5156 18.02.1981 «БАМ вступает в строй!», худ. Ю. Левиновский

Билет почётному пассажиру первого поезда «Лена–Комсомольск-на-Амуре». 27 октября 1984 г.

Знак «50 лет институту «Днепрогипротранс», 1986 г.

Знак «10 лет ЦНИИС ТМС БАМ», 1984 г.

Знак «Институт «Гипротрансмост» основан в 1937 году», 2007 г.

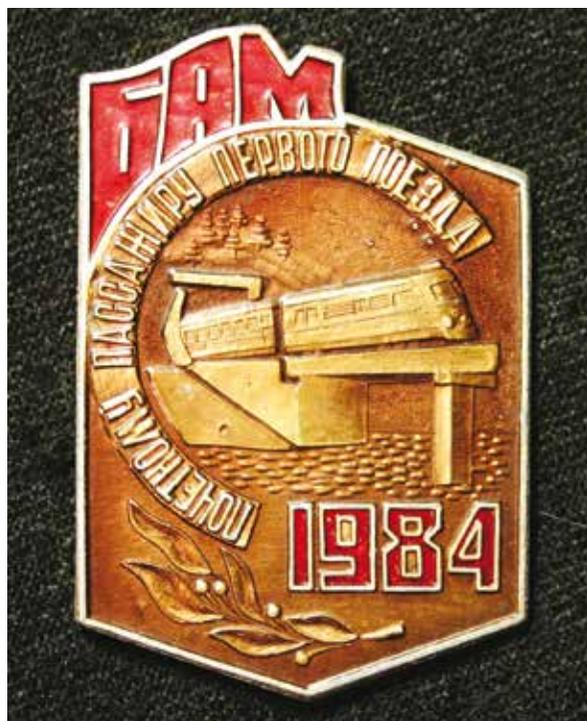
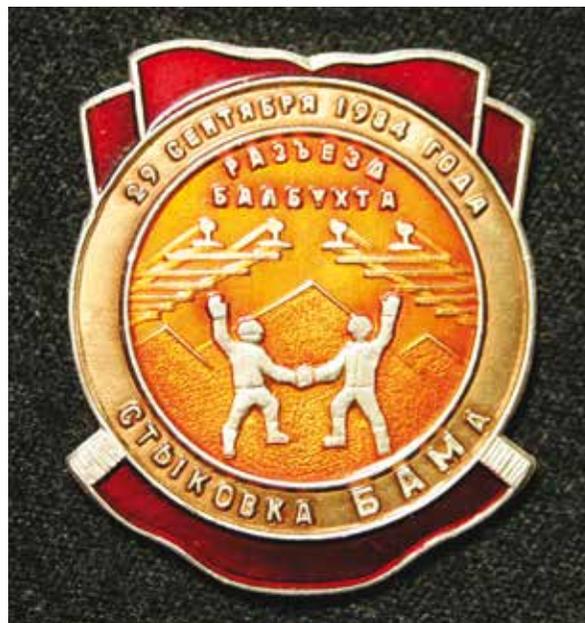
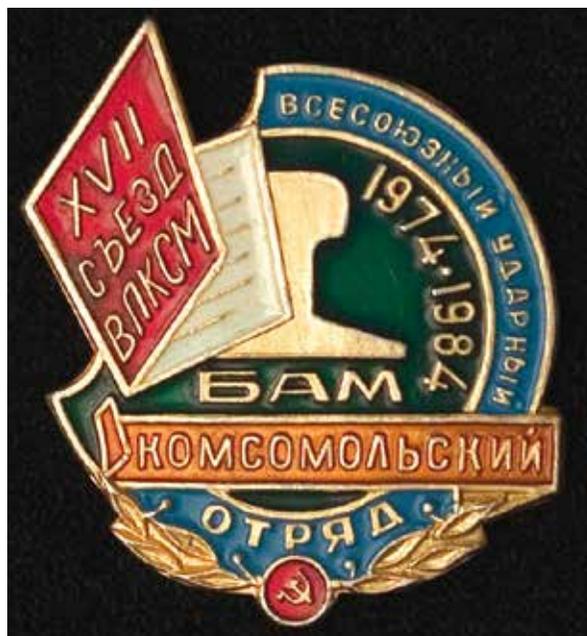
Знак «XVII съезд ВЛКСМ. Всесоюзный ударный комсомольский отряд. 1974-1984. БАМ», 1984 г.

Знак «29 сентября 1984 года разъезд Балбухта. Стыковка БАМа», 1984 г.

Знак «1974–1989 открыта эксплуатация магистрали БАМ», 1989 г.

Медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали», 1976 г.

Знак «Почётному пассажиру первого поезда. БАМ. 1984», 1984 г.

сооружения, более чем по одному на 1 километр трассы. Ввиду маломощности и недостаточности существующей транспортной сети обоснована целесообразность опережающего строительства притрассовой дороги – впервые проектировалась дорога V категории (по СНиП II-Д.5-72) при ширине проезжей части шесть метров и ширине земляного полотна восемь метров. Схема административного деления БАМа предполагала создание четырех новых отделений дорог с отнесением их к ВСЖД, ЗЖД (два отделения) и ДВЖД. Производственный штат на один километр пути определен 7,7 человек. Обеспеченность штата жильем принята 100%. Продолжительность строительства магистрали – 11 лет. Основные опорные пункты – Усть-Кут, Нижнеангарск, Тындинский, Ургал, Комсомольск-на-Амуре. Сметная стоимость всей магистрали – 12,27 млрд. рублей.

В 1972 году начинается новая история БАМа – так называемый «Новый БАМ». Теперь он тянется от станции БАМ через Тынду. 8 августа 1974 принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» – первое о современной Байкало-Амурской магистрали и третье вообще (из центральных директив). Именно эта дата вошла в историю, как начало третьего этапа окончательного возведения северной трассы. Её мы и празднуем... До этого, 15 марта, генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев на выступлении в Алма-Ата назвал БАМ «важнейшей стройкой IX пятилетки». Во исполнение «решения партии и правительства» 26 апреля 1974 был создан «всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVII съезда ВЛКСМ» – первый из подобных.

27 июля 1974 в газете «Правда» вышла статья «От Байкала до Амура» – первая передовая по БАМу. Началась активная пропагандистская компания новой «Великой Стройки века». Именно тогда БАМ стал «ударной молодежной стройкой». Но только 29 сентября 1984 года в 10:05 по московскому времени было торжественно уложено «золотое звено» на месте будущего разъезда Балбухта – и трасса стала единой.

27 октября 1984 года открыто сквозное движение от Советской Гавани в сторону Москвы – по трассе прошёл первый поезд с почётными пассажирами. Но сдача магистрали в эксплуатацию осуществлялась лишь в 1989 году.

Итак, по прошествии более чем ста лет после ввода в эксплуатацию первой Великой Сибирской железнодорожной магистрали Великий «второй Транссиб» – Байкало-Амурская магистраль – встал в строй...

няли специализированные институты Главтранспроекта: Ленметропроект, Гипротрансмост, Ленгипротрансмост, Армгипротранс, Киевгипротранс, Уралгипротранс. Проекты объектов стройиндустрии разрабатывались институтом Гипропромтрасстрой. Всего было задействовано более 150 научно-исследовательских, изыскательных и проектных организаций, во главе которых стояли известные учёные Д.И. Фёдоров, А.Г. Агангбян, К.С. Силян, К.П. Большаков, А.А. Цернант, Г.С. Переселенков, В.Е. Меркин, А.П. Чуев, А.А. Орёл, Г.Д. Хасхачих, А.С. Потапов, Г.П. Минайлов...

Разработка идеологии научно-технического прогресса была возложена на Центральный научно-исследовательский институт транспортного строительства (ЦНИИС) с его Новосибирским филиалом – СибЦНИИСом. Были разработаны «Нормы проектирования БАМ», а именно:

Магистраль проектируется однопутной под тепловозную тягу с учётом сооружения в дальнейшем второго пути и ее электрификации. Под железнодорожную нагрузку (С14) запроектировано 3 194 искусственных

Полоса отчуждения

7 апреля 2008 года в Доме Рогала, выставочном филиале Музея истории города Иркутска, состоялась открытие очередной персональной выставки иркутского фотографа Игоря Бержинского. Главной темой мастера светописи на протяжении многих лет является заповедная Кругобайкальская железная дорога. Автором специально для журнала выбраны фотоработы с выставки – следующие два разворота.

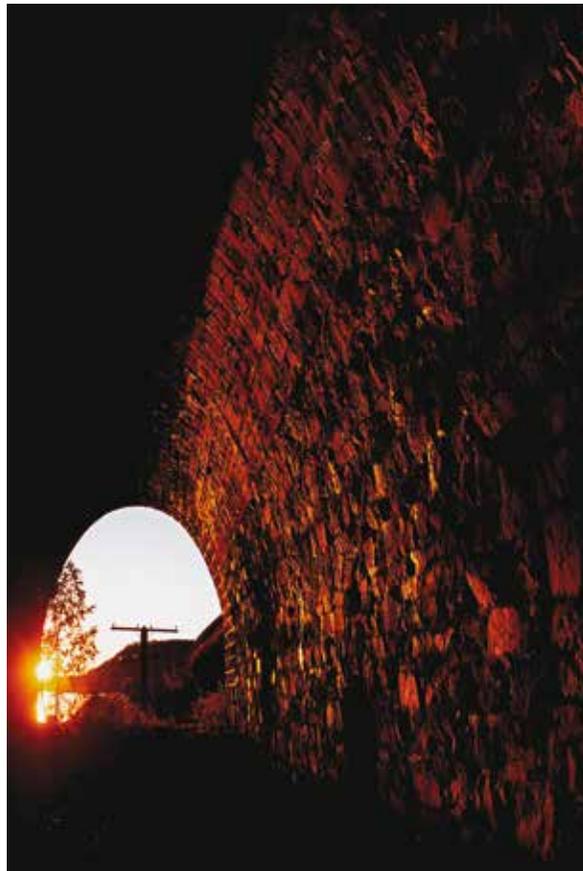
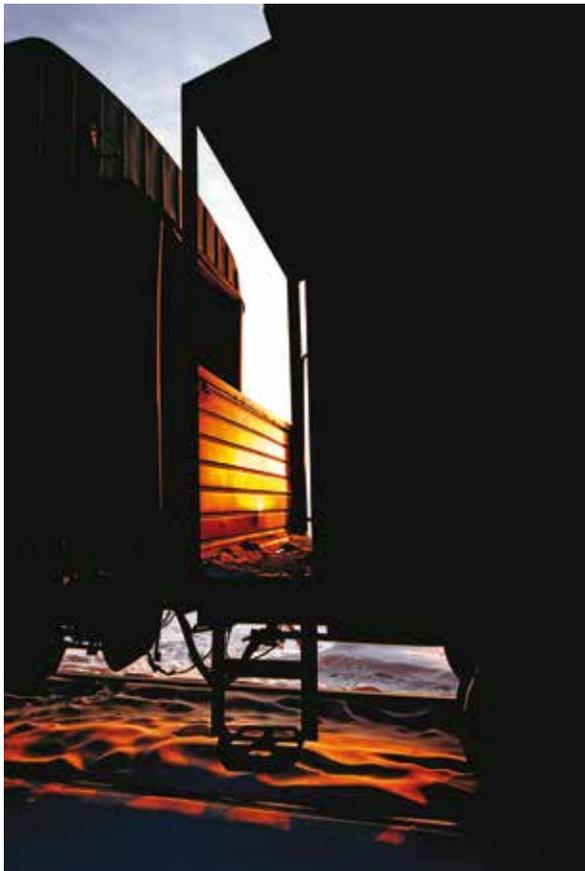
Игорь Юрьевич коротко о себе и о выставке
В моей кругобайкальской биографии начались юбилеи. Впервые на Старой дороге я оказался пятнадцать лет тому назад, в апреле 1994 года.

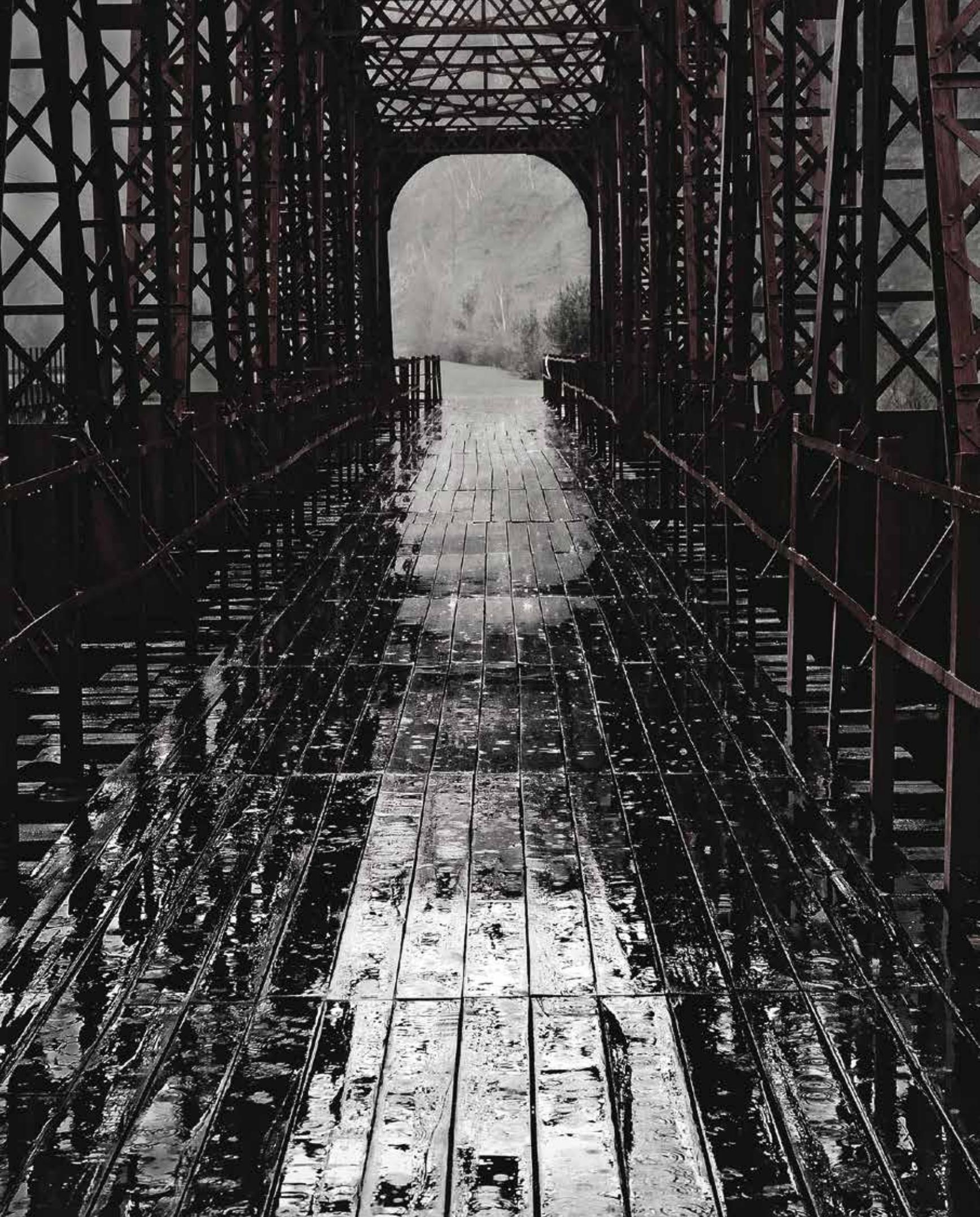
Это не первая из моих выставок, посвященных данной теме. Собственно, для себя я уже давно ничего другого не снимаю. Я не стал менять название выставки, поскольку в моих взаимоотношениях с Кругобайкальской дорогой также ничего не изменилось.

Это не обзор ее достопримечательностей и не информация для туристов. Это – мои личные впечатления. Под фотографиями в очередной раз не было названий. Конечно, у меня есть для них имена, но, как говорится, «для служебного пользования». Мне не единожды доводилось видеть, как в результате долгих умствований были убиты в принципе неплохие работы. С другой стороны, если фотография никакая, то названием ее не спасти. И наконец, любая подпись под снимком – попытка автора, невольная либо осознанная, куда-то направить взгляд зрителя. Я этого делать не хочу.

текст
Игорь Бержинский

Summary

Page 26

Architects' energy versus global crises

The Council of the International Union of Architects, meeting in San José (Costa Rica) on 15 – 16 February 2009, adopted the following theme for the 2009 World Day of Architecture: Architects' Energy versus Global Crises.

By vocation and through the nature of the profession, architects are called upon to carry out a holistic mission based on their technical, cultural, economic, and social qualifications. The architect must make individual, communal and collective decisions in these areas at every step: from design to execution, maintenance, and recycling. The accomplishment and success of an architectural realisation depends upon the energy the architect breathes into each of these stages and relations with his/her partners. No matter the scale or nature of the project, the architect is the motor that drives this complex machinery.

Each new project sets up new hypotheses: new client, new site, new climatic conditions, new programme, new budget, new users. Developing pertinent solutions to entirely new situations is the daily task of the professional architect. Today, the world is experiencing unprecedented and simultaneous crises: environmental, climatic, financial and social, which force us to urgently reconsider a number of parameters in each sector and to find innovative answers. This is an opportunity for architects to show their aptitude to lead the struggle, using the crises as a springboard for developing new technical, environmental, social, economic and aesthetic solutions. To celebrate the 2009 World Day of Architecture, all UIA Member Sections are invited to present local and national projects that demonstrate the energy architects are expending to alleviate the planetary crises, and the architectural and urban solutions they have developed. The WDA is traditionally organised on the first Monday of October each year which is 5th October in 2009.

So that each Section can commemorate the theme according to its own calendar of architectural manifestations, the UIA Council suggested that this theme could be used throughout the year for architectural celebrations organised by the Member Sections.

www.uia-architectes.org

Page 26

European real estate investment award

Union Investment Real Estate AG, one of Europe's biggest investment companies, organises an Award recognizing exemplary real estate projects in Europe that combine sustainable development with commercial success while at the same time fulfilling society's needs. The projects presented were required to make a important contribution to the quality of urban life, of the environment and of the site. 90 realisations in 12 European countries were submitted to the jury for this award that received the support of the International Union of Architects.

The first prize was awarded to Meydan Commercial Square in Istanbul realised by METRO Group Asset Management, a 70 000 m² facility designed by Foreign Office Architects FOA (London – Barcelona).

The second prize went to Alision scientific and cultural centre in Sønderborg, Denmark grouping on 34 000 m² a university, a public concert hall and a private technology park. This ensemble is a joint initiative between Sønderborg Kommune, Forskerparken Syd A/S and Fonden Koncertsalen Alision. The ensemble was designed by 3XN Architects (Denmark).

The 'Westend Duo' complex in Frankfurt, realized by Investors ING Insurance and Hochtief Projektentwicklung, received the third prize. The complex was designed by KSP Engel und Zimmermann Architekten (Germany).

The jury awarded a special prize to the Seewürfel complex in Zurich, designed by Camenzind Evolution architects (Switzerland) and promoted by investor Swiss Life.

Laszlo Szeker, represented the UIA on the jury composed notably of architects Joan Busquets, Werner Sobek, Jörn Walter and Irene Wiese von Ofen, former president of the International Federation for Housing and Planning (IFHP).

www.prime-property-award.com

Page 61

The Time for Heroes and the Ground-hog Time

To what extent a society is civilized is measured by its attitude towards children and the aged, towards the past and the future. The city authorities' attitude towards history of their city is their attitude towards the future of the city. Both glorification of unworthy persons and contempt for the previous generations cause a reproduction of depressive "Ground-hog Times". A cheerless and dreary stagnation comes to those who draw energy out of the past and live on selling it. An honest and respectful attitude towards history is a required element of social health in the present and the future. Such is an applied role of history in the common system of human knowledge.

Without thinking of the past, without remembering it, people live in the time of stagnation lacking historical events. Wise men and heroes no longer return to earth. Only indistinguishable nights and days alternate dispiritly. It suffices to believe that we owe nothing to the past, that we need no history, and that the cultural heritage is just a raw stuff to be processed into today's wastes, for the time to cease its progressive run and start dragging round. A straightened time, marching in beat of great events, the time for heroes – shall we deserve it?

Konstantin Lidin

Page 136

Below is published Barbara Engel's article in its original German language

Lebendige geschichte – urbane stadtlanschaft
Dresden – planungsleitbild innenstadt 2008

Zukunftsaufgabe Innenstadt

Das Profil der Landeshauptstadt Dresden hat seit Beginn der 90er Jahre enorm an Strahlungskraft hinzugewonnen. Insbesondere der Wiederaufbau der Frauenkirche und die begonnene Rekonstruktion des Neumarktes haben die Aufmerksamkeit der Weltöffentlichkeit auf die Stadt und deren Innenstadtentwicklung gerichtet. Das Elbflorenz ist als Kultur- und Tourismusmetropole berühmt; als bedeutender Wirtschafts- und Forschungsstandort hat Dresden seit der Wiedervereinigung einen dynamischen Aufschwung genommen.

Die heutige Situation der Stadt erfordert ein Prüfen der bestehenden Entwicklungskonzepte und Neubestimmen der Ziele, der räumlichen Schwerpunkte und Strategien. Als Grundlage für die künftige Stadtplanung sind wesentliche Faktoren zu berücksichtigen wie Wirtschaftsprognosen, demographische Erwartungen oder die Finanzausstattung öffentlicher und privater Haushalte. Hinzu kommen globale Themen wie etwa der verantwortliche Umgang mit Ressourcen sowie lokale Fragestellungen wie das Stadtklima

Die historische Altstadt, der Elbbogen sowie die Dresdner Neustadt in der Vogelschau

oder die Mobilität in der Stadt. Damit stellt sich das fortzuschreibende Planungsleitbild für die Dresdner Innenstadt auch den Zielen der „Leipzig Charta zur nachhaltigen Europäischen Stadt“, die von den für die Stadtentwicklung zuständigen Ministerinnen und Ministern der Mitgliedsstaaten der Europäischen Union im Frühjahr 2007 verfasst worden sind.

Die Entwicklung der Innenstadt hat Priorität - Dresden stellt mit aktualisiertem Planungsleitbild die Weichen für die Zukunft. Vor dem Hintergrund solcher gesamtstädtischer Themen sowie allgemeiner gesellschaftlicher Trends erscheint es aus heutiger Sicht notwendig, der Innenstadt und ihren Verflechtungsräumen Priorität einzuräumen und sie – mehr noch als in der Vergangenheit – als Motor der gesamtstädtischen und regionalen Entwicklung zu begreifen. Das Planungsleitbild sichert die in der Konkurrenz der europäischen Metropolen unabhängigen Alleinstellungsmerkmale Dresdens, ihre stadt-räumlichen und landschaftlichen Qualitäten.

Das Planungsleitbild 2008 für die Dresdner Innenstadt bekräftigt den stadtebaulichen Anspruch, weiter an einem urbanen Dresden zu arbeiten und Strategien aufzuzeigen, wie dies mit dem zu erwartenden Bauvolumen und einem erhöhten Freiraumanteil gelingen kann. Die Entwicklung der Dresdner Innenstadt ist eine Aufgabe mit einem langfristigen Realisierungszeitraum. Auch nachfolgenden Generationen muss Raum für eigene, neue Perspektiven und Ideen vorbehalten bleiben.

Stadtplanung als diskursiver Prozess

Das Planungsleitbild wurde in einem zweijährigen interdisziplinären Diskussionsprozess mit Fachleuten aus unterschiedlichen Bereichen, der Stadtverwaltung und der Politik erarbeitet. Mit dem großen Auftaktsymposium im Oktober 2006 wurde der Dialog im Jahr des 800. Jubiläums der Stadt angestoßen. Es folgten zahlreiche Gesprächs- und Abstimmungsrunden, in denen engagiert diskutiert wurde, in welche Richtung sich die Dresdner Innenstadt entwickeln soll. Über wichtige Fragen und inhaltliche Weichenstellungen konnte frühzeitig ein Konsens hergestellt werden. Im Rahmen so genannter Werkstattgespräche diskutierten immer wieder Dresdner Experten und bundesweit renommierte Fachleute. Im Sommer 2007 konnte der erste Entwurf des neuen

Planungsleitbildes den Dresdner Bürgern in Ausstellungen und auf Informationsveranstaltungen vorgestellt werden. Nach einem neuerlichen intensiven Abstimmungs- und Überarbeitungsprozess wurde das Planungsleitbild Innenstadt schließlich im Juli 2008 vom Stadtrat der Landeshauptstadt Dresden einstimmig beschlossen.

Gemeinsame Zielformulierungen – Acht Leitthesen zur Stadtentwicklung

1. Innen- vor Außenentwicklung

Die weitere bauliche Vervollständigung der fragmentierten Innenstadt wird nur gelingen, wenn die Innen- gegenüber der Außenentwicklung absoluten Vorrang erhält. Hierfür sind klare Weichenstellungen bei Neuansiedlungen von innenstadtrelevanten und insbesondere auch oberzentralen Angeboten und Nutzungen erforderlich. Zukünftige Flächenbedarfe sind, soweit sie sich maßstäblich in die Innenstadt einfügen lassen, in der Innenstadt und ihren Verflechtungsräumen zu befriedigen. Im Rahmen eines systematischen Flächenmanagements ist zu gewährleisten, dass die Maßnahmen einen optimalen Beitrag zur Vervollständigung des Stadtraums leisten.

2. Vielfältige Nutzungsmischung in der Stadt der kurzen Wege

Zu einer nachhaltigen Siedlungsentwicklung und einer lebendigen Innenstadt gehört eine möglichst kleinteilige Funktionsmischung in einer diversifizierten und kompakten Stadtstruktur. Die Vorzüge dieses Konzepts liegen auf der Hand: Bewohnern und Besuchern bietet sich eine vitale Innenstadt mit Atmosphäre und Ausstrahlung. Handel, Dienstleister und Kulturbetriebe profitieren von Synergien und Kopplungseffekten. Der Betrieb öffentlicher wie privater Infrastrukturen lässt sich effizient und wirtschaftlich gestalten. Außerdem erhöhen belebte Stadträume das Sicherheitsgefühl. Nahe und Erreichbarkeit unterschiedlichster Nutzungen sichern ein hohes Versorgungsniveau, sie sparen Wege und verhindern Verkehr bereits im Ansatz.

3. Urbanes Stadtzentrum und hochwertige Grünräume

Die intensive Durchdringung von Stadt und Landschaft sowie das Elbpanorama mit seinen kulturhistorisch herausragenden Bauwerken sind Dresdens größtes Kapital. Die Bewahrung des einzigartigen Zusammenspiels der Elbauen mit der Alt- und der Neustadt ist von größter Bedeutung für die Identität und die Anziehungskraft der Stadt. Der Schutz der sensiblen Stadtsilhouette stellt höchste Ansprüche an die Weiterentwicklung der Innenstadt, um diese besondere Stadtlandschaftsfigur für nachfolgende Generationen zu sichern.

Ausbau und Aufwertung innerstädtischer Freiräume sowie ihre Vernetzung untereinander und mit dem gesamtstädtischen Freiraumsystem steigern die Lebensqualität. Ein kleinräumiges Netz hochwertiger Freiräume schafft ein attraktives Wohn- und Arbeitsumfeld und sorgt für ein gesundes Stadtklima in der „Warmeinsel“ Stadt. Anspruchsvoll gestaltet und mit Spiel- und Freizeiteinrichtungen ausgestattet erhöht es die Wohnqualität und ist ein maßgeblicher Standortfaktor. Attraktive Platz- und Straßenräume sowie hochwertige Grünanlagen stehen in einer spannungsreichen Wechselbeziehung zueinander und spiegeln so das einzigartige Wechselspiel der Stadtlandschaftsfigur Dresdens im Kleinen wider.

4. Arbeitsteilung zwischen Stadtzentrum und Quartieren

Die unterschiedlichen Stärken und Begabungen der einzelnen Quartiere ermöglichen eine funktionale Arbeitsteilung zwischen Stadtzentrum und Verflechtungsräumen. Neben dem Wohnen sind wichtige

innerstädtische Nutzungen, wie Theater und Museen, Hotels und Gastronomie qualifizierte Fachgeschäfte, öffentliche Verwaltungen, Niederlassungen von Wirtschafts- und Dienstleistungsunternehmen, von Forschungs- und Entwicklungszentren sowie Bildungseinrichtungen weiter auszubauen.

Im Stadtzentrum versammeln sich die historischen und baukulturellen Schätze der Stadt von höchstem Identifikationswert. Zugleich erheben Promenadenring, Prager Straße, Neustädter Markt Anspruch auf die Verortung zentraler Nutzungen. Gemeinsam mit seinem attraktiven Einzelhandel positioniert sich Dresden als leistungsfähiges Oberzentrum in Sachsen.

Die übrigen gemischt genutzten Quartiere der Innenstadt und der Verflechtungsraume schaffen mit ihrem großen Grünanteil lokale Identifikationsräume für unterschiedliche Anforderungen und Milieus und bewahren mit ihrem hohen Wohnanteil die Balance der Innenstadtnutzungen. Sie bieten Flächenpotenziale für eine zukünftige Nachfrage nach neuen Wohnformen und für die Realisierung vielfältigster Lebensentwürfe mit Freiräumen für Experimente und lokale Ökonomien. Die Aneignung und temporäre Nutzung von Brachen durch Existenzgründer und künstlerische Initiativen kann zu einer neuen Wahrnehmung kritischer Quartiere führen und so mittel- bis langfristig den Boden für rentablere Nutzungen bereiten.

5. Räumliches Konzept – Prinzip gestufter Dichte

Das Ziel einer urbanen Innenstadt in der Tradition der europäischen Stadt kann in Dresden nur über präzise gesetzte Raumkanten und ein hochwertiges Grün- und Freiraumnetz erreicht werden. Das räumliche Konzept des Planungsleitbildes geht davon aus, dass die bauliche Entwicklung der Innenstadt und der Verflechtungsraume auch bei einer Fortsetzung der positiven Trends moderat verlaufen wird. Die bisher geplanten baulichen Dichten werden, vom Stadtzentrum ausgehend über den 26er Ring bis in die Verflechtungsraume hinein, zugunsten einer intensiveren Vernetzung der Freiraume und einer höheren Wohnqualität stufenweise zurückgenommen. Den Bestand respektierend können sich zukünftige Ergänzungen in diesen Bereichen mit geringeren Bauhöhen am kleinteiligen Maßstab des Parzellenstädtebaus orientieren. Das Prinzip der gestuften Dichte und die Konzentration des Flächenbedarfs auf die Innenstadt erscheint als angemessene Reaktion auf die Wachstumserwartungen und die erhöhten Qualitätsansprüche an das Wohnen in der Stadt.

6. Hohe Mobilität in attraktiven Stadträumen

Nach der umfangreichen Ergänzung und Sanierung des Gebäudebestandes in der Vergangenheit ist zwischenzeitlich die Aufwertung und die Ausgestaltung öffentlicher Räume stärker in den Vordergrund gerückt. Attraktive Stadt- und Grünräume schaffen ein angenehmes Erscheinungsbild und fördern die Identifikation der Bürgerinnen und Bürger mit ihrer Stadt. Die Erhöhung der Aufenthaltsqualität von öffentlichen Räumen strahlt auch auf benachbarte Grundstücke aus, die auf diese Weise einen höheren Lagewert erhalten. Dadurch können attraktive öffentliche Räume zur Initialzündung für zukunftsfähige Projekte und Investitionen werden.

Vitale Stadtgesellschaften setzen Mobilität voraus. Die bestmögliche Erreichbarkeit der Dresdener Innenstadt – ihrer Geschäftslagen, Dienstleistungsschwerpunkte, kulturellen Einrichtungen und Wohngebiete – bedarf einer optimalen Arbeitsteilung der Verkehrsmittel. Zu einer zukunftsfähigen Mobilitätskultur gehören die Stärkung des Umweltverbundes und die Reduktion des motorisierten Individualverkehrs. Hohe Mobilität und attraktive Stadträume stellen dabei keine Gegensätze dar. Es bedarf eines kreativen Mobilitätsmanagements, des Ausbaus von Fuß- und Radwegen sowie der temporären Herausnahme des Autoverkehrs aus besonders exponierten Dresdner Stadträumen.

7. Neue Lagewerte und Adressen

Die Positionierung neuer attraktiver Adressen in erstklassigen Lagen zielt auf Investitionen für ergänzende City-Nutzungen und hochwertiges Wohnen ab. Neue Adressen an der Elbe und an hochwertigen Grünflächen unterstreichen die Attraktivität und Standortgunst von Innenstadt und Verflechtungsraumen. Forschung und Entwicklung, zentrale öffentliche wie private Verwaltungen und Dienstleistungen sowie attraktives Wohnen stellen die Nutzungsvielfalt in der Dresdner Innenstadt sicher. Mit der Etablierung neuer Adressen will das Planungsleitbild einen Beitrag zur Anwerbung zukunftsfähiger Unternehmen und Eliten leisten.

8. Prioritäten und Entwicklungsschwerpunkte

Neben der grundsätzlichen Priorisierung der Innen gegenüber der Außenentwicklung formuliert das Planungsleitbild Innenstadt 2008 stadtraumliche Entwicklungsschwerpunkte, damit Ressourcen, Förderprogramme und Maßnahmen gebündelt zur Anwendung kommen können. Mit der Definition von langfristig zu entwickelnden innerstädtischen Entwicklungsachsen, Handlungsräumen mit Priorität sowie impulsgebenden Projekten können die Quartiere der Innenstadt und ihrer Verflechtungsraume ihren individuellen Stärken und Begabungen entsprechend profiliert werden.

Blick vom Neustädter Königsufer

Weiteres Vorgehen

Leitbilder zeigen auf, in welche Richtung sich eine Stadt entwickeln sollte, und bilden den Handlungsrahmen für alle weiteren Fachplanungen und das Handeln der Stadt insgesamt.

Leitbilder lassen die notwendigen Spielräume, um jederzeit neue Erkenntnisse integrieren zu können, und müssen daher in bestimmten Abständen behutsam fortgeschrieben werden.

Das Planungsleitbild ist ein raumbezogenes Strategiekonzept mit gemeinsam formulierten Leitideen, Zielen und Qualitätsvorstellungen. Es zeigt auf, in welche Richtung sich die Innenstadt Dresdens mit seinen Verflechtungsraumen entwickeln soll. Es ist kein Gesetz, sondern ein im Dialog erarbeiteter Wegweiser, der das Wünschenswerte mit dem Machbaren verbindet. Durch die Identifizierung von Nutzungsschwerpunkten und Vernetzungskorridoren und die Zuweisung von Prioritäten bildet es einen Handlungsrahmen für alle weiteren Fachplanungen und das Handeln der Stadt insgesamt, der stetig fortgeschrieben werden muss. Diesen Rahmen gilt es nun zu füllen und mit konkreten, baulich-raumlichen Entwürfen zu untersetzen. Die weitere Qualifizierung der Innenstadt im Sinne der Europäischen Stadt ist eine Aufgabe von erstem Rang.

Barbara Engel

- Lyudmila Antonova – category II technologist-restorer (Irkutsk)
 Vladimir Bazaliisky – archeologist, officer of the Department of Archeology at Irkutsk State University, member of the US National Geographic Society
 Pavel Baklysky – artist, senior lecturer of the Department of Fine Arts at Pacific State University (Khabarovsk)
 Ivan Berdnikov – officer of the research center “Baikalsky Region” at Irkutsk State University
 Natalia Berdnikova – senior researcher of the Department of Archeology, Ethnology and History of Antiquity at Irkutsk State University
 Igor Berzhinsky – photographer, member of the Union of Photoartists of Russia
 Andrei Bolshakov – Doctor of Architecture, Professor at Irkutsk State Technical University, chairman of the architectural section of the Irkutsk regional branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture (ARSPMHC)
 Alexei Buinov – architect, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize (Irkutsk-Moscow)
 Yuri Volchok – Professor at Moscow Architectural Institute
 Galina Vorobyeva – Ph.D. in Biology, Ass. Professor of the Department of Soil Sciences at Irkutsk State University
 Alexei Garaschenko – historian, publisher, editor of “Zemlya Irkutskaya” magazine
 Anna Gelfond – Doctor of Architecture, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), head of the Department of Architectural Engineering at Nizhny Novgorod State Architectural and Civil Engineering University (NNSACEU), chief architect of the architectural studio of NNSACEU
 Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize
 Tatyana Guseva – II category architect-restorer, architect as project manager of the Restoration Studio for Research and Design “Traditsiya” (Irkutsk)
 Elena Dobrynina – historian, director of the Irkutsk Regional Museum of Decembrists
 Natalia Zhukovskaya - II category architect-restorer, director of the restoration school at Irkutsk State Technical University
 Vladimir Kitayev – chairman of the regional council of the Irkutsk regional branch of the All-Russian Society for Protection of Monuments of History and Culture (ARSPMHC)
 Leonid Kogan – Doctor of Architecture, officer of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Moscow)
 Alla Korzun – Ph.D. in Architecture, head of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University
 Sergey Korobov – member of the International Club of Collectors and History-lovers “Faleristics”, chairman of the Irkutsk regional association of collectors, member of the Presidium of the Union of Philatelists of Russia
 Nadezhda Krasnaya – architect, head of the Restoration Studio for Research and Design of “Irkutskgrazhdanproject” open JSC
 Larisa Krylova – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, employee of the architectural bureau-5 of the “Irkutskgrazhdanproject” open JSC
 Victor Kuzevanov – director of the Botanical Gardens of Irkutsk State University, Ph.D. in Biology, member of the East-Asian Botanic Gardens Network international bureau
 Vladimir Lapenkov – collector, honoured worker of culture of Buryatia and Poland, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize 2007
 Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering
 Ekaterina Lipnina – Ph.D. in History, Ass. Professor of the Department of Archeology, Ethnology and History of Antiquity at Irkutsk State University
 Galina Martynyuk – adviser of the Department of Cultural Heritage of the Ministry of Culture of Zabaikalsky Krai (Chita)
 German Medvedev – Doctor of History, Professor, head of the Department of Archeology, Ethnology and History of Antiquity at Irkutsk State University
 Sergey Medvedev – historian, researcher of the Irkutsk historical documental photography, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize
 Mark Meerovich – Ph.D. in Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University
 Alla Mironenko – architect as project manager of the Restoration Studio for Research and Design “Traditsiya” (Irkutsk)
 Valentina Nikitenko – civil engineer (Irkutsk)
 Artem Olshevich – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”
 Elena Opolovnikova – Ph.D. in Architecture, honoured worker of culture of the Russian Federation, member of the bureau and the chairperson of the Committee for Wooden Architecture of the Russian Branch of the ICOMOS (International Council of Monuments and Sites)
 Vladimir Pavlov – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (St. Petersburg)
 Igor Pinaikin – civil engineer, II category engineer-restorer, Ph.D. in Engineering, Ass. Professor of the Department of Structural Design at Irkutsk State Technical University
 Victoria Polutcheva – II category architect-restorer (Irkutsk)
 Natalia Ponomareva – local historian, head of the archives of the Service for Protection of Cultural Heritage of the Irkutsk region
 Svetlana Regame – architect, senior researcher of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, honoured architect of the Russian Federation
 Svetlana Sizykh - Ph.D. in Biology, deputy director of the Botanical Gardens of Irkutsk State University, editor-in-chief of the newspaper “Dvenadtsat Mesyatsev”
 Iosif Skakovsky – member of the Party “Soyuz Pravykh Sil” (the Union of Right Forces) (St. Petersburg)
 Olga Smirnova – architect, editor of the electronic newspaper “NoZhKA” (News of the Life of Krasnoyarsk Architects)
 Elena Tashak – chief state inspector of the East-Siberian Directorate of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Area of the Protection of Cultural Heritage (Rosokhrankultura)
 Irina Teplyakova – architect, Irkutsk
 Vladimir Tikhonov – Ph.D. in Culturology, director of the Architectural and Ethnographic Museum “Taltsy” (Irkutsk)
 Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia
 Eduard Tovmasyan – head of the Department for Town Planning of Territory Development of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, honoured architect of the Russian Federation (Moscow)
 Natalia Torshina – historian, officer of the Restoration Studio for Research and Design of “Irkutskgrazhdanproject” open JSC
 Elena Treskina – II category architect-restorer, architect as project manager of the Restoration Studio for Research and Design “Traditsiya” (Irkutsk)
 Tatyana Chebotareva – architect (Irkutsk-Moscow)
 Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at Irkutsk State Technical University, federal (freelance) expert of the Rosokhrankultura Federal Service, head of the Cultural Heritage Sector of “Irkutskpromstroiproject” open JSC, laureate of the Irkutsk Regional Governor’s Prize 1996, member of the ICOMOS (International Council of Monuments and Sites), member of the Union of Architects of Russia
 Arkady Chesnokov – engineer of “Irkut-Invest” Co LTD

Антонова Людмила Валентиновна – технолог-реставратор II категории (Иркутск)

Базалийский Владимир Иванович – археолог, сотрудник кафедры археологии Иркутского государственного университета, член Национального географического общества США

Баклыский Павел Владимирович – художник, старший преподаватель кафедры изобразительного искусства Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Бердников Иван Михайлович – сотрудник научно-исследовательского центра «Байкальский регион» Иркутского государственного университета

Бердникова Наталья Евгеньевна – старший научный сотрудник кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира Иркутского государственного университета

Бержинский Игорь Юрьевич – фотограф, член Союза фотохудожников России

Большаков Андрей Геннадиевич – доктор архитектуры, профессор Иркутского государственного технического университета, председатель архитектурной секции Иркутского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)

Буйнов Алексей Николаевич – архитектор, лауреат Премии губернатора Иркутской области (Иркутск – Москва)

Волчок Юрий Петрович – профессор Московского архитектурного института

Воробьева Галина Александровна – кандидат биологических наук, доцент кафедры почвоведения Иркутского государственного университета

Гарашенко Алексей Николаевич – историк, издатель, редактор журнала «Земля Иркутская»

Гельфонд Анна Лазаревна – доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, заведующая кафедрой архитектурного проектирования Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ), главный архитектор архитектурной мастерской ННГАСУ

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии РФ

Гусева Татьяна Викторовна – архитектор-реставратор II категории, главный архитектор проектов научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция» (Иркутск)

Добрынина Елена Аркадьевна – историк, директор Иркутского областного музея декабристов

Жуковская Наталья Владимировна – архитектор-реставратор II категории, директор реставрационной школы при Иркутском государственном техническом университете

Китаев Владимир Александрович – председатель областного совета Иркутского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, сотрудник Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Корзун Алла Вадимовна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета

Коробов Сергей Александрович – член Международного клуба коллекционеров и любителей истории «Фалеристика», председатель Иркутского регионального объединения коллекционеров, член президиума Союза филателистов России

Красная Надежда Натановна – архитектор, начальник научно-проектной реставрационной мастерской ОАО «Иркутскгражданпроект»

Крылова Лариса Александровна – студентка архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, сотрудник АПМ-5 ОАО «Иркутскгражданпроект»

Кузеванов Виктор Яковлевич – директор Ботанического сада Иркутского государственного университета, кандидат биологических наук, член международного бюро East-Asian Botanic Gardens Network

Лапенков Владимир Михайлович – коллекционер, заслуженный работник культуры Бурятии и Польши, лауреат Премии губернатора Иркутской области за 2007 год

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Липнина Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира Иркутского государственного университета

Мартынюк Галина Петровна – консультант отдела культурного наследия Министерства культуры Забайкальского края (Чита)

Медведев Герман Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнологии, истории древнего мира Иркутского государственного университета

Медведев Сергей Иванович – историк, исследователь иркутской исторической документальной фотографии, лауреат Премии губернатора Иркутской области

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Мироненко Алла Корнеевна – главный архитектор проектов научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция» (Иркутск)

Никитенко Валентина Павловна – инженер-строитель (Иркутск)

Ольшевич Артем Юрьевич – студент архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России.

Ополонникова Елена Александровна – кандидат архитектуры, заслуженный работник культуры РФ, член бюро и председатель Комитета по деревянному зодчеству Российского отделения ICOMOS (Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест)

Павлов Владимир Азарьевич – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (Санкт-Петербург)

Пинайкин Игорь Петрович – инженер-строитель, инженер-реставратор II категории, кандидат технических наук, доцент кафедры строительных конструкций Иркутского государственного технического университета

Полутчева Виктория Викторовна – архитектор-реставратор II категории (Иркутск)

Пономарева Наталия Сергеевна – краевед, заведующая архивом Службы охраны объектов культурного наследия Иркутской области

Регаэм Светлана Константиновна – архитектор, старший научный сотрудник Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник РААСН, почетный архитектор РФ

Сизых Светлана Витальевна – кандидат биологических наук, заместитель директора Ботанического сада ИГУ, главный редактор газеты «Двенадцать месяцев»

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды» (Красноярск), редактор электронной газеты «НоЖКА» («Новости жизни красноярских архитекторов»)

Скаковский Иосиф Георгиевич – член партии «Союз правых сил» (Санкт-Петербург)

Смирнова Ольга Федоровна – архитектор, редактор электронной газеты «НоЖКА» («Новости жизни красноярских архитекторов»)

Ташак Елена Витальевна – главный государственный инспектор Восточно-Сибирского управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура) (Иркутск)

Теплякова Ирина Анатольевна – архитектор (Иркутск)

Тихонов Владимир Викторович – кандидат культурологии, директор архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Товмасьян Эдуард Ованесович – начальник отдела градостроительного планирования развития территорий Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник РААСН, заслуженный архитектор РФ (Москва)

Торшина Наталья Георгиевна – историк, сотрудник научно-реставрационной мастерской ОАО «Иркутскгражданпроект»

Трескина Елена Михайловна – архитектор-реставратор II категории, главный архитектор проектов Научно-проектной реставрационной мастерской «Традиция» (Иркутск)

Чеботарева Татьяна Юрьевна – архитектор (Иркутск – Москва)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, федеральный (внештатный) эксперт Федеральной службы Росохранкультуры, руководитель сектора культурного наследия ОАО «Иркутскпромстройпроект», лауреат Премии губернатора Иркутской области за 1996 год, член ICOMOS (Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест), член Союза архитекторов России

Чесноков Аркадий Сергеевич – инженер ООО «Предприятие Иркут-Инвест»

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ